

XX *военные
тайны
века*

В.А. Анфилов, Ф.И. Голиков

ЗАГАДКА 1941 ГОДА

О войне под разными ракурсами

Москва
«Вече»
2005

ББК 63.3(2)622.11
А 73

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, д. 24.
Издательство «Вече».

Телефоны: (095) 188-88-02, 188-16-50,
182-40-74, 182-60-47

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>,
www.100top.ru

Филиал в Нижнем Новгороде
«Вече—НН»
тел.: (8312) 64-93-67, 64-97-18

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига—Сибирь»
тел.: (3832) 10-18-70

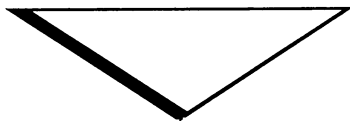
Филиал в Казани
ООО «Вече—Казань»
тел.: (8432) 71-33-07

Филиал в Киеве
ООО «Вече—Украина»
тел. (044) 537-29-20

ISBN 5-9533-0287-8

© Анфилов В.А, Голиков Ф.И., 2005.
© Рубцов Ю.В., составление, предисловие, 2005
© ООО «Издательский дом «Вече», 2005.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

СЛОВО ОБ ИДЕЕ КНИГИ И ЕЕ АВТОРАХ

У этой книги — два автора. Строго говоря, под одной обложкой соединились самостоятельные труды двух авторов. К глубокому сожалению, их обоих — Маршала Советского Союза Ф.И. Голикова и доктора исторических наук, профессора В.А. Анфилова — уже нет в живых: Филипп Иванович скончался в 1980 г., Виктор Александрович ушел из жизни в 2002 г.

Следует сразу сказать: при жизни авторов книга в таком составе, в таком виде просто не могла появиться в свет по той простой причине, что исследование, предпринятое В.А. Анфиловым, в основном шло в те годы, когда Ф.И. Голикова уже не было в живых. Но это вовсе не значит, что уважаемые соавторы, чьи имена ныне сошлись на титульном листе, были бы против, знай они о задумке их наследников и издательства. Пожалуй, и им бы показалась интересной мысль посмотреть на начало Великой Отечественной войны, активными участниками которой они были оба, под разными ракурсами, соединить взгляды на одну проблему из двух эпох. Именно эпох — здесь нет преувеличения, ибо в том двадцатилетии, в которое уложилась подготовка обоих трудов, серединым рубежом стал распад Советского Союза.

Какими они были — маршал и ученый-историк, оставившие бесценные свидетельства о войне, которая и сегодня воспринимается как величайшее испытание для нашего Отечества?

1

Жизненный путь Маршала Советского Союза Ф.И. Голикова отмечен многими неожиданными поворотами. Ровесник века, он в 18 лет вступил в Красную Армию и всю Гражданскую войну прошел военным комиссаром дивизии. В начале 30-х годов, когда политическое руководство страны взяло курс на утверждение в Вооруженных Силах единоначалия, Голиков, как и многие другие политработники, например будущий Маршал Советского Союза И.С. Конев, стал строевым командиром. Он ко-

мандовал стрелковым полком, дивизией, механизированным корпусом, армейской группой, 6-й армией Киевского особого военного округа.

В июле 1940 г. последовало неожиданное назначение на пост заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии — начальника Разведывательного управления. Именно в этом качестве он известен широко читателю, в первую очередь по мемуарам Г.К. Жукова.

Отметим, что маршал Жуков предъявлял серьезные претензии к его деятельности в качестве главного военного разведчика¹. Однако тот факт, что И.В. Сталин, несмотря на катастрофическое начало войны, и после 22 июня 1941 г. сохранил Филиппа Ивановича в прежней должности, дает основание считать, что Верховный Главнокомандующий не разделял критических оценок Жукова.

В должности начальника РУ Генштаба РККА генерал Голиков находился до ноября 1941 г. В дни Московской битвы он — командующий 10-й армией Западного фронта и 4-й Ударной армией Калининского фронта. До конца своих дней Филипп Иванович, как одним из своих главных ратных свершений, гордился тем, что войска 10-й армии одними из первых в контрнаступлении под Москвой освободили крупный населенный пункт. Это был город Михайлов Рязанской области, жители которого приняли будущего маршала в почетные граждане.

И в дальнейшем войска генерала Голикова воевали на важных направлениях. С апреля 1942 г. он — командующий Брянским и Воронежским фронтами, 1-й гвардейской армией Сталинградского фронта, затем — заместитель командующего Сталинградским и Северо-Западным фронтами. Как и у многих других полководцев, были в судьбе Филиппа Ивановича в тот период победы, случались и серьезные неудачи.

В октябре 1942 г., накануне Сталинградской наступательной операции Верховный Главнокомандующий вновь возвращает Филиппа Ивановича на должность командующего войсками Воронежского фронта.

Фронт сыграл основную роль в осуществлении к 3 марта 1943 г. Воронежско-Харьковской стратегической наступательной операции. По размаху и достигнутым результатам это была одна из крупнейших операций в годы войны. Всего за 50 суток наши войска продвинулись на глубину 360—520 км, освободили от оккупантов значительную территорию и ряд крупных городов — Воронеж, Курск, Белгород и Харьков. Было разгромлено 26 вражеских дивизий.

Однако вслед за тем Ф.И. Голикова ждал серьезный провал. Генерал, развивая наступление, переоценил возможности вверенных ему войск.

---

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Изд. 10. Доп. по рукописи автора. Т. 1. М., 1990. С. 364.

С другой стороны, разведка фронта просмотрела сосредоточение значительных танковых сил немцев, которые нанесли сильный контрудар по ослабленным войскам Воронежского фронта.

По собственному признанию Филиппа Ивановича, «ошибка в оценке противника заключалась в том, что мы рассматривали массовое движение моторизованных сил противника на Полтаву как его отход. Между тем противник отводил главные силы своего танкового корпуса СС в район Полтавы для того, чтобы начать отсюда свой контрудар»¹. В результате советские войска вынуждены были не только оставить Харьков, а затем Белгород, но и с большими потерями отойти назад на 100—150 км.

22 марта Голиков приказом Сталина был отстранен от командования войсками Воронежского фронта и направлен в распоряжение Ставки ВГК. В Москве он получил должность заместителя наркома обороны по кадрам. Но даже столь высокое назначение не избавило его от ощущения несправедливости — а именно так генерал воспринимал снятие с должности командующего.

В феврале 1944 г. Филипп Иванович обратился к Сталину с письмом, в котором прозвучала настойчивая просьба о направлении его на фронтową командную работу. «Стремление на фронт у меня неистребимо», «для меня это призвание», — писал он Верховному Главнокомандующему. Свое отстранение от должности комфронтом Голиков отчасти связывал с предвзятым отношением к нему представителя Ставки ВГК маршала Жукова. «Я не хочу и не могу выйти из Отечественной войны на положении снятого с фронта командира», — писал он, заверяя, что его потенциал как общевойскового командира не исчерпан, а «способность по-серьезному бить немцев мною доказана на деле»². К слову, представители Ставки Г.К. Жуков и А.М. Василевский, командированные в марте 1943 г. на Воронежский фронт, на самом деле рекомендовали не снять Ф.И. Голикова, а переместить его на должность командующего вновь создаваемым Орловским фронтом³. Но Верховный, раздраженный крупной неудачей, как видим, принял иное решение.

Не отреагировал Сталин и на страстную просьбу Голикова о направлении его вновь на фронтową работу, так что Филипп Иванович до конца войны и после нее трудился только в центральном аппарате — заместителем наркома обороны по кадрам, начальником Главного управления кадров Министерства обороны СССР, руководил Военной академией бро-

---

¹ Цит. по: Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 1—4. М., 1998—1999. Кн. 2. С. 189.

² Исторический архив. 2000. № 2. С. 6, 7, 12.

³ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1985. С. 159.

нетанковых войск. С января 1958 г. по май 1962 г. он возглавлял Главное политическое управление СА и ВМФ. Воинское звание Маршал Советского Союза ему было присвоено 8 мая 1961 г. С июня 1962 г. и до дня своей кончины в июле 1980 г. Филипп Иванович состоял в группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР¹.

В этот период он смог обратиться к литературному труду, поработать в военных архивах, изложить пережитое на бумаге. В первую очередь ему захотелось рассказать о коротком, но очень насыщенном отрезке биографии, относящемся к лету—осени 1941 г. Тогда, продолжая руководить Разведуправлением, Голиков по прямому поручению Сталина возглавил военную миссию, направленную в Британию и США для налаживания первых союзнических контактов. Миссия решала вопросы, связанные, прежде всего, с организацией поставок в СССР по ленд-лизу вооружения и военных материалов, а также с открытием второго фронта.

Возникает закономерный вопрос: как получилось, что именно Голикову было доверено решать столь важную военно-дипломатическую задачу? Ведь, по его собственному признанию, полученное задание не соответствовало всему его жизненному опыту. Он, занимавший пост заместителя начальника Генерального штаба, начальника Разведывательного управления, никогда не был за границей, не говорил на иностранных языках. О мотивах решения Сталина можно лишь догадываться, но не исключено, что именно опыт Голикова как руководителя военной разведки и сыграл здесь главную роль, ответственное назначение состоялось.

О перипетиях своей военно-дипломатической работы маршал рассказал в небольшой книге «С военной миссией в Великобританию и США». Было это еще в конце 60-х годов, но рукопись так и осталась в ящике рабочего стола автора. В свое время кому-то в идеологических инстанциях, вероятно, показалось, что фрагментов, опубликованных в 1969 г. в журнале «Новая и новейшая история», вполне достаточно². А как прикажете судить? Смешно ведь думать, будто воспоминания маршала, бывшего непосредственным участником важнейших событий, не представляли общественный интерес.

Мемуары Филиппа Ивановича, как представляется, стали невольной жертвой большой политики. В начале 70-х годов советский лидер Л.И. Брежнев энергично налаживал личные контакты с президентом

---

¹ Кто был кто в Великой Отечественной войне 1941—1945. Люди. События. Факты. Справочник. Под ред. О.А. Ржешевского. 2-е изд. М., 2000. С. 71; Маршалы Советского Союза. Личные дела рассказывают. М., 1996. С. 29—30.

² Голиков Ф.И. Советская военная миссия в Англии и США в 1941 году.// Новая и новейшая история, 1969, № 3—4.

США Р. Никсоном, утверждал политику «разрядки» международной напряженности. Были подписаны важнейшие соглашения по сокращению ядерных вооружений. На этом фоне мемуары известного военачальника, повествующего о далеко не безоблачных страницах в истории двух стран, наверняка были расценены как неуместные, несвоевременные. Не помогли ни маршальское звание автора, ни его членство в ЦК КПСС.

Правда, на излете советской истории в 1987 г. (то есть уже после смерти Ф.И. Голикова) книга увидела свет в издательстве «Прогресс», но лишь на английском и испанском языках. Однако, как справедливо говорит русская поговорка, нет худа без добра. В том, что книга встретилась с отечественным читателем только сегодня, есть свой большой плюс. Хотя в последние годы в оборот вводится масса новых архивных документов по истории Великой Отечественной войны, среди них большая редкость — документы личного происхождения: дневники, записки, письма непосредственных ее участников из числа крупных военных руководителей. В первую очередь это относится к 1941 г., когда военачальникам было, мягко говоря, не до фиксирования событий, у истоков которых они стояли, свидетелями и руководителями которых были. К тому же И.В. Сталин не приветствовал не то что мемуары, а даже газетные выступления полководцев с обобщением боевого опыта. Известен факт, когда он резко одернул за «сочинительство» Г.К. Жукова, намеревавшегося по просьбе редакции «Красной звезды» подготовить статью о значении активной обороны в первые недели войны.

Что уж говорить о записях личного характера! Далеко не каждый военачальник решился на мемуары и после 1945 г. В результате многие творцы побед Красной Армии так и ушли, не оставив свидетельств о войне, а они были бы бесценны.

Публикация книги Ф.И. Голикова тем более важна, что о миссии Филиппа Ивановича и его подчиненных ничего сколько-нибудь подробного и научно состоятельного в литературе нет. В 80-е годы о ней кратко написал бывший переводчик Сталина, историк и писатель В.М. Бережков, при этом в основном воспроизводя фрагменты журнальной публикации воспоминаний маршала¹.

Из современных работ миссия упоминается в монографии «Союзники в войне. 1941—1945», подготовленной совместно российскими, американскими и британскими историками и освещающей опыт сотрудничества в рамках Большого союза. Она содержит высокую оценку советского механизма координации усилий стран-союзниц через военных дипломатов. Характерно признание, которое делается в соответствующем

---

¹ *Бережков В.М.* Страницы дипломатической истории. М., 1982. С. 97.

разделе труда, написанном под руководством профессора истории Канзасского университета Т. Уилсона: только СССР в продолжение всей войны осуществлял свои коалиционные дела главным образом через военные миссии, дополнявшиеся закупочными службами в Лондоне и Вашингтоне. Британские и американские же должностные лица «были вынуждены признать, что усилия по претворению в жизнь их различных вариантов «военных миссий как контрольных механизмов» не увенчались успехом»¹.

Из работ мемуарного характера отметим книгу адмирала Н.М. Харламова, заместителя главы советской военной миссии в Лондоне, затем исполняющего обязанности главы, а с 1943 г. ее полноправного руководителя. Его книга дополняет картину, нарисованную Ф.И. Голиковым².

Напомним некоторые обстоятельства складывания антигитлеровской коалиции, которые помогут читателю глубже понять написанное маршалом. Лидеры Великобритании и США высказались за всемерную поддержку и помощь России в первые же дни после нападения фашистской Германии на СССР: У. Черчилль — 22 июня, Ф. Рузвельт — 24 июня. Однако характер помощи, масштабы, сроки ее оказания оказались за рамками деклараций британского премьера и американского президента. Более того, вопрос о заключении союза с советской стороной некоторое время даже не ставился.

Советский Союз, со своей стороны, высказался за создание единого фронта народов для противодействия Гитлеру. Об этом недвусмысленно, со ссылкой на выступление британского премьера и декларацию правительства США 3 июля 1941 г., заявил в своем обращении к советскому народу И.В. Сталин. Наша страна приняла на себя основной удар германской военной машины и была вправе рассчитывать на быструю и эффективную западную помощь как путем открытия второго фронта против Германии в Европе, так и в виде поставок оружия и стратегических материалов.

На первый взгляд, стороны были настроены на то, чтобы оперативно сдвинуть вопрос с мертвой точки. 12 июля 1941 г. британский посол в Москве Ст. Криппс и нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов поставили подписи под советско-английским соглашением о совместных действиях в войне против Германии. О значении, которое придавалось соглашению в Кремле, говорит факт участия в церемонии подписания главы Советского правительства И.В. Сталина, заместителя наркома обороны СССР маршала Б.М. Шапошникова, наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова.

---

¹ Союзники в войне. 1941—1945. М., 1995. С. 115—116.

² Харламов Н.М. Трудная миссия. М., 1983.

Наводили мосты с СССР и американцы. В конце июля Москву посетил личный представитель президента США Г. Гопкинс (Ф.И. Голиков зафиксировал в книге подробности встречи с ним в Вашингтоне), который провел плодотворные переговоры с И.В. Сталиным, получив при этом из первых рук детальную информацию о положении на советско-германском фронте и решимости Красной Армии продолжать бескомпромиссную борьбу.

Однако жизнь показала, насколько сложно было преодолеть дистанцию, разделявшую декларации и практические дела: сказывались скептические прогнозы военных и дипломатов обеих западных стран относительно способности СССР к сколько-нибудь длительному сопротивлению, традиционный антисоветизм значительной части британского истеблишмента и сила изоляционистских кругов, а то и откровенных пронацистских лоббистов в США. То, что для СССР было вопросом жизни и смерти, для западных демократий представляло собой лишь новый вариант стратегической обстановки, которая явно изменилась для них самих к лучшему, поскольку фашистская агрессия устремилась на Восток.

Западные союзники ссылались на географическую отдаленность СССР, ненадежность транспортных коммуникаций, недостаточные возможности собственных экономик, другие отрицательные факторы. Тем не менее проволочки, с которыми столкнулась советская сторона в предоставлении ей эффективной помощи, объяснялись все-таки иными причинами. Так, британская военная миссия генерал-лейтенанта Н. Месон-Макфарлана, хотя и оперативно — уже 27 июня 1941 г. — прибыла в Москву, была по существу отстранена Лондоном от участия в оценке потребностей СССР в западной помощи. Американская миссия была аккредитована и вовсе лишь в ноябре 1943 г. А тем временем Военное министерство США, имея советскую миссию, что называется, под боком, в Вашингтоне, предпочитало получать информацию о положении в СССР и на советско-германском фронте от военного атташе в Москве и британских разведслужб, поскольку разделяло широко распространенное мнение, что Красная Армия неминуемо потерпит поражение буквально через несколько месяцев.

Обстановка на советско-германском фронте в самом деле складывалась очень напряженная. Отход наших войск, несмотря на ряд контрударов, продолжался. К сентябрю 1941 г. противнику удалось продвинуться в глубь советской территории на северо-западном направлении на 150—250, а на юго-западном — почти на 500 км. Фашистские войска блокировали с суши Ленинград, оккупировали Карело-Финскую и прибалтийские республики, Белоруссию, огромную часть Украины, Молдавию, часть западных областей РСФСР.

Острейшая ситуация на фронте, огромные жертвы, которые несла Красная Армия (по неполным данным, уже в первый месяц войны безвозвратные потери составили около 1 млн человек, из них 700 тыс. пленными¹), стали важнейшим мотивом направления советской военной миссии сначала на Британские острова, а затем и в США.

В состав делегации, помимо генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова и его заместителя контр-адмирала Н.М. Харламова, входили офицеры Наркомата обороны, Разведуправления Генштаба, сотрудники военного атташата в Лондоне и Вашингтоне, специалисты в области конструирования и производства вооружения.

Накануне командировки в Великобританию, а затем перед поездкой в конце июля 1941 г. в США Ф.И. Голикова относительно задач и характера миссии дважды подробно инструктировал И.В. Сталин. Кроме того, глава миссии встречался с некоторыми наркомками — В.М. Молотовым, С.К. Тимошенко, А.И. Микояном.

В Великобритании миссия занималась решением двух основных проблем: организацией поставок в СССР вооружения и стратегических материалов и согласованием вопроса об открытии второго фронта. Исходя из первоочередных потребностей, в первую очередь запрашивались зенитные и противотанковые орудия, пулеметы, винтовки. Партнерам по переговорам было сообщено также об острой потребности Красной Армии в самолетах, особенно бомбардировщиках, авиационных бомбах, броне, горючем и других стратегических материалах.

Чтобы на практике открыть совместные боевые действия против Германии, наша страна предлагала союзникам последовательно осуществить три акции: 1) высадить значительный десант британских войск на севере Франции (данная операция рассматривалась как «особенно важная», и Москва рассчитывала на ее осуществление в кратчайшие сроки: «если не сейчас, то хотя бы через месяц»); 2) создать общий фронт на севере Европы, что было необходимо для обеспечения морских коммуникаций между СССР и его союзниками; 3) развязать боевые действия английских войск на Балканах (по срокам и важности эта акция уступала двум первым). Кроме того, советские военные дипломаты настаивали на значительном усилении бомбардировок германской территории британскими ВВС.

Из Москвы миссия была поддержана на самом высоком уровне. 18 июля 1941 г. И.В. Сталин обратился к У. Черчиллю с посланием, где подчеркивал значение фронта, который союзники могли бы открыть против Германии на севере Франции и предложение о котором вез в Лондон Ф.И. Голиков.

---

² Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941—1945. Факты и документы. М., 2001. С. 55.

Несмотря на новизну и сложность задач, неблагоприятный событийный фон на фронте, непонимание, а то и откровенный саботаж со стороны ряда должностных лиц в Британии и США, Голикову и его подчиненным удалось сделать немало, в первую очередь по организации транспортировки в СССР вооружения.

Миссия поработала и на перспективу, способствовала поступательному движению в сотрудничестве между союзниками. 16 августа 1941 г. было подписано советско-английское соглашение о товарообороте, кредите и клиринге, предусматривавшее предоставление Советскому Союзу кредита в сумме 10 млн ф. ст. Следующий шаг вперед был сделан на Московской конференции трех держав (29 сентября — 1 октября 1941 г.), где были приняты новые конкретные решения (к слову, ее участником в составе советской делегации был и генерал Голиков). США из средств, ассигнованных на ленд-лиз, предоставили Советскому Союзу беспроцентный заем на сумму 1 млрд долларов, а в феврале 1942 г. — еще один такой же кредит. 31 августа 1941 г. в Архангельск с Британских островов прибыл первый конвой с военными грузами. И хотя к Московской битве, во многом определившей ход войны, поставки союзников еще не могли заметно усилить Красную Армию, их политическое значение было очевидным.

Об обстоятельствах этого трудного пути и повествует маршал Голиков в книге, с которой предстоит познакомиться читателям. Филипп Иванович вспоминал, что решение написать ее пришло к нему, когда спустя много лет после войны он перечитал свои краткие записи лета—осени 1941 г. Карманного формата записная книжка из 75 листков, заполненных убористым почерком, сегодня хранится в домашнем архиве дочери маршала Н.Ф. Голиковой-Семенцовой. В ней последовательно, хотя и предельно лаконично, начиная с 6 июля 1941 г. — дня вылета в Англию, отражены основные события тех нескольких месяцев, когда генерал-лейтенант Голиков стоял во главе миссии.

«Трудно сказать, почему отец решил вести этот дневник: в период войны, если не ошибаюсь, было запрещено делать такого рода записи, — размышляет Нина Филипповна. — Вряд ли в то тяжелейшее время он думал о будущих мемуарах, для которых записная книжка могла бы стать своеобразным конспектом. Сомнительно также, что эти записи нужны были для отчета перед руководством: в них очень много субъективного, сугубо личного... На многое эти записи явно не претендовали, но наверняка были для отца необходимым подспорьем в повседневной многотрудной деятельности за рубежом»¹.

---

¹ Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 82.

Дневник велся, что называется, на ходу. Тем не менее даже краткие записи ярко передают сложную атмосферу лета 1941 г., те неизмеримо трудные условия, в которых начинала работать миссия. Нелишне добавить, что недавно записная книжка маршала Голикова была опубликована в журнале Российской академии наук «Новая и новейшая история» (2004, № 2).

Что касается книги, то есть смысл предварить ее некоторыми замечаниями. В отличие от записей личного характера, в рукописи видны следы редакционной обработки, продиктованной не только требованиями литературного языка, но и идеологическими установками того времени. С этой точки зрения новая информация, оценки, характеристики отдельных британских и американских деятелей, содержащиеся в блокнотных записях, способны в определенной степени дополнить воспоминания маршала, добавить важные штрихи к изобиловавшему большими сложностями процессу формирования антигитлеровской коалиции. Подстрочные замечания автора настоящего предисловия и научного редактора книги, думается, позволят хоть в небольшой степени передать читателю «непричесанные» мысли и чувства маршала, свежесть его первого впечатления.

Читатель, конечно, увидит, что мемуары несут на себе отпечаток эпохи. Их автор явно отказывался понимать, что у США и Великобритании были собственные интересы, в чем-то совпадавшие с интересами Советской страны, а в чем-то нет. Именно это обстоятельство, а не столько антисоветизм, являлось главной причиной затяжки с предоставлением Советскому Союзу помощи. С позицией Ф.И. Голикова можно не соглашаться, но ведь так думал не он один, и его мемуары достоверно иллюстрируют взгляды, которыми руководствовались советские люди, не исключая высших руководителей.

Тем более сегодня ни у кого нет морального права вмешиваться в рукопись, подправлять ее в угоду современным взглядам. То, что в наши дни можно считать предрассудком, проявлением определенной узости мышления, тогда было убеждением военного поколения. Здесь видятся очень важные штрихи к портрету времени, к которым, как говорил поэт, ни убавить, ни прибавить.

2

Достоинный жизненный путь и у другого соавтора этой книги — Виктора Александровича Анфилова, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, действительно члена Академии военных наук, активного участника Великой Отече-

ственной войны. Его последнее воинское звание — полковник, но в исторической науке он стал, если можно так выразиться, многозвездным генералом.

Выбор его, крестьянского сына, жизненного пути predetermined предгрозовая обстановка ожидания войны. По совету родственника, профессионального военного, В.А. Анфилов в 1938 г. поступил в Военно-инженерную академию им. В.В. Куйбышева. В июне 1941 г. он проходил практику на строительстве аэродрома в Киевском особом военном округе. На рассвете 22 июня личный состав авиационной части, к которой был прикомандирован молодой слушатель академии, был поднят на ноги вражескими бомбами. Воевал Виктор Александрович «от звонка до звонка», встретив победу под Веной. Дважды был ранен, награжден несколькими орденами и медалями.

С отличием и золотой медалью окончив еще и военно-исторический факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе, он долго преподавал в военных академиях — им. М.В. Фрунзе и Генерального штаба, служил в научных структурах Генштаба. Виктор Александрович быстро определился с кругом своих исторических интересов, став подлинным летописцем лишь недавно завершившейся войны.

В 1962 г. он издал свою первую монографию «Начало Великой Отечественной войны». Несмотря на относительно небольшой объем, это был этапный труд, по существу первое в отечественной историографии строго научное исследование начального периода войны. В нем, в отличие от работ историков сталинского периода, о первых днях Великой Отечественной говорилось смело и откровенно, не скрывались ни трудности, ни поражения, а героизм советских воинов не лакировался пропагандистским глянцем. Это был отклик на потребность общества, взбодренного оттепелью, в правдивом освещении недавнего прошлого страны.

Прямым доказательством сказанного может, как мне кажется, служить надпись, сделанная 19 марта 1964 г. на журнальной публикации романа «Солдатами не рождаются» писателем К.М. Симоновым:

«Виктору Александровичу Анфилову на память, с благодарностью.

Через несколько месяцев пришло Вам и вторую книгу, одно из самых важных для меня мест которой не могло бы быть написано, не прочти я Вашего интереснейшего исследования о начальном периоде Великой Отечественной войны. Уважающий Вас Константин Симонов».

Став позднее старшим преподавателем кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба, В.А. Анфилов в творческих коллективах, возглавлявшихся Маршалами Советского Союза Р.Я. Малиновским, С.С. Бирюзовым, М.В. Захаровым, участвовал в разработке крупных военно-исторических трудов «Яско-Кишиневские

Канны», «Будапешт — Вена — Прага», «Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы». Одновременно он продолжал исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны. Верный своему творческому кредо, ученый шел непроторенными путями, подняв в центральных и местных архивах огромный пласт ранее неизвестных документов и материалов. Итогом многолетней напряженной работы стал крупный, в 35 печатных листов труд «Бессмертный подвиг».

Ученый писал о свершенном армией и народом, но это был и его личный подвиг. Ведь первый набор книги по указанию Комитета партийного контроля при ЦК КПСС в издательстве был просто рассыпан — так директивные органы отреагировали на смелое выступление Виктора Александровича в защиту исторической правды о войне в ходе обсуждения книги А.М. Некрича «1941, 22 июня», состоявшегося в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в феврале 1966 г.¹ Перспективный военный ученый, талантливый педагог после этого пришлось, что называется, не ко двору: он получил строгое партвызыскание и через некоторое время был досрочно уволен в запас.

Отрешение от высокой должности не стало для него утратой любимого дела. Свой второй дом он, начиная с 1970 г., обрел в Московском государственном институте международных отношений МИД РФ. Его, без пяти минут доктора наук, не смутил тот факт, что пришлось начать со скромной должности заведующего вечерними подготовительными курсами. Потом все встало на свои места: В.А. Анфилов 30 лет проработал деканом факультета международной журналистики, заведующим кафедрой истории СССР, профессором-консультантом, здесь был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Работая в МГИМО, Виктор Александрович настойчиво занимался реализацией обширных научных замыслов. В 1971 г. ему удалось-таки выпустить монографию «Бессмертный подвиг» в свет и успешно защитить ее в качестве докторской диссертации. В 1974 г. на базе предыдущей монографии он подготовил книгу «Провал «блицкрига», которая была также издана в Чехословакии и Польше.

Ранее наша историография не знала труда, в котором первый этап Великой Отечественной войны рассматривался бы в таком широком диапазоне — от приграничных сражений в Прибалтике, Белоруссии и на Украине до окончательного провала гитлеровского «блицкрига» в битве под Москвой. Научному анализу было подвергнуто руководство операциями со стороны Ставки ВГК, командования войсками фронтов и армий,

---

¹ Некрич А.М. 1941, 22 июня. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1995. С. 287—288.

рассмотрен ход боевых действий на уровне многих соединений и частей. Все это позволило автору передать всю сложность и многообразие первых месяцев войны, масштабы вооруженной борьбы, крайнюю ее напряженность и драматизм. Был сформулирован принципиальный для военно-исторической науки вывод о том, что в ходе Московской битвы закладывался грядущий коренной перелом в войне.

В своей следующей книге «Незабываемый сорок первый», выдержавшей два издания в 1982 г. и 1989 г., Виктор Александрович предстал одновременно и как строгий скрупулезный исследователь, и как страстный публицист, мемуарист, участник событий, о которых он взялся поведать читателю.

Новый этап научного творчества ученого наступил, как и у многих его коллег, во второй половине 80-х годов и был связан с ослаблением, а затем и окончательной ликвидацией политической цензуры. В трудах «Крушение похода Гитлера на Москву. 1941» (издан в 1989 г.) и особенно — «Дорога к трагедии сорок первого года» (1997 г.) Виктор Александрович в полной мере проявил достоинства глубокого исследователя, тонкого знатока военно-политических и военно-стратегических реалий прошлого, честного и принципиального человека, чуждого каким бы то ни было конъюнктурным соображениям.

Не случайно одним из основных дел последнего десятилетия стало для Виктора Александровича формирование исторического здравомыслия соотечественников. Его материалы, частенько публиковавшиеся в печати, не могли оставить читателей равнодушными, настолько были насыщены фактами и свежи по мысли. Сколько нового, в хорошем смысле сенсационного о Великой Отечественной поведал этот умудренный фронтовым и жизненным опытом ученый!

В то же время с особой страстью бросался Анфилов в защиту правды о войне и победителях, остро разил конъюнктурщиков, лжецов и фальсификаторов истории Великой Отечественной. Пройденный им ратный и жизненный путь давал ему на это право, делал его аргументы и суждения по-особому весомыми и убедительными.

Как всякому творческому человеку, В.А. Анфилову подчас становилось тесно в рамках некогда избранной колеи. Отходя от чисто военных сюжетов, он размышлял над судьбами Отечества, проблемой преемственности поколений, национальной идеей. Его волновало, даже сердило неумение, а подчас и нежелание властей предрержащих учиться у Истории. Есть что-то символическое в том, что последней, уже посмертной публикацией стала статья Виктора Александровича «...Держится на силе нравственной», в которой он, «советуясь» с великими предшественниками — М.В. Ломоносовым, Н.М. Карамзиным, С.М. Соловьевым, В.О. Ключев-

ским, попытался сформулировать те исторические уроки, которые необходимо извлечь соотечественникам, дабы на рубеже двух тысячелетий определить, куда и как кораблю российской государственности плыть дальше¹.

Годы, казалось, были над ним не властны. Сухощавая фигура, поистине юношеская порывистость движений, громкий, хорошо поставленный голос опытного лектора, благородные манеры сразу привлекали к нему всеобщее внимание в любой аудитории, происходило ли это на кафедре перед студенческой группой или на заседании ученого совета МГИМО, в Ассоциации историков Второй мировой войны или в телестудии.

Несмотря на возраст (а Виктор Александрович родился в 1919 г.), ученый трудился по-прежнему напряженно, не изменяя и любимой теме в науке. При этом постоянно раздвигал и хронологические, и проблемные рамки своих изысканий. Он, вместе со своим поколением переживший десятилетия запретов и умолчаний, культов и культиков, дождался-таки времени, когда появилась возможность в полный голос, без оглядки на идеологических цензоров и «бдительных» редакторов, сказать и обо всех сложностях строительства Красной Армии в 20—30 годы, и о трагедии поражений в начальный период войны, и о триумфе в дни Московской битвы. На протяжении десятилетий напряженного поиска в архивах он формировал комплекс документов и материалов, необходимых для раскрытия темы, встречался с видными военачальниками, остро полемизировал с коллегами. Рукопись новой книги с правкой (к сожалению, не законченной) осталась на рабочем столе Виктора Александровича, когда зимой 2002 г. его увезли в госпиталь...

Поверь, читатель, она достойна встречи с тобой, несмотря на то что и не приобрела тот совершенный вид, к которому стремился автор. Хочется надеяться, что хотя бы частично это удалось компенсировать комментариями и подстрочными замечаниями.

Кто знал Виктора Александровича лично, не даст солгать — это был человек редкой душевной красоты. Кто бы ни обратился к нему за помощью, Анфилов готов был в нем буквально раствориться. Мне, как и десяткам коллег, посчастливилось многократно встречаться с ним, слушать его, консультироваться, обмениваться мнениями. Каждое общение с этим большим ученым запоминалось как урок научной взискательности, сочетаемой с огромной благожелательностью и активной действенной поддержкой. Он был замечательным рассказчиком. А уж по части хлебосолизма супругам Анфиловым — Раисе Петровне и Виктору Александровичу — лично я равных не знаю.

---

¹ Военно-исторический журнал. 2001. № 12.

Имена соавторов «встречаются» ныне на обложке книги. Но маршал и историк встречались и в жизни. И как раз по поводу освещения основной проблемы, которая дала жизнь книге — предвоенного и начального этапов Великой Отечественной войны. Об обстоятельствах этой встречи, состоявшейся в середине 60-х годов, мне несколько раз довелось слышать от В.А. Анфилова. В 1995 г. со страниц «Военно-исторического журнала» он рассказал о ней и широкому читателю, а впервые упомянул еще в 1967 г. при обсуждении книги А.М. Некрича.

Учитывая большую разницу в служебном положении, полковнику было нелегко попасть на прием к маршалу, да и не хотелось ему личную проблему, связанную с подготовкой докторской диссертации, решать в официальной обстановке. Зная, что Ф.И. Голиков время от времени бывает в Центральном архиве Министерства обороны СССР, В.А. Анфилов воспользовался возможностью пообщаться с маршалом неформально. Филипп Иванович охотно откликнулся на просьбу ученого прояснить ситуацию с докладной запиской, которую 20 марта 1941 г. начальник Разведуправления направил на имя И.В. Сталина. В ней содержались, как показали события, достоверные сведения о планах гитлеровской Германии, правда, вывод Ф.И. Голикова дезавуировал их, поскольку звучал буквально так: «1. ...Считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки»¹.

Вот это положение документа историк и попросил маршала прокомментировать. «По словам Голикова, — писал В.А. Анфилов, — он лично был не очень уверен в правильности своих выводов относительно того, что Гитлер не рискнет начать войну против СССР, не покончив с Англией. Но, так как они соответствовали точке зрения Сталина, доложить сомнения побоялся...»².

Маршал был откровенен. Понимая, что его слова звучат не выигрышно, тем не менее не стал убеждать, что он, мол, всеми силами пытался настроить Сталина. Это выглядело бы попыткой свалить всю ответ-

¹ 1941 год. В 2-х кн. М., 1998. Кн. 1. С. 780.

² *Анфилов В.А.* «...Разговор закончился угрозой Сталина». Десять неизвестных бесед с маршалом Г.К. Жуковым в мае — июне 1965 г. // Военно-исторический журнал. 1995. № 3. С. 40.

ственность на вождя, а Филипп Иванович явно не хотел создавать такое впечатление. И историк, как представляется, понял собеседника, ибо и он не был склонен к упрощению той исключительно сложной и противоречивой обстановки, которая царил в советских руководящих верхах в канун войны.

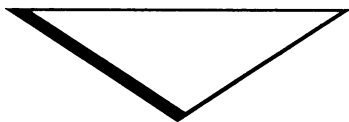
Обе книги завершаются рассказом о Московской битве. Это — глубоко мотивированный шаг авторов. Они, безусловно, понимали, что поставить точку, не дав картину первой стратегической победы советского оружия, значит оставить читателя в неведении, во имя чего народом и армией принесены неисчислимые жертвы лета—осени сорок первого года. А это было бы в высшей степени несправедливо к тем красноармейцам и командирам, труженикам тыла и военным дипломатам, чьими усилиями сначала «в белоснежных полях под Москвой» был укрощен гитлеровский «Тайфун», а затем война и вовсе была повернута вспять.

* * *

Итак, под одной обложкой соединились самостоятельные труды двух авторов? Это утверждение теперь, после всего сказанного выше, пожалуй, требует корректировки. Нет, все-таки это одна книга, ибо объединение работ двух авторов, написанных в разных жанрах — строго научном, исследовательском и мемуарном, родившихся в принципиально разных временных пластах, дало, как представляется, новое качество. В результате читатель, особенно молодой, получил редкую возможность комплексно взглянуть на историю нашей страны в один из тяжелейших периодов ее истории, завершившийся победой Красной Армии под Москвой. А значит — и представить всю цену главной Победы в мае 1945 года, к 60-летию которой так удачно поспел выход в свет этой поистине уникальной книги.

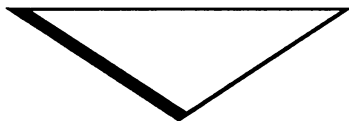
*Ю.В. РУБЦОВ,
доктор исторических наук,
профессор*

В.А. АНФИЛОВ

**КРЕСТНЫЙ ПУТЬ
К «БЕЛОСНЕЖНЫМ ПОЛЯМ
ПОД МОСКВОЙ»**

ГЛАВА I

ВЗЛЕТ КРАСНОЙ АРМИИ

1. СТРОИТЕЛЬСТВО АРМИИ И ЕЕ ЦЕЛИ

Созданию и развитию вооруженных сил Советское государство уделяло огромное внимание на протяжении всех лет своего существования. На строительство Красной Армии существенное влияние оказала идея мировой пролетарской революции. Ленин был убежден в неизбежности ее независимо от того, когда она наступит и где начнется. «Мы не можем знать, произойдет ли первая “решающая” битва пролетариата с буржуазией через четыре года или через два, или десять или более лет, — последует ли вторая “решающая” битва еще через десятилетие, — писал он в 1915 году. — Но мы твердо знаем и “наверное” утверждаем, что теперь наш немедленный и непосредственный долг поддерживать родившееся брожение и демонстрации, которые уже начались»¹. А в апреле 1917 г., провозгласив в «Апрельских тезисах» перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, он ориентирует партию не просто на захват политической власти в России — Россия видится ему плацдармом для будущей мировой революции. «У нас имеется та сила массовой организации, — заявил Ленин 7 ноября 1917 г. на заседании Петроградского совета, — которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции... Да здравствует всемирная социалистическая революция!»² — завершил он свое выступление под бурные аплодисменты. Позднее он писал по этому поводу: «Может... она (мировая революция. — В.А.) победит через несколько недель» после российской социалистической революции, «даже через несколько дней...», но затем будет сплошное ее триумфальное шествие³.

Ленин не отрицал возможности в интересах революции проявить «национальную инициативу», чтобы помочь делу «международного ин-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 56.

² Там же. Т. 35. С. 3.

³ Там же. Т. 36. С. 16.

тернационализма»¹. «Теперь у нас, — провозгласил Ленин на II конгрессе III Интернационала 19 июля 1920 г., — есть везде передовой пролетариат. Есть везде, хотя иногда и плохо организованная, требующая перереорганизации пролетарская армия, и если наши международные товарищи помогут нам теперь организовать единую армию, то никакие недочеты не помешают нам наше дело сделать. Это дело есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики»².

В те дни, когда заседал II конгресс Коминтерна, шла война Советской России с Польшей. В принятом конгрессом Манифесте говорилось: «Международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию Советских республик всего мира». На основе этого Манифеста командующий Западным фронтом, бывший поручик царской армии 27-летний М.Н. Тухачевский издал «знаменитый» приказ: «...на штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир. Вперед! На Варшаву, на Берлин!»

Ленин и его соратники, верные идеалам мировой революции, были в полной уверенности, что польский пролетариат поддержит российский и повернет оружие против польских панов. Однако случилось наоборот, польский пролетариат поднялся на защиту своего отечества. Это было первое поражение большевиков на пути к мировой революции.

Но Коммунистическая партия не отказалась от идеи возможности совершения ее. В «Тезисах доклада о тактике РКП» на III конгрессе Коминтерна, состоявшемся в период с 22 июня по 12 июля 1921 г., Ленин заметил: «Получилось, хотя и крайне непрочное, крайне неустойчивое, но все же такое равновесие, что социалистическая республика может существовать — конечно, недолгое время — в капиталистическом окружении»³. В самом же докладе, произнесенном Лениным 5 июля, он подчеркнул, что «мы должны использовать эту передышку, принимая во внимание характерные признаки настоящего положения, применяя нашу тактику к особенностям этого положения и не забывая ни на одну минуту, что внезапно снова может возникнуть необходимость вооруженной борьбы». Поэтому, указал он, «организация Красной Армии, ее усиление остаются по-прежнему нашей задачей»⁴.

Несмотря на поражение от Польши и крушение социалистической революции в Баварии, Венгрии и Словакии, Ленин делает вывод, что «развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет впе-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 407.

² Там же. Т. 41. С. 235.

³ Там же. Т. 44. С. 4.

⁴ Там же. Т. 44. С. 35.

ред». Что же мы должны теперь делать, ставит он «вопрос и отвечает: «Сейчас необходима основательная подготовка революции и глубокое изучение конкретного ее развития в передовых капиталистических странах... Для нашей Российской республики мы должны использовать эту краткую передышку для того, чтобы приспособить нашу тактику к этой зигзагообразной линии истории»¹.

Призывая извлекать уроки из самых горьких поражений, он настойчиво, подобно Петру I, рекомендовал учиться у западных стран, всеми силами перенимать их опыт, «не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»².

Крушение революций на Западе привело Ленина к поиску новых подтверждений неизбежности революционного натиска. Он обращает свой взор на Восток, и приходит к заключению, что национально-освободительное движение в колониальных странах может сыграть еще «очень большую революционную роль в последующих фазисах мировой революции»³. В марте 1923 г. в одной из последних работ «Лучше меньше да лучше» он формулирует свои аргументы в пользу восточного маршрута мировой революции:

«Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т.п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена. Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы..., для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным Востоком»⁴.

Вскоре после смерти Ленина на эту же точку зрения, разделяя призывы к «диктаторским приемам» и «варварским средствам» борьбы, встал и Сталин. «Что касается меня, — сказал он в беседе с немецким писателем Э. Людвигом 13 декабря 1931 г., — то я только ученик Ленина и моя цель — быть достойным его учеником. Задача, которой я посвящаю свою

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 37.

² Там же. Т. 43. С. 211.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же. Т. 45. С. 404.

жизнь, состоит в возвышении... рабочего класса. Задачей этой является не укрепление какого-либо национального государства, а укрепление государства социалистического, и значит — интернационального, причем всякое укрепление этого государства содействует укреплению всего международного рабочего класса»¹.

В интервью корреспонденту японской газеты, опубликованном в «Правде» 4 июля 1925 г., он заявил: «Колониальные страны есть основной тыл империализма. Революционирование этого тыла не может подорвать империализма не только в том смысле, что империализм будет оставлен без тыла, но и в том смысле, что революционирование Востока должно дать решающий толчок к обострению революционного кризиса на Западе. Атакованный с двух сторон — и с тыла, и с фронта, — империализм должен будет признать себя обреченным на гибель».

Развивая ленинское учение о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране, Сталин стремился любой ценой построить мощную в экономическом и военном отношении державу. 26 января 1924 г. на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов Сталин сказал: «Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной Армии и улучшение ее состояния является одной из важнейших задач нашей партии... Поклянемся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную Армию, наш Красный Флот...»²

Учитывая ленинское указание о «зигзагообразной линии истории» мирового революционного процесса, Сталин 19 января 1925 г. на пленуме ЦК ВКП(б) сказал: «Если что-либо серьезно созреет, то наше вмешательство, не скажу обязательно активное, не скажу обязательно непосредственное, оно может оказаться абсолютно необходимым. Это не значит, что мы должны идти обязательно на активное выступление против кого-нибудь. Это неважно. Если у кого-нибудь такая нотка проскальзывает — это неправильно. Если война начнется, мы, конечно, выступим последними, самыми последними, для того чтобы бросить гирию на чашку весов, гирию, которая могла бы перевесить»³.

Время показало, что это заявление Сталина было для него программным, и он руководствовался им и до Второй мировой войны, и после.

Как же строилась Красная Армия и какие этапы в своем развитии она прошла?

---

¹ Сталин И.В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. М., 1938. С. 3.

² Правда, 20 декабря 1939 г.

³ РЦХНДНИ. Ф. 17. Оп. 2, Д. 162, Л. 64.

Первым законодательным актом советской власти, провозгласившим создание Красной Армии, явилась написанная Лениным «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», утвержденная 25 января 1918 г. III Всероссийским съездом Советов. Декрет об организации РККА был принят Совнаркомом спустя три дня. Во вступительной части этого документа прямо указывалось, что новая армия «явится оплотом советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе»¹.

Красная Армия вначале создавалась на основе добровольческого принципа, так как в стране не было еще необходимых условий для формирования ее на основе всеобщей воинской повинности. Добровольчество было единственно возможным средством создания сколько-нибудь боеспособных частей в условиях катастрофического развала старой армии и всех органов формирования и управления ею. Добровольческий период в истории Красной Армии продолжался примерно полгода, до июня 1918 г., когда обстановка резко изменилась и потребовала выдвинуть военный вопрос на первый план. 300-тысячная армия явно не удовлетворяла потребности фронта, так как войска противника насчитывали свыше 1 млн солдат и офицеров.

С лета 1918 г. стала создаваться регулярная армия на основе всеобщей воинской повинности. Этот переход был одобрен и законодательно закреплён V Всероссийским съездом Советов 4 июля 1918 г. В принятой этим съездом Конституции РСФСР говорилось: «В целях всемерной охраны завоеваний Великой Рабоче-Крестьянской Революции Российская Социалистическая федеративная Советская Республика признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность»². В короткий срок армия стала миллионной, к марту 1919 г. была доведена до 1,5 млн, а к концу Гражданской войны — до 5 млн человек.

Решающую роль в создании регулярной Красной Армии сыграли так называемые военспецы — бывшие генералы и офицеры царской армии, которых всячески охаивали и не хотели признавать Сталин, Ворошилов и им подобные малограмотные в военном отношении люди с претензией на руководящее положение. «Коммунисты именно потому, что они коммунисты, берутся под подозрение, — заявил Ворошилов на заседании военной секции VIII съезда РКП(б) 21 марта 1919 г. — Мы сразу решили

---

¹ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 356.

² Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Сборник документов, 1917—1922 гг. Т. 1. М., 1959. С. 74.

бы этот больной вопрос (организации армии. — В.А.), если бы сразу смогли отказаться от той предвзятой мысли, которая сложилась у наших официальных руководителей военного ведомства, что коммунисты — это такой элемент, который нужно особенно контролировать, инспектировать через посредство военспецов, белогвардейцев»¹. Эту злобу и ненависть к военспецам Ворошилов пронес через всю свою жизнь, нанеся тем самым большой ущерб делу строительства Красной Армии.

Второй период развития Красной Армии, охватывающий 1921—1928 годы, связан с демобилизацией и проведением военной реформы. Пятимиллионная армия к 1928 г. была сокращена до 562 тыс. человек. В ней насчитывалось 48 тыс. командиров. Вводилась смешанная территориально-кадровая система комплектования войск. Значительно уменьшились материальные и финансовые затраты на армию. Люди призывных возрастов обучались военному делу на краткосрочных территориальных сборах без длительного отрыва от производства. Миллионные массы крестьян проходили военную службу в зимнее время, а в летний сезон отпускались на сельскохозяйственные работы. Хорошей подготовки войск эта система, конечно, не могла дать.

Третий этап, в который и произошел взлет Красной Армии, связан с двумя пятилетками. Именно в эти годы (1928—1937) технически отсталая страна ценой невероятных усилий и миллионов человеческих жизней превратилась в могучую индустриальную и военную державу.

И все это связывалось с именем вождя, получило свое разрешение якобы исключительно благодаря титанической работе Сталина. «Вооруженная защита победившего социализма, строительство Красной Армии Советского Союза, ее история, ее сила и могущество, ее сплоченные и стальные ряды, ее техника и героические кадры — неразрывно связаны с именем Сталина, — писал 21 декабря 1939 г. в «Правде» Ворошилов. — ...Нельзя говорить и писать о Красной Армии, чтобы не говорить и не писать о Сталине, который, в тесном содружестве с Лениным, ковал ее устои еще у колыбели ее зарождения».

Чтобы подчеркнуть, какое значение Сталин уделял вопросу создания мощного вооружения, нарком обороны привел его слова, произнесенные 17 октября 1905 г. на митинге в Тбилиси в день объявления манифеста царя: «Какая революция может победить без оружия и кто тот революционер, который говорит: долой оружие? Оратор, который это говорит, наверное толстовец, а не революционер, и кто бы он ни был, он враг революции, свободы народа...

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 156.

Что нужно, чтобы действительно победить? Для этого нужны три вещи: первое, что нам нужно, — вооружение, второе — вооружение, третье — еще и еще раз вооружение».

Руководствуясь этим принципом, Сталин, по словам Ворошилова, повел решительную борьбу за индустриализацию страны. «Только благодаря этому, — утверждает он, — наша армия технически вооружена лучше любой армии мира... Сталин всегда лично и непосредственно участвует и руководит вопросами, связанными с технической реконструкцией вооруженных сил Советского Союза, — что правда, то правда. — Он является инициатором крупнейших организационных и технических мероприятий в области развития и непрерывного совершенствования советского оружия, он проявляет много внимания и забот важным изобретениям и изобретателям, помогая им в работе. Он заботливо растит молодых советских конструкторов всех видов вооружения, лично вникает в каждый образец. Под его руководством, — заключает «сталинский» нарком, — решаются вопросы о приеме той или иной новой конструкции на вооружение и т.д.».

В этом Сталин, как и в других делах, следовал примеру Ленина.

Максим Горький в своих воспоминаниях рассказывает, как Ленин, приехав однажды в Главное артиллерийское управление, будто бы поразил специалистов глубоким проникновением в принципы конструкции и работы нового прибора для корректирования стрельбы по самолетам. Он якобы задал изобретателю А.М. Игнатьеву много специальных вопросов так же свободно, как будто экзаменовал его по вопросам политики. На обратном пути Ленин говорил Горькому: «Эх, если б у нас была возможность поставить всех этих техников в условия идеальные для их работы! Через двадцать пять лет Россия была бы передовой страной мира!»¹

Сталин же поставил задачу в 1931 г. сделать Россию «передовой страной мира» не за 25, а за 10 лет. Изыскал и «возможности» для работы инженеров, а тех, кому «не хватало» места в конструкторских бюро, направлял, как, например, А.Н. Туполева, в лагеря и заставлял упорно трудиться над новыми образцами оружия. Еще в конце Первой мировой войны появились два новых вида оружия: танк — на земле и самолет — в воздухе, которым во всех странах отводилась главная роль в будущей войне. Поэтому в Советском Союзе в середине 20-х годов началась разработка новых, отечественных образцов самолетов. Первые конструкторы Н.Н. Поликарпов, А.Н. Туполев, Д.П. Григорович сконструировали опытные образцы самолетов — истребителей, бомбардировщиков и разведчиков. Большим достижением советского авиастроения был созданный в

---

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, Ч. 1. М., 1956. С. 390.

1925 г. под руководством Туполева тяжелый бомбардировщик ТБ-1, летно-технические данные которого долгое время превосходили зарубежные самолеты этого типа. Создание сильного воздушного флота сталинское руководство «превращало» во всенародное дело. В результате этого в 1928 г. в Красной Армии имелось около 1000 самолетов. К этому времени насчитывалось около 200 танков, первые образцы которых начали производить в начале 30-х годов на заводе «Красное Сормово» под Нижним Новгородом.

В 1927 г. В.А. Дегтярев при активной помощи В.Г. Федорова создал ручной пулемет новой системы, который по конструктивным и боевым качествам превосходил пулеметы иностранных армий. На его основе в последующие годы были созданы авиационный и танковый пулеметы. В этом же году Красная Армия получила на вооружение отечественную полковую пушку калибра 76 мм, а в 1928 г. — зенитную. Но в целом к концу 20-х годов артиллерия была конструктивно устаревшей и сильно изношенной. Она насчитывала 7000 орудий и состояла главным образом из легких пушек. Крайне недостаточным было число станковых и особенно ручных пулеметов. Отсутствовала автоматическая винтовка, а старая «трехлинейка» нуждалась в модернизации.

В Красной Армии использовались устаревшие аппараты проволочной связи, мало было инженерного вооружения. Армия была исключительно слабо моторизована. К концу 1928 г. она имела только 350 грузовых и 700 легковых автомашин, 67 гусеничных тракторов.

Существовавшая тогда техническая база не позволяла наладить массовое производство вооружения, к чему настойчиво стремился Сталин. Это могла обеспечить только индустриализация страны. Поэтому в принятых XV съездом партии в 1927 г. директивах по составлению первого пятилетнего плана указывалось: «Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время»¹.

Эту главную задачу военного строительства руководство партии доводило до народа через печать и устную пропаганду. В лозунгах ЦК ВКП(б) к десятилетию Красной Армии говорилось: «Индустриализация СССР — основа его обороноспособности. Пролетарий, повышая

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., 1954. С. 452.

производительность труда. Крепи оборону своего государства. Дадим новые отряды самолетов и танков. Усилим производство винтовок и пулеметов. Непреступной крепостью сделаем Страну Советов»¹. Утверж-далось, что империалисты «делают новую попытку втянуть СССР в войну. В генеральных штабах Англии и Франции разрабатываются планы новой интервенции против СССР, намеченной на 1929—1930 гг.».

Под предлогом необходимости отражения «военного нападения со стороны капиталистических государств» партия взяла курс на увеличе-ние производства вооружений. 15 июля 1929 г. ЦК ВКП(б) принял поста-новление «О состоянии обороны СССР». В нем говорилось: «Признать правильным и своевременным широкое развертывание работ по усиле-нию и усовершенствованию технического вооружения Армии. Предло-жить: РВС СССР усилить взятый темп работ по усовершенствованию тех-ники Красной Армии; наряду с модернизацией существующего вооруже-ния добиться в течение ближайших двух лет получения опытных образцов, а затем и внедрения их в армию, современных типов артиллерии, тан-ков, бронемашин и пр.»².

ЦК ВКП(б) ставил также задачу создать мощный воздушный флот, который по качеству не уступал бы флотам крупнейших держав мира, а по количеству превосходил бы их. Это постановление закрепило курс на коренную техническую реконструкцию Советских Вооруженных Сил, на усиление гонки вооружений. В чем же заключались главные задачи «тех-нической реконструкции» вооруженных сил?

Во-первых, в перевооружении армии и флота новейшими образцами военной техники в массовом масштабе.

Во-вторых, в создании новых родов войск (авиация, бронетанковые войска, химические, инженерные и другие специальные войска), повы-шении их удельного веса и значения в системе вооруженных сил в соот-ветствии с требованиями современной войны.

В-третьих, в моторизации и организационной перестройке «старых» родов войск (пехота, кавалерия, артиллерия).

Решение этих задач связывалось с индустриализацией, которая осу-ществлялась главным образом за счет «сдирания с крестьян трех шкур. В результате этого были построены десятки оборонных предприятий. С 1928 по 1933 г. мощность артиллерийских заводов увеличилась более чем в 6 раз, выросло производство пулеметов в 3,5 раза, самолетов — в

---

¹ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сборник документов 1917— 1958. М., 1958. С. 304.

² КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. С. 319—320.

4,5 раза. Производственные возможности танковой промышленности определялись в 10—11 тыс. танков и танкеток в год.

Одним из непосредственных руководителей технической реконструкции Красной Армии был М.Н. Тухачевский — с 1931 по 1937 г. начальник вооружений РККА и заместитель наркома обороны, награжденный в 1933 г. за это орденом Ленина. Таким же орденом был награжден И.А. Халепский за «особо выдающиеся заслуги в деле укрепления технической мощи Красной Армии». С 1924 по 1936 г. был начальником управления моторизации и механизации РККА, а в 1937 г. стал жертвой необоснованных репрессий и был расстрелян. Первым организатором авиационной промышленности являлся П.И. Баранов, погибший в 1933 г. в авиационной катастрофе.

В день пятнадцатилетия Красной Армии в 1933 г. Ворошилов заявил: «Красная Армия из армии отсталой превратилась в армию современную, передовую. В промышленности создана производственная база, могущая производить все современные технические средства борьбы. Боеспособность Красной Армии гигантски выросла, неизмеримо выросла оборона Советского Союза». Конечно, ни Ворошилов, ни Сталин не говорили о том, какой ценой все это было достигнуто. Сталин на январском (1933 г.) пленуме ЦК указал: «Конечно, мы могли бы из полутора миллиардов рублей, истраченных за этот период на оборудование нашей тяжелой промышленности, отложить половину на импорт хлопка, кожи, шерсти, каучука и т.д. У нас было бы тогда больше ситца, обуви, одежды. Но у нас не было бы тогда ни тракторной, ни автомобильной промышленности, не было бы сколько-нибудь серьезной черной металлургии, не было бы металла для производства машин и мы были бы безоружны перед лицом вооруженного новой техникой капиталистического окружения. Мы лишили бы тогда себя возможности снабжать сельское хозяйство тракторами и сельхозмашинами — стало быть, мы сидели бы без хлеба.

...Мы не имели бы тогда всех современных средств обороны, без которых невозможна государственная независимость страны, без которых страна превращается в объект военных операций внешних врагов... Одним словом, мы имели бы в таком случае военную интервенцию (в то время непосредственная угроза для СССР. — *В.А.*) не пакты о нападении, а войну, войну опасную и смертельную, войну кровавую и неравную, ибо в этой войне мы были бы почти что безоружны перед врагами, имеющими в своем распоряжении все современные средства нападения»¹.

В те дни, когда произносились эти слова, в Германии к власти пришли нацисты. Через три дня после прихода в имперскую канцелярию

---

¹ *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1938. С. 375.

новый рейхсканцлер А. Гитлер выступил перед высшим командованием вооруженных сил и сформулировал основы внутренней и внешней политики Германии. «Цель всей политики, — заявил он, — в одном: снова завоевать политическое могущество. Воспитание молодежи и всего народа в том смысле, что нас может спасти только борьба. В освоении новых земель — единственная возможность снова частично сократить армию безработных. Но это требует времени, и радикальных изменений нельзя ожидать, так как жизненное пространство для немецкого народа слишком мало. Строительство вермахта — важнейшая предпосылка для достижения цели — завоевание политического могущества... Как следует использовать политическое могущество, когда мы приобретем его?.. Возможно, отвоевание новых рынков сбыта, возможно — и, пожалуй, это лучше — захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация... Самое опасное время в период строительства вооруженных сил. Здесь-то и выявится, имеет ли Франция государственных деятелей. Если да, она не даст нам времени, а нападет на нас, вероятно, с восточными сателлитами¹.

Содержание этого выступления Гитлера вскоре стало известно Сталину. Здесь уместно сказать о той иронии судьбы, которая позволила будущим противникам — Советскому Союзу и Германии помогать друг другу в течение одиннадцати лет, совместно готовиться к жестокому противоборству. Этому вопросу посвящено исследование доктора исторических наук Ю.Л. Дьякова и кандидата исторических наук Т.С. Бушуевой². Возрождение германских вооруженных сил в СССР с 1922 по 1933 год осуществлялось втайне от всего мира. Германский вермахт (сначала рейхсвер), в обход запретов Версальского договора, набирал силу на нашей земле. Здесь строились совместные военные предприятия, аэродромы, танковые и авиационные школы, химическая лаборатория. В этих школах и на маневрах Красной Армии обучался цвет немецкого командования. Вместе с тем и Красная Армия набирала силы от взаимодействия с немцами.

16 апреля 1922 г. Европу и Америку облетело слово «Рапалло». В этом местечке, недалеко от Генуи, был заключен договор между РСФСР и Германией. Хотя он и не имел военных статей, одним из важнейших результатов его стало советско-германское сотрудничество именно в этой области. «Величайшая опасность в данный момент заключается, по моему мнению, в том, — писал премьер-министр Великобритании Д. Ллойд

---

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!» Документы и материалы. М., 1967. С. 42—43.

² Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992.

Джордж,— что Германия может связать свою судьбу с большевиками и поставить все свои материальные и интеллектуальные ресурсы, весь свой огромный организаторский талант на службу революционным фанатикам, чьей мечтой является завоевание мира для большевизма силой оружия»¹.

11 августа 1922 г. было заключено временное соглашение о сотрудничестве рейхсвера и Красной Армии. Оно принимает разнообразные формы: взаимное ознакомление с состоянием и методами подготовки обеих армий путем направления командного состава на маневры, полевые учения, академические курсы; совместные химические опыты; организация танковой и авиационной школ; командирование в Германию представителей советских военно-промышленных учреждений для изучения отдельных вопросов секретных работ.

Особо следует сказать о взаимодействии рейхсвера и Красной Армии в трех центрах на территории СССР с кодовыми названиями «Липецк», «Кама» и «Томка». В Липецке на базе школы советских летчиков в 1924 г. началось создание авиационной школы рейхсвера, замаскированной под 4-ю эскадрилью Красного Воздушного Флота. Многие немецкие летчики, ставшие впоследствии известными асами (Блюмензаат, Блюме, Гейнц, Макрацки, Рессинг, Теецманн, Фосс и др.), учились в Липецке. К 1933 г. подготовку в школе на немецких самолетах прошли около 130 летчиков.

По Версальскому договору Германии запрещалось иметь танки. Но предвидя, какое значение приобретут танковые войска в будущей войне, начальник управления сухопутных сил рейхсвера генерал фон Сект принимал меры к подготовке танкистов. С 1926 г. немцы приступили к организации танковой школы в Казани под кодовым названием «Кама». В распоряжение немцев был выделен танкодром. Учебные танки доставлялись из Германии. Начальником школы был генерал Лютц, в 1933 г. занимавший пост начальника мотомеханизированных войск рейхсвера. К 1933 г. в танковой школе было обучено около 120 немецких танкистов. Среди них был будущий генерал-полковник, известный теоретик и практик по вопросам боевого применения танковых войск Г. Гудериан.

Наиболее засекреченным объектом рейхсвера в СССР являлись химическая лаборатория «Томка», располагавшаяся в Самарской области, недалеко от города Вольска. В ней немцы вели научно-исследовательские работы на условиях, что советской стороне будут передаваться новые средства химической борьбы (отравляющие вещества, приборы, маски).

---

¹ *Джордж Ллойд Д.* Правда о мирных договорах. Т. 1. М., 1957. С. 350.

Важным фактором сотрудничества рейхсвера и Красной Армии были поездки советского командного состава в Германию для совершенствования в военном искусстве. На началах взаимности допускалось и посещение немецкими офицерами учебных заведений, учений и маневров, проводимых Красной Армией. В разные сроки во второй половине 20-х и в начале 30-х годов в Германии на курсах, на учениях и маневрах побывали М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, И.Э. Якир, В.К. Триандафиллов, А.И. Егоров, А.И. Корк, И.Ф. Федько, П.Е. Дыбенко, И.П. Белов, И.Н. Дубовой, М.К. Левандовский, В.М. Примаков, И.С. Уншлихт, С.С. Урицкий и многие другие. Активно велось обучение и немецких офицеров в СССР. В 1931 г. в Москве проходили дополнительную подготовку будущие руководящие военные деятели периода Второй мировой войны: Браухич, Кейтель, Манштейн, Модель, Горн, Кречмер, Крузе, Файге и другие. Таким образом, шел двусторонний процесс обучения и подготовки командного состава будущих противников. Но если немецкие генералы и офицеры будут руководить и командовать войсками во время войны с СССР, то все советские военачальники, побывавшие в Германии, будут расстреляны в 1937—1938 г., а полученные ими знания, даже оставленные в книгах и статьях, будут объявлены враждебными и изъяты из библиотек.

Последний раз Тухачевский, руководивший вооружением Красной Армии, побывал в Германии с целью посещения предприятий военной промышленности в 1932 г. 10 мая 1933 г. по его приглашению в Москву приехала группа из пяти германских офицеров во главе с начальником вооружений рейхсвера генералом фон Боккельбергом. Во время поездки они побывали в ЦАГИ, на 1-м авиазаводе, на артиллерийском заводе в Голутвине, на Красно-Путиловском заводе, на химическом заводе в Бобрिकाх, на оружейном заводе в Туле, на Харьковском тракторном заводе, на 29-м моторостроительном заводе в Запорожье, на оружейном заводе им. Калинина в Москве, на артиллерийском полигоне в Луге и других объектах. 13 мая на приеме у германского посла в Москве фон Дирксена Ворошилов говорил еще о стремлении и дальше поддерживать связи между «дружественными» армиями. Тухачевский при этом подчеркнул: «Не забывайте, что нас разделяет наша политика, а не наши чувства, чувства дружбы Красной Армии к рейхсверу». (Дорого потом будут стоить ему эти слова.)

16 мая группа генерала Боккельберга в составе полковника Гартмана, подполковника Томаса, капитана Кребса (будущего помощника военного атташе в Москве, начальника генштаба в конце войны, закончившего жизнь во время штурма Берлина самоубийством) и инженера ПоллERTA выехала из Москвы в сопровождении помощника начальника отдела

внешних сношений Наркомата по военным и морским делам Шрота. При осмотре оружейного завода в Туле Боккельберг, обращаясь к Шроту, просил передать просьбу получить легкий пулемет Дегтярева взамен их легкого пулемета «Дрейзе». «Группу Боккельберга, — докладывал Шрот начальнику разведывательного управления Я.К. Берзину, — интересовали более всего технологические процессы, химический состав стали и материалов и объем производительности в мирное время и период мобилизации. Сведения по последним вопросам им не сообщали и тактично от-малчивались»¹.

Последняя группа советских командиров в составе Левандовского, Примакова, Дубового, Урицкого, Левичева и Шнитмана, практиковавшаяся в Германии в течение шести месяцев, возвратилась в Москву в середине июля 1933 г. С лета же, по свидетельству Дирксена, начался разрыв военных отношений между СССР и Германией. Советское военное руководство потребовало, чтобы рейхсвер прекратил осуществление всех своих мероприятий в СССР. 1 августа 1933 г. Дирксен посетил заместителя наркома иностранных дел СССР Н.Н. Крестинского и выразил неудовольствие тем, что в «Красной звезде» 23 июля была напечатана статья, приводящая сравнительные цифры в армиях всех стран. Там было сказано, что «Германия в 1925 г. обладала армией в 100 000 человек, а сейчас численность германской армии доходит до 400—450 тыс. человек».

В связи с обострением политических отношений между Советским Союзом и Германией дружбе армий настал конец. 29 сентября 1933 г. фон Бломберг сообщил Ворошилову, что «ликвидация трех опытных станций 15 сентября закончена. С тем долголетний период тесной и дружественной совместной работы пришел к заключению, которая, наверное, не останется без постоянной пользы для армий обоих государств»².

И вот уже с этого времени, когда Германия встала на путь усиленной милитаризации страны, у советского руководства были все основания для увеличения численности вооружения. Однако делалось это не всегда продуманно. Выпуская сотни танков и самолетов, не заботились об их оснащении радиосредствами и другими необходимыми приборами, как в Германии, увлечение строительством танковых и авиационных заводов не позволило расширить сеть автомобильных предприятий, что крайне отрицательно сказалось на моторизации армии и ее маневренности. Если немецкие танки и самолеты оснащались надежно работающими ультракоротковолновыми приемо-передатчиками, чем обеспечивалось гибкое

---

¹ Дьяков, Бушуева Т.С. Указ. соч. С. 319

² Там же. С. 337.

управление боевыми машинами на земле и в воздухе, то у нас их не было. Для пехоты и артиллерии немцы создавали портативные радиопередатчики и радиотелефонные аппараты, которые имели большое преимущество по сравнению с чувствительной к обстрелу проволочной связью, состоящей на оснащении советских войск. Более того, даже перед самым началом советско-германской войны наша авиация отставала от германской в оснащении радиостанциями, радионавигационными приборами и радиолокационными станциями. В истребительской авиации приемопередающие радиостанции ставились только на самолете командира эскадрильи. К тому же они были невысокого качества, и летчики мало пользовались ими. Основным средством связи в воздухе были ракеты и покачивание («эволюции») крыльями. Наземных радиостанций хорошего качества в авиации также не было. На земле управление осуществлялось в основном с помощью телеграфа и телефона. Средства связи Красной Армии в предвоенный период и в начале войны вообще не удовлетворяли требованиям, предъявляемым к поддержанию непрерывности и надежности управления войсками в маневренной войне. Промышленность средств связи была слабо развита и не обеспечивала войска новейшей аппаратурой. Даже появившимися к началу войны радиостанциями многие генералы и офицеры не умели пользоваться. Учитывая их сложность и недостаточную надежность, они предпочитали использовать проводные и подвижные средства связи, которые в начале войны оказались недееспособными.

На основе роста технической оснащенности армии совершенствовалась и ее организация. Этому учил Ленин. «Мы живем не только в государстве, — указывал он, — но и в системе государств, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немислимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что господствующий класс, пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это и своей военной организацией»¹.

Следуя Ленину и вере в неизбежность войны, Сталин настойчиво требовал от военного ведомства непрерывно и новаторски, как ему представлялось, совершенствовать организацию Красной Армии. В этом деле он нашел сильную опору в лице того же Тухачевского. Организационная структура вооруженных сил в 30-е годы совершенствовалась на основе

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 139.

роста их технической оснащенности, выводов из опыта Первой мировой и гражданской войн, а также взглядов на характер будущей войны. Советские государственные и военные деятели, определяя структуру вооруженных сил, исходили из того, что победа в современной войне достигается совместными усилиями всех видов их. Однако, учитывая, что вооруженная борьба будет вестись в основном на суше, так как вероятный противник — фашистская Германия — континентальная держава, решающую роль они справедливо отводили сухопутным войском и военно-воздушным силам.

Наряду с существованием классических родов войск: пехоты, кавалерии, артиллерии, в Красной Армии раньше, чем в других странах возникли крупные танковые и авиационные соединения, а также воздушно-десантные войска. Новые рода войск получили наибольшее развитие. Но создание их проходило в острой борьбе со старыми взглядами и ошибочными «волевыми» решениями, отрицательно сказавшимися на их готовности к началу войны. Особенно это отразилось на военно-воздушных силах, бронетанковых и воздушно-десантных войсках.

Большую настойчивость в создании новых родов войск проявлял Тухачевский. Он неоднократно вносил проекты реорганизации вооруженных сил. Не добившись решения того или иного вопроса в Наркомате обороны, обращался непосредственно к Сталину, о чем свидетельствуют его многочисленные записки. В неутомимости и настойчивости ему не откажешь. Эти качества он проявил еще в годы Гражданской войны и при подавлении так называемых антоновского и кронштадтских «мятежей», а по существу крестьянских восстаний против большевистских советов.

Прежде чем вносить какое-либо предложение по вопросам вооружения или организации армии для реализации, Тухачевский доказывал его необходимость. «Если недоучет артиллерийской проблемы до империалистической войны, — указывал он в 1932 г., — послужил причиной тяжелых потрясений на фронтах почти для всех стран, вступивших в войну, то недоучет новых возможностей в области вооружения самолетами, танками, химией, радиосредствами и т.д. может послужить причиной еще больших потрясений и поражений в будущей войне»¹.

В решении проблемы создания танковых войск Тухачевскому и его сторонникам пришлось преодолевать сопротивление Ворошилова, Буденного и некоторых других, которые, идеализируя опыт Гражданской войны, сильно преувеличивали роль конницы в будущих сражениях. «Нам пришлось столкнуться, — писал Тухачевский за полмесяца до своего арес-

---

¹ Военно-исторический журнал. 1962. № 2. С. 64.

а, — с теорией “особенной” маневренности Красной Армии — теорией, основанной не на изучении и учете нового вооружения как в руках наших возможных врагов, так и в руках советского бойца, а на одних лишь уроках Гражданской войны, на взглядах более навеянных героикой Гражданской войны, чем обоснованных ростом могущества, культуры, ростом крупной индустрии социалистического государства, а также ростом вооружений армий наших возможных противников из капиталистического лагеря». Некоторые даже утверждали, подчеркивал он в этой статье, что «для подготовки атаки бойца Красной Армии можно израсходовать меньше артиллерийских снарядов, чем для подготовки атаки солдата капиталистической армии, объясняя это превосходством духа красноармейца. На самом деле эта самовлюбленность могла бы повлечь напрасные кровавые потери в боях и крупнейшие неудачи». Горько признавать, но так оно и получилось в начале войны¹.

Несмотря на консерватизм и отсталость взглядов отдельных руководителей лиц Наркомата обороны, передовое пробивало себе дорогу. В 1932 г., значительно раньше, чем в Германии и других странах, в Красной Армии были сформированы два крупных танковых соединения: 11-й механизированный корпус в Ленинградском и 45-й механизированный корпус в Киевском военных округах. В 1933 и 1934 годах были созданы еще два таких же корпуса.

В дальнейшем, вместо того чтобы совершенствовать способы применения танковых войск и развивать их организацию, руководитель Наркомата обороны всячески тормозил решение этих вопросов. Ворошилов выступал против создания крупных танковых соединений. «Для меня, — заявил он на заседании Военного совета при наркомате обороны в 1934 г., — является почти аксиомой, что такое крупное соединение, как танковый корпус, дело надуманное и придется, очевидно, от него отказаться»².

Вследствие этого формирование новых механизированных корпусов было прекращено. Но организацию и вооружение существующих продолжали совершенствовать. Механизированные корпуса были реорганизованы и переименованы в танковые. 10-й танковый корпус дислоцировался в Ленинградском военном округе, 15-й — в Белорусском, 25-й — в Киевском и 20-й в Забайкальском. Весьма совершенной была их организация, и оптимальный — для крупного подвижного соединения — численный состав боевых машин. Танковые корпуса имели по две танковые и одной моторизованной бригаде. По штату в корпусе числилось 490 танков. Танковые соединения такого состава являлись мощным средством в

---

¹ «Красная звезда». 1937. 6 мая.

² ЦАМО РФ. Ф. 1. Оп. 2091. Д. 66. Л. 24.

руках командующего фронтом для развития успеха в наступательной операции. К этому времени ни в одной другой армии мира не было еще подобных формирований танковых войск. В Германии лишь после изучения нашего опыта приступили к созданию моторизованных корпусов примерно такого же состава.

Большое внимание в общей системе строительства вооруженных сил в первой половине 30-х годов уделялось авиации. Многие военачальники правильно оценивали ее роль в будущей войне. Они считали, что основной задачей военно-воздушных сил будет содействие наземным войскам в достижении целей операции. Вместе с тем предусматривались и самостоятельные действия авиации для завоевания господства в воздухе и нанесения бомбовых ударов по стратегическим объектам в тылу противника. Тухачевский, например, отводил самостоятельным действиям авиации главную роль. «Военные воздушные силы, — указывал он в 1932 г., — выросли в настоящее время в столь могущественный боевой фактор, что их совместные действия с сухопутной армией, или морским флотом, которые были основным видом действий во время империалистической (Первой мировой. — В.А.) войны, в будущем явятся лишь вспомогательными. Решающее значение, — справедливо подчеркивал он, — будут иметь так называемые самостоятельные действия воздушных сил во взаимодействии с сухопутными или морскими силами в более широком масштабе»¹.

При наличии необходимой материальной части и соответствующих формирований авиации такое решение проблемы массированного применения военно-воздушных сил в наступательных операциях являлось безусловно прогрессивным.

Существенное влияние на организационную структуру военно-воздушных сил должна была оказать также правильно ставившаяся теоретически и подкреплявшаяся опытом маневров проблема борьбы за господство в воздухе, также исходившая из принципа массированного применения авиации. Военные маневры в Белоруссии в 1936 г. показали, что «борьба с авиацией противника, обладающей большим радиусом действий и возможностями маневрировать по аэродромам по фронту и в глубину, не может быть решена только в рамках одного фронта и требуется организация взаимодействия между фронтами. Очевидно, это взаимодействие должно быть организовано не в порядке согласования действий фронтов, а в порядке постановки задач Главным командованием»².

---

¹ Военно-исторический журнал. 1962. № 2. С. 66.

² ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 29327. Д. 16. Л. 110.

По своему предназначению военно-воздушные силы делились на авиацию Главного командования и фронтовую. По выполняемым задачам они подразделялись на дальнебомбардировочную, ближнебомбардировочную, истребительскую и разведывательную. До 1938 г. военно-воздушные силы Красной Армии состояли в основном из отдельных авиационных корпусов трехбригадного состава. Авиация Главного командования была объединена даже в составе трех авиационных армий особого назначения, сформированных в 1936 г. Такая организационная структура авиации позволяла успешно вести борьбу за господство в воздухе, наносить массированные удары по оперативным и стратегическим резервам противника и его тыловым объектам, осуществлять взаимодействие с наземными войсками на поле боя и обеспечивать высадку воздушных десантов.

Одним из перспективных родов войск, на который было обращено также большое внимание, являлись воздушно-десантные войска. Тухачевский, Якир, Уборевич и другие военачальники проявили новаторство и на основе научного предвидения характера будущей войны впервые в мировой военной истории приступили к созданию парашютно-десантных частей. Сначала это были отдельные батальоны, потом полки, а с 1936 г. — бригады.

Первые воздушные десанты участвовали в учениях Красной Армии в 1930 г. В 1935 г. во время маневров на Украине, которыми руководил командующий Киевским военным округом И.Э. Якир, воздушно-десантные войска применялись в более крупных размерах. Под Киевом с транспортных самолетов было десантировано 1200 парашютистов, которые после приземления организовали круговую оборону с целью обеспечения взлетно-посадочной полосы для посадки самолетов. Вскоре несколько групп самолетов высадили еще 2500 человек с вооружением и боевой техникой. В 1936 г. на маневрах в Белорусском военном округе под руководством командующего И.П. Уборевича был высажен еще более крупный десант в районе Минска. Очевидец этих маневров английский генерал (позднее фельдмаршал) Уэйвелл, докладывая своему правительству о выброске воздушного десанта, отмечал: «Если бы я сам не был свидетелем этого, я бы никогда не поверил, что подобная операция вообще возможна»¹.

Но самые крупные предвоенные маневры были проведены в том же Белорусском военном округе осенью 1937 г. Округом командовал командарм 1-го ранга И.П. Белов, а Уборевич был в июне расстрелян. Через

---

¹ Гове А. Внимание, парашютисты! Перевод с немецкого. М., 1957. С. 26.

год та же участь постигнет и Белова. На этих маневрах на стороне «красных», наступавших от Бобруйска к Днепру (с запада на восток) против оборонявшихся западнее Рогачева и Жлобина «синих», участвовала целая армия. По достижении «красными» рубежа Жлобин—Рогачев с целью развития прорыва в «бой» вводилась подвижная группа в составе кавалерийского и танкового корпусов. Для совместных действий с ПП планировалась (и действительно осуществлялась) выброска на противоположный берег Днепра двух воздушно-десантных бригад. На маневрах были представители ЦК ВКП(б), Ворошилов с заместителями наркома, многочисленные военные миссии. Последние видели, какой мощной силой обладал в то время Советский Союз.

Одновременно проводились учения меньшего масштаба, на которых отрабатывались вопросы взаимодействия танковых и воздушно-десантных войск. Маневры и учения, проведенные в первой половине 30-х годов, позволили дать теоретическое обоснование действиям воздушных десантов и внести новые положения в наши уставы. Так, в «Полевом уставе» 1936 г. было записано: «Статья 7. Парашютно-десантные части являются действенным средством для дезорганизации управления и работы тыла противника. Во взаимодействии с войсками, наступающими с фронта, парашютно-десантные части могут оказать решающее влияние на полный разгром противника на данном направлении».

Опыт развития и применения на маневрах Красной Армии воздушно-десантных войск был взят на вооружение немцами. Подводя итоги первого года Второй мировой войны в Европе, американский военный обозреватель Г. Росийский 19 мая 1940 г. в газете «Нью-Йорк таймс» писал: «Сочетание парашютных десантов (немецких), захватывающих аэродромы, с посадочными десантами, использующими их, является страницей, вырванной из книги о Красной Армии, которая первой продемонстрировала эти методы в широких масштабах на маневрах 1936 года».

Мы остановились на развитии авиации, танковых и воздушно-десантных войск только для того, чтобы показать, как создавались и совершенствовались новые виды вооруженных сил и рода войск, которые должны были играть решающую роль на сухопутных театрах войны. Этот краткий экскурс в прошлое убедительно свидетельствует, что Советский Союз в строительстве Красной Армии шел, как правило, впереди других армий мира. Немецкая армия — сильнейшая армия Западной Европы заимствовала наш опыт в создании крупных танковых соединений, воздушно-десантных войск и авиационных объединений. Об этом свидетельствуют как иностранные наблюдатели, так и советские военачальники. На

декабрьском (1940 г.) совещании высшего командного состава командующий войсками Западного особого военного округа генерал-полковник Д.Г. Павлов заметил: «В Красной Армии считали, что танки должны сводиться в крупные соединения с целью ведения самостоятельного наступления в оперативной глубине и, кроме того, должны быть танки, которые предназначены для совместных действий с пехотой. Наши взгляды в отношении применения танков, — заключил он, — оказались наиболее правильными и нашли себе подтверждение в действиях немецких танковых соединений в Польше и на Западе. Немцы ничего не выдумали, они взяли то, что у нас было».

В середине 30-х годов Красная Армия как с точки зрения организационной, так и количественной бесспорно была сильнейшей в мире. В ней насчитывалось более одного млн солдат и офицеров, до 14 тыс. танков и около 10 тыс. самолетов¹. Сейчас смешными кажутся слова широко известной тогда песни: «В целом мире нигде нету силы такой, чтобы нашу страну сокрушила...», но они отражали действительное положение Советского Союза в то время.

2. ПОДГОТОВКА КАДРОВ

Одной из узловых проблем строительства Красной Армии наряду с техническим оснащением и выработкой ее организационной структуры являлась проблема подготовки кадров. 5 июня 1931 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О командном и политическом составе РККА». «ЦК считает основной, решающей сейчас задачей в деле дальнейшего повышения боеспособности армии, — подчеркивалось в нем, — решительное повышение военно-технических знаний начсостава, овладение им в совершенстве боевой техникой и сложными формами современного боя».

В целях решения этой проблемы ЦК предложил коренным образом улучшить работу военно-учебных заведений, укрепив их преподавательскими кадрами и усилив материально-техническую базу в них новейшей боевой техникой. «Военно-учебные заведения, военные школы, курсы усовершенствования и академии, — указывалось в постановлении ЦК, — должны стать для всей армии подлинно ведущими центрами в боевой и политической подготовке, в овладении техникой, в военно-научной работе и обеспечивать полностью потребность армии в высоко-

---

¹ ЦХСД. Ф. 89. Перечень 74. Док. 1. Лл. 12, 14, 25.

квалифицированном и в военно-техническом и политическом отношении начсоставе»¹.

Во исполнение постановления ЦК была значительно расширена сеть средних и высших военно-учебных заведений. Уже в начале 30-х годов не только каждый вид вооруженных сил, но и рода войск имели «свою» военную академию. К 1937 г. насчитывалось 13 военных академий и 75 училищ и школ. К этому времени 79,6% командного состава имели законченное среднее и высшее военное образование, а в бронетанковых войсках — 96,8%, в авиации — 98,9%, на флоте — 98,2%².

Как и вся жизнь народа и армии, кадровая проблема связывалась тогда с именем Сталина. «На протяжении более 20 лет существования Красной Армии и Флота, — писал Ворошилов в «Правде» 21 декабря 1939 г. в статье, посвященной 60-летию Сталина, — разрешению проблемы командно-политических кадров Красной Армии Сталин уделял и уделяет исключительное внимание».

Свой знаменитый лозунг «Кадры решают все!» Сталин сформулировал в мае 1935 г. на приеме в Кремле выпускников военных академий. «...Если наша армия, — сказал он тогда, — будет иметь в достаточном количестве настоящие закаленные кадры, она будет непобедима³. Выпускников военных академий Сталин чтит особо. Только их ежегодно удостоивал приема. Перед ними «изливал душу» до самого последнего предвоенного месяца, о чем мы подробнее скажем в V главе.

Подготовке военных кадров действительно уделялось большое внимание. Для решения этой проблемы создавались новые высшие и средние учебные заведения. Каждый вид вооруженных сил, почти каждый род войск имел «свою» военную академию. Патриотический настрой, безграничная любовь молодого поколения к своей Родине создавали весьма благоприятные условия для комплектования их. Отнюдь не относя это к себе — рядовому по способностям и общественному положению человеку, беру на себя смелость утверждать, что лучшие юноши становились тогда профессиональными военными. Шли они в армию и на флот по зову партии, но делали это не по принуждению, а по благородному порыву своих горячих сердец.

Для подготовки высшего командного состава в 1936 г. была создана Академия Генерального штаба, которой, по иронии судьбы, было присвоено имя «первого маршала», как величали тогда Ворошилова. Слушате-

---

¹ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. С. 326—327.

² ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 1637. Д. 1968. Л. 79—80.

³ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 492.

лями первого набора в эту Академию были тогда полковники, впоследствии военачальники А.М. Василевский, И.Х. Баграмян, Л.А. Говоров, М.В. Захаров, Н.Ф. Ватутин, А.И. Антонов, П.А. Курочкин, М.И. Казаков, В.В. Курасов, Г.К. Маландин, А.П. Покровский, Л.М. Сандалов, А.И. Гастилевич и др., ставшие в годы войны начальниками Генерального штаба, командующими войсками фронтов и армий, начальниками штабов фронтов.

Наряду с подготовкой командного состава большое внимание уделялось боевой и политической подготовке войск. В течение длительного времени в основу обучения и воспитания войск был положен опыт Гражданской и Первой мировой войн. И в этом не было бы ничего предосудительного, если бы этот опыт Ворошилов и его сторонники не фетишизировали в ущерб изменившимся условиям ведения боевых действий в связи с появлением новых средств борьбы как в Красной Армии, так и у вероятных противников. «Нельзя не отметить громадного влияния прошлого боевого опыта на постановку обучения армии, — указывал Тухачевский в 1932 г. — Одновременно можно отметить немало фактов, когда прошлый опыт, выработанный в победоносных войнах, сказался не благоприятно, а отрицательно на организацию боевой подготовки»¹.

В связи с этим опытные и наиболее талантливые военачальники, стоявшие во главе военных округов, такие, как И.Э. Якир (Киевский), И.П. Уборевич (Белорусский), Б.М. Шапошников (Ленинградский), И.П. Белов (Северо-Кавказский), В.К. Блюхер (Дальневосточный фронт), Н.В. Куйбышев (Закавказский) и др. учили войска тому, что нужно на войне, учитывая при этом новые средства борьбы и взгляды на характер начального периода будущей войны. Именно этим вопросам в то время отводилось одно из главных мест в советской военной теории.

Проблема научного предвидения характера начального периода войны приковывала к себе внимание военных теоретиков как у нас в стране, так и за рубежом, с середины 20-х годов. Правильное решение ее имело огромное практическое значение в определении удельного веса видов вооруженных сил и родов войск, численного состава вооруженных сил вообще, их боевой подготовки и других вопросов.

Как же решалась эта проблема в Красной Армии? Одной из первых работ о «Начальном периоде войны» была статья Я.И. Алксниса (с 1931 г. начальник управления ВВС, член Реввоенсовета СССР), опубликованная в 1929 г. в журнале «Война и революция», являвшемся, по словам его главного редактора Р.П. Эйдемана, «центром военно-научной мысли». Уже данная статья была шагом вперед в разработке этого вопроса по сравне-

---

¹ Военно-исторический журнал. 1962. № 2. С. 70.

нию с Первой мировой войной. Тогда под начальным периодом понимали период от объявления войны до вступления в сражение основной массы вооруженных сил. Основным содержанием начального периода была по существу не вооруженная борьба, а отмобилизование, сосредоточение и развертывание сил на театрах военных действий, то есть, главным образом, подготовка к ней.

В своей статье Алкснис отмечает, что «вопрос о начальном периоде современной войны стал настолько сложным, что он требует специального исследования. Между тем начальный период войны пока еще изучен весьма слабо. И недаром наш единственный толстый журнал по военно-политическим вопросам «Война и революция» (обратим внимание читателя на тот факт, что в названии журнала выражена ставка на мировую революцию, средством достижения которой является война. — В.А.) в программе на текущий год особое внимание уделил именно вопросам начального периода войны»¹.

Необходимость этого вытекала из оценки характера будущей войны — войны длительной, напряженной, в которой будут участвовать с обеих сторон миллионные армии и огромное количество боевой техники. Отсюда совершенно ясно, указывал автор, что более или менее тщательно можно изучить и спланировать только начало будущей войны; более или менее тщательно можно подготовиться только к ее начальному периоду. О том, что понимал автор под начальным периодом и какое содержание вкладывал в это определение, видно из следующей фразы: «План начального периода: план мобилизации армии, план сосредоточения и развертывания армии, план прикрытия мобилизации и план первой операции»². Таким образом, в отличие от прежних определений Алкснис включает в содержание начального периода войны не только период от объявления войны до завершения развертывания главных сил, но и первую операцию, проводимую ими.

Особое внимание в статье Алкснис как специалист, естественно, уделил вопросу использования авиации в начальном периоде войны. «В этот период, когда сухопутная армия еще мобилизуется, готовится к обороне, — отметил он, — действия авиации должны быть особенно плодотворными... Если подходить к использованию авиации с узкой военной точки зрения, то есть если иметь в виду одни военные победы и поражения, забывая о политических победах и поражениях, весьма выгодным представляется проявить инициативу и первому напасть на врага. Проявив-

---

¹ Война и революция. Книга девятая. 1929. С. 7.

² Там же.

ший инициативу нападением воздушного флота на аэродромы и ангары своего врага может потом рассчитывать на господство в воздухе»¹. (22 июня 1941 г. Германия начала войну против СССР точно по Алкснису.)

О «действиях авиации в начальном периоде войны» в этом же журнале, но на несколько месяцев раньше была напечатана статья В. Новицкого. «В начальном периоде войны, — заметил он, — перед авиацией открывается чрезвычайно широкое поле деятельности»².

В 1931 г. в журнале «Война и революция» в порядке обсуждения была напечатана статья «К вопросу о характере начального периода войны» Эйдемана, являвшегося в это время начальником Военной академии имени Фрунзе. Содержание этой статьи свидетельствовало о значительном шаге вперед на пути к теоретической разработке проблем начального периода войны. «Вовсе не случайно, — указал автор, — что буржуазная и наша военно-теоретическая мысль пытливно стремится обрисовать именно облик первого периода войны... Качественные показатели, отличающие армии 1930 г. от армий 1914 г., естественно, внесут изменения в военно-технический характер самой завязки войны. Тот, кто этого не учтет, будет жестоко наказан»³. Поистине, как в воду глядел!

Эйдеман, так же как и Алкснис, указывал на важную роль авиации и танковых войск в начальном периоде войны. Первые же часы войны ознаменуются открытием ожесточенной воздушной войны. Дополняя действия авиации и взаимодействуя с нею, писал он, границу перейдут легкие, подвижные, но в огневом отношении сильные мотомехвойска, глубоко вторгаясь в страну противника. Таков, по мнению Эйдемана, должен был быть характер борьбы, под прикрытием которой отмобилизовывался и вводился в сражение для достижения дальнейших решительных целей первый стратегический эшелон. Эйдеман сделал пророческий вывод: «Самое худшее в современных условиях — это стремление в начальный период войны придерживаться тактики выжидания. Такая тактика при активном противнике, подготовившем свой воздушный флот и подвижные наземные войска для активных действий уже в начальный период войны, приведет к тому, что авиация обороняющегося, будучи принуждена распылять свои усилия по всему пространству обороняемой территории, неизбежно понесет в этой борьбе крупные потери и вступит в конечном счете в решающий фазис войны достаточно измотанной и морально подавленной»⁴.

---

¹ Война и революция. Книга девятая. 1929. С. 7.

² Там же. Книга шестая. 1929. С. 55.

³ Там же. Книга восьмая. 1931. С. 11.

⁴ Там же. С. 13—14.

Особое внимание автор уделял подготовке войск прикрытия. «Если твердо установить (и не только установить, но упорно и целеустремленно к этому идти), что начальный период будет отличаться высокой маневренностью, подвижностью фронтов и участков, — указывал он, — то задача сведется к тому, чтобы тренировать войска в упорном стремлении искать фланги противника и уметь направить все силы современной техники для осуществления смелых, сокрушающих охватов и обходов»¹.

Так характеризовал начальный период войны за десять лет до начала советско-германской войны Эйдеман.

Значительный шаг вперед на пути к теоретической разработке проблем начального периода войны в 1933 г. сделал начальник кафедры Военной академии им. Фрунзе Е.А. Шиловский в журнале «Война и революция», напечатавший статью «Начальный период войны». После краткого экскурса в историю он поставил вопрос: «Каким может быть начальный период в будущей войне?» и ответил: «Даже при поверхностном обзоре современной политической ситуации и состояния военной техники (особенно развития авиации и мото-механизированных войск) ясно, что начальный период будущей войны будет резко отличаться от такового в 1914 г. Он будет совсем другой как по своему содержанию, так и по формам военных действий. В определенных случаях его даже может и не быть в прежнем понимании как четко ограниченного отрезка времени: он, с одной стороны, может раствориться в длительно проводимых мероприятиях подготовительного порядка, а с другой — незаметно перейти в ведение операций...»²

Ссылаясь на решения XII пленума исполнительного комитета Коминтерна (1932 г.), вскрывшего тенденцию к «вползанию в войну», автор убедительно показывает вероятность начала будущей войны без ее объявления. «Новый термин “вползание в войну”, — заметил он, — подразумевает скрытые методы подготовки к войне и фактическое начало военных действий без официального объявления войны, чтобы замаскировать, скрыть от народных масс момент возникновения новой империалистической мировой войны»³. При этом мобилизация будет проводиться постепенно, а сосредоточение и развертывание армии вторжения также могут осуществляться постепенно, маскируясь различными предлогами (сборы, маневры, учения). Говоря о характере вооруженной борьбы в

---

¹ Война и революция. Книга восьмая. С. 16.

² Там же. Сентябрь — октябрь, 1933. С. 4.

³ Там же. С. 5.

начальном периоде войны, Шиловский указывал, что «в будущей войне ожесточенная борьба... развернется с первых же часов военных действий на большом пространстве театра военных действий по фронту, в глубину и в воздухе... При этом следует рассчитывать не на молниеносный разгром армий классовых врагов, а готовиться к упорной и ожесточенной борьбе, которая даст нам окончательную победу» (эту мысль повторит маршал С.К. Тимошенко в заключительной речи на декабрьском (1940 г.) совещании высшего командного состава Красной Армии)¹.

Анализируя различные точки зрения зарубежных военных теоретиков, он приходит к подтвердившемуся впоследствии выводу о том, что новые рода войск (авиация, бронетанковые соединения), которые полностью будут введены в действие в начале войны, «могут настолько сильно потрясти противника, что результат их действий скажется решающим образом на ходе последующих операций и возможно даже на исходе войны»². Характерно, что точка зрения Шиловского на использование авиации в начальном периоде, да и в ходе всей войны, больше отвечала требованиям современной войны, чем наши официальные взгляды накануне вторжения немецкой армии. Он, в частности, рекомендовал основные силы авиации объединять в руках главного и фронтового командования и использовать их массированно.

Научно обосновав решающее влияние операций начального периода на ход и исход войны, Шиловский пишет в заключение о необходимости такой подготовки страны и вооруженных сил к войне, которая позволила бы вести наступательные операции с решительной целью с самого ее начала. «Отсюда большое значение такой подготовки страны и вооруженных сил, — подытоживает он, — которые предусматривают не только возможность развертывания в течение определенного срока массовой армии, оснащенной современной техникой, но и обеспеченность и успешность проведения боевых операций в начальный период с первого ее дня»³.

Осенью 1934 г. журнал «Война и революция» опубликовал статью другого начальника кафедры Военной академии им. Фрунзе Л.С. Амирагова «О характере будущей войны». Автор указал, что в будущей войне против СССР выступит коалиция государств. «На сегодня, — заметил он, — такая коалиция складывается в лице Германии и Японии как государств, наиболее заинтересованных в новом переделе мира и поэтому

---

¹ Война и революция. Сентябрь — октябрь. 1933. С. 7—8.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 11.

главных носителей открытой империалистической экспансии на современном этапе»¹.

Не подлежит сомнению, отмечал Амирагов, что коалиция государств, начав войну против СССР, будет стремиться закончить ее в короткий срок. «Краткосрочность войны, — указывал он, — выгодна буржуазии и в том отношении, что она позволит ей иметь армию военного времени, более подготовленную в военно-техническом отношении, чем при войне длительной»².

Агрессивные государства, по мнению автора, будут развязывать войны без объявления. В этом отношении пример Японии в войне с Китаем станет для других стран достойным подражания, ибо подобное начало войны имеет для нападающей страны целый ряд военных преимуществ. В этом случае сосредоточение и фактическое развертывание армии проводятся раньше противника и до момента возникновения враждебных действий с его стороны. Вползание в войну имеет не менее важное значение и в том отношении, что оно есть одна из форм осуществления принципа внезапности со всеми вытекающими последствиями. «Современные буржуазные государства и, в частности, готовящие на нас нападение — Германия и Япония, — подчеркнул Амирагов, — не могут не прельститься этими преимуществами». Агрессоры будут стремиться «придать начальному периоду войны решающее значение, что, в свою очередь, предполагает широкое пользование маневренными формами борьбы»³.

В такой войне, развязанной против СССР агрессорами, и для нас, по заключению автора, начальный период будет иметь особо важное значение. Мы, так же как и противник, должны будем развернуть к началу войны главные свои силы и ввести их в сражение, чтобы сломить сопротивление вторгшегося агрессора и разгромить его. «Мы заинтересованы (это вытекает из установки на мировую революцию. — В.А.) в развертывании решающих операций в начальном периоде войны и с той целью, — подчеркивает он, — чтобы не дать нашим противникам возможности до конца использовать все мобилизованные ими к началу войны средства борьбы как против нас, так и в борьбе с революционным движением внутри своих стран. В развитии операций, в подавлении экономических центров и живой силы противников, — отмечается в статье, — особо важную роль будет играть авиация и мото-мехсилы. Авиация вместе с мото-

---

¹ Война и революция. Сентябрь — октябрь. С. 6.

² Там же. 1934. С. 15.

³ Там же.

мехсоединениями начнет войну, она же придаст начальному периоду исключительно важное; а быть может и решающее значение»¹.

Исследование Амирагова внесло некоторый вклад в определение характера будущей войны и ее начального периода. Уже в 1934 г. он назвал наших вероятных противников, которые к началу войны полностью подготовят свои армии, сосредоточат и развернут их вдоль границ, а затем, используя внезапность, нападут на нас.

Большой интерес представляет также напечатанная в этом номере журнала статья Д. Закутного под названием «Внезапность». В ней идет речь о роли внезапности в начале войны, о заблаговременном отмотилизовании вооруженных сил и их постоянной боевой готовности. «Авиация и быстроходные танки, — указывает автор, — по своей природе являются оружием внезапности. Полный эффект (и вообще успех) от этих средств борьбы можно получить лишь при условии внезапного их применения»².

Одним из важнейших элементов внезапности, по утверждению автора, является быстрота маневра. Войска и командиры, воспитанные на активности и инициативе и приученные к подвижности, всегда будут иметь шансы на успех, даже меньшими силами (как это сделали немцы при вторжении в СССР. — *В.А.*), тщательно подготавливаясь к использованию выгод внезапного нападения. «Внезапность приобретает особенно большое значение и дает большие плоды побед, — справедливо отмечает Закутный, — когда рассчитана на использование слабых сторон противника»³. Заметим, что германское командование, развязывая войну против Советского Союза, как раз и рассчитывало на незавершенность перевооружения и организационной перестройки Советских Вооруженных Сил. Давая определение оперативно-стратегической внезапности, он отмечает, что она состоит не только в подготовке и проведении операции. «В настоящее время это понятие расширяется до организации, мобилизации и сосредоточения. Таких спокойных и планомерных организаций, сосредоточения и развертывания армий, как были в 1914 году, надо полагать, в будущем не будет». Доминирующее значение, обращает он внимание читателя, получит метод «мирных» мобилизаций и сосредоточения войск под предлогом частных сборов, маневров и т.п. Для скрытия сосредоточения и достижения внезапности наступления, по предположению Закутного, будут широко использованы маскировочные мероприятия и демон-

---

¹ Война и революция. Сентябрь — октябрь. 1933. С. 17.

² Там же. 1934. с. 20.

³ Там же. С. 22.

стративные действия: усиленное железнодорожное движение и имитация высадок на второстепенных направлениях, сильная защита этих районов средствами противовоздушной обороны, интенсивная работа радиостанций и т.п. создадут видимость жизни этих районов, внешне ничем не разнящихся с районами, где происходит сосредоточение главных сил.

Закутный, не ведая того, начертил сценарий для немцев по достижению внезапности вторжения в СССР. «Творческая и разумная инициатива в рамках директив вышестоящего командования, — пишет он в заключение, — знание тактики противника, хорошая постановка разведки, охранения, общая бдительность войск, достижение превосходства средств и полноты подготовки являются главными условиями для успеха внезапных действий и предотвращения их со стороны противника»¹.

В 1935 г. этот журнал, на страницах которого отражалась передовая военно-теоретическая мысль, был закрыт. Подводя итоги анализа статей журнала «Война и революция», можно констатировать, что к середине 30-х годов военная теория значительно шагнула вперед в решении проблем будущей войны и в особенности ее начального периода. Военные теоретики обосновали необходимость в условиях угрозы нападения заблаговременного отмобилизования, сосредоточения и развертывания значительной части вооруженных сил и поддержания их в боевой готовности к отпору агрессии. Они предсказали, что будущая война начнется без объявления, внезапно. Операции с самого начала приобретут напряженный характер. В сражение сразу же бросят крупные силы и поэтому, в отличие от Первой мировой войны, они окажут огромное влияние на ход и исход войны. Решающую роль в начале войны, по их заключению, будут играть авиация и танковые войска.

Но на этом советская военная мысль еще не застыла. 20 мая 1936 г. даже орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» опубликовала статью научного сотрудника Генерального штаба комбрига С.Н. Красильникова под заголовком «Начальный период будущей войны». Объясняя повышенный интерес общественности к проблемам будущей войны и, в частности, к ее начальному периоду, автор указывал, что военно-техническая база современных массовых армий сильно изменилась по сравнению с Первой мировой войной. Новые средства нападения (бомбардировщики, крупные механизированные соединения) меняют характер первых операций, они дают возможность по-новому ставить проблему завязки будущей войны. Рассматривая взгляды зарубежных военных теоретиков, автор подчеркивал, что особую роль они отводят стратегической внезапности, инициа-

---

¹ Война и революция. Сентябрь — октябрь, 1934. С. 23.

тиве в открытии военных действий, дающей огромные выгоды для нападающего. Как пишет генерал Шварте, отмечает Красильников, «грохот авиационных бомб и треск танков будут объявлением войны завтрашнего дня». Исходя из опыта японской агрессии в Китае и итальянской — в Абиссинии, Красильников пришел к выводу, что «боевые действия в будущей войне... начнутся внезапным вторжением, без формального объявления войны». Авиация нападающего нанесет крупное поражение противнику, а подвижные соединения будут бить его собирающиеся войска по частям, внося панику и смятение в передовой зоне театра военных действий.

«Таким образом, — заключает он, — завязка войны мыслится, как внезапное нападение тяжелой бомбардировочной авиации с воздуха на жизненные центры страны, соединенное с глубоким вторжением крупных мото-механизированных или конных масс, поддержанное действиями легкой боевой авиации по железным дорогам и транспортным средствам, необходимым для сосредоточения боевых сил».

Таковы были взгляды на характер будущей войны и ее начальный период к 1937 г., когда их дальнейшее развитие было прекращено в связи с тем, что по этим вопросам указания мог давать только «непревзойденный» военный мыслитель — Сталин. Все остальные политические и военные деятели, теоретики и практики военного дела могли только повторять его «мудрые» высказывания и лакейски комментировать их.

Без вмешательства Сталина не публиковалась в открытой печати ни одна сколько-нибудь серьезная статья. Так, например, еще в 1935 г. Сталин подверг существенной правке статью М.Н. Тухачевского «Военные планы Гитлера», напечатанную в «Правде» 31 марта под заголовком, вписанным Сталиным, «Военные планы нынешней Германии». Материалы этой большой по объему статьи не только свидетельствуют о размахе подготовки Германии к агрессии, но и вскрывают «германские взгляды на ведение современной войны». Надо заметить, что они по существу были такими же, как и в Красной Армии. В этом нет ничего удивительного, так как до 1933 г. командный состав Советского Союза и Германии обучался и готовился по существу совместно. Тухачевский пишет, что в книге «Современная военная наука», изданной в 1934 г., «генерал Мецш утверждает, что стратегическая цель сильно вооруженного государства заключается в перенесении военных действий на территорию противника, чтобы с самого начала войны расстроить его военную организацию. Для этой цели должны быть, прежде всего, применены воздушные, затем быстроподвижные, т.е. в первую очередь моторизованные силы». Высказываний в этом духе, указывает Тухачевский, мы находим в германской военной литературе сколько угодно. «Новая германская военная

доктрина кристаллизуется, а теперь обеспечивается и материально», — отмечает он.

Тухачевский приводит оценку германской военной доктрины маршалом Франции Петеном. В журнале «Revue des deux Mondes» 1 марта 1935 г., последний, характеризуя германскую военную доктрину, говорит, что «появление нового вооружения может придать борьбе совершенно иной оборот. В настоящее время, — продолжает Петен, — можно представить себе войну внезапно начинающуюся приемами, способными уничтожить первый эшелон военных сил противника, дезорганизующими его мобилизацию и разрушающими жизненные центры его мощи».

«Итак, — подытоживает Тухачевский, — Германия организует громадные вооруженные силы и в первую очередь готовит те из них, которые могут составить могучую армию вторжения».

Заключительную часть статьи написал Сталин. «Таким образом, — указал он, — для осуществления своих реваншистских и захватнических планов, Германия будет иметь к лету этого года армию минимум 849 000 человек, т.е. армию большую на 40 проц., чем Франция, и почти такую же по численности как СССР (у СССР 940 тысяч человек, считая все рода войск). И это несмотря на то, что СССР имеет в 2,5 раза больше населения и в десятки раз больше территории, чем Германия. Так выглядит на деле так называемое равноправие в вооружениях».

Статья Тухачевского в соавторстве со Сталиным явилась открытым отражением происходившей с момента прихода Гитлера к власти гонки вооружений в Германии и Советском Союзе. Именно 1935 г. показал силы Красной Армии, искусство ее военачальников и боевое мастерство войск. Осенью этого года на полях Киевщины во время маневров во всей широте впервые в Европе проверялась теория глубокой операции, родоначальником которой в Советском Союзе явился начальник оперативного отдела штаба Красной Армии В.К. Триандафиллов, трагически погибший при авиационной катастрофе в 1931 г.

Глубокая операция имела в виду наличие большого количества авиации, танков и воздушно-десантных войск. Она развертывалась на больших пространствах при участии огромных масс людей. На киевских маневрах сторону «синих» возглавлял командующий войсками Харьковско-го военного округа И.Н. Дубовой. «Красными» командовал его заместитель С.А. Туровский, который в годы Гражданской войны был помощником В.М. Примакова — создателя украинской конницы — Червоного казачества.

Большие киевские маневры, помимо чисто военного аспекта, имели, главным образом, политическую цель — показать всему миру, что Советс-

кий Союз не страшится угроз фашистской Германии. Поэтому на маневры пригласили многочисленные иностранные делегации, в том числе и военных атташе посольств всех стран, аккредитованных в Москве, сопровождаемых представителем штаба РККА А.И. Седакиным. Среди иностранных гостей были: французский генерал Луазо и чехословацкий генерал Крейчи. С Францией и Чехословакией был подписан к тому времени договор о взаимной помощи.

В глубокой операции предусматривалось синхронно накрыть всю оборону врага всем арсеналом средств: грузом авиабомб, шквальным огнем пушек, ударом танков, высадкой воздушных десантов, атаками пехоты, конницы и еще пропагандистскими листовками.

Одну из бригад возглавлял Д.А. Шмидт, которого в 1937 г. обвинят в руководстве «заговором» с целью убийства Ворошилова на этих маневрах и расстреляют. Открыл «военные действия» 12 сентября 1935 г. Дубовой. «Синие» оттеснили части прикрытия «красных» к переднему краю, боем уточнили систему обороны и изготовились к ее преодолению. На следующий день рано утром эшелонированные в глубину пехота и танки, сопровождаемые «мощным» огневым валом, сломили сопротивление «красных». В прорыв двинулись танки и конница. С бреющего полета на разомкнутые линии кавалерии обрушились вереницы самолетов-штурмовиков.

14 сентября Дубовой обрушил с воздуха на тылы «противника» невиданный по своим масштабам мощный десант. Сначала свыше тысячи парашютистов, а потом под их прикрытием самолеты с пехотой, пушками, танками. Но и «красные» не дремали. Туровский двинул против десантников свой резерв. Завязался бой в глубине, к востоку от Киева, вскоре нейтрализовавший успех воздушного десанта.

15 сентября, в самый напряженный день маневров, с раннего утра пришли в движение огромные массы войск. Туровский, отбивая яростный натиск на линии реки Ирпень гарнизоном Киевского укрепленного района (кстати, на этом же рубеже отражали натиск немцев летом 1941 г.), двинул в обход свой мощный резерв — мото-механизированную группу. Но над ее флангом вскоре навис 2-й конный корпус под командованием Н.Н. Криворучко, усиленный танками. В эти критические для «красных» минуты во фланг конному корпусу нанесла удар 9-я кавалерийская дивизия, так же, как и Криворучко, широко известного в Красной Армии кавалериста К.А. Ушакова, который, как и Криворучко, в 1937 г. будет расстрелян.

В полдень разгорелось напряженное сражение крупных сил пехоты, конницы, танков. Густая пыль, поднятая гусеницами и копытами, пре-

вратила день в ночь. Более того, заработали еще дымопуски тяжелых танков батальона Б. Петрицы. Прикрытые дымовой завесой, они мощным тараном обрушились на боевые порядки «синих». Подоспевший танковый резерв Туровского, поддержанный с воздуха штурмовиками, довершил окружение конного корпуса. Загремели трубы, означавшие окончание маневров.

Отзывы иностранцев о маневрах, появившиеся на страницах прессы были высокими. «В отношении танков я полагал бы правильным, — указал генерал Луазо, — считать Армию Советского Союза на первом месте». Ему вторил генерал Крейчи: «Наиболее характерным считаю массовое применение больших моторизованных соединений и новую интересную тактику». А итальянский генерал Монти был «в восторге от применения воздушного десанта».

Киевские маневры, а в следующем году Белорусские, показали высокую боевую мощь Красной Армии, хорошую выучку красноармейцев и навыки командного состава. Учения 1935—1937 г. продемонстрировали передовой характер военного искусства Красной Армии, которая в те годы успешно решала вопросы организации и применения на поле боя новых средств вооруженной борьбы, в частности, крупных механизированных, танковых и военно-воздушных соединений.

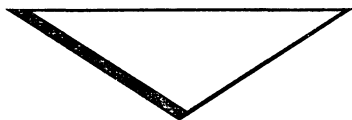
До 1937 г. Красная Армия превосходила вермахт (рейхсвер) в количественном и качественном отношениях. Главную роль в реорганизации Красной Армии сыграл М.Н. Тухачевский и его сторонники, которых было подавляющее большинство. Весной 1937 г. фактически все высшие командные и штабные должности занимали крупные специалисты, уровень образования офицеров был высоким. Один Ворошилов оставался во главе армии в качестве «парадного генерала». Вокруг него «крутились» Буденный, Кулик и Щаденко, к которым примкнет позже Мехлис.

Тем, что Красная Армия к середине 30-х годов стала хорошо организованной и могучей силой, Сталин был обязан больше всего Тухачевскому. Архивные материалы убедительно свидетельствуют о том, что все сколько-нибудь крупные вопросы, связанные с организацией и вооружением Красной Армии, ставились и проводились в жизнь именно им. По его совету Сталин устранил дуализм (командир—комиссар) в Красной Армии, так сильно мешавший командованию. Это «устранение» политики в пользу военной квалификации в руководстве Красной Армии, должно было, как этого небезосновательно опасались, натолкнуться на сопротивление радикальных элементов, а также на противодействие тех, кто в переходе к строго дисциплинированной армии усматривал признак контрреволюции по образцу Наполеона.

Еще в то время, когда Сталин сохранял полное доверие к Тухачевскому и строил на основе создаваемой им организации армии свои планы на будущее, ему уже около года нашептывалось, что, возможно, придется испытать жестокое разочарование в Тухачевском, которому была предоставлена диктаторская власть в военных делах. Недругам Тухачевского удалось убедить вождя, что такое руководство армией представляет огромную опасность. Когда после этого новый руководитель НКВД Н.И. Ежов сообщил о раскрытии широкоразветвленной контрреволюционной организации, а Л.Д. Троцкий «подлил масла в огонь тем, что написал о наличии в СССР сил во главе с военными, способных ликвидировать сталинский режим», судьба армии и ее руководства была predetermined.

Так закончился период взлета Красной Армии. Военная квалификация была принесена в жертву безопасности тоталитарной системы.

ГЛАВА II

КРУШЕНИЕ

1. ОБЕЗГЛАВЛИВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

20 марта 1964 г. К.М. Симонов прислал мне «Роман-газету», в которой была опубликована первая часть повести «Солдатами не рождаются». Дарственная надпись гласила: «Через несколько месяцев пришло Вам и вторую книгу, одно из самых важных мест которой не могло бы быть написано, не прочти я Вашего интереснейшего исследования о начальном периоде Великой Отечественной войны».

Во время встречи он сообщил мне, что из моей книги «Начало Великой Отечественной войны» взял для романа материал о репрессиях военных кадров. «В результате этого, — говорится в ней, — на командные должности были вынуждены выдвигать молодых, недостаточно подготовленных офицеров. Осенняя (1940 г.) проверка, проведенная генерал-инспектором пехоты, показала, что из 225 командиров полков, привлеченных на сбор, ни одного человека не оказалось с академическим образованием, 25 окончили военные училища, а остальные 200 — лишь курсы младших лейтенантов»¹.

Обменявшись мнениями по этому вопросу, мы заключили, что если бы не было кровавого 1937 г., не было бы и столь трагического сорок первого.

В Европе, да и в США, мало кто верил в то время в советскую военную мощь, учитывая масштабы «большого террора» в вооруженных силах. Весной 1938 г. президент Чехословакии Э. Бенеш сказал, что он «более не считает советскую армию способной к эффективным действиям на Западе»².

В середине мая того же года германский посол в Москве Шуленбург сообщил в Берлин, что репрессии «настолько уменьшили вес Советского

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп.75593. Д.49. Л.63.

² Советская внешняя политика 1917—1945 гг. М., 1992. С. 151.

Союза в мировых делах, что любая попытка Литвинова (нарком иностранных дел СССР. — В.А.) заручиться поддержкой других стран с самого начала обречена на провал»¹.

В Берлине учитывали это, готовя нападение на Советский Союз.

«Вопрос о гегемонии в Европе решится в борьбе против России, — заявил Гитлер на совещании с руководителями вермахта 5 декабря 1940 г. —...Опыт прежних военных кампаний показывает, что наступление должно начинаться в соответствующий благоприятный момент. Выбор благоприятного времени, — указал он, — зависит не только от погоды, но и от соотношения сил сторон, вооружения и т.д. Русские уступают нам в вооружении... Основная масса русских танков имеет плохую броню... Армия не имеет настоящих командиров, — подчеркнул Гитлер. — Смогли ли они за последнее время серьезно внедрить правильные принципы военного руководства в армии — более чем сомнительно. Начатая реорганизация русской армии к весне еще не сделает ее лучше. Весной мы будем иметь явное превосходство в командном составе, материальной части, войсках. У русских все это будет, несомненно, более низкого качества. Если по такой армии нанести мощный удар, — заключил он, — ее разгром неминуем»².

Начальник генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковник Ф. Гальдер, выслушав возвращавшегося из Москвы полковника Кребса, который временно замещал военного атташе генерала Кестринга, 5 мая записал в своем служебном дневнике: «Русский офицерский корпус исключительно плох (производит жалкое впечатление), гораздо хуже, чем в 1933 г. России потребуется 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня (впечатление Кребса)»³.

Почему подобное стало возможным? В чем причины этого? Как обезглавливалась армия? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо, как учит Козьма Прутков, «зреть в корень». Этот «корень» указал В.И. Ленин в «Письме к съезду», записанном с его слов в конце 1922 — начале 1923 годов. «Я думаю, — говорилось в нем, — что основным в вопросе устойчивости... являются... Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности... Троцкий..., пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК... Сталин слишком груб, — отмечает Ленин. —...Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения... о взаимоотношении

---

¹ Советская внешняя политика 1917—1945 гг. М., С. 151.

² Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 280, 282.

³ Там же. С. 504.

Сталина и Троцкого... это такая мелочь, которая может получить решающее значение»¹.

Отрицательными качествами Сталина были не только грубость, жестокость и раздражительность, но и скрытность, залезание в душу, жестокость, болезненная подозрительность и ненависть. Мог ли он, жаждущий власти, не возненавидеть действительно самого способного человека в тогдашнем руководстве и не вести борьбу с ним до конца, не считаясь ни с чем? Как показала жизнь — не мог. Эта борьба Сталина с Троцким и привела в конце концов к многочисленным жертвам. Характерно, что всем процессам, которые проводились в СССР в 20-е и 30-е годы, навешивался ярлык «троцкистских». К сожалению, Троцкий вольно или невольно систематически «подливал горячее в пылающий костер». В открытых письмах из-за рубежа, статьях, книгах он клеймил Сталина и призывал отстранить его от власти. Он указывал, что людей, в том числе и военных, готовых сделать это, в стране немало. Троцкий без устали призывал к этому, заявляя, что оппозиция Сталину растет. К тому же в своих книгах, изданных в 1936 г. и начале следующего года, он подчеркивал, что Советский Союз едва ли выстоит, если Германия развяжет войну против него, и тогда Сталин сойдет со сцены.

Сталин кипел от злобы и решил «обезопасить» себя и страну гибелью десятков тысяч человек. С этой целью был проведен февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. — одна из самых позорных страниц нашей истории. Согласно режиссуре Сталина по первому вопросу: «Дело Бухарина и Рыкова» с докладом выступал народный комиссар внутренних дел Н.И. Ежов. «Они, — заявил он, — считают первым и основным долгом свержение сталинского режима... Это уничтожение может произойти... 1) в результате внешнего удара, т.е. в результате наступательной войны Германии и Японии на СССР. 2) В результате дворцового переворота или военного переворота, могущего быть совершенным одним из красных генералов»².

Сам Сталин выступил с докладом «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников». «Современный троцкизм это оголтелая банда... фашистских вредителей..., — заявил он. — Реставрация капитализма, территориальное расчленение Советского Союза (Украину — немцам, Приморье — японцам); в случае нападения врагов — вредительство, террор. Это все платформа троцкизма»³.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С. 344—346.

² Вопросы истории. 1992. № 4—5. С. 10

³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 612, Л. 12.

Председательствовавший на пленуме В.И. Молотов в заключительном слове сказал: «Было вначале предложение по военному ведомству здесь особый доклад заслушать, потом мы отказались от этого... Если у нас во всех отраслях хозяйства есть вредители, можем ли мы себе представить, что только там нет вредителей. Это было бы нелепо... Военное ведомство — очень большое дело, проверяться его работа будет не сейчас, а несколько позже, и проверяться будет очень крепко».

Решения февральско-мартовского пленума, требования Сталина и Молотова о «проверке» военного ведомства были восприняты органами НКВД как прямая директива по массовой чистке кадров армии и флота от имевшихся якобы там вредителей. К этому времени они располагали материалами о «существовании» в армии военно-троцкистской организации. Они «добыты» были путем истязаний «участников» так называемого «параллельного троцкистского центра». По показаниям Е.А. Дрейцера, С.В. Мрачковского и И.И. Рейнгольда, в нее входили, в частности, заместитель командующего Ленинградским военным округом комкор В.М. Примаков и военный атташе при полпредстве СССР в Англии комкор В.К. Путьна. 14 августа 1936 г. арестован первый из них, а 20 августа — второй. На всех допросах вплоть до мая 1937 г. Примаков категорически отрицал свое участие в какой-либо контрреволюционной деятельности. В письме к Сталину от 16 октября 1936 г. он признался лишь в том, что враждебно высказался о С.М. Буденном и К.Е. Ворошилове. Путьна же 31 августа дал показания о своем совместно с Примаковым участии в военной организации троцкистов.

Ежов, по указанию Сталина, стремился любыми путями добиться от арестованных военачальников и бывших сотрудников НКВД показаний о существовании «военно-троцкистской организации» в армии и о том, что во главе ее стоят Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский и другие видные военные деятели. Их глубокий профессионализм, независимость в суждениях, открытая критика и ирония в адрес выдвиненцев Сталина — К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного, Г.И. Кулика, Е.А. Щаденко и других, не понимавших необходимости создания крупных танковых, авиационных и воздушно-десантных соединений, — вызывали у него раздражение, подозрительность и опасения, что армия не поддержит проводимый им курс и в случае войны изменит ему. Отсюда стремление убрать из армии всех вызывавших хоть малейшее подозрение.

Но для этого нужно было еще «выбивать» компромат. В конце апреля 1937 г. от бывшего заместителя наркома внутренних дел Г.Е. Прокофьева и начальника Особого отдела НКВД М.И. Гая были получены «показания» о преступных связях М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.П. Уборевича, А.И. Корка, Б.М. Шапошникова, Р.П. Эйдемана и других с бывшим

наркомом внутренних дел Г.Г. Ягодой. Это дало основание Сталину после первомайского парада на обеде в квартире Ворошилова заявить, что враги будут разоблачены, партия их сотрет в порошок, и поднять тост за тех, кто достойно займет свое место за славным столом в октябрьскую годовщину.

«Добыча» разоблачителей врагов продолжалась. 6 мая 1937 г. был арестован комбриг запаса М.Е. Медведев, бывший до 1934 г. начальником ПВО Красной Армии. На допросе 10 мая он рассказал о существовании в Красной Армии «военной контрреволюционной организации», ставившей своей задачей свержение советской власти, чему должна была предшествовать вооруженная помощь интервентов, и установление военной диктатуры. В состав центра во главе с Тухачевским входили Якир, Путна, Примаков, Корк.

8 мая президент Чехословакии Э. Бенеш переслал Сталину в виде личного секретного послания досье с материалами о «военном заговоре» в СССР. Это досье, как выяснилось позже, состоявшее из документов — «доказательств» заговора, возглавляемого Тухачевским и другими видными военачальниками, было сфабриковано в Германии по указанию Гитлера и подброшено в Чехословакию, находившуюся в дружественных отношениях с Советским Союзом. Оно преследовало цель сыграть на отрицательных качествах Сталина, его мнительности, подозрительности, жестокости и таким образом ослабить Красную Армию. И оно, безусловно, сыграло в этом определенную роль.

Не выдержав пыток, в тот же день, 8 мая, начал «признаваться» и Примаков об участии в троцкистской контрреволюционной организации. Вскоре он стал называть «участников» ее. 14 мая заявил о Якире, как наиболее подходящем кандидате на пост наркома обороны вместо Ворошилова. Через неделю от него было получено показание о том, что во главе заговора стоит Тухачевский, который, как и Якир, якобы был связан с Троцким. Он назвал в тот день около сорока «участников» заговора, среди которых были Б.М. Шапошников, С.С. Каменев, Я.Б. Гамарник, П.Е. Дыбенко, Б.М. Фельдман и другие.

Подвергнутый мучительному допросу, Путна 14 мая также дал показания на Тухачевского и других военачальников как участников «военной антисоветской троцкистской организации». Арестованный в тот же день начальник Военной академии им. Фрунзе командарм 2-го ранга А.И. Корк 16 мая под пытками «признался», что был участником военной организации, основная задача которой состояла в проведении военного переворота в Кремле. Возглавлял организацию, по его словам, штаб во главе с Тухачевским, Путной и им — Корком.

15 мая был арестован заместитель командующего войсками Московского военного округа комкор Б.М. Фельдман. Вскоре он также вынужден был «давать» подобные же показания. Представляя 20 мая Сталину протокол допроса Фельдмана, Ежов просил обсудить вопрос об аресте «остальных участников заговора». Но нарком внутренних дел не знал, что сценарий ареста уже был разработан. По указанию Сталина, 9 мая Ворошилов, не любивший своего заместителя потому, что завидовал его таланту и широкой образованности, обратился в Политбюро с письмом о подтверждении новых назначений. На следующий день было решено освободить Тухачевского от обязанностей первого заместителя наркома обороны и назначить командующим Приволжским военным округом; Якира освободить с поста командующего Киевским военным округом и назначить командующим Ленинградским военным округом.

13 мая, как свидетельствует книга регистрации, Тухачевского принимал Сталин, по-видимому, объяснивший ему причину перевода из Москвы в Куйбышев. Она, по рассказу бывшего члена ВЦИК П.Н. Кулябко, рекомендовавшего Тухачевского в партию и поддерживавшего с ним дружеские связи, заключалась якобы в том, что его знакомая и порученец оказались шпионами и были арестованы.

Но судьба Тухачевского была уже решена. Для ареста крупных военачальников работники НКВД по указанию Сталина, как об этом он оговорился 3 августа 1937 г. на совещании политработников Красной Армии, проводили специальные «операции», в которых определенная роль отводилась наркому обороны Ворошилову. Одних он вызывал в Москву на совещание, как, например, Якира и Уборевича, предлагая под разными предлогами ехать непременно только поездом. Других, служивших в центральном аппарате, направлял к новому месту службы в какой-либо округ. Аресты осуществлялись, как правило, во время остановок поездов в пути следования или по прибытии, как было с Тухачевским.

Его арестовали 22 мая в Куйбышеве, куда он только что прибыл из Москвы на новую должность. Семья Тухачевского не успела даже переехать в квартиру. Обыск проводился в вагоне, где находилась жена маршала, а сам Тухачевский был препровожден обратно в столицу. Только привезли его 24 мая не в здание Наркомата обороны, а в Лефортовскую тюрьму. Начались пытки и допросы, очные ставки с Примаковым, Путьной и Фельдманом. Вначале он все отрицал, потом сломался и 26 мая в заявлении на имя Ежова признал наличие антисоветского заговора во главе которого он якобы стоял.

Последний допросил его через три дня и получил «признательные показания». Тухачевский заявил: «Еще в 1928 г. я был втянут Енукидзе в

правую организацию. В 1934 г. я лично связался с Бухариным, с немцами я установил шпионскую связь с 1925 г., когда я ездил в Германию на учения и маневры... При поездке в 1936 г. в Лондон Пугна устроил мне свидание с Седовым (сыном Л.Д. Троцкого. — В.А.)... Я был связан по заговору с Фельдманом, Каменевым С.С., Якиром, Эйдеманом, Енукидзе, Бухариным, Караханом, Пятаковым, Смирновым И.Н., Ягодой, Осипяном и рядом других»¹. Характерно, что на отдельных листах показаний Тухачевского имеются пятна крови, свидетельствующие о том, как «выбивались» они.

Председатель Центрального совета Осоавиахима комкор Р.П. Эйдеман был арестован в тот же день, что и Тухачевский. Судя по тому, что 25 мая появилось и его заявление на имя Ежова, в котором сообщалось о согласии «помочь следствию» в раскрытии «преступления», можно предположить, каким пыткам подвергались они. Во время допроса Эйдемана из соседних кабинетов доносились крики, стоны людей и шум.

Любопытнейшие «метаморфозы» были осуществлены Сталиным и Ворошиловым с Якиром до дня его ареста. Как отмечалось выше, 10 мая его назначили командующим Ленинградским округом. Однако вскоре перемудрили и издали новый приказ о назначении его с 20 мая командующим Закавказским военным округом. Но ни в Ленинграде, ни в Тбилиси ему побывать не удалось. Почти до конца мая он передавал дела своему заместителю, командарму 2-го ранга И.Ф. Федько, которого через год постигла такая же участь. 12 лет Якир бессменно командовал Киевским военным округом, пользовался большим авторитетом в войсках и среди гражданского населения Украины. В 1933 г., когда там разразился голод, Якир вместе с рядом ответственных партийных работников подписал письмо в Москву с предложением о мерах борьбы с голодом. Сталин был очень недоволен этим, заявив, что военные должны заниматься своим делом, а не кооперацией. Его настойчивость и упорство не нравились не только Сталину, но и Ворошилову.

28 мая 1937 г. он позвонил в Киев и приказал Якиру срочно выехать поездом в Москву на заседание Военного совета. Ночью в салон-вагоне поезда, который был отцеплен в Брянске, его арестовали прибывшие из Москвы сотрудники НКВД. Уже находясь в заключении, он обратился к Сталину с письмом, текст которого и вопиющая резолюция на нем были оглашены на XXII съезде КПСС в 1961 г. «Я честный и преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы, — писал он. — ...Я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к Вам, к партии и к

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С.50.

стране, с безграничной верой в победу коммунизма». На письме Сталин начертал: «Подлец и проститутка», а Ворошилов добавил: «Совершенно точное определение»¹.

В тот же день, как и Якир, был арестован И.П. Уборевич. О его чести, достоинстве и мужестве свидетельствует тот факт, что только он да Акулов пожали руку Н.И. Бухарину, когда тот, к тому времени уже затравленный, не прекращая голодовки, бледный и осунувшийся явился на февральско-мартовский пленум. Мог ли Сталин забыть и простить ему этот «дерзкий» поступок?

Вначале Уборевич категорически отрицал свое участие в «заговоре». Но физическими методами были «выбиты» и из него «признательные показания».

1 июня опросом членов ЦК было оформлено и подписано Сталиным постановление: «...ввиду поступивших в ЦК ВКП(б) данных, избличающих члена ЦК ВКП(б) Якира и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Уборевича в участии в военно-фашистском троцкистском правом заговоре и в шпионской деятельности в пользу Германии, Японии, Польши исключить из рядов ВКП(б) и передать их дела в Наркомвнудел».

Накануне покончил с собой начальник Политуправления РККА Я.Б. Гамарник, который 30 мая решением Политбюро был снят со своего поста за связь с Якиром. В связи с болезнью он находился дома. Приказ Ворошилова об увольнении его из рядов РККА ему объявили на квартире. Сразу же после ухода посланцев наркома он застрелился. 1 июня в центральных газетах было опубликовано сообщение: «Бывший член ЦК ВКП(б) Я.Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством».

В тот же день, 1 июня, в Кремле открылось расширенное заседание Военного совета с участием членов Политбюро, длившееся до 4 июня. На нем обсуждался доклад Ворошилова «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА». Перед началом работы все его участники были ознакомлены с показаниями «заговорщиков». Эти люди, сказал нарком, были между собой близки. «В прошлом году, в мае месяце, у меня на квартире Тухачевский бросил обвинение мне и Буденному, в присутствии тт. Сталина, Молотова и многих других, в том, — заметил Ворошилов, — что я якобы группирую вокруг себя небольшую кучку людей, с ними веду, направляю всю политику и т.д. ... Тов. Сталин тогда же

---

¹ XXII съезд КПСС. 17—31 октября 1961 г.: Стенографический отчет. Т. II. — М., 1962. С. 403.

сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить заседание Политбюро... Группа Якира и Уборевича на этом заседании вела себя в отношении меня, — разъяснял Ворошилов, — довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении меня очень скверно». Он представил этот факт как заговор против наркома. Всю суть этого «заговора» против него изложил на судебном заседании 11 июня Уборевич. «Мы шли на Политбюро ставить вопрос о Ворошилове, по существу договорившись с Гамарником, что тот резко выступит против наркома», — заявил он. Можно ли квалифицировать как заговор выступления авторитетнейших военачальников против наркома, не соответствовавшего занимаемой должности по деловым качествам? Такое мнение о нем тогда разделяли многие. Еще в ходе следствия Примаков показал, что «Ворошилов, кроме стрельбы из нагана, ничем не интересуется. Ему нужны либо холуи вроде Хмельницкого (помощник по особым поручениям), либо дураки вроде Кулика. Ворошилов не понимает современной армии, не понимает значения танков и авиации», — заключил он.

Мог ли Сталин быть равнодушным к подобного рода суждениям о своем «дитяти», который с 1924 г. служил ему верной опорой в борьбе с левыми и правыми? Если они помышляли отстранить от должности Ворошилова, так могли замахнуться и на него самого, вероятно думал он. Поэтому, выступая 2 июня на Военном совете, Сталин сделал вывод, что в стране был «военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансируемый германскими фашистами». Руководителями заговора он назвал Троцкого, Рыкова, Бухарина, Я.Э. Рудзутака, Л.М. Карахана (посол СССР в Турции. — В.А.), А.С. Енукидзе, Ягоду, а по военной линии — Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Гамарника. «Это — ядро военно-политического заговора, — указал Сталин, — ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспособляло всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов». Говоря о Тухачевском, он заявил: «Он оперативный план наш, оперативный план — наше святое святых — передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион».

И хотя в судебных делах и во время процесса не фигурировала сфабрикованная немецкой контрразведкой фальшивка, переданная Сталину через Бенеша, ее смысл именно в этом его выступлении.

Сообщив, что по военной линии уже арестовано 300—400 человек, Сталин бросил упрек в том, что дело о военном заговоре «прошляпили,

мало кого мы сами открыли из военных». Требуя усиления «разоблачения», он заявил: «Если будет правда хотя бы на 5%, то и это хлеб»¹. Эта «правда» привела к тому, что из 42 выступавших по докладу Ворошилова на совете, 34 были вскоре арестованы как «заговорщики».

По завершении работы Военного совета Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Ежов из большой группы арестованных отобрали для судебного процесса о «военном заговоре» группу лиц. Примакова и Путну включили в нее потому, что они до 1927 г. действительно разделяли взгляды Троцкого. Приказом № 072 от 7 июня 1937 г. Ворошилов поспешил объявить Тухачевского, Гамарника, Якира, Уборевича и других военачальников участниками военно-фашистского заговора.

Подготовкой процесса и его однодневным ходом дирижировал сам Сталин. В обвинительном заключении утверждалось, что в апреле — мае 1937 г. органами НКВД был раскрыт и ликвидирован в городе Москве военно-троцкистский заговор. Военно-троцкистская организация, в которую вступили обвиняемые, образовалась в 1932—1933 гг. по прямым указаниям германского штаба и Троцкого. Она занималась вредительством, диверсиями, террором и готовила свержение правительства и захват власти в целях реставрации капитализма в СССР.

Для рассмотрения этого дела было образовано специальное присутствие Верховного суда СССР. По инициативе Сталина в его состав включили известных в стране военачальников: заместителя наркома обороны Я.И. Алксниса, командующего Дальневосточной армией В.К. Блюхера, командующего Московским военным округом С.М. Буденного, начальника Генерального штаба РККА Б.М. Шапошникова, командующего Белорусским военным округом И.П. Белова, командующего Северо-Кавказским военным округом Н.Д. Каширина. 11 июня совершился скорый и несправедливый суд. И приговор о расстреле был определен Сталиным, потому что, прежде чем установить меру наказания, председатель суда В.В. Ульрих побывал у него. Об этом свидетельствует и приводимая телеграмма:

«Нац. ЦК, крайкомам, обкомам.

В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими, ЦК предлагает Вам организовать митинги рабочих, а где возможно и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд должно быть будет окончен сегодня

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 54.

ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т.е. двенадцатого июня.

№4/с, №758/ш

Секретарь ЦК Сталин.

11/VI — 1937. 16 ч. 50 м.»¹.

На другой день, когда смертный приговор в спешке был приведен в исполнение, Ворошилов издал приказ № 96: «...Вся Красная Армия облегченно вздохнет, узнав о достойном приговоре суда над изменниками, об исполнении справедливого приговора. Мерзкие предатели, так подло обманувшие свое правительство, народ, Армию, уничтожены...

Бывший заместитель Народного Комиссара обороны Гамарник, предатель и трус, побоявшийся предстать перед судом советского народа, покончил самоубийством...

Конечной целью этой шайки было — ликвидировать во что бы то ни стало и какими угодно средствами советский строй в нашей стране, уничтожить в ней Советскую власть, свергнуть рабоче-крестьянское правительство и восстановить в СССР ярмо помещиков и фабрикантов...

Мировой фашизм и на этот раз узнает, что его верные агенты гамарники и тухачевские, якиры и уборовичи и прочая предательская падаль, лакейски служившие капитализму, стерты с лица земли и память о них будет проклята и забыта». Приказ заканчивался призывом удесятерить большевистскую бдительность. Личный состав Политического управления РККА на митинге по поводу вынесения смертного приговора «банде Тухачевского» 13 июня заклеил своего вчерашнего начальника Гамарника и принял резолюцию, в которой определил задачи советских воинов и свои собственные. «Пока СССР находится в капиталистическом окружении, — указывалось в ней, —...каждый красноармеец, командир и политработник должен быть передовым разведчиком нашей социалистической Родины. Мы обязуемся сами стать активными добровольцами НКВД по разоблачению врагов народа»².

В результате этого, а также сталинского указания о «пятипроцентной правде» ряды «врагов народа» за счет военных кадров непрерывно пополнялись. Уже через девять дней после суда были арестованы как участники военного заговора 980 командиров и политработников. Это превратилось в широкую кампанию, подогреваемую призывами к повышению политической бдительности. Дело дошло до того, что не могло быть ни одной воинской части, в которой не было бы хоть одного заговорщика.

---

¹ ЦХСД. Ф. 89. Перечень № 48. Документ № 1. Л. 1.

² Красная звезда, 14 июня 1937 г.

21 июня Ворошилов и Ежов подписали совместный приказ № 082, в котором указывали:

«Добровольно явившихся и без утаек рассказавших обо всем, как ими совершенном, так и назвавших всех сообщников и единомышленников — задержанию и аресту не подвергать и против них уголовного преследования не возбуждать»¹. Но клонуть на эту приманку мало кто пожелал. «Показания» продолжали усиленно «выбивать» физическими методами.

Не трудно догадаться, каких размеров достигли репрессии. Об этом убедительно свидетельствует совещание политработников РККА, проводившееся 3—4 августа 1937 г. с целью призыва их к дальнейшему разрыванию кампании по разоблачению «заговорщиков», на котором присутствовали Сталин, Молотов и Ворошилов². С докладом выступил начальник Политического управления РККА армейский комиссар 2-го ранга П.А. Смирнов, которому пришлось недолго пребывать в этой должности и оказаться в тех же «заговорщиках» и быть расстрелянным. Он отметил, что в армии «есть очень много отрицательных и прямо контрреволюционных высказываний. Эти настроения идут главным образом по линии разговоров о подрыве авторитета руководителей партии и правительства, о подрыве авторитета огульно командирского состава... Элементы растерянности захватили некоторую часть руководителей, которые потеряли волю и выпустили вожжи из рук. Есть некоторый упадок дисциплины, много происшествий, аварий, самоубийств, поджогов, увечья людей».

В ходе обсуждения доклада Сталин неоднократно бросал реплики.

— А как красноармейцы относятся к тому, что были командиры, им доверяли и вдруг их хлопнули, арестовали? Как они к этому относятся? — спросил он выступающего начальника политуправления Северо-Кавказского военного округа А.П. Прокофьева, которого вскоре постигла та же участь, что и Смирнова.

— Я докладывал, товарищ Сталин, что в первый период у ряда красноармейцев были такие соображения, причем они высказывали сомнения, что такие люди как Гамарник и Якир, которым партия доверяла на протяжении ряда лет большие посты, оказались предателями народа, предателями партии, — ответил Прокофьев.

— Ну да, партия тут прозевала, — заметил Сталин.

— Да, партия, мол, прозевала, — согласился выступающий.

— Имеются ли тут факты потери авторитета партии, авторитета военного руководства? Скажет так: черт вас разберет, вы сегодня даете та-

¹ РГВА. Ф. 35879. Оп. 2. Д. 155. Л. 32

² Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 318.

кого-то, потом арестовываете его. Бог вас разберет, кому верить? — продолжал вопрошать Сталин.

— Такие разговоры действительно были. И записки такие подавали, — раздался голос с места.

Выступивший вслед за Прокофьевым начальник политуправления Ленинградского военного округа М.П. Магер заявил: «И комиссарский состав, и парторганизации потеряли то качество большевиков, которым они обладали в годы Гражданской войны. Потеряли — и это, несомненно, есть старание врага».

— Нет, это то, что мы институт военных советов и комиссаров отменили и бывших более самостоятельных работников взяли помполитами. Это тоже благоприятствовало потере остроты, — заметил Сталин.

— Правильно, — подтвердил Магер.

— Это была большая ошибка наша, — подчеркнул Сталин. (Заметим, что ЦИК и СНК СССР 15 августа 1937 г. утвердили «Положение о военных комиссарах РККА», а в округах, на флотах и в армиях были вновь созданы военные советы еще 10 мая 1937 г.)

«Мы были тупицами, если бы не научились на этих фактах. Нас многому научил ваш основной доклад на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б)», — заявил, обращаясь к Сталину, начальник политотдела ОКДВА, дивизионный комиссар И.Д. Вайнерос.

Сталин: «Что доклад. До доклада. Мы были новичками в военном деле, вот с Ворошиловым вместе сидели в Царицыне. Был там совет округа (Военный совет Северо-Кавказского военного округа в июне — сентябре 1918 г. — В.А.), который был организован по заданию Краснова, казачьего генерала. Мы об этом не знали, по работе судили, проверяли людей. Как только пришли в военный совет нас провели, его и меня. Недели только оказалось достаточно для того, чтобы присмотреться. Ковалев там был, Носович, Снесарев — все три генерала и не генералы. В недельный срок мы их разоблачили. Военным делом не владели, но потому что присматривались, по делам проверяли. Если бы наши политработники по делам проверяли некоторых политических и командных работников, они бы быстро вскрыли, независимо от того, коммунист он или не коммунист. Видимо, не было такого дела».

Сталин не сказал о том, что разногласия командующего округом генерал-лейтенанта российской армии А.Е. Снесарева произошли с ними потому, что он разглядел в бойком партийном функционере Ворошилове человека не очень глубокого ума, не знавшего военного дела, с неоправданным апломбом и вопиющей недисциплинированностью, что привело к гибели нескольких тысяч людей. Будучи освобожденным от должности по доносу Сталина, Снесарев впоследствии занимал ряд видных постов —

от командарма до начальника Академии Генерального штаба. В 1928 г. он был удостоен почетного звания «Герой труда». Но через два года после этого Сталин с Ворошиловым все-таки его «достали». Он был арестован и осужден на десять лет якобы за «создание контрреволюционной монархической организации». По болезни был освобожден досрочно, а 4 декабря 1937 г. скончался.

Вопиющим по содержанию на августовском совещании политработников было выступление ближайшего из подручных Сталина и Ворошилова армейского комиссара 2-го ранга Е.А. Щаденко. После ареста Якира он был направлен лично Сталиным в начале июня в Киев членом Военного совета округа.

О результатах своей двухмесячной работы он и докладывал. «Военный совет обратил исключительное внимание на разъяснение политических событий, ибо в нашем округе это имело особое значение. Якир пользовался определенным ореолом, доверием; умел, как говорили, к массам подходить, умел обманывать тонко, артистически, умел вовлекать и проводил свою вредительскую работу, — говорил Щаденко. — Поэтому Военному совету предстояло провести ряд разъяснительных собраний... В Новоград-Волыньские имелись два выступления неправильных, направленных на то, чтобы впечатление, которое было создано на собрании, «мазать каверзными вопросами.

Сталин: Осадили?

Щаденко: Нет, мы не осаживали, но человек, выступавший, оказался врагом.

Сталин: Разъяснили?

Щаденко: Да, разъяснили.

Сталин: Просто или боролись?

Щаденко: Нет, конечно, просто в беседе... В военкомате сидят почти сплошь враги.

Буденный: Это верно.

Щаденко: По складам мы очень много изъяли людей, по некоторым почти 100%. Нас нарком предупреждал и говорил нам — вы тут смелее действуйте, это очень опасный участок. Корпусное звено на сегодняшний день поражено у нас на 90% с лишним даже. Укрепрайоны тоже примерно к такой цифре подходят, оказавшись в руках враждебных людей. В дивизионном звене не меньше 70%, причем тут не только командиры и политработники в большинстве на пару работали, а иногда и втроем вроде пищевого блока: командир, политработник и начальник штаба. До полкового звена, товарищи, мы еще не добрались по-настоящему... Мы нашли списки распределения денег или вернее дележки последних остатков и нашли списки представленных к наградам, к орденам. Товарищи

Сталин, мы не то что нажимали на Особый отдел, но независимо от этого почти все люди, бывшие в этих списках, оказались арестованными (то есть лучшие командиры и политработники лучшего в Красной Армии военного округа были арестованы, а многие из них — расстреляны. — *В.А.*).

Сталин: Где нашли?

Щаденко: У него в сейфе.

Сталин: Сейф у него остался? А вы знаете, что Якир и Балицкий (*В.А.* Балицкий был наркомом внутренних дел УССР. — *В.А.*) в день, когда они получили постановление правительства о том, что оба они отзываются с Украины, говорят, три дня жгли какие-то бумаги. Вам это известно?

Щаденко: Известно.

Сталин: А сейф остался?

Щаденко: Сейф нельзя сжечь... Комиссар 7-го кавкорпуса буквально на глазах самокритики тает.

Сталин: Тает?

Щаденко: Да, тает. Он пришел и говорит, что я должен с Вами поговорить. Я говорю: открывай навигацию (имеется в виду «добровольное признание» в соответствии с приказом Ворошилова и Ежова от 21 июня 1937 г. — *В.А.*). Он уехал, очевидно, с кем-то поговорил (командир корпуса Григорьев был уже арестован. — *В.А.*), потом пишет автобиографию и клянется, что он хороший человек. Но теперь мы видим, что враги крепко за него говорят.

Голос с места: Значит, не открыл навигации?

Щаденко: Нет.

Сталин: И вы с этим примирились?

Щаденко: Мы уже соответствующим образом реагировали на это дело.

Сталин: Ах, реагировали, тогда извиняюсь».

«Ретивость» Щаденко понравилась Сталину и Ворошилову. Вскоре он становится заместителем последнего по кадрам. Именно он в октябре 1937 г. препроводил на Лубянку, к счастью, не расстрелянного и ставшего в годы войны одним из прославленных командармов, А.В. Горбатова.

Среди последних на этом совещании выступил главный редактор газеты «Красная звезда» М.М. Ланда. «Я думаю так, товарищи, — сказал он, — члены военных советов, начальники политуправлений округов, весь политаппарат сейчас кровно заинтересованы в том, чтобы в кратчайший срок реализовать директиву товарища Сталина, которую он дал на февральском пленуме ЦК — восстановить значение большевистского печатного слова». Сталину не понравилась эта трактовка его доклада на пленуме, и он сказал: «Слабо, слабо». Этой реплики оказалось достаточно, чтобы потом арестовать Ланду, а затем и расстрелять.

Этапным событием в подведении итогов разоблачения «заговорщиков» явилось заседание Военного совета при НКО, проходившее в период с 21 по 27 ноября 1937 г.¹ После вступительной речи Ворошилова первым вышел на трибуну ставший уже членом Военного совета Ленинградского округа Магер. «Товарищи, выполняя решения февральско-мартовского пленума ЦК и указания народного комиссара обороны, особенно данные на последнем заседании Военного совета в июне месяце, Военный совет Ленинградского округа, реализуя эти указания, — заявил он, — продолжал, нужно сказать, огромную работу по части очистки округа от враждебных элементов». Эта «огромная работа» вскоре смела в небытие и самого Магера.

Вслед за ним выступил командующий Закавказским военным округом комкор Н.В. Куйбышев (брат известного государственного деятеля В.В. Куйбышева. — *В.А.*), для которого эта речь явилась также «лебединой песней».

Куйбышев: «Подытоживая результаты инспекторских смотров, окружных учений, Военный совет округа оценил военную подготовку войск ЗакВО как стоящую на неудовлетворительном уровне. Основная причина того, что мы не изжили всех этих недостатков, заключается в том, что у нас округ обескровлен очень сильно.

Ворошилов: Не больше, чем у других.

Куйбышев: А вот я вам приведу факты. На сегодня у нас тремя дивизиями командуют капитаны. Но дело не в звании, а в том, товарищ народный комиссар, что, скажем, Армянской дивизией командует капитан, который до этого не командовал не только полком, но и батальоном, он командовал только артиллерийской батареей.

Ворошилов: Зачем же вы его поставили?

Куйбышев: Почему мы его назначили? Я заверяю, товарищ народный комиссар, что лучшего мы не нашли. У нас командует Азербайджанской дивизией майор. Он до этого времени не командовал ни полком, ни батальоном и в течение шести последних лет являлся преподавателем военного училища. (Эти слова были восприняты участниками совещания смехом.)

Голос с места: Куда же девались командиры?

Куйбышев: Все остальные переведены в ведомство Наркомвнудела без занятия определенных должностей... Я думаю, что это не их вина, а их беда, что они не имеют опыта. Откуда может быть хорошим командир Грузинской дивизии Дзабахидзе, который до этого в течение двух лет командовал только ротой и больше никакого командного стажа не имеет.

---

¹Отд. хран. докум. ГШ. Оп. 796. Д. 74.

Буденный: За год можно подучить.

Ворошилов: Семен Михайлович считает, что если ротой умеет хорошо командовать, то и армией может».

Весьма показательным примером того, как проводилось выявление «врагов народа», является выступление члена Военного совета Харьковского военного округа Озолина, также будущего «заговорщика» с трагическим концом: «Товарищ народный комиссар, при решении вашей задачи о кадрах мы попали в оригинальное положение, когда командующий войсками, начальник штаба и два начальника политотдела (после ареста первого назначили второго, а затем успели арестовать и его. — *В.А.*) округа были арестованы как враги народа. В то же время были представлены к увольнению из Красной Армии 1644 человека. При обстановке, когда командиры дивизий, командиры полков совершенно затронуты не были. У нас встал вопрос: неужели при наличии этого вражеского фашистского руководства они не пытались расставить свои кадры в полках, дивизиях, корпусах?

Чтобы вскрыть этот вопрос, мы не могли ориентироваться на основе документации, имеющейся в личных делах того или иного командира, поскольку все аттестации в основном были подписаны врагами народа. Поэтому при помощи только что организованного в округе особого отдела мы выехали на места для того, чтобы путем партсобраний, комсомольских собраний, собраний беспартийного командного состава и данных особого отдела вскрыть лицо командного и политического состава. Что мы имеем в итоге? За время пребывания в 30, 23, 80, 3 и 41-й сд нам удалось в основном выявить, что главное звено, которое было втянуто в военно-фашистский заговор в частях, состоит почти из всех командиров дивизий, комиссара 7-го корпуса и абсолютного большинства командиров и военкомов полков. В итоге этой работы на сегодняшний день в части выявления участников военно-фашистского заговора, троцкистов, зинovieвцев и т.п., нами выявлено и уволено из РККА 995 человек командного и 118 человек политического состава. Что касается остальных людей, которых мы выявили, то нам нужно основательно проработать, и мы думаем, что в течение месячного срока, согласно ваших указаний, товарищ народный комиссар, мы этот вопрос решим».

Аналогичным по содержанию было и выступление командующего Сибирским военным округом комкора Антонюка, которого в недалеком будущем постигнет та же участь, что и предшествующих выступающих — расстрел. «В Сибирском военном округе, как и в других округах, — заявил он, — враги народа, шпионы, вредители крепко приложили свою руку, чтобы подорвать боеспособность войск. Нет ни одной отрасли работы,

товарищ народный комиссар, где бы не было вредительства. Чем глубже копнешь, тем больше находишь и тем скорее изживаешь в практической работе все это вредительство».

Иначе, как омерзительным и подлым, заключительное слово Ворошилова на этом совете не назовешь:

«Я убежден, если бы мы всю эту сволочь, извиняюсь за грубое выражение, произнесенное здесь, но совершенно подходящее, если бы мы всю эту мерзость не раскрыли, мы имели бы войну. Все это велось к войне. И Якир, и Гамарник, и последующие всякие мерзавцы которых оказалось громадное количество — они готовились к измене, к удару в тыл нашей армии в начале войны... Война сорвалась... Войну нам сейчас не навяжут, потому что сейчас мы вычистили этих господ. Изменники в наших рядах еще есть, но осталось значительно меньше и качеством ниже. Всю эту верхушечную дрянь мы вычистили сейчас... Мы думали, что у нас своя армия. К сожалению, оказалось — в этой своей армии много чужих элементов и не просто чужих, попутчиков, а чужих, подлых предателей, которые сидели в печенках у нас... Все подлое, все враждебное, всякая мерзость будет уничтожена. Мы будем корчевать и уничтожать без остатков как нарост, как гниль, как всякую дрянь, которая мешает здоровому организму жить и радоваться».

И «корчевание» командного состава Красной Армии по-прежнему продолжалось. На заседании Военного совета при НКО 29 ноября 1938 г. Ворошилов заявил: «Когда в прошлом году была раскрыта группа презренных изменников во главе с Тухачевским, никому из нас и в голову не могло прийти, что эта мерзость, эта гниль так широко засела в Армии. Весь 1937 и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая зараженные части организма до живого, здорового мяса, очищались от мерзостей, предательской гнили... Чистка была проведена радикальная и всесторонняя с самых верхов и кончая низами. За все время мы вычистили больше 40 тысяч человек. Эта цифра внушительная. Мы можем теперь с уверенностью сказать, что наши ряды крепки»¹.

В результате практических шагов по «ликвидации заговора» в Красной Армии подверглись репрессиям и в большинстве своем были расстреляны около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов, все командующие войсками военных округов, члены военных советов и начальники политических управлений округов, большинство политработников корпусов, дивизий,

---

¹ Отд. хр. док. ГШ. Оп. 1855. Д. 3.

бригад, полков, несколько заместителей наркома обороны, почти все начальники главных управлений Наркомата обороны и Генерального штаба, все начальники военных академий, многие преподаватели высших и средних учебных заведений и другие категории военнослужащих.

В 1936 г. в Красной Армии насчитывалось пять Маршалов Советского Союза, пять командармов 1-го ранга и 10 командармов 2-го ранга, 62 комкора, 201 комдив, 474 комбрига, 1713 полковников, 5501 майор, 14 369 капитанов, 26 082 старших лейтенанта и 58 582 лейтенанта¹. Почти весь верхний эшелон командного состава Красной Армии, за редким исключением, был репрессирован и в подавляющем большинстве уничтожен.

Примерно то же самое «творилось» и в Военно-Морском Флоте. В результате Советские Вооруженные Силы в полном смысле этого слова были обезглавлены.

Впервые последствия репрессий командного состава весьма отрицательно сказались на организации боевых действий в районе озера Хасан летом 1938 г. Кстати, вторым вопросом повестки дня Военного совета при НКО, проходившего с 21 по 29 ноября 1938 г., был: «О событиях в районе озера Хасан». Во время выступления начальника Политического управления Л.З. Мехлиса, критиковавшего деятельность командующего 1-й Краснознаменной армии комдива Подласа, Сталин бросил реплику с любознательным признанием: «Мне, грешному человеку, может быть, я слишком груб и резок, но мне кажется, что может быть он и честный человек, однако, зная положение частей, решил самоустраниться и не отвечать».

В заключение по этому вопросу Ворошилов говорил о плохой организации боев Маршалом Советского Союза В.К. Блюхером. На голос с места: «Я предлагаю отдать под суд и Блюхера», он ответил: «К вашему сведению, он уже находится в соответствующем месте и пытался уже несколько раз покончить с собой. Его выдал его родной брат. Сейчас Блюхер уже признает, что он враг и заговорщик, а его родной брат говорит, что Блюхер не только заговорщик и враг советской власти, но что он пытался в самый последний момент, когда мы его вызвали к себе, улететь с братом к японцам. Вот кто такой Блюхер. Это конченная сволочь».

Еще во вступительном слове на этом заседании совета при НКО Ворошилов сообщил, что в марте 1938 г. создан Главный военный совет, в состав которого вошли Ворошилов (председатель), Сталин, Молотов, Буденный, Мехлис, Кулик, Федько, Шапошников и Щаденко. Именно на этом совете 31 марта обсуждали поведение Блюхера во время боев у озе-

---

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1024. Л. 9. Д. 1185. Л. 9.

ра Хасан. Сталин сказал тогда: «Люди на Востоке были хорошие, а за Блюхером не заметили особого рвения»¹.

Молотов пошел еще дальше: «Блюхер работал безобразно плохо. Думали, что если в мирное время работал плохо, то во время войны будет работать хорошо. События показали — командующий растерялся, как тряпка, ничего не может сделать. Простой человек лучше справится. С командующим может быть много церемонимся. В действиях Блюхера политическая имеется подкладка». Свои «политические сомнения» он подкрепил «плохой оборонительной системой района Посъета».

Церемониться с Блюхером больше не стали. 4 сентября Ворошилов издал приказ, в котором Блюхер был обвинен в том, что не вел активной борьбы с «многочисленными врагами народа» в частях Дальневосточной армии и в пораженческих настроениях. Его отстранили от должности и передали в руки наркомвнудела, в застенках которого он и погиб в ноябре.

Еще раньше, 28 мая 1938 г., на заседании Главного военного совета обсуждали вопрос о командных и политических кадрах Красной Армии. В отношении высшего и старшего командного состава Сталин указал, что «лучше всех обновить, так как старые, которые были слегка замешаны — бояться». А когда обсуждали положение дел в политических органах, он жестко бросил такую фразу: «Тут было много сволочи»².

Уничтожив самых талантливых, теоретически подготовленных и опытных командиров и военачальников — цвет армии, государственные и военные руководители позволяли себе еще делать залихватские заявления. Так, 6 ноября 1938 г. в докладе о XXI годовщине Октябрьской революции Молотов сказал: «Мы ответим на каждый удар двойным и тройным ударом по поджигателям и провокаторам войны»³.

Ему вторил Ворошилов. В речи на параде на Красной площади на следующий день он открыто заявил: «Пусть помнят те, кому забывать не следует, что мы совсем не обязаны всегда ограничивать действия наших войск районом, на который воровски и нагло нападает враг. Наоборот, нам сподручнее и легче громить врага на его территории. Так оно и будет»⁴.

В закрытой же речи перед военными делегатами, которых пригласил он 23 марта 1939 г. после окончания XVIII съезда ВКП(б), он и вовсе рас-

---

¹ Отд. хр. док. ГШ. Оп. 1710. Д. 2.

² Там же. Тет. № 4 (книга записей протоколов заседания...)

³ Правда. 1938. 7 ноября.

⁴ Правда. 1938. 9 ноября.

хвастался. «Мы в основном уже очистились от шпионской мрази, но у нас еще агенты гестапо имеются и даже в рядах нашей армии. Если эти агенты будут доносить своим господам, что у большевиков дело спорится, части учатся, армия крепнет, совершенствуется, то немцы не скоро на нас рискнут напасть, а если полезут, то получают должное. Мы им набьем при всех обстоятельствах, в этом я не сомневаюсь... В 19 часов вам комбриг Калмыков (командир кавалерийской бригады, дислоцировавшейся в Хамовнических казармах. — В.А.) у себя в манеже покажет штыковой бой. Это уже относится к компетенции Семена Михайловича»¹.

Вместо того чтобы направить военачальников и командиров на танкодром или аэродром для показа танкового или воздушного боя, Ворошилов, по-прежнему придавая особое значение кавалерии, отправил их с Буденным в манеж.

Разработанные Тухачевским и его соратниками и проверенные в 30-е годы на маневрах основы ведения крупных операций в условиях «машинной войны» были подвергнуты остракизму и отброшены прочь. Более того, решением Главного военного совета в это же время были расформированы танковые и воздушно-десантные корпуса и авиационные армии, считавшиеся порождением все тех же «заговорщиков» — врагов народа. Прозрение наступит потом, но будет слишком поздно.

Свою слабость «обновленная» Красная Армия убедительно продемонстрировала в советско-финляндской войне. Чтобы судить о боеспособности ее к началу Великой Отечественной войны, достаточно хотя бы указать, что после ареста Якира и Уборевича в конце мая 1937 г. в Киевском военном округе сменилось за четыре года четыре командующих (И.Ф. Федько, С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, М.П. Кирпонос), а в Западном — три (И.П. Белов, М.П. Ковалев, Д.Г. Павлов). А ведь в этих округах были сосредоточены главные силы Красной Армии. Могли ли быть хорошо обученными и подготовленными Военно-Воздушные Силы, если в них за неполных четыре года сменились, после ареста и расстрела в 1938 г. командарма 2-го ранга Я.И. Алксниса, три начальника (генерал-полковник А.Д. Локтионов, генерал-лейтенант авиации Я.В. Смушкевич, генерал-лейтенант авиации П.В. Рычагов, все трое были без суда и следствия расстреляны в октябре 1941 г.).

Последствия обезглавливания Советских Вооруженных Сил не могли не осложнить трагедию 1941 г.

Тем, что Красная Армия в середине 30-х годов представляла собой могучую силу, «Сталин, — справедливо отмечалось в немецкой газете «Дойче Вер» 24 июня 1937 г., — обязан Тухачевскому и его сторонникам.

---

¹ Отд. хр. док. ГШ. Оп.796. Д. 75. Л. 48—49.

2. РАЗВАЛ И ЗАБВЕНИЕ

Репрессии смели многих наиболее подготовленных военачальников и в первую очередь тех, кто имел отношение к сотрудничеству с рейхсвером и хорошо знал военное искусство будущего противника. «В противовес краткой эре Тухачевского, — справедливо отмечалось в немецком журнале «Верфронт» в 1937 г., — снова выступили на первый план парадные генералы и герои Гражданской войны. Вместе с этим путем восстановления военных советов и значительного усиления политического аппарата восстановлен дуализм, устраненный в интересах боеспособности армии расстрелянным маршалом Тухачевским»¹.

В мае 1937 г. ЦК ВКП(б) принял решение о военных советах в округах, армиях, на флотах и флотилиях, а 15 августа утвердил «Положение о военных комиссарах Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Комиссары, как свидетельствуют материалы августовского совещания 1937 г., по замыслу Сталина, должны были стать своего рода агентурой по разоблачению «врагов народа», «фашистских наймитов» в войсках. По иронии судьбы одна волна «разоблачителей» смывалась другой, пока не была истреблена большая часть командного и политического состава в Красной Армии. Во исполнение указаний Сталина и Ворошилова в частях и соединениях проводились партийные, комсомольские собрания и собрания беспартийных, на которых «вскрывалось лицо» командного и политического состава. Кроме репрессий это приводило к подрыву основ воинской дисциплины, потому что в эти годы от командиров, политработников и даже рядовых красноармейцев требовали, чтобы они присматривались друг к другу как к замаскировавшимся врагам.

Подозрительность и недоверие Сталина к военным деятелям привели к тому, что все важнейшие решения по вопросам обороноспособности страны и расстановки военных кадров он принимал единолично. Подготовленные Главным военным советом, который был образован 13 марта 1938 г., постановления направлялись к Сталину с просьбой «утвердить», хотя он был не председателем, а лишь членом этого совета. Даже включение его в состав Главного военного совета, созданного для рассмотрения основных вопросов строительства армии и флота, расценивалось как «замечательное мероприятие партии и правительства, поднявшее на еще большую высоту задачу обороны нашей родины»².

Культ личности Сталина создал благоприятную почву для таких отрицательных явлений, как карьеризм и угодничество, подозрительность,

¹ Г Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1080. Л. 7.

² Военно-исторический журнал. 1940. № 2. С. 16.

недоверие, ожидание указаний сверху, хвостовство. «Полная победа наших вооруженных сил в борьбе с любым врагом обеспечена, — говорилось в редакционной статье «Правды» 20 декабря 1939 г., — потому что каждый боец, командир и политработник хорошо знают повседневную сталинскую заботу о его социалистической родине и Красной Армии. Каждый боец, командир и политработник мыслями и душой всегда со Сталиным. По его зову каждый готов без колебаний отдать все свои силы, если нужно, и свою жизнь во имя славы и могущества Родины, во имя коммунизма». Как современник той эпохи, замечу, что так оно и было в действительности. Верили мы ему и, как не покажется сейчас смешно, считали Богом на земле.

Все это привело к подрыву инициативы у командного состава в принятии каких-либо решений. Массовые репрессии в 1937—1938 г. коснулись не только военных, но и других категорий граждан СССР, в том числе инженерно-технического состава. Это весьма отрицательно сказалось на работе оборонной промышленности. Многие конструкторы, директора заводов были арестованы. Новые образцы военной техники и вооружения создавались и внедрялись в производство медленно. Поэтому военные заводы длительное время выпускали старые образцы вооружения. В результате этого Красная Армия стала отставать от немецкой не только в кадровом, но и в материальном отношении. Это убедительно показал уже завершающийся этап Гражданской войны в Испании, земля и воздушное пространство которой явились своего рода лабораторией для испытания боевых свойств советских и немецких танков и самолетов.

Особенно отставала в выполнении государственных заданий авиационная промышленность. С 1938 по 1940 г. выпуск боевых самолетов увеличился всего на 19%. При этом выпускали в основном самолеты старых конструкций. Новые образцы пробивали себе дорогу с трудом. Так, бронированный штурмовик конструкции С.В. Ильюшина (Ил-2), какого не имела ни одна армия в мире, был создан в 1939 г., а в войска стал поступать только в 1941 г.

«Материальная часть ВВС Красной Армии в своем развитии за последние три года отстает по скоростям, дальностям, мощностям моторов и вооружению самолетов от авиации передовых армий других стран, — отмечалось в «Акте о приеме Наркомата обороны Союза ССР т. Тимошенко С.К. от т. Ворошилова К.Е». — Наркомат обороны (Управление ВВС) не проявил достаточной инициативы и настойчивости по внедрению более современных типов самолетов. Управление Военно-Воздушных Сил не определяло направления развития военной авиации... Отра-

ботка новых образцов самолетов, испытание и доводка их проходят крайне медленно... Организация военно-воздушных сил в связи со значительным ростом авиации устарела и требует пересмотра и объединения в более крупные авиационные соединения (дивизии)... Аварийность и катастрофы в авиации продолжают оставаться высокими вследствие слабой подготовки летного состава, незнания им материальной части, низкой дисциплинированности, неорганизованности летной работы и безответственности командиров частей и бригад за происшедшие аварии и катастрофы»¹.

Аналогичное положение наблюдалось и в танковой промышленности. Конструкторы М.И. Кошкин, А.А. Морозов, Н.А. Кучеренко в 1937 г. создали лучший в мире танк Т-34, однако на вооружение он был принят только в конце 1939 г. В 1940 г. планировалось выпустить 600 танков, однако произвели только 115². «Вооружение танковых частей в своем развитии отстает от современных требований, — указывалось в «Акте...», — вследствие того, что современные толстобронные танки внедрены на вооружение с опозданием».

Истребление кадров и развал Красной Армии происходили в условиях необходимости ее укрепления. Об этом говорил сам Сталин. В феврале 1939 г. было опубликовано в «Правде» получившее тогда широкую известность «Письмо т. Иванова и ответ т. Сталина». В своем ответе Сталин указывал, что победа социализма в СССР не является окончательной, а поэтому «нужно всемерно усилить и укрепить нашу Красную Армию, Красный флот, Красную авиацию, Осоавиахим. Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая “случайность” и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох». Люди, утверждавшие, что мы имеем полную гарантию от интервенции, продолжал Сталин, «если они субъективно даже преданы нашему делу, объективно опасны для нашего дела, ибо они своим хвостовством вольно или невольно (это все равно!) усыпляют наш народ, демобилизуют рабочих и крестьян и помогают врагам застигнуть нас врасплох в случае международных осложнений»³.

К таким людям следует отнести прежде всего самого Сталина, позволившего немцам застигнуть нас врасплох.

После расправы над Тухачевским при поддержке Сталина руководящее положение в Красной Армии заняли сторонники Ворошилова. Бу-

---

¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 200.

² ЦАМО РФ. Ф. 38/39. Оп. 40983. Д. 1. Л. 3—5.

³ «Письмо т. Иванова и ответ т. Сталина». М., 1940. С. 4. 13—14.

денного для военной поддержки, на всякий случай, Сталин поставил во главе Московского военного округа. С 1937 г. на парадах на Красной площади на конях красовались первый и второй маршалы. Ворошилов, несмотря на бурное развитие военной техники, изменившиеся взгляды на характер будущей войны, все еще продолжал отводить большое значение в наступательных операциях коннице. «Конница, — заявил он в докладе о 20-лети РККА в 1938 г., — во всех армиях мира переживает, вернее уже пережила, кризис и во многих армиях почти что сошла на нет... Мы стоим на иной точке зрения... Мы убеждены, что наша доблестная конница еще не раз заставит о себе говорить, как о мощной и победоносной Красной кавалерии... Красная кавалерия по-прежнему является победоносной и сокрушающей вооруженной силой и может и будет решать большие задачи на всех боевых фронтах»¹.

Формирование новых механизированных корпусов «кавалеристы» прекратили, а участь танковых — была предрешена. Постановлением Главного военного совета от 21 ноября 1939 г. танковые корпуса были расформированы. Принятию этого нелепого решения предшествовало специальное совещание, на котором присутствовали заместители наркома обороны армейские комиссары 1-го ранга Л.З. Мехлис, Е.А. Щаденко и командарм 1-го ранга Г.И. Кулик, начальник Автобронетанкового управления комкор Д.Г. Павлов, помощник начальника Генерального штаба комбриг М.В. Захаров, старшие преподаватели Академии Генерального штаба комбриги А.В. Кирпичников и С.Н. Красильников, а также другие лица.

Чтобы обосновать решение о расформировании крупных танковых соединений, заместители наркома и Павлов приводили выводы из опыта войны в Испании, походов в Западную Белоруссию и Западную Украину, а также из опыта учений. Выступавшие за ликвидацию танковых корпусов не считались с тем, что боевые действия в Испании развертывались в городах и в гористой местности, где применение больших масс танков безусловно было невозможно. Они не принимали во внимание и тот факт, что подвижные соединения в походе в Польшу плохо обеспечивались в инженерном и материальном отношении. Мехлис, Щаденко и Кулик не хотели брать в расчет то обстоятельство, что из-за частой смены командиров всех степеней, в связи с массовыми репрессиями, управление подвижными соединениями и частями как в боевых условиях, так и на маневрах осуществлялось не организованно, а порой просто плохо. Поэтому объяснять расформирование танковых корпусов якобы слабой

---

¹ *Ворошилов К.Е.* XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота. М., 1938. С. 14.

маневренностью их и трудностями управления было по меньшей мере неразумно.

Против расформирования танковых корпусов выступали Захаров, Красильников и Кирпичников. Они говорили о том, что в современной войне это крупное подвижное соединение является единственным средством развития успеха в наступательной операции фронта, что без него немислима глубокая операция, которая обрабатывалась и изучалась в Академии Генерального штаба. Все они обосновывали необходимость дальнейшего совершенствования организационной структуры крупных танковых соединений и протестовали по поводу предложений о их расформировании. Но к этим страстным выступлениям не прислушался нарком обороны Ворошилов, руководствовавшийся в этом случае, по-видимому, советом одного из героев бессмертной комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: «Уж коли зло пресечь, собрать все книги бы да сжечь».

Итак, «надуманное», по словам Ворошилова, соединение было ликвидировано. Танковые корпуса прекратили свое существование. Этот шаг явился одной из грубейших ошибок предвоенного строительства Красной Армии, которая дорого стоила Советскому Союзу в начале Великой Отечественной войны. Поистине пророческим оказалось предупреждение Эйдемана, высказанное им еще в 1931 г. «Было бы величайшей бедой для армии, — указывал он, — если бы личная склонность и любовь того или другого старшего начальника к определенному виду боя определяли центральное содержание боевой подготовки того или другого соединения войск, той или другой школы, того или другого рода войск»¹.

Подобные же метаморфозы произошли и в военно-воздушных силах. Не успев встать на ноги, три авиационные армии — мощное стратегическое средство Главного командования — были расформированы. Авиация Главного командования состояла уже из отдельных бомбардировочных корпусов и дивизий. Фронтальная авиация была переведена на бригадную и полковую организацию. Несколько позже произошло дальнейшее дробление организации ВВС. Появилась армейская авиация в виде смешанных авиационных дивизий и даже войсковая (одна авиаэскадрилья в корпусе). Такое распыление военно-воздушных сил затрудняло, если вовсе не исключало, массированное применение ее для завоевания господства в воздухе и нанесения мощных бомбовых ударов по объектам оперативного и стратегического тыла противника.

В связи с бурным развитием авиации в других странах, особенно в Германии, большое внимание следовало бы уделить организации проти-

---

¹ Война и революция. Книга восьмая. 1931. С. 16.

воздушной обороны. Однако, как указывалось в «Акте» приема-сдачи: «Противовоздушная оборона войск и охраняемых пунктов находится в состоянии полной запущенности. Существующее состояние ПВО не отвечает современным требованиям». Созданию и производству зенитной артиллерии не уделялось должного внимания. Совершенно недостаточна была обеспеченность приборами управления зенитной артиллерии. Дальнометы, состоявшие на вооружении, не обеспечивали стрельбу на высотах более 6 километров. «Подготовка зенитных частей, — отмечалось в документе, — неудовлетворительная и тренировка их ведется с устарелыми типами самолетов».

Служба воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) была организована плохо, слабо подготовлена и плохо вооружена. Она не могла обеспечить своевременного обнаружения самолетов противника и оповещения. Радиоперехватывающие средства имелись только в образцах. «При существующем состоянии руководства и организации ПВО, — отмечалось в заключении, — должная защита от воздушного нападения не обеспечивается». Вот почему в начале войны мы понесли огромные потери от бомбовых ударов противника.

Организационно разрушены были в 1938—1939 гг. и воздушно-десантные войска, отстававшие уже в своем развитии от германских. Создание и применение воздушно-десантных войск на маневрах было связано с именами Тухачевского, Якира, Уборевича, Алксниса, поэтому было объявлено враждебным и предано забвению.

Красная Армия с лета 1937 по 1940 г. утратила многое из того, что было достигнуто в предшествующие годы. Это наглядно показали бои в районе озера Хасан, на реке Халхин-Гол, военные походы в Польшу и, особенно советско-финляндская война.

Очень плохо обстояло дело в эти годы с подготовкой военных кадров. Передовые достижения военно-теоретической и военно-исторической мысли не только не развивались, но были отброшены как «враждебные» в связи с тем, что их творцы были объявлены фашистскими шпионами и расстреляны. «Враги народа всячески мешали развитию военно-исторических знаний, — подчеркивалось в 1-м номере «Военно-исторического журнала», начавшего свое существование по решению ЦК ВКП(б) в августе 1939 г. —...Они извращали опыт победоносной Гражданской войны в СССР, затушевывая основную и руководящую роль большевистской партии в создании и организации побед Рабоче-Крестьянской Красной Армии... Эта вражеская деятельность презренных наймитов фашистских разведок была вовремя пресечена партией и органами советской разведки».

В передовой статье журнала говорилось о необходимости глубокого изучения военной истории высшими звеньями командных кадров. Учиться этому, призывал журнал, надо у Сталина, который «очень часто использует примеры военной истории, особенно примеры Гражданской войны». Так, классическое (!) определение законов наступления, данное товарищем Сталиным в статье «Ответ товарищам колхозникам», иллюстрируется ярким примером из войны с белополяками в 1920 г. В этом «классическом определении» всего-то лишь речь шла о необходимости своевременного подтягивания тылов и закрепления завоеванных позиций, чтобы противник не вынудил к отступлению.

Авторы передовицы призывали усиленно изучать опыт Гражданской войны. «Условия, в которых боролась Советская страна в годы Гражданской войны, естественно, не могут повториться в будущих войнах, — отмечали они. —...Но, тем не менее, опыт Гражданской войны имеет и будет иметь колоссальное (!) значение как для РККА, так и для трудящихся капиталистических стран... Наша военная история должна, черпая опыт прошлого, освещать нам дорогу в будущее. Лишь тогда она сыграет свою практическую, полезную роль, облегчив претворение в жизнь советской военной доктрины: бить врага на его территории, добываясь победы малой кровью наших бойцов»¹.

Условия деятельности военно-учебных заведений в эти годы были чрезвычайно сложными и напряженными. Все начальники военных академий, некоторые профессора и преподаватели попали в разряд фашистской агентуры. Учебные программы в академиях и училищах не отражали всех изменений в военном деле. О неблагополучном состоянии подготовки офицерских кадров говорил на декабрьском (1940 г.) совещании высшего командного состава начальник Генерального штаба генерал армии К.А. Мерецков: «Из наших вузов и академий выходят кадры недостаточно овладевшие знаниями и практическими навыками по боевому использованию родов войск и современных средств боя»². Так, из 3352 учебных часов в пехотном училище на изучение артиллерии отводилось только 90 часов, бронетанковых войск — лишь 50, а на получение хотя бы элементарных сведений об авиации своей и противника не отводилось ни одного часа.

Вместо организации и осуществления подлинно научного и повседневного руководства деятельностью военно-учебных заведений Ворошилов занимался политической трескотней и славословием Сталина. «Ста-

---

¹ Военно-исторический журнал. 1939. № 1. С. 8.

² ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 75593. Д. 49. Л. 36.

лин неоднократно говорит о летчиках, что их жизнь надо всемерно оберегать, что жизнь летчика “дороже нам любой машины”, — утверждал нарком обороны в «Правде» 21 декабря 1939 г. — Не мало заботы уделено Сталиным артиллерийским кадрам Красной Армии. Сталин любит авиацию и ее крылатых людей, высоко ценит танковые войска и танкистов, но он лучше, чем кто-либо, знает, какую огромную роль по-прежнему играет в войне артиллерия. Поэтому, — подчеркивает Ворошилов, — вопрос о квалифицированных артиллерийских кадрах был всегда, и в последние годы, особенно тем вопросом, которым Сталин занимался по-сталински вплотную».

«По-сталински вплотную» — означало вмешиваться, часто весьма некомпетентно, в любой вопрос, связанный с вооружением и обучением. Никаких замечаний и нежелательных реплик в свой адрес он не терпел. Стоило начальнику Главного управления ВВС генералу Рычагову сказать, в связи с упреком Сталина в его адрес о больших катастрофах в авиации, что «вы заставляете нас летать на гробах», как 9 апреля 1941 г. на заседании Политбюро, рассматривавшем вопрос «Об авариях и катастрофах в ВВС», он немедленно был снят с занимаемого поста, а в начале июня вместе со своими предшественниками арестован, а в октябре расстрелян.

Занятия по тактике велись главным образом в классе, на ящике с песком. Саперному делу, т.е. устройству окопов, блиндажей обучали на чертежах, нарисованных мелом на доске. Курсанты училищ оставались без должной полевой практики и выучки. «В училищах, как теперь выяснилось, — писал в справке Щаденко 20 марта 1940 г., — преступно растрачивалось учебное время, только 66% выделялось на обучение и необходимые виды работ, остальное время (127 дней в году) уходило на отсутствие организованности, перерывы, отпуска и праздники».

Не лучше обстояло дело с учебными программами и в военных академиях. За весь трехлетний период обучения в Академии им. Фрунзе на изучение артиллерии было отведено 88 часов, бронетанковых войск — 77 часов, авиации — 48 часов, инженерных войск — 41 час и войск противохимической защиты — 33 часа. Такого количества учебного времени было явно недостаточно для глубокого изучения общевойсковыми командирами боевой техники и возможностей родов войск. Зато сотни часов поглощала марксистско-ленинская подготовка.

О неблагоприятном состоянии кадров Красной Армии говорится в справке-докладе начальника управления по начальствующему составу РККА Е.А. Щаденко секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову 20 марта

1940 г. В ней указано, что в 1937—1938 гг. было арестовано 35 000 человек, в том числе 5000 политсостава. Из этого состава 12 000 командиров было возвращено в армию. Но для покрытия некомплекта пришлось призывать в армию офицеров запаса. Опыт боев на Хасане, Халхин-Голе, в Западной Белоруссии и Западной Украине и на финляндском фронте показал очень низкое качество их подготовки. 73% командиров запаса имеют лишь краткосрочную подготовку. Чтобы изжить некомплект и обеспечить полное развертывание Красной Армии, Щаденко предложил провести в жизнь 3-летний (1940—1942 гг.) план подготовки кадрового командного состава и запаса. На численность их он не скупился и цифрами манипулировал с необычайной легкостью: «Если обстановка потребует в 1940—1941 годах полного от мобилизации армии, для этого потребуется 290 000, кроме того на покрытие боевых потерь года войны еще 309 000 и на восполнение текущей потребности — 75 000; итого 674 000, а за вычетом реально имеющегося запаса (195 000) всего потребуются 480 000 человек». Вот какой вывод сделал руководитель кадров Красной Армии из кровавой «бани» советско-финляндской войны.

Он не упомянул в справке, что собой представлял запас военнообязанных рядовых солдат. В «Акте» же приема-сдачи Наркомата обороны указано, что в числе военнообязанных запаса состоит «315 5000 необученных людей». Вот с каким контингентом запаса офицеров и рядовых мы вступали потом в войну с Германией.

«Мы считаем, — говорил Мерецков, — что именно отсюда идет корень тех ошибок, которые допускаются в организации взаимодействия. Кадры, не знающие боевой техники, не смогут правильно организовать взаимодействие родов войск. Из других академий, — продолжил он, — выходят командиры-специалисты своего рода войск, но с недостаточными знаниями характера современного боя и использования других родов войск».

На это же обратил внимание участников совещания генерал-инспектор пехоты генерал-лейтенант А.К. Смирнов. «Во что упирается управление боем? — ставит он вопрос и отвечает: — Оно упирается в слабое знание техники нашим комсоставом, той техники, которая состоит на вооружении... Без знания техники, без знания того, что можно потребовать от этой техники, мы не создадим сознательного тактика»¹.

В связи с репрессиями усиленно продолжались перемещения командиров с одной должности на другую. К началу 1940 г. свыше 70% командиров дивизий и полков работало в этих должностях не более года. При-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 75593. Д. 49. Л. 50.

чем на эти должности назначались совершенно неподготовленные люди. Об этом также говорили на декабрьском совещании. Так, командующий Забайкальским военным округом генерал-лейтенант И.С. Конев заявил тогда, что он считает совершенно недопустимым при всей той нужде в кадрах, какая имеет место, чтобы на должности командиров дивизий назначались лица, не командовавшие полком.

Недостатки, а точнее отсутствие необходимой подготовки, отмечались не только у командиров низшего, среднего и старшего звена, но и у высшего начальствующего состава. На сегодня оперативная подготовка высшего командного состава, отмечал нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко на декабрьском совещании, не достигает требуемой высоты и нуждается в дальнейшем совершенствовании. Необходимо всем нам в вопросах личной военной подкованности, подчеркнул он, со всей решительностью изжить вредное чванство и самодовольную успокоенность. Нужно признать, заявил нарком, что некоторым товарищам (надо было сказать — всем. — В.А.) надо еще оправдывать звание генерала и высокую должность неустанным трудом над собой, кропотливо изучая теорию военного дела и осваивая опыт вождения войск в современном бою. У некоторых наших генералов, отметил маршал, слаба база знаний, отсутствует способность глубокого анализа перспектив развития современной операции.

Неоднократно заменялось руководство родами войск и видами вооруженных сил. Особенно «не повезло» авиации. До начала войны последовательно были репрессированы четыре начальника Главного управления ВВС: Я.И. Алкснис, А.Д. Локтионов, Я.В. Смушкевич и П.В. Рычагов. Все командующие ВВС военных округов и командиры авиационных соединений были также репрессированы. На руководящие должности в ВВС были выдвинуты в основном участники боев в Испании, 30-летние командиры авиационных звеньев и эскадрилий, ставшие генералами. Эти храбрые, мужественные люди, героически сражавшиеся с фашистскими летчиками, заслуживали уважения и высоких правительственных наград. Однако назначать их на должность командующего ВВС военного округа, как это было с генералом И.И. Концом, или командира авиационной дивизии, как генерала С.А. Черных, не следовало.

Чтобы судить о подготовке и возможностях офицеров самого многочисленного вида вооруженных сил — сухопутных войск, укажем, что около 85% из них были в возрасте до 35 лет. Высшее военное образование имели лишь 4%, среднее — 46%, а половина всего офицерского состава сухопутных войск прошла ускоренную военную подготовку, либо вовсе не имела военного образования.

В основу обучения и воспитания войск Ворошилов и Буденный положили свой личный опыт. В этом, возможно, не было бы ничего предосудительного, если бы этот опыт не фетишизировали в ущерб изменившимся условиям ведения боевых действий в связи с появлением новых средств борьбы. «Нельзя не отметить громадного влияния прошлого боевого опыта на постановку обучения армии, — указывал в 1932 г. Тухачевский. — Одновременно можно отметить немало фактов, когда прошлый опыт, выработанный в победоносных войнах, сказался не благоприятно, а отрицательно на организации боевой подготовки»¹.

Так оно и случилось. Как показал опыт боев на Хасане, у Халхин-Гола, в Западной Белоруссии и Западной Украине, а также на финляндском фронте, качество подготовки командного состава было очень низкое. «Всем известно, — говорил Мерецков на декабрьском совещании, — что наша армия до войны с белофиннами воспитывалась на опыте борьбы в период Гражданской войны... Методы обучения не способствовали росту и не давали представления о характере современного боя. Было много демократизма и тепличного подхода к бойцу (это происходило потому, что командир боялся потребовать от рядового солдата выполнения приказа, так как тот мог донести на него, как на «врага народа». — В.А.), что привело к неправильным представлениям о суровых требованиях, предъявляемых ходом войны»².

Об этом же говорил в своей заключительной речи 31 декабря 1940 г. Тимошенко: «Война с белофиннами выявила всю пагубность нашей системы боевой подготовки — проводить занятия на условностях, кабинетным методом. Наши командиры и штабы, не имея практического опыта, не умели по-настоящему организовать усилия родов войск и тесного взаимодействия, а главное — не умели по-настоящему командовать. Младший командный состав и красноармейцы учились всему условно — и атаке, и наступлению, и форсированию рек. На деле оказалось, что нужны не условности и не рассказы о войне, а требуется умение по-настоящему, серьезно воевать»³.

В подготовке войск Красной Армии в конце 30-х годов очень мало уделялось внимания обороне, потому что рассчитывали на легкую и быструю победу ведением сокрушительного наступления. В выступлениях Молотова, Ворошилова и ряда других деятелей, публиковавшихся в печати, звучал хвастливый тон: если враг нападет на советскую землю, то

---

¹ Военно-исторический журнал. 1962. № 2. С. 70.

² ЦАМО РФ. Ф.2. Оп. 75593. Д. 49. Л. 41—42.

³ Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2747. Л. 45.

мы ответим на удар врага тройным ударом, войну будем вести на территории противника и выиграем ее малой кровью. Исходя из политических установок, в армии недооценивалась оборона, а об отступлении и речи не могло быть.

Об этом убедительно свидетельствует декабрьское совещание, на котором с докладом «О характере современной оборонительной операции» выступил командующий Московским военным округом генерал армии И.В. Тюленев. «Этот вопрос, отражающий одну из форм ведения войны, нигде не освещен в полном объеме, — сказал он во вступлении. — Мы не имеем современной, обоснованной теории обороны, которую могли бы противопоставить современной теории и практике глубокой наступательной операции. В военной литературе нет капитального труда, в котором бы были полно изложены основы оборонительных действий войск».

О недооценке обороны говорилось на сборе начальников инженерных войск, проходившем в январе 1941 г. Полковник А.И. Прошляков (впоследствии маршал инженерных войск), руководивший игрой по теме «оборонительная операция», отмечал в итоговом докладе, что «способы работы начальника инженеров армии в оборонительной операции явились новыми и не освоенными. В войсках занимаются до сих пор почти исключительно наступлением»¹. Слабое знание вопросов обороны все участники сбора объяснили тем, что в войсках — на играх и полевых учениях они занимались только наступлением, а обороне не уделялось достаточного внимания.

В связи с этим не уделялось должного внимания развитию инженерных войск, которые по своей организации и вооружению отставали даже от общего развития других родов войск. Инженерные части были слабо обеспечены основными видами вооружения. Новейшие средства инженерной техники: окопкопатели, дорожные машины и др. — имелись только в образцах. Переправочных средств было недостаточно. «Совершенно неотработанными, — записано в «Акте», — остаются вопросы использования и применения пехотных и противотанковых мин. Производство и изготовление этих мин не организовано и имеются только опытные образцы». Эту проблему по-настоящему так и не удалось решить к началу войны.

Общевойсковые командиры недооценивали противотанковые и противопехотные заграждения и считали, что их успешно можно устраивать только в лесу. «Устройство заграждений, — отмечал начальник Генераль-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 69. Оп. 14065. Д. 46. Л. 150.

ного штаба на декабрьском совещании, — целиком передается саперным начальникам, а последние, не зная тактических решений, строят заграждения самостоятельно и тактически неправильно, в связи с чем заграждения теряют свой смысл, легко обходятся и быстро преодолеваются...- Мы даже не определили практически, кто будет иметь дело с минами на поле боя в этот период»¹.

Слабее всех других родов войск была подготовлена пехота. Должно-го внимания вопросам организации, вооружения и подготовки ее не уделялось. Пехотное вооружение отставало от современных требований боя и не было обеспечено минометами и автоматами. Наркомат обороны с опозданием и крайне медленно проводил внедрение современных образцов стрелкового вооружения: пистолеты-пулеметы и самозарядные винтовки.

Этот недостаток так и не был устранен до начала Великой Отечественной войны и весьма отрицательно сказался на ходе оборонительных действий в начальном периоде.

С 1937 по 1939 г. по существу ничего нового в разработку проблемы начального периода войны внесено не было. Нет ни одной статьи на эту или даже близкую к ней тему. Произошло это, видимо, не только потому, что видные военные руководители и теоретики были репрессированы, но и по причине монопольного права Сталина заниматься вопросами теории по всем общественным и многим специальным наукам, в том числе и военной. Но в этом вопросе дальше повторения вывода о том, что войны теперь не объявляются, а просто начинаются, сделанного еще в 1932 г. XII пленумом Коминтерна, он не пошел.

Обильную пищу для размышлений дала военным теоретикам начавшаяся в Европе Вторая мировая война. Быстро откликнулись на нее ученые Академии Генерального штаба. «Дерзнул» открыто высказать свое мнение о характере начавшейся войны комбриг Г.С. Иссерсон. В 1940 г. вышла в свет его книга под названием «Новые формы борьбы (опыт исследования современных войн)».

Говоря о характере развязывания войны, он отметил, что «в этом отношении германо-польская война представляет собой новое явление в истории»². Нападение полностью развернутых сил Германии на Польшу явилось для последней стратегической внезапностью. «Никто не может теперь сказать, — указывал автор, — когда же произошли мобилизация,

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 69. Оп. 14065. Д. 49. Л. 9, 28.

² Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. М., 1940. С. 28.

сосредоточение и развертывание — акты, которые по примеру прошлых войн и, в частности, первой империалистической войны обозначены вполне определенными рамками во времени. Германо-польская война началась самым фактом вооруженного вторжения Германии на земле и в воздухе». Повторив тезис о том, что война теперь не объявляется, она просто начинается заранее развернутыми вооруженными силами, Иссерсон констатирует, что мобилизация и сосредоточение относятся не к периоду после наступления состояния войны, как это было в 1914 г., а незаметно, постепенно проводятся задолго до этого. «Разумеется, а полностью скрыть это невозможно, — справедливо заявляет он. — В тех или иных размерах о сосредоточении становится известным. Однако от угрозы войны до вступления в войну всегда остается еще шаг. Он порождает сомнение, подготавливается ли действительное военное выступление или это только угроза. И пока одна сторона остается в этом сомнении, другая, твердо решившаяся на выступление, продолжает сосредоточение, пока, наконец, на границе не оказывается развернутой огромная вооруженная сила. После этого остается только дать сигнал, и война сразу разражается в своем полном масштабе»².

По-видимому, эти смелые и правильные выводы Иссерсона были представлены Сталину как могущие осложнить взаимоотношения с Германией и спровоцировать ее на войну с Советским Союзом, так как автор вскоре после создания книги был репрессирован, просидел в тюрьмах и лагерях пятнадцать лет, а его справедливые заключения не были приняты во внимание.

Руководство оперативной подготовкой высшего начальствующего состава и штабов выражалось лишь в планировании и даче директив. С 1938 г. Ворошилов, а следовательно и начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников, полностью зависящий от него, сами занятий с высшим командным составом не проводили. Контроль за оперативной подготовкой в военных округах почти отсутствовал.

В разработке вопросов оперативного использования родов войск в современной войне, в отличие от прошлых лет, руководство Красной Армии сильно отставало. Основные уставы: полевой службы, внутренней службы, дисциплинарный и некоторые боевые уставы родов войск устарели. Отсутствовали наставления по вождению крупных войсковых объединений (армий), наставление для действий войск в горах и др. Имелось много приказов, требующих своей отмены или переработки как устаревших и затрудняющих руководство войсками. Не было со стороны руко-

---

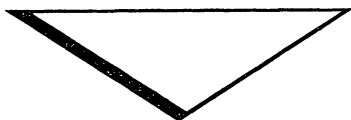
² Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. М., 1940. . С. 39.

водства Наркомата обороны, как в прошлом, живого действенного руководства обучением войск. Никаких маневров и учений Ворошилов не проводил, так как не умел и не знал, как это делать без Тухачевского и его коллег.

«К моменту приема и сдачи Наркомата обороны, — указывалось в «Акте», — оперативного плана войны не было, не разработаны и отсутствуют оперативные планы, как общий, так и частные. Генштаб не имеет данных о состоянии прикрытия границ. Решения Военных Советов округов, армий и фронта по этому вопросу Генштабу неизвестны».

Вот до какого состояния Ворошилов со товарищи довел Красную Армию и обороноспособность страны с 1937 до весны 1940 года.

ГЛАВА III

КРОВАВОЕ ПРОЗРЕНИЕ

1. УРОКИ ВОЙНЫ С ФИНЛЯДИЕЙ

23 августа 1939 г. мировое сообщество было взбудоражено вестью о заключении договора о ненападении между фашистской Германией и Советским Союзом. Никому тогда еще не было известно о том, что к договору приложен секретный протокол, согласно которому Восточная Европа была поделена на сферы влияния. Заключение этого договора подавалось советскому народу как стремление обеспечить мир и устранить угрозу войны между Германией и СССР. Указывалось, что несмотря на различие мировоззрений и политических систем, Советское правительство всегда стремилось поддерживать нормальные деловые и политические отношения с Германией. Справедливости ради замечу, что Советское правительство пошло на заключение договора с Германией вынужденно, так как премьер-министр Англии Чемберлен стремился во что бы то ни стало сам заключить соглашение с Гитлером, а не с Советским Союзом.

Эта акция преподносилась как свидетельство «блестящего оправдания» исторического предвидения Сталина, высказанного им на XVIII съезде партии. Он якобы тогда еще поставил вопрос о возможности добрососедских отношений с Германией, в которой правильно поняли это заявление и сделали из него практические выводы.

«Практические выводы» Германии заключались в том, чтобы безнаказанно и без опасности возможного вмешательства со стороны СССР нанести удар по Польше и разгромить ее армию. 1 сентября 1939 г. германская армия вступила на польскую землю. Во избежание неприятностей со стороны Германии и проявляя недоверие к заключенному с ней договору, советское руководство в тот же день приняло закон о всеобщей воинской обязанности, отказавшись от территориально-милиционной системы комплектования Красной Армии, и начало проводить частичный призыв запасных на Украине, в Белоруссии и еще в четырех военных округах.

В связи с быстрым разгромом польской армии Председатель Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов 17 сентября утром вручил польскому послу в Москве ноту, в которой заявил, что Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Советское правительство фальшиво заявило также в этой ноте, что оно намерено принять все меры к тому, чтобы «вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью». Действительную же суть этой военной акции Советского правительства раскрыл Молотов, выступая по радио в тот же день. «В Польше создалось положение, требующее со стороны Советского правительства особой заботы в отношении безопасности своего государства, — заявил он. — Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Советское правительство до последнего времени оставалось нейтральным. Но оно в силу указанных обстоятельств не может больше нейтрально относиться к создавшемуся положению»¹. Перед правительством встали острые вопросы безопасности нашего государства.

Да, несмотря на заключенный договор, советское руководство не исключало возможности продолжения германскими войсками уже в то время «похода на Восток». Кичась своим участием в разгроме Польши, Молотов в докладе на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г. цинично заявил: «Оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора...»²

При продвижении частей Красной Армии, говорил Молотов, «были местами серьезные стычки с польскими частями, а стало быть, были и жертвы... На Белорусском фронте (командующий — командарм 2 ранга М.П. Ковалев. — В.А.) в частях Красной Армии, считая начальствующий и рядовой состав, мы имели убитых 246 и раненых — 503, а всего — 749. На Украинском фронте (командующий — командарм 1-го ранга С.К. Тимошенко. — В.А.) мы имели убитых из начальствующего и рядового состава — 491 и раненых — 1359, и всего — 1850. Следовательно, общее количество жертв... — 2599 человек»³.

---

¹ Военно-исторический журнал. 1939. № 3. С. 3.

² Там же. № 4. С. 3.

³ Там же. С. 7.

Уже в этом «освободительном походе» Красная Армия продемонстрировала низкие боевые качества, о которых говорилось в предыдущей главе. Если бы не предрешенный Германией сокрушительный разгром польской армии, то она нанесла бы Красной Армии значительно больший урон, да и боевые действия тянулись бы долго.

Начавшаяся в Европе Вторая мировая война внесла коренные изменения во всю международную обстановку. В этих условиях советское руководство стремилось расширить зону своих интересов в соответствии с секретным протоколом к августовскому договору с Германией. Оно провело дипломатические переговоры с представителями Эстонии, Латвии и Литвы, в результате которых в конце сентября 1939 г. были подписаны в Москве договоры. Они были основаны на взаимопомощи между Советским Союзом, с одной стороны, Эстонией, Латвией и Литвой — с другой стороны, включая и военную помощь друг другу в случае нападения на кого-либо из них. В соответствии с этими договорами Советский Союз ввел на территорию этих государств по одному стрелковому корпусу. Ему были предоставлены аэродромы и военно-морские базы.

Теперь дело оставалось за Финляндией, которая согласно секретному протоколу также входила в зону интересов Советского Союза. «Те же вопросы обеспечения безопасности Советского Союза и особенно Ленинграда, которые стояли в переговорах с Эстонией, — сказал Молотов 31 октября, — стоят и в переговорах с Финляндией. Можно сказать, что в некотором отношении вопросы безопасности для Советского Союза здесь стоят даже острее, поскольку главный, после Москвы, город советского государства — Ленинград, находится всего в 32 километрах от границы Финляндии. Это значит, что Ленинград находится от границы другого государства на расстоянии меньшем, чем это нужно для артиллерийского обстрела из современных дальнобойных орудий».

Переговоры начались в начале октября по инициативе Советского правительства в Москве с Паасикиви и Таннером. Им предложили заключить пакт по типу пактов взаимопомощи с другими прибалтийскими государствами. Финны отклонили это предложение под предлогом позиции нейтралитета. Тогда советское руководство предложило финнам отодвинуть на север от Ленинграда на несколько десятков километров советско-финскую границу на Карельском перешейке. Взамен этого было предложено передать Финляндии часть территории Советской Карелии, превышающую в два раза территорию, передаваемую финнами.

Однако Финляндия не соглашалась на эти предложения, хотя и шла на некоторые территориальные уступки. О нажиме Советского правительства на Финляндию стало известно другим странам. 12 октября прези-

дент США Ф. Рузвельт обратился со специальным посланием к Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину, в котором выразил надежду на сохранение и развитие дружеских и мирных отношений между Советским Союзом и Финляндией. В ответном послании Калинина указано: «Считаю уместным напомнить Вам, господин президент, что государственная независимость Финляндской республики была признана свободным волеизъявлением Советского Правительства 31 декабря 1917 года, и что суверенитет Финляндии обеспечен за нею мирным договором между РСФСР и Финляндией от 14 октября 1920 года. Вопреки тенденциозным версиям, распространяемым кругами, очевидно, не заинтересованными в европейском мире, единственной целью указанных переговоров является упрочение взаимоотношений между Советским Союзом и Финляндией и укрепление дружественного сотрудничества обеих стран в деле обеспечения безопасности Советского Союза и Финляндии»¹.

До конца ноября шли переговоры. Но из этих переговоров ничего не вышло.

«Решение вопроса перешло на поля войны, — заявил Молотов на заседании Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 г. — Можно с уверенностью сказать, что если бы в отношении Финляндии не было внешних влияний, если бы в отношении Финляндии было меньше подстрекательств к враждебной Советскому Союзу политике со стороны некоторых третьих государств, то Советский Союз и Финляндия уже осенью прошлого года мирно договорились бы между собою и дело обошлось бы без войны. Но несмотря на то, что свои пожелания советское правительство свело к минимуму, дело не удалось кончить дипломатическим путем».

Конечно, если бы не было заявлений о моральной и материальной поддержке Финляндии со стороны США, Англии и Франции, то она согласилась бы под давлением возможной угрозы силой со стороны СССР на любые условия. Но так как этого не произошло, то вместо дипломатов заговорили пушки. Войска Ленинградского военного округа по заранее разработанному плану 30 ноября 1939 г. начали боевые действия с целью прорыва «линии Маннергейма» на Карельском перешейке. Но «орешек» этот оказался очень крепким. Примерно через полмесяца они перешли к обороне. Пришлось создавать специальный фронт под командованием С.К. Тимошенко и сосредоточивать здесь крупные силы из Московского, Прибалтийского, Белорусского и Киевского военных округов. Более того,

---

¹ Военно-исторический журнал, 1939, № 4. С. 11.

в Московском военном округе были сформированы две дивизии из добровольцев и отправлены на фронт.

Для руководства военными действиями в начале декабря была образована Ставка Главного Военного совета Красной Армии. В состав Ставки входили: К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин, начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников и нарком Военно-Морского флота Н.Г. Кузнецов. Сталин рассчитывал на установление в Финляндии Советской республики, которая бы вошла в состав Советского Союза. С этой целью было создано и подготовлено «правительство» Финляндии во главе с О.В. Куусиненом. Но «воцариться» ему так и не удалось.

Война приняла затяжной, кровопролитный для Красной Армии характер. Мощные укрепления, неблагоприятные условия местности, сильные морозы, достигавшие 45 градусов, до крайности затрудняли боевые действия. А главное — полная неготовность советских войск к ведению военных действий, да еще в столь сложных условиях. Поэтому оборонительные рубежи уже после сосредоточения крупных сил прогрызались метрами, при этом части Красной Армии несли очень большие потери. «Будучи на войне, — говорил впоследствии, став уже наркомом обороны, Тимошенко, — мне, как командующему фронтом, человеку, что называется с железным сердцем, приходилось переживать тяжелое состояние, когда масса бойцов и командиров зря проливали кровь и только потому, что не умели правильно действовать в боевых условиях»¹. О «кровавых боях», об «огромных потерях» он неоднократно говорил на разборах смотровых тактических учений войск осенью 1940 г. По далеко неполным данным, боевые потери Красной Армии в этой войне составили 95348 человек².

«Война с Финляндией продолжалась 104 с половиной дня и носила чрезвычайно ожесточенный характер, — говорил в докладе на мартовском (1940 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) Ворошилов. — Должен сказать, что ни я, нарком обороны, ни Генштаб, ни командование Ленинградского военного округа вначале совершенно не представляли себе всех особенностей и трудностей, связанных с этой войной. Объясняется это прежде всего тем, что Военвед не имел хорошо организованной разведки, и следовательно, и необходимых данных о противнике, те скудные сведения, которыми мы располагали о Финляндии, ее вооруженных и укрепленных районах, не были достаточно изучены и обработаны и не могли быть

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 651. Л. 68.

² Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 101.

использованы для дела. Военное ведомство подошло к подготовке войны в Финляндии недостаточно серьезно»¹.

Ну что ж, весьма самокритично и, надо сказать, справедливо оценены действия военного руководства по подготовке этой войны. «На протяжении ряда лет во всех наших оперативных планах, — говорил Ворошилов, — мы рассматривали Финляндию как второстепенное направление, и в соответствии с этим силы и средства, предназначавшиеся для этого участка, были способны вести только оборонительные действия. Отсюда — недостаточно внимательное и серьезное отношение к Финляндскому театру вообще и недопустимо слабое знание его специфических особенностей»².

В результате плохо поставленного дела военной разведки Наркомат обороны и Генеральный штаб к началу войны с Финляндией не располагали сколько-нибудь точными данными о силах и средствах противника, качестве войск, их вооружении, особенно плохо были осведомлены о действительном состоянии «линии Маннергейма».

Предполагалось, что война с финнами будет скоротечной и не представит больших трудностей для Красной Армии. К началу войны советские войска не имели пистолета-пулемета, которым были хорошо снабжены финны. В Советском Союзе пистолет-пулемет Дегтярева выпускался и был на вооружении частей НКВД и милиции. В Красной Армии его не было потому, что ведавший вопросами вооружения Кулик считал, что «автомат — это оружие полиции». Почти в таком же положении Красная Армия оказалась и в отношении минометного вооружения по вине того же Кулика, который сопротивлялся внедрению этого вида оружия.

Экипировка войск, в первую очередь стрелковых, не соответствовала условиям зимы, да еще такой суровой, как истекшая. Мало было валенок, не хватало полушубков, рукавиц. Старый шлем, который носили раньше красноармейцы, оказался непригодным для носки в холодное время и его требовалось заменить на шапку-ушанку.

Молодые, недавно развернутые до штата военного времени стрелковые дивизии, имевшие и без того слабые кадры, были пополнены призванным из запаса начальствующим составом, который еще больше ослабил командный состав советских войск. Поэтому дивизии, полки, батальоны и роты становились боеспособными только в процессе боевых действий, приобретая опыт потоками крови и потерей человеческих жизней.

---

¹ Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 11.

² Там же. № 5. С. 46.

Штабы, сформированные в ходе войны, от фронтовых до дивизионных, за редким исключением, были плохо подготовлены и не могли квалифицированно руководить вверенными им войсками, не были способны быстро реагировать на изменяющуюся обстановку. Не лучше действовали и командиры всех степеней. Ставка Главного военного совета вынуждена была снять многих высших командиров и начальников штабов, так как их руководство было признано вредным.

Дисциплина в войсках в первое время боевых действий почти повсюду была слабой. Многие командиры и политработники, плохо ориентируясь в обстановке, а часто просто растерявшись, были малоспособными следить за своими частями, организовать бой, наводить порядок и блюсти строгую воинскую дисциплину.

В этих сложных условиях Ставка Главного военного совета приняла ряд радикальных мер, направленных к ликвидации вскрывшихся недостатков. Сталин свирепствовал и жестоко карал тех, кто, по его мнению, повинен был в тех или иных ошибках. Вот еще когда он приобрел «опыт» руководства вооруженной борьбой, использованный им в 1941 г. Он посчитал, что войск мало для того, чтобы преодолеть укрепленный Карельский перешеек. Поэтому приказал подготовить необходимое количество стрелковых дивизий и других частей, которые в срочном порядке железнодорожным транспортом были направлены на соответствующие участки боевых действий. В ход пошла даже кавалерия, которую пришлось использовать в спешенном строю.

Сталин поднял всех и все на ноги и заставил восстановить производство пистолетов-пулеметов Дегтярева. Этот пистолет имел обойму всего лишь на 25 патронов. Сталин потребовал от наркома вооружения Б.Л. Ванникова и его конструкторов дать магазин такой же, как у финского пистолета, — на 70—72 патрона. В течение двух недель промышленность освоила пистолет и новый магазин на 70 патронов. Тогда Сталиным, по словам Ворошилова, «был круто поставлен вопрос о быстром повышении производства минометов и мин».

Серьезные меры были приняты и в деле экипировки войск. Сталин поручил секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву и Г.М. Маленкову включиться вплотную в это дело и оказывать повседневную помощь начальнику снабжения Красной Армии А.В. Хрулеву. А.И. Микоян, по указанию Сталина, развернул в больших размерах производство сухарей и различных концентратов. Для подогрева и повышения калорийности питания было принято решение выдавать всему личному составу 100 граммов водки в сутки.

В результате перечисленных мер войскам Красной Армии удалось сломить сопротивление финнов и продвинуться в глубь страны. Финлян-

дия была вынуждена заключить мир. Договор был подписан 12 марта 1940 г.

Красная Армия одержала трудную победу. «В условиях исключительного суровой зимы, — говорил с бахвальством в заключение своего доклада на пленуме Ворошилов, — наша армия разгромила финскую армию в ее современной и действительно сильной крепости, каковой является так называемая линия Маннергейма. Красная армия с честью (хороша честь! — В.А.) оправдала сталинские слова: “Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики”. Эту свою победу Красная Армия одержала сравнительно быстро прежде всего потому, что с момента возникновения войны и до ее победного конца, — лакейски заявил нарком, — фактически руководство войной взял на себя тов. Сталин. Созданная Ставка Главного военного совета под руководством и по инициативе тов. Сталина не только повседневно и конкретно руководила действующими армиями, но одновременно осуществляла огромную организационную работу по обеспечению успехов нашей армии и безопасности государства в целом»¹.

В славословии «достигнутой победы» Молотов на заседании Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г. пошел еще дальше Ворошилова. «Красная Армия не только сокрушила “линию Маннергейма” и тем покрыла себя славой, как первая армия, в труднейших условиях проложившая путь через большую мощную полосу вполне современных военных укреплений, — под аплодисменты заявил он, — Красная Армия вместе с Красным Флотом не только сокрушила финляндский военный плацдарм, подготовленный для нападения на Ленинград, но и ликвидировала кое-какие антисоветские планы, взлелеянные на протяжении последних лет некоторыми третьими странами»². В этом заявлении допущены не только переоценка действий Красной Армии, но и политический просчет. Военные круги Германии вскоре продолжили подготовку там плацдарма для нападения на СССР. С осени 1940 г. правящие круги Финляндии при поддержке Германии прививали народным массам лозунг: «Тот не финн, кто примирился с советско-финским договором 12 марта».

Для Сталина ход советско-финляндской войны явился холодным душом. Он увидел полную несостоятельность военного руководства страны и слабость Красной Армии. В конце марта был созван специальный пленум ЦК, на котором остро и непредвзято, кроме доклада Вороши-

---

¹ Военно-исторический журнал. 1993. № 7. С. 37.

² Там же.

лова, были обсуждены ход и итоги этой войны. Сталин предложил создать комиссию по проверке деятельности Наркомата обороны, Генерального штаба и центральных управлений. Эта комиссия работала около месяца¹.

7 мая 1940 г. Указами Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов был снят с поста наркома обороны и назначен заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и председателем Комитета обороны при СНК, а наркомом обороны назначен Тимошенко. Накануне ему, Шапошникову и, как ни странно, Кулику было присвоено звание «Маршал Советского Союза».

В целях поднятия авторитета командного состава были учреждены и присвоены большому количеству лиц генеральские звания. Высшее генеральское звание «генерал армии» было присвоено трем лицам: Г.К. Жукову, К.А. Мерецкову и И.В. Тюленеву. В августе Мерецков был назначен начальником Генерального штаба.

12 августа 1940 г. по предложению Тимошенко второй раз в жизни Красной Армии был упразднен институт военных комиссаров. В Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об укреплении единоначалия в Красной Армии и Военно-Морском Флоте» говорилось: «В связи с тем, что институт комиссаров уже выполнил свои основные задачи, что командные кадры Красной Армии и Военно-Морского Флота за последние годы серьезно окрепли (?), а также в целях осуществления в частях и соединениях полного единоначалия и дальнейшего повышения авторитета командира... отменить «Положение о военных комиссарах»..., ввести... институт заместителей командиров по политической части». (Года не пройдет, как институт военных комиссаров вновь потребуется Сталину!)

8 мая Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о необходимости «произвести сдачу и приемку дел по НКО в течение не более 10 дней». В тот же день подобное решение принял и СНК СССР. Во исполнение этого постановления при приемке Наркомата обороны Тимошенко от Ворошилова в присутствии А.А. Жданова, Г.М. Маленкова и Н.А. Вознесенского были заслушаны доклады начальников центральных управлений. На основе результатов работы комиссии и заслушанных докладов был составлен «Акт», подписанный Ворошиловым, Тимошенко, Ждано-

---

¹ Кроме того, 14—17 апреля 1940 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание начальствующего состава РККА с целью подведения итогов и учета опыта войны с Финляндией. Его полная стенограмма опубликована в кн.: Зимняя война 1939—1940. Кн. 2. М., 1998. — *Ред.*

вым, Маленковым и Вознесенским¹. Так позорно завершилась деятельность Ворошилова на посту наркома обороны.

Тимошенко же пришлось разгрести те завалы в Красной Армии, которые образовались при предшественнике. И надо отдать должное ему, взялся он за это дело горячо. Через неделю после вступления на пост наркома обороны Тимошенко отдал приказ № 120, в котором были подведены итоги боевой деятельности войск и поставлены задачи по боевой подготовке на летний период обучения. В нем указана необходимость приближения повседневной учебы к боевой действительности. «Учить войска только тому, — требовал нарком, — что нужно на войне, и только так, как делается на войне».

Тимошенко и его заместители проводили совещания, выезжали в войска на учения, продолжая анализировать опыт советско-финляндской войны и извлекать из него уроки. «Опыт войны в Финляндии показал, — отметил нарком на разборе командно-штабного учения в Западном особом военном округе 3 сентября 1940 г., — что наши командиры соединений и частей... имели только некоторое представление о вождении войск в условиях войны... Не имея практического опыта современной войны, они не умели по-настоящему организовать усилия родов войск и тесного взаимодействия, а главное не умели по-настоящему ими командовать. Наши штабы, — подчеркнул Тимошенко, — жили, очевидно, приобретенным опытом Гражданской войны, которая не имела на поле боя того огромного оснащения армии, что мы имеем сегодня... Нам нужно решительно переключиться на опыт войны, которая показала применение как с той, так и с другой стороны современной оснащенной армии»².

К вопросу о применении боевой техники в бою и операции Тимошенко возвратился 7 сентября и на разборе тактического учения 6-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в районе Бреста. «На войне мы увидели, — сказал он, — что как только начали снаряды бить по нам, а мы к этому не были по-настоящему подготовлены (не удивительно ли? — В.А.), мы привыкли пугать своей техникой (!), и получилось не совсем ладно. Нужно хорошо уяснить задачу своей техники, что от нее требуется, то, что техники очень много — это очень хорошо, но эту технику нужно по-настоящему знать, уметь ею хорошо управлять, приспособлять к нуж-

---

¹ Полный текст Акта приема Наркомата обороны СССР С.К. Тимошенко от К.Е. Ворошилова» см. в кн.: Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2—1). М., 1994. С. 298—309. — *Ред.*

² ЦАМО РФ. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 651. Л. 35.

ному месту, ясно представлять ее задачи на поле боя и лучше учитывать возможности ее использования. Вот эти привычки нам нужно выработать в себе, — заключил нарком. — Нужно уметь искусно применять и использовать технику на поле боя, а не только дома, в казарме»¹.

Конечно, так применять оружие вряд ли целесообразно, как это рекомендовал нарком на основе опыта войны. «Артиллерийская подготовка должна быть более продолжительной и грамотно обставленной, — сказал он. — Например, перед Выборгом на артподготовку я определил не несколько часов, а сутки, а из Москвы лично товарищ Сталин приказал на артподготовку отвести не менее 48 часов»².

В начале октября Тимошенко присутствовал на тактическом учении 70-й стрелковой дивизии Ленинградского военного округа, которая участвовала в войне, была награждена орденом Ленина, а ее командир М.П. Кирпонос был удостоен звания Героя Советского Союза, получил генеральское звание и назначен командующим этого округа. И здесь нарком говорил о необходимости лучшего освоения боевой техники. «Нам нужно помнить, — заявил он, — что с той мощной техникой, которой вооружена наша армия, в борьбе с белофиннами нужно было иметь потерь меньше и победить действительно малой кровью. Но не вышло так. Оказывается, говорить — победить малой кровью — одно, а делать малой кровью — другое. Для того, чтобы побеждать малой кровью, нужно хорошо и правильно воспитывать свои кадры и всю армию в целом. Чтобы этого не повторилось в будущем, мы с вами обязаны воспринять и целиком провести в жизнь требования нашего Правительства и указания товарища Сталина. Эти требования выражены в моем приказе № 120. Приказ этот довольно резкий и строгий. Мы не хотим с вами повторять ошибок прошлых лет. И раньше, — заметил Тимошенко, — приказы, я бы сказал, были не такие уж приятные в отношении поблажек и умиротворения... Вся беда заключалась в том, что мы с самого высшего и до низшего звена требовали очень мирного (!) выполнения отдаваемых приказов... Проверяли выполнение приказов примерно так: осенью на Главном военном совете Народный комиссар заслушивал от командующих о выполнении отданных им приказов и тут же вырисовывался приказ на будущее, который в основном начинался словами — в связи с тем, что задачи, поставленные на текущий год, полностью не выполнены, они остаются основными для доработки и на будущий год»³.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 651. Л.59.

² Там же. Л. 120.

³ Там же. Л. 129.

Большое место уроки советско-финляндской войны заняли в речи наркома и на разборе тактического учения 41-й стрелковой дивизии Киевского военного округа, которым командовал в это время (он присутствовал на учениях) генерал армии Г.К. Жуков, сменивший на этом посту Тимошенко. «Опыт, который извлекла Красная Армия за последнее время и особенно в кровавых боях с белофиннами, — начал нарком, — совершенно ясно показал нам, что мы с вами в течение продолжительного времени допускали большую оплошность, которую ни в коем случае в дальнейшем допускать нельзя... Та неприятность, которая выразилась в огромных потерях Красной Армии, имела место лишь потому, что мы в период мирной учебы воспитывали себя с мала до велика на условных положениях, т.е. сами себя ставили в ложное положение и этим самым ложно воспитывали и обучали наших бойцов. Прививалась мода, — подчеркнул Тимошенко, — угождать старшим начальникам, и последние, в свою очередь, нередко не замечали за собой больших ошибок и промахов в своей работе. Приезжает бывало, кажется, объективный начальник, который должен был бы глубоко взглянуть в основы работы, определить ее качество и недостатки, выявить — почему получают хорошие и плохие дела, в чем их причина?.. Но этого как раз и не делалось. Если плохо преподана работа, проверяющий старший начальник разгромит тебя... Если же работа преподана хорошо — благодарил за службу, все были рады и довольны, поблагодарили и даже наградили. Этот обман, — указал нарком, — двуличие и лицемерие нужно крепко зажать в свих руках и выбросить вон»¹.

Акцентируя внимание на необходимости глубокого изучения опыта войны, Тимошенко неоднократно говорил о больших потерях, вызванных неумением воевать и выполнением нелепых требований наших предвоенных уставов. «На финском фронте, — говорил он, — нередко было, когда наступает рота, батальон, а нам приходилось посылать дивизию или корпус против одного финского батальона»². «Посмотрите на ваши боевые порядки, — заметил Тимошенко на учениях 6-й дивизии, — люди лежат скученно, командир роты, как правило, находится впереди (так требовал боевой устав. — В.А.), командир батальона старается быть не во втором эшелоне, а поближе к первому. Стремление быть впереди — хорошо, но, товарищи, нужно иметь в виду и с этим нужно считаться, что командир является целью для противника и вы не будете выполнять своей основной задачи, если так просто и неумно будете подставлять себя

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 651. Л. 76.

² Там же. Л. 129.

под пулю противника. Опыт войны показал, что первыми убивали не красноармейца, а командира, а кому это нужно, чтобы командир — руководитель подразделения погибал первым... Если вы этого не поймете и будете постоянно лезть в переднюю шеренгу, уверяю вас, в боевой обстановке полезете не на передний край, а в могилу, если будете придерживаться старого принципа... Мы не должны равнодушно относиться к этому шаблону и глупостям, — заключил нарком, — которые у нас имеются, мы не можем допускать огромных потерь командного и политического состава из-за шаблона»².

В этой связи нельзя не указать на комичный эпизод, происшедший с командующим войсками Московского военного округа Маршалом Советского Союза С.М. Буденным на учениях 137-й стрелковой дивизии в августе 1940 г. Во время боя с «противником» Буденному доложили, что танки пошли в атаку. Он вскочил в головной танк, чтобы самому возглавить наступление. Водитель растерялся, и танк чуть было не свалился в овраг, заполненный водой. Тимошенко видел все это. На разборе учения он сказал: «Вам, Семен Михайлович, советую садиться не в танк, а быть на командном пункте и управлять войсками. Это в гражданскую войну с пашкой наголо мы мчались в атаку (Тимошенко был командиром кавалерийской дивизии в Первой конной армии Буденного. — В.А.), но те времена давно прошли, да и танк не лошадь». Вскоре Буденный был освобожден с поста командующего округом и назначен на почетную должность первого заместителя наркома обороны.

Во время поездок в войска на учения нарком обороны стремился вскрыть корень всей порочной практики обучения и воспитания войск, которая привела к трагедии и позору Красную Армию в советско-финляндской войне. «В нашей системе подготовки много недостатков, — сказал он на учениях в Западном округе. — Мы обязаны их не скрывать, а выявлять, немедленно перестраивать свою работу, изыскивать мероприятия, которые давали бы возможность в самое ближайшее время ликвидировать те грехи, которые у нас имеются. У нас еще много брехни, — констатировал он. — Бывают случаи, когда набрешет много, а на самом деле, если коснуться глубже в существо дела, то там многое не так, о чем тебе докладывали. Я думаю, что этот род брехни у нас еще живет, но корень ее не в самых людях, люди у нас хорошие, прекрасные люди, а в нашей системе. Вот за перестройку этой системы мы и должны сейчас взяться, воспитать в себе нетерпимое отношение к любому, даже малейшему недостатку. Нужно всегда разумно и вдумчиво, — указал Тимошен-

---

² ЦАМО РФ. Ф. 31983.Ооп. 2. Д. 651. Л. 70—71.

ко. — подходить к сценке того или иного момента, учитывая всесторонне обстоятельство, наладить настоящий деловой контроль и тогда этой брехни у нас не будет»¹.

Эту же тему он продолжал развивать на учениях 99-й стрелковой дивизии во второй половине сентября 1940 г. Дивизия за успешные показатели в боевой подготовке была удостоена тогда переходящего Красного знамени, а командир дивизии генерал-майор А.А. Власов получил за учения от наркома золотые именные часы.

«Основные причины наших бед, — сказал Тимошенко на разборе 27 сентября, — которые образно нарисовались после проведенной нами последней войны, сказались в том, совершенно неправильном методе нашей работы, которую мы проводили сверху донизу. Мы слишком упрощенно вели себя на всех должностях и во всех звеньях нашей Красной Армии, не представляя себе в своем сознании всего того, что может случиться и произойти на войне. Мы облегчали себя в условиях, в труде, а следовательно, ограничивали себя абсолютно в качестве и напряженности той работы, которую должны были с вами выполнять. Допуская массу условностей, красноармейцы, младшие командиры и командиры всех степеней привыкали к условностям. Все условно, все небоевое, а что боевое, ответа никто не давал. Имея нашу армию с такими колоссальными средствами борьбы, но обученную на условном поведении бойцов и младших командиров, мы этим самым допускали преступление. Условность является самым тяжким преступлением в нашей работе. А в своем содержании, — заметил маршал, — это означает, что мы учим армию так, как нужно помирать, а не... побеждать... Надо сейчас же, не откладывая на долгое время, всем вам, как это поступлено мною... переключиться на конкретное руководство боевой подготовкой и самим конкретно показать и доказать, что ты обучаешь массу и учишься у нее... У нас отпадет тогда гнусная отсебятина, которая долгие годы нам мозолила глаза и проедала уши, и вся эта чепуха, которая граничила с преступлением, происходила как раз оттого, что каждый из нас не знает своего дела полностью. От этого незнания выявлялась в огромных массах наших кадров отсебятина. Люди стремились так подстроиться под начальство, угадывали его, этого начальника, слабые стороны и действовали в этом направлении. Эти действия, безусловно, неправильные. Меньше всего, товарищи, нужно бояться таких ретивых начальников, надо бояться, главным образом, своих собственных грехов», — подытожил нарком¹.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 651. Л. 53.

¹ Там же. Л. 102, 108.

В своих многочисленных речах Тимошенко коснулся и опыта немецких войск в ходе войны в Западной Европе. «Возникает вопрос, — спрашивает он, — когда пехота должна занять исходное положение для атаки — вечером под прикрытием темноты, или в период артподготовки и действия авиации, под грохот разрывов и шум моторов? Определенного, необходимого на каждый случай жизни рецепта для исходного положения дать нельзя, все будет зависеть от сложившейся обстановки. Немцы применяют, главным образом, вот этот последний способ, они на исходном положении отрывают окопы, окапываются, обеспечивают себя огневыми средствами, противотанковыми пушками и пулеметами, а наступающую пехоту держат также окопанной, замаскированной в балках и других укрытых местах... Правда, они все время готовились воевать с очень серьезным противником и, видимо, боясь французской артиллерии, отработывали больше этот способ. Спрашивается, а почему мы должны рассчитывать на арапа. Ведь не всегда же так легко удастся, как это было в Польше, когда делали по 70—100 км в сутки. Нам нужно готовиться к более серьезному противнику, брать за основу — победу малой кровью. А чтобы эту задачу решить в бою, — потребовал нарком, — нужно сейчас учесть себя на более сложном»¹.

Из начального опыта войны с Финляндией Сталин и Тимошенко сделали вывод, что главным недостатком Красной Армии является слабая подготовка подразделений и частей. Они не вскрыли другого не менее существенного недостатка — чрезвычайно плохой организации взаимодействия в бою и операции пехоты, танков и авиации. Вследствие этого главные усилия в подготовке войск к войне были направлены на обучение роты, батальона и полка. «На протяжении многих лет, — заметил нарком 22 августа на учениях в Московском военном округе, — когда дело доходило до тактических учений, то вместо того, чтобы отработывать боевые действия роты, батальона и полка, на маневры выводились целые корпуса и армии. Маневры эти проводились главным образом с той целью, чтобы посмотреть и проверить действия больших войсковых соединений, а те звенья, из которых слагаются эти войсковые соединения, т.е. рота, батальон и полк, оставались в стороне, вне поля зрения... Учтя опыт последних войн, — указал маршал, — наше Правительство, партия и товарищ Сталин потребовали от нас в этом году перестроить работу так, чтобы она выражалась в конкретной деятельности каждого, начиная от самого младшего и кончая старшим. Это требование совершенно правильное и оно будет мною проводиться в жизнь со всей настойчивостью. Мы должны довести до сознания каждого командира и политработника, что

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 651. Л. 95—96.

основной нашей задачей в текущем году и долгом каждого из нас является поднять и сделать сильными взвод, роту, батальон и полк»¹.

Тимошенко признал, что командиры долгое время находились в клас-сах, привыкли учить красноармейцев путем словесных объяснений, не утруждая себя сложными условиями боевой обстановки, словом, всем тем, что ложится на плечи бойца в бою во время войны. Многие командиры считали, что если они освобождают бойца от рытья окопа, от передвижения ползком, то делают доброе дело, дают ему облегчение, а на войне, мол, все будет по-иному. (Командиры боялись солдат, чтобы те не донесли о них, уличая во «враждебной» деятельности). В действительности же, это наносило огромный вред делу боевой готовности войск. «Наши бойцы и командиры — храбрый и замечательный народ, — справедливо указывал нарком обороны, — у них нет недостатка в мужестве и преданности Родине. Но эти качества нужно дополнить упорным, конкретным обучением, чтобы они в совершенстве овладели искусством воевать в сложных условиях современной войны. Это, в первую очередь, относится к обучению людей в масштабе взвода, роты, батальона и полка»².

Итак, крен в подготовке войск к войне сделан на подразделения и части. О подготовке соединений, в масштабе которых отработывались бы вопросы взаимодействия родов войск, речь не идет, так как механизированных корпусов пока еще не было. Некоторые военные деятели, в том числе маршал Б.М. Шапошников, профессора Академии Генерального штаба вновь поставили вопрос о формировании крупных соединений авиации, танковых и воздушно-десантных войск, а также необходимости проведения больших войсковых учений и маневров. «Очень многие почтенные и важные люди, — заметил Тимошенко 8 октября на учениях в Ленинградском военном округе, — ив этом году отвлекали Народного комиссара мыслью, что нам надо и теперь выходить в поле с большим количеством войск. Но мы правильно взяли упор на роту, батальон и полк, чтобы создать именно эти единицы боевыми. Сейчас дело не в крупных учениях»³.

Так отреагировал нарком на весьма правильный, нужный и важный совет. Следствием этой реакции и явилась полная беспомощность нашего командования в организации взаимодействия родов войск в бою и операции в начальный период Великой Отечественной войны.

На все мероприятия, проводившиеся военным ведомством летом и осенью 1940 г., кроме уроков войны с Финляндией, решающее влияние

---

¹ ЦАМО РФ/Ф 31983, оп. 2. Д. 651. Л. 2, 3.

² Там же. Л. 4

³ Там же. Л. 131.

оказывала международная и внутривнутриполитическая обстановка. В это время немецкие войска разгромили в молниеносных операциях западноевропейские армии и стяжали себе славу «непобедимости». Германия под предлогом создания «нового порядка» в Западной Европе по существу установила там свое господство. «В этих условиях, — заявил Молотов на заседании Верховного Совета СССР 1 августа, — Советский Союз должен проявить усиленную бдительность к делу своей внешней безопасности, к укреплению всех своих внутренних и внешних позиций. Мы провели переход с 7-часового на 8-часовой рабочий день и другие мероприятия, считаясь с тем, что мы обязаны обеспечить дальнейший и еще более мощный подъем оборонной и хозяйственной мощи страны, обеспечить серьезное укрепление дисциплины среди всех трудящихся, усиленно работать над поднятием производительности труда в нашей стране. Мы имеем немалые новые успехи, но мы не собираемся успокоиться на достигнутом, — высокомерно указал председатель Совнаркома и министр иностранных дел. — Чтобы обеспечить нужные нам дальнейшие успехи Советского Союза, мы должны всегда помнить слова товарища Сталина о том, что “нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая “случайность” и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох”. Если все мы будем помнить об этой святой нашей обязанности, то никакие события нас не застанут врасплох и мы добьемся новых и еще более славных успехов Советского Союза», — под бурные аплодисменты заключил он¹.

Но слова — словами, а дела — делами. Казалось, что действительно многое делалось с целью повышения обороноспособности страны и укрепления боеспособности вооруженных сил. С лета 1940 г. в войсках развернулась напряженная боевая учеба, в соответствии с требованиями приказа наркома обороны № 120. Занятия проводились днем и ночью. Войска обязаны были в короткие сроки овладеть новыми образцами вооружения и боевой техники. В обучении личного состава всех родов войск учитывался опыт советско-финляндской войны и войны в Западной Европе. Нашему командованию, требовал Тимошенко, надлежит зорко следить за всеми новшествами на Западе и извлекать для себя все полезное. Пытливая мысль командира в этом отношении должна всемерно поощряться.

В летний (1940 г.) период наметился перелом в обучении и воспитании войск Красной Армии, которые стали проводиться в условиях, приближающихся к боевым. Главное внимание со стороны военного руко-

---

¹ Военно-исторический журнал. 1940. № 8. Л. 9.

водства было обращено на подготовку стрелковых войск. «Нам пришлось на своем собственном опыте убедиться, — говорил Тимошенко, — что без хорошей пехоты в современной войне победы не достигнешь. Отличную пехоту нужно иметь не на словах, а на деле. Нужно со всей решительностью поднять теперь же значение и авторитет нашей пехоты, поставив ее в центр внимания всей работы». Делая упор на подготовку стрелковых войск, нарком обороны недооценивал роль и значение других родов войск в бою и операции.

На летний период стрелковые соединения были выведены в лагерь. Пехоту обучали скоростным маршам с мерами безопасности в любых условиях обстановки, с постоянной готовностью к бою; гибкому и быстрому маневрированию на поле боя; упорству и бесстрашию в борьбе, несмотря ни на какие лишения и трудности. В масштабе дивизии и полка пехоту готовили к совместным действиям при прорыве обороны противника с танками, артиллерией и авиацией.

В целях повышения боевой готовности в стрелковых полках и дивизиях проводились учебно-боевые тревоги. Лагерный период завершился учениями и инспекторскими смотрами. 25 июля нарком обороны уведомил командующих военными округами о том, что в августе и сентябре он выедет в войска и будет присутствовать на учениях. При этом будут предъявлены следующие требования: максимальное приближение к боевой обстановке; местность должна быть укреплена оборонительными сооружениями и заграждениями.

В сентябре на Яворовском полигоне Киевского военного округа было проведено показательное учение 99-й стрелковой дивизии на тему: «Прорыв подготовленной обороны противника». На учении применялась боевая стрельба артиллерии и бомбометание авиации. Во взаимодействии с другими родами войск пехота успешно прорвала оборону «противника» на всю тактическую глубину. Присутствовавшие на учениях Тимошенко и Жуков высоко оценили выучку частей этого соединения, о чем мы уже писали выше.

Подобные учения проводились и в других приграничных, а также Московском военных округах. В основном стрелковые части показывали, как официально считалось, удовлетворительную выучку. Однако в действительности подготовка стрелковых войск была слабой. В подготовке одиночного бойца и мелких подразделений были вскрыты факты неумелых действий при ведении ближнего боя, блокировке дотов и дзотов и преодолении заграждений. Бойцы пренебрегали самоокапыванием и маскировкой на поле боя¹.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 52 Оп. 21803. Д. 18. Л. 276.

Об итогах боевой подготовки войск за летний период обучения обстоятельно говорил начальник Генерального штаба генерал армии К.А. Мерецков на декабрьском совещании. Рассматривая наступательный бой, он отмечал, что «войска, преодолев предполье, не всегда ясно представляли себе, что надо делать для того, чтобы быстро проникнуть через заграждения и достигнуть переднего края обороны... На учениях, как только войска сталкивались с действительными заграждениями, оказывалось, что они не имеют практики и сноровки для их преодоления. Выявилося неумение применяться к местности и правильно использовать местные предметы для укрытия бойцов»¹. Были случаи, когда занятия и учения по-прежнему проводились с условностями, а штабы не организовывали взаимодействие родов войск. Но главный недостаток в боевой подготовке войск состоял в недооценке обороны. Этому вопросу в летний (1940 г.) период обучения не уделили достаточного внимания. Из кровавого опыта войны с Финляндией извлекли уроки, главным образом относящиеся к организации наступления. На то обстоятельство, что войска Красной Армии не умеют и обороняться, до конца года, т.е. до декабрьского совещания, не обратили должного внимания.

На крупные пробелы в обучении стрелковых войск указал на декабрьском совещании начальник управления боевой подготовки Красной Армии генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов. Он, в частности, указал, что войска не умеют организовать и вести разведку, обеспечивать фланги и стыки, оборонять и атаковать укрепленные районы, оборонять и преодолевать крупные водные преграды². Причины этого он видел в значительном отрыве личного состава на хозяйственные работы и оборонительное строительство, что было вызвано передислокацией войск в новые районы в связи с перенесением границ. «Планы боевой подготовки, — констатировал Курдюмов, — во всех военных округах систематически не выполнялись».

Все это привело к тому, что существенных сдвигов в боевой подготовке войск Красной Армии не произошло, да и не могло произойти в короткое время. «Красная Армия в течение летнего периода 1940 г., — подытоживалось на декабрьском совещании, — благодаря усилиям всего личного состава, провела большую работу по перестройке быта, жизни, боевой подготовки и общей готовности войск к войне. Но эта перестройка только началась, и требования, поставленные наркомом обороны, еще не выполнены»³.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 52 Оп. 21803. Д. 49. Л. 10—11.

² Там же. Л. 68.

³ Там же. Л. 44.

Так обстояло дело в Вооруженных Силах СССР на самом деле. Зато на весь мир трезвонили, что «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее». «Центральный Комитет ВКП(б) и советское правительство, — заявлялось в редакционной статье январского (1941 г.) номера «Военно-исторического журнала», озаглавленной «По ленинскому пути», — поставили перед Красной Армией ответственные задачи, потребовали перестройки форм и методов боевой подготовки и воспитания войск с учетом опыта современных войн. Наша славная армия под руководством Народного Комиссара Обороны СССР Героя и Маршала Советского Союза товарища С.К. Тимошенко с успехом решает поставленные перед ней задачи и готова в любой момент нанести сокрушающие удары по врагу»¹.

Но так заявлялось только открыто. В действительности же не только военные руководители, но и Сталин видел, что представляла собой в то время Красная Армия. «Мальчики кровавые», перефразируя поэта, с финских полей не исчезали из глаз. Прозрение наступило, да поздно. К тому же и в этот короткий, отпущенный историей отрезок времени, было допущено не мало ошибок.

2. ВОЗВРАТ К ПРОШЛОМУ

Добытая чрезвычайно дорогой ценой «победа» над Финляндией, с одной стороны, ошеломляющие действия немецких танковых соединений, десантных войск и авиации в Европе, с другой, привели советское военное руководство к выводу о необходимости организационной перестройки Красной Армии, а по существу — к возврату на прежний путь организации армии. Об этом на декабрьском совещании говорил Д.Г. Павлов — один из «разрушителей» танковых корпусов в 1939 г. «У нас в Красной Армии считали, — сказал он, — что танки должны сводиться в крупные танковые соединения для самостоятельных действий... Наши взгляды в отношении применения танков оказались наиболее правильными и нашли себе подтверждение в действиях немецких танковых соединений в Польше и на Западе. Немцы ничего нового не выдумали. Они взяли то, что у нас было, немножко улучшили и применили», — справедливо указал он.

Решение этой задачи связывалось с ростом материально-технической базы. Благодаря колоссальному напряжению сил всего народа, после спада промышленного производства в 1937—1938 гг., вызванного массо-

---

¹ Военно-исторический журнал. 1941. № 1. С. 10.

выми репрессиями, тяжелая индустрия вновь пошла на подъем. В 1940 г. было выплавлено свыше 18 млн тонн стали и 15 млн тонн чугуна, добыто 31 млн тонн нефти и 166 млн тонн угля. Производство электроэнергии составило более 48 млрд киловатт-часов. Эти показатели по выплавке металла и выработке электроэнергии уступали германским, но по добыче нефти — превосходили.

Учитывая, что промышленность в значительной мере переводилась на военные рельсы, эти ресурсы при рациональном их использовании позволяли вооружить Красную Армию к началу войны новой боевой техникой. Тем не менее этого не произошло. Причин этому несколько. Прежде всего, необходимо отметить нарушение установленных в 1939 г. сроков строительства новых и реконструкции старых военных заводов. Вследствие этого длительное время производились устаревшие образцы танков и самолетов, а новые начали выпускать лишь накануне войны.

Редко выпуск боевой техники тормозился из-за того, что заводы-смежники не обеспечивали своевременно головные предприятия различными узлами и деталями. Несмотря на то что конструкторские бюро, работавшие по указанию Сталина под неусыпным оком Берии, кто в лабораториях, а кто в лагерях, изготовили много замечательных образцов боевой техники и оружия, их освоение промышленностью шло слишком медленно. Истребитель конструкции А.С. Яковлева (Як-1), развивавший скорость до 572 км в час, был принят к серийному производству в начале 1940 г. В течение года было выпущено только 64 самолета, а в войска они поступили лишь в 1941 г. В 1940 г. было произведено 20 истребителей конструкции А.И. Микояна и М.И. Гуревича (МиГ-3), имевших по тому времени очень большую скорость — до 620 км в час. В последнем предвоенном году появилось два замечательных пикирующих бомбардировщика выдающегося конструктора В.М. Петлякова, развивавших скорость до 540 км в час. С 1936 г. выпускался его же тихоходный бомбардировщик ТБ-3, а в 1940 г. был запущен в серийное производство самолет ТБ-7, имевший скорость на высоте 427 км в час, максимальный потолок от 8 до 10 км и дальность полета до 4700 км. Потолок немецких истребителей в это время также достигал 10 200 метров.

Запоздалый перевод авиационной промышленности на производство новых самолетов привел к тому, что советские военно-воздушные силы имели на вооружении преимущественно старые типы самолетов, боевые и тактические свойства которых значительно уступали немецким самолетам. Так, истребитель И-16, любовно называемый летчиками «ишаком», развивал максимальную скорость до 462 км в час, уступая в ней даже немецким бомбардировщикам. Дальность полета его составляла всего лишь 625 км, т.е. этот истребитель мог находиться в воздухе около часа с чет-

вертью. Скоростной бомбардировщик СБ имел максимальную скорость 445 км в час, дальность полета — 1000 км и бомбовую нагрузку до 1500 кг.

Более того, наша авиация отставала от германской в оснащении радиостанциями, радионавигационными приборами и радиолокационными станциями. В истребительной авиации приемо-передающие радиостанции ставились только на самолете командира эскадрильи. К тому же они были невысокого качества и летчики мало пользовались ими. Основным средством связи в воздухе были ракеты и покачивание крыльями. Наземных радиостанций хорошего качества в авиации также не было. На земле управление осуществлялось с помощью телеграфа и телефона. Единичные образцы радиолокационных станций были лишь в системе противовоздушной обороны страны. Все это сильно затрудняло управление авиацией.

И не только авиацией. Средства связи Красной Армии вообще не удовлетворяли требованиям, предъявляемым к поддержанию непрерывности и надежности управления войсками в маневренной войне. Промышленность средств связи по объективным и субъективным причинам не обеспечила войска новейшей аппаратурой. К тому же многие офицеры и генералы не умели управлять войсками в бою с помощью радио и, учитывая сложность и недостаточную надежность радиоаппаратуры, предпочитали использовать проводные и подвижные средства связи.

Материалы декабрьского совещания, на котором мы остановимся ниже, дали Сталину богатую пищу для размышлений о вооружении нашей армии, в том числе и авиацией. Он спохватился. Директора заводов, конструкторы, наркомы стали частыми гостями в его кабинете. Действуя кнутом и пряником, он стремился наверстать упущенное. В новогодних номерах центральных газет был опубликован Указ Президиума Верховного Совета о награждении авиазавода № 1 орденом Ленина «за успешное выполнение задания правительства по освоению в производстве новых образцов вооружения». Публиковался также указ о награждении орденами Ленина главного конструктора А.И. Микояна, заместителя главного конструктора М.И. Гуревича и начальника цеха завода № 1 И.И. Гладкова. Всего другими орденами и медалями было награждено 87 человек.

О необходимости повышения роста военного производства говорилось в докладе секретаря ЦК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакова на торжественно-траурном заседании в Большом театре 21 января 1941 г., посвященном 27-й годовщине со дня смерти Ленина. В президиуме находились все члены Политбюро во главе со Сталиным. «Опираясь на свою хозяйственную и оборонную мощь, — сказал любимец Сталина, — СССР

ведет ни от кого независимую политику, которая исходит только из интересов страны. (Тем самым показывается дистанционирование от устремлений Германии. — В.А.) Чтобы обезопасить нашу родину от опасности военного нападения — следуя завету Ленина, — Советская власть создала могучую Красную Армию, оснастила ее новейшей техникой (к сожалению, этого не было еще. — В.А.) и обеспечила советскому народу мирный труд... Но страна социализма растет и развивается в условиях капиталистического окружения. Мы не можем смотреть безучастно на то, что происходит за советскими рубежами. Международная обстановка сейчас особенно сложна и чревата всякими неожиданностями, — подчеркнул докладчик. — В этих условиях необходимо проявить усиленную бдительность к делу внешней безопасности и к укреплению всех наших позиций. Поэтому интересы обороны страны во всей нашей работе должны стоять на первом месте. (Это, безусловно, требование самого Сталина, а не точка зрения Щербакова. — В.А.)

Изучая опыт первой империалистической войны, — продолжал он, — Ленин говорил: «Ведь война многому научила, не только тому, что люди страдали, но и тому, что берет верх тот, у кого величайшая техника, организованность, дисциплина и лучшие машины; этому научила война и прекрасно, что научила. Учиться надо тому, что без машины, без дисциплины жить в современном обществе нельзя, — или надо преодолеть высшую технику, или быть раздавленным». Эти слова были сказаны почти 23 года назад, но они не потеряли своего значения, и сегодня звучат столь же остро, как и тогда. Вот почему никто не имеет права самоуспокаиваться, быть беспечным, «почивать на лаврах», — заключил сталинскими словами Щербаков¹.

В обстановке возросшей угрозы нападения со стороны фашистской Германии, а это уже было ясно, требовалось значительно повышать темпы военного производства. Для руководства всей производственной деятельностью на нужды обороны страны был создан Хозяйственный совет оборонной промышленности, председателем которого назначили Н.А. Вознесенского. На XVIII партийной конференции, состоявшейся в феврале, он сделал доклад о работе промышленности. На основе его был принят народнохозяйственный план на 1941 год, рассчитанный на значительное усиление обороноспособности страны.

Последние предвоенные месяцы проходили в напряженной борьбе за высокие темпы развития оборонной промышленности. Результаты этого не замедлили сказаться. Танковая промышленность ежемесячно произ-

---

¹ Правда. 1941. 12 января.

водила около 300 танков, а всего в течение полугодия выпустила 1684 танка, из которых около полутора тысяч Т-34 и КВ¹. Но до начала войны многие из этих танков еще не поступили в войска, а полученные — не были надлежащим образом освоены. На вооружении танковых частей и соединений в основном устаревшие боевые машины Т-26 и БТ, боевые и технические данные которых были ниже основной массы немецких танков.

Большое внимание Сталин уделял развитию артиллерии. Он неоднократно повторял известное изречение: «Артиллерия — бог войны». Она совершенствовалась на основе новейших достижений науки и техники. Имевшиеся в войсках основные средства артиллерийского вооружения были одними из лучших в мире, 76-миллиметровая пушка образца 1939 г. конструкции В.Г. Грабина по боевым и эксплуатационным качествам являлась первоклассной пушкой. В танковом варианте она превосходила пушки немецких танков. Вполне удовлетворительными были 122-миллиметровая гаубица образца 1938 г. и 152-миллиметровая гаубица — пушка образца 1937 г. Эффективным против состоявших в то время на вооружении немецких танков было и 45-миллиметровое орудие.

Однако, как ни странно, к началу войны Красная Армия была недостаточно обеспечена противотанковой артиллерией. Причиной этого явилось снятие с производства 76 и 45-миллиметровых пушек, а также противотанковых ружей. «В начале 1941 года, — вспоминает бывший нарком вооружения Б.Л. Ванников, — начальник ГАУ (Главное артиллерийское управление) Г.И. Кулик сообщил мне, что, по данным разведки, немецкая армия проводит в ускоренном темпе перевооружение своих бронетанковых войск танками с броней увеличенной толщины и повышенного качества и вся наша артиллерия 45—76-мм калибра окажется против них неэффективной. К тому же они якобы будут иметь пушки калибром более 100 мм. В связи с этим был поставлен вопрос о прекращении производства пушек калибра 45—76-мм всех вариантов. Освобожденные производственные мощности предлагалось загрузить производством пушек калибра 107-мм в первую очередь в танковом варианте»².

Так как в достоверность этого сообщения трудно было поверить, и снятие с производства 45—76-мм пушек в условиях, когда война стучалась в дверь, было связано с большим риском, Ванников решил было не принимать во внимание это предложение. Но тут строгий сигнал прозвучал от Сталина. Он заявил, что «эти пушки очень хорошие, я знаю их по гражданской войне». Во время обороны Царицына в 1918 г., когда Сталин был членом реввоенсовета Северо-Кавказского фронта, Кулик являлся

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 38—40б. Оп. 80030. Д. 15. Л. 51.

² Военно-исторический журнал. 1962. № 2. С. 79—80.

начальником артиллерии 10-й армии, в которой имелось несколько 107-миллиметровых орудий. Согласно решению Сталина эту пушку поставили на конвейер, а оборудование для производства 76 и 45-мм орудий вывезли из цехов. Ванникова за непослушание посадили в тюрьму, к счастью, хоть не расстреляли. Это «мудрое» решение имело для армии весьма тяжелые последствия.

Немалые препятствия были и на пути минометного вооружения. Оно не было вначале должным образом оценено. Еще в 1936 г. конструкторское бюро Б.И. Шавырина под предлогом ненадобности было закрыто. До советско-финляндской войны минометное вооружение считалось второсортным. Лишь финские минометы «раскрыли» глаза нашим руководителям.

И вот тут-то, желая, как это делалось всегда, замести следы просчетов «хозяина», Берия состряпал «дело» на Шавырина. Его обвинили во вредительстве, в злостном, преднамеренном срыве создания минометного вооружения. Ванников, будучи еще на свободе, выступил в защиту конструктора. Но и эта строптивость наркома не осталась без внимания. Ее пристегнули ему к «делу» о 107-миллиметровых пушках.

Хотя и с большими трудностями, но минометы в конце концов «пробили» себе дорогу, и их запустили в серийное производство. Но к началу войны имелось всего лишь 14 200 82-миллиметровых и 3800 120-миллиметровых минометов.

Кроме ствольной артиллерии накануне войны осваивалось реактивное оружие. Реактивные снаряды (РС), устанавливаемые на самолетештурмовике ИЛ-2, применялись еще на Халхин-Голе и в войне с Финляндией. К началу войны с Германией конструктором А.Г. Костиковым были изготовлены опытные образцы реактивных минометных установок, которые впервые были применены в середине июля 1941 г. под Оршей.

В целом наша артиллерия была не плохой, но в ней было одно весьма уязвимое место, существенно снижавшее ее боевые возможности. Этой слабостью было явно недостаточное обеспечение артиллерии средствами механической тяги. Потребность в специальных артиллерийских тягачах была удовлетворена лишь на 20%. Основную массу тягачей составляли тихоходные тракторы, но даже и их не хватало. Это серьезно снижало подвижность и маневренность нашей артиллерии по сравнению с немецкой.

В канун войны оборонная промышленность работала с большим перенапряжением и не могла удовлетворить всех потребностей значительно увеличившейся армии. Особенно сильно ощущалась нехватка металла, без которого в деле повышения обороноспособности нельзя было ступить и шагу. Большое количество металла, кроме производства танков,

самолетов, орудий и минометов, требовалось на оборудование укрепленных районов. Строительство дотов тормозилось из-за отсутствия коробов амбразур и вооружения. Только Западному военному округу промышленность не поставила в апреле 924 тонны металла, а в мае ряд заводов вообще ничего не дал.

К началу войны Красная Армия была значительно хуже моторизована по сравнению с немецкой. При заблаговременном и разумном принятии мер это отставание если и не ликвидировать, то сократить было можно. Для этого были возможности. В 1940 г. наши автозаводы выпустили 145 тыс. автомобилей, из них 136 тыс. грузовых.

Все вышеизложенное, безусловно, сильно осложнило подготовку Красной Армии. Советский Союз был вынужден вступить в войну, когда перевооружение армии по существу только началось. Устаревшие типы самолетов и танков снимались с производства, а выпуск новых — только налаживался. Темпы переключения промышленности на военные рельсы оказались медленными и не обеспечивали потребностей численно возраставших вооруженных сил. Пагубно сказался на перевооружении армии произвол и злоупотребление властью. Несправедливые аресты конструкторов и инженеров, частая смена руководящих кадров на заводах порождали неуверенность и обезличку, снижали ответственность и дисциплину, отрицательно влияли на сроки работ и качество продукции.

К сожалению, большие возможности, которыми располагал Советский Союз, не были реализованы. Если бы достаточно эффективные меры по перестройке предприятий на военное производство были приняты раньше, то Красная Армия была бы оснащена к началу войны достаточным количеством новейшей военной техники, успела бы ее более или менее освоить и имела бы необходимые запасы для формирования новых соединений и восполнения потерь.

На основе роста технической оснащенности и опыта последних войн стали возвращаться к прежней организации танковых и воздушно-десантных войск, авиации. Крупные танковые соединения вновь получили путевку в жизнь.

Недостатки в организации танковых войск следовало устранить в короткие сроки, так как война уже стучалась в дверь. В июне—июле нарком обороны отдает директивы на формирование восьми механизированных корпусов, а осенью — еще на один. Эти корпуса в 1940 г. в основном были сформированы, хотя до укомплектования личным составом и материальной частью было еще далеко. Но вместо того, чтобы полностью укомплектовать и хорошо подготовить эти соединения, по указанию Сталина в феврале 1941 г. решили сформировать еще двадцать механизированных корпусов в составе двух танковых и одной моторизованной

дивизий в каждом. Это неразумное решение иначе, как проявлением сталинской гигантомании, не назовешь.

В связи с тем, что танков Т-34 и КВ было мало, механизированные корпуса вооружили танками Т-26 и БТ, имевшими слабую броневую защиту, маломощное вооружение и ограниченный запас моторесурса (75—100 моточасов). Но и этими танками к началу войны их не удалось укомплектовать. Почти все новые танки были в западных приграничных округах: Т-34 — 967 танков и КВ — 508 танков¹. Боевой техникой, хотя и не полностью, были укомплектованы лишь 1, 4, 5, 6, 7 и 8-й механизированные корпуса. К началу войны они были более или менее подготовлены. Что же касается остальных, то они находились лишь в стадии формирования.

Время было упущено по вине бездарных людей, руководивших вооруженными силами долгие годы. Вместо того, чтобы вступить в войну с отлично подготовленными, полностью укомплектованными и сколоченными танковыми корпусами, Красная Армия была вынуждена вести боевые действия в условиях незавершенности организационных мероприятий в крупных подвижных соединениях. Поэтому они не в состоянии были выполнить задачи, вставшие перед ними в начале войны. В этом кроется одна из серьезных причин наших неудач в начальный период войны.

Существенные организационные меры были приняты и в военно-воздушных силах Красной Армии. С бригадной и полковой организации в округах и армиях она была переведена на дивизионную. Фронтовая авиация состояла из ближнебомбардировочных и истребительных дивизий, а армейская — из смешанных дивизий. Кроме того, была создана войсковая авиация, состоявшая из отдельных авиационных эскадрилий, подчиненных командирам стрелковых и механизированных корпусов.

Разделение авиации на фронтовую, армейскую и войсковую было вызвано стремлением обеспечить наиболее тесное взаимодействие с наземными войсками на поле боя. Но такая организация военно-воздушных сил неизбежно приводила к распылению усилий авиации и не обеспечивала достаточно массированного использования ее в борьбе за господство в воздухе. Кстати сказать, проблеме борьбы за господство в воздухе было уделено большое внимание на декабрьском совещании. Начальник Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенант П.В. Рычагов сказал, что старая организация себя изжила. Сейчас нам нужен массовый воздушный флот, хорошо организованный и подвижный. Весьма убедительно на эту тему высказался командующий 1-й Красно-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 75593. Д. 13. Л. 25.

знаменной армией генерал-лейтенант М.М. Попов. В войне с Францией и Англией, отметил он, немцы наносили с воздуха мощные удары по аэродромам и поддерживали систематически господство в воздухе. Эффекты таких налетов на аэродромы будут зависеть от того, насколько они внезапны. На начальном этапе войны, продолжал Попов, подобные удары будут давать колоссальные результаты.

В целях успешного решения этой задачи организационная структура авиации должна была позволять Главному командованию централизованно управлять ею. Для этого военно-воздушные силы не следовало бы расплывать по армиям и стрелковым корпусам. Они должны были находиться в руках Главного командования и командующих фронтами. Ожидалось, что именно такое решение примет нарком обороны. Однако энергично взявшийся за реорганизацию и обучение Красной Армии Тимошенко в этом вопросе допустил серьезную ошибку. В заключительном слове на декабрьском совещании он сказал, что борьба за господство в воздухе должна осуществляться в рамках фронтовой и армейской операции. Это решение также не могло не обусловить наши неудачи в начале войны.

Что же касается авиации Главного командования, то она организационно оставалась в составе отдельных дальнебомбардировочных корпусов и дивизий. В авиационные армии, как это было разумно до 1939 г., она не сводилась.

Накануне войны стали воссоздавать воздушно-десантные войска, глядя на то, как использовали наш опыт немцы в ходе военных действий в Западной Европе. Воздушно-десантные войска рассматривались как средство Главного командования для решения важнейших задач в тылу противника и содействия сухопутным войскам в разгроме противостоящих им группировок врага. К началу войны в Красной Армии имелось пять воздушно-десантных корпусов, штатной численностью 10 419 человек каждый. Кроме того, имелась еще одна отдельная воздушно-десантная бригада.

Но и десантные корпуса, так же как и механизированные, к началу войны не были укомплектованы, обучены и сколочены. Они представляли собой скорее стрелковые соединения, нежели воздушно-десантные, способные решать присущие им задачи.

В связи с угрозой нападения Германии на Советский Союз взятые темпы перевооружения и реорганизации Красной Армии не могли обеспечить ее надлежащую готовность к отражению агрессии в соответствии с предложениями советской военной доктрины. Она требовала от Красной Армии величайшей активности. «Всякое нападение на СССР, — подчеркивалось в ней, — будет отбито всей мощью его вооруженных сил, причем военные действия будут вестись на уничтожение и на той терри-

тории, откуда враг попытается напасть. Цель эта может быть достигнута только наступлением при условии решительного превосходства над противником»¹.

Поэтому советское правительство в феврале 1941 г. утвердило план строительства вооруженных сил на 1941 год. Согласно плану намечалось сформировать, перевооружить, подготовить и развернуть такое количество соединений всех родов войск, какое необходимо было для разгрома агрессоров как на Западе, так и на Востоке. Если к январю 1939 г. вооруженные силы имели 1 943 тыс. человек, на 1 июня 1940 г. их состав был доведен до 3 602,3 тыс. человек, то на 1 июня 1941 г. — свыше 5 млн человек². Непосредственное руководство вооруженными силами, за исключением морского флота, осуществлял нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Начальником Генерального штаба с 1938 г. по 18 августа 1940 г. был Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников. Его сменил генерал армии К.А. Мерецков, а 1 февраля 1941 г. на этот пост вступил генерал армии Г.К. Жуков. Народным комиссаром Военно-Морского Флота был адмирал Н.Г. Кузнецов, а начальником главного штаба — адмирал И.С. Исаков.

Увеличение численности вооруженных сил вызвало значительное увеличение ассигнований на военное производство: с 26% в 1939 г. до 43% в 1941 г. Это позволило наращивать мощности оборонной промышленности. Правда, выпускалось еще в основном оружие и боевая техника устаревших типов.

Что же представляла собой Красная Армия в организационном отношении накануне вторжения немцев? Основным видом вооруженных сил считались сухопутные войска — до 73%. На них возлагалось решение главных стратегических задач в будущей войне. При этом повышался удельный вес танковых, артиллерийских и воздушно-десантных соединений и частей.

Главные силы сухопутных войск, предназначавшиеся для действий на важнейших стратегических направлениях, объединялись во фронты и армии. Каждый из фронтов должен был иметь от 3 до 8 общевойсковых армий, фронтovou авиацию³. Накануне дня начала войны решено было создать пять фронтовых управлений: Ленинградского, Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов. На востоке страны был развернут еще раньше — Дальневосточный фронт. К началу войны было

---

¹ Военно-исторический журнал. 1940. № 1. С. 32.

² ЦАМО РФ. Ф. 15А. Оп. 2245. Д. 83. Л. 1.

³ ЦАМО РФ. Ф. 15А. Оп. 2154. Д. 4. Л. 199.

создано 20 армейских управлений, укомплектованность большинства которых была неполной, а готовность к выполнению предстоящих задач, явно недостаточной.

К началу войны было образовано 62 управления стрелковых корпусов, 198 стрелковых дивизий (из них 19 горно-стрелковых и две мото-стрелковых) и три стрелковые бригады. Некомплект личного состава в них составлял от 20 до 40%, автомобилей и тракторов — 50% и более, не хватало полевых и зенитных орудий, а пистолеты-пулеметы исчислялись единицами. Стрелковые войска в целом к моменту вторжения противника не были подготовлены надлежащим образом. Осенью 1940 г. значительная часть рядового и младшего командного состава была уволена в запас. Им на смену пришло новое пополнение. Таким образом, к началу войны наша пехота не являлась «царицей полей».

Еще в более худшем состоянии находились автобронетанковые войска, начальником управления которых был генерал-лейтенант Я.Н. Федоренко. Новых танков Т-34 и КВ удалось выпустить перед войной около 1800 боевых машин. Из общего количества танков (свыше 23 тыс.) более 70% старых образцов нуждались в капитальном и среднем ремонте. Вновь создаваемые механизированные корпуса были более громоздкими и трудноуправляемыми, чем ранее существовавшие танковые. Это делало их удобной мишенью для немецкой авиации. Зенитной артиллерии в танковых и моторизованных дивизиях было мало (от 4 до 12 орудий на дивизию), к тому же она была слабой по своей огневой мощи. Зенитная артиллерия дивизии не могла обеспечить сколько-нибудь безопасный маневр танков в случае появления в воздухе авиации противника.

Укомплектованность корпусов командным составом составляла от 20 до 40%. Пришедшие из стрелковых и кавалерийских соединений командиры не имели практического опыта по боевому использованию танковых войск.

Важное место в системе строительства сухопутных войск отводилось артиллерии. Она подразделялась на войсковую и резерва Главного командования. При организационном строительстве артиллерии исходили из следующих принципов. Во-первых, все действия артиллерии должны осуществляться в интересах пехоты и танков на всю глубину выполняемых ими задач и при тесном взаимодействии с ними и авиацией. Во-вторых, артиллерия должна применяться массированно путем гибкого маневрирования частями и соединениями с одного участка фронта на другой и маневра огнем на поле боя.

На 22 июня 1941 г. во всех военных округах имелось 91 493 исправных орудия и миномета. Наиболее многочисленной была войсковая ар-

тиллерия, на долю которой приходилось около 92% орудий и минометов. Войсковая артиллерия приграничных военных округов была, как правило, укомплектована и представляла собой мощную огневую силу соединений и частей. Однако в артиллерийских частях стрелковых войск более половины орудий оставалось на конной тяге, что значительно снижало ее маневренные возможности.

На основе опыта войны с Финляндией и первого периода Второй мировой войны большие организационные мероприятия были проведены в артиллерии РК. Это привело к количественному увеличению ее и повышению удельного веса, который достиг 7% от общей численности артиллерии сухопутных войск.

Руководство артиллерией РК осуществляло Главное артиллерийское управление, которое возглавлял заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Г.И. Кулик. Его заместителем был генерал-полковник Н.Н. Воронов. 14 июня 1941 г. начальником ГАУ был назначен генерал-полковник Н.Ф. Яковлев.

Организационно артиллерия РК состояла из пушечных и гаубичных полков, отдельных дивизионов большой мощности и противотанковых артиллерийских бригад. Пушечных артиллерийских полков имелось 14, в каждом из которых насчитывалось 48 122-миллиметровых пушек и 152-миллиметровых гаубиц-пушек. В 60 гаубичных полках имелось по 48 152-миллиметровых гаубиц. На вооружении отдельных дивизионов большой мощности (по 6 орудий в каждом) состояли 210-миллиметровые пушки, 280-миллиметровые мортиры и 305-миллиметровые гаубицы.

В связи с массированным применением немцами в ходе войны в Европе танков по предложению Г.К. Жукова в апреле 1941 г. было принято решение о формировании 10 противотанковых бригад РК в составе двух артиллерийских полков, минно-саперного и автотранспортного батальонов. По штату в бригаде должно было быть 120 противотанковых орудий, 28 зенитных пулеметов, 4800 противотанковых гранат и 1000 противотанковых мин. Противотанковая бригада такой организации, занимая заранее подготовленный рубеж или район, могла создать достаточно плотную систему противотанковой обороны на фронте 4—5 км, т.е. успешно отразить атаку 1—2 танковых дивизий. Наличие штатного саперного батальона обеспечивало сочетание огня с системой противотанковых заграждений, что является неременным условием устойчивости обороны. Однако в связи с запоздалым принятием решения о формировании противотанковых бригад претворить его в жизнь до начала войны не удалось.

В предвоенные годы недооценено было значение полевой реактивной артиллерии. Поэтому к началу войны было создано только несколько боевых машин в виде образцов.

В целом же артиллерия представляла мощное огневое средство в руках командования и при умелом, организованном использовании ее могла успешно решить возложенные на нее задачи. Вместе с тем недостаточное количество артиллерии РКК, а также низкая подвижность лишали ее возможности осуществления маневра в ходе боев и операций.

Удельный вес кавалерии в сухопутных войсках накануне войны заметно снизился и составлял около 2,5%. Организационно она состояла из 13 дивизий, 8 из которых входили в состав 4 кавалерийских корпусов. В кавалерийской дивизии имелось 4 кавалерийских и один танковый полк. Кроме 7940 лошадей, в штатах дивизии числилось 64 легких танка, 18 бронемашин и 132 орудия и миномета. Это давало возможность кавалерийской дивизии вести бой в спешенном строю, как обычной стрелковой дивизии. Кавалерийские дивизии были укомплектованы и содержались по штатам, близким к военным, однако зенитных средств имели мало, поэтому были сильноуязвимы от авиации противника.

Из специальных родов войск Красной Армии рассмотрим лишь кратко инженерные войска и войска связи. Начальником инженерных войск с 20 марта был генерал-майор Л.З. Котляр. Его назначению предшествовал следующий эпизод. Накануне нарком Тимошенко был вызван к Сталину с начальником инженерных войск генерал-майором А.Ф. Хреновым и начальником управления оборонительного строительства (УОС) Котляром. Они докладывали ему о ходе строительства укрепленных районов. Доклад Хренова не понравился Сталину, а Котляр произвел на него хорошее впечатление. Оставив в кабинете одного Тимошенко, Сталин спросил его: «Кто из них первый (в смысле вышестоящий начальник. — *В.А.*), а кто второй?» Получив ответ, сказал: «Сделайте наоборот».

Хренов, получивший за руководство инженерными войсками в ходе войны с Финляндией звание Героя Советского Союза, попытался было апеллировать к А.А. Жданову, но кто мог возразить Сталину?

Инженерные войска состояли из войсковых частей и частей резерва Главного командования. В стрелковых корпусах и дивизиях имелись саперные батальоны, в танковых дивизиях — понтонные батальоны. В резерве Главного командования, а к ним специальной директивой были отнесены и армейские части, было 18 инженерных и 16 понтонных полков. Однако на случай войны инженерные войска РКК предусматривалось применять не в полковой организации, а в батальонной. Это решение было ошибочным. Разделение полков на батальоны затрудняло массированное использование инженерных войск на решающих направлениях.

Многие образцы инженерных машин, состоявших на вооружении войск, были очень тяжелыми и малоподвижными. Они не были приспособлены к маневренным условиям ведения войны. Опыт войны с Финляндией и «освободительного» похода в Польшу убедительно показал это. Но особенно плохо обстояло дело с минно-взрывными заграждениями, так как обороняться-то Сталин и его приспешники рассчитывали день-два, а затем переходить в решительное контрнаступление.

Но обеспеченность даже громоздкой и устаревшей инженерной техникой находилась в пределах 50%, а средствами минирования и заграждения и того меньше: противотанковыми минами — 28%, а противопехотными — 12%. Положение усугублялось еще и тем, что к началу войны большая часть саперных батальонов западных приграничных округов находилась на оборонительном строительстве. Там же был 41 саперный батальон из внутренних военных округов. Вследствие этого уровень боевой подготовки и готовности инженерных частей был низким. В результате всего этого в начальном периоде войны инженерными войсками не были решены важнейшие задачи по минированию местности, разрушению мостов и путепроводов на направлениях ударов танковых соединений противника, а также не были обеспечены контрудары механизированных корпусов и созданы оборонительные рубежи в тылу.

Аналогичное положение было и в войсках связи, управление которыми возглавлял генерал-майор Н.И. Гапич, который в начале войны был репрессирован, как один из «стрелочников» наших неудач. В войсках связи к началу войны насчитывалось 42 384 человека, входивших в состав 19 полков связи, 25 отдельных батальонов связи, 16 отдельных радиодивизионов и 4 отдельных рот.

Несмотря на то что к началу войны начали поступать новые образцы радиостанций и более совершенная аппаратура, это не поправило общего неблагоприятного положения дел в данном роде войск, так как основная часть средств связи оставалась устаревшей и имела низкие технические характеристики. Укомплектованность средствами связи составляла; радиостанциями в звене Генеральный штаб—фронт — до 35%, в звене армия—корпус — 11%, в дивизиях — 62%.

У командиров и штабов была укоренившаяся недооценка роли радио как основного средства управления в бою. Личный состав частей связи был недостаточно подготовлен к эксплуатации радиосредств. Если основным средством управления в немецкой армии было радио, то наши штабы при организации управления были вынуждены ориентироваться в основном на телеграфные и телефонные линии Наркомата связи СССР. Такая организация связи не отвечала требованиям маневренной войны.

Существенным недостатком войск связи было также и то, что они не располагали ни радиорелейными станциями, ни аппаратурой высокочастотного телефонирования и тонального телеграфирования, ни УКВ радиостанциями, ни кабелями дальней связи, в то время как в войсках Германии подобные средства уже не являлись новинкой. Результатом недооценки роли и значения войск связи в надвигающейся войне явился горький опыт сражений начального периода, когда большинство командующих фронтов и армий оказались в критическом положении, лишившись связи как с подчиненными войсками, так и с вышестоящим командованием, не имея сил и средств восстановить ее.

Характеризуя в целом организацию сухопутных войск к началу войны, нужно отметить также большой некомплект в войсках автотранспортных средств. В западных приграничных округах имелось лишь около 120 тыс. автомашин, в то время как в немецкой армии вторжения их насчитывалось около 600 тыс. Степень моторизации советских войск была значительно ниже, чем немецкой армии. Недостаток автотранспорта сильно снижал подвижность и маневренность войск, резко ограничивал подвоз боеприпасов и горючего. Из-за ограниченных транспортных возможностей сухопутных войск не могли быть использованы в полной мере имеющиеся у них большие силы и средства.

Выше мы рассмотрели предназначение военно-воздушных сил и их организационное построение. В апреле 1941 г. начальником Главного управления ВВС был назначен генерал-лейтенант П.Ф. Жигарев. По удельному весу в составе Вооруженных сил СССР авиация занимала второе место — 9,5%.

В общей программе строительства вооруженных сил на третью пятилетку развитию ВВС уделялось особое внимание. В 1940 г. ассигнования на развитие авиации составили 40% военного бюджета. К этому времени была создана мощная авиационная промышленность, которая создавала условия для резкого увеличения выпуска самолетов.

К началу войны в составе дальнебомбардировочной авиации Главного командования и авиации военных округов имелось 15 599 боевых самолетов, из них 8472 самолета (54%) находилось в ВВС западных приграничных округов и в соединениях дальнебомбардировочной авиации, базировавшихся в Европейской части СССР¹. Германия вместе с союзниками имела на Восточном фронте около 5000 самолетов. Однако по качеству материальной части советские ВВС значительно уступали германским. Состав немецкой авиации был представлен в основном новыми ти-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 107599. Д. 5. Л. 159.

пами самолетов («юнкерсы», «мессершмиты», «фокке-вульф»), в то же время в ВВС приграничных округов новые самолеты (Як-1, МиГ-1, ЛАГГ-3 и МиГ-3, Ил-2 и Пе-2) составляли всего лишь не более 20%.

Наибольшее количество боевых самолетов — 1913 — находилось в Киевском военном округе, 1789 самолетов — в Западном военном округе. В общем составе ВВС преобладали истребители — до 59%. Штурмовиков было всего лишь 317 самолетов, и то устаревших конструкций (И-15, И-153). Бомбардировщиков в приграничных округах имелось только 2212 самолетов (31%). На вооружении 48 бомбардировочных полков состояли старые самолеты типа СБ и ограниченное количество новых. В составе разведывательной авиации имелось 378 самолетов (5%) в основном устаревших типов. К тому же к ведению воздушной разведки было подготовлено только 50% экипажей-разведчиков, и то в простых условиях. Это характеризует низкую подготовку разведывательной авиации перед войной и, следовательно, недооценку ее значения.

В ВВС приграничных военных округов имелось 5937 боеготовых экипажей, что значительно меньше боевых машин. Поэтому по тревоге на боевое задание нельзя было поднять в воздух все самолеты. В Западном военном округе некомплект составлял 446 экипажей. Это объяснялось наличием в ряде полков двух комплектов самолетов (старых и новых типов), нахождением некоторой части летного состава на переподготовке (на 1 июня 1941 г. — 1177 экипажей)¹. На новые 1448 самолетов переучилось всего 208 экипажей. Лишь 18% экипажей были подготовлены к ночным действиям в простых метеоусловиях и только 0,7% — в сложных.

В составе дальнебомбардировочной авиации, предназначенной для действий на Западном театре военных действий, имелось 4 авиационных корпуса и одна дивизия. Всего в них насчитывалось 1339 самолетов, в том числе 171 неисправный. Основу парка составляли самолеты ДБ-3, ДБ-3Ф и ТБ-3, которые имели низкие лётно-технические характеристики и потому с началом войны несли большие потери от истребителей противника. Современных тяжелых бомбардировщиков ТБ-7(Пе-8) было всего 11, они запущены были в производство в 1940 г.

Несовершенной была, как уже отмечалось, организационная структура авиации. Распыление военно-воздушных сил не давало возможности массированного применения ее на решающем направлении. Этот недостаток особенно сильно проявился в начале войны.

В феврале 1941 г., как и в других родах войск, было принято решение сформировать в ВВС дополнительно 106 авиаполков и 25 управле-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 107559. Д. 5. Т. 1. Л. 116—207.

ний дивизий, но намеченные мероприятия были выполнены лишь частично. С развертыванием авиационной группировки на Западном театре военных действий расширялась и аэродромная сеть. Всего на 116 авиаполков ВВС приграничных округов имелось 477 постоянных и оперативных аэродромов. Ряд аэродромов, и прежде всего для истребителей, находились в непосредственной близости от госграницы, в пределах досягаемости огня артиллерии противника. Например, аэродром Долубово (126 ИАП 9 САД) находился в 10 км, Чунев (28 ИАП 15 САД) — в 15 км, Черновцы (149 ИАП 64 ИАД) — в 20 км от границы. Почти на всех этих аэродромах базировалось по 80—100 и более самолетов новых и старых типов, в том числе на аэродромах: Долубово — 73 (50 МиГ-3 и 23 И-16); Чунев — 83 (63 МиГ-3 и 20 И-16), Черновцы — 131 (67 И-16 и И-153, 64 МиГ-3); Бельцы — 116 (62- МиГ-3, 54 И-16 и И-153). Таким образом, только на указанных аэродромах под прицельным артиллерийским огнем немцев находилось 403 истребителя, и почти все они были уничтожены в начале войны. Командир 9-й САД генерал-майор авиации С.А. Черных был настолько потрясен потерей авиации, что бежал с фронта, 26 июня найден в Брянске, арестован, а затем судим и расстрелян.

На передовых аэродромах находилась большая часть самолетов новых типов, на которых личный состав только приступил к переучиванию. К тому же в каждом полку был один комплект летного состава на два комплекта самолетов. Это явилось одной из причин больших потерь нашей авиации в первый день войны на аэродромах. Самолеты на аэродромах были не рассредоточены и не замаскированы.

Командные кадры ВВС в массе своей были молодые, неопытные, с недостаточной теоретической подготовкой. Командующий ВВС Западного военного округа генерал-майор авиации И.И. Копец, как и Черных, был в возрасте 32 лет и окончил только авиационное училище. Перед войной 43% командиров всех степеней находились на занимаемых должностях менее полугода. Более 91 % командиров авиационных соединений командовали ими также менее 6 месяцев.

Боевую деятельность авиации осложняли неустроенность тыловых органов. На 22 июня обеспеченность штатной потребности ВВС по автотранспорту составляла всего 28%, по автоцистернам — 36%.

Все вышеуказанные недостатки в авиации не могли не сказаться на больших потерях ее в первые же дни войны.

Военно-Морской флот по удельному весу в составе Вооруженных Сил СССР стоял на третьем месте (8%). Начатое в 1935 г. строительство большого количества кораблей различных классов было рассчитано на несколько лет. Создавался надводный флот. Большое внимание уделялось

развитию подводного флота. В течение 1940—1941 гг. несколько кораблей вступило в строй, но многие еще находились на стапелях.

В составе ВМФ имелось четыре флота: Северный, Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский, а также несколько озерных и речных флотилий. На всех флотах формировались соединения эскадренных миноносцев, подводных лодок, торпедных катеров, а также части береговой и противовоздушной обороны. В целях освоения водных районов Балтийского моря и рассредоточения сил Краснознаменного Балтийского флота создавались новые военно-морские базы на территории Прибалтийских республик. Благодаря выходу соединений флота на просторы Балтийского моря обстановка на Балтике изменилась.

Военно-морской флот имел собственные военно-воздушные силы. Например, Балтийский флот имел 3 авиационных бригады, один полк и 7 отдельных эскадрилий, а Черноморский — 2 бригады, один полк и 11 эскадрилий. К началу войны ВВС флота состояли на 45% из истребительной авиации, на 14% — из бомбардировочной, на 10% — из торпедоносной, на 25% — из разведывательной и 6% из авиации специального назначения.

Несмотря на незавершенность строительства Военно-морской флот СССР был в состоянии защищать морские границы страны и в случае войны — оказывать содействие сухопутным войскам на приморских направлениях.

Войска противовоздушной обороны страны создавались буквально накануне войны. Их удельный вес составлял 3,5% от общего состава вооруженных сил. Начальником Главного управления ПВО в октябре 1940 г. был назначен генерал-лейтенант Д.Т. Козлов. 19 марта 1941 г. его сменил генерал-полковник Г.М. Штерн, бывший командующий Дальневосточным фронтом после ареста В.К. Блюхера. В июне арестуют, а в октябре расстреляют и самого Штерна. С 19 июня 1941 г. начальником Главного управления ПВО становится генерал Н.Н. Воронов, которому суждено будет также недолго пребывать на этом посту.

Опыт применения немецкой авиации в Европе показал необходимость создания и развития системы ПВО страны. Мощные удары германских ВВС позволяли нарушать управление войсками, подрывать моральный дух населения и в конечном счете обеспечивать успешное наступление сухопутных войск¹. Однако Ворошилов с Куликом считали, что такой способ применения авиации против сильного государства, каким являлся Советский Союз, имевший якобы высокую боевую готовность войск, несо-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 72. Оп. 173022. Д. 3. Л. 8.

стоятелен. Среди прежнего руководства Наркомата обороны и Генерального штаба проявлялась недооценка ПВО страны, поэтому надежной ее системы к началу войны создано не было. Оценивая состояние ПВО государства, Тимошенко в октябре 1940 г. признал ее неудовлетворительной¹.

В связи с этим Главный военный совет принимает постановление «Об усилении противовоздушной обороны СССР». Согласно этому постановлению начала осуществляться коренная перестройка системы управления войсками ПВО. Были созданы Главное управление ПВО и штат войск ПВО, при котором создавался Центральный пост ВНОС (войска наблюдения, оповещения, связи).

Вся территория страны делилась на 13 зон ПВО, в состав которых входили соединения и части ПВО. Была определена угрожаемая территория на важнейших направлениях (до 1200 км в глубь страны). За противовоздушную оборону объектов и войск на территории военного округа отвечал командующий округом. В Наркомате обороны ответственность за противовоздушную оборону территории СССР была возложена на Главное управление ПВО Красной Армии.

Однако с образованием этих органов обеспечить единое руководство системой ПВО как в центре, так и на местах не удалось. Истребительная авиация подчинялась начальнику ВВС Красной Армии и командующим ВВС военных округов. Зенитная артиллерия в вопросах огневой подготовки и обеспеченности была подчинена командованию артиллерии. Такое подчинение приводило к обезличиванию и безответственности руководства технической оснащенностью и построением системы ПВО страны и войск.

Система управления ПВО в приграничных военных округах в основном опиралась на проводные воздушные линии связи. Круглосуточного дежурства на узлах связи не было. Части ВНОС приграничных округов были обеспечены телефонными средствами на 70—75%, прямыми линиями связи на 15—20%, а радиосредствами — на 20—25%. Личный состав радиосвязью пользоваться не умел. Не были продуманы опознавание, наведение и взаимодействие в системе ВНОС. В подготовке всех подразделений, частей и соединений ПВО отмечался главный недостаток: неподготовленность к отражению внезапных действий противника.

На вооружении зенитных частей преобладали боевые средства, которые не позволяли вести эффективную борьбу с авиацией противника (37-миллиметровая пушка и пулемет Максима с малой досягаемостью

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 8. Оп.11627. Д.14. Л. 33.

стрельбы). К началу войны части ВНОС фактически не имели радиолокационных станций, обладавших способностью обнаруживать цели на большом удалении. Обнаружение самолетов велось визуально и акустически.

Летный состав действиям в ночных условиях был обучен слабо. Основными недостатками в боеготовности и боеспособности авиационных частей, выделенных для выполнения задач ПВО, являлись: двойное подчинение, низкий процент укомплектованности техникой (около 60%), преобладание устаревшего самолетного парка (И-16, И-15, И-153), значительная удаленность аэродромов от прикрываемых объектов.

Все недостатки, которые были присущи войскам ПВСУ, не могли не сказаться весьма пагубно в начале войны.

Развитие тыла вооруженных сил осуществлялось в соответствии с требованиями военной доктрины и экономическими возможностями государства. В основе его развития было централизованное обеспечение войск через специально созданные органы, которые являлись неотъемлемой составной частью объединений и соединений.

Накануне войны силы и средства тыла содержались в сокращенном составе. Фронтowego и армейского тыла создано не было. Их предполагалось развернуть в так называемый «угрожаемый период» на 15-е сутки мобилизации. В этот период намечалось отобилизовать во фронте 400—500, а в армии — более 100 частей и учреждений тыла.

Общее руководство организацией тыла вооруженных сил осуществляло Управление устройства тыла и снабжения Красной Армии, начальником которого был генерал-лейтенант А.В. Хрулев. Но службы снабжения подчинялись не управлению, а наркому обороны или его заместителям. Единого органа, возглавлявшего все службы снабжения в центре, не было.

В подготовке тыла к войне большое место занимали вопросы мобилизационного планирования, включая и планы развертывания тыла. Размер мобилизационных запасов определялся на трехмесячную потребность фронтов и флотов. По некоторым видам, в частности по продовольствию и фуражу, запасы обеспечивали ведение войны до 4—6 месяцев, а запасы по вещевому имуществу достигали 140—160% мобилизационной потребности. Однако в приграничных военных округах накопление запасов лимитировалось недостатком складской площади. Запасы боеприпасов и горючего там обеспечивали только месячную потребность.

В дислокации и размещении запасов проявлялась тенденция приближения их к войскам. «Еще в 1940 году, — вспоминал Хрулев, — в правительстве рассматривался вопрос о том, где сосредоточивать мобилизационные запасы. Военные работники предлагали разместить их за

Волгой. Но этому воспротивился нарком госконтроля Л.З. Мехлис. (В связи с упразднением института военных комиссаров Сталин освободил Мехлиса с поста начальника Главпура и назначил наркомом учрежденного только что «государственного контроля». Начальником Главпура стал А.И. Запорожец. Однако в первый же день войны Мехлис вновь занял прежний пост. — В.А.) Он настаивал, чтобы их накапливать в пограничных районах, даже вблизи от вероятного противника. В любом возражении против этого Мехлис видел вредительство... И.В. Сталин, — продолжает Хрулев, — поддался уговорам Мехлиса и принял его точку зрения. Впоследствии нам пришлось за это жестоко расплачиваться. Много материальных средств было либо уничтожено нашими войсками при отходе, либо захвачено врагом»¹.

Многие виды запасов размещались в западных пограничных округах. На 1 июня 1941 г. из 887 стационарных складов и баз Красной Армии 340 (41%) находились в этих округах. Здесь же располагались и некоторые центральные склады, нефтебазы Главнефтеснаба.

На центральных базах и складах ГАУ хранилось 20% общих ресурсов артиллерийских снарядов и 9% мин. Военные округа большую часть этих баз и складов расположили в приграничной зоне. Желание максимально приблизить запасы боеприпасов к границе привели к тому, что более 30 млн снарядов и мин оказалось в угрожаемой приграничной зоне. Большая часть их впоследствии была потеряна.

Войсковой тыл накануне войны был укомплектован на 25—30% к штатам военного времени. Развертывание его предполагалось осуществить на 2—3 суток после объявления мобилизации. Однако этого не удалось сделать. Армии прикрытия по существу остались в начале войны без тыловых органов.

Сложности усугублялись большим недостатком автотранспорта (в войсковом звене — 50—60%, в армейском — 79—90% и фронтовом — 70—80%), а также отсутствием отлаженной системы подвоза материальных средств войскам². Войсковой и армейский тыл был громоздким и уязвимым от авиации противника. Не организована была система снабжения горючим, служба ремонта и восстановления боевой техники. В начале войны было потеряно большое количество танков из-за несвоевременного подвоза горючего и неорганизованной эвакуации получивших небольшие повреждения танков.

Вся координация деятельности довольствующих тыловых служб возлагалась в центре на Генеральный штаб, а во фронтах, армиях и соеди-

¹ Военно-исторический журнал. 1961. № 6. С. 65—66.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2862. Д. 8. Л. 10.

нениях — на общевойсковые штабы, в составе которых создавались специальные отделы. Однако в боевых условиях общевойсковые штабы, будучи перегружены оперативной деятельностью, были не в состоянии организовать бесперебойное снабжение войск.

В целом тыл вооруженных сил оказался плохо подготовленным к большой войне. Наспех сколоченные и неукomплектованные транспортом части и учреждения тыла не могли в начале войны в полной мере выполнять функции снабжения войск, особенно в условиях их отхода и тем более окружения.

Таким образом, приход новых лиц к руководству вооруженными силами и их попытка возродить передовые достижения прошлого с учетом опыта последних войн позволили произвести определенный сдвиг в их подготовке к будущей войне. Но это было лишь начало перелома. Существенных изменений в короткий срок осуществить не представлялось возможным. К тому же и новые руководители Наркомата обороны и Генерального штаба были не без греха. В их деятельности были и ошибки, в том числе, если иметь в виду хотя бы организацию и боевое применение авиации, весьма существенные.

3. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Война с Финляндией, как и другие локальные войны, вскрыли серьезные недостатки во всей системе подготовки Красной Армии. Особенно плохо обстояло дело с командными кадрами. Объяснялось это, главным образом двумя причинами: во-первых, частой сменой командиров в связи с репрессиями и численным ростом вооруженных сил и, во-вторых, крупными недостатками в обучении в военно-учебных заведениях и командирской подготовке в войсках. По мнению Тимошенко, значительная часть командного состава оставалась на уровне опыта Гражданской войны и пыталась перенести его на современность.

Поэтому проблема подготовки кадров была одной из острейших в строительстве вооруженных сил в то время. Ее значение возрастало еще и в связи с повышением удельного веса технических и специальных родов войск. Существовавшая к весне 1940 г. сеть военно-учебных заведений (16 академий, 10 факультетов в гражданских институтах, 132 сухопутных военных училища и школы, и 52 авиационных и авиатехнических училища и школы) не обеспечивала подготовку требуемого количества командных и инженерно-технических кадров. По предложению Наркомата обороны, правительство приняло решение о расширении сети военно-учебных заведений и увеличении приема в них.

Но несмотря на, казалось бы, большой размах работы по подготовке военных кадров, их комплект продолжал существовать. К началу 1941 г. он снизился до 19%, что в численном выражении составляло 80 830 человек¹.

На 1 января 1941 г. численность командно-начальствующего состава вооруженных сил составила 579 581 человек, из которых проходили службу в сухопутных войсках 426 942 человека, в авиации — 113 086 человек и на флоте — 39 533 человека. Уровень военного образования характеризовался следующими данными: 7% командно-начальствующего состава имели высшее образование, 60% — среднее, 25% — ускоренное и 12% не имели военного образования.

Большинство командиров не имело боевого опыта. К 1941 г. осталось лишь 6% участников Гражданской войны, а 30% командно-начальствующего состава имело боевой опыт войн 1938—1940 гг. Основную часть составляли молодые командиры и начальники. В возрасте до 25 лет было 29%, от 26 до 35 лет — 57%, от 36 до 45 лет — 13% и лишь 1% — старше 45 лет².

Единицы опытных и всесторонне грамотных в военном отношении педагогов, подавляюще низкий общеобразовательный и технический уровень большинства отобранных курсантов и слушателей, скудная, устаревшая учебная материальная база, перенасыщенность учебных программ второстепенными предметами являлись характерными чертами военных училищ и академий той поры. Обо всем этом весьма обстоятельно говорилось на совещании высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г.³

Совещание открыл нарком обороны. Обращаясь к присутствующим, Тимошенко сказал: «Лучше повести нам работу так, чтобы хотя бы вкратце выявить действительное положение итогов на сегодняшний день и, главным образом, чтобы вы сказали свое веское слово с мест — что же нам

---

¹ РГВА, Ф. 4. Оп. 14. Д. 2781. Л. 119.

² ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 15823. Д. 547. Л. 444.

³ Материалы декабрьского 1940 г. совещания опубликованы в кн.: Русский архив. Великая Отечественная. Накануне войны: материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г. Т. 12 (1). М., 1993. Однако В.А. Анфилов, вопреки утвердившейся научной практике, посчитал возможным и необходимым опереться не на эту публикацию, а на результаты собственных научных изысканий. Причину он в свое время раскрыл научному редактору настоящего издания: опубликованный вариант «Материалов...» по неизвестным ему причинам оказался не аутентичным тому документу, который он изучал в РГВА в 50—60-е годы и на который ссылается в книге. — *Ред.*

нужно сделать и как нам нужно сделать, чтобы в 1941 г. поднять нашу политическую и боевую подготовку на высший уровень... Скажем свое слово, — продолжал он, — как мы мыслим наступательную и оборонительную операции прорыва, использование моторизованных сил и авиации, как лучше организовать всю работу с тем, чтобы люди начали глубже думать и получить больший охват в работе»¹.

С докладом об «Итогах и задачах боевой подготовки сухопутных войск, ВВС и оперативной подготовки высшего начсостава» выступил начальник Генерального штаба генерал армии К.А. Мерецков. «В то время, когда воюющие народы терпят неизмеримые страдания, наш могучий народ под руководством великого вождя товарища Сталина благодаря его мудрой стратегии, — высокопарно заявил он, — продолжает оставаться вне войны и по-прежнему уверенно идет к своей цели, улучшая свое материальное благосостояние и приумножая мощь вооруженных сил нашей страны.

Попытки со стороны империалистов испытать наше могущество и втянуть в войну были неоднократно и жестоко отбивались, — хвастливо продолжал Мерецков, — это получило особенно яркое выражение во время боев на Дальнем Востоке и на северо-западной границе нашего государства»². Уж кому-кому, а ему, бывшему командующему войсками Ленинградского военного округа, начавшего вторжение в Финляндию, хорошо было известно, что эта маленькая страна не пыталась испытывать наше могущество и втягивать нас в войну.

Эта война, по признанию начальника Генштаба, выявила много недостатков в Красной Армии. Штабы оказались слабо подготовленными к практическому руководству войсками и неудовлетворительно руководили тылом. Плохо показал себя и командный состав. Вскрывшиеся недостатки были указаны в приказе наркома № 120. Этот приказ требовал срочной перестройки в обучении войск.

25 июля Тимошенко послал директиву командующим войсками округов о том, что в августе — сентябре будут проводиться смотровые тактические учения. «Нарком взял на себя проверку войсковых соединений Западного и Московского округов, в остальных округах приказал провести проверку своим заместителям, кроме того, — командующим войсками округов, — заметил Мерецков. — В результате не осталось ни одного соединения, которое бы не было проверено осенью этого года. И с этого момента началась действительная перестройка боевой подготовки Красной Армии».

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 55. Л. 1—2.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 55. Л. 3—4.

Проверка показала, что высший командный состав не занимается боевой подготовкой сухопутных войск, а низшие звенья допускают много серьезных ошибок. Самым главным недостатком является то, подчеркнул докладчик, что командиры подразделений в ходе боя не оценивают обстановки, не отдают себе отчета в том, что представляет собой противник, какова система его заграждений, не определяют, где находится передний край и какими силами он обороняется.

Основной недочет в действиях танков заключался в том, что они плохо взаимодействуют с пехотой: часть танков отстает во время атаки, а другие далеко отрываются вперед.

Много недостатков вскрылось в авиации. Главный из них заключался в том, что летчики были плохо подготовлены к полетам в сложных метеорологических условиях и на большой высоте. Штабы авиационных соединений не перешли к нормальным занятиям и как органы управления были еще слабы.

«Опыт последних войн, учений и полевых поездок, — указал Мерецков, — показал недостаточную оперативную подготовленность и военную культуру высшего командного состава, войсковых штабов, армейских, фронтовых и особенно авиационных штабов. Этим вопросом раньше не занимались. Основной тормоз в том, что в течение многих лет отсутствовали указания по вождению крупных современных соединений, по вводу в бой вместе авиации и танков. Неясно было, как требуется применять крупные авиационные и механизированные соединения, куда направлять главные усилия авиации — на обеспечение ли войск или на самостоятельную операцию, или то и другое делать в меру необходимости. Теория вождения авиационных, механизированных соединений не разработана».

Для того чтобы этот большой недостаток выправить, сказал Мерецков, необходимо в первую очередь решить все эти принципиальные вопросы. С этой целью нарком обороны и потребовал от участников совещания разработать теоретические вопросы с тем, чтобы в конце совещания дать указания по ведению современных операций. Кроме того, проверками в округах и в ходе смотровых учений установлено, что высший командный состав и штабы не работают над собой, не работают над повышением своего оперативного кругозора и над перестройкой своей работы в соответствии с требованиями наркома обороны. «Работать по старинке — засело крепко в головах командиров и политработников. Пора понять, — указал начальник Генерального штаба, — что перестроить работу — значит не только самому работать, но и учить подчиненных». Отмечены случаи противодействия перестройке. «Как же иначе понять факты рукоприкладства со стороны политруков, — заметил он. — В 17-й ар-

мии имел место случай, когда заместитель по политчасти, не прочитав Дисциплинарного устава, стал разъяснять, что теперь можно бить красноармейца чем попало, даже указывал — ломом, топором и т.д. Было два случая рукоприкладства. Это является не только противодействием, но прямой провокацией, стремлением сорвать требование Народного комиссара».

Дисциплинарный устав Красной Армии был введен в действие 12 октября 1940 г. Статья 6 устава гласила: «Подчиненные обязаны беспрекословно повиноваться своим командирам и начальникам. В случае неповиновения, открытого сопротивления или злостного нарушения дисциплины и порядка командир имеет право принять все меры принуждения, вплоть до применения силы и оружия». В статье 7 говорилось, что командир, «не принявший всех мер к выполнению приказа, предается суду военного трибунала».

«Красная Армия в течение летнего периода 1940 года, — отметил Мерецков, — благодаря усилиям всего личного состава армии провела большую работу по перестройке быта, жизни, боевой подготовки и общей готовности войск к войне. Но эта перестройка только началась и требования, поставленные народным комиссаром обороны..., еще не выполнены... В настоящее время правительство и партия, обеспечивая нашу армию всем необходимым, требуют, чтобы мы были всегда в боевой готовности. Мы ни на одну минуту не должны забывать с вами, что живем и работаем, когда идет война, и не можем терять ни одного часа, используя каждую минуту, должны совершенствовать нашу готовность.

Мы должны, — заключил Мерецков, —...в кратчайший срок перестроить нашу армию, действительно довести ее до высокой боевой готовности, добиться такого положения, чтобы мы постоянно по требованию правительства в любое время могли выступить в поход»¹.

По докладу начальника Генерального штаба выступило несколько человек. «Мы сейчас проводим сборы командного состава пехоты, — сказал генерал-лейтенант А.К. Смирнов. —...Нужно отметить, что командиры дивизий не поняли существа так называемой начальной подготовки бойца. Командиры дивизий не поняли того, что если боец не будет поставлен в строй подготовленным, то мы можем опять получить неуправляемые взводы, роты и батальоны. Одиночная подготовка в ряде дивизий (особенно новобранцев), я бы сказал, проводится самотеком. В ряде частей она отдана на откуп командирам рот. Причем молодой командный состав, не имеющий программ, принужденный работать в обстановке,

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 55. Л. 44—45.

когда мы не имеем уставов Красной Армии, не имеем наставлений, со своей задачей не справляется»¹.

Важность рассматриваемой Смирновым проблемы заключалась в том, что осенью 1940 г. значительная часть сержантского и рядового состава после окончания срока действительной службы была уволена в запас. Им на смену пришло новое пополнение.

Чтобы поднять начальную выучку нашего бойца, предложил Смирнов, нужно повернуть к нему внимание всего командного состава. Вторая задача — это подготовка младшего командира. Неподготовленный младший командир нам не создаст бойца.

На этой же проблеме остановился и начальник Управления боевой подготовки Красной Армии генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов. «В ряде проверенных уже в начале нового учебного года частей и соединений, — сказал он, — оказалось, что прибывшим новобранцам длительное время не выдавалось оружие. Это, товарищ Народный комиссар, при наличии Вашего приказа № 0226 (от 19 сентября 1940 г. «О порядке увольнения старослужащих и приема нового пополнения в войсковых частях Красной Армии»), которым Вы требовали немедленно приступить к плановой учебе с новобранцами»².

Говоря о перестановках командных кадров, Курдюмов отметил, что большинство начальствующего состава в частях не имело должной подготовки и практического опыта в обучении войск. Так, в Приволжском военном округе 70% среднего командного состава имеют практический стаж от 5 месяцев до года. В этом же округе все командиры полков, кроме одного, командуют частями первый год. Командный состав мало работает над повышением своего общего культурного уровня и развития. Военную, политическую и художественную литературу командиры читают нерегулярно. Недостаточно изучают армии вероятных противников и театры военных действий. В заключение он предложил: «Старшему и среднему командному составу, не имеющему законченного военного образования, к 1 января 1942 года сдать экстерном экзамен за полный курс военных училищ»³.

Удручающее положение в танковых войсках было показано начальником Главного автобронетанкового управления Красной Армии генерал-лейтенантом Я.Н. Федоренко. «Механизированные соединения, — констатировал он, — еще не отработали взаимодействия внутри себя, не отработали даже взаимодействия с мотопехотой и артиллерией, которые

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 55. Л. 47—48.

² Там же. Л. 58.

³ Там же. Л. 63.

входят в состав механизированных корпусов и дивизий. В этом отношении только есть попытки. В этом году корпуса и дивизии отрабатывали вопросы вхождения в прорыв и наступление, но это только ознакомление, никакого боевого взаимодействия и сплоченности в этих вопросах еще нет»¹.

Один из видов боевой подготовки — подъем и выход по тревоге также остался недоработанным, сказал он. Подъем по тревоге соединения показал, что стоит отъехать на 30—40 км от расположения части, как нужно пять дней ездить обратно и забирать нужное, но не взятое, и ствозить взятое, но ненужное.

Особенно плохо обстоит дело с разведкой. «Пустишь танк в разведку, он пройдет вокруг леса, болота, экипаж выйдет и не знает, где юг, где север, — с горечью сказал он. — У нас карты имеет, как правило, только командир роты, а командир взвода и экипаж карт не имеют».

«И последний вопрос, — обратился Федоренко. — Я хочу просить высший командный состав о том, чтобы принять все меры к тому, чтобы сберечь материальную часть. В этом году выбыли из строя масса боевых и вспомогательных машин. 21 000 машин по заявкам округов, — указал он, — требует капитального ремонта, а когда проверишь, многие машины требуют всего двух часов времени, за которые их можно привести в порядок»².

О состоянии политической работы говорил член Военного совета Киевского особого военного округа корпусной комиссар Н.Н. Вашугин, который позднее не смог перенести поражения советских войск в начале войны и 28 июня 1941 г. застрелился. «Товарищ Народный комиссар, проводимая Вами по указанию т. Сталина перестройка системы обучения и воспитания Красной Армии основными кадрами Киевского особого военного округа встречена с огромным удовлетворением, — с пафосом произнес он. — Среди войск Киевского округа имеется много частей и соединений, участвовавших в войне с белофиннами. При проведении боевых операций командиры и красноармейский состав чувствовали и на собственном опыте испытывали результаты порочных методов подготовки, которые длительное время практиковались в Красной Армии»³.

Основное внимание в своем выступлении он сосредоточил на случаях нарушения воинской дисциплины, количество которых «продолжает оставаться все еще очень большим». В частях округа имели место слу-

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 55. Л. 73.

² Там же. Л. 78.

³ Там же. Л. 116.

чаи измены Родине и ухода за границу. Большую роль в повышении воинской дисциплины сыграл Дисциплинарный устав. Проводится он в жизнь правильно и правильно понимается, заметил Вашугин. Но есть отдельные лица, которые «статью б» пытаются истолковать, как право избивать красноармейцев. Полковник Матевосян говорит: «Применяй силу оружия, иначе сам будешь отвечать». А на совещании младших командиров он конкретизировал это указание: «Видишь, что койка не заправлена, вызови этого красноармейца и дай ему в зубы». Помощник старшины первой роты этого полка довел это указание до красноармейцев, а первая рота, как известно, укомплектована красноармейцами с высшим образованием. Он построил их и заявил: «Хотя вы и с высшим образованием, но если не будете делать то, что я приказываю, будете получать в зубы». И на вечерней поверке он ударил одного из красноармейцев за то, что тот пошевелился в строю.

«Было бы совершенно неправильно отказаться от борьбы с этими извращениями в дисциплинарной практике, — продолжал выступающий. — У нас на партийной конференции один из командиров — генерал-майор Шмыров потребовал, чтобы мы не говорили об этих фактах, так как эти разговоры якобы размагничивают волю командиров. Свое выступление он построил примерно так: раньше политотдельщики мешали воспитывать волю командирам. Только командир начинает вводить дисциплину, может быть, допускает некоторые ошибки (человеку ведь свойственно ошибаться), а тут придет инструктор и начинает выискивать случаи извращений. После этого начинают “бить” командира, а красноармеец, нарушивший дисциплину, превращается якобы в героя. Я не думаю, чтобы человек, который получил в зубы, мог считать себя героем.

«Должен отметить, — сказал в заключение Вашугин, — что ни в одном из выступлений на конференции товарищ Шмыров не нашел поддержки, и наоборот, должный отпор он получил, в особенности от генерала армии товарища Жукова»¹.

Откликнулся на доклад начальника Генерального штаба и командир 99-й стрелковой дивизии этого округа генерал-майор А.А. Власов. «На что мы обращали внимание в основном в части подготовки одиночного бойца? — ставит он вопрос и отвечает. — Большую дисциплинарную роль играет строевая подготовка... Мы живем на границе (под Перемышлем), каждый день видим немцев. Куда бы ни шел немецкий взвод, они идут исключительно четко, одеты все однообразно. Я указывал своим бойцам: “Вот капиталистическая армия, а мы должны добиться результатов в

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 55. Л. 120.

10 раз больше». И бойцы обращали внимание. Ведь за 100 м мы хорошо видим друг друга, и наблюдая немецкие взводы, наши взводы стали крепко подтягиваться... Были случаи, когда немецкий офицер нас четко приветствовал, а наши — не приветствовали. Тогда мы говорили, что дружественную сторону нужно приветствовать, и теперь стали неплохо приветствовать»¹.

Не эти ли «приветствия» и «наблюдения», а может быть и знакомство, привели впоследствии Власова к измене Родине в 1942 г.?

Начальник штаба Западного особого военного округа генерал-майор В.Е. Климовских остановился на вопросе подготовки комсостава и штабов. Прежде всего, он отметил, что в батальонах округа штабов нет: «На бумаге числится, а в жизни встретить не удастся. За зиму мы должны во всех батальонах подготовить штабы. Подготовку как командиров, так и штабов следовало бы строить в такой последовательности. Прежде всего необходимо изучить уставы. Это сейчас у нас слабое место. Многие командиры, надо прямо сказать, уставов не знают и не знают те рода войск, с которыми им придется действовать в бою... Опыт говорит, что находясь рядом, сидя, что называется, бок о бок, командир стрелкового корпуса не знал, что делается у командира механизированного корпуса, и наоборот, командир механизированного корпуса не знал, что делается в соединениях стрелкового корпуса», — констатировал прискорбный факт Климовских.

«Надо командный состав и штабы стабилизировать, с тем чтобы у нас не было такого положения, когда командиры в частях и в штабах сидят всего по несколько месяцев... Стабилизация на более длительный срок должна быть обязательно», — заключил он². К сожалению, самого его расстреляли вместе с Павловым 22 июля 1941 г.

О необходимости упорной работы по подготовке командных кадров говорил и командующий 1-й Краснознаменной армии Дальневосточного фронта генерал-майор М.М. Попов. «Сборы, которые проводились, — отметил он, — показали всю вопиющую неграмотность нашего начальствующего состава, и, очевидно, лечить эту неграмотность окриком, взысканиями нам нельзя, стыдно и бесцельно. Над начальствующим составом надо крепко работать, его надо учить»³.

«Командирская подготовка в войсках неудовлетворительна, — продолжая эту тему, заявил командующий войсками Забайкальского военного округа генерал-лейтенант И.С. Конев. — Особенно слаба постановка

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 55. Л. 133.

² Там же. Л. 158.

³ Там же. Л. 177.

командирской подготовки в частях авиации. Здесь дальше так называемой предполетной подготовки командирская подготовка никуда не пошла. У нас все хотят предусмотреть, хотят забежать вперед на несколько лет, — какая-то излишняя “ученость”, а нет боевого устава пехоты, нет полевого устава, — все это сказывается на подготовке нашего командного состава, на подготовке войск.

Мы много говорим, — продолжал он, — что у нас молодые кадры, и мы должны им помочь разобраться и понять современные требования. Мы должны дать какой-то тактический справочник, где была бы показана современная техника, современные рода войск.

Не решен такой вопрос, как полевое управление армией. У нас нет положения для штабов округа, фронта, армии. Мы говорим, что кадры в высших штабах у нас молодые. Но мы им должны помочь и дать эти положения о штабе фронта, о штабе округа, о штабе корпуса. Я считаю, что с изданием уставов дальше нельзя так вести дело¹.

Особое внимание Конев уделил изучению марксизма-ленинизма. «Изучение истории партии, изучение марксизма-ленинизма, — сказал он, — является государственной доктриной и обязательно для всех нас»².

Значительную часть выступления Конев посвятил вопросу о единоначалии. «Известно, что коллегиальное управление частями в бою, — подчеркнул он, — к добру не приведет и что, следовательно, единоначалие — как целесообразный принцип управления и по своей природе присущ армии... Командир является полновластным руководителем своей части: руководит политаппаратом, партийно-комсомольскими организациями, укрепляет и насаждает дисциплину, ведет дело боевой подготовки. Таким образом, задача заключается в том, что надо работать, товарищи политработники, под руководством своих командиров, не ждать положений, а командирам — смелее и полнее ставить свои требования перед политработниками»³ — заключил он.

О работе политработников говорил член Военного совета Закавказского военного округа корпусной комиссар Я.А. Доронин. «Многие политработники сидят еще и сейчас в кабинетах, пишут бумаги, прикладывают печати, в частях появляются как редкие гости и их красноармейцы не знают, — заявил он. —...Есть такой Енукидзе — человек с академическим образованием. Мы его судили судом чести за нежелание работать. У него в полку в течение долгого времени пропагандировали религиоз-

---

¹ РГВА, Ф. 4, оп. 18. Д. 55. Л. 188.

² Там же. Л. 193.

³ Там же. Л. 198.

ные убеждения, цитировали Коран и т.д., — возмущался Доронин, — а заместитель командира полка узнает об этом последним. Суд чести вынес решение снизить в должности».

Рассказал корпусной комиссар и о случаях мордобития, которые имелись и в войсках Закавказского округа.

В появлении мордобоя в армии заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Г.И. Кулик обвинил самих политработников. «Я слушал выступления политработников и несколько их не понял, — заметил он. — В своих выступлениях они останавливались на отдельных случаях недисциплинированности или перегибов в применении дисциплинарных прав. Такой-то выпил, а такой-то ударил ломом по голове, такой-то пристрелил. Из их выступлений можно было понять, что если бы не было нового Дисциплинарного устава с его статьей, разрешающей командиру применять силу и оружие, то не было бы никаких перегибов. Выходит, что нам нужно ревизовать этот устав. Политорганы и политруководители не умеют правильно объяснить устав, правильно объяснить политику ЦК партии, которую проводит наш народный комиссар»¹.

Рьяно отстаивал жесткое указание, выраженное в 6-й статье, Дисциплинарного устава Кулик — сподвижник и выдвигенец вождя, но карающая десница настигла и его самого. В 1946 г. он был репрессирован, а в 1950 году, будучи в заключении, вместе с генерал-полковником Гордовым допустил в беседе непечатные выражения в адрес «хозяина», за что и были оба расстреляны².

О драконовских методах дисциплинарной практики считал необходимым сказать в заключительном слове начальник Генерального штаба, которого в июне 1941 г. вместе с Рычаговым, Штерном и другими военачальниками также посадили в Лефортовскую тюрьму, но, к счастью, не расстреляли, хотя и покалечили. «Товарищ народный комиссар, — зачитывает Мерещков телеграмму, поступившую в Наркомат обороны, — у нас был такой случай, что начальник политотдела спецчастей выступил с разъяснением Вашего приказа и объяснил так, что нужно теперь бойца лупить, не стесняясь, а что касается рабочих батальонов, то людей в них можно бить и ломом и топором. Мы, говорит, приняли строгие меры, когда проверили в чем дело».

Содержание этой телеграммы не понравилось ему. Он весьма критически отозвался о ее авторе. «Выступления ряда товарищей по этим вопро-

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 55. Л. 223.

² О судьбе Маршала Советского Союза Г.И. Кулика подробнее см.: Известия ЦК КПСС, 1991, № 7—8. — *Ред.*

сам, — заключил он эту тему, — я считаю неправильным, кроме выступления члена Военного совета Одесского военного округа А.Ф. Колобякова. Мы с ним старые приятели, в одной дивизии работали»¹.

Выступление «старого приятеля» понравилось Мерецкову, по-видимому, потому, что он ни одного факта нарушения дисциплинарной практики в войсках Одесского военного округа не привел.

Обсуждение доклада начальника Генерального штаба убедительно показало, в каком состоянии находилась Красная Армия к началу 1941 г. В течение полугодия до начала войны улучшить ее боеспособность не представлялось возможным. Прав был Георгий Константинович Жуков, сказав мне в мае 1965 г., что немецкая армия по своей боеспособности была на «голову выше» нашей армии.

Вторая часть декабрьского совещания была посвящена проблемам военного искусства.

Первым с докладом о «Характере современной наступательной операции» выступил командующий войсками Киевского особого военного округа генерал армии Г.К. Жуков.

«Прежде всего, чему учит опыт проведения больших и малых операций, локальных и больших войн? — задается он вопросом. — Опыт учит прежде всего тому, что развитие современных операций и совершенствование их оперативного-тактического искусства проходит неравномерно. Там, где экономические условия позволяют, там, где военная мысль и воспитание армии чужды консерватизму, там развитие и совершенствование армии проходит более быстрыми темпами и эти армии в современном сражении оказались способными вести успешно современные войны, современные операции, современные сражения. Там, где этих условий не было, армии оказались неспособными противостоять уничтожающему удару современного подготовленного противника»².

Жуков весьма основательно анализирует далее вопрос развития вооруженных сил передовых в техническом отношении стран. Главные усилия передовых армий, указывает он, шли по линии создания наступательных средств ведения войны, т.е. развитие шло и идет как в количественном, так и особенно в качественном отношении на создание крупных военно-воздушных сил, бронетанковых соединений, развитие механизированной артиллерии и, наконец, моторизации армии. В результате широкого внедрения в армии современных технических средств, т.е. развития военно-воздушных сил, бронетанковых соединений, механизации ар-

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 55. Л. 266.

² Там же. Д. 56. Л. 1.

тиллерии и моторизации армии, оперативное искусство получило такие могучие факторы, подчеркивает полководец, как скорость и сила удара.

Быстрота развития операций, как показали последние опыты сражений, достигается главным образом благодаря внезапному, смелому и массовому применению авиации, авиадесантов, танковых и моторизованных соединений. Наличие технических средств в массовом количестве позволило главному командованию, продолжал докладчик, не только окружать и уничтожать противника в условиях маневренной войны, но и уничтожать, прорывая, сильные укрепления и развитые на большую глубину полосы. Успешное развитие прорыва, перерастание его из оперативного успеха в успех стратегический стало возможным также благодаря современной технике, применяемой в массовом масштабе.

Читаешь это и невольно думаешь: как же Жуков, будучи перед войной начальником Генштаба, мог допускать наличие начального периода, как он сам признает это, в ходе которого будут вести боевые действия лишь армии прикрытия и будет производиться мобилизация армии, а затем вступление в вооруженную борьбу главных сил?

Рассмотрев опыт боев на р. Халхин-Гол в период с 20 по 29 августа, он ставит вопрос: «Что необходимо отметить характерного и поучительного в этой операции? Это, прежде всего, вопрос внезапности. Вопрос внезапности, вопрос маскировки был, есть и будет главнейшим элементом в победе как в операции, так и в бою... Была принята особая осторожность при донесении в Москву в Генеральный штаб плана операции, а срок удара был донесен, по существу, накануне самой операции».

И снова мысленно задаешь вопрос: как тот же самый Жуков мог позволить немцам нанести по нам внезапный удар 22 июня 1941 г.?

Говоря о войне с Финляндией, он подчеркнул, что мы из этой войны должны сделать очень серьезный урок. Наша обязанность со всей правдивостью и честностью сделать для себя вывод и подготовиться к сокрушительным, уничтожающим и организованным действиям нашей армии несмотря на то, в какие условия (маневренного, позиционного или иного характера) наша армия будет поставлена.

Разгром Голландии, Бельгии, английского экспедиционного корпуса, Франции, указал он, характерен прежде всего своей внезапностью и мощностью удара на всю глубину фронтовой операции. Подчеркнув умение немцев организовать непрерывность операций, Жуков заключил, что современные условия характеризуются наличием мощных технических средств борьбы, позволяющих наступающему:

1. В тесном взаимодействии авиации, танковых частей, артиллерии и стрелковых войск уничтожить не только полевую оборону, но и, как это показано на деле, прорвать современную укрепленную полосу.

2. Прорвав тактическую оборону, введя мощную подвижную группу, нанести решительное поражение оперативным резервам и развить успех оперативный в успех стратегический.

3. Мощным и внезапным ударом разгромить авиацию противника на всю глубину оперативно-стратегического удара и завоевать господство в воздухе.

Вопросы, вопросы и вопросы. Все Жуков теоретически предвидел, а на практике вместе с Тимошенко позволил противнику достичь внезапности не только в смысле неожиданности удара, но и мощи его. Жуков признался мне, что силу удара немцев такой, какой она обрушилась на нас 22 июня 1941 г., не предвидели. Что касается времени удара, то, по его словам, доверились мудрости Сталина, полагая, что он найдет какой-то выход из положения, а он, Сталин, перемудрил не Гитлера, а самого себя.

Рассматривая характер современной наступательной операции, он отметил, что она может рассчитывать на успех лишь в том случае, если удар будет нанесен в нескольких решающих направлениях, на всю глубину оперативного построения, с выброской крупных подвижных сил на фланг и в тыл основной группировки противника. Одновременно с действиями на решающих направлениях наступательными и вспомогательными ударами противник должен быть деморализован на возможно широком фронте. Только такая наступательная операция может в относительно короткие сроки привести к окружению и разгрому основной массы сил противника на всем фронте предпринимаемого наступления.

В заключение Жуков сказал: «Красной Армии, где бы ее части в настоящее время ни дислоцировались, нужно быть готовой драться с искусным и технически оснащенным противником... При равных силах и средствах победу обеспечит за собой та сторона, которая более искусна в управлении и создании условий внезапности в использовании этих сил и средств. Внезапность современной операции является одним из решающих факторов победы. Для того, чтобы успешно вести современные наступательные операции, необходимо иметь отлично подготовленные войска, командиров и штабы. Современные операции, развивающиеся быстрыми темпами, требуют исключительной слаженности, маневренности и гибкости. Войска, не обладающие этими способностями, не могут рассчитывать на успех»¹.

Первым в обсуждении доклада Жукова принял участие начальник штаба Прибалтийского особого военного округа генерал-лейтенант П.С.

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 56. Л. 51—52.

Кленов. Он привлек внимание участников совещания к проблеме, которой докладчик вовсе не касался. Он говорил о начальном периоде войны. «Мне хотелось бы, товарищи, остановиться на одном очень ответственном вопросе. Исследуя все материалы, которые мы имеем непосредственно по операциям Германии и Польши, мы видим одно разительное начало во всех этих действиях, — начал он. — В 16 дней Германия расправилась с Польшей, с ее вооруженными силами, нарушила стратегическое развертывание Польши. Из этого напрашивается один вывод об особых наступательных операциях. Тов. Жуков брал пример операции безотносительно от периода войны. Она могла быть одной из последовательных операций. Так вот, я беру пример, когда эта операция начинается в начальный период войны, и невольно возникает вопрос о том, как противник будет воздействовать в этот период на мероприятия, связанные со стратегическим развертыванием, т.е. на от мобилизацию, подачу по железным дорогам мобресурсов, сосредоточение и развертывание. Этот начальный период войны явится наиболее ответственным с точки зрения влияния противника на то, чтобы не дать возможность планомерно его провести»¹.

Из этого выступления следует, что Кленов вкладывал в понятие начального периода войны то же содержание, как это было в годы Первой мировой войны. Об этом свидетельствует и последующая часть его речи. «Я этот вопрос, товарищи, поднимаю потому, что порой сталкиваешься с некоторыми выводами, по-прежнему очень поспешными. Я просмотрел недавно книгу Иссерсона «Новые формы борьбы». Там даются поспешные выводы, базируясь на войне немцев с Польшей, что начального периода войны не будет, что война на сегодня разрешается просто — вторжением готовых сил. Как это было проделано немцами в Польше, развернувшими полтора миллиона людей. Я считаю подобный вывод преждевременным. Он может быть допущен для такого государства, как Польша, которая, зазнавшись, потеряла всякую бдительность и у которой не было никакой разведки того, что делалось у немцев в период многомесячного сосредоточения войск. Каждое уважающее себя государство, конечно, постарается этот начальный период использовать в своих собственных интересах для того, чтобы разведать, что делает противник, как он группируется, каковы его намерения, и помешать ему в этом».

Никто из участников совещания, в том числе Жуков и Тимошенко, не возразили ошибочному суждению Кленова. Это свидетельствует о том, что никто из них не принимал совершенно правильных выводов Иссер-

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 56. Л. 55.

сона, о которых мы говорили во второй главе. Невольно задумываешься над тем, что уж не выступление ли Кленова ускорило арест Иссерсона. А сам Кленов, испытав действительную силу немецкого удара в начальный период Великой Отечественной войны, 7 июля 1948 г. скоропостижно скончался.

Единственным из всех участников совещания человеком, который отрицательно оценил доклад Жукова, был командир 1-го механизированного корпуса генерал-лейтенант П.Л. Романенко. «Товарищи, я позволю себе высказать сомнение в отношении разработанного характера операции и движущих сил современных операций, — сказал он. — Я, товарищи, считаю, что разработанная операция отражает насыщенность техническими средствами и военную мысль периода 1932—1934 гг. С того времени прошло, как вы знаете, достаточно лет. Кроме того, мы имеем опыт на Западе. Верно было указано, что германская армия решила операцию на Западе в основном механизированными и авиационными соединениями, но не было в достаточной мере разобрано, как решалось здесь дело... Я считаю необходимым сделать вывод, — продолжал Романенко, — что немцы, располагая значительно меньшим числом танков, нежели мы, учли, что ударная сила в современной войне составляется из механизированных и авиационных соединений, и все свои танки собрали в оперативные соединения, массировали и возлагали на них решающие самостоятельные операции»¹.

Непонятно, что оспаривает выступающий, так как докладчик, как явствует из вышеизложенного, сделал такое же заключение из опыта войны на Западе. Затем Романенко поставил вопрос «о разработке ударной армии в составе 4—5 механизированных корпусов, 3—4 авиационных корпусов, 1—2 авиадесантных дивизий и 9—12 артиллерийских полков». Кроме как усмешки у участников совещания это предложение вызвать не могло.

«Я как участник совещания должен высказать большое удовлетворение докладом генерала армии тов. Жукова, как охватом вопроса, так и учетом последнего боевого опыта собственной армии и армии немецкой, — сказал заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Ф.И. Голиков. —...Я имею целью высказать несколько замечаний по ряду вопросов доклада, исходя из собственного командного опыта. Но прежде всего должен привести, как фактический материал, справку в ответ, пусть меня извинит генерал-лейтенант Романенко, на его абсурдное утверждение, что доклад о наступательной операции армии построен на базе возможностей, теорий и взглядов 1932 г. Эта фактическая справка

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 56. Л. 59—60.

заключается в характеристике сил, сосредоточенных главным немецким командованием против франко-англо-бельгийско-голландского блока к 10 мая 1940 г., в размахе операции, в распределении по глубине и по плотности сил, предназначенных для выполнения этой операции, огромной важности стратегической операции, в соотношении родов войск, взятых в состав основных ударных сил»¹.

Раскрыв действия танковых групп генералов Гудериана, Гота и Клейста, Голиков, по-видимому, для того, чтобы не обвинили его в преклонении перед иностранщиной, заявил: «Я хочу предостеречь при изучении опыта иностранных армий избежать преувеличения и преклонения перед успехами этих армий. Для примера могу привести такой случай, имевший место в этой войне. 71-я пехотная немецкая дивизия должна была взять в течение 19 мая высоту 505, на которой было несколько бетонированных огневых точек. Дивизия вела два дня артподготовку, имея 300 орудий на 2,5—3 км. А в конечном счете оказалось, что эта высота 505 была взята к вечеру 20 мая не 71-й пехотной дивизией, а саперами, приданными этой дивизии. Предупреждаю, — еще раз подчеркивает в заключение своего выступления Голиков, — от преувеличения успехов иностранных армий, так как это вредно отражается на нашем воспитании»².

Как предупреждал Голиков Сталина, мы расскажем в 4-й главе, а как его «предупреждения» сказались в начале войны — в 5-й.

О войне в Западной Европе, о массированном применении немцами танковых войск и авиации в сочетании с выброской воздушных десантов говорили многие участники совещания. «Если посмотреть на план немцев в 1940 г., — сказал начальник штаба Дальневосточного фронта генерал-майор М.А. Кузнецов, — то увидим, что они выделили на направление главного удара свыше 100 дивизий, огромное количество танков и авиации. Операции немцев в Бельгии и Франции были расчленены на два этапа: первый удар — в Голландии, Бельгии и Северной Франции и второй удар — прорыв на р. Сена, обход Парижа, окружение главных сил французской армии, разгром ее по частям»³.

Характерно, заметил Кузнецов, что операции переросли одна в другую без оперативной паузы. План Шлиффена в 1940 г. претерпел значительные изменения. Противник громил их по частям, причем превосходство сил на стороне немцев было небольшое, но преимущество состояло в том, что голландские, французские, бельгийские и английские части не

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп.18. Д. 56. Л. 85.

² Там же. Л.92.

³ Там же. Л. 95.

были подготовлены для действий по одному общему оперативному плану. Голландцы быстро капитулировали, бельгийцы отошли без особо упорных боев, а та часть сил англо-французов, которую успели перебросить против немцев, попала под удар танкового кулака немцев и была прижата к морю и окружена в Дюнкерке.

«Почему стала возможна такая молниеносная операция в Северной Франции? — ставит вопрос выступающий. — Потому что появился новый род войск — это танковые мотомехсоединения, это танки плюс моторизованная пехота, это танки плюс артиллерия, это танки плюс мощная авиация. Все это является теми средствами, которые позволяют проводить молниеносную войну, быстротечные решающие сражения, операции. Вот то новое, — подчеркнул он, — чего не было у французов и англичан, этого преимущества мотомехсоединений, способных самостоятельно прорывать фронт. Это и решило молниеносную войну в Польше и во Франции. Вот таким образом за 16—18 дней распалась польская армия. Так была окончена операция в Северной Франции и таким образом была разбита французская армия»¹.

Из этого явствует, что командование Красной Армии делало совершенно правильные выводы из опыта действий германской армии.

С докладом на тему «Военно-Воздушные Силы в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе» выступил начальник Главного управления ВВС генерал-лейтенант авиации П.В. Рычагов. Так же, как и Жуков, он констатирует, что развитие и совершенствование авиации, танков и авиадесантных средств и организационное оформление их в крупные соединения дали в руки командованию такое средство, при помощи которого командование в состоянии не только развить тактический прорыв в оперативный, но и превратить последний в маневренную войну, одновременно воздействуя на жизненные центры страны. Этому мы являлись свидетелями в только что минувшие польско-германскую и франко-германскую войны, где немцы, имея все современные оперативные средства, быстро взломали тактическую оборону и перешли к маневренным действиям.

«Характерными чертами современной наступательной операции, — указывает Рычагов, — являются: одновременное воздействие на всю оперативную глубину обороны противника; сочетание атаки с фронта с действиями по глубине расположения противника авиацией и воздушными десантами; глубокое проникновение подвижных войск в тыл противника; одновременная изоляция стратегических резервов от фронта авиаци-

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 56. Л. 96.

ей и дезорганизация ею тыла воюющей страны. Все это осуществляется при обязательном условии завоевания господства в воздухе»¹.

Исходя из характера наступательной операции, докладчик правильно, на наш взгляд, определил задачи авиации:

- 1) завоевание господства в воздухе;
- 2) взаимодействие с войсками на поле боя;
- 3) прикрытие войск и отдельных районов;
- 4) действия по оперативным и стратегическим резервам и по войсковому и оперативному тылу противника;
- 5) воздушная разведка;
- 6) обеспечение и высадка воздушных десантов, если они будут применены;
- 7) питание по воздуху войск, далеко оторвавшихся от своих тылов или имеющих нарушенное снабжение. Это может потребоваться для мотомехчастей, рейдирующей конницы и десантных частей.

Справедливо он говорит и о том, что господство в воздухе может быть стратегическое и оперативное. Стратегическое господство, по его мнению, достигается операциями по уничтожению действующей авиации противника, разрушением авиапромышленности, уничтожением запасов материальной части и горючего. В оперативном масштабе господство в воздухе завоевывается только на период определенной операции и в ее районе.

«Следовательно, — заключает Рычагов, — завоевание господства в воздухе является необходимым условием, обеспечивающим планомерность и успешность развития наземной наступательной операции фронта, и поэтому вовлечение в нее армейской и фронтовой авиации обязательно»².

Из этого вывода следует, что начальник Главного управления ВВС, так же, как и нарком Тимошенко, допускал деление авиации на фронтовую и армейскую, что являлось серьезной ошибкой, которая привела к распылению авиации, и затруднило массированное использование ее в борьбе с воздушным противником.

Более того, он говорил о необходимости поддержки фронтовой авиацией общевойсковых армий на период проведения ими наступательной операции для завоевания господства в воздухе. Это утверждение вызвало серьезное возражение со стороны начальника Главного управления противовоздушной обороны (ПВО) Красной Армии генерал-лейтенанта

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 56. Д. 57. Л. 8.

² Там же. Д. 57. Л. 12.

Д.Т. Козлова. «В армейской операции ВВС едва ли будут иметь задачу завоевания господства в воздухе. Задачу завоевания господства в воздухе современная авиация будет иметь только во фронтовом масштабе, — заметил он, на что Рычагов бросил реплику: “А на поле боя может не господствовать?” Козлов отреагировал так: “Вы послушайте, тов. генерал-лейтенант, я обо всем доложу. Бесспорно известно, что до тех пор, пока авиация противника господствует в воздухе или пользуется равными шансами, рассчитывать на положительный исход борьбы на земле мы не можем. Поэтому одной из основных целей фронтовой операции должна быть цель завоевания господства в воздухе путем уничтожения или нейтрализации ВВС противной стороны. Выполнение этой задачи, как правило, повлечет за собой проведение самостоятельной воздушной операции”¹.

При организации воздушной операции, подчеркнул он, необходимо всеми силами избегать распыления авиации. Стремление охватить все задачи и все цели приводит к распылению сил, а основная задача может быть не решена. Если авиации недостаточно, необходимо выбирать основные аэродромы и по этим аэродромам бить, при этом соблюдать последовательность и сосредоточение удара как на земле, так и в воздухе. Распыление сил пользы никакой не принесет.

Немцы при нападении на Советский Союз действовали точно по-козловски, а наша авиация наоборот — вопреки его предостережениям.

Естественно, начальник управления ПВО коснулся и своих вопросов. «Современная воздушная оборона, я бы так назвал, потому что нам надо обороняться в воздухе, а не наоборот, — не без основания заметил он, — помогает действиям войск. Поэтому-то организацию обороны в воздухе нужно называть воздушной обороной»².

Он справедливо говорил о необходимости разделения, выражаясь его языком, «воздушной обороны», на войсковую и ПВО страны. «Для воздушной обороны глубины территории должна быть отдельная организация, имеющая в своем распоряжении наземные и воздушные средства, — указал Козлов. — Опыт войны в Германии и Англии показывает, что объединение в одних руках обороны войск и страны пользы не принесет»³.

Выступление Козлова по вопросу завоевания господства в воздухе поддержал генерал-лейтенант М.М. Попов. «Стратегическое превосходство военно-воздушных сил, как здесь было доложено тов. Рычаговым, — сказал он, — можно добыть разгромом военно-воздушных сил противника, авиапромышленности, учебных центров, ремонтных баз и исклю-

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 57. Л. 26.

² Там же. Л. 29.

³ Там же. Л. 30.

чением подвоза извне. Вместе с тем мы должны учитывать, что при вооруженном столкновении вооруженных государств, располагающих хотя бы относительно равными военно-воздушными силами, относительно равным военным потенциалом, рассчитывать на легкое завоевание стратегического господства в воздухе не приходится. Ясно, что стратегическое господство может быть добыто только в результате длительной и упорной борьбы, — развивает он дальше эту проблему, — которая выразится в виде мощных воздушных налетов на экономические и политические центры противника, на воздействие по сухопутным и морским коммуникациям, наконец, путем создания внешней политической изоляции. Эта борьба за абсолютное господство в воздухе требует решительного перевеса сил и будет вестись бесспорно мощными воздушными соединениями. Я согласен в этой части с генерал-лейтенантом Козловым, что для этой цели следует иметь самостоятельные подготовленные и обученные соединения авиации, состоящие в распоряжении фронтовых штабов или Главного командования»¹.

Все это свидетельствует о том, справедливо заключил Попов, что борьба за стратегическое господство в воздухе является делом чрезвычайно трудным, тяжелым, важным и серьезным, является одним из решающих факторов современной войны. К этой борьбе должны готовиться государства в целом, их промышленность и ВВС.

Командующий ВВС Прибалтийским особым военным округом генерал-лейтенант авиации Г.П. Кравченко сосредоточил внимание участников совещания также на вопросе централизации воздушных сил. Если мы начнем вскрывать причины поражения воздушных сил Франции, Польши, то возникает вопрос о том, что в их организации воздушных сил не было единого централизованного руководства, т.е. не было одного, у кого были бы все нити этих воздушных сил, чтобы ими можно было быстро маневрировать в тот или иной ответственный момент. Вторая сторона — организационная. Если взять Германию, тут действительно было централизованное управление воздушными силами, и в нужный решающий момент все воздушные силы направлялись в ту или другую сторону, на тот или другой участок. «Я считаю, момент децентрализации воздушных сил, на что сейчас у нас многие склоняются (на раздачу авиации и прикрепление по корпусам), — заявил прославленный в боях в Испании и на реке Халхин-Гол летчик, дважды Герой Советского Союза, — неправильным, я не склонен даже к дивизиям закреплять. Здесь нужно усмотреть следующее: основная сила авиации в том, что она может быть

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 57. Л. 31.

быстро, оперативно переброшена или может быть переброшен ее удар порядка на 300—200 км, чего наземные части, конечно, сделать не смогут. И эту силу авиации, ее качества нужно учитывать при организации воздушных сил», — заключил он¹.

Во время войны с Финляндией, как и впоследствии в годы Великой Отечественной войны, летчики иногда наносили удары по своим войскам. О необходимости тщательной организации взаимодействия авиационных начальников с командованием сухопутных войск говорил командующий ВВС Забайкальского военного округа генерал-майор авиации Т.Ф. Куцевалов. «Одним из не отработанных вопросов тесного взаимодействия с наземными частями является то, что штабы и командиры авиации оторваны от наземных командиров, — сказал он. — Я считаю, что авиационные штабы должны действовать плечом к плечу со штабами наземными. В такие ответственные моменты, как удар по переднему краю, как обеспечение развития успеха эшелона прорыва действия авиации должны всегда проводиться после предварительной рекогносцировки того места, куда именно надо наносить удар». На реплику: «С земли или с воздуха?» Куцевалов ответил: «И с земли, и с воздуха. Тогда мы будем способны наносить удар и не будем бить по своим»².

Ошибочное, по сравнению с другими выступавшими, мнение по вопросам завоевания господства в воздухе и боевого применения авиации высказал также боевой летчик, участник боев в Испании и в районе реки Халхин-Гол, дважды Герой Советского Союза, помощник начальника Генерального штаба по ВВС генерал-лейтенант авиации Я.В. Смушкевич, который впоследствии был арестован и в октябре 1941 г. с Рычаговым и Штерном расстрелян. «Относительно господства в воздухе, — заметил он, — я не понимаю, как можно стратегическое господство в воздухе завоевать. Если мы будем воевать с таким противником как финны, то это господство можно завоевать, но если будет более или менее равный противник, господство в воздухе во всей стране завоевать нельзя. Только путем правильной организации тыла, хорошей подготовки летного состава, наличия достаточной сети аэродромов и связи, боеприпасов, горючего, путем умения маневрировать и очень часто путем того, чтобы обмануть противника, мы можем добиться преобладающего господства в воздухе на определенных направлениях, на определенных участках и только на определенное время»³.

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 57. Л. 47.

² Там же. Л. 52.

³ Там же. Л. 55.

«Теперь уже ясно, — продолжает усугублять свою ошибку Смушкевич, — что только тесное взаимодействие всех войск под руководством общевойсковых командиров фронта и армий решает успех операции и войны и поэтому место авиации только в общевойсковых боях и операциях. Все дальние полеты, — неправильно заключает он, — должны вытекать из задач армейских и фронтовых операций»¹.

С интересом было выслушано выступление командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-лейтенанта Ф.И. Кузнецова. Вполне возможно, что оно предопределило его назначение сразу же после совещания и оперативно-стратегических игр на картах командующим Прибалтийским особым военным округом и повышение в воинском звании. «Докладчик (Рычагов) охарактеризовал состояние военно-воздушных сил Германии и Англии в таком положении, — указал он, — что несмотря на то, что почти полтора года идет война, однако роста ВВС этих воюющих сторон якобы не видно. Едва ли можно согласиться с таким положением. Это противоречит фактическому состоянию военно-воздушных сил воюющих сторон... Германия в 1940 г. производит ежемесячно 2000 самолетов... В августе 1940 г. Черчилль утверждал, что Англия догнала Германию по производству самолетов в месяц»².

Эти факты показывают, продолжал он, что когда ведут вооруженную борьбу две стороны, имеющие мощные вооруженные силы, и одна из сторон в чем-то уступает своему противнику (как, например, Англия в 1939 г. и первой половине 1940 г.), но борьба ведется со всей решительностью, то расчеты на молниеносную войну не всегда оправдываются. «Нам нужно в современной войне строить расчеты на то, чтобы завоевать господство в воздухе, — решительно заявил он. — Это несомненно решающий фактор. В войне между Германией и Англией, которая ведется ВВС и на море с неослабным напряжением, трудно сказать, когда и в какой обстановке эта война кончится»³.

Какие задачи будут решать военно-воздушные силы в борьбе за господство в воздухе? — ставится им вопрос. Это несомненно основная задача и, естественно, она в докладе и во всех выступлениях привлекает наибольшее внимание. Завоевать господство в воздухе — это значит лишить противника возможности вести боевые действия своими ВВС.

Развивая этот вопрос, Кузнецов замечает, что если будет вестись только воздушная война, то трудно будет рассчитывать на победу. В то же время надо учитывать, что без достижения превосходства в воздухе, без по-

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 57. Л. 56.

² Там же. Л. 61.

³ Там же. Л. 62.

давления авиации противника на какой-то определенный срок, в течение которого надо провести решительные операции наземными войсками, без достижения этого трудно рассчитывать на успех. «Поэтому, — заключает он, — война должна вестись и в воздухе, и на земле; и только та сторона, которая будет иметь превосходство и в воздухе, и та сторона, которая будет иметь наиболее сильно подготовленную и оснащенную наземную армию, та сторона несомненно может получить решительную победу над сильным противником».

Кузнецов, как и некоторые другие военачальники, решительно был настроен против распыления действий авиации. Здесь, сказал он, товарищи приводили пример, когда немецкая авиация появлялась на поле боя по вызову командира роты. Но это противоречит системе, по которой немцы используют свою авиацию. Немцы централизуют свои ВВС. Они находятся в руках главного командования военно-воздушных сил, и даже фронт не имеет в своем распоряжении ВВС. Вместе с тем он осудил чрезмерную централизацию ВВС. «Главное командование, — заключил он, — должно иметь сильную авиационную группу в своем распоряжении — 9—12 авиадивизий. Основная группировка ВВС должна быть передана фронту и армиям. Ниже армии дробить ВВС нецелесообразно, ибо это приведет к распылению авиации»¹.

Противоположную и неправильную точку зрения по этому вопросу высказал начальник штаба Киевского особого военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев. «Я сторонник того, чтобы уже ко времени, когда потребуются действия командира стрелкового корпуса, — сказал он, — в его руках должны быть средства борьбы и в виде авиации. Мы не можем его лишить этого современного острого оружия. Поэтому было бы неплохо восстановить в нашей армии положение, что корпус, решающий задачу на главном направлении, будет иметь свою авиационную группу...

Мне кажется, — продолжал он эту ошибочную трактовку, — что и современный механизированный корпус также нуждается в усилении его такими средствами, как авиация. И должен иметь такую авиацию, с которой он достаточно плотно работает. Так как авиация будет действовать с подразделениями корпуса (с дивизией, полком), а это очень сложная задача, поэтому необходима сработанность, договоренность»².

Заместитель генерал-инспектора ВВС Красной Армии генерал-майор авиации Т.Т. Хрюкин призвал изучать опыт применения авиации немцами и применять его у себя. Отметил, что мы имеем опыт немецкого

---

¹ РГВА. Ф. 4, оп. 18. Д. 57. Л. 64.

² РГВА. Ф. 4, оп. 18. Д. 57. Л. 67—68.

командования по взаимодействию с танковыми частями. После того как танковые части прорвались в тыл на 70—80 км, задачу авиация получает не на аэродроме, а в воздухе, т.е. тот командир, который руководит прорвавшимся танковым соединением, и авиационный командир указывают цели авиации путем радиосвязи. Авиация по радиосигналу уничтожает узлы сопротивления перед танками — тогда она приносит своевременный и удачный эффект.

«Очень большое значение имеет радиосвязь наземного командования с авиацией, — сказал Хрюкин. — Ее нужно иметь авиационному командованию и наземному. Связь необходима, а как таковая она у нас даже по штату отсутствует. Сейчас связь должна быть обязательна и именно радиосвязь. Это самое главное»¹.

Очень важный вопрос, который из-за нерешенности впоследствии весьма отрицательно сказался в действиях нашей авиации, состоял в многотипности самолетного парка. Одной из причин поражения французской авиации была ее многотипность, отметил Хрюкин. Французская авиация имела до 30 типов самолетов. Это приводило к тому, что авиацию трудно было снабжать горючим, запасными частями и прочим снаряжением. В противовес ей возьмите немецкую авиацию. Она имеет один тип одноместного истребителя, один тип многоместного, один тип бомбардировщика и два типа пикирующих самолетов. Это имеет, подчеркнул выступающий, решающее и колоссальное значение и в смысле снабжения авиации, и в смысле обучения летного состава воздушным боям. Нам надо это учесть и добиться такого положения, чтобы у нас была однотипность наших самолетов.

К сожалению, этот правильный вывод не учли, да и времени уже не оставалось для его реализации. Поэтому мы вступили в войну, как и французы, с различными типами всех видов авиации.

В заключение Хрюкин остановился на оперативно-стратегической игре на местности осенью 1940 г., которой руководил первый заместитель начальника Генерального штаба Н.Ф. Ватутин. В ходе этой игры отработывались вопросы начального периода войны. И следует отметить, провел Ватутин эту игру блестяще, создав условия близкие к тем, в которых несколько месяцев спустя началась действительная война. «На фронтовых учениях в Западном особом военном округе, возле Лиды, на участке 13-й армии, — сказал Хрюкин, — была дана вводная генерал-лейтенанта Ватутина о прорыве танкового корпуса и о прохождении его в тыл на 80 км. Это была, конечно, игра, товарищ Народный комиссар обороны. Оказалось, что при всех расчетах у командующего армией было не-

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 57. Л. 72.

достаточно сил в тылу, чтобы парализовать действия этих танков. Мы стали подсчитывать, что же может дать авиация. Оказалось, что мы бросили на 500—600 танков 6 авиационных полков... В результате действия этих 6 полков, по нашим скромным подсчетам, получается, что мы только сможем вывести из строя 110 танков. Почему получается такой плохой результат? Потому что мы имеем на вооружении пушку 20-мм, она имеет очень маленький калибр и мало пробивает, если считать калибр снаряда на толщину брони»¹. Поэтому, сделал он вывод, самыми эффективными самолетами в борьбе с танками должны быть штурмовики и истребители, вооруженные пушкой 37-мм калибра.

С большой заключительной речью по обсуждавшимся в его докладе проблемам выступил Рычагов. «Сейчас Германия в войне с Англией отделена большим водным пространством, — указал он. — Условия войны, как мы видим, своеобразные. В будущей войне мы подобного положения иметь не будем. Наша основная задача учить авиацию действовать совместно с войсками в бою и операции. Многое будет зависеть от качества этого обучения и организации боя как в воздухе, так и на земле. С задачей, о которой я говорю, — заявил начальник Главного управления ВВС, — мы должны справиться в 1941 году.

В 1941 году мы получаем большое количество самолетов — пикировщиков и штурмовиков. Нужно будет как следует обучить наш летный состав владеть этими машинами и применять их на поле боя, — продолжал он. — С этой задачей мы справимся, так как важность взаимодействия авиации с наземными войсками понимается всеми командирами. Мы хорошо понимаем, что одними разрушениями в тылу противника победы на фронте не добьешься».

Заканчивая свое выступление, Рычагов заявил: «Приказом Народного комиссара обороны № 0362, одобренным правительством, кладется начало организованному Воздушному флоту. Старая организация Воздушного флота себя изжила. Сейчас нам нужен массовый Воздушный флот, хорошо организованный и подвижный. В старой организации ВВС мы этого не имели»².

Итак, из заключения Рычагова следует, что военно-воздушные силы Красной Армии находились к концу 1941 г. в стадии перевооружения, реорганизации и обучения. Рассчитывали достичь коренного перелома в решении этих проблем в 1941 г.

Командующий войсками Московского военного округа генерал армии И.В. Тюленев выступил с докладом на тему: «Характер современ-

---

¹ РГВА. Ф. 4, оп. 18. Д. 57. Л. 73

² Там же. Л. 81.

ной оборонительной операции». Прежде всего, он указал, что эта тема является «весьма актуальной», и в то же время «этот вопрос, отражающий одну из основных форм ведения войны, нигде не освещен в полном его объеме»¹. Оборона, заметил докладчик, является необходимой формой боевых действий на отдельных второстепенных направлениях в силу экономии общих сил для наступательного действия и изготовления для удара.

В подкрепление своих доводов Тюленев сослался на «мудрые» указания по этому вопросу самого Сталина: «В статье “Ответ товарищам колхозникам” товарищ Сталин писал, что... наступление без закрепления завоеванных позиций есть наступление, обреченное на провал. Когда может быть наступление успешным, скажем, в области военного дела? Когда люди не ограничиваются огульным продвижением вперед, а стараются вместе с тем закрепить захваченные позиции, перегруппировать свои силы сообразно с изменившейся обстановкой, подтянуть тылы, подвести резервы. Для чего все это нужно? Для того, чтобы гарантировать себя от неожиданностей, ликвидировать отдельные прорывы, от которых не гарантировано ни одно наступление, и подготовить, таким образом, полную ликвидацию врага. Ошибка польских войск в 1920 году, если взять только военную сторону дела, состояла в том, что они пренебрегли этим правилом. Этим, между прочим, и объясняется, что докатившись огулом до Киева, они вынуждены были потом, также огулом, откатиться до Варшавы. Ошибка советских войск в 1920 г., если взять опять-таки только военную сторону дела, состояла в том, что они повторили ошибку поляков при своем наступлении на Варшаву»².

«Конечно, в свете разоблаченных предательских фактов, — не преминул Тюленев облить грязью так называемых «фашистских наймитов», — мы знаем, что не малую, а весьма большую роль в этом отношении сыграла контрреволюция иуды Троцкого, Тухачевского и других мерзавцев»³. Справедливости ради надо заметить, что главным виновником поражения войск Западного фронта в советско-польской войне 1920 г. были Егоров и Сталин, не выполнившие указания Главкома С.С. Каменева о переброске 1-й конной армии Буденного с Юго-Западного фронта на Западный.

Общей целью оборонительной операции, указал докладчик, является поражение противника. Частные цели при этом:

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 58. Л. 1.

² Сталин И.В. Собр. соч. Т. 12. С. 215—216.

³ РГВА, Ф.4. Оп.18. Д. 58. Л. 4.

1. Экономия сил на одном более широком участке общего фронта, чтобы организовать главный удар на решающем направлении.

2. Выигрыш времени для группировки сил и нанесение решающего удара на главном направлении.

3. Прикрытие жизненно важных государственных, политических и экономических центров.

«Оборонительная операция, — подчеркнул Тюленев, — должна быть проникнута величайшим духом активности, вытекающей из основной цели — нанести поражение противнику, навязать ему свою волю. Ярким примером такой оборонительной операции является оборона Царицына, которой руководил великий Сталин»².

Как раз наоборот, эта операция явилась примером дезорганизации и произвола со стороны члена РВС Северо-Кавказского фронта Сталина и командующего 10-й армией Ворошилова.

«Пассивная оборона, — продолжал он, — смерти подобна, учил нас т. Ленин и учит т. Сталин. Отсюда — каждая оборонительная операция должна таить в себе элементы наступления и в конечном счете перерастать в свою противоположность, т.е. наступление для окончательного поражения противника».

В заключение Тюленев поставил вопрос о создании противотанковых артиллерийских частей резерва Главного командования. Именно на основе его предложения вскоре было принято решение о формировании истребительно-противотанковых бригад (ИПТАБр) РКК.

Выступив по докладу Тюленева, генерал Климовских поставил вопрос о внезапности в обороне. «Мне думается, вспоминая доклад генерала армии Жукова по наступательной операции, когда силой внезапности решалась операция на Халхин-Голе, — сказал он, — что в обороне эта внезапность, пожалуй, получает еще большее значение. Это положение, высказанное т. Жуковым, заставило меня вчера еще раз тщательно и внимательно пересмотреть, что мы в этом отношении имеем, и действительно, у Клаузевица я нашел, что "...внезапность лежит более или менее в основе всех предприятий, ибо без нее численное превосходство на решительном пункте, собственно, является немислимым». На нее Клаузевиц смотрел, как на самостоятельный принцип, дающий моральное воздействие. «В тех случаях, когда внезапность достигается в высокой степени, последствиями ее является смятение и упадок духа противника". Дальше он добавляет: "Здесь, собственно, речь идет не о внезапном нападении, которое относится к тактике, но о стремлении вообще застать своими мероприятиями противника врасплох, а в особенности поразить

---

² РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 58. Л. 43.

его внезапностью распределения наших сил, что в одинаковой мере мыслимо и при обороне, а в обороне тактической играет особенно важную роль»¹.

Внезапность, продолжал Климовских, порождает эффективность действия войск, она увеличивает силу удара и приводит к крупным результатам, тем более что состояние производственных возможностей сегодняшнего дня, современная техника способны дать и уже давали новые средства борьбы, которые будучи применены в массовом масштабе, позволяют рассчитывать на еще большую внезапность и эффективность действий. «Достичь внезапности, — заключил он, — конечно, не легко, но опыт войны, образцы лучших мастеров военного дела говорят за то, что к ней стремились и многого добились. Достаточно вспомнить Суворова. Его — “удивить и победить”, «быстрота и внезапность заменят число» — правила, которыми Суворов добивался победы... Мне представляется, что упор в обороне на внезапность должен быть применен в достаточной полноте. Отскоки, выжидание, ввод в действие новых или хорошо забытых старых средств борьбы в этом отношении даст значительное превосходство обороняющимся»².

Командующий Ленинградским военным округом генерал-лейтенант М.П. Кирпонос поставил на обсуждение вопрос о контрподготовке в оборонительной операции, какую советские войска провели впоследствии в Курской битве 1943 г. «Этот вопрос, — сказал он, — играет исключительно большую роль. Обороняющийся должен обязательно располагать авиацией и дальнобойной артиллерией, чтобы обрушиться на наступающего, когда еще он только подходит к нашей зоне заграждения... и наносит ему поражение, изматывая противника материально и морально и тем самым подготавливая разгром его перед передним краем основной оборонительной полосы. Кроме того, обороняющийся должен подготовить проведение контрподготовки в период, когда наступающий будет готовиться к проведению артподготовки и к атаке. В этих условиях обороняющийся должен будет обрушиться своим артиллерийским огнем, минометами и авиацией по огневым артпозициям и наблюдательным пунктам противника, а также и по его пехоте, занимающей исходное положение для атаки»³.

Согласно поговорке «У кого что болит, тот про то и говорит», генерал-инспектор кавалерии Красной Армии, бывший командир дивизии в

---

¹ Клаузевиц К. О войне. Т. 1. 3-е изд. М., 1936. С. 216—217.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 58. Л. 52.

³ Там же. Л. 59.

Конной армии Буденного, исполнявший обязанности командующего 2-й Конной армии в годы Гражданской войны генерал-полковник О.И. Городовиков говорил о роли кавалерии в обороне. «Инспекция кавалерии, — заявил он, — в данный момент разрабатывает использование крупных соединений конницы в современной войне, поэтому я хотел коротко остановиться, как представляется возможность приспособить крупную конницу к операциям обороны. Современная оборона принимает все меры не допустить проникновения в глубину обороны противника: такими возможностями, мы считаем, располагают танковые и моторизованные части и крупные кавалерийские силы со стороны наступающего и в глубине постоянной зоны заграждения системы противотанковых районов, задерживает, расстраивает прорвавшегося в глубину подвижного противника. Специально предназначенные подвижные фронтовые или армейские танковые корпуса, усиленные моточастями и кавалерийскими соединениями, во взаимодействии должны уничтожить прорвавшиеся подвижные рода войск противника»¹.

Если в западных армиях роль кавалерии была сведена по существу на нет, у нас, как явствует из выступлений Городовикова, Буденного и других, ей продолжают отводить видное место. Влияние ворошиловского взгляда продолжает жить.

Интересную мысль высказал начальник Военной академии им. М.В. Фрунзе генерал-лейтенант М.С. Хозин. «Инженерное оборудование армейского района обороны вытекает из оперативного замысла, — сказал он, — и является как бы инженерным выражением этого замысла. Попытка оторвать инженерное оборудование от оперативного замысла, усиливать местность независимо от задач, которые будут решаться на этой местности, будет наподобие того, что вы пришиваете кафтан к пуговице, а не делаете обратное. В русской армии в 1914—1918 гг. такой подход к инженерному оборудованию местности привел к такому положению, когда войска, переходя к обороне, вынуждены были обороняться на заранее оборудованных позициях, тактически неудобных, по инженерно-техническому оборудованию плохо подготовленных»².

Забегая вперед, укажем, что это напоминание было не лишним. Подобные случаи в 1941 г. были частыми. А почему напоминание? Потому что эта мысль не нова. Еще за сто лет до этого выдающийся русский военный инженер А.З. Теляковский в труде «Фортификация», удостоенном Демидовской премии, показывая органическую связь фортификации с

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 58. Л. 60—61.

² Там же. Л. 81.

тактикой и стратегией, сформулировал эту идею в противоположность взглядам французского маршала Вобана, господствовавшим тогда в Западной Европе.

Заместитель генерал-инспектора артиллерии генерал-майор артиллерии Л.А. Говоров сформулировал те принципы организации и ведения обороны, которые он в годы Великой Отечественной войны блестяще реализовал при обороне Ленинграда. «Сила современной обороны, — заключил будущий Маршал Советского Союза, — 1) в мощи огневого тактического фронта обороны, 2) в силе инженерных оборонных сооружений и препятствий, обеспечивающих устойчивость и эффективность огневого тактического фронта обороны и 3) в маневре подвижных оперативных резервов»¹.

Смелым по тому времени, если учесть, что на совещании присутствовали постоянно А.А. Жданов и Г.М. Маленков, которые информировали Сталина о его ходе, было выступление начальника штаба Московского военного округа генерал-лейтенанта В.Д. Соколовского, заявившего, что «нельзя оборону рассматривать только под углом зрения защиты самой местности, что, к сожалению, у нас очень часто имеет место. Именно упорство боя заключается не в удержании каждой пяди земли, как говорится, каждого вершка земли. Должна быть тактическая гибкость обороны, целеустремленность ее должна сводиться не к удержанию каждой пяди земли, каждого вершка, а к нанесению максимально больших потерь противнику, используя и опираясь на местность, на инженерные сооружения»². Оборонительное сражение, умело организованное на всю глубину обороны армии, должно морально и материально истощить противника, обескровить его и создать благоприятные условия для перехода в контрнаступление, твердо и уверенно заявил он.

Полагали, как рассказывал мне маршал Жуков в 1965 г., что это выступление с точки зрения политической будет неправильно истолковано и на него последует резкая реакция Сталина. Но опасения оказались напрасными.

Нелогично, но факт, что доклад об «Использовании механизированных соединений в современной наступательной операции и вводе механизированного корпуса в прорыв» рассматривался после доклада о характере оборонительной, а не наступательной операции.

Сделал этот доклад считавшийся специалистом в этом деле командующий войсками Западного особого военного округа генерал-полков-

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 58. Л. 89.

² Там же. Л. 91.

ник танковых войск Д.Г. Павлов, до недавнего времени занимавший должность начальника Главного автобронетанкового управления Красной Армии. «В настоящее время, — сказал он, — на основе опыта и у нас, и в иностранных армиях нет сомнения в том, что механизированные войска в их массе, в их настоящем техническом состоянии способны решить самостоятельно крупные оперативные задачи, развивая этот успех в стратегический»¹.

Павлов проанализировал опыт применения танков немцами в Западной Европе. Операция в Северной Франции, указал он, началась прорывом линии Вейгана, состоящей из полевых оборонительных, наспех построенных сооружений. Подвижные группы, всего три (Гудериана, Гота и Клейста), в тесном взаимодействии с пехотой проникли в расположение французских войск на глубину 507 км. Всего участвовало при прорыве около 2000 танков или до 50 процентов всех танков, сосредоточенных на фронте. Только после прорыва линии Вейгана подвижные группы были брошены в прорыв и, опережая отходившие французские войска на реки Сена и Луара, не дали французам организовать на них оборону. Величина суточных переходов в этот период составляла 50—60 км, доходя в некоторые дни для отдельных групп до 100 км в сутки. За период с 5 по 22 июля, т.е. за 18 дней наступления немецкой армии механизированными частями, французская армия не была способна оказывать существенного сопротивления.

По иронии судьбы, аналогичные действия двух немецких танковых групп (Гота и Гудериана) Павлову пришлось испытать на себе в июне 1941 г.

«При освобождении западных областей Белоруссии и Украины в 1939 году с нашей стороны участвовало 16 танковых и 2 мотострелковых бригады, — продолжал докладчик. — Все они, как правило, действовали самостоятельно в отрыве от стрелковых войск, имея в отдельных случаях до батальона пехоты, посаженной на танки. Танковые бригады за время операции против поляков прошли от 600 до 1000 км, а среднесуточные переходы были от 50 до 100 км. Выдвижение танковых бригад вперед парализовало всякое организованное сопротивление со стороны поляков и дало возможность нашей армии в кратчайшее время выполнить поставленную задачу»².

В обсуждении доклада Павлова первым выступил Буденный, как и ранее, его в первую очередь интересовали вопросы применения в бою и

---

¹ РГВА. Ф. 4, оп. 18. Д. 59. Л. 2.

² Там же. Л. 7.

операции конницы. Он осудил тех, кто отрицал ее значение. «Когда речь шла о коннице, — возмущался он, — то говорили, что, мол, де, конница теперь отжила свой век, и она больше не нужна в современной войне. Этот вопрос дебатировали 1—2 года и потом решили, что все-таки авиация не враг конницы, она может ее поддерживать и что они могут совместно действовать. (Врагом конницы, вопреки суждениям Буденного, считали не свою авиацию, а противника.) Затем появились танкетки. Тут появляется мнение, что танкетки это враг конницы, они обязательно ее уничтожат. Теория Фуллера вклинилась в мозги некоторым людям нашей армии, а потом отказались и от этого».

Плохо, что она не «вклинилась» в мозги самого Буденного до самой его смерти. Ведь если бы это произошло в 1940 г., то он не стал бы вместе с танками в состав эшелона развития прорыва включать «конные соединения». «Допустим, — говорил он, — в прорыв брошен мехкорпус, затем брошен кавкорпус и, наконец, корпус мотопехоты. Кто их будет объединять?.. Мне кажется, что мы должны сейчас не рассуждать, а делать. Конница у нас есть, мотопехота есть, танки есть, мехкорпуса есть, авиация также есть... Мы должны объединить все подвижные рода войск: авиацию, конницу, танки, мотомехчасти. Их нужно не бросать для того, чтобы затыкать дыры, как раньше затыкали подвижными родами войск... Мне кажется, что командир кавалерийского корпуса, командир мехкорпуса, командир моторкорпуса или дивизии обязательно должны понимать друг друга».

Все это свидетельствует о консерватизме и косности взглядов Буденного и его соратников по Гражданской войне, от практики которой они так и не смогли оторваться даже в условиях, когда в воздухе господствовал самолет, а на земле — танк.

В обсуждении доклада Павлова принял участие командир 3-го механизированного корпуса генерал-лейтенант А.И. Еременко. По поводу своего выступления, будучи уже Маршалом Советского Союза, в 1964 г. он написал: «Характерно, что ни Жуков, отказавшийся от заключительного слова, ни нарком обороны маршал С.К. Тимошенко ни слова не сказали о предложении Романенко (о создании механизированной армии, которое Голиков справедливо назвал абсурдным. — В.А.). Это значило, что те, кто стоял во главе вооруженных сил, не поняли до конца коренных изменений в методах вооруженной борьбы, происходивших в это время». Изложив далее содержание своего выступления на совещании, маршал Еременко заключает: «Говоря об этом, я стремился поддержать П.Л. Романенко и понудить наши высшие командные инстанции заняться вопросом массирования подвижных войск»¹.

---

¹ Еременко А.И. В начале войны. М., 1964. С. 38, 41.

В действительности же ничего подобного в выступлении Еременко не было. Наоборот, он подчеркнул, что «генерал армии тов. Жуков в своем замечательном докладе дал целый ряд оперативных расчетов насыщения танками и авиацией», а о выступлении Романенко даже и не заикался¹. В нашей военной истории, продолжал он, есть много примеров, когда замечательные полководцы Суворов, Кутузов, Багратион и современные полководцы всегда били противника путем окружения его, путем охвата, маневром, внезапно. Можно привести примеры из 1-й Конной армии, Халхин-Гола, на Карельском перешейке — везде и всегда окружали и били противника по частям.

«Я хочу подчеркнуть насчет управления, — сказал Еременко. — Правильно товарищ Маршал Советского Союза С.М. Буденный подчеркнул, что нужно его сейчас готовить, а то получится, как у нас в Белоруссии, в Новогрудке и Волковыске, — везде была путаница при подходе в Белоруссию». Действительно, танковый полк кавалерийского корпуса Еременко застрял в болотах. Но он об этом, естественно, умолчал.

«Насчет снабжения бензином, — продолжал он. — Тут говорили насчет снабжения по воздуху. Немцы применяют это. Мы не пойдем, конечно, к ним на выучку (действительно, зачем преклоняться перед иностранщиной? — В.А.), у нас есть свой опыт и замечательные люди, у которых мы учимся и будем учиться. Нам нужна повозка, перевозящая 20 тонн бензина, это неплохо применяли немцы (тут уже, противоречая вышесказанному, идет заимствование у иностранцев! — В.А.)

«Я считаю, — заключил Еременко тогда, — что это совещание, эти доклады, замечательные по своей глубине, по своей принципиальности и оперативному размаху, дали школу оперативного искусства, они послужат общим направлением, за которое мы будем драться крепко, чтобы сделать наши части боеспособными»².

Выступая в обсуждении доклада Павлова последним, генерал Федоренко сделал два весьма существенных замечания, характеризующих возможности подготовки и боевых действий танковых войск. «В танковых войсках, — указал он, — самую главную роль играет огонь. Если личный состав плохо подготовлен, не может стрелять или стреляет плохо, то такие войска могут оказаться обузой, а не грозным оружием для врага. Поэтому самое главное подготовить личный состав, чтобы он мог отлично владеть своим оружием. Как мы готовим сейчас танковые войска огневому делу? В настоящее время даже на 1941 г. намечается отпуск

---

¹ РГВА. Ф. 4, оп. 18. Д. 59. Л. 68.

¹ Там же. Л. 73.

6 снарядов на год на один танк, причем должны отработать восемь задач. А кроме того, инспекции и комиссии, проверяющие войска, проверяют огневую подготовку стрельбой, на что расходуют снаряды. Поэтому получается, что снарядов для подготовки экипажа нет, а это таит в себе большую опасность»¹.

Говоря о боевых действиях механизированного корпуса, Федоренко заметил, что корпус «в прорыве действовать более 4—5 суток не сможет, потому что он израсходует 50 часов моторесурса, а после 50 часов машина потребует ремонта». Учитывая, что наша ремонтная база оставляла желать много лучшего, этот факт вызывал большую тревогу.

Получив от «конников» нагоняй, генерал Павлов был вынужден в заключительном слове «исправлять» свою оплошность. «Мне из-за ограниченности времени не удалось развить вопрос использования конницы, — извиняясь, сказал он, — за что получил справедливый и заслуженный упрек. Я считаю, что конница, пущенная вторым эшелонном за танковым корпусом, выполняет и обязана выполнять следующие задачи:

1) Она своими действиями, направленными вправо или влево от главного удара мехкорпуса для обеспечения сего боевого порядка от фланговых ударов противника, сможет усилить дальнобойность механизированного корпуса. Это раз.

2) Конница, пущенная (я на это особенно обращаю внимание) за мехкорпусами в прорыв, даже если по срокам не успеет выйти вместе с ними в глубину, то она сможет связать (мехкорпус) со стрелковыми корпусами, не допустить смыкания флангов и этим обеспечить нормальную работу мехкорпуса»².

В связи с тем, что после понесенного поражения Красной Армией в первые дни войны 15 июля мехкорпуса были расформированы, эту «мудрую» теорию так и не пришлось воплотить в практику. Когда же мехкорпуса были образованы в 1942 г., то к этому времени влияние «конников» в армии было утрачено.

31 декабря, в канун Нового, как предполагалось уже, грозного 1941 года с большой заключительной речью на совещании выступил народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. «Настоящее совещание, проведенное Главным военным советом, по своему содержанию и по своему значению является новым знаменательным этапом в жизни Красной Армии»³, — указал он.

---

¹ РГВА. Ф. 4, оп. 18. Д. 59. Л. 94.

² Там же. Л. 101—102.

³ Там же. Л. 1.

Итоги совещания, продолжал нарком, прежде всего показывают, что мы начинаем создавать (правильнее было бы сказать — воссоздавать на новой основе теорию и практику первой половины 30-х годов. — *В.А.*) новые основы для дальнейшего роста Красной Армии, что мы углубляем и расширяем ту перестройку, которую стали осуществлять по директиве товарища Сталина полгода тому назад. Содержание работы совещания показало, что мы нашли новую базу для быстрого роста высшего командного состава и что мы добьемся поднятия на должную высоту руководства большими вооруженными силами страны.

В основном анализируя опыт последних войн, Тимошенко допустил ошибку, заявив, что «в смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового». Однобоко выглядит и его вывод из опыта войн о том, что «решающий эффект авиации достигается не в рейдах в далеком тылу, а в соединенных действиях с войсками на поле боя, в районе дивизии, армии».

Надо сказать, что рассмотрение проблем вооруженной борьбы народный комиссар начал не с наступления, а с обороны. Это является убедительным свидетельством того, что Красную Армию готовили не только наступать, а и обороняться с самого начала вероятной войны. Под обороной, сказал он, надо понимать совокупность боевых действий, применяемых для противодействия наступлению противника. Основным соображением для применения обороны на второстепенных участках является экономия сил с целью создания крупной группировки для удара в решающем направлении. Но не только на второстепенных фронтах может иметь место оборона, заметил Тимошенко. В современной обстановке могут быть случаи, когда придется прибегать к обороне и на главных направлениях.

Это свидетельствовало о том, что новое руководство Наркомата обороны, не в пример старому, не занималось «шапкозакидательством».

К обороне предполагалось переходить:

— когда нужно выиграть время, необходимое для подготовки наступательной операции;

— когда нужно выждать время до исхода операций на других направлениях, фронтах или театре военных действий;

— когда выгодно предварительно расстроить или истощить наступающего противника с целью последующего перехода в наступление (так поступили летом 1943 г. в Курской битве. — *В.А.*).

Перейдя к анализу вопросов, связанных с наступлением, Тимошенко указал, что «в современную эпоху, при вооруженной борьбе большого масштаба, редко удается путем одной решительной операции сразу дос-

тичь конечной военной цели (цели войны или кампании). К достижению этой конечной стратегической цели, по большей части, предстоит идти путем достижения ряда промежуточных целей, из которых каждая может оказаться настолько значительной, что явится содержанием особой фронтальной операции — содержанием целого стратегического этапа»¹.

Не повезло авиации в его речи. А это отразилось как на строительстве, так и подготовке ВВС к войне. «Переходя к рассмотрению вопроса о роли ВВС в современных операциях, необходимо подчеркнуть, что борьба за господство в воздухе, учитывая массовость авиации и согласованность с действиями пехоты, должна осуществляться в рамках фронтовой и армейской операции», — заявил он. Учитывая массовость авиации, следовало бы сделать вывод о необходимости завоевания господства в воздухе не в рамках армии и даже фронта, а театра военных действий.

Не соответствовало духу времени, когда войны не объявлялись, а начинались заранее развернутыми группировками на земле и в воздухе, его заключение о том, что «борьба за господство в воздухе начинается с мирного времени».

Допуская одну ошибку за другой по вопросам использования ВВС, нарком обороны заключает: «Последний опыт на Западе подтвердил необходимость наличия: войсковой авиации, авиации армейской и фронтовой — используемой по обстановке для обеспечения войск и для самостоятельных действий, а также авиации РГК»².

В соответствии с этим решением в стрелковых и механизированных корпусах были авиационные эскадрильи, в армиях — смешанные авиационные дивизии, а во фронтах — истребительные и бомбардировочные дивизии. Это привело к распылению усилий нашей авиации в начале войны.

Были в речи Тимошенко хорошо аргументированные выводы, которыми, к сожалению, в начале войны не смогли по разным причинам воспользоваться. «Массовое применение авиации и танков, — указал он, — потребовало особенно тщательной и искусной организации ПВО, ПТО и принятия мер маскировки, при всех действиях войск. Война потребовала исключительного внимания мотору как в воздухе, так и на земле, ввиду быстрого его появления и внезапного действия. Потребовалось зенитные средства, противотанковые орудия иметь в постоянной боевой готовности. Там, где этим пренебрегали — расплачивались кровью»³, — заключил он. Казалось бы, какой поучительный урок был извлечен, но и он не был претворен в жизнь.

---

¹ РГВА. Ф. 4, оп. 14. Д. 2747. Л. 13.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Л. 22.

В заключительной части речи народный комиссар обороны поставил задачи боевой подготовки войск Красной Армии на 1941 год. Большое внимание он уделил воспитанию войск. «Побежденной является не та сторона, которая понесла большие потери, — провидчески заявил он, — а та, у которой иссякли моральные силы». Указав, что «без хорошей пехоты в современной войне победы не достигнешь», нарком потребовал «со всей решительностью поднять теперь же значение и авторитет нашей пехоты, поставив ее в центре внимания всей работы... Нужно всем нам со всей отчетливостью осознать, что успех боя определяет пехота».

В условиях войны моторов такой вывод по меньшей мере являлся странным. Вместо того, чтобы усилия высшего командного состава направить на подготовку формирующихся в спешке механизированных корпусов, отработку вопросов их взаимодействия с авиацией и стрелковыми войсками, нарком обороны сосредоточивает внимание на старой матушке пехоте, «царице полей».

Не мог, конечно, бывший начальник дивизии в Конной армии Буденного не воздать должное кавалерии. «Конница в современной войне занимает важное место среди основных родов войск, — вопреки здравому смыслу заявил он, — хотя о ней здесь, на нашем совещании, мало говорили (правильно поступали. — В.А.). На наших обширных театрах конница найдет широкое применение в решении важнейших задач развития успеха и преследования противника, после того как фронт прорван»¹.

Важное значение нарком обороны придал вопросу подготовки воздушно-десантных войск. «В этом вопросе, — заметил он, — нам нужно шагнуть дальше Запада, ибо опыт воздушных десантов немцы впервые позаимствовали у нас».

В заключение маршал Тимошенко сказал: «Мы все, как один, должны запомнить, что чем выше и крепче моральные качества воинов Красной Армии, их политико-моральное состояние, тем сильнее и более могучей становится наша армия, тем скорее и лучше мы выполним задания, поставленные перед нами Правительством и Партией».

После совещания со 2 по 11 января 1941 г. были проведены две оперативно-стратегические игры на картах. В перерывах между играми участникам совещания была показана новая боевая техника на танкодромах, голигонах и аэродромах.

На первой двухсторонней игре, проводившейся в период со 2 по 6 января под руководством Тимошенко и Мерецкова, подыгрывавших за юго-западное стратегическое направление, проверялся по существу план прикрытия советских войск на западном стратегическом направлении. Ко-

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2747. Л. 26.

мандующим Северо-Восточным фронтом («синих») со ставкой в Берлине был на игре генерал армии Г.К. Жуков. Командующим Северо-Западным («красных») являлся генерал-полковник Д.Г. Павлов. Согласно замыслу игры «красные» (свыше 50 дивизий) должны были отразить наступление «синих» (свыше 60 дивизий), поддерживаемых мощными воздушными силами, и создать условия для перехода в решительное наступление. Однако вопреки замыслу игры «синие» нанесли три мощных удара по сходящимся направлениям, прорвали укрепленные районы, разгромили сувалкскую и белостокскую группировки «красных» и вышли к Лиде.

Изобразив эти удары на рукописи моей будущей книги «Бессмертный подвиг», маршал Жуков сказал, что «эта игра явилась генеральной репетицией начала Великой Отечественной войны. К сожалению, из уроков ее не сделали должных выводов ни Павлов, ни мы с Тимошенко, ни Сталин».

После окончания второй игры, «проводившейся» южнее Полесья, состоялся разбор в Кремле в присутствии членов Политбюро. Во время разбора Сталин упрекнул Павлова за то, что он позволил Жукову «разгромить» его войска. Оправдываясь, Павлов сказал, что это он допустил только на игре. Смотри, сказал вождь, чтобы этого не произошло в действительности.

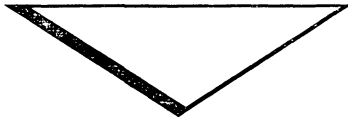
Сталин не доволен был итогами игры, вину за просчеты в которой возложил на Мерецкова и снял его с поста начальника Генерального штаба. Хорошее впечатление на него произвел Жуков, которого 15 января решением Политбюро назначили на освободившийся пост. 1 февраля приказом по Генштабу Жуков приступил к исполнению новых для него обязанностей. В Киевский округ из Ленинграда перемещался М.П. Кирпонос, получив одновременно звание генерал-полковника, на его место назначили М.М. Попова, которого заменил А.И. Еременко.

Значение декабрьского совещания и оперативно-стратегических игр нельзя недооценивать. Даже несмотря на то что эти мероприятия были проведены всего за полгода до начала войны и не оказали существенного влияния на ее начальный период, они тем не менее положительно сказались впоследствии. Именно на этом совещании было достигнуто единство взглядов по многим вопросам военного искусства. Подавляющее число участников совещания и игр, являясь живыми носителями этого коллективного творчества, стали впоследствии прославленными полководцами и видными военачальниками.

Результаты работы совещания нашли отражение в директиве народного комиссара обороны от 25 января 1941 г. «Об оперативной подготовке высшего командного состава войсковых штабов, армейских и фронто-

вых управлений». В ней отмечалось, что самым слабым местом в оперативной подготовке командного состава и штабов являлась организация взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск, особенно между военно-воздушными силами и наземными войсками — в первую очередь между авиацией и танковыми соединениями. Неукомплектованные полностью и недостаточно подготовленные в оперативном отношении штабы механизированных корпусов и военно-воздушных сил армий и округов не овладели искусством четкого управления своими войсками и организации взаимодействия.

От этого в значительной степени зависели результаты боевых действий Красной Армии в начале войны. А времени для устранения этих недостатков уже не было.

РОКОВОЙ ПРОСЧЕТ

1. ПЛАНИРОВАНИЕ ВОЙНЫ

29 ноября 1937 г. Сталин, Молотов, Ворошилов и Каганович подписали «Постановление Комитета обороны М-8 (Мобилизационный план на 1937—1939 гг.)». В соответствии с ним начальнику Генерального штаба было поручено составить «Соображения о стратегическом развертывании вооруженных сил на случай войны».

Стратегическое развертывание вооруженных сил является одним из основных звеньев плана войны, и оно находится на грани между оперативно-стратегическими замыслами плана войны, разрабатываемыми в мирное время, и первыми большими пограничными сражениями. «Стратегическое развертывание, — писал в 1939 г. один из видных военных теоретиков, профессор Академии Генерального штаба В.А. Меликов, — является сердцем плана войны»¹.

В основу планирования были положены идеи советской военной доктрины, сущность которой состояла в том, что Советский Союз не собирался ни на кого нападать, но вместе с тем завоевания социалистической революции намеревался защищать со всей решительностью. Красная Армия, как армия государства диктатуры пролетариата, исповедовала классовые формы ведения войны, что соответствовало природе революционного общественного строя, рассчитывавшего стать базой мировой пролетарской революции. В то же время социалистическое государство не могло на себя взять инициативу нанесения первого удара, т.е. формального развязывания войны.

В связи с этим перед Советскими Вооруженными Силами была поставлена двуединая задача: готовиться к отражению удара агрессора и одновременно к решительному разгрому его с перенесением военных действий на территорию врага. Считалось, что Красная Армия должна быть

---

¹ Меликов В.А. Стратегическое развертывание. М., 1936. С. 7.

всегда готова ответить сокрушительным ударом на всякую внезапность со стороны врага. Эти положения были сформулированы в полевом уставе 1939 г. (статьи 1-я и 2-я).

Данное доктринальное положение имело принципиальное значение для определения и понимания начала вступления Советского государства в войну. Во-первых, из него следовало, что для Красной Армии содержанием первых часов и дней войны должны стать сдерживающие боевые действия в строившихся для этой цели укрепленных районах а, во-вторых, внезапность нападения противника должна быть нейтрализована высокой боевой готовностью Красной Армии.

Все стратегические планы составлялись на основании взглядов на характер будущей войны. Считалось, что будущая война будет мировой, в которой Советскому Союзу будут противостоять не отдельные страны, а целая коалиция капиталистических государств.

Основные документы оперативного планирования разрабатывались и перерабатывались вначале под руководством начальника Генерального штаба командарма 1-го ранга (с мая 1940 г. Маршала Советского Союза) Б.М. Шапошникова. К 24 марта 1938 г. в соответствии с вышеуказанным постановлением Комитета обороны им был разработан доклад народному комиссару обороны К.Е. Ворошилову «Об основах стратегического развертывания РККА». В нем предусматривались два варианта действий главных сил: к северу от Полесья и к югу от него. Главный военный совет изволил рассмотреть и одобрить план лишь 13 ноября 1938 г. Этот план был вскоре утвержден и Комитетом обороны.

Однако события 1939 — начала 1940 г. коренным образом изменили стратегическую обстановку в Европе. Произошло перемещение войск Красной Армии, изменились государственная граница, боевой состав военных округов. В связи с этим прежний оперативный план оказался нереальным.

После окончания войны с Финляндией в Генеральном штабе под руководством Шапошникова начали разрабатывать новый документ — «Сображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940—1941 гг.». Его составили к середине 1940 г. За подписями Тимошенко и Шапошникова он был представлен на рассмотрение Сталину и Молотову. «Сложившаяся политическая обстановка в Европе, — указывалось в документе, — создает вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах..., но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ. На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия, что же касается Италии, то возможно ее

участие в войне, а вернее, ее выступление на Балканах, создавая нам косвенную угрозу.

Вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами — с целью реванша — Финляндию и Румынию, а возможно и Венгрию. При вероятном вооруженном нейтралитете Ирана и Афганистана возможно открытое выступление против СССР Турции, инспирированное немцами.

Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной Италией, Финляндией и Румынией, а возможно, и Турцией, и на востоке — против Японии как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение»¹.

Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья реки Сан, составители плана предложили главные силы Красной Армии развернуть севернее Полесья. «Основной задачей наших войск, — указано в документе, — является нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы; вспомогательным ударом нанести поражение группировкам противника в районе Ивангород, Люблин, Грубешов, Томашов, Сандомир, для чего развернуть:

Северо-Западный фронт — основная задача — по сосредоточении атаковать противника с конечной целью совместно с Западным фронтом нанести поражение его группировке в Восточной Пруссии и овладеть последней».

Но пока этот план разрабатывался, произошли новые события. В результате вхождения Прибалтийских республик в состав СССР соединения Красной Армии были введены в Прибалтику, а части Киевского военного округа вступили в Северную Буковину. Стратегические соображения вновь пришлось перерабатывать.

Решение об этом принял 16 августа Главный военный совет, на котором Б.М. Шапошников был освобожден с поста начальника Генерального штаба. Официальная версия этого акта — болезнь, а действительная, как свидетельствует Маршал Советского Союза А.М. Василевский — ученик Шапошникова, заключалась в том, что за «позорную» войну с Финляндией вместе со смещенным с поста наркома Ворошиловым должен был нести моральную ответственность и начальник Генерального штаба. На этот пост назначался один из «героев» войны с Финляндией,

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2851. Д. 239. Л. 1—2.

бывший командующий Ленинградским военным округом (а в ходе войны — командующий 7-й армией) генерал армии К.А. Мерецков.

Основы стратегического развертывания вооруженных сил дорабатывались уже под его руководством. Летом 1940 г. была разгромлена Франция. Многомиллионная, хорошо подготовленная немецкая армия оказалась, по существу, один на один с Красной Армией.

Разработка плана стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР окончательно была завершена в сентябре 1940 г. Доклад «Об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Красной Армии на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.» за подписями народного комиссара обороны С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба К.А. Мерецкова был представлен 18 сентября 1940 г. на рассмотрение Сталина и Молотова. Документ, как и предшествующий, был подписан в одном экземпляре лично заместителем начальника оперативного управления А.М. Василевским.

Оценка вероятных противников была аналогична той, что и в предшествующем документе. Предполагалось, что они могли сосредоточить 280—290 дивизий, 11 750 танков, 30 тыс. орудий и 18 тыс. самолетов. Не исключалось, что в сложившейся обстановке нападение Германии на СССР возможно еще до окончания войны с Англией.

Главным вопросом в оценке замыслов германского командования являлось определение возможного главного удара. Генеральный штаб правильно определил развертывание основных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан с целью нанесения главного удара в направлении на Ригу, Каунас и далее на Двинск, Полоцк или на Каунас, Вильнюс и далее на Минск. Считалось, что одновременно с главным ударом следует ожидать удара в тыл львовской группировке советских войск и овладения Западной Украиной. Не исключалась возможность главного удара противника на киевском направлении с целью захвата Украины. Однако в докладе подчеркивалось, что «наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является первый вариант ее действий, т.е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан».

Надо указать, что несмотря на правильные взгляды на начальный период будущей войны, выработанные еще в первой половине 30-х годов, в Генеральном штабе не было твердой установки на него, вытекающей уже из опыта военных действий на Западе. Несмотря на то что немцы начинали войны заранее развернутыми силами внезапно, в «Соображениях о стратегическом развертывании» указывалось, что противнику для сосредоточения и развертывания главных сил потребуется после на-

чала войны 15 суток. Как отмечал позже Жуков, «нарком обороны и Генштаб считали, что война... должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений»¹. Тем самым в оперативном плане войны была заложена серьезная ошибка в оценке способа военных действий противника.

Общий замысел боевого использования основных сил Красной Армии состоял в том, чтобы на первом этапе активной обороной в укрепленных районах прочно прикрыть границы в период сосредоточения войск и не допустить вторжения противника в пределы СССР. На втором этапе мощными ударами главных группировок войск фронтов нанести решительное поражение противнику и выйти на р. Висла, в дальнейшем развивать наступление на Краков, Бреслау и выйти к верхнему течению р. Одер.

В соответствии с оценкой противника и общим замыслом отражения его нападения намечалось два варианта стратегического развертывания главной группировки Красной Армии на Западе. В одном случае она могла быть развернута к югу от Брест-Литовска, а в другом — к северу от него. Все зависело от политической обстановки, которая могла сложиться непосредственно к началу войны.

5 октября Сталин и Молотов рассматривали представленный им 18 сентября доклад «Об основах стратегического развертывания». «Как нам рассказал К.А. Мерецков, — вспоминает А.М. Василевский, — при его рассмотрении И.В. Сталин, касаясь наиболее вероятного направления главного удара потенциального противника, высказал свою точку зрения. По его мнению, Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центре того фронта, который тогда возникнет по линии советско-германской границы, а на юго-западе, с тем, чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. В соответствии с этим Генштабу было поручено переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки наших войск на юго-западном направлении»².

14 октября 1940 г. доработанный вариант плана «южный» был представлен на утверждение Сталину и Молотову. В нем главной группировке в составе Юго-Западного фронта ставилась задача по нанесению более мощного удара в направлении Люблин, Краков и далее на Бреслау³.

---

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления т. 1. С. 217.

² Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1974. С. 110.

³ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242. Л. 86.

Планом предусматривалось к 1 октября 1941 г. развернуть два фронтовых и два армейских управления, довести численность авиации до 20 тыс. самолетов, сформировав 100 авиационных полков.

Одновременно было решено разработать и другой вариант (северный). По нему основная группировка войск должна была развертываться в полосе Западного и Северо-Западного фронтов.

Заложенные в оперативных планах концепции проверялись на двух январских оперативно-стратегических играх. Первая игра, как указывалось в предыдущей главе, обнажила слабость нашего западного направления. В связи с этим в оперативный план пришлось вносить коррективы.

Переломным моментом в строительстве вооруженных сил и оперативно-стратегическом планировании их применения явился февраль 1941 г., когда Генеральный штаб возглавил Г.К. Жуков. С этого времени в Генеральном штабе разрабатывалась большая программа по составлению новых оперативно-мобилизационных планов. На основе указаний Жукова его первый заместитель генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин составил «План разработки оперативных планов», в соответствии с которым был разработан ряд важнейших документов. Одновременно Ватутин с Василевским вносили коррективы в план стратегического развертывания вооруженных сил с учетом новых разведывательных данных о противнике и ростом численного состава своих вооруженных сил.

11 марта 1941 г. Василевским был написан особой важности, совершенно секретный, в единственном экземпляре только Сталину и Молотову документ с заделанными подписями наркома и начальника Генерального штаба, но ими не подписанного. «В связи с проводимыми в Красной Армии в 1941 году крупными организационными мероприятиями, — указывалось в нем, — докладываю на Ваше рассмотрение уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке»¹.

«Сложившаяся политическая обстановка в Европе, — говорится в документе, — заставляет обратить исключительное внимание на оборону наших западных границ... При условии окончания войны с Англией предположительно можно считать, что из имеющихся (у Германии. — В.А.) 260 дивизий... до 200 дивизий, из них до 165 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных, будут направлены против наших границ».

Заметив, что документальными данными об оперативных планах вероятных противников Генштаб не располагает, его руководство дает, допуская при этом серьезную ошибку, оценку намерений противника. «Гер-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 241. Л. 1.

мания, — предполагают составители документа, — вероятнее всего развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину. Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу или концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи».

Для ведения операции на Западе выделялось 252 дивизии и две бригады. Что касается основ стратегического развертывания, то в данном документе указывается: «Развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям»¹. Из этого следует, что главные силы рекомендовалось, как это указывалось в октябрьских (1940 г.) «Соображениях», сосредоточить на юго-западном направлении. Прежняя ошибка не была исправлена до начала войны.

Месяц спустя, 10 апреля 1941 г., по указанию Жукова Василевским была составлена директива на разработку плана оперативного развертывания войск приграничных округов. В частности, для Западного особого военного округа в ней определялось: «Основные задачи: с переходом ЮЗФ (Юго-Западного фронта) — ударом левого крыла Западного фронта в общем направлении на Седлец—Радом наступать с ЮЗФ, разбить люблинско-радомскую группировку противника. Ближайшая задача овладеть Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла.

Разработать план первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий»².

Итак, в указаниях округам, отданных в апреле, по-прежнему главная группировка советских войск предусмотрена на юго-западном направлении в составе Киевского особого военного округа. Западный фронт должен был наступать совместно с Юго-Западным фронтом лишь частью сил левого крыла. Войска правого крыла и центра должны были готовиться к обороне.

Подписывая план «Барбаросса», Гитлер назначил срок готовности нанести удар по СССР 15 мая 1941 г. К этому времени германское командование и готовило свои войска. Лишь война на Балканах вынудила немецкое руководство переносить вторжения на другие даты.

К середине мая руководство Генерального штаба сделало вывод, что Германия полностью отобилизовала свою армию, сосредоточила ее в основном у границ Советского Союза и развернула тылы. В этих услови-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 241. Л. 15.

² Там же. Д. 237. Л. 50.

ях нарком обороны и начальник Генерального штаба решили предложить Сталину проявить инициативу и нанести по готовящимся к вторжению в СССР немецким войскам упреждающий удар.

К этому их подтолкнуло и выступление Сталина на приеме выпускников военных академий 5 мая 1941 г. Торжественное собрание, состоявшееся в Большом Кремлевском дворце, открыл нарком обороны С.К. Тимошенко. С кратким докладом о выпускниках выступил начальник управления военно-учебных заведений Красной Армии генерал-лейтенант И.К. Смирнов. Затем выпускников приветствовал от имени Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин. После него от имени ЦК ВКП(б) и СНК выступил И.В. Сталин. Его речь продолжалась около 40 минут и была выслушана с исключительным вниманием. Он отметил глубокие изменения, произошедшие за последние годы в Красной Армии (следовало бы сказать не за годы, а за последний год), и подчеркнул, что на основе опыта современной войны Красная Армия перестроилась организационно и серьезно перевооружилась (опять же не перестроилась, а только начала, по существу, перестраиваться и перевооружаться на новую материальную часть). Учитывая это, сделал он вывод, «проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом». Много места в его речи было отведено международной обстановке, идущей войне, положению Советского Союза в этих условиях и его внешней политике. Сложность и острота международной обстановки вынуждает Советское государство быть начеку, повышать свою боеспособность. Вооруженные силы Сталин призвал находиться в постоянной готовности к отпору агрессии, откуда бы она ни исходила.

После торжественного собрания состоялся прием выпускников. Гости заполнили Георгиевский зал, Грановитую палату, Владимирский, Малый и Новый залы. Кроме выпускников присутствовали: члены ЦК ВКП(б), народные комиссары, депутаты Верховного Совета СССР, высшее командование армии и флота, Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, профессора и преподаватели военных академий.

Прием открылся краткой речью Тимошенко, затем с ответным словом выступило несколько выпускников. А затем началось море разливанное и бесконечные тосты, главным образом Сталина. Прежде всего он провозгласил здравицу в честь руководящего и профессорско-преподавательского состава военных академий и выразил уверенность в том, что выпускники будут возвращаться в части вооруженными глубокими знаниями новой техники. Расхаживая с бокалом в руках по Георгиевскому залу, он говорил о значении различных родов войск, провозглашая здравицу в честь артиллеристов (его любимая фраза «артиллерия — бог вой-

ны» была произнесена им там), танкистов, летчиков, которых он упрекнул за то, что они учатся на старой материальной части. «Мы будем воевать на новой, изучайте ее», поздравил также кавалеристов, пехотинцев, инженеров, техников, саперов, связистов, самокатчиков, парашютистов, минометчиков.

Учитывая, что на следующий день Сталин был назначен председателем Совета Народных Комиссаров СССР, этот прием говорил о многом.

Воодушевленные этим «воинственным» настроением Сталина и учитывая складывающуюся на границах обстановку, Тимошенко с Жуковым отдали распоряжение генерал-майору Василевскому подготовить новые «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза». На карте указана дата: 15 мая 1941 г.». Внизу заделаны подписи наркома и начальника Генштаба, но они не поставлены.

«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобюролизованной, с развернутыми тылами, — указывается в документе, — она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет организовать фронт и взаимодействие родов войск.

Первой стратегической целью действий Красной Армии поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Брест—Демблин и выход к 30 дню севернее рубежа Остроленка, р. Нарев, Ловичь, Лодзь, Крейцбург, Опельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью — наступать из района Катовице в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы врага Центра и северного крыла Германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии»¹.

Главный удар, как и ранее, предполагалось нанести силами Юго-Западного фронта, а вспомогательный — левым крылом Западного фронта. Таким образом, делался вывод, Красная Армия начинает наступательные действия с фронта Чижев, Людовлено силами 152 дивизий против 100 германских, на других участках государственной границы предусматривается активная оборона.

С этим документом нарком и начальник Генштаба отправились к Сталину. О его реакции на это предложение военного руководства документальных материалов в архивах ничего найти не удалось. А по словам

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 1—2.

Г.К. Жукова, сказанным автору этих строк, она была следующей: «Услышав о предупредительном ударе по немецким войскам, он буквально вышел из себя. «Вы что, с ума сошли? Немцев хотите спровоцировать», — прошипел он. Мы сослались на складывающуюся у границ обстановку, на его выступление 5 мая перед выпускниками военных академий. «Так я сказал это, — услышали мы в ответ, — чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чем трубят газеты всего мира».

Этот оперативный план Сталин утверждать не стал, более того, строго предупредил о том, чтобы не дать повода для провокации. Однако дух решительности и наступательности в войсках, судя по всему, им поддерживался. Не без его ведома, конечно, на заседании Главного военного совета, состоявшемся 4 июня 1941 г., в рассматриваемом проекте директивы «О задачах политической пропаганды Красной Армии на ближайшее время» было записано, что задачи, поставленные перед Красной Армией, требуют решительного поворота в пропагандистской работе в духе постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага¹. В ходе ее обсуждения член Политбюро А.А. Жданов заявил: «Мы стали сильнее, можем ставить более активные задачи. Войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь наступательной политики»².

Учитывая возрастание угрозы агрессии и увеличение состава вооруженных сил, Генеральный штаб продолжал вносить коррективы в документы по стратегическому развертыванию. К середине июня в записке Василевского по стратегическому развертыванию вооруженных сил предусматривалось первый стратегический эшелон развернуть уже на основе существующих военных округов в составе 4 фронтов (189 дивизий и 2 бригады с учетом войск, расположенных в Крыму), что составляло более 60% всех соединений Красной Армии³.

Наиболее сильная группировка предусматривалась в полосе Юго-Западного фронта (100 дивизий, в том числе 20 танковых и 10 моторизованных), который за неделю до войны предусматривали формировать на базе двух военных округов: Киевского и Одесского. Лишь 21 июня на базе Одесского округа решили образовать Южный фронт.

Второй стратегический эшелон — резерв Главного командования — предполагалось создать из пяти армий (16, 19, 22, 24, 28-я) в составе

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 2. Л. 47.

² Там же. Л. 84.

³ Там же. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 236. Л. 63—69.

51 дивизии. Из них на Юго-Западном фронте сосредоточивались 23 дивизии, на Западном — 9. В районе Москвы предусматривалось развернуть две армии — 24-ю и 28-ю в составе 19 дивизий.

Всего на Запад вместе с резервом Главного командования предназначалось 240 дивизий, 159 авиационных полков, 5 воздушно-десантных корпусов, 10 противотанковых бригад. Для обороны дальневосточных границ выделялись 31 дивизия и две бригады, в Закавказье и Средней Азии — 31 дивизия и для прикрытия Беломорского побережья — одна дивизия.

Из общего количества авиационных дивизий фронтовой и дальнебомбардировочной авиации для западных округов выделялось 60%, для Дальнего Востока и Забайкалья — 16% и во внутренние военные округа (в том числе в Закавказье и Среднюю Азию) — 24%. Основные силы Военно-морского флота также сосредоточивались на Западе в составе Северного, Балтийского и Черноморского флотов.

«Соображения» составили основу оперативного плана, но до конца их так и не удалось довести в связи с началом войны.

Важное место в планировании стратегического развертывания вооруженных сил занимала организация прикрытия государственной границы. Эта проблема решалась в зависимости от событий, происходивших в приграничных районах, и роста возможностей вооруженных сил. Резкое изменение обстановки в 1939—1940 гг., вызванное появлением у границ СССР германских войск, потребовало коренного пересмотра концепции прикрытия границы.

Весь комплекс мероприятий по прикрытию границы осуществлялся на основе разработанного Генеральным штабом «Плана обороны государственной границы 1941 г.», который являлся составной частью плана стратегического развертывания вооруженных сил. Разработка планов прикрытия в округах проводилась на основании директивы наркома обороны.

В ходе нарастания угрозы войны, особенно после прихода в Генеральный штаб Жукова, шел сложный процесс корректировки планов прикрытия. Обстановка изменялась так быстро, что округа не успевали качественно разрабатывать документы, утверждать их и претворять в жизнь. Наиболее существенным изменениям подвергались планы прикрытия в Западном и Киевском особых военных округах.

Последние директивы на разработку окружных планов прикрытия были подписаны наркомом обороны в начале мая 1941 г. Ленинградскому, Западному и Киевскому округам директивы были направлены 5 мая, Одесскому — 6 мая, а Прибалтийскому — 14 мая.

Срок действия плана обороны был определен в течение 15 суток. За это время предполагалось отмобилизовать, сосредоточить и развернуть главные силы Красной Армии. Так, в директиве войскам Киевского военного округа указывалось: «Быть готовым по указанию Главного командования нанести стремительные удары для разгрома противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей». Представление окружных планов на утверждение в Генеральный штаб было определено к 25 мая. Разработка планов прикрытия в округах сильно затянулась, так как явилась чрезвычайно сложным делом. Во-первых, требовалось выявить сосредоточение войск противостоящего противника; во-вторых, предусмотреть мероприятия с целью недопущения внезапного вторжения вражеских войск на свою территорию. Кроме этого упорной обороной в укрепленных районах предусмотреть надежное прикрытие отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск, активными действиями авиации завоевание господства в воздухе, мощными ударами по коммуникациям и группировкам войск противника нарушение их выдвижения, недопущение высадки в тыл воздушных десантов и диверсионных групп. Из этого следует, что окружные планы прикрытия имели оборонительный характер.

В соответствии с требованиями директив Генерального штаба основу обороны по прикрытию государственной границы должны были составить укрепленные районы и полевые укрепления, строившиеся по линии государственной границы с использованием всех имеющихся сил и возможностей, при этом оборона войск должна была носить активный характер, с тем чтобы «всякие попытки противника к прорыву обороны немедленно отражались контратаками корпусных и армейских резервов»¹.

Укреплению государственных границ и инженерному оборудованию театра военных действий (ТВД) советское руководство, особенно в последние перед войной годы, придавало большое значение. Общей целью заблаговременной инженерной подготовки ТВД являлось обеспечение возможности успешного противодействия войск внезапному нападению превосходящих сил противника, оснащенных мощными техническими средствами подавления и разрушения.

На основе опыта Первой мировой войны было решено, что лучшей формой военно-инженерной подготовки приграничной полосы является система укрепленных районов (УР), прикрывающих важнейшие операционные направления, ведущие в глубь страны.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 32, оп. 11302. Д. 259. Л. 1—6.

Опыт войны с Финляндией и войны в Западной Европе заставил внести существенные коррективы в систему укрепления границ. 12 октября 1940 г. начальник Главного военно-инженерного управления генерал-майор А.Ф. Хренов представил по этому вопросу доклад начальнику Генерального штаба. «Изучение и обследование состояния укрепления наших границ, — отмечал он, — показало, что система военно-инженерной подготовки ТВД недостаточно уяснена как по форме, так и по содержанию, что отсутствует единство взглядов по этому вопросу и в то же время наблюдается шаблонность приемов и форм укрепления границ... Главным же и основным недостатком укрепления наших границ является то, что основная вооруженная сила нашей страны — полевые войска остается необеспеченной, а ТВД неподготовленным для действий полевых войск. Так было у нас на Карельском перешейке, так было, по всем данным, у бельгийцев и французов»¹.

В целях устранения недостатков Хренов предложил: во-первых, устранив впереди укрепленных районов предполье, которое до 1939 г. отрицалось. Отказ от них позволяет наступающему действовать внезапно всей мощью современных средств и сил наступления и подавления непосредственно по всей глубине УР. Во-вторых, силы и средства обороны эшелонировать в глубину. Экономия сил за счет УР, указывал он, не должна переходить известного предела, после которого она становится опасной. На внезапность нападения оборона должна ответить внезапностью сопротивления, что возможно только при активной обороне. Активная оборона требует, чтобы контрудары проводились организованно, с определенной целью, при поддержке артиллерии, танков и авиации, а не разрозненно и впустую.

В связи с тем, что УР в прежнем понимании, как линий Мажино, Маннергейма, себя изжил, Главное инженерное управление предложило значительно увеличить его глубину и одновременно с долговременными железобетонными сооружениями построить укрепления для полевых войск.

Предложения Хренова были учтены руководством Наркомата обороны и Генерального штаба. Опыт боевых действий в советско-финляндской войне и на Западе, указывалось в директиве наркома обороны военным советам приграничных округов от 20 февраля 1941 г., показывает, что при строительстве УР требуется увеличение глубины их до 30—50 км в зависимости от наличия и глубины предполья, а также увеличения толщины железобетонных сооружений и усиления плотности артиллерийс-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 69. Оп. 14065. Д. 14. Л. 16.

ко-пулеметного огня. УРы имеют свои специальные гарнизоны, численность которых определяется для каждого в отдельности. Полевые войска, подчеркивалось в этом руководящем документе, могут занять УРы лишь по специальному приказу командования фронтом в количестве, определяемом командованием фронта.

Впереди УР предлагалось строить предполье, состоящее из ряда оборонительных полос полевого типа. Однако заблаговременно в предполье разрешалось строить только основные типы сооружений и на важнейших направлениях — фортификационные противотанковые заграждения. Минные и фугасные поля, завалы, волчьи ямы и другие виды легких заграждений и легкие постройки полевой фортификации, указывалось в директиве, строятся по особому распоряжению народного комиссара обороны. Основой УР являются узлы обороны, которые должны иметь надежную круговую систему противотанковых и противопехотных заграждений, возводимых на важнейших направлениях в мирное время, а на остальных в мобилизационный период.

В соответствии с требованиями этой директивы, военным округам были отданы приказы о строительстве укрепленных районов, начатых в 1940 г., а также некоторых новых. Согласно плану, утвержденному Советом Народных Комиссаров 12 февраля, на оборонительное строительство в 1941 г. было отпущено 930 млн рублей. Из этой суммы Прибалтийскому округу предназначалось 459 млн рублей, Западному — 222 млн и Киевскому — 81 млн рублей. Распределение денежных средств на оборонительное строительство, из которых 50% предназначалось Прибалтийскому округу, свидетельствует о том, что там намеревались вести оборону, а на юго-западном и левом участке западного направления рассчитывали, как и предусматривалось оперативным планом, после отражения вторжения противника — наступать. Военному совету Прибалтийского округа было указано, что строительство укрепленных районов является важнейшим правительственным заданием на 1941 год, на выполнение которого должны быть направлены основные усилия.

Войскам Прибалтийского и Западного военных округов приказывалось наиболее прочно прикрыть границу с Восточной Пруссией. Позже, в связи с вскрытием сосредоточения крупной группировки немецких войск южнее Полесья, Советское правительство по представлению наркома обороны 18 марта 1941 г. дополнительно выделило Киевскому округу на строительство укрепленных районов 252 млн рублей. 20 марта Тимошенко отдал директиву Военному совету этого округа об усилении темпов строительства и возведении ряда дополнительных узлов обороны. Строительство в Струмиловском и Рава-Русском укрепленных районах, указывалось

в ней, является для округа важнейшим правительственным заданием на 1941 год. Поэтому мероприятия Военного совета округа и его ответственность должны быть направлены на выполнение поставленной задачи.

Строительство укрепленных районов вдоль новой государственной границы велось высокими темпами. Для организации и руководства оборонительными работами были сформированы управления начальника строительства (УНС) и 138 строительных участков. В целях обеспечения рабочей силой были сформированы 84 строительных батальона, 25 отдельных строительных рот и 17 автобатов. Кроме того, на строительство привлекли 160 инженерных и саперных батальонов приграничных округов и 41 батальон из внутренних округов. Вместе с этими инженерно-строительными частями с весны 1941 г. на строительстве находилось 17 820 вольнонаемных рабочих.

Чтобы представить объем оборонительных работ, достаточно указать, что на строительство сооружений в укрепленных районах Прибалтийского округа ежедневно выходило 57 778 человек, Западного округа — 34 930 человек и Киевского — 43 006 человек. Для перевозки строительных материалов и оборудования военные советы округов и армий направили большое количество автомашин и тракторов-тягачей из артиллерийских частей. Вся эта масса безоружных людей 22 июня была поражена огнем артиллерии врага в приграничной полосе, в панике бежала на восток, внося дополнительную растерянность в ряды войск, застигнутых также врасплох.

Однако если сил и транспортных средств было достаточно, то строительных материалов, оборудования и вооружения явно не хватало. В связи с этим тормозилось выполнение планов работ. При наличии в новых укрепленных районах около 2300 огневых точек (дотов), построенных к весне 1941 г., полностью было вооружено орудиями лишь около 1000 сооружений. Во всех остальных были установлены только станковые пулеметы. Чтобы вооружить построенные доты, военные советы округов с разрешения Главного военного совета были вынуждены принять решение о снятии с консервации и перевозке части орудий и пулеметов из укрепленных районов, построенных на старой границе.

На темпы строительства серьезное влияние оказывали и различного рода организационные неполадки. В связи с невыполнением плана строительства за первые четыре месяца 1941 г. нарком обороны 16 мая строжайше предупредил военные советы округов об устранении имеющихся недостатков и увеличении размаха оборонительных работ.

Этот факт лишний раз подтверждает описанное мне Г.К. Жуковым отрицательное отношение Сталина к «Соображениям» от 15 мая об упреждительном ударе наших войск.

В результате принятых мер количество боеготовых сооружений к началу войны увеличилось. Тем не менее строительство укрепленных районов было далеко от завершения. В результате этого между УРами имелись неукрепленные участки местности шириной от 10 до 80 км и более. Чтобы представить, какова была готовность УРов, рассмотрим хотя бы состояние Гродненского УРа, которому в порядке важности обеспечения операционных направлений: Сувалки—Лида; Сувалки—Белосток; Сувалки—Гродно уделялось основное внимание Военного совета Западного округа. В этом укрепленном районе протяженностью 80 км к концу 1941 г. должно было быть возведено 373 сооружения. Но на 1 июня было построено только 165 огневых точек. Слабым местом в системе обороны этого УРа, как указывалось в докладе Военного совета округа наркому обороны, был открытый правый фланг на участке р. Неман—Соничи. Для того, чтобы ликвидировать этот недостаток и предупредить обход противником правого фланга УР, планировалось построить два опорных пункта с целью прострела промежутка до р. Неман и установления связи с участком обороны полевых войск на восточном берегу. Однако к этим работам так и не успели приступить, а именно здесь, на неукрепленном стыке Северо-Западного и Западного фронтов, нанесла удар 3-я танковая группа генерала Гота.

Еще хуже обстояло дело с Брест-Литовским УР, строительство которого в 1941 г. было отнесено ко второй очереди, потому что здесь намечалось наносить по немцам вспомогательный удар совместно с войсками Юго-Западного фронта. В этом УРе, протяженность которого составляла 180 км, на 1 июня было забетонировано только 168 сооружений. В первой полосе его оставались большие разрывы и полностью неприкрытый железобетонными огневymi точками участок от Бреста до Влодывы. Правда, крепость Брест к северу и югу была прикрыта сооружениями полевого типа.

В целом УРы первой линии Западного военного округа на 1 июня имели всего лишь 193 вооруженных долговременных сооружения, 909 сооружений полевого типа и 193 закопанных танка, вооруженных 45 мм пушкой. При ширине полосы прикрытия округа 470 км это составляло общую оперативную плотность около трех огневых точек на один километр фронта.

Но и вооруженные сооружения, как указывал Тимошенко в своей директиве от 11 июня 1941 г., не были приведены в боевое состояние. Сооружения, построенные в 1940 г., были захлаплены, и секторы амбразур у многих из них засыпаны отвалами земли. Нарком обороны приказал Военному совету Западного округа немедленно привести вооруженные

сооружения в полную боевую готовность, а все имеющееся вооружение поставить в построенные сооружения не позднее 15 июля 1941 г.

В таком состоянии укрепленные районы Западного округа не могли служить надежным средством усиления войск прикрытия. Не лучше обстояло дело и в других приграничных округах. Боеготовность УРов снижалась из-за неуккомплектованности постоянных гарнизонов, а также из-за того, что в мирное время части укрепленных районов не жили и не учились в дотах. Артиллерийско-пулеметные части УРов до 1940 г. содержались в составе 25% от штаба военного времени. Будучи укомплектованными офицерами из пехотных частей, они были плохо подготовлены к ведению огня.

Полевые войска могли занять УР лишь в случае угрожающего положения по специальному приказу командующего округом, который мог быть отдан только с разрешения наркома обороны.

Наряду со строительством дотов в приграничной полосе возводились различного рода укрепления для полевых войск. Согласно указаниям заместителя наркома обороны маршала Б.М. Шапошникова, который осуществлял общее руководство оборонительным строительством, полевые позиции возводились главным образом в предполье и частично между опорными пунктами УРов. В целях ускорения строительства полевых укреплений нарком обороны обратился было с просьбой к Сталину разрешить привлечение на земляные работы гражданского населения. Однако тот не разрешил это делать. Сообщая об этом 23 апреля в военные округа, Тимошенко разрешил использовать для этой цели в учебном порядке только стрелковые войска сроком на один месяц. На работы разрешалось одновременно выводить один батальон от стрелкового полка, но не больше.

Полевое оборонительное строительство в приграничной зоне с весны 1941 г. также получило широкий размах. Например, в Прибалтийском военном округе возводилось 164 батальонных районов обороны. Большое количество их строилось также в Струмиловском и Рава-Русском УРах Киевского военного округа. К началу июня только в предполье было построено 18 батальонных районов и три отдельных ротных опорных пункта¹.

Тыловые оборонительные рубежи за укрепленными районами первой линии не возводились. Они были запланированы, но их строительство предполагалось развернуть силами военно-строительных организаций и местного населения только в случае возникновения войны. Тыло-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 9776. Д. 27. Л. 16.

вым оборонительным рубежом оперативно-стратегического назначения могла стать лишь линия старых УР.

В соответствии с ранее отданными распоряжениями войска отрывали рвы, эскарпы, контрэскарпы, устраивали надолбы и другие препятствия, но минно-взрывные заграждения устанавливать не разрешалось. К началу войны противотанковых и противопехотных минных полей в приграничной полосе не было. Танки противника могли продвигаться, не встречая серьезных препятствий.

Анализ задач и общего замысла на прикрытие, а также состояния укрепленных районов показывает, что расчеты политического и военного руководства построить устойчивую оборону не подкреплялись реальными возможностями. Планируемые контрудары армейскими и фронтовыми резервами не были обеспечены реальными силами для их нанесения. Механизированные корпуса, которые должны были составлять основу контрударных группировок, не были укомплектованы и потому являлись лишь частично боеспособными. Артиллерийские противотанковые бригады, имея в основном штатную численность, были слабо подготовлены, чтобы вести борьбу с танками.

В основу организации планирования обороны государственной границы была положена жесткая централизация. Вышестоящие штабы определяли задачи войскам на две-три ступени ниже, что объясняется, по-видимому, стремлением сохранить в глубокой тайне все намечаемые мероприятия.

Разработка планов прикрытия штабами военных округов закончилась в последние перед войной дни, и поэтому они не были в достаточной степени освоены исполнителями. Генеральный штаб эти планы получил 10—20 июня. Рассмотреть и утвердить их времени уже не было. Однако это не означает, что войска вступили в войну, не имея конкретных боевых задач. Армейские планы прикрытия были в основном утверждены, задачи соединениям определены. Армейские районы прикрытия делились на участки, нарезаемые для корпусов, и под участки — для дивизий в соответствии с конкретными условиями.

Основой окружных планов обороны являлись планы прикрытия армий. Что собой представляли эти документы, видно на примере 4-й армии Западного и 6-й армии Киевского военных округов, прикрывавших главные направления. 4-я армия в составе 28-го стрелкового (42, 6, 75 и 100 стрелковые дивизии) и 14-го механизированного (22-я и 30-я танковые и 205-я моторизованная дивизии) корпусов, 62-го Брестского укрепленного района и 10-й смешанной авиационной дивизии прикрывала брестское направление, на котором группа армий «Центр» наносила главный удар. В директиве округа для армии были даны следующие указания:

сроки подъема по тревоге и занятия оборонительных позиций для 6-й сд — 3—9 часов, 75-й сд — 4—10 часов, 42-й сд — 30 часов. 100-я сд перевозится автотранспортом и по железной дороге и сосредотачивается в район Черемха на «М-3». Далее в директиве округа указывалось, что «с началом боевой тревоги будет начата подготовка и оборудование тыловых оборонительных позиций, армейских и фронтовых. Рекогносцировка этих рубежей и составление плана работ на них будут произведены на полевой поездке в июле 1941 г. Материальное обеспечение войск: до 15-го дня мобилизации армии отпускается огнеприпасов — три боекомплекта (один в войсках, два в окружных складах), горючего для боевых машин — три заправки, для транспортных — пять заправок (две в войсках, три в окружных складах). «План прикрытия вводится в действие при получении шифротелеграммы за подписью командующего войсками, члена Военного совета и начальника штаба округа с условным содержанием: “Вскрыть “красный пакет” и приступить к действиям по плану”» — указывалось в директиве Павлова.

В соответствии с этими указаниями и был разработан армейский план, который по существу повторял их. Основным недостатком армейского, как и окружного планов, являлась их нереальность. Недостатки решения командования округа автоматически были перенесены в армейский план прикрытия. На основе армейского плана были разработаны приказы всем соединениям, вложены в так называемые «красные пакеты» вместе с инструкциями для выхода войск по боевой тревоге и отправлены в опечатанных пакетах исполнителям.

6-я армия в составе 6-го стрелкового, 4-го и 15-го механизированных корпусов получила задачу прикрыть сосредоточение и развертывание войск и на львовском направлении не допустить прорыва противника на территорию СССР, а вклинившиеся части уничтожить¹. Ширина полосы прикрытия армии составляла 165 км. Опорой ее являлись Струмиловский и Рава-Русский укрепленные районы.

Прикрытие границы планировалось организовать следующим образом. Пограничные отряды, а их в полосе 6-й армии было два (91 и 92-й), должны были поддерживать прочную связь с так называемыми отрядами поддержки, выделенными от дивизий первого эшелона. Всего в полосе армии было образовано 8 отрядов, каждый в составе одного усиленного стрелкового батальона. В случае нападения противника пограничники должны были вызвать отряды поддержки и совместно с ними в предполье уничтожить вражеские части. Тем временем должны были

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 9776. Д. 27. Л. 6.

выдвигаться на полевые позиции основные силы первого эшелона и постоянные гарнизоны укрепленных районов (21, 36, 44, 140 и 141-й пулеметные батальоны). «Готовность обороны, — указывалось в плане, — через два часа после объявления войны»¹. (И это делается после того, как было доказано, что войны теперь не объявляются, а просто начинаются заблаговременно изготовившимся противником.)

В случае прорыва противником предполья, отмечалось в документе, задача частей укрепленного района не допустить дальнейшего продвижения и во взаимодействии с полевыми войсками остановить вторгшегося врага. При вторжении крупной группировки в сражение должны были вводиться резервы района прикрытия (механизированные корпуса). С этой целью каждому механизированному корпусу было определено несколько направлений контрударов. Совместно с авиацией и артиллерийскими противотанковыми бригадами они должны были уничтожить вторгшегося агрессора.

Таковы в основном были задачи и других армий прикрытия.

Прикрытие западной границы Советского Союза, протяженность которой достигала 4520 км, возлагалась на войска пяти военных округов. Ленинградский округ войсками 14-й (командующий — генерал-лейтенант В.А. Фролов) и 7-й армий (командующий — генерал-лейтенант Ф.Д. Гореленко) должен был прикрывать 1000-километровый участок границы от Баренцева моря до Ладожского озера, а 23-й армией генерал-лейтенанта К.С. Пшенникова — от Ладожского озера до Финского залива.

8-ю (командующий — генерал-майор П.П. Собенников) и 11-ю (командующий — генерал-лейтенант В.И. Морозов) армии Прибалтийского особого военного округа планировалось развернуть на 300-километровом участке границы с Восточной Пруссией. Побережье Балтийского моря, острова Эзель и Даго должны были обороняться силами Балтийского флота, а также 67-й стрелковой и 3-й отдельной стрелковой бригадой 27-й армии генерал-майора Н.Э. Берзарина.

На 470-километровом участке западной границы Белоруссии развертывались 3-я (командующий — генерал-лейтенант В.И. Кузнецов), 10-я (командующий — генерал-майор К.Д. Голубев) и 4-я (командующий — генерал-майор А.А. Коробков) армии Западного особого военного округа.

Прикрытие Западной Украины от Влодавы до Липканы (865 км) должны были осуществлять армии (5-я — командующий — генерал-майор М.И. Потапов, 6-я — генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко, 26-я — гене-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 9776. Д. 27. Л. 29.

рал-лейтенанта Ф.Я. Костенко и 12-я — генерал-майора П.Е. Понеделина) Киевского особого военного округа.

На участке от Липканы до Одессы (650 км) развертывались войска Одесского военного округа. Оборона Крыма возлагалась на 9-й отдельный стрелковый корпус этого округа и силы Черноморского флота.

В первом эшелоне армий прикрытия планировалось развернуть 63 дивизии и 2 бригады. Во второй эшелон армий прикрытия выделялась 51 дивизия. Остальные 45 дивизий составляли резервы или вторые эшелоны округов. На 15—20-е сутки мобилизации при помощи местного населения должно быть оборудовано на глубине 100—150 км от границы до 4 фронтовых рубежей. Но рекогносцировка этих рубежей и составление плана работ к началу войны не были завершены. На случай вынужденного отхода предусматривалось создание системы заграждений, разрушение дорог, мостов, железнодорожных путей и других объектов. Однако команды подрывников заблаговременно подготовлены не были, взрывчатка — не завезена.

Построение обороны армий прикрытия имело существенные недостатки. Передний край большинства дивизий проходил по государственной границе, и предполье (полоса обеспечения) здесь отсутствовало. На расположение войск Западного и Юго-Западного округов большое влияние оказал наступательный характер планируемых стратегических действий. С этой целью крупные силы сосредоточивались в белостокском и львовском выступах. В случае своевременного развертывания войск в районах прикрытия эти группировки, состоявшие в основном из подвижных соединений, могли сыграть большую роль в разгроме вторгшихся группировок противника. Но так как заблаговременно этого не было сделано, то эти войска при необеспеченности оснований указанных выступов сами могли оказаться в тяжелом положении, как это убедительно показала первая январская оперативно-стратегическая игра.

Противник как раз и планировал нанести свои главные удары под основания этих выступов, на стыках между военными округами, где оборона была наиболее слабой.

Значительное количество соединений, планируемых в состав войск прикрытия, находились в стадии формирования и имели низкую боевую готовность.

Крупный недостаток был и в организации противовоздушной обороны войск. Прикрываемая территория разделялась на районы и участки прикрытия. Однако единого управления истребительной авиацией и зенитной артиллерией организовано не было.

Группировка авиации создавалась таким образом, чтобы поддерживать Западный и Юго-Западный фронты при ведении ими наступатель-

ных операций, которые должны были начинаться после отражения вторжения. Этим обуславливалась ее дислокация вблизи государственной границы.

В планах прикрытия важное место отводилось последовательности сосредоточения войск. Первыми, через 45 минут после объявления тревоги, занимали оборону отряды поддержки. Далее под прикрытием боевого охранения должны были выдвигаться части дивизий первого эшелона армий прикрытия. Первый эшелон этих дивизий должен был занять оборону через 3—9 часов¹. Сроки готовности частей определялись временем, необходимым для сбора по тревоге и выхода в назначенный район.

План прикрытия предусматривалось вводить в действие при объявлении мобилизации автоматически, а в других случаях только распоряжением наркома обороны шифрованной телеграммой: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.»².

Весь план прикрытия, как и ввод его в действие, не был рассчитан на внезапное вторжение противника на земле и в воздухе. Все расчеты исходили из того, что даже армиям прикрытия будет предоставлено в «угрожаемый период» (был и такой официальный термин) время на отмотивирование. Игнорировалась реально сложившаяся обстановка, характеризовавшаяся полной готовностью немецких стратегических группировок к наступлению и незавершенным развертыванием советских войск. Проявлялась к тому же и недооценка агрессивности Германии и мощи ее вооруженных сил. Все это привело к серьезнейшим просчетам в подготовке Красной Армии и страны к надвигающейся войне.

Одним из важнейших элементов стратегического развертывания вооруженных сил являлось планирование мобилизационного развертывания и его проведение.

Под мобилизацией армии накануне войны понимался ее планомерный и своевременный переход с организации и штабов мирного времени на организацию и штабы военного времени в сроки, установленные схемой мобилизационного развертывания. Мобилизационный план являлся составной частью оперативного плана и разрабатывался на несколько лет с ежегодной его корректировкой. Разработка мобилизационного плана Красной Армии и его доведение до исполнительных органов проходили в Генеральном штабе под руководством наркома обороны.

Разработка начиналась с подготовки доклада на имя председателя Комитета обороны с мая 1940 г. Маршала Советского Союза К.Е. Воро-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 243. Л. 25—26.

² Там же. Д. 241. Л. 74.

шила. В докладе отражались: боевой состав армии военного времени и развертываемых войск по вариантам и этапам мобилизации; количество и возраст населения, привлекаемого к мобилизации; процент изъятия автотранспорта из народного хозяйства; соображения по бронированию специалистов из отраслей народного хозяйства, по эвакуации и другие соображения. После утверждения правительством этих вопросов Генеральный штаб приступал к детальной разработке мобилизационного плана.

Основанием для всех расчетов являлась схема развертывания армий. В ней отражались прежде всего наименование, порядок, сроки и места отмобилизования частей и учреждений по видам и родам войск, по округам. При этом требовалось максимально учитывать наличие материальных ресурсов страны, а также сил, которые могли выставить в случае войны вероятные противники. При изменении международной обстановки план корректировался каждый раз.

Разработку мобилизационных планов накануне войны осуществляли в исключительно сложных условиях. Громадную по объему работу приходилось выполнять в сжатые сроки. С мая 1940 г. по июнь 1941 г. мобилизационные планы кардинально перерабатывались четыре раза. В результате качество мобилизационных документов было невысоким из-за имевшихся ошибок, несогласованностей.

Другого трудно было ожидать, так как в армии проводились беспорывные организационные мероприятия, ее численность постоянно изменялась, организационно-штатная структура войск не была отработана. До половины из 3060 типов штатов и табелей являлись временными и требовали переработки¹. Из-за частых перегруппировок менялась дислокация частей и соединений.

В решении важных мобилизационных вопросов политическое и государственное руководство порой проявляло медлительность, а иногда и бюрократическую волокиту. Так, мобилизационный план развертывания промышленности на военное время, представленный начальником Генерального штаба Ворошилову, пролежал у него в сейфе более месяца, и только после обращения Жукова к Сталину план был рассмотрен, но так и не утвержден, потому что началась война².

Главный военный совет 16 августа 1940 г. принял решение о разработке мобилизационного плана МП-41, рассчитанного на ввод в действие к 1 мая 1941 г. Нарком обороны 3 октября 1940 г. утвердил календарный

¹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 205. Л. 7.

² Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 51.

план работ по созданию этого документа. В связи с задержкой решения вопроса о количестве призываемых возрастов директива по вопросам комплектования в округа не была отправлена. Поэтому намеченные сроки разработки плана МП-41 были сорваны.

В этих условиях начальник Генерального штаба потребовал проводить разработку нового плана МП-41 с одновременным уточнением существующей схемы развертывания, сохраняя постоянную мобилизационную готовность всех формирований до ввода нового плана в действие. В основу же новой схемы развертывания Красной Армии были положены: новая организационная структура стрелковых и танковых войск, артиллерии и военно-воздушных сил; изменения в дислокации частей и соединений; сроки отмобилизования в каждом округе.

Сосредоточение германской армии у границ Советского Союза потребовало от нового руководства Генштаба переосмысления мобилизационного плана МП-41. В основу корректировки расчетов были положены уточненные выводы из складывающейся к этому времени военно-политической обстановки и экономических возможностей государства. Непосредственная угроза военного нападения на Западе и сложная обстановка на Востоке требовали развертывания вооруженных сил до такого состава, который бы не уступал силам германо-японского блока.

12 февраля Жуков представил правительству новый мобилизационный план МП-41, который после тщательного рассмотрения был утвержден. Разработку документов по мобилизационному плану предписывалось начать немедленно, с расчетом окончания всех работ как в центре, так и на местах к 1 июля 1941 г.¹

По мобилизационному плану МП-41, с учетом последующих поправок, вооруженные силы намечалось развернуть в составе: 303 дивизии (из них: стрелковых — 198, танковых — 61, моторизованных — 31, кавалерийских — 13), 346 авиаполков, 5 управлений воздушно-десантных корпусов, 10 отдельных противотанковых артиллерийских бригад РГК, 94 корпусных артиллерийских полка, 72 артиллерийских полка РГК. Кроме того, предусматривалось развертывание соответствующего количества частей боевого обеспечения и обслуживания войск армий и фронтов.

После мобилизационного развертывания численность армии должна была составить 8,9 млн человек. В ее составе должно было насчитываться 32628 самолетов (из них 22171 боевых), свыше 106 тыс. орудий и минометов, около 37 тыс. танков, 10679 броневых автомобилей, около 91 тыс. тракторов, 595 тыс. автомобилей¹. В соответствии со взглядами на харак-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 2154. Д. 4. Л. 199.

² Там же. Л. 199—287.

тер войны значительно возрос удельный вес в сухопутных войсках автотанковых войск, который составил 16%, войск ПВО — 6%, артиллерии РКК — 7%. На военно-воздушные силы приходилось 15%.

К началу войны проявились весьма серьезные противоречия. С одной стороны, планируемый количественный рост армии требовал значительного повышения ее боевой мощи и обеспечения возможности по отражению вторжения агрессоров. При этом все стратегические расчеты велись из предположения, что средства и возможности для такого роста есть. С другой стороны, С.К. Тимошенко и Г.К. Жуков, подхлестываемые Сталиным, намечая эти крупные мероприятия, не в полной мере учитывали особенности военно-политической обстановки кануна войны и возможности промышленности. Потребности армии с государственными планами производства боевой техники и вооружения не были детально и объективно согласованы. Это повлекло за собой увеличение некомплекта в войсках, который не мог быть покрыт в результате мобилизации. В результате этого появилось большое количество небоеспособных или ограниченно готовых соединений и частей, а те, которые были обращены на формирование новых соединений, как, например, танковые и воздушно-десантные бригады, утратили прежнюю боеспособность.

Одновременная реорганизация большинства соединений разных видов вооруженных сил и родов войск в условиях надвигающейся войны была ошибочной. Она привела к резкому снижению боевой готовности Красной Армии к началу нападения Германии на СССР. Укомплектованность войск к 22 июня 1941 г. составила: тяжелыми танками — 13%, средними танками — 74%, зенитными орудиями — 65%, средствами связи и военно-инженерными имуществом — 50—75%, средствами заправки и транспортировки горючего — 20—35%.

Сложным оказался вопрос эшелонирования и размещения боеприпасов. Свыше 41% всех баз и складов находились в западных военных округах. Исходя из оперативного плана, в соответствии с которым войска Юго-Западного и часть сил Западного фронтов должны были вскоре после начала войны наступать, мобилизационные запасы боеприпасов были приближены к границе, что, как показали последующие события, было серьезной ошибкой.

Отмобилизование армии планировалось провести поэшелонно в течение одного месяца. Соединения, входящие в состав армий прикрытия, планировалось отмобилизовать в два эшелона. Сроки готовности первого эшелона к выступлению в поход определялись в пределах от 2 до 6 часов. Время отмобилизования второго эшелона — на 2—3-й сутки моби-

лизации. Армии прикрытия при переходе на штаты военного времени должны были получить до 25—30% личного состава.

Очень плохо обстояло дело в тыловых частях и учреждениях. В дивизиях приграничных округов некомплект личного состава в тыловых частях составлял около 50%. Личный же состав тыловых частей и учреждений фронта в кадрах вообще не состоял и был приписан из запаса со сроком прибытия на 15-е сутки мобилизации. Обеспеченность тыла транспортом не превышала 30%, а в стрелковых дивизиях — 30—50%.

Итак, из 303 дивизий, которые должны были отмобилизовываться по плану МП-41, 172 дивизии имели сроки полной готовности на 2—4-е сутки, 60 дивизий — на 4—5-е сутки, а остальные — на 6—10-е сутки мобилизации. Все оставшиеся боевые части, фронтовые тылы отмобилизовывались на 8—15 сутки. Полное отмобилизование вооруженных сил предусматривалось в течение месяца¹.

Неблагоприятные условия и весьма сжатые сроки не позволили полностью закончить разработку окружных мобилизационных планов к началу войны. В Минском, Смоленском, Белостокском областных и в трех районных воскоматах, а также в ряде частей и соединений сроки работ по составлению мобпланов не выдерживались. Заявки на перевозки специалистов в Западном округе, начальствующего состава запаса в Киевском округе составлялись без учета мобилизационной потребности². Проверка 12 июня 1941 г. показала, что приписка военнообязанных к частям Прибалтийского военного округа в военных комиссариатах г. Москвы и Московской области была проведена неудовлетворительно³.

Таким образом, в мобилизационном планировании, так же как и в оперативно-стратегическом, были допущены существенные просчеты, а в его реализации — большие недостатки. Планы исходили из устаревших взглядов на начальный период войны, не учитывали возможности государства. Все это привело к снижению боеспособности войск, к крупным поражениям Красной Армии в начале войны.

2. ИНФОРМАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

В конце 1939 г. министерство иностранных дел Германии выпустило в свет «Белую книгу». В ней была опубликована запись беседы Гитлера с послом Великобритании в Берлине Гендерсоном. «В отличие от

¹ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 2245. Д. 83. Л. 86—92.

² Там же. Ф. 133, оп. 2729. Д. 7. Л. 26.

³ Там же. Д. 8. Л. 247—248.

предыдущей войны, Германии не придется воевать на два фронта, — заявил канцлер Германии. — Соглашение с Россией безоговорочно и означает поворот во внешней политике Германии на долгое время. Россия и Германия ни при каких обстоятельствах не поднимут больше оружия друг против друга», — заключил он¹.

Почти в то же время, когда появилась эта книга, 23 ноября 1939 г. Гитлер выступил на совещании руководителей вермахта. Там он тянул иную ноту. «Целью моей, — сообщил он своим генералам, — являлось установление разумных пропорций между численностью нации и ее жизненным пространством. А этого можно добиться только путем борьбы... Сегодня мы ведем борьбу за нефтяные источники, за каучук, полезные ископаемые и т.д.». Рассуждая о последовательности завоевательных планов, фюрер заметил: «Мольтке одно время склонялся к превентивной войне, стремясь использовать более медленное проведение мобилизации русскими. После смерти Мольтке была упущена масса удобных случаев. Решения возможно было добиться лишь путем нападения на ту или иную страну при самых благоприятных условиях... Я долго колебался при решении вопроса, где мне следует сначала выступить — на Востоке или на Западе... Мы сможем выступить против России лишь после того, как освободимся на Западе», — сказал он руководителям вермахта².

Содержание этой речи вскоре стало известно Сталину. Из него он сделал вывод, что война с Германией неизбежна, но что она выступит против СССР только тогда, когда завоюет нефть и закончит войну с Англией, чтобы закрыть западный фронт. Этот вывод он довел до сведения своего окружения и тех руководящих лиц, которые поставляли разведывательную информацию. Зная из предыдущего раздела оперативно-стратегические и мобилизационные документы, небезынтересно проследить, как официальный орган Наркомата обороны СССР газета «Красная звезда» информировала и готовила к грядущим боям своих читателей.

В отличие от германских газет, которые по указанию Гитлера назвали 1941 год «Годом великих решений», передовая статья «Красной звезды» за 1 января озаглавлена: «Год великих побед». Проанализировав вопросы внутренней и внешней политики советского государства, анонимный автор заключает: «Международная обстановка не сулит человечеству успокоения. Наоборот, зарю нового года заволочли черные тучи еще более ожесточенной борьбы на фронтах Второй мировой империалистической войны. Мы должны быть начеку! Наши силы могучи, наша воля

---

¹ Военно-исторический журнал. 1940. № 2. С. 51.

² «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 76—78.

несгибаема, наша преданность великим идеям коммунизма — безгранична».

В газете приведены исторические слова А.В. Суворова: «Далеко шагает! Пора, пора унять молодца!», сказанные им по поводу успешных походов Наполеона. Эти слова, естественно, направлялись в адрес Гитлера — «продолжателя дела Наполеона, каковым он себя считал.

5 января сообщалось, что «в начале марта в Москве состоится Всесоюзное совещание оборонных писателей. Вчера оборонная комиссия Союза советских писателей обсудила ряд вопросов, связанных с созывом совещания... Комиссия обсудила также вопрос о военной учебе писателей. Решено создать при клубе писателей годичный военный факультет. Лекторский состав приглашается из военных академий. Закончившие факультет товарищи получают квалификацию военного корреспондента».

Периодически в газете публиковались статьи под заголовком «Международный обзор» за подписью «Наблюдатель». Это означало, что в них выражались официальные указания, исходившие из Главного управления пропаганды (впоследствии Главпура) РККА. «Уже первые дни 1941 года ознаменовались событиями, показывающими, что воюющие державы интенсивно готовятся к дальнейшему расширению войны, — отмечается в статье от 9 января. — Германия, сохраняя в своих руках инициативу действий на Западе, будет добиваться победы раньше, чем ее противник мог бы существенным образом усилить свою оборону с помощью США... Характерно, что в последнее время с германской стороны все более подчеркивается значение морского фактора для грядущих событий... В своем новогоднем выступлении Рузвельт прямо заявил, что берлинский пакт трех держав (подписан Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г. — В.А.) представляет угрозу США. В настоящее время, сказал он, самое полезное, что могут сделать США, заключается в выполнении ими роли “арсенала”. 1940 год ознаменовался усиленными приготовлениями США. По мнению американских политических кругов, завершение программы вооружений будет в значительной мере зависеть от того, насколько успешно удастся Великобритании организовать свои силы и противостоять враждебной ей коалиции. Внимание мировой печати привлекло сообщение итальянского агентства Стефани о том, что в Италию прибыл германский авиационный корпус для участия в воздушных операциях в зоне Средиземного моря». Этим сообщением читателю навязывался вывод, что в 1941 г. рамки войны Германии с Англией будут расширяться.

В последний день первого месяца рокового года были опубликованы выдержки из речи Гитлера, произнесенной накануне в Спортхалле в свя-

зи с 8-й годовщиной установления национал-социалистического режима в Германии. «Гитлер заявил: “Прошедший год уже решил исход войны. Мы создали определенные базы, и когда придет час, замахнемся для решительного удара”. Затем, судя по комментариям, он разглагольствовал о намерениях английского руководства: “Они, может быть, надеются на другие государства, которые они могли бы еще втянуть в войну. Я могу только заверить их: мы учли всякую возможность какая только мыслима.» Далее Гитлер заявил, что военная мощь Германии за последнее время возросла. Этой весной, сказал он, начнется война подводного флота. Гитлер выразил уверенность в победе вооруженных сил Германии».

С начала года печать западных стран была наводнена различного рода провокационными сообщениями. «В иностранной печати, особенно английской, — указывалось в опубликованном 4 февраля сообщении ТАСС, — распространяются сообщения о том, что якобы между СССР и Турцией заключено тайное соглашение, по которому СССР обязуется снабжать Турцию оружием для противодействия возможной активности Германии на Балканах, и что в связи с этим в Москву выезжает турецкая комиссия для покупки оружия». Эти вымыслы зарубежных газет аргументированно опровергались в опубликованном сообщении ТАСС.

6 февраля «Наблюдатель» заключил: «Что касается ближайших стратегических планов держав оси, то большинство политических и военных наблюдателей сходятся в том, что основное внимание генеральных штабов Германии и Италии в данное время концентрируется на развертывании операций в бассейне Средиземного моря. С этими планами иностранная печать связывает и дальнейшее развитие франко-германских отношений».

Эта дезинформация, с целью введения в заблуждение советского политического и военного руководства извергалась из уст Гитлера на собрании, посвященном 21-й годовщине со дня основания национал-социалистической партии. 25 февраля «Красная звезда» отвела ей большое место. Остановившись на перспективах борьбы против Англии, Гитлер заявил: «Наша борьба на море только теперь может быть начата. Мы никогда не ставили себе таких целей: 1 марта, или 1 июня, или 7 сентября должно произойти то-то или то-то. Это знают только журналисты наших врагов. Во время войны они неоднократно предсказывали поражение Германии. Осенью они говорили: если теперь не произойдет высадка войск, то все будет в порядке; весной 1941 года Англия начнет наступление на континент. Я продолжаю ждать этого английского наступления. Они перенесли его в другое место. Мы должны их бить там, где мы их найдем, куда были они ни направлялись. Мы застанем их там, где удар будет для них наиболее уничтожающим».

Много внимания в речи Гитлера было уделено усилению мощи вооруженных сил. «В результате проведенных мероприятий, — подчеркнул он, — организация и вооружение германской армии значительно усилились. 1918 год никогда не повторится». Скончавшийся 4 июня 1941 г. в Голландии бывший германский кайзер Вильгельм II, о чем также сообщила «Красная звезда», не смог уличить Гитлера во лжи. «Нам предстоит новый год борьбы, — сказал в заключение Гитлер. — Мы знаем, что он принесет с собой великие решения (великие решения были уже приняты в декабре 1940 г. — *В.А.*), и с уверенностью смотрим в будущее».

В тот же день газета сообщила, что «на собрании чернорубашечников в Риме выступил с речью Муссолини: «Что бы ни случилось, победа держав оси обеспечена и Италия пойдет с Германией до конца».

4 апреля «Красная звезда» уведомила читателей о том, что «в этом году выпускается большое количество киноплёночных диапозитивов на оборонные темы... В новую военно-историческую серию, выпускаемую в текущем году, войдут очерки о жизни и боевой деятельности великих русских полководцев Кутузова, Багратиона, Суворова». Багратиона газета ставила в один ряд с Суворовым и Кутузовым, конечно же в угоду Сталину.

Много внимания в газете во второй неделе апреля было уделено визиту министра иностранных дел Японии Иосуге Мацуока и заключению «Пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией». 13 апреля Мацуока выехал из Москвы. На Ярославском вокзале его провожали заместитель министра иностранных дел С.А. Лозовский и другие работники МИДа. Среди провожавших были и послы некоторых держав, в том числе Шуленбург с военным атташе полковником Кребсом. «Перед отходом поезда, — указывает газета, — на вокзал приехали тов. И.В. Сталин и Председатель Совнаркома СССР и Народный комиссар иностранных дел тов. В.М. Молотов, которые попрощались с г. Мацуока».

За этим скупым сообщением скрывался небывалый в дипломатической практике и в международной жизни факт, чтобы лидер политической партии, а по существу и глава государства — диктатор страны провожал министра другой державы. Такого случая в жизни Сталина никогда больше не было ни до, ни после. Он свидетельствовал о том, какое важное значение в той сложной международной обстановке советские руководители придавали заключению пакта о нейтралитете с дальневосточным соседом. Более того, Сталин, воспользовавшись случаем, подошел к Шуленбургу и Кребсу, пожал им руки и заверил в верности советско-германскому договору.

Вся иностранная печать, с помпой сообщает «Красная звезда» 15 апреля, широко откликнулась на заключение советско-японского пакта о

нейтралитете. Отмечая активность дипломатии Советского Союза, газета «Афтонбладет» (Швеция) заявляет: «Новый пакт можно назвать подлинным триумфом Сталина».

На следующий день было опубликовано поступившее из ТАСС сообщение о том, что «английская печать продолжает уделять большое место и внимание пакту о нейтралитете между СССР и Японией. Английское министерство информации передает, что этот пакт расценивается английской печатью как новое подтверждение (первое — заключение договора о дружбе и ненападении с Югославией до вторжения туда германской армии. — *В.А.*) самостоятельной позиции Советского Союза и как признание СССР и Японией необходимости добрососедских отношений».

Передовая статья «Красной звезды» 30 апреля была озаглавлена «Большевистские лозунги борьбы и побед» и посвящена первомайским призывам партии. «За советскими рубежами, — указывалось в ней, — пылает пожарище второй империалистической войны. Международная обстановка чрезвычайно сложна и чревата опасностями... Вся советская страна, объединив свои усилия, работает над укреплением мощи Родины. Забота о неустанном повышении обороноспособности социалистической отчизны, — подчеркивается в передовице, — красной нитью проходит через первомайские лозунги. Иначе и не может быть, ибо защита родины, укрепление ее вооруженных сил — высший закон нашей жизни».

4 мая газета была заполнена материалами о параде войск на Красной площади и праздновании дня 1 мая. На первой странице большое фото трибуны Мавзолея Ленина, из которого мы узнали, что между Сталиным и Молотовым стоял советский полпред в Германии Деканозов. Во время речи наркома обороны мы долго всматривались, гадая, кто бы это мог быть. Но выяснили лишь по надписи под фотографией. Подобного факта никогда не было, так как по статусу там положено было быть членам и кандидатам в члены Политбюро, секретарям ЦК и высшим военным руководителям. Конечно, этим фактом Сталин хотел показать особую значимость в тот напряженный момент советско-германских отношений. Но вместе с тем этот эпизод говорил и о его особом расположении к Деканозову — выдвиженцу Берии (кстати, вместе с ним расстрелянному в 1953 г.).

По поручению партии и правительства на параде выступил нарком обороны С.К. Тимошенко. «В этом году трудящиеся нашей страны и всего мира, — отметил он, — встречают Первое Мая в исключительно сложной международной обстановке... Советский Союз стоит вне войны, борется против ее расширения... Мы стоим за мир, за укрепление друже-

ственных, добрососедских отношений со всеми странами, которые стремятся установить такие же отношения с Советским Союзом.

Однако большевистская партия, Советское правительство и весь наш народ, — продолжал маршал, — ясно учитывают, что наша страна находится в капиталистическом окружении, что международная обстановка сильно накалена и чревата всякими неожиданностями. Поэтому весь советский народ, Красная Армия и Военно-Морской Флот должны быть в состоянии боевой готовности...

Товарищи! — сказал в заключение нарком. — Будьте бдительны, неустанно овладевайте военным делом, с удесятеренной энергией на всех участках социалистического строительства крепите экономическое и военное могущество нашей прекрасной Родины!»

Словно наэлектризованные, слушали мы речь Тимошенко, стоя в парадных расчетах на Красной площади. Этот последний предвоенный парад у всех его участников оставил глубокий след. В эти дни нам больше, чем когда бы то ни было, казалось, что война близка.

5 мая «Красная звезда» сообщила о том, что накануне Гитлер выступил на заседании рейхстага с заявлением правительства о ходе войны. В заключение он «призвал население Германии к увеличению производства вооружения и выразил уверенность в победе».

Как видно из этих материалов, та и другая сторона проявляет воинственность, призывает народ к гонке вооружения и выражает уверенность в победе.

21 мая вместо передовицы «Красная звезда» напечатала редакционную статью: «Внимание к учебным сборам запаса рядового и младшего начальствующего состава». «На днях начались на основании приказа НКО очередные учебные сборы запаса, — указывалось в ней. — В частях Красной Армии развертывается переподготовка призванного рядового и младшего начальствующего состава запаса...

В армию вольются целые сотни тысяч бойцов, знающих старую материальную часть, но не вполне еще знакомых с новой материальной частью. Задача кадров Красной Армии состоит в том, — указывалось, конечно же, руководством Наркомата обороны, — чтобы дать возможность этим сотням тысяч бойцов овладеть новой — военной техникой в короткий срок».

2 июня газета уведомила читателей о том, что «Гитлер и Муссолини встретились сегодня в Бреннере и в присутствии Риббентропа и Чиано в течение нескольких часов беседовали о политическом положении».

С этого времени и до 14 июня газета словно умолкла. Никаких настораживающих публикаций не было.

И вдруг, после заклинаний, звучащих, начиная с Нового года и до конца мая, о том, что живем в исключительно сложной международной обстановке и призывов о бдительности и «быть начеку», 14 июня в центральных газетах появляется успокаивающее и притупляющее бдительность народа «сообщение ТАСС». Ввиду особой важности этого документа, отредактированного самим Сталиным и раскрывающего его стремление во что бы то ни стало предотвратить в 1941 г. войну, приводим его полностью.

«Сообщение ТАСС.

Еще до приезда английского посла г. Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь место; 2) по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры име-

ют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо».

В течение последующей недели, вплоть до начала войны, никаких настораживающих сообщений в «Красной звезде» не было. Как гласит пословица: «Тишь да гладь — Божья благодать».

Не трудно представить, какой огромный вред был нанесен нашей стране этим сообщением, опубликованным за несколько дней до войны. Ведь оно дезинформировало советских людей, невольно усыпляло бдительность, настраивало войска на мирный лад.

Такой вот информацией питала советских людей, в том числе и воинов, официальная открытая пресса Наркомата обороны. А какая же информация поступала Сталину и другим руководителям страны и вооруженных сил по закрытым каналам из разведывательных органов? Сталин получал, как потом стало известно, правдивую информацию, но не верил сообщаемым в ней фактам, так как они не соответствовали сложившейся у него точки зрения о намерениях и действиях Гитлера.

Вот ведь какой парадокс: все усилия после советско-финляндской войны, как свидетельствуют исторические документы, Сталин направлял на подготовку к отражению фашистской агрессии, верил в неизбежность войны с Германией и в то же время допустил грубейшую ошибку в оценке времени возможного нападения, что позволило врагу достичь внезапности.

Немецкое командование придавало внезапности решающее значение. В памятной записке «Об основном замысле операции против России», составленной начальником оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск генералом Ф. Паулюсом 29 октября 1940 г., указывалось, что для достижения решающего превосходства немецких войск в силах и средствах над Красной Армией необходимо достижение внезапности вторжения. В плане «Барбаросса» подчеркивалось: «Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны». «Предполагалось, — заметил впоследствии бывший начальник разведывательного отдела генерального штаба генерал К. Типпельскирх, — что русские войска не смогут отразить внезапных ударов немецких армий».

С целью введения советского политического и военного руководства в заблуждение был издан ряд документов, в том числе директива начальника штаба верховного главнокомандования фельдмаршала В. Кейтеля от 15 февраля 1941 г. Сосредоточение войск на востоке представлялось в ней «в свете величайшего в истории дезинформационного маневра с це-

лью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию».

На заблуждение Сталина, от которого, как известно, зависело все, изначально повлияло дошедшее до него вышеуказанное заявление Гитлера от 23 ноября 1939 г. На сложившуюся у него точку зрения легко «укладывались» дезинформационные мероприятия немцев. Из обширной информации, поступавшей в Разведывательное управление Генерального штаба генералу Ф.И. Голикову, наркому Военно-Морского Флота адмиралу Н.Г. Кузнецову, народному комиссару государственной безопасности Л.П. Берии и в Наркомат иностранных дел и регулярно докладываемой Сталину, он как бы избирательно извлекал те факты, которые подкрепляли его вывод.

А такие факты имели место в донесениях источников. «В связи с успешным продвижением войск в Ливии, — сообщал 17 апреля из Берлина агент НКГБ, — африканские победы стоят в центре внимания, настроение кругов, ратующих за нападение на Советский Союз, несколько утихло, так как они получили новые надежды выиграть войну с Англией». 24 апреля тот же агент сообщает: «В настоящее время генштаб авиации почти полностью прекратил разработку русских объектов и интенсивно ведет подготовку к акции, направленной против Турции, Сирии и Ирака. Акция против СССР, кажется, отодвинута на задний план».

Вполне возможно, что на Сталина оказывала определенное воздействие и пресса. После «триумфального шествия» германской армии по Западной Европе зарубежная пресса пестрила догадками, куда направится она позже. Германское руководство решило использовать мутный поток пропаганды для разного рода провокационных измышлений и инсинуаций. Немецкие агенты в зарубежных странах по заданию Берлина фабриковали «факты» о приготовлениях СССР к нападению на Германию и публиковали их в газетах. Эти выдумки как «достоверные сведения» передавались из одной страны в другую. Публиковались действительно достоверные факты, в которые уже трудно, как казалось, было не верить.

Но он — Сталин — верил в самого себя, в свою прозорливость и мудрость и сложившуюся точку зрения о том, что Германия, не закончив войну с Англией, на СССР не нападет, навязал другим. Поэтому они до поры до времени поддакивали ему в этом. Одним из наиболее ярких примеров такой позиции является докладная записка Ф.И. Голикова на имя Сталина от 20 марта 1941 г., озаглавленная «Высказывания и варианты возможных боевых действий германской армии против СССР». Ниже приводим выдержки из этого большого по объему документа.

«За последнее время английские, американские и другие источники говорят о готовящемся якобы нападении Германии на Советский Союз...

Из наиболее вероятных вариантов действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:

...Вариант № 3, по данным нашего агентурного источника на февраль 1941 года: «Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бок наносит удар в направлении Петроград; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рунштедт — в направлении Москва и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееб — в направлении Киев. Начало наступления на СССР ориентировочно 20 мая».

По сообщению нашего военного атташе от 14.3 из Румынии, упорно рассматриваются слухи о том, что Германия изменила свой стратегический план войны. В разговоре с нашим источником немецкий майор заявил: «Мы полностью изменяем наш план. Мы направляемся на Восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть, тогда мы будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой». Полковник Риошану, бывший товарищ министра в Румынии, в личной беседе с нашим источником сказал, что главный штаб румынской армии вместе с немцами занят сейчас разработкой плана войны с СССР, начало которой следует ожидать через три месяца. Немцы опасаются выступления СССР в тот момент, когда они пойдут в Турцию. Желая предупредить опасность со стороны СССР, немцы хотят проявить инициативу и первыми нанести удар, захватить наиболее важные экономические районы СССР и прежде всего Украину.

По сообщению нашего военного атташе из Берлина, по данным вполне авторитетного источника, начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года.

Вывод:

1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки.

Начальник Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенант Голиков.

20.3.41 г.»

На обороте последней страницы машинописной копии было указано: «Один экземпляр этого документа, но не первый, имеется в ГРУ. Он

не подписан. Не исключена возможность, что подлинник кому-либо передавался или первый экземпляр представлен лично».

Обнаружив в архиве Генерального штаба этот ценный документ, в котором впервые был изложен замысел плана «Барбаросса» с указанием, хотя и ошибочно, даже командующих группами армий, я решил рано или поздно, когда спадут цензурные и другие препоны, ввести его в научный оборот. Но для этого нужно было искать подлинник или получить подтверждение у, к счастью, здравствовавшего еще тогда исполнителя, уже Маршала Советского Союза Ф.И. Голикова. Не найдя подлинника, в 1965 г. обратился к находившемуся же в архиве Голикову. Состоявшийся диалог привожу почти полностью:

«— Товарищ маршал! Помните ли Вы свою докладную записку Сталину от 20 марта 1941 года?

— Как же, хорошо помню. Ведь в ней были изложены факты, которые потом подтвердились.

— Вот именно. А как Сталин отнесся к ним?

— Он их оценил так же, как и я.

— Почему Вы сделали вывод, который отрицал вероятность осуществления изложенных планов Гитлера? Вы сами верили этим фактам или нет?

— А вы знали Сталина?

— Я видел его на трибуне Мавзолея Ленина, когда стоял в парадных расчетах.

— Ну вот, а я ему подчинялся, докладывал и боялся его. У него сложилось мнение, что пока Германия не закончит войну с Англией, на нас не нападет. Мы, зная его характер, подстраивали — свои заключения под его точку зрения».

А что это действительно было так, я подтверждаю ниже другими документами.

Характерно, но факт, что этих сведений не знал тогдашний начальник Генерального штаба Г.К. Жуков. Увидев у меня в рукописи будущей книги «Бессмертный подвиг» этот документ 26 мая 1965 г., он удивился. На мой вопрос: «Почему?» он ответил, что Голиков ему не подчинялся, докладывал напрямую Сталину и некоторые материалы сообщал Тимошенко. Но об этом документе он, по-видимому, не сообщил и Тимошенко, так как нарком, как правило, делился с начальником Генштаба получаемой информацией, сказал Георгий Константинович.

После балканского похода в апреле многим казалось, что Германия устремится в страны Ближнего Востока. Контрудар африканского корпуса генерала Э. Роммеля по английским войскам, нанесенный также в апреле, приблизил военные действия к границам Египта. В это же время

оказался под угрозой контроль англичан над Ираком. Ходили упорные слухи о предстоящем вторжении немцев в Сирию. На сирийских аэродромах в апреле приземлилось около ста немецких и двадцать итальянских самолетов.

Руководители США и Англии, видя из разведывательных данных, получаемых ими, о подготовке Германии к нападению на Советский Союз, также решили поделиться этой информацией со Сталиным. Первое сообщение было сделано в начале 1941 г. заместителем государственного секретаря США С. Уэллесом в беседе с советским послом в Вашингтоне.

19 апреля 1941 г. посол Великобритании в Москве сэр Стаффорд Криппс направил письмо заместителю народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинскому, к которому приложил личное послание премьер-министра У. Черчилля на имя Сталина следующего содержания: «Я получил от заслуживающего доверия агента достоверную информацию о том, что немцы после того, как они решили, что Югославия находится в их сетях, то есть после 20 марта, начали переброску в южную часть Польши трех из находящихся в Румынии пяти бронетанковых дивизий. В тот момент, когда они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко оценит значение этих фактов»¹.

Как указывает английский журналист Иан Колвин, эти сведения английская разведка получила от начальника абвера адмирала Канариса².

Но где там Сталину было оценить «значение этих фактов», если он и к своим-то разведчикам относился с недоверием и подозрительностью, считая, что там еще сидят «враги народа». У него было свое собственное и, как ему казалось, непогрешимое мнение. «Когда я просил его дать разрешение на приведение войск западных приграничных округов в полную боевую готовность, — сказал мне тогда маршал Жуков, — он подвел меня к карте и, показав на Ближний Восток, заявил: вот куда они (немцы) пойдут».

Оккупация немцами Балкан, захват острова Крит — ключа к Эгейскому морю, наступление корпуса Роммеля в Ливии, усиленные действия германских агентов в Ираке, Сирии и Иране — все это давало определенные основания для вывода о том, что следующим объектом агрессивных устремлений Германии станет Ближний Восток. Поэтому Сталин и не хотел верить никаким источникам.

---

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1957, т. I. С. 391.

² Иан Колвин. Двойная игра. Перевод с английского. М., 1960. С. 237.

Рихард Зорге одним из первых еще 18 ноября 1940 г. сообщил о начале подготовки Германии к войне против СССР. Весной 1941 г. он неоднократно доносил в Москву об этом. 2 мая Зорге со слов германского посла в Японии Отта, от которого он и получил информацию, будучи с ним в доверительных отношениях, информировал центр: «1. Гитлер решительно настроен начать войну и разгромить СССР, чтобы получить европейскую часть СССР в качестве сырьевой и зерновой базы. 2. Критические сроки вероятного начала войны: а) завершение разгрома Югославии; б) окончание сева; в) завершение переговоров Германии и Турции. 3. Решение о начале войны будет принято Гитлером в мае».

Игнорировал Сталин и это сообщение. К сожалению, не проявляли необходимой настойчивости во время докладов ему разведывательной информации и отвечающие за это лица. Более того, из-за боязни быть репрессированными они, зная сложившееся мнение Сталина о намерениях Гитлера, из достоверной информации продолжали делать угодные ему выводы. В подтверждение этого привожу следующий документ:

«6 мая 1941 г.

ЦК ВКП(б)

№ 48582сс

Тов. Сталину И.В.

Военно-морской атташе в Берлине капитан 1-го ранга Воронцов доносит:

“Советский подданный Бозер (еврей, бывший литовский подданный) сообщил помощнику нашего моратташе, что со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадки парашютных десантов в приграничных центрах...”

Полагаю, что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу, с тем чтобы дошли до нашего Правительства и проверить, как на это будет реагировать СССР.

Адмирал Кузнецов

Отпечатано 4 экз.

Экз. № 1 — т. Сталину

Экз. № 2 — т. Молотову

Экз. № 3 — т. Жданову

Экз. № 4 — в дело

На экз. № 3 этого сообщения, возвращенного из ЦК ВКП (б),

имеется запись: «Вернуть».

Тов. Жданов ознакомлен.

6.V.41 г. А. Куз».

Угодную Сталину информацию, по словам Жукова, направлял и полпред в Германии В. Деканозов. На приемы, часто устраиваемые им, регулярно приходили два человека: статс-секретарь министерства иностранных дел Мейснер, дипломат «старой школы», но близко стоявший к Гитлеру, и отставной дипломат, слышавший доверенным лицом Риббентропа, граф фон Чайковски. Они без устали твердили о необходимости дальнейшего улучшения советско-германских отношений, заявляя при этом, что руководители Третьего рейха денно и нощно только и пекутся о том, чтобы наши отношения были тесными и искренними. В начале июня Мейснер «доверительно» сообщил, что в имперской канцелярии разрабатываются новые предложения по укреплению советско-германской дружбы, которые будто бы Гитлер вскоре представит Москве.

Цель подобного рода информации — очевидна. Заключение из нее и направлял Деканозов Сталину.

По-видимому, точку зрения Сталина на невозможность войны между СССР и Германией, пока не будет закончена война с Англией, Молотов довел до сведения полпредов в западных странах. Получая достоверную информацию, они относились к ней с подозрением. Кроме Деканозова так поступали А.Е. Богомолов — полпред во Франции, И.М. Майский в Англии. Характерна в этом отношении беседа Майского с С. Криппсом, состоявшаяся в Лондоне 21 июня 1941 г. Запись этой беседы на имя Сталина и Молотова была получена Москве в 11 часов 22 июня.

«1. Ко мне сегодня заезжал Криппс, — сообщал полпред, — и сообщил следующее: Так как он продолжает быть твердо уверенным, что вооруженный конфликт между СССР и Германией неизбежен в ближайшие дни, повторяю в ближайшие дни (в обоснование Криппс опять повторил примерно то, что говорил мне уже на днях), то он считает своим долгом принять все необходимые меры для того, чтобы в случае такого конфликта тесный контакт между Англией и СССР был установлен с первого же момента, и чтобы британское правительство могло без всякого промедления оказать СССР ту помощь, о которой Иден говорил мне 13 июня...

2. Далее Криппс задал мне вопрос: согласно ли было бы Советское правительство в указанном случае (т.е. в случае нападения Германии) вступить в контакт с Англией? Или же оно предпочло бы действовать самостоятельно? Я ответил, что ничего не могу сказать по этому поводу. Тем более, что вся картина, которую только что нарисовал передо мной Криппс, кажется мне более чем гипотетической. И далее я развил Криппсу ряд соображений, по которым я по-прежнему считаю германскую атаку на СССР очень маловероятной... Криппс полагает, что выступление Германии против СССР произойдет, вероятно, около 29 июня. На мой

вопрос: почему именно 29 июня? — Криппс ответил, что Гитлер любит атаковать своих противников по воскресеньям»¹.

Такотреагировал наш полпред на сообщение английского посла в СССР.

Подобные выводы дипломатических и военных деятелей подкрепляли уверенность Сталина в возможности предотвращения войны в ближайшее время. Кстати, существует версия, что будто бы Шуленбург сообщил Деканозову во время беседы 5 мая в Москве точную дату германского нападения на СССР. Однако в обстоятельной записи этой беседы, составленной в тот же день присутствовавшим там заведующим отделом Центральной Европы НКВД СССР В. Павловым, и намека на это нет. Более того, из этой записи явствует, что главной целью встречи был обмен мнениями о том, что необходимо предпринять, чтобы «пресечь слухи» о войне Германии с СССР. Посольство получило «указания из Берлина категорически опровергать всякие слухи о предстоящей войне». «В течение этой части беседы, — указывается в записи, — Шуленбург несколько раз повторял мысль, что следует что-то предпринять, чтобы пресечь слухи».

Таким образом, данные Шуленбурга были тоже дезинформацией. Об этой беседе Деканозов безусловно проинформировал Сталина, направив ее содержание в нужное русло.

Но в связи с сосредоточением и развертыванием германских войск у наших границ, напряжение нарастало и стало вселять смелость в должностных лиц. Они решились представлять только факты без своих выводов.

19 мая Зорге сообщил в Москву, что «против СССР будет сосредоточено 9 армий из 150 дивизий. И как бы в подтверждение этого донесения 1 июня Голиков доложил Сталину, что на западных границах СССР немецкое командование сосредоточило 122 дивизии и примерно по 16 дивизий выдвинули к границам СССР Финляндия и Румыния.

В то же время Деканозов по-прежнему дезинформировал Сталина. Так, 4 июня он сообщил, что Гитлер в сопровождении Кейтеля посетил свою новую ставку на Востоке. «Все эти поездки, — писал он, — были, по существу, политической демонстрацией, направленной, в частности, на поддержание слухов о войне с СССР».

Представил свой документ и Кузнецов, но так же как и Голиков, уже без своих выводов.

---

¹ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 341. С. 149—152.

«11 июня 1941 г.

№ 48604сс

Председателю Совета Народных Комиссаров
Союза СССР тов. Сталину И.В.

Докладываю донесение нашего сотрудника, полученное из Бухареста:

1. Из офицерских кругов известно, что по румынской армии и авиации отдан приказ — на 15 июня быть готовым к наступательным операциям. Судя по Бухаресту, подготовка к военным действиям проводится очень интенсивно. К указанному сроку, однако, румыны готовы не будут. В отношении немцев вывод сделать затруднительно.

2. Воевать против Советского Союза даже румынские военные не хотят. Народ, и это истина, настроен против всякой войны.

3. Движение румыно-германских войск, и особенно артиллерийских частей, на север Румынии продолжается. Адмирал Кузнецов».

За неделю до вторжения немцев Сталину доложили точный день начала войны. «Война будет начата 22 июня», — донес в Москву 15 июня неутомимый Рихард Зорге. На следующий день этот же срок нападения, полученный из других источников, с трепетом и волнением докладывал Сталину Голиков. Для волнений были основания.

В связи с тем, что Гитлер, в силу ряда причин, в том числе и из-за похода на Балканы, неоднократно переносил сроки нападения на СССР, Сталину, как свидетельствуют и вышеприведенные документы, называли 14 и 15 мая, 20 и 21 мая, 15 июня и, наконец, 22 июня. «Как только не подтвердились первые майские сроки вторжения, — сказал мне Голиков, — Сталин окончательно уверовал в то, что Германия не нападет в 1941 году на СССР, если ее не спровоцируют, а к нашим докладам стал относиться с еще большим недоверием и подозрительностью. За правдивые и, как впоследствии подтвердилось, достоверные сведения нам устраивался «разнос».

Я привел лишь небольшую часть поступавших Сталину сообщений и данных о подготовке Германии к нападению на СССР. Ему докладывали о десятках случаев перелетов германскими самолетами границы в целях фотографирования и даже «вынужденной» посадки на наших аэродромах, об участвовавшем переходе вражеской агентуры через границу и др. 19 июня адмирал Кузнецов сообщил, что в период с 4 июня по сегодняшний день весь аппарат (7 человек) военно-морского атташе Германии выехал из СССР.

Но ничто не могло убедить Сталина в том, что война для СССР неотвратима. Даже отсутствие реакции германского руководства на сообще-

ние ТАСС, опубликованное 14 июня, а накануне вечером сообщенное Молотовым Шуленбургу, не отвело его от заблуждения. Поэтому он угрожающе требовал от Тимошенко и Жукова: не давать своими распоряжениями и подготовительными мероприятиями, проводимыми в Центре и особенно в приграничных военных округах, повода для провокации.

3. НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Вывод Сталина о возможности избежать войны с Германией в 1941 г. и его жесткое требование не дать повода для провокации наложили печать на все мероприятия по подготовке народа и армии к отражению агрессии. Изучение имеющихся документов показывает некую «раздвоенность» в действиях советского политического и военного руководства в последние мирные месяцы. С одной стороны, признавалось, что война неизбежна и что противник ведет уже подготовку к нападению на СССР, с другой — стремление отодвинуть сроки войны тормозило ход подготовки к отражению агрессии.

С февраля 1941 г. Наркомат обороны и Генеральный штаб имели данные о развертывании трех армейских групп, имеющих целью нанесения ударов в направлении на Ленинград, Москву и Киев. Энергично взявшийся за исполнение служебных обязанностей Жуков добился разрешения Сталина на осуществление ряда мероприятий по подготовке армии к решению задач предстоящей войны.

В феврале — марте получила дальнейшее развитие программа по развертыванию Красной Армии. Перестройкой были охвачены все ее структурные элементы. Реорганизация и организационное укрепление армии потребовали величайшего напряжения и колоссальной работы штабов и войск.

Особо резко возросло количество мобилизационных мероприятий в Западном и Киевском особых военных округах. Одновременно переводились на новые штаты все бронетанковые войска, воздушно-десантные бригады, инженерные части, артиллерия РГК, а с апреля — стрелковые дивизии. Вместе с тем в соответствии с оперативными планами осуществлялись их перегруппировки и передислокация.

Развертывание и доукомплектование механизированных и воздушно-десантных корпусов осуществлялось на базе боеспособных, слаженных бригад. Последние развертывались в более крупные, но не доведенные до штатной численности формирования. В результате снижалась боеспособность прежних соединений. В этом деле были допущены серьезные просчеты. Гигантомания политического и военного руководства в

строительстве Красной Армии весной 1941 г. явилась большой ошибкой. Вследствие этого Красная Армия не усилилась, а ослабла.

Так, в частности, получилось с танковыми бригадами и механизированными дивизиями, на базе которых формировались механизированные корпуса. Одновременное развертывание и формирование 29 механизированных корпусов, со штатной численностью свыше 1000 танков в каждом в короткие сроки привели не к повышению, а к снижению боеспособности армии.

В апреле — мае Генеральный штаб с разрешения Сталина начал проводить скрытное от мобилизации военнообязанных запаса под прикрытием «больших учебных сборов». Ставилась задача усилить войсковые части и соединения в 14 военных округах. Всего на учебные сборы до начала войны было призвано свыше 802 тыс. человек, что составляло 24% приписного личного состава по мобплану МП-41¹. Это позволило усилить половину всех стрелковых дивизий (99 из 198), предназначенных в основном для действий на Западе. При этом состав стрелковых дивизий приграничных округов при штатной численности 14 483 человек был доведен: 21 дивизия — до 14 тыс. человек, 72 дивизии — до 12 тыс. человек и 6 дивизий — до 11 тыс. человек.

Одновременно было поставлено из народного хозяйства в армию 26 620 лошадей. Вместе с тем работа по повышению мобилизационной готовности приграничных округов не носила последовательного характера. Соединения и части не укомплектовывались до штатной численности автомобилями, тракторами, лошадьми. Их полная готовность к боевым действиям определялась временем поступления техники из народного хозяйства уже после начала войны.

В соответствии с рекомендациями Генштаба Главный военный совет, на котором присутствовал Сталин и дал добро этому мероприятию, принял решение на выдвижение войск второго стратегического эшелона армий резерва Главного командования. Эти действия явились началом стратегического выдвижения и развертывания группировок войск на театре военных действий.

С 13 по 25 мая поступили распоряжения Жукова о начале выдвижения и к западной границе трех армий (22, 21 и 16-й) из Уральского, Приволжского и Забайкальского военных округов. 22-я армия в составе 6 дивизий выдвигалась в район Идрица, Себеж, Витебск со сроком окончания 1—3 июля. 21-я армия в составе 14 дивизий сосредоточивалась в районе Чернигов, Гомель, Конотоп с 17 июня по 2 июля, 16-я армия (12 дивизий) перебрасывалась 22 мая — 1 июня в район Проскуров, Хмельни-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 2245. Д. 783. Л. 111—112.

ки. переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в назначенных районах с 1 июня по 10 июля.

Наряду с этим был разработан график переброски из Северо-Кавказского военного округа в район Черкассы, Белая Церковь 19-й армии со сроками сосредоточения к 10 июня.

Общий объем перевозок составлял 939 железнодорожных эшелонов. Растянутость выдвижения войск и поздние сроки сосредоточения определялись мерами маскировки и сохранения режима работы железных дорог по графику мирного времени. Поэтому к началу войны только 83 воинских эшелона прибыли в назначенные пункты, 455 находились в пути, а 401 эшелон (9 дивизий) еще не грузились¹. Соединениям предписывалось иметь только часть запаса боеприпасов, горючего, продовольствия, предусмотренного мобилизационными планами.

Всего из внутренних округов в соответствии с планом стратегического развертывания началось выдвижение 28 дивизий, 9 управлений корпусов и 4 армейских управлений². В это же время войска 20, 24 и 28-й армий готовились к передислокации. Выдвигаемые из глубины страны войска не были укомплектованы транспортом, не имели необходимых запасов боеприпасов, горючего, продовольствия.

Перед Тимошенко и Жуковым стояла сложнейшая проблема. С одной стороны, ими предпринимались попытки призвать часть транспорта из народного хозяйства, что нельзя было полностью скрыть, с другой — Сталин не хотел дать повода Германии для обострения в связи с этим отношений и тем самым ускорения развязывания войны. Решение вопроса усложнялось также и тем, что изъятие транспорта из народного хозяйства ставило под угрозу проведение уборочной кампании.

Развертывание армии и флота потребовало увеличения численности командного и инженерно-технического состава. Учитывая опасную обстановку, Сталин одобрил предложение Тимошенко о досрочном выпуске курсантов училищ.

16 мая с большим опозданием, как указывалось выше, приграничные военные округа получили указания ускорить строительство укрепленных районов на новой границе. В тот же день Жуков разрешил войскам прикрытия держать боеприпасы непосредственно в законсервированных танках.

27 мая в целях повышения боевой готовности штабов к управлению войсками командующие западными приграничными округами получили

¹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 406. Л. 104—119.

² Там же. Д. 256. Л. 1—3.

приказ Тимошенко немедленно приступить к строительству командных пунктов фронтов и завершить его к 30 июля. Войскам ПВО страны предписывалось закончить к 15 июля 1941 г. оборудование командных пунктов и артиллерийских позиций.

С приближением срока вторжения противника усиливались его разведывательные действия. Только за первую половину 1941 г. было зафиксировано 324 случая нарушения границы немецкими самолетами, а за двое суток (20 и 21 июня) граница нарушалась 60 раз.

Наши самолеты иногда поднимались в воздух с целью предупреждения, но ни в коем случае не обстрела нарушителей. Находясь на приграничных аэродромах, советские летчики не имели возможности активно противодействовать нарушению противником нашей границы. Они получили строжайший приказ оружия не применять, а предлагать посадку самолетам — нарушителям «эволюциями» (покачиванием крыльев) своего самолета. Но это не оказывало никакого воздействия на немецких летчиков. Более того, нашим летчикам не разрешалось даже приближаться к границе. 1 июня при преследовании германского самолета, нарушившего границу СССР, советский истребитель, увлекшись погоней, перелетел границу в районе Августов (Западный военный округ) и около 5 минут находился над чужой территорией. Сообщая об этом случае в Генеральный штаб, Берия потребовал провести тщательное расследование этого факта.

В связи с этим 12 июня командующим приграничными округами было приказано: во избежание возможных провокаций запретить полеты нашей авиации в 10-километровой приграничной полосе. Это запрещение позволило немецким летчикам до такой степени обнаглеть, что за несколько дней до начала войны они по несколько раз в день перелетали границу с подвешенными бомбами и углублялись в наше воздушное пространство. В том же районе Августов только вечером 20 июня группы из 6—10 немецких самолетов трижды перелетали нашу границу с подвешенными авиабомбами и углублялись на 1,5—2 км¹.

С поступлением разведывательных данных о сроках нападения Германии Сталин разрешил Тимошенко сосредоточить соединения второго оперативного эшелона западных приграничных округов в районах, предписанных планами прикрытия.

Директивой начальника Генштаба западным округам предписывалось с 12 по 15 июня скрытно вывести дивизии, расположенные в глубине, ближе к государственной границе².

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. оп. 2454. Д. 26. Л. 34.

² Там же. Ф. 16, оп. 2951. Д. 261. Л. 20—22.

Так, в директиве Военному совету Киевского военного округа указывалось: «В целях повышения боевой готовности войск округа к 1 июля 1941 г. все глубинные дивизии с управлениями корпусов, с корпусными частями перевести ближе к государственной границе в новые лагеря. Приграничные дивизии оставить на месте, имея в виду, что вывод их к госгранице, в случае необходимости, может быть произведен только по моему особому приказу». Время с 10 по 15 июня являлось тем последним критическим рубежом, когда советские войска в случае принятия решения успевали перейти в состояние полной готовности с отмотилизовани-ем и развертыванием соединений на театре военных действий.

Согласно директиве Военного совета Киевского военного округа стрелковым дивизиям, расположенным в глубине, предписывалось начать выдвижение в полном составе, но без мобилизационных запасов, в 20 часов 18 июня. Марш приказывалось совершать только ночью, каждый переход должен был составлять 40 км. Выдвижение было сильно осложне-но большим некомплектом транспортных средств и средств механичес-кой тяги артиллерии. Многие дивизии не имели лошадей, чтобы можно было поднять всю артиллерию. «Когда я, — рассказывал мне генерал-полковник И.И. Людников, бывший командир 200-й стрелковой диви-зии, — доложил начальнику штаба округа генерал-лейтенанту М.А. Пур-каеву, что дивизия не имеет необходимого количества лошадей, мне было сказано: “Артиллерию брать всю, но если у вас недостает артиллерийс-ких лошадей, двигайте орудия перекатами”. На мое возражение о том, что лошади физически не в состоянии будут передвигать артиллерию пе-рекатами на таком большом расстоянии (около 400 км), последовало ука-зание: “директиву выполнить и артиллерию всю взять в поход”. В связи с этим пришлось всех строевых и верховых коней, которые никогда не носили на себе упряжи, использовать для этой цели».

В Западном военном округе письменных приказов стрелковым кор-пусам и дивизиям на выдвижение из глубинных районов ближе к грани-це не отдавалось. Командиры соединений получили устные распоряже-ния от начальника штаба округа генерал-майора В.Е. Климовских. Войс-ка брали с собой все учебное имущество. Личному составу разъяснялось, что части идут на большие учения¹.

В то время как к середине июня противник завершал занятие исход-ного положения для наступления, наши стратегические и оперативные резервы находились в движении, войска прикрытия не были приведены в боевую готовность. «С 13 июня изо дня в день просили мы с Тимошен-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 355802. Д. 1. Л. 9.

ко Сталина о том, чтобы он дал разрешение на приведение войск в полную боевую готовность, — говорил мне Г.К. Жуков, — но такого разрешения до позднего вечера 21 июня так и не получили».

К 15 июня более половины дивизий, составлявших второй эшелон и резерв западных военных округов, находились в движении. Всего к началу войны осуществляли выдвижение из резерва приграничных округов 32 дивизии. Из них успели сосредоточиться в новых районах 4—5 дивизий. Эти мероприятия проводились с особой осторожностью и соблюдением мер маскировки. Тимошенко, Жуков и командующие округами были предупреждены Сталиным о личной ответственности за последствия, которые могут возникнуть из-за неосторожных действий наших войск.

К тому же продолжал «подливать масла в огонь» вездесущий провокатор Берия. В начале июня Военный совет Киевского военного округа по предложению командующего М.П. Кирпоноса принял правильное и нужное решение о выводе части сил постоянных гарнизонов укрепленных районов в предполье с целью приведения в боевую готовность построенных там дерево-земляных огневых точек (ДЗОТ). Вскоре начальник пограничных войск НКВД Украинской ССР Строкач донес об этом своему наркому. Берия немедленно доложил об этом Сталину. Тот вызвал Тимошенко с Жуковым и устроил им «разнос», потребовав немедленно отменить это самочинное распоряжение. 10 июня Жуков направляет телеграмму Кирпоносу: «Донесите для доклада народному комиссару обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такие действия могут немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чреваты всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение»¹.

На следующий день все командующие западными приграничными округами получили строгое указание начальника Генштаба: «Полосу предполья без особого на то приказа полковыми и УРОВскими частями не занимать, а охрану сооружений предполья организовать службой часовых и патрулированием». Вместе с тем было приказано срочно разработать план вывода и занятия по тревоге УРОВскими частями боевых сооружений укрепленного района, а полевыми войсками — сооружений предполья².

Нет данных, успели ли штабы округов составить и довести до исполнителей указанные планы, а что касается УРОВских частей и войск в указанных районах, то их к началу вторжения немцев там не было.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 14. Л. 425.

² Там же. Л. 432.

Командующие особыми военными округами Ф.И. Кузнецов, Д.Г. Павлов и М.П. Кирпонос были даже вызваны по указанию Сталина в Москву и здесь от Тимошенко и Жукова получили строжайшие указания как о бдительности, так и о недопущении поводов для провокации немцев на вооруженное столкновение с нами. Прибывший в Москву между 10 и 14 июня начальник штаба 29-го стрелкового корпуса полковник П.Н. Тищенко вспоминал впоследствии: «В Генеральном штабе я застал не обычную тихую обстановку, а довольно большое оживление и, я бы сказал, некоторую нервозность. Там я встречал командующих войсками округов, командующих армиями, довольно оживленное движение офицеров по коридорам. Встретил я, между прочим, командующего 16-й армией Лукина М.Ф., приехавшего из Сибири».

Соблюдая меры предосторожности в условиях нарастающей угрозы нападения немцев, военное руководство продолжало проводить мероприятия по стратегическому развертыванию. С 14 по 19 июня военные советы западных приграничных округов получили указания к 22—23 июня вывести фронтовые (армейские) управления на полевые пункты. Так, 14 июня командующий войсками ОдВО Черевиченко получил распоряжение выделить армейское управление с расположением его в Тирасполе. Оперативную группу возглавил начальник штаба округа генерал-майор М.В. Захаров.

В телеграмме Жукова от 19 июня Кирпоносу указывалось: «Народный комиссар обороны приказал: к 22.06.1941 г. управлению выйти в Тернополь, оставив в Киеве подчиненное вам управление округа... Выделение и переброску управления фронта сохранить в строжайшей тайне, о чем предупредить личный состав штаба округа»¹.

Телеграммы аналогичного содержания Жуков в тот же день направил Кузнецову и Павлову, фронтовое управление Северо-Западного фронта во главе с командующим округом должно было прибыть 22—23 июня в Паневежис, а Западного — в Обуз-Лесни.

Вывод фронтовых и армейских управлений осуществлялся с разрешения Сталина под предлогом проведения летних учений с войсками, о чем указывалось в «Сообщении ТАСС» 14 июня. Одесский военный округ, как замечено выше, должен был выделить только управление 9-й армии, которую предполагалось включить в Юго-Западный фронт.

20 июня Военный совет Одесского округа направил специальный доклад наркому обороны, в котором предложил создать Южный фронт на базе своего управления. Это предложение обосновывалось следующими

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 14.Л. 441.

ми соображениями. Перед войсками округа развернулась сильная группировка противника, имевшая превосходство в пехоте, артиллерии и танках в 2—3 раза. Оценивая группировку вражеских войск, можно прийти к выводу, что противник главный удар будет наносить в направлении на Бельцы, чтобы кратчайшим путем выйти к Днестру и в дальнейшем развивать наступление в северном и в северо-восточном направлениях по тылам Киевского военного округа. В связи с этим Военный совет Одесского округа просил усилить войска прикрытия на бельцком направлении 7—8 дивизиями и на кегульском 6—7 дивизиями. В полосе округа Военный совет предложил развернуть две армии: одну на рубеже Липканы—Леово и другую — от Липканы до побережья Черного моря. Главный военный совет согласился с этим предложением и вынес его на решение Политбюро. Последнее вечером 21 июня на своем заседании приняло постановление об образовании Южного фронта. Однако формирование управления фронта было возложено не на Одесский, а на Московский военный округ.

Такое решение нельзя признать правильным. Штаб Московского округа во главе с И.В. Тюленевым не знал южного театра военных действий, состояния войск Одесского округа, их возможностей и поставленных им задач. Чтобы изучить эти вопросы, требовалось значительное время. К тому же управлению Московского округа необходимо было в условиях уже начавшейся войны переезжать из Москвы в Винницу и налаживать управление войсками. Создание Южного фронта прошло бы более организованно, если бы решение этой задачи было возложено на управление Одесского округа.

Угроза вторжения нарастала. Постепенно спадала пелена с глаз. Наступало прозрение. 16 июня Сталин подписал от имени ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановление «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов». Но что могло дать принятое на таком высоком уровне постановление без разрешения приведения армий прикрытия в повышенную боевую готовность и занятия их войсками указанных в планах оборонительных позиций?

Принимались меры по повышению боевой готовности Военно-морского флота и организации взаимодействия его с сухопутными войсками. 19 июня флоты и флотилии получили приказ перейти в оперативную готовность № 2, требующую наличия всего личного состава на кораблях. На следующий день командующие Ленинградским, Прибалтийским и Одесским военными округами получили указание в двухдневный срок отработать вопросы взаимодействия с флотом в соответствии с планом прикрытия¹.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 229, оп. 164. Д. 1. Л. 31.

В тот же день Главный военный совет флота, учитывая непосредственную опасность войны, потребовал от военных советов флотов «воспитывать краснофлотцев и командиров в духе постоянной готовности вступить в бой с врагом».

Весьма неблагоприятно в приграничных округах накануне войны обстояло дело с маскировкой аэродромов, районов расположения войск и важных объектов, что позволило врагу вскрыть их расположение. Поэтому приказом наркома обороны от 19 июня предписывалось провести маскировки аэродромов, воинских частей и важных военных объектов западных округов. В приказе требовалось к 1 июля 1941 г. засеять все аэродромы травой, покрасить все аэродромные сооружения, зарыть в землю и особенно тщательно замаскировать бензохранилища, категорически запретить линейное, скученное расположение самолетов и обеспечить рассредоточение их, организовать к 5 июля в каждом районе авиационного базирования по 8—10 ложных аэродромов с макетами самолетов, к 1 июля произвести маскировку складов, мастерских, парков¹.

Аналогичную беспечность к маскировке, указывалось в приказе, проявляют артиллерийские мотомеханизированные части. Скученное и линейное расположение их парков представляет не только отличные объекты наблюдения, но и выгодные для поражения с воздуха цели. Танки, бронемашины, командирские и другие специальные машины мотомеханизированных и других войск окрашены красками, дающими яркий отблеск, и хорошо наблюдаемы не только с воздуха, но и с земли. Все эти недостатки приказывалось устранить к началу июля. Округам, входящим в угрожаемую зону, требовал маршал Тимошенко, провести также маскировку тыловых объектов и к 15 июля обеспечить их полную ненаблюдаемость с воздуха.

Однако этот весьма нужный приказ не только не был выполнен, но и не доведен до войск к моменту вражеского вторжения. Его содержание убедительно свидетельствует, в каком состоянии находились наши сухопутные войска и авиация к началу первых ударов артиллерии и авиации противника.

21 июня на заседании Политбюро было принято решение об образовании Южного фронта, в состав которого включались 9-я и 18-я армии. Управление 18-й армии выделял Харьковский военный округ, командующий которого генерал-лейтенант П.А. Смирнов ставился во главе ее. Постановлением Политбюро армии второго стратегического эшелона, выдвигавшиеся из глубины страны на рубеж Западная Двина, Днепр, объединялись в группу армий резерва Главного Командования (19, 20, 21 и

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11300. Д. 64. Л. 59.

22-я армии). Их было решено объединить единым управлением. Командующим этими армиями был назначен Маршал Советского Союза С.М. Буденный. Его штаб был определен в Брянске.

Политбюро постановило возложить общее руководство действиями Юго-Западного и Южного фронтов на Г.К. Жукова, учитывая знание им театра военных действий, войск Киевского военного округа, его участие в оперативно-стратегической игре в роли командующего Юго-Западным фронтом и опыт Халхин-Гола. Руководство Северным фронтом, учитывая участие К.А. Мерецкова в советско-финляндской войне, было возложено на него. Предусмотрен был выезд Жукова и Мерецкова на места.

Некоторые мероприятия по развертыванию и повышению боевой готовности, видя у своих границ изготовившегося к вторжению противника, пытались на свой страх и риск все-таки проводить командующие округов и армий. Так, начиная с середины июня в ряде соединений были выданы боеприпасы, отменены отпуска личному составу, велось строительство командных пунктов соединений. В Одесском военном округе вооружение, боевая техника и имущество неприкосновенного запаса приводились в состояние готовности к немедленному действию.

Штабы всех военных округов отдали указания командирам соединений и частей по отработке «Плана-инструкции по подъему войск по боевой тревоге». В Киевском округе было принято решение переместить запасы дизельного топлива в тыловые районы округа и приблизить уровень боевой готовности войск второго эшелона к показателям войск прикрытия.

Военный совет Прибалтийского военного округа 15 июня отдал приказ по обеспечению боевой готовности войск. «Сегодня, как никогда, — указывалось в нем, — мы должны быть в полной, боевой готовности. Этого многие командиры не понимают. Но это надо всем твердо и ясно понять, ибо в любую минуту мы должны быть готовы к выполнению любой боевой задачи»¹.

Согласно этому приказу командиры стрелковых дивизий должны были разработать планы обороны своей полосы. (Вот ведь как обстояло дело! Даже планов обороны, оказывается, не было.) Заготовку противотанковых мин и проволочных заграждений перед передним краем разрешалось производить с таким расчетом, чтобы минное поле по особому приказу в случае необходимости могло быть установлено в течение трех часов. (Вот почему минных полей в приграничной полосе и не было вовсе). Одновременно с тем было приказано тщательно разработать план противовоз-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 344. Оп. 2459. Д. 11. Л. 31.

душной обороны, замаскировать самолеты, танки и артиллерию. Срок выполнения приказа устанавливался к 25 июня¹.

18 июня Военный совет этого же округа отдал приказ о приведении в боевую готовность театра военных действий². В нем намечался ряд мероприятий, выполнение которых существенно повысило бы боевую готовность войск округа в целом. Начальнику зоны противовоздушной обороны было приказано к исходу 19 июня привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа. Начальник войск связи к утру 20 июня должен был привести в полную готовность все средства связи на территории округа. Начальнику военных сообщений округа к 22 июня надлежало подготовить железнодорожное сообщение к работе в боевой обстановке. Командующим 8-й и 11-й армий предлагалось определить пункты полевых складов противотанковых мин и взрывчатых веществ на предмет устройства на предусмотренных планом прикрытия направлениях и участках заграждений.

Мины и взрывчатку приказывалось сосредоточить к 21 июня. Для установки минных полей требовалось выделить команды саперов из дивизий первого эшелона. Начальнику инженерного управления округа было приказано к 21 июня «создать на телшайском, шауляйском, каунасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом»³. Кроме того, командующим армиями генералам Собенникову и Морозову с целью разрушения наиболее ответственных мостов в приграничной полосе приказывалось прорекогносцировать их, определить команды подрывников и к 21 июня сосредоточить у мостов необходимое количество взрывчатых веществ.

Вместе с тем было намечено проведение и целого ряда других мероприятий. В тот же день, т.е. 18 июня, отдельными директивами военным советам армий и командирам механизированных корпусов Ф.И. Кузнецов приказал начать выдвижение войск в предназначенные им по плану прикрытия полосы и районы. Указывалось, чтобы войска взяли с собой «только необходимое для жизни и боя». Одновременно приказывалось немедленно отозвать всех из командировок и снять весь личный состав, находившийся на всевозможных работах.

Немедленное проведение этих мероприятий диктовалось тем, что Военному совету Прибалтийского округа были уже известны сведения о занятии немцами исходного положения для наступления. «Среди воен-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 344. Оп. 2459. Д. 11. Л. 36.

² Там же. Ф. 221. Оп. 7833. Д. 3. Л. 17.

³ Там же. Л. 20.

нослужащих и гражданского населения Восточной Пруссии, — отмечалось в разведсводке 21 июня, — идут разговоры, что войска, расположенные в Восточной Пруссии, получили приказ занять исходное положение для наступления»¹. В этом же документе говорилось об окончании наводки понтонных мостов через Неман, о том, что в Сувалкском уезде жители выселены в глубь от границы на 5 км, а в Клайпедской области гражданскому населению предложено эвакуироваться в глубь от границы на 20 км.

Однако начатое было предупредительное затемнение городов в Прибалтике взбудоражило Сталина. Последовал очередной «разнос» Тимошенко и Жукова. Последний 20 июня направил Кузнецову телеграмму, потребовав немедленно отменить отданное распоряжение о приведении в боевую готовность системы противовоздушной обороны, так как оно вызывает различные толки и нервнрует общественность.

Это распоряжения оказалось достаточно для того, чтобы Военный совет Прибалтийского округа приостановил или замедлил выполнение других мероприятий, намеченных в указанных приказах. «Части и соединения Прибалтийского особого военного округа, — указывалось в оперативной сводке вечером 21 июня, — в пунктах постоянной дислокации занимаются боевой и политической подготовкой, выдвинув к государственной границе отдельные части и подразделения для наблюдения. Одновременно производится передислоцирование отдельных соединений в новые районы»².

Таким образом, выдвижение войск прикрытия в предназначенные им по плану районы, рассредоточения авиации, развертывания войск ПВО и приведения Красной Армии, выражаясь языком приказа Тимошенко от 19 июня, в «угрожаемой зоне» в повышенную боевую готовность осуществлено не было.

Следует иметь в виду, что запаздывание в развертывании произошло относительно даты 22 июня. Командующие же войсками округов и армий исходили из других сроков сосредоточения и развертывания, указанных им Центром, который полагал, что нападение, если и произойдет, то не ранее первой половины июля. В связи с этим и не была достигнута главная цель проводимых мероприятий — оперативное развертывание войск первых эшелонов приграничных военных округов и своевременное приведение их в полную боевую готовность.

В последние дни и часы, когда немецкие войска были готовы к вторжению, Сталин продолжал тянуть прежнюю ноту: «Не дать никакого по-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 344. Оп. 2467. Д. 39. Л. 71.

² Там же. Ф. 221. Оп. 7833. Д. 3. Л. 60.

вода для войны». Только в результате этого армии прикрытия оказались не подготовленными к отражению мощного удара противника, несмотря на то, что они имели возможность для этого.

Наступил последний мирный день — 21 июня. Обстановка была чрезвычайно напряженной и нервной. Политбюро заседало целый день. Так как в Берлине с Деканозовым никто разговаривать не захотел, на чем настаивала Москва, вечером Молотов, по поручению Сталина, пригласил Шуленбурга. Он сказал ему, что Германия без всякого на то основания с каждым днем ухудшает отношения с Советским Союзом. Несмотря на наши протесты, немецкие самолеты продолжают вторгаться в воздушное пространство СССР. Ходят даже слухи о предстоящей войне между нашими странами. У нас есть основания верить этому, потому что германское руководство никак не реагировало на сообщение ТАСС. Шуленбург заверил наркома, что он немедленно донесет своему правительству о содержании этого заявления. Он знал, конечно, что это ничего не даст, так как немецкая военная машина была уже заведена и ждала лишь установленного сигнала «Дортмунд», чтобы двинуться на Восток. Кстати, чтобы опровергнуть вымысел о якобы сообщенной германским послом Деканозову дате начала войны Германии против СССР, заметим, что Шуленбург имел прекрасную возможность сказать об этом Молотову, но он не сделал этого.

Видя неотвратимость грозы, руководители военного ведомства вместе со своими подчиненными были в тот день, как и в предшествующие, на своих рабочих местах, непрерывно поддерживая связь со штабами округов и собирая необходимые данные для подготовки директив войскам.

Вечером Жукову позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал Пуркаев и доложил, что к пограничникам пришел немецкий перебежчик, который, прослушав днем обращение Гитлера к войскам о начале 22 июня похода на Восток, решил не воевать против нас. Начальник Генерального штаба уведомил об этом Тимошенко и Сталина. Последний попросил их прибыть в Кремль. Переступив порог кабинета главы правительства, в котором были Молотов, Маленков, Ворошилов, Берия и прибывший с ними Буденный, Тимошенко обратился с просьбой о направлении в западные округа директивы о приведении войск в полную боевую готовность. Дав согласие на это, Сталин попросил Жукова прочесть ранее подготовленный в Генштабе проект документа. Заслушав его, он сказал, что в нем надо указать, что нападение может начаться с провокационных действий, на которые наши войска не должны поддаваться.

Выйдя в приемную, Жуков вместе с вызванным в Кремль первым заместителем начальника Генштаба генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным составили новый проект директивы. Внимательно ознакомившись с этим документом, записанным в служебном блокноте Ватутиным и откорректированным Жуковым, Сталин также внес в него некоторые дополнения и поправки. Он вставил было пункт о том, что в случае вторжения немцев командиры наших передовых частей должны будут попытаться урегулировать конфликт мирными переговорами. Однако, по-видимому, подумав, перечеркнул его. Затем предложил тут же подписать его наркому Тимошенко, члену Главного военного совета Г.М. Маленкову и начальнику Генштаба Жукову.

Вместо ранее установленного сигнала «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.», на что потребовалось бы несколько минут, в войска пошел зашифрованный документ. Так как на расшифровку в округах и новую шифровку, и затем расшифровку в армиях потребовалось около трех часов времени, то до многих соединений его так и не успели донести.

Отправленная в половине первого часа ночи 22 июня директива гласила:

«1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов. Нападение немцев может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

212

а) В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на госгранице.

б) Перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать.

в) Все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно.

г) Противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

д) Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»¹.

В штабах военных округов этот исходный на предстоящую войну документ, названный впоследствии директивой № 1, получили через час, а в штабы армий его направили только в третьем часу ночи.

На директиве Западного военного округа указано: «Поступила 22.06—1.45

Отправлена 22.06—2.35

Командующим 3, 4, 10-й армий. Передан приказ наркома обороны для немедленного исполнения. (Далее идет дословное повторение директивы № 1.)

Павлов. Фоминых, Климовских».

В приказе командующего Прибалтийским военным округом указывалось: «В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять оборону основной полосы. В предполье выдвинуть полевые караулы для охраны дзотов, и подразделения, назначенные для занятия предполья, иметь позади. Боевые патроны и снаряды выдать. В случае провокационных действий немцев огня не открывать. При полетах над нашей территорией немецких самолетов не показываться и до тех пор, пока самолеты противника не начнут боевых действий, огня не открывать. В случае перехода в наступление крупных сил противника разгромить его»².

Но даже такого неопределенного и противоречивого содержания приказа до многих соединений так и не удалось довести. Поэтому подавляющее большинство воинов приграничных округов, отходя ко сну, не знало, что немецкая армия через несколько часов вторгнется на нашу землю.

Лучше обстояло дело в Военно-морском флоте. Когда Жуков и Тимошенко уходили от Сталина, он сказал последнему, чтобы предупредил наркома Военно-морского флота Н.Г. Кузнецова о приведении флота в готовность № 1. Кузнецов из кабинета Тимошенко в 23 часа 50 минут установленным паролем привел флот в полную боевую готовность за 3—4 часа до начала войны. Это обусловило более четкое и организованное вступление кораблей, авиации и береговой артиллерии в борьбу с врагом.

В создавшейся перед вероломным нападением обстановке крайне важно было сочетать величайшую осторожность и высочайшую бдительность к проискам агрессора с полной готовностью войск приграничных округов к отражению его возможных ударов. Но последнего-то как раз и не успели своевременно осуществить. Допущенный Сталиным просчет

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 164. Д. 1. Л. 71.

² Там же. Ф. 22. Оп. 2467. Д. 39. Л. 79.

в оценке времени возможного нападения Германии на СССР пагубно отразился на действиях наших войск в начале войны. «Надеясь на свою мудрость, — с сожалением заметил в беседе Жуков, — он перемудрил себя». И упрекать-то его следует, как это некоторые историки и публицисты делают, не в придуманной будто бы им самим «внезапности» с целью оправдания за неудачи в начале войны, а за грубый просчет, приведший к ней.

Говоря об этом просчете, Жуков заметил, что они с Тимошенко не проявили настойчивости в получении разрешения Сталина на приведение войск в полную боевую готовность, хотя с ним, как он убедился позже, можно было спорить и отстаивать свою точку зрения. Но тогда Сталин был для всех величайшим авторитетом, его боялись, никому в голову не приходила мысль сомневаться в его суждениях и оценках. «Нам казалось, — говорил Жуков, — что в делах войны он знает не меньше, а значительно больше нас и глубже видит».

Более того, на мой назойливый вопрос: как же все-таки вы с Тимошенко, имея данные, что противник сосредоточился и занимает исходное положение для наступления, не смогли убедить Сталина в необходимости хотя бы за 2—3 дня до вторжения привести войска в полную боевую готовность и занять позиции согласно плану прикрытия государственной границы, Жуков ответил так: «Да, видели, что вот-вот война. Испытывали страшную тревогу. Ежедневно просили его дать такое разрешение. И вместе с тем так верили в Сталина, что полагали: он найдет выход из положения и отодвинет войну».

Военным хорошо известно, что чем сильнее оружие, тем выше не только его разрушительный, но и моральный эффект. Массированным применением во внезапном ударе нескольких тысяч самолетов и танков руководители вермахта как раз и рассчитывали добиться не только крупного оперативного успеха, но и сильного психологического воздействия на армию и на народ, в результате которого, по их замыслам, должно было развалиться все государство целиком.

Просчет во времени усугубил имевшиеся недостатки в боеготовности армии и тем самым резко увеличил объективно существовавшие преимущества агрессора. В этих условиях даже соединения и части первого эшелона армий прикрытия, имевшие постоянную боевую готовность в пределах 6—9 часов (2—3 часа на подъем по тревоге и сбор, 4—6 часов — на выдвижение и организацию обороны), не получили этого времени. Вместо указанного времени отдельные из них располагали 30 минутами, а большинство вообще не были оповещены. Сказались также слабая подготовка и сколоченность органов управления. Задержка, а в ряде случаев и срыв передачи команды были обусловлены и тем, что противнику уда-

лось в значительной степени нарушить проводную связь с войсками в приграничных районах. Сделали это засланные заблаговременно в наш тыл диверсанты. В результате штабы округов и армий, командиры соединений и частей не имели возможности быстро передать свои распоряжения. Поэтому для многих частей сигналом боевой тревоги явились разрывы бомб и снарядов противника в их расположении.

В связи с запоздалым принятием решения обстановка для оперативного развертывания войск приграничных округов сложилась чрезвычайно трудная. К началу вторжения они находились в следующем положении и состоянии.

В Ленинградском военном округе (командующий генерал-лейтенант М.М. Попов, член Военного совета корпусной комиссар Н.Н. Клементьев, начальник штаба генерал-майор Д.Е. Никишев) все войска прикрытия находились в пунктах постоянной дислокации и в лагерях. Активные действия наземных войск на границе с Финляндией начались только 29 июня, поэтому войска округа были в основном развернуты в соответствии с планом прикрытия. Вместе с тем даже в этих условиях группировка войск начала создаваться с опозданием, так как имелось распоряжение Главного командования: «Мероприятия по развертыванию не проводить и не давать финнам повода для провокации». В составе округа имелось три стрелковых и два механизированных корпуса: 15 стрелковых, 4 танковые и 2 моторизованные дивизии, 1 стрелковая бригада.

В Прибалтийском особом военном округе (командующий генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, член Военного совета корпусной комиссар П.А. Диброва, начальник штаба генерал-лейтенант П.С. Кленов) на государственной границе к началу войны находились 10-я стрелковая дивизия и по три батальона от 90, 125, 5, 33, 188-й стрелковых дивизий. Всего 15 стрелковых батальонов на фронте 165 км.

Войска частично были приведены в боевую готовность, отдельные соединения выдвигались в новые районы. К государственной границе совершали марш 23, 48 и 162-я стрелковые дивизии. 11-я стрелковая дивизия перевозилась из Ленинградского военного округа. 21-й и 24-й стрелковые корпуса находились на переформировании в пунктах постоянной дислокации. 3-й и 12-й механизированные корпуса были подняты по тревоге и выдвинуты в районы боевого предназначения согласно плану прикрытия. Штабы 8-й и 11-й армий и их корпусов находились на полевых командных пунктах в готовности взять на себя управление войсками с началом боевых действий. Всего командованию округа удалось привести в боевую готовность 6 стрелковых дивизий из 19 имеющихся в округе.

В Западном особом военном округе (командующий генерал армии Д.Г. Павлов, член Военного совета корпусной комиссар А.Ф. Фоминых,

начальник штаба генерал-майор В.Е. Климовских) войска первого и второго эшелонов армий прикрытия располагались в пунктах постоянной дислокации в лагерях и казармах. Из внутренних районов округа (150—400 км от границы) выдвигались стрелковые корпуса: 2-й (100-я и 161-я стрелковые дивизии), 47-й (55, 121, 143-я стрелковые дивизии), 44-й (62-я и 108-я стрелковые дивизии), 21-й (17, 37, 50-я стрелковые дивизии). Управление 13-й армии, предназначенное для объединения 49-й и 113-й стрелковых дивизий и 13-го механизированного корпуса, которые планировались для прикрытия государственной границы, продолжало оставаться в Могилеве. Части 30-й танковой дивизии проводили тактические учения; 42-я стрелковая и 22-я танковая дивизии, находившиеся на границе в районе Бреста, готовились к учению, которое было отменено в последние часы перед началом войны.

Зенитные артиллерийские части 4-й армии находились в окружном лагере под Минском. Непосредственно на границе, осуществляя ее охрану, находились только пограничные войска. Здесь же, не имея оружия, на строительстве укрепленных районов были заняты инженерно-саперные и строительные части и подразделения, а также выделенные для этих работ стрелковые батальоны из дивизий первого эшелона.

Всего в этом округе, войска которого не были приведены в боевую готовность и даже не подняты по боевой тревоге, имелось 8 стрелковых, 6 механизированных и один кавалерийский корпус (24 стрелковые, 12 танковых, 6 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии).

Высокая концентрация войск была создана в белостокском выступе. Здесь помимо войск 10-й армии были сосредоточены четыре механизированных корпуса (6, 11, 13 и 14-й), а два мехкорпуса (17-й и 20-й) находились в глубине по оси Белосток—Новогрудок—Минск также на этом направлении. Это соответствовало оперативному плану, согласно которому этим войскам после отражения ударов противника предстояло переходить в контрнаступление совместно с ударной группировкой Киевского округа.

В Киевском особом военном округе (командующий генерал-полковник М.П. Кирпонос, член Военного совета корпусной комиссар Н.Н. Вашугин, начальник штаба генерал-лейтенант М.А. Пуркаев) войска, назначенные в первый и второй эшелоны армий прикрытия, находились в местах постоянной дислокации, на полигонах, в стационарных и временных лагерях, а также на марше. Стрелковые соединения резерва округа выдвигались по плану прикрытия в предусмотренные районы сосредоточения и находились в 100—150 км от государственной границы. В движении находились 31-й (193, 195, 200-я стрелковые дивизии), 36-й (140, 146, 228-е стрелковые дивизии), 37-й (80, 139, 141-я стрелковые дивизи-

зии), 55-й (130, 169, 189-я стрелковые дивизии) стрелковый корпус. В состав 12-й армии прибывали: 49-й стрелковый корпус (190, 198-я стрелковые дивизии) — по железной дороге; 109-я стрелковая дивизия — походным порядком.

Наиболее сильная группировка войск находилась в львовском выступе, откуда намечалось нанести главный удар. Здесь сосредоточились две армии (6-я и 26-я), три механизированных корпуса (4, 8 и 15-й), кроме того, три механизированных корпуса находились в глубине, но на этом же направлении. Эта группировка насчитывала 4200 танков, из которых 761 новых типов (Т-34 и КВ).

Оперативное развертывание войск округа не было завершено, не было закончено строительство укрепленных районов и оборонительных рубежей для полевых войск. Всего в округе насчитывалось 11 стрелковых, 8 механизированных и один кавалерийский корпус (26 стрелковых, 6 горно-стрелковых, 16 танковых, 8 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии).

В Одесском военном округе (командующий генерал-полковник Я.Т. Черевиченко, член Военного совета корпусной комиссар А.Ф. Колобняков, начальник штаба генерал-майор М.В. Захаров) войска прикрытия находились в пунктах постоянной дислокации. 14 июня 48-й стрелковый корпус (30-я и 74-я стрелковые дивизии) прибыл походным порядком в район Флорешти, Рыбница. В Крыму к 5 июня сосредоточились управление 9-го стрелкового корпуса, 106-я стрелковая и 32-я кавалерийская дивизии. Всего в округе было 4 стрелковых, 2 механизированных и один кавалерийский корпус (13 стрелковых, 3 горно-стрелковые, 4 танковые, 3 моторизованные и 3 кавалерийские дивизии).

В Прибалтийском, Западном и Киевском военных округах артиллерийские полки, противотанковые и зенитные дивизионы некоторых стрелковых дивизий первого эшелона находились на артиллерийских полигонах, где они проводили артиллерийские стрельбы по учебному плану.

На западной границе от Мурманска до Черного моря охрану осуществляли 47 сухопутных и 6 морских пограничных отрядов, 9 отдельных пограничных комендатур, 11 полков внутренних войск НКВД. Во всех них насчитывалось около 100 тыс. человек.

К началу войны советскому командованию не удалось создать ни наступательных, ни оборонительных группировок. Войска не были отмотелизованы и оставались в основном в штабах мирного времени, имея большой некомплект в личном составе, транспортных средствах, средствах связи и инженерных средствах. Из-за существовавшей на протяжении длительного времени недооценки оборонительного способа действий, а также непонимания природы современного боя Г.И. Куликом,

всдавшим вопросами вооружения, у нас не было налажено производство противотанковых мин. К 22 июня во всех приграничных округах имелось всего лишь 494 тыс. противотанковых мин, а противопехотных мин не было вовсе¹. Западному округу по табели было положено иметь около 1 млн противотанковых мин, а имелось в наличии только 92,5 тыс. Но и эти мины находились на инженерных складах, а не в войсках. Следовательно, одно из эффективных средств борьбы с танками, каким являются мины, в войсках прикрытия отсутствовало. Понтонные батальоны танковых дивизий, ввиду недостатка парков «Н2П», были собраны на двухмесячные окружные учебные сборы. Поэтому в начале войны танковые соединения остались без преправочных средств.

Незавершенность развертывания войск приграничных округов дала возможность противнику громить их по частям. Из 108 дивизий армий прикрытия в первые часы войны отпор агрессору могли оказать лишь около 40 не полностью отмобилизованных дивизий, из которых только незначительная часть успела занять на границе предусмотренные планом полосы обороны. Остальные войска в основном находились в пунктах постоянной дислокации, в лагерях или на марше. Обстановка усугублялась недостаточной подготовленностью войсковых штабов, слабой слаженностью частей и соединений, неустойчивым управлением.

К началу войны войска первого стратегического эшелона на Западе насчитывали 170 дивизий (56%), в войсках второго стратегического эшелона, только что начавшего сосредоточиваться в назначенных районах, было 77 дивизий (25%). На Дальнем Востоке находилась 31 дивизия (10%), на южных границах — 25 дивизий (9%). Таким образом, против главного противника на Западном театре военных действий и в резерв Главного командования было выделено 247 дивизий, т.е. около 80% всех сухопутных сил.

Из 79 авиационных дивизий, имевшихся в Красной Армии, 48 дивизий базировались в западных приграничных округах, 15 входили в состав армий прикрытия, 20 подчинялись командованию округов, 13 дивизий находились в распоряжении Главного командования.

Военно-воздушные силы оказались в особенно неблагоприятном положении. В завоевании господства в воздухе и захвате стратегической инициативы вообще германское командование главную роль отводило авиации. Именно она должна была в первые часы и дни войны нанести максимальный урон нашим военно-воздушным силам и создать выгодные условия для разгрома войск Красной Армии. Состояние и положение авиации приграничных округов облегчало противнику решение этой

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 2467. Д. 39. Л. 60.

задачи. Многие аэродромы находились в 10—30 км от границы. На них базировались не только истребительные, но и бомбардировочные полки. Выход их из-под удара затруднялся большим количеством самолетов на аэродромах и отсутствием оперативных аэродромов в глубине. Летный состав некоторых частей, главным образом бомбардировочных, осваивал новые самолеты за пределами своих округов. В истребительных полках, получивших новую материальную часть, на аэродромах, как правило, находились и старые и новые самолеты. На каждого летчика приходилось две машины, а многие боевые машины были без летчиков. В Прибалтийском округе без летного состава было 188 самолетов, в Западном — 430, в Киевском — 342. Прикрытие аэродромов средствами ПВО было слабое, а маскировка по существу не проводилась.

Военно-воздушные силы не были готовы к отражению первых ударов противника. Авиационным частям Прибалтийского военного округа в ночь на 22 июня было приказано проводить ночные тренировочные полеты. В результате большинство бомбардировочных полков подверглось ударам вражеской авиации в момент послеполетного осмотра истребителей и дозаправки их горючим, а летный состав был только что отпущен на отдых¹.

Дислокация военно-воздушных сил Западного округа характеризовалась рассредоточением истребительной авиации вдоль всей границы. Особенно близко к ней базировалась 9-я смешанная авиационная дивизия, получившая незадолго до войны 262 самолета МиГ-1 и МиГ-3. В бомбардировочные полки 9-й и 11-й смешанных авиационных дивизий поступило 420 бомбардировщиков Пе-2². Летный состав только приступил к освоению этих самолетов. В результате диверсионных действий с 23 часов 21 июня вся проводная связь штаба ВВС округа со штабами дивизий и последних со штабами авиационных полков была прервана, и каждый аэродром был предоставлен самому себе. Положение усугублялось отсутствием связи со службой ВНОС и неналаженностью последней.

Военно-воздушные силы Киевского округа также не были подготовлены к отражению внезапных налетов авиации противника и к выходу из-под удара. Из-за плохой деятельности службы ВНОС авиационные части, базировавшиеся на аэродромах приграничной полосы, сообщений о вторжении вражеской авиации в наше воздушное пространство своевременно не получили³.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 221, оп. 142687. Д. 1. Л. 3—17.

² Там же. Ф. 208. Оп. 142690. Д. 2. Л. 2—12.

³ Там же, ф. 229. Оп. 181. Д. 25. Л. 31—32.

Таким образом, Красная Армия оказалась не готовой к отражению внезапного удара противника и была застигнута врасплох. Упредив советские войска в стратегическом развертывании, создав мощные группировки на избранных направлениях главного удара, имея значительно более высокий уровень боеготовности и боеспособности соединений, германское командование заложило надежные основы для успешного проведения операций начального периода войны. В первый удар по советским войскам вкладывалась вся мощь вермахта: 77% пехотных дивизий, 90% танковых, 94% моторизованных дивизий и 100% самолетов.

В группировке советских войск 43% дивизий были включены в состав армий первого эшелона, 25% входили в состав вторых эшелонов фронтов и 32% составляли резерв Главного командования. Советские войска были развернуты на фронте до 280 км и в глубину до 500 км. Это позволило противнику громить их по частям.

Общее соотношение сторон в живой силе было примерно равным (около 4 млн у противника и до 3 млн советских войск в первом стратегическом эшелоне). По количеству танков войска приграничных округов превосходили противника. Только Киевский округ имел более 5000 танков, из них Т-34 и КВ — около 800. В этом округе было больше танков, чем у противника вообще. Однако танки Т-26 и БТ были устаревшими и имели весьма ограниченный моторесурс (70—100 моточасов), а новые только что поступили и не были как следует освоены. В западных округах было 967 танков Т-34 и 508 танков КВ, но к 152-мм орудию танка КВ не успели даже завезти боеприпасов¹.

Общая численность артиллерии была примерно равной, но в калибрах 76-мм и выше, а также в противотанковой артиллерии в целом, что особенно сказалось в первые дни войны, немецкая армия превосходила. На аэродромах приграничных округов находилось много боевых самолетов. В том же Киевском округе их насчитывалось 2003. Примерно столько же было и в Западном². Однако это были преимущественно старые машины. Новые самолеты составляли лишь около 20% от всего парка. Учитывая наличие двух самолетов на одного летчика в некоторых соединениях и отбытие пилотов за новой материальной частью, в воздух можно было поднять меньше боевых машин, чем подготовил к нанесению первоначального удара противник.

На направлениях главных ударов, особенно на западном, враг достиг значительного превосходства в силах и средствах. К тому же на стороне противника было большое преимущество в сколоченности соедине-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 157. Д. 8. Л. 43.

² Там же. Ф. 2. Оп. 75593. Д. 13. Л. 25.

ний, наличии у них боевого опыта, укомплектованности их личным составом, боевой техникой, транспортом, средствами связи.

Стремление германского руководства вложить в первый удар всю мощь своих вооруженных сил предопределило во многом неожиданные для советского командования условия вступления в войну. Маршал Жуков сказал мне, что для них с Тимошенко внезапность нападения противника проявилась в большей мере не во времени, а в мощи удара. Они руководствовались явно устаревшим взглядом на отмобилизование и приведение в полную боевую готовность первого стратегического эшелона в течение двух недель с момента начала войны, который явно не соответствовал реально сложившейся обстановке.

Лишь после этого предусматривался мощный ответный удар с целью отражения вторжения противника и перенесения боевых действий на его территорию.

Замысел на стратегическое развертывание Красной Армии и построение оперативных группировок войск в большей мере отражал наступательные цели. Мероприятия по отражению первых ударов противника в оперативных планах разрабатывались Генеральным штабом недостаточно полно, и содержание оборонительных действий в оперативно-стратегическом масштабе не отрабатывалось.

Неопределенность и нечеткость в замыслах и действиях привели к тому, что приграничные военные округа не были готовы ни к обороне, ни к наступлению. Бывший командующий 8-й армией генерал П.П. Собенников вспоминал, что «накануне войны чувствовалась большая нервозность, несогласованность, неясность, боязнь спровоцировать войну. За несколько дней до вероломного нападения немцев на командный пункт стали поступать по телефону и телеграфу из штаба округа весьма противоречивые указания об устройстве засек, минировании и т.п., причем одними распоряжениями эти мероприятия приказывалось производить немедленно, другими впоследствии отменялись, затем опять подтверждались и вновь отменялись».

О том, что война застала войска прикрытия врасплох, убедительно свидетельствует следующий эпизод. В одном из приграничных районов 4-й армии, прикрывавшей брестское направление, 22 июня должны были проводиться опытные учения. И хотя накануне вечером они были отменены, артиллерийская подготовка противника была воспринята войсками, как свидетельствует бывший начальник штаба 4-й армии полковник (впоследствии генерал-полковник) Л.М. Сандалов, как неожиданное начало учения с боевой стрельбой, а то, что снаряды начали взрываться в их расположении, отнесли к халатности руководства. Чтобы обратить внимание на происшедшую «ошибку», с артиллерийского полигона, на

котором были сосредоточены прибывшие на учение части, подали световые и звуковые сигналы. Только тогда, когда войска понесли большие потери, они поняли, что это не учение, а война.

Немецкое командование установило, что советские войска не подготовились к отражению их удара и не ожидают его. «Тщательное наблюдение за русскими, — пишет командующий 2-й танковой группой генерал-полковник Гудериан, — убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они производили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками». К такому же заключению пришли и в 1-й немецкой танковой группе. «В ночь на 22 июня пехота бесшумно заняла исходное положение, — отмечено в донесении штаба 4-го моторизованного корпуса в штаб группы армий «Юг». — Сокаль не затемнен. Русские оборудуют свои доты при полном освещении. Они, кажется, ничего не предполагают».

Предполагали, но вместе с тем и благодушествовали. Об этом свидетельствуют следующие примеры. За несколько минут до вторжения, а именно в 3 часа 10 минут 22 июня, начальник разведывательного отдела штаба Западного округа полковник Блохин послал шифровку Ф.И. Голикову, в которой сообщил, что:

«1. По имеющимся данным, которые проверяются, основная часть немецкой армии в полосе ЗапОВО заняла исходное положение.

2. На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления к границе»¹.

И в такие напряженные, грозные часы командование округом во главе с Павловым вечером с субботы на воскресенье с веселым настроением слушают в Доме офицеров оперетту «Свадьба в Малиновке», а командование 4-й армии, разделившись на две группы, слушали в Бресте «Цыганского барона» и в Кобрине — концерт.

Благодушные это, как свидетельствуют бывшие заместитель командующего Западным военным округом генерал-полковник И.В. Болдин и начальник штаба 4-й армии генерал-полковник Л.М. Сандалов, было создано пресловутым сообщением ТАСС, опубликованным 14 июня. К сожалению, все рассчитывали на «мудрость гениального учителя и вождя». В то же время враг действовал по принципу полной готовности, когда «была пришита последняя пуговица к мундиру последнего солдата».

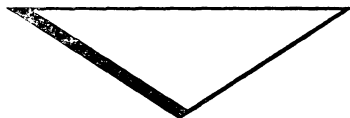
Вот в таких, крайне невыгодных условиях Красной Армии пришлось вступать в борьбу с сильным, опытным, коварным врагом. Именно на этом строились расчеты Гитлера на «блицкриг».

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 71. Л. 70—73.

К моменту вторжения немцев в Советский Союз большинство мероприятий по повышению боеспособности Красной Армии оказались незавершенными. Организационная перестройка и перевооружение ее находились в самом разгаре и до окончания их было далеко. Молодые командные кадры не соответствовали тому предназначению, которое выпадало на их долю. Театры военных действий не были подготовлены. Войска приграничных округов из-за упрямства Сталина не только привести в полную боевую готовность, но и поднять по боевой тревоге не успели. Стрелковые дивизии первых эшелонов находились далеко от границы и не могли воспрепятствовать вторжению вражеских соединений на нашу территорию. Не были подготовлены к нанесению контрударов с целью разгрома вклинившихся группировок механизированные корпуса, танковые и моторизованные дивизии которых находились на большом удалении друг от друга. Оказалась полностью неготовой к нанесению немедленных ответных ударов по врагу и наша авиация.

Все это и предопределило весьма неблагоприятные условия вступления Советского Союза в войну и крайне осложнило действия Красной Армии.

НА ГРАНИ КАТАСТРОФЫ

1. 22 ИЮНЯ. ВТОРЖЕНИЕ

В 4 часа по московскому (в 3 по местному) времени 22 июня 1941 г. сотни германских самолетов вторглись в безоблачное небо над западными районами Советского Союза, неся смертоносный груз на наши города, села и военные объекты. Вражеская авиация нанесла первоначальный удар по всей западной приграничной полосе на глубину свыше 400 км. Массированным налетам подверглись Мурманск, Рига, Каунас, Минск, Смоленск, Киев, Житомир, Севастополь и другие города.

Немецкая авиация бомбардировала районы расположения войск, особенно танковых и моторизованных соединений. В целях срыва перевозок разрушались мосты и железнодорожные узлы, а чтобы нарушить управление войсками, бомбились штабы и линии связи. Рушились и горели здания, военные склады, гибли солдаты и офицеры. Но основные усилия авиации в первых наиболее мощных налетах немецкое командование направляло на наши аэродромы, и в первую очередь те из них, на которых базировались самолеты новейших конструкций. Уничтожить советские самолеты и завоевать господство в воздухе — вот главная цель, стоявшая перед германскими летчиками в первый день войны. Опыта им было не занимать. Они к тому времени взорвали и сожгли тысячи боевых самолетов западноевропейских стран.

Автору этих строк пришлось быть очевидцем первого налета немецкой авиации на Киевский аэродром. В конце мая нас, слушателей 3-го и 4-го курсов фортификационно-строительного факультета Военно-инженерной академии, направили в западные военные округа с целью прохождения производственной практики на строительстве УРов. Наше учебное отделение прибыло в Киев, где находился штаб инженерных войск округа. Нас расположили в казарме авиагородка, расположенного за чертой аэродрома, находившегося на окраине столицы Украины. Получив задание, мы выехали в район Рава-Русская, где строился укрепрайон. Вели работы с большим отрядом военных и гражданских строителей днем и

ночью, при свете фар и костров, выбиваясь из сил. Бетонировали ДОТы до последнего мирного часа. Многие мои однокурсники погибли в первый день войны. Я чудом уцелел. Нас, троих слушателей, 21 июня начальник строительства направил в Киев, чтобы доложить в штабе инженерных войск о ходе оборонительных работ и просить о подвозе оборудования для ДОТов. Остановившись вечером в той же казарме, мы и оказались под ударом немецкой авиации. Как только разорвались первые бомбы, на аэродроме объявили тревогу. Полагая, что начались маневры, о которых говорилось в сообщении ТАСС, опубликованном 14 июня, мы не хотели так рано вставать, заявляя дежурным, стучавшим в дверь, что «ваша воздушная тревога» нас не касается. Лишь звон разбитого стекла заставил подняться. Подойдя к окну, увидели зенитное орудие, только что открывшее огонь. Решили, что учения проводятся с боевой стрельбой. Но когда вышли в коридор и увидели горящие самолеты, ангары, бегущих с криками с летного поля людей, сильно засомневались, что это учения. Неужели это «друг» напал? — рассуждали мы. Однако до тех пор, пока не получили сообщения из штаба округа, не верили, что началась война.

Первый налет вражеских бомбардировщиков был самым тяжелым и весьма неприятным во всех отношениях для авиации западных приграничных округов. Не говоря уже о большом уроне материальной части, было нарушено управление военно-воздушными силами приграничных округов. Вследствие этих причин советские летчики не могли немедленно нанести ответный удар. Более того, нарком обороны лично предупредил около 5 часов утра всех командующих фронтами или их заместителей о том, чтобы советская авиация «самовольно границу не перелетала»¹.

Наши военно-воздушные силы четко поставленных задач не имели, а ответного удара по аэродромам противника наносить не разрешалось. Поэтому, поднявшись после первого налета противника в воздух, авиационные части примерно после часового полета в зоне ожидания сажались на свои аэродромы. Воспользовавшись этим, противник продолжал их бомбить. В течение дня военно-воздушные силы приграничных округов потеряли около 1200 самолетов. Только Западный фронт (22 июня приграничные округа были переименованы во фронты: Ленинградский, Северо-Западный, Западный, Юго-Западный и Южный, как и предусматривалось планом стратегического развертывания) потерял 738 самолетов (38% своей материальной части), 528 из них, в основном новых типов, было уничтожено на земле.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 2467. Д. 39. Л. 103.

Немецкие бомбардировщики первые бомбы сбрасывали весьма расчетливо, имея точные данные об аэродромах приграничных округов, полученные ранее воздушной разведкой. По передовым аэродромам противник наносил удары с бреющего полета группами в 6—18 самолетов. Этими ударами и была уничтожена почти вся авиация, базировавшаяся вблизи границы.

Потеря почти всех самолетов 9-й смешанной авиационной дивизии на аэродромах оказала такое психологическое воздействие на ее командира Героя Советского Союза, депутата Верховного Совета СССР, генерал-майора авиации С.А. Черных, что он бежал из своего соединения и был обнаружен только 26 июня в Брянске.

Не смог перенести таких потерь и командующий авиацией округа. «В 17 часов 22 июня, — сообщил в Москву начальник управления пропаганды Западного военного округа Лестев, — в своем рабочем кабинете покончил жизнь самоубийством командующий ВВС ЗапОВО генерал-майор Копец И.И. Предположительная причина самоубийства — малодушие, вследствие частых неудач и сравнительно больших потерь авиации. Командование воздушными силами принял генерал-майор Тажурский»¹.

Вот в такой трудной и сложной обстановке, когда противнику удалось завоевать господство в воздухе в первые же часы войны, вынуждены были сражаться советские летчики.

В то же время, когда первая «волна» германской авиации пересекала незримую границу нашего воздушного пространства, открыли огонь тысячи орудий и минометов по пограничным заставам, районам расположения войск, штабам, узлам связи и оборонительным сооружениям на глубину до 25 км. Тем временем диверсионные группы, засланные в наш тыл, взрывали и захватывали мосты, разрушали узлы и линии связи. Артиллерийская подготовка, за редким исключением, была короткой, так как надобности в длительной не было.

В 3 часа 5 минут войска группы армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба перешли в наступление. «Спротивление на границе, — записано в журнале боевых действий группы армий, — было очень незначительным. Противник был застигнут врасплох». Все пограничные мосты в полосах наступления 16-й и 18-й армий и 4-й танковой группы были захвачены неповрежденными.

В первый же день подвижные соединения этой группы продвинулись на глубину от 40 до 60 км. «Этот прорыв, — подытоживается в журнале боевых действий за первый день, — удался благодаря тому, что пригра-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 2513. Д. 71. Л. 131.

ничные позиции противника либо оборонялись очень слабо, либо совсем были не прикрыты».

Та же картина отражена и в журнале группы армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал фон Бок: «Противник на всех участках застигнут врасплох... Мосты через Западный Буг взяты нашими войсками... Спротивление в Бресте оказывается, главным образом, в крепости... Общая оценка обстановки: наше наступление явилось полной неожиданностью для противника. Против заблаговременно подготовленного, планомерного и продуманного отхода противника говорит тот факт, что нами захвачены все мосты, которые оказались неповрежденными».

Последнему факту германское командование придавало особо важное значение, рассчитывая окружить и уничтожить наши войска западнее рубежа рек Западная Двина, Днепр, не дав возможности им отходить в глубь страны. Этот расчет исходил из учета уроков похода в Россию наполеоновской армии в 1812 г., когда русское командование не позволило французам окружить и уничтожить свои войска в одном генеральном сражении, как планировал Наполеон.

Однако на западном направлении 3-й и 2-й танковым группам удалось продвинуться в первый день до 60 км в глубину и положить начало из районов Сувалки и Бреста будущему окружению войск Западного фронта в районе западнее Минска.

Примерно также разворачивались события в первые часы войны и в группе армий «Юг», которой командовал генерал-фельдмаршал фон Рундштедт. «В 3 часа 15 минут 22 июня, — отмечается в отчете 1-й танковой группы (кстати, 2-я танковая группа, по воспоминаниям Гудериана, перешла в наступление в эти же минуты), — пехота начала наступление. Противник ошеломлен внезапностью. Вначале он не оказывал никакого сопротивления. Важнейший мост у Соколь захвачен неповрежденным. Переправа через Буг проходила спокойно. Пехота забралась на высоты восточнее Буга и достигла сильно укрепленной позиции, не встретив при этом никакого сопротивления. Противник, кажется, захвачен врасплох».

В донесениях из штабов групп армии в генеральный штаб указывалось, что «в некоторых местах русские были захвачены спящими в своих квартирах и казармах, и во многих случаях русские командиры оказались беспомощными перед лицом нападения».

Итак, противник свидетельствует, что советские войска на всем фронте от Балтики до Карпат были застигнуты вторжением германских вооруженных сил на земле и в воздухе врасплох.

А как отражают положение дел на фронте 22 июня пожелтевшие страницы наших архивных материалов?

После получения директивы о приведении войск в полную боевую готовность в штабах военных округов спешно принимались меры к тому, чтобы довести этот документ до армий, танковых и авиационных соединений. Они могли еще поднять войска по боевой тревоге и принять ряд мер по повышению готовности к отражению агрессии, если бы над ними не висело, как дамоклов меч, пресловутое требование «не спровоцировать». Поэтому все распоряжения передавались шифром, с соблюдением строжайших мер предосторожности, драгоценные часы и минуты затрачивались на техническую обработку документов. Вследствие этого к началу артиллерийской и авиационной подготовки противника удалось поднять лишь отдельные части и подразделения, а основную массу воинов приграничных округов этот ураганный огонь застиг в постели. Война была начата не провокацией, как представлялось Сталину, а ударом огромной силы.

О положении войск приграничных округов к началу вторжения немцев убедительно свидетельствует журнал боевых действий Западного фронта: «22 июня 1941 г. около часа ночи из Москвы была получена шифровка с приказанием о немедленном приведении войск в боевую готовность на случай ожидающегося с утра нападения Германии. Примерно в 2 часа — 2 часа 30 минут аналогичное приказание было сделано шифром армиям. Частям укрепленных районов предписывалось немедленно занять укрепленные районы. (Заметим, что этого они так и не успели сделать.) По сигналу «Гроза» вводился в действие «Красный пакет», в котором находился план прикрытия государственной границы. Шифровки штаба округа штабами армий были получены слишком поздно. 3-я и 4-я армии успели расшифровать их и сделать кое-какие распоряжения, а 10-я армия расшифровала это распоряжение уже после начала военных действий»¹.

Получив с трудом некоторые сведения о нападении немцев из штабов армий, Военный совет Западного фронта отдал войскам следующий приказ: «Командующим 3-й, 10-й и 4-й армиями. Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: поднять войска и действовать по-боевому.

Павлов. Климовских. Фоминых».

На документе отметка: «Отправлен 22 июня 1941 г. 5 часов 25 минут»².

Нет оснований утверждать, что этот документ дошел до исполнителей, так как ночью проводная связь была выведена из строя засланными

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 221, оп. 355802. Д. 1. Л. 1—10.

² Там же. Оп. 2454. Д. 26. Л. 76.

в наш тыл диверсантами и вражеской агентурой, а радиостанции на узлах связи разбиты ударами немецкой авиации. В результате этого войска Западного фронта, не управляемые вышестоящими штабами, в первые часы 22 июня самым ходом событий втягивались в сражения.

Примерно то же самое происходило на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах. В 6 часов 10 минут Военный совет Северо-Западного фронта направил наркому обороны шифровкой донесение: «В 4.00 22.6.41 г. немцы начали боевые действия. Военно-воздушные силы противника бомбардировали аэродромы Виндава, Паневежис, Шауляй, Ковно. Обстреляны артиллерией Паланга, Таураге, Калвария. Танки противника наступают — Таураге. Пехота наступает — Шаки, Виштынец и Кальвария... Отдал приказ контратаками выбросить противника и пленить. (Вот ведь какой настрой-то еще был в начале войны!) Наши военно-воздушные силы в воздухе. До получения вашего приказа границу не перелетать... принял меры, чтобы бомбить противника, не перелетая границы...

Кузнецов. Кленов. Диброва»¹.

По мере поступления хотя и не отражающих еще реальную картину сведений из войск оптимизм у командования Северо-Западного фронта постепенно угасал.

Получив сведения о том, что с границы на восток в панике бегут группы безоружных красноармейцев, находившихся на строительстве оборонительных сооружений, начальник штаба фронта генерал Кленов направил телеграмму командующему 8-й армии генералу Собенникову в 7 часов 15 минут 22.6.41 г.: «Сегодня из Риги в Шауляй будет доставлено машинами 10 тысяч английских винтовок и 2 миллиона к ним патронов. Вооружайте стройбаты, оружие давать только безусловно преданным бойцам»².

Из этого документа явствует, что, во-первых, с оружием в округе дело обстояло неблагополучно, если в первые же часы войны со складов в войска направляется иностранное оружие, а не отечественное. Во-вторых, местное население, из которого в основном были сформированы строительные батальоны, в большом количестве было против насаждаемых им советских порядков, а поэтому и считалось неблагонадежным. А это не могло не осложнить действия советских войск на территории Прибалтики.

В 9 часов 35 минут Кузнецов и Диброва докладывают Тимошенко: «Крупные силы танков и моторизованных частей прорываются на Друс-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 2467. Д. 39. Л. 101.

² Там же. Оп. 1394. Д. 23. Л. 109.

кеники. 128-я стрелковая дивизия большей частью окружена, точных сведений о ее состоянии нет. Ввиду того, что в Ораны стоит 185-я сд, которая еще не укомплектована, 179-я — в Свенцяны также не укомплектована и ненадежна, так же оцениваю 181-ю сд — в Гулбэне, а 183-я сд на марше в лагерь Рига, поэтому на своем левом крыле и стыке с Павловым (Западный фронт) создать группировку для ликвидации прорыва не могу. Прошу помочь. Тильзитскую группировку противника буду бить контрударами: с фронта Телшяй, Повентис — 12-м мк, с направления Кейданы, Россиены — двумя дивизиями 3-го мк. 5-я тд на восточном берегу р. Неман в районе Алитус будет обеспечивать отход 128-й сд, а также не допускать переправы противника на восточный берег р. Неман севернее Друскеники»¹.

Чтобы представить, какова была боеспособность названных Кузнецовым соединений, находившихся на левом крыле фронта, и что можно было от них ожидать, приведем некоторые выдержки из представляющих большой интерес воспоминаний начальника штаба 29-го стрелкового корпуса полковника П.Н. Тищенко, в состав которого входили 179-я и 185-я дивизии.

Подробности необходимы, потому что они объясняют те обстоятельства, из которых рождались неблагоприятные события. Этот корпус создавался на базе литовских войск. В соединениях и частях русскими были лишь командиры, комиссары и начальники штабов. К личному составу проявлялось недоверие. 179-я сд находилась в лагерях в Свенцяны (80 км северо-восточнее Вильнюса), а 185-я сд — в лагерях в Ораны (в 70 км от границы). В этих дивизиях было самое разнообразное вооружение и преимущественно иностранных образцов — немецкое, бельгийское, шведское, чехословацкое. Личный состав носил форму старой литовской армии, кроме знаков различия. «Незадолго до моего приезда (он прибыл в штаб корпуса в Ораны 19 июня 1941 г.), — вспоминает Тищенко, — было арестовано около 300 человек офицерского состава из-за неблагонадежности. Кроме того, по информации особого отдела корпуса, были заготовлены списки на две с лишним тысячи человек сержантского и рядового состава, которые подлежали изъятию из частей корпуса, и вообще все материальные запасы находились в Вильно».

21 июня, вспоминает Тищенко, он вместе с командиром корпуса генерал-майором А. Самохиным был в Каунасе в штабе 11-й армии, в которую входил корпус. (В конце апреля 1942 г. генерал Самохин, будучи уже командующим 48-й армией Брянского фронта, побывал на приеме у Сталина и на самолете возвращался на фронт. Пилот, плохо знавший навига-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 23. Л. 123—124.

ционную обстановку, посадил машину не в Ельце, где находился штаб армии, а в Мценске, у противника. При нем была полевая сумка с секретными документами, которые давали картину предстоящего в мае наступления войск Юго-Западного направления с Барвенковского выступа.) Тищенко стал свидетелем того, как «какой-то большой начальник, приехавший в штаб армии, устроил там разнос за то, что накануне в Даугавпилсе произвели затемнение города. Он приказал немедленно отменить это мероприятие». Вернувшись в штаб корпуса, Тищенко отпустил нескольких литовских офицеров на воскресенье домой в Вильнюс и Каунас. В 3 часа утра ему позвонил дежурный по штабу и доложил, что, по сообщению коменданта железнодорожной станции Ораны, был слышен сильный взрыв и что нарушена телефонная и телеграфная связь. Он сказал также об отсутствии связи и с Вильно и Каунасом и невозможности установить связь по радио с Ригой (штабом округа), которую постоянно поддерживал штаб корпуса.

Прибыв в штаб корпуса, Тищенко попытался связаться с Каунасом и Ригой, но ничего не вышло. «Особых причин для беспокойства не было, — пишет он, — но почувствовал, что мне как-то не по себе. (Вот ведь как «зарядили» нас тогда сообщением ТАСС. — *Авт.*) Около 5 часов я услышал шум моторов самолетов и стрельбу в воздухе. В стороне от Ораны кружились несколько легких самолетов — истребителей и шла пулеметная перестрелка. Выяснить принадлежность самолетов было трудно, тем более, что мы еще не видели до этого самолетов противника. Конечно, в голове сидела мысль: “Не война ли это?”, но другая мысль старалась опровергнуть подобное предположение. Я позвонил по внутреннему телефону командиру корпуса и доложил ему обо всем. Через некоторое время он пришел в штаб. Связь продолжала отсутствовать... Мы стали размышлять, что же нам делать, если на самом деле началась война. Боеприпасов в лагере не было, транспорт в весьма ограниченном количестве, запасов горючего также не было... А время шло, и мы дождались выступления товарища Молотова. Теперь все стало ясно».

Вскоре, продолжает рассказ Тищенко, поступило донесение от высланной на запад разведки. Западнее моста через Неман в районе Алитуса она встретила разрозненные группы пограничников, которые отходили на восток. До этого видели толпы невооруженных красноармейцев из строительных частей, возводивших оборонительные сооружения на границе и теперь бежавших в панике на восток. Мост через Неман никем не охраняется и не обороняется, донесли они. «Находясь в таком нелепом положении, не имея никакого плана действий на случай войны, находясь всего в 70 км от границы, — отмечает он, — мы понимали, что своей “обороной” без боеприпасов вряд ли мы принесем кому-нибудь пользу, кроме

противника. Перед нами встал вопрос об отводе своих войск к Вильно, ближе к своей базе. В то же время чувство дисциплины требовало, «чтобы на отход получить приказ начальства, а с ним нет связи... К вечеру, после непрерывных вызовов по радио, вдруг ответил штаб округа и передал короткую шифровку. В ней было сказано: “Командиру 29-го стрелкового корпуса. Отходить на Вильно, принимая все меры к недопущению восстания в частях корпуса. Кузнецов. Диброва”. Этот приказ командующего округом и члена Военного совета, с одной стороны, дал нам внутреннее удовлетворение, подтвердив принятые нами решения, а, с другой стороны, опечалил нас — мы не предполагали, что в частях может быть восстание». Заметим, что, как он указывает дальше, попытки восстания и перестрелки между русскими и литовцами были 22 июня и в последующие дни, пока все местное население не разбежалось из частей корпуса.

Я привел эти длинные выдержки из неопубликованных воспоминаний Тищенко, хранившихся в Военно-историческом отделе Генерального штаба, лишь потому, что они воспроизводят общую картину состояния и деятельности командного состава тех соединений и частей, которые находились во втором эшелоне армий прикрытия в первый день войны.

...Такими силами, как 29-й стрелковый корпус, командующий Северо-Западным фронтом действительно не мог создать группировку войск для ликвидации прорыва 3-й танковой группы генерал-полковника Гота на стыке с Западным фронтом.

Вслед за отходившими подразделениями советских войск по мостам через Неман проскочили и немецкие танки. Два моста у Алитуса и один у Меркине были захвачены противником. «Для 3-й танковой группы, — заметил Гот, — явилось большой неожиданностью то, что все три моста через Неман, овладение которыми входило в задачу группы, были захвачены неповрежденными... Захват трех мостов стал возможен благодаря тому, что нападение явилось полной неожиданностью для противника и что последний потерял централизованное управление войсками»¹.

Овладев мостами, 3-я танковая группа начала переправляться на восточный берег Немана. Для нее открылся путь на Вильнюс (Вильно), который преграждали лишь отошедшие части 5-й танковой дивизии. К исходу дня соединения 11-й армии оказались расчлененными на части и, потеряв связь со штабами армии и фронта, неорганизованно отходили на Каунас и Вильнюс. При отходе все склады и боевая техника из-за невозможности ее транспортировки оставлялись врагу. Многие части в первый же день остались без артиллерии и боеприпасов.

---

¹ Гот. Г. Танковые сражения. М., 1961. С. 64—65.

Не смог Кузнецов в трудных условиях обстановки, сложившейся в первые часы войны, организовать мощный контрудар силами 3-го и 12-го механизированных корпусов и по прорывавшимся на Шауляй соединениям 4-й танковой группы под командованием генерал-полковника Гепнера.

Вот как оценивал сложившуюся обстановку к исходу первого дня войны Военный совет Северо-Западного фронта в докладе наркому обороны, отправленному в 22 часа 20 минут 22.6.41 г.

«1. Противник развивает удар в двух направлениях: первое — Тильзит, Шавли силами до семи пехотных дивизий и двух моторизованных дивизий... 8-я армия дралась целый день против более чем вдвое превосходящих сил противника, при абсолютном господстве противника в воздухе. Противник стремительно развивает удар в северо-восточном и восточном направлениях, создавая угрозу не только 8-й армии, но и 11-й армии. Считаю: поражение противника на этом направлении в ближайшее время, чтобы остановить удар противника, может решить судьбу операции фронта.

2. На каунасском и алитусском направлениях сдерживали наши четыре стрелковые дивизии 11-й армии до семи пехотных, двух танковых и двух моторизованных дивизий противника; упорно ведут бои, отходя на восток, чтобы задержать противника обороной на правом берегу Немана.

3. Получился разрыв с Западным фронтом, который закрыть не имею сил ввиду того, что бывшие пять территориальных дивизий (литовские и эстонские) мало боеспособны...

4. Подготовку удара по тильзитской группе противника (4-я танковая группа) провожу: по принятому решению (3-м и 12-м механизированными корпусами). 11-я армия пятью стрелковыми дивизиями и одной (5-й) танковой дивизией должна сдерживать противника на каунасском и алитусском направлениях до перегруппировки сил фронта с шауляйского на алитусское направление.

Прошу:

1. Ускорить подачу приписного состава для бывших территориальных дивизий.

2. Помочь закрыть разрыв с Западным фронтом до ввода бывших территориальных дивизий в бой, что будет иметь место не ранее 3 июля.

3. Усилить фронт военно-воздушными силами, так как противник, захватив господство в воздухе, будет его удерживать до тех пор, пока не отобьют... Неготовность аэродромов создает тяжелые условия для военно-воздушных сил фронта. Проводная связь разбита противником, держу связь с армиями по радио.

Кузнецов. Кленов. Диброва»¹.

Конечно, не по злему умыслу, а по незнанию истинного положения Кузнецов дезориентировал Тимошенко в том, что войска 11-й армии ведут упорные бои, когда в действительности они в расстроенных боевых порядках отступали, а местами — спасались бегством, будучи не в состоянии задержать 3-ю танковую группу на Немане.

На стыке Северо-Западного и Западного фронтов уже к исходу первого дня войны сложилась угрожающая обстановка.

Еще в более сложном и трудном положении оказались 22 июня войска Западного фронта, в полосе которого противник наносил главный удар, сосредоточив с этой целью наиболее мощную группировку войск и авиации.

Из правофланговой 3-й армии с 4 до 10 часов утра было получено в штабе фронта всего три боевых донесения, а затем связь прервалась и возобновилась временно лишь к исходу второго дня войны. В первом боевом донесении, подписанном командующим армией генерал-лейтенантом В.И. Кузнецовым, членом Военного совета армейским комиссаром 2 ранга Бирюковым и начальником штаба генерал-майором Кондратьевым и отправленном в 4 часа 45 минут, сообщалось: «Противник в 4.00 22.6.41 г., нарушил (!) госграницу на участке от Сопецкин до Августов; бомбит Гродно, в частности, штаб армии. Проводная связь с частями нарушена, перешли на радио, две радиостанции уничтожены. Действуем в точном соответствии с директивой № 002140 по прикрытию госграницы»².

Во втором донесении, отправленном в 8 часов 30 минут, когда обстановка более или менее прояснилась, и подписанном только начальником штаба, никаких упоминаний о «действиях в точном соответствии с директивой по прикрытию госграницы» нет. В нем отмечается:

«1. Противник в 4.00 22.6.41 г. открыл артиллерийский огонь по нашим войскам, расположенным у границы. С 4 часов через каждые 20—30 минут — налеты авиации по 3—5 самолетов. Бомбят Гродно, Сопецкин и, в частности, штаб армии. В 7 часов 15 минут 16 самолетов бомбили Гродно на высоте 1000 м. В Гродно пожары. С 4 часов 30 минут до 7 часов произведено 4 налета на аэродром Новы Двур группами 13—15 самолетов... В районе Гродно нашим истребителем и зенитной артиллерией сбито два бомбардировщика... Проводная связь порвана, радиосвязь до 8 часов не установлена. В части высланы делегаты связи»³.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 23. Л. 171—175.

² Там же. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 12. Л. 2.

³ Там же. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 15. Л. 7.

В третьем донесении, подписанном тем же Кондратьевым и отправленном в 10 часов 15 минут, указывается: «Противник прорвал наши войска и овладел Сопоцкин, Голынка и Липск. Налеты авиации на Гродно продолжаются. Части 3-й армии сдерживают наступление, отходят... Связи с Каунасом (с соседом справа — 11-й армией Северо-Западного фронта) и Белостоком (соседом слева — 1-й армией) нет»¹.

Из 10-й армии, находившейся в центре Западного фронта в Белостокском выступе, за весь первый день войны было получено Павловым лишь одно боевое донесение, отправленное в 10 часов 5 минут и подписанное командующим армией генерал-майором К.Д. Голубевым, за члена Военного совета бригадным комиссаром Ивановым и начальником штаба генерал-майором Ляпиным. «Противник с 5 часов после часовой артиллерийской подготовки, — говорилось в нем, — по всему фронту перешел в наступление и к 8 часам, по отрывочным данным с фронта, части противника заняли Граево, Конты, Новогруд. В 7 часов 30 минут танки противника проникли в Цехановец. С 4 до 6 часов противник бомбил Белосток силой до 60 самолетов: аэродром, военный городок и штаб 6-го мк. В то же время противник бомбил Ломжа и передовые аэродромы... С 8 часов организовал разведку частями 6-го и 13-го мк с целью уяснения положения на фронте и установления соприкосновения с танковыми частями противника для нанесения контрудара... Получены сведения о высадке небольшого авиадесанта в Браньск»².

Судя по этому донесению, командующий 10-й армией вообще не знал, в каком положении находятся войска первого эшелона.

Не знал этого и командующий 4-й армией, прикрывавшей брестское направление, на котором наносили удар войска 4-й армии фельдмаршала Клюге и 2-й танковой группы Гудериана. Лавина вражеских танков, поддерживаемых авиацией, устремилась на восток. «Внезапность нападения на противника были достигнута на всем фронте танковой группы, — констатировал Гудериан. — Западнее Брест-Литовска 24-м танковым корпусом были захвачены все мосты через Буг, оказавшиеся в полной исправности»³.

Получив из штаба округа около 12 часов ночи сигнал «всем быть готове», командарм генерал А.А. Коробков под свою ответственность приказал разослать во все соединения опечатанные «красные пакеты» с инструкциями о порядке действий по боевой тревоге, разработанными по плану прикрытия. Эти пакеты хранились в штабе армии и не вручались

¹ ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 2454. Д. 22. Л. 397.

² Там же. Оп. 3038. Д. 15. Л. 27.

³ Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1954. С. 147—148.

командирам соединений потому, что решение командующего армией не было еще утверждено Военным советом округа. Однако командиры соединений знали содержание документов, находившихся в пакетах, так как участвовали в их составлении.

Но приказы и распоряжения о приведении войск 4-й армии, как и других, в боевую готовность опоздали. Война уже началась, застав их врасплох. «Красный пакет опоздал, — доносил 3 июля командир 75-й сд генерал-майор С.И. Недвигин Коробкову, — а отсюда и вся трагедия». Это заключение генерала можно отнести ко всем советским войскам, имея в виду опоздание Сталина с дачей разрешения на приведение их в полную боевую готовность.

Первое боевое донесение командующий 4-й армией направил Павлову в 6 часов 40 минут: «Доношу: в 4.15 22.6.41 г. противник начал обстрел крепости Брест и района города Брест. Одновременно противник начал бомбардировку авиацией аэродромов Брест, Кобрин, Пружаны. К 6 часам артиллерийский обстрел усилился в районе Брест. Город горит. 42, 6 и 75-я стрелковые и 22-я и 30-я танковые дивизии выходят в свои районы. О 49-й сд данных нет... Данных к 6 часам о форсировании противником р. Западный Буг не имею. Штабом перехожу на запасной командный пункт — Буховиче. 22-я танковая дивизия под артиллерийским огнем в беспорядке вытягивается в свой район...»¹

В боевом донесении, посланном в 11 часов 55 минут и подписанном только начальником штаба 4-й армии полковником Л.М. Сандаловым, указывалось: «1. К 10.00 22.6 части армии продолжают выходить в районы обороны (49-я и 75-я сд), причем гарнизон крепости Брест — 42-я и 6-я сд — потерпел от авиации и артиллерии противника большой урон, в результате которого 6-я сд принуждена была к 7.00 отдать с боями Брест, а разрозненные части 42-й сд собираются... Противник превосходит в воздухе, наши авиаполки имеют большие (30—40%) потери, штаб армии разгромлен (в Кобрине)...

2. Отдал приказание: а) 28-му ск не допустить дальнейшего продвижения противника на Жабинка. б) 14-му мк в составе 22-й и 30-й тд, сосредоточившемуся в районе Видомль, Жабинка, атаковать противника в брестском направлении, вместе с 28-м ск и 10-й смешанной авиадивизией уничтожить его и восстановить положение... Связь имеется со штабом 28-го ск и периодическая со штабом 14-го мк»².

В 18 часов 30 минут Коробков подписал боевой приказ № 02 следующего содержания:

¹ ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1334. Д. 12. Л. 1.

² Там же. Д. 12. Л. 3—4.

«1. Противник бандитски напал на советские города и потеснил наши части в восточном направлении.

2. Части 4-й армии, продолжая в течение ночи твердую оборону занимаемых рубежей, с утра 23.6.41 г. переходят в наступление в обход Бреста с севера с задачей уничтожить противника, переправившегося через р. Западный Буг... Атаку начать в 5.00 после 15-минутного огневого налета. Границу до особого распоряжения не переходить (! — В.А.)¹.

Вот как оценивалась обстановка и какие действия предпринимались в первый день войны командованием 4-й армии, в полосе которой группа армий «Центр» наносила главный удар. Они убедительно свидетельствуют о том, что Коробков как и другие командующие армиями, не осознавал мощи удара противника и его воздействия на подчиненные ему войска, о положении которых мало что знал. Если бы он представлял, что творится в соединениях и частях, подвергшихся ударам противника, то не ставил бы им задач на наступление, так как они уже и обороняться-то были не в состоянии. В подтверждение этого приведу выдержки из отчета 6-й стрелковой дивизии о начале боев за крепость Брест: «В 4 часа утра 22 июня был открыт ураганный огонь по казармам, по выходам из казарм в центральной части крепости, по мостам и входным воротам и домам начальствующего состава. Этот налет внес замешательство и вызвал панику среди красноармейского состава. Командный состав, подвергшийся в своих квартирах нападению, был частично уничтожен. Уцелевшие командиры не могли проникнуть в казармы из-за сильного заградительного огня... В результате красноармейцы и младшие командиры без управления со стороны средних командиров, одетые и раздетые, группами и по одиночке, выходили из крепости, преодолевая обводный канал, реку Мухавец и вал крепости под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Потери учесть не было возможности, так как разрозненные части 6-й дивизии смешались с разрозненными частями 42-й дивизии, а на сборное место многие не могли попасть потому, что примерно в 6 часов по нему уже был сосредоточен артиллерийский огонь»².

А если учесть, что с западной границы в панике с душераздирающими криками бежали в их расположение сотни безоружных и полураздетых красноармейцев и рабочих, занятых на строительстве Брестского укрепленного района, то можно представить, в какое состояние пришли части и соединения первых эшелонов армий прикрытия, находясь под непрерывающимся артиллерийским огнем и бомбовыми ударами немецкой авиации. Ошеломленные и растерянные, они и дальше несли боль-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 226, оп. 2156. Д. 67. Л. 2—3.

² Там же. Ф. 202. Оп. 5. Д. 65. Л. 98.

шие потери в людях и материальной части. В страшной суматохе и панике начался массовый уход на восток семей партийных и советских работников, военнослужащих и всего населения, не пожелавшего попасть под власть нацистов. Все это усугубляло и без того тяжелое моральное состояние войск Западного фронта.

Командование фронтом, имея весьма скудные и отрывочные данные об обстановке, в первой половине дня никаких кардинальных решений не принимало. Все отданные штабом округа распоряжения были направлены главным образом на ускорение выдвижения войск из глубины округа.

Вынужденный отход войск 3-й и 4-й армий поставил в трудное положение 10-ю армию. Уже в первый день в центре обозначилось подобие «мешка», в котором оказались соединения Голубева. Павлов не мог еще видеть этой угрозы. Однако, основываясь на опыте январской оперативно-стратегической игры, он решил нанести мощный контрудар из района Белостока по наиболее сильной группировке противника. Не зная, где самый опасный участок фронта, Павлов около десяти часов направил самолетом к Голубеву своего заместителя генерал-лейтенанта И.В. Болдина. Тот, в зависимости от обстановки, должен был организовать контрудар на гродненском или брестском направлении.

Так пришлось командующему Западным фронтом управлять войсками в первый день войны. Об этом в 13 часов начальник штаба генерал Климовских сообщил начальнику Генерального штаба: «Ввиду потери связи с 10-й армией, в Белосток вылетел заместитель командующего войсками генерал Болдин с задачей установить положение на фронте 10-й армии и в зависимости от обстановки использовать 6-й мк в гродненском или брестском направлениях»¹.

Несмотря на неполноту данных, начальник разведывательного отдела штаба Западного фронта полковник Блохин сделал правильный вывод о намерениях противника. В разведсводке № 1 20.00 22.6.41 г., посланной в Генеральный штаб, указано: «Противник, имея значительное превосходство в воздухе, при взаимодействии авиации, танковых и парашютных частей стремится овладеть районом Лиды для обеспечения высадки воздушного десанта в тылу основной группировки войск Западного фронта. Концентрическими ударами в направлении Гродно и в северо-восточном направлении на Волковыск отрезать основные коммуникации. Устанавливается всеми видами разведки дальнейшее продвижение сувалковской и брестской группировок противника...»²

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 4. Л. 23.

² Там же. Оп. 3038. Д. 15, л. 3.

Однако если разведывательная сводка правильно вскрывала назревающую опасность, то первый пункт оперативной сводки № 1, направленной в Москву из Минска в 22 часа, дезориентировал Генеральный штаб. В нем констатировалось, что «части Западного фронта в течение дня 22.6.41 г. вели сдерживающие бои и, оказывая упорное сопротивление превосходящим силам противника, к 17 часам отошли на рубеж Келбасин, Домброва, Осовец, Граево, Кольно, Ломжа, западнее Бельск»¹. В действительности же ни о каких «сдерживающих боях» и «упорном сопротивлении» и речи не могло быть. Войска разрозненными группами, в панике, сопровождаемые низко пролетающими над их головами с ревом и свистом германскими самолетами, поспешно отходили и бежали на восток.

В сводке отмечено, что связь с армиями работала с большими перебоями, а оперативных донесений от них за день боя так и не поступило.

На Юго-Западном фронте в первые часы 22 июня обстановка складывалась примерно так же, как и на других фронтах, потому что войска этого фронта тоже были застигнуты врасплох. Главный удар группа армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта наносила в направлении Соколь, Дубно. В отличие от других групп армий, при прорыве пограничных укреплений в первом эшелоне наступали пехотные соединения.

Генерал Клейст начал вводить в сражение танковые соединения около 10 часов утра, после того как пехота форсировала Западный Буг. Танковые дивизии, поддерживаемые бомбовыми ударами авиации, сломив сопротивление выдвигавшихся им навстречу наших стрелковых частей, устремились вперед. Как только об этом стало известно в штабе фронта, генерал Кирпонос приказал командующему 6-й армии генерал-лейтенанту И.Н. Музыченко нанести частями 4-го механизированного корпуса контрудар и совместно с отрядом 15-го механизированного корпуса, выделенным для ликвидации авиадесанта противника в Радехове, уничтожить противника...².

С целью подрыва узлов и линий связи, захвата мостов, аэродромов и других объектов, а также деморализации наших войск и дезорганизации тыла, противник на всех фронтах широко использовал с первых же часов войны парашютные и посадочные десанты численностью от 4—6 до 200—400 человек с мотоциклами, велосипедами, легким оружием и радиостанциями для связи и передачи разведывательных данных. Свыше десяти десантов было выброшено и посажено 22 июня только в полосе

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 7. Л. 1.

² Там же. Ф. 334, оп. 3949. Д. 4. Л. 1.

Юго-Западного фронта. Наиболее крупные из них были в районах Дубно, Ковеля, аэродрома Черновцы, северо-восточнее города Стрый.

В этой связи нельзя не указать на неправильное использование многочисленных танковых войск на Юго-Западном фронте в первый день войны. Вместо того, чтобы ликвидировать десанты силами пехоты, на их уничтожение бросали танковые подразделения 22, 15 и 8-го мехкорпусов, а в некоторых случаях даже бомбардировочную и истребительную авиацию.

Во исполнение приказа командующего фронтом генерал Музыченко в 15 часов приказал командиру 4-го мехкорпуса генерал-майору А.А. Власову: «а) выделить два батальона мотопехоты от 81-й моторизованной дивизии и нанести ими удар в направлении Жулкев, Каменка—Струмилова, м. Холоюв и во взаимодействии с частями 15-го мехкорпуса уничтожить пехоту и танки в районе Радехов; б) остальному составу корпуса быть готовым к нанесению удара в направлении Краковец, Радымно с целью уничтожения противника, прорвавшегося в район Дуньковице»¹.

Вместо нанесения сильного контрудара, как приказал Кирпонос, командующий 6-й армией выделил для разгрома танковой группировки противника, прорвавшейся к Радехову, лишь три батальона.

Осуществлявшийся небольшими силами контрудар, а точнее контра-така, не мог дать желаемых результатов. Вклинившаяся группировка не была уничтожена. Прорыв не удалось ликвидировать и в полосе 5-й армии, хотя генерал-майор М.И. Потапов предпринимал меры к нанесению контрудара силами 22-го мехкорпуса. Ввиду того, что времени на подготовку было мало, а части и соединения находились на большом удалении друг от друга, контрудар наносился неорганизованно и на широком фронте. Поэтому выполнить боевую задачу войскам 5-й армии, так же как и 6-й, не представилось возможным.

Передовые танковые части группы Клейста, как это зафиксировано в журнале боевых действий 48-го моторизованного корпуса, прорвались к концу дня на глубину до 20 км. Пехотные же соединения противника продвинулись значительно меньше, так как они были вынуждены вести напряженные бои с гарнизонами дотов, которые продолжали упорную борьбу с врагом, даже находясь уже в его тылу.

Юго-Западный фронт имел достаточные силы сухопутных войск не только для того, чтобы восстановить положение, но и перенести боевые действия на вражескую территорию. Значительно хуже обстояло дело в воздухе. Воздушная обстановка вследствие нанесения противником внезапных массированных ударов по аэродромам с первого же часа войны сложилась не в нашу пользу. Захватив инициативу в воздухе и нанеся боль-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1334. Д. 5. Л. 1.

шой урон военно-воздушным силам, немецкая авиация оказывала сильное влияние на действия наземных войск и этого фронта.

О действительно упорных и со второй половины дня более организованных боях войск Юго-Западного фронта с вторгшимся противником свидетельствует и оперативная сводка № 1 к 20.00 22.6.41 г., направленная из Тернополя в Генеральный штаб и подписанная начальником штаба генерал-лейтенантом М.А. Пуркаевым и начальником оперативного отдела полковником И.Х. Баграмяном. В ней отмечается, что 5-я и 6-я армии ведут упорные бои и продолжают сосредоточение войск к фронту. В полосе 6-й армии взяты первые пленные из 9-й пехотной дивизии. 26-я армия вела упорные бои на рубеже р. Сан, ее 99-я сд отбивает вражеские атаки в районе Перемышля. 12-я армия ведет бои на черновицком направлении. Ее 60-я горнострелковая дивизия, отбивая атаки противника, убила 14 германских солдат, 7 человек взяла в плен, захватила пушку, миномет и 6 пулеметов¹.

Так завершился первый день войны на Юго-Западном фронте. Несмотря на то что группе армий «Юг» удалось достичь некоторых успехов, все же они были более скромными по сравнению с другими группами армий. Это обуславливалось тем, что войска Юго-Западного фронта были сильнее по своему составу, чем других фронтов, и несколько организованнее вступили в сражение. Но именно там, а не здесь немецкая армия наносила главный удар.

Что же делалось по получении скудных сведений с фронта в Москве? Какое влияние указания политического и военного руководства оказывали на действия советских войск по организации отпора вторгшемуся агрессору?

Как только были получены сведения о вторжении немцев, проведенная бессонную ночь Тимошенко и Жуков немедленно доложили об этом Сталину.

По прибытии в Кремль в шестом часу утра 22 июня Сталин спросил у вызванных туда же наркома и начальника Генерального штаба: «Не провокация ли это немецких генералов? Разберитесь и предупредите, чтобы наши самолеты не перелетали границы».

Возвратившись на рабочие места, Тимошенко и Жуков, выполняя указания Сталина, предупредили командующих о недопущении осложнений с вторгшимся врагом. Однако на местах такое благодушие быстро улетучивалось.

В шестом часу утра заместитель командующего Западным фронтом генерал И.В. Болдин доложил по телефону наркому обороны о том, что немецкие самолеты продолжают с бреющего полета расстреливать со-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 9776. Д. 63. Л. 5 — 10.

ветские войска, мирное население. На многих участках противник перешел границу и продвигается вперед. «Внимательно выслушав меня, — вспоминает Болдин, — маршал Тимошенко говорит: — Товарищ Болдин, учтите, никаких действий против немцев без нашего ведома не начинать. — Как же так, — кричу в трубку, — наши войска вынуждены отступать, горят города, гибнут люди...

— Иосиф Виссарионович считает, что это, возможно, провокационные действия некоторых германских генералов...

— Товарищ маршал, нам нужно действовать. Каждая минута дорога. Это не провокация. Немцы начали войну! Настаиваю на немедленном применении механизированных, стрелковых частей и артиллерии, особенно зенитной. В противном случае дело обернется плохо.

Но нарком, выслушав меня, повторил прежний приказ¹.

Этот эпизод был опубликован Болдиным еще при жизни Тимошенко, и он его не опроверг.

Аналогичные донесения, запросы и настоятельные просьбы поступали в Москву и с других фронтов. «Вооружившись» ими, Тимошенко с Жуковым направились к Сталину докладывать, что это война, а не провокация и пора отдавать войскам приказ о начале боевых действий. Но и это не сразу подействовало на него. Лишь только после того, когда вошел в его кабинет Молотов, которого посетил Шуленбург, заявивший от имени своего правительства о вступлении Германии в войну с СССР, он решил сделать это. Но так как в Сталине теплилась еще надежда на урегулирование конфликта, то он потребовал, чтобы войска не переходили границу.

Сообщение Молотова его потрясло. Оно подорвало его уверенность в свою мудрость и прозорливость. Он наконец-то уразумел, как Гитлер обвел его вокруг пальца. Ему, после опубликованного 14 июня сообщения ТАСС, стыдно было смотреть в глаза своим соратникам и сообщать о начавшейся войне советскому народу. Он поручил сделать это заявление Молотову.

В 7 часов 15 минут Главный военный совет отдал войскам директиву № 2 о вступлении в вооруженную борьбу с вторгшимся врагом. Вот ее содержание:

«22 июня 1941 г. в 4 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно в разных местах германс-

---

¹ Военно-исторический журнал. 1961. № 4. С. 65.

кие войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу. В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз приказываю:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиации наносить на глубину германской территории до 100—150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать»¹.

Когда эта директива была получена в штабах фронтов, войска первого эшелона уже втянулись ходом событий в оборонительные сражения разрозненными группами и из-за отсутствия средств связи были никем не управляемы. Механизированные корпуса выдвигались в районы, указанные им в планах прикрытия, а некоторые части и подразделения вступали в бой.

Фронтной и армейской авиации невозможно было выполнить требования директивы в связи с большими потерями и необходимостью оставления уцелевшими самолетами прифронтовых аэродромов, которые либо уже были захвачены противником, либо выведены из строя.

Удары по городам Кенигсберг и Мемель нанесла лишь авиация резерва Главного командования. Кенигсберг бомбил 1-й авиационный корпус под командованием генерал-майора авиации В.И. Изотова. Враг не ожидал удара нашей дальнебомбардировочной авиации, которая выполняла боевое задание без прикрытия истребителей. Над цитаделью прусского милитаризма взметнулись столбы огня и дыма. Это был единственный пример отмщения врагу в первый день войны, не считая нескольких сбитых немецких самолетов в воздушных боях. На обратном пути наши бомбардировщики были встречены истребителями противника. Три бомбардировщика были сбиты.

Таким образом, требования Главного военного совета, изложенные в директиве № 2, в связи с тем что они не соответствовали сложившейся обстановке, оставили свой след только на бумаге. Такая же участь была уготована и директиве № 3, требования которой были еще более нереальными.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 318, оп. 4631. Д. 6. Л. 1.

Так в чем же дело? А дело в том, что о положении дел на фронтах не знали не только в Москве, но и в Риге, Минске и Тернополе, где находились штабы фронтов. В последнем к исходу 22 июня оказался Жуков.

В середине дня его вызвал Сталин и сказал, что командующие фронтами вряд ли смогут организовать противодействие противнику, так как не имеют достаточного опыта и, видимо, растерялись. Поэтому, сказал он, я направил на Западный фронт Шапошникова и Кулика, а к Кирпоносу отправитесь вы. Предполагалось, что Юго-Западный фронт после разгрома люблинской группировки перейдет в контрнаступление, которым Жуков, бывший до февраля командующим войсками Киевского округа, должен был руководить. Его обязанности временно возложили на заместителя начальника Генерального штаба генерала Н.Ф. Ватутина.

Получая в течение дня не отражавшие действительного положения на фронтах донесения и оперативные сводки, нарком обороны и Генеральный штаб не могли знать истинную обстановку, сложившуюся к исходу дня на фронте. Положение советских войск рассматривалось ими как относительно благополучное. В Москве, как и в штабах фронтов, не осознавали мощи удара противника и его воздействия на армии первых эшелонов фронтов, да и на обстановку в воздухе, где враг уже господствовал. Только этим можно объяснить совершенно не соответствующую действительности составленную к концу первого дня войны оперативную сводку Генерального штаба. Германские регулярные войска, говорилось в ней, в течение 22 июня вели бои с погранчастями СССР, имея незначительный успех на отдельных направлениях. Во второй половине дня с подходом передовых частей полевых войск Красной Армии атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника.

На основании информации фронтов нарком обороны и Генеральный штаб пришли к заключению, что севернее Полесья наиболее мощной группировкой немецких войск является сувалкская, а к югу от него — люблинская. От положения и состояния этих группировок, сделали они вывод, будет зависеть в ближайшее время ход войны. При оценке обстановки Тимошенко и Ватутин не учли вероятных действий тильзитской и брестской группировок противника. Об угрозе со стороны последней ничего не докладывал им Павлов. Правда, Кузнецов донес в Москву об опасности тильзитской группировки, но на это они не обратили достаточного внимания.

Не могли советские военные руководители реально оценить и воздушную обстановку. О больших потерях нашей авиации и ее состоянии им еще обстоятельно не докладывали, так как командующие фронтами сами не имели достоверных сведений. Поэтому они не знали, что немец-

кая авиация, захватив инициативу в воздухе, удерживала ее до конца дня, нанося удары по нашим аэродромам и ночью. В первую военную темнозвездную ночь над многими приграничными районами полыхало багровое зарево. Горели самолеты, склады горючего, аэродромные сооружения, города и села. И хотя наши летчики пытались еще бороться за господство в воздухе, исход борьбы был predetermined в первый день войны. Это дало противнику огромные преимущества в ведении военных действий и на земле.

Исходя из вышеизложенной оценки обстановки и в соответствии с планом ответного удара по агрессору, Главный военный совет в 21 час 15 минут отдал войскам Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов директиву № 3, в которой были сформулированы ближайшие задачи им. Северо-Западному фронту приказывалось нанести мощный контрудар из района Каунаса во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки. От войск Западного фронта потребовали: сдерживая противника на варшавском направлении, нанести мощный контрудар силами не менее двух мехкорпусов и авиации фронта во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее совместно с Северо-Западным фронтом и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки.

Юго-Западному фронту было приказано концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5-й и 6-й армий не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта окружить и уничтожить группировку противника, наступавшую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, и к исходу 24 июня овладеть районом Люблина.

По замыслу Главного командования все эти удары должны были привести к захвату стратегической инициативы и созданию условий для разгрома вторгшегося агрессора. Но в неблагоприятной обстановке, сложившейся к исходу дня, организация контрнаступления была невозможным делом. В короткий срок при нарушенном, если не вовсе отсутствующем управлении войсками, непрерывном воздействии авиации противника, несвоевременном подвозе боеприпасов и горючего, при распространении в тылу слухов о несметных полчищах врага, панике и неразберихе, трудно было сосредоточить танковые и моторизованные соединения, к тому же не укомплектованные и не сколоченные, и организованно нанести ими ощутимые удары по вклинившимся группировкам противника.

Так трагически завершились события в первый день войны на фронте. Что же происходило тогда в глубоком тылу?

Советский народ и, как следует из воспоминаний упомянутого выше полковника Тищенко, даже многие воины второго эшелона фронтов уз-

нали о нападении Германии из выступления по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова в 12 часов 22 июня 1941 года. «Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны (!!) германские войска напали на нашу страну, — указал он. —...Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы... В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству... Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта. (Гитлер утверждал, что Советский Союз не соблюдал условий советско-германского договора, тайно сотрудничал с Англией, подстрекал Югославию, сковывал вермахт на Востоке, а в последнее время будто бы открыто нарушал германо-советскую границу. — В.А.)

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом, — продолжал Молотов. — В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами», — заявил в заключение заместитель главы Советского правительства¹.

Прильнув к приемникам и столпившись у репродукторов, установленных на улицах и в заводских корпусах, люди, стремясь не пропустить ни одного слова, слушали эту речь. Гневом и возмущением встретили они весть о нашествии германских войск. На фабриках и заводах, в колхозах и учреждениях состоялись многочисленные митинги, на которых наши граждане поклялись сделать все для разгрома агрессора. Они еще не знали, какую цену придется заплатить, чтобы достичь этого.

По-разному было встречено это известие за рубежом. «Понадобится самое большое чудо за все времена после того, как была написана Биб-

---

¹ «Правда». 1994. 23 июня.

для, чтобы спасти красных от полного поражения в кратчайший срок». — злорадствовала 27 июня 1941 г. американская газета «Нью-Йорк пост». 24 июня газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала циничное заявление сенатора Г. Трумэна: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают друг друга как можно больше».

В то же время выдающиеся государственные деятели Великобритании и США, понимая, какую угрозу миру несет фашизм, немедленно протянули руку помощи Советскому Союзу в борьбе с германской агрессией, заявив о совместной борьбе против общего врага. Получив сообщение о нападении Германии на СССР, премьер-министр Великобритании У. Черчилль утром 22 июня выступил по радио. «За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я, — откровенно признал он. — Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем... Он (Гитлер) хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с Востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров... Его вторжение в Россию, — справедливо заметил премьер, — это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова... Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам...»¹. В конце речи Черчилль заявил о решении английского правительства оказать помощь Советскому Союзу в борьбе с фашистской Германией.

В Англии повсюду звучали призывы к солидарности и оказанию помощи нашей стране. На митинге в Гайд-парке тысячи жителей Лондона приняли резолюцию: «Народы Советского Союза и английский народ одинаково заинтересованы в низвержении фашизма и в создании основ прочного мира... Борьба советского народа является нашей борьбой».

Такая же мысль выражена в меморандуме, подготовленном для президента США Ф. Рузвельта его советниками: «Мы противники догмы коммунистов и нацистской догмы. За двадцать семь лет с тех пор, как Россия стала коммунистической, Советы никогда не угрожали серьезно нашим национальным интересам и нашему укладу жизни. Однако за два года безумного похода Гитлера, предпринятого им с целью порабощения всего мира, возникла серьезная угроза самому нашему существованию как свободного народа... Мы не за коммунизм, но мы против всего, за что выступает Гитлер. Он и его безбожные нацисты — главная угроза миру,

---

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955, Т. 3. С. 364—366.

справедливости и безопасности. Путь к нашей безопасности — разгром Гитлера»¹.

Рузвельт сделал заявление о намерении оказать помощь Советскому Союзу в его борьбе против Германии 24 июня.

Таким образом, получив 22 июня 1941 г. внезапным нападением на СССР очень большие военные преимущества, гитлеровская Германия много потеряла в политическом отношении. Против фашистского блока, за поддержку Советского Союза решительно выступили многие народы мира. Их поддержка окрыляла советских людей, но они не представляли тогда, какая тяжелая, кровопролитная, длительная борьба им предстоит.

В то же время в стане врага было ликование. Гитлер потирал руки от удовольствия, что ему удалось обмануть другого диктатора, верившего ему до последнего мирного дня. Упиваясь успехами своей армии, начальник генерального штаба генерал-полковник Гальдер записал в служебном дневнике 22 июня: «Наступление наших войск явилось для противника полной тактической внезапностью... О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом; передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать... После первоначального столбняка, вызванного внезапностью нападения, противник перешел к боевым действиям... Я считаю, — отметил он, — что русское командование... в ближайшее время будет не в состоянии организовать оперативного противодействия нашему наступлению»².

С заключением Гальдера нельзя не согласиться. В тех условиях, в которых оказались войска приграничных округов, особенно Западного, действительно было весьма трудно организовать противодействие вражескому вторжению. Сокрушительный удар противника вызвал психологический шок в наших войсках. Это, как тогда казалось, вело к осуществлению плана Гитлера, неоднократно заявлявшего, что война против Советского Союза будет иметь смысл только в том случае, если Германия одним ударом разгромит все Советское государство целиком.

Гальдер, как и некоторые другие гитлеровские генералы, сознательно или нет говорит только о достижении «тактической» внезапности, чем дает повод фальсификаторам истории утверждать, что войну будто бы готовился развязать Сталин, а Гитлер лишь упредил его.

---

¹ *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Перевод с англ. М., 1958. Т. 1. С. 498—499

² «Совершенно секретно! Только для командования!» С. 229.

Пресловутая внезапность, не только тактическая, но и стратегическая, о которой до сих пор идет спор, была она или нет, слишком дорого стоила нашей армии и народу. Внезапность конечно же была и не только для войск, но и для самого Сталина. Для него, уверовавшего в невозможность нападения Германии в тот момент, удар противника, да еще такой огромной силы, был совершенно неожиданным. Вера в неизбежность нападения Германии на СССР и определение момента его начала — разные вещи. Именно в последнем Сталин и допустил грубейшую ошибку, стоившую несколько «лишних» миллионов человеческих жизней. Полагаюсь здесь на авторитет маршала Г.К. Жукова, с которым не раз приходилось обсуждать эту тему. Его прикидки, с учетом количественного соотношения сил и их качественного состояния на момент начала боевых действий, позволяли заключить: дальше Днепра или меридиана Смоленска при самом неблагоприятном развитии событий мы не отошли бы. Похожую оценку высказывал впоследствии и бывший начальник Генерального штаба маршал А.М. Василевский.

А при сложившейся после первого дня войны тягчайшей обстановке Красной Армии, как и всему советскому народу, предстояли весьма суровые испытания.

В 18 часов 30 минут 22 июня Генеральный штаб направил в западные приграничные военные округа телеграмму о введении схемы «Гроза», объявлявшей общую мобилизацию¹.

2. РАЗГРОМ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

К началу Великой Отечественной войны в Советском Союзе не было даже органа для организации и руководства вооруженной борьбой на случай вторжения агрессора. Проект создания Ставки Главного Командования Тимошенко с Жуковым доложили Сталину днем 22 июня. Тот решил обсудить ее состав на Политбюро. Лишь ночью с 22 на 23 июня решением Совета Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) Ставка была создана в составе наркома обороны С.К. Тимошенко, начальника Генерального штаба Г.К. Жукова, И.В. Сталина, В.М. Молотова, наркома Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецова, маршалов С.М. Буденного и К.Е. Ворошилова.

Раннее утро 23 июня не предвещало улучшения обстановки на фронте. Бои не прекращались на некоторых участках и ночью, а с утра разгорелись с новой силой на всем фронте. Господствуя в воздухе, немецкая авиация стремилась деморализовать наши войска и нарушить управление ими. В результате частых перебоев и даже полного отсутствия связи

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 26. Л. 127.

командующие фронтами и армиями, да и командиры некоторых соединений не знали, где находятся их части: дерутся ли они с врагом или в панике бегут от него. В этих условиях невозможно было выполнить приказ Главного командования о нанесении мощных контрударов по прорвавшимся группировкам.

В Прибалтике эту задачу должны были решать два механизированных корпуса. Однако ни с одним из них командующему Северо-Западным фронтом не удалось установить связи. Для постановки им боевых задач Кузнецов отправил ночью начальника автобронетанкового управления фронта полковника П.П. Полубаярова. В 5 часов 50 минут 23 июня от него было получено следующее донесение: «У Куркина (командир 3-го мк) был, работу закончил. Закончил работу у командующего 8-й армией. Принял решение и поставил задачу Куркину: наступать из района Россины в западном направлении до дороги Таураге—Шауляй. Дальше резкий поворот в юго-западном направлении на Таураге—Тильзит...

Шестопалову (командир 12-го мк) ставлю задачу наступать в юго-западном направлении, имея границу слева шоссе Таураге—Шауляй.

Куркину приказал наступать в 12 часов, от Шестопалова потребую выступления на час раньше, для одновременного выдвижения совместно с Куркиным... Армия (8-я) в беспомощном положении, связи ни с вами, ни с мехкорпусами не имеет...

Вас прошу:

- 1) С утра оба корпуса прикрыть истребительной авиацией.
- 2) Шестопалова сопровождать сильной бомбардировочной и истребительной авиацией с 11 часов и Куркина с 12 часов.
- 3) Сделать все для снабжения горючим и боеприпасами. Что зависело от меня, уже сделал. Убываю в 12-й мк, где и пробуду до конца дня»¹.

Из этого документа не трудно заключить, в каком состоянии находилась одна из двух армий первого эшелона Северо-Западного фронта после первого дня войны, как, из-за отсутствия связи, командующий фронтом управлял войсками и ставил им боевые задачи и что можно было ожидать от этого контрудара.

Положение усугублялось еще и недостатком, даже отсутствием боеприпасов, так как склады были либо оставлены противнику, либо взорваны. Об этом свидетельствует телеграмма начальника артиллерийского управления фронта генерал-майора артиллерии П. Белова заместителю наркома обороны маршалу Кулику, отправленная в 6 часов 23 июня:

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 3928. Д. 28. Л. 8.

«В результате первого дня боевых действий ощущается острый недостаток следующих видов боеприпасов: 37-мм и 85-мм зенитных выстрелов — материальная часть этих калибров бездействует; 76-мм, 122-мм и 152-мм снарядов; ручных гранат; крупнокалиберных патронов. Прошу вашего приказаня о срочной отгрузке»¹.

По-видимому, докладная записка Полубоярова до 10 часов утра не дошла еще до штаба фронта, который не знал, что творится в войсках и где они находятся. Только этим можно объяснить совершенно не соответствующую действительности и дезориентирующую Генеральный штаб оперативную сводку № 02 на 10.00 23.06.41 г., подписанную генералом Кленовым. «Войска СЗФ, — указывалось в ней, — с утра 23.6.41 г., продолжая сдерживать наступление противника как на шауляйском, так и на Каунас -Алитусском направлениях силами трех тд и одной мд (3-й и 12-й мк) наносят концентрированный удар по основной группировке противника, действующей на шауляйском направлении, с целью ее разгрома... На аэродромы Либава и Слока выброшены парашютные десанты... Связь с авиационными дивизиями нарушена. Связь с механизированными корпусами с утра отсутствует»².

Получив к середине дня сведения о положении механизированных корпусов, командующий фронтом отдал им следующее распоряжение: «Командирам механизированных корпусов привести части и соединения в полный порядок, действовать решительно, небольшими колоннами с целью рассредоточить (?) авиацию противника. Каждой части дать точное направление. Крепко держите войска в руках»³.

Вот к каким нелепым боевым распоряжениям вынуждало командование фронтом господство вражеской авиации в воздухе. Подвергаясь во время марша ударам немецких бомбардировщиков, механизированные корпуса вступили в сражение лишь во второй половине дня, да и то не в полном составе.

Северо-западнее Шауля с врагом дрались части 28-й танковой дивизии полковника И.Д. Черняховского. Самоотверженно действовал 55-й танковый полк, наступавший в авангарде. Так как немецкая авиация вскрыла 50-километровый марш 28-й дивизии, противник организовал на пути продвижения наших танков сильную противотанковую оборону. Советские танкисты пытались с ходу преодолеть ее. Немецкая артиллерия открыла по ним огонь. Один из снарядов попал в машину заместите-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 221.. Оп. 2467. Д. 39. Л. 221.

² Там же. Оп. 3928. Д. 6. Л. 27—29.

³ Там же. Оп. 2467. Д. 39. Л. 261.

ля командира полка майора Б.П. Попова. Танк загорелся, но экипаж продолжал расстреливать фашистов и давить гусеницами вражеские орудия. Действуя впереди полка, майор Попов стремился увлечь за собой другие танки. Пытаясь уничтожить как можно больше немецких орудий, героический экипаж Попова сражался в горящей машине до последнего вздоха¹. За этот подвиг Б.П. Попову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Храбро действовал в этом бою весь личный состав 55-го танкового полка. Танкисты уничтожили более десятка противотанковых орудий и большое количество вражеских солдат и офицеров. Правда, и сами они заплатили очень дорого. Кроме Попова, в этом бою погибли два командира батальона и еще несколько офицеров и солдат. На поле боя осталось 13 наших подбитых танков².

После марша и первого дня боя, докладывал командир 12-го механизированного корпуса генерал Шестопалов командующему фронтом, «машины стали быстро выбывать из строя целыми десятками. Эти машины вследствие отсутствия запасных частей не восстанавливались, а если восстанавливались, то некоторые, и только на поле боя, так как отсутствие тягачей не позволяло отбуксировать их на пункты сбора аварийных машин»³.

По этой причине сотни танков как этих, так и других механизированных корпусов, остались на территории, занятой противником.

В результате неорганизованных действий танковых соединений, которые не были поддержаны авиацией, артиллерией и пехотой, контрудар Северо-Западного фронта 23 июня не достиг цели. Советским войскам удалось лишь нанести некоторый урон противнику и временно задержать его продвижение на Шауляй.

Весьма неблагоприятно в этот день развивались события на каунасском и вильнюсском направлениях. В течение всего дня штаб фронта не имел никакой связи со штабом 11-й армии. Генерал Морозов фактически потерял управление войсками. По поступившим впоследствии сведениям, в районе Каунаса оборонялись 33-я и 188-я стрелковые дивизии. Они оказали противнику на Немане упорное сопротивление, временно задержав его продвижение. В 20.00 23.6.41 г. Кузнецов направил Морозову, неизвестно дошедшее до него или нет, следующее боевое распоряжение: «Перед вами равные силы противника, возможно меньшие (!). Приказы-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 334. Оп. 2759. Д. 4. Л. 51.

² Там же. Ф. 619. Оп. 382857. Д. 1. Л. 2.

³ Там же. Ф. 334. Оп. 2759. Д. 4. Л. 50.

ваю ликвидировать прорыв противника в районе Каунас, уничтожив его, не дав уйти за реку Неман. Возьмите управление в руки. Где 5-я танковая дивизия? Установите, какое положение в Вильнюсе. Требую навести порядок, призвать и заставить каждого выполнить свой долг перед Родиной. Ликвидировать десанты»¹.

Иначе, как криком отчаяния, этот приказ не назовешь. Он свидетельствует и о незнании командующим фронтом положения и состояния войск.

На вильнюсском направлении немецкие танки продолжали двигаться вперед. Фельдмаршал Бок приказал Готу организовать стремительное продвижение к Минску на соединение с танковой группой Гудериана. Соединения 3-й танковой группы, поддержанные пикирующими бомбардировщиками 8-го авиационного корпуса генерала Рихтгофена, прославившегося еще на бомбардировке западноевропейских городов, сломили сопротивление 5-й танковой дивизии и к исходу дня, продвинувшись вперед, так же как и накануне, до 70 км, вышли в район Вильнюса. Чтобы остановить или хотя бы замедлить продвижение группы Гота, командующий 11-й армией не имел сил. Положение войск левого крыла Северо-Западного фронта, от которого зависела обстановка на Западном фронте, было более тяжелым, чем правого крыла.

Однако основные силы механизированных корпусов Кузнецов, вопреки директиве № 3 Главного военного совета, продолжает использовать там. Об этом свидетельствует и оперативная сводка № 3, направленная начальнику Генерального штаба за подписью Кленова в 22 часа 23.6.41 г. из Паневежиса, куда переехал штаб фронта. «Войска СЗФ, отражая яростные атаки противника, — указывалось в ней, — проводят контрудар против тильзитской группировки противника. Противник с рассвета ведет многократные бомбардировки железных дорог, аэродромов, городов и войсковых соединений. Высаживает мелкие парашютные десанты, видимо с целью организации банд в тылу, и более крупные десанты в 200—400 человек в целях дезорганизации тылов, захвата важнейших объектов (мостов, аэродромов и пр.)... 12-й мк практически перешел в наступление с опозданием только в 13—15 часов (?). В ходе марша подвергся 4 раза нападению авиации противника. Марш проходил медленно, и только в 18 часов (?) 28-я тд развернулась для атаки танков, но танки противника отошли на Скаудвила. 2-я тд 3-го мк из Россиины должна была атаковать на Скаудвиле. Ввиду отсутствия связи с механизированным корпусом данные о результате атаки неизвестны... В течение всех суток 11-я армия была без проводной связи и не отвечала по радио... Связь с армия-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 2467. Д. 39. Л. 255.

ми почти не работала из-за специальных бомбардировок узлов и линий связи»¹.

Одновременно с продолжавшимися попытками организовать контрудар Военный совет Северо-Западного фронта вечером 23 июня отдал распоряжение начальнику инженерного управления «немедленно приступить к подготовке фронтовых оборонительных и отсечных рубежей»². Вторым рубежом был намечен по р. Западная Двина, Даугавпилс и далее на восток до Полоцкого укрепленного района. Это решение было правильным. Выполнение его позволяло в случае необходимости более организованно осуществить отвод войск фронта и обеспечить создание устойчивой обороны.

Предусматриваемый отход на северо-восток был неизбежен. «Отступление от р. Неман протекает в большом беспорядке», — замечено в оперативной сводке № 4, отправленной в Генеральный штаб в 10 часов утра 24 июня³. Тем не менее, по требованию Ставки Главного Командования, Северо-Западный фронт все еще делал попытки осуществить контрудар. В оперативной сводке указано, что «12-й МК (23-я и 28-я тд) в 7 часов 45 минут перешел в контратаку».

Однако и 24 июня войскам этого фронта не удалось наступательными действиями танковых соединений улучшить свое положение. Не говоря уже о непрерывных бомбардировках с воздуха, положение их осложнялось из-за нарушения связи, недостатка горючего и боеприпасов. 2-я танковая дивизия 3-го мк, успешно дравшаяся с врагом накануне, в этот день была вынуждена стоять в районе Рассейняй без горючего. Командование фронта решило было подбросить горючее самолетами, но выполнить это не удалось.

Там же, где были хотя бы минимальные возможности для ведения боевых действий, наши танкисты огнем и гусеницами уничтожали живую силу и боевую технику противника. Встречая наши танки немцы не принимая боя, отходили назад. Против наших танков они выдвигали противотанковую артиллерию, которая уничтожала их совместно с авиацией, а свои танковые части перебрасывали на другие направления.

В то время как войска 8-й армии совместно с танковыми соединениями сдерживали натиск противника, в полосе 11-й армии, полуразгромленной и полуразбежавшейся, его танковые соединения быстро продвигались вперед. В тот день генерал Гельдер сделал многозначительную запись в служебном дневнике: «Наши войска заняли Вильно, Каунас и

---

¹ ЦАМО РФ Ф. 221. Оп. 3928. Д. 6. Л. 37—39.

² Там же. Оп. 3928. Д. 1. Л. 3.

³ Там же. Оп. 2467. Д. 39. Л. 286—293.

Кедайняй. Историческая справка: Наполеон занял Вильно и Каунас тоже 24 июня».

Немецкие генералы были в восторге — все началось по-наполеоновски. О том, что и конец будет таков же, как у Великой французской армии, они и мысли не допускали.

Но как бы то ни было, правый сосед Западного фронта не только не облегчил, а значительно осложнил ему обстановку, которая и без того была критической.

В целях осуществления директивы № 3 Главного военного совета командующий Западным фронтом принял меры к организации контрудара по сувалкской группировке противника. В 23 часа 40 минут 22 июня состоялись его переговоры с генералом Болдиным, находившимся в штабе 10-й армии:

«Павлов: Познакомились ли с обстановкой и какие решения приняли?

Болдин: С обстановкой ознакомился...

Павлов: Выслушать приказ: Вам надлежит организовать ударную группу в составе корпуса Хацкилевича плюс 36-я кд, части Мостовенко и нанести удар в общем направлении Белосток, Липск, южнее Гродно с задачей уничтожить противника на левом берегу р. Неман и не допустить выхода его частей в район Волковыск, после этого вся группа перейдет в подчинение Кузнецова В.И. Это ваша ближайшая задача. Возглавьте ее лично. Голубеву передайте занять рубеж Осовец, Бобр, Визна, Бельск и далее на Клещеле. Все это осуществить сегодня за ночь, организовано и в быстрых темпах, особо обратить внимание, чтобы хозяйство начальника артиллерии фронта не осталось в Червонном Бору. У меня все.

Болдин: Из Червонного Бора вся артиллерия (там проходили окружные сборы. — *Авт.*) была вывезена и участвовала в боях.

Павлов: Приступайте к выполнению данного мною задания»¹.

В первом часу ночи 23 июня Военный совет фронта отдает директиву командующему 3-й армией. «Вам надлежит всеми мерами прочно удерживать Гродно»², — указано в ней.

В документе говорится о контрударе с утра 23 июня группы Болдина, о приказании Голубеву удерживать Осовец (там была крепость, как и в Бресте, построенная перед Первой мировой войной. — *В.А.*) и задаче 21-му стрелковому корпусу, выдвигавшемуся из второго эшелона фронта в район Лиды с целью противодействия возможному выходу противника в тыл войскам 3-й и 10-й армий.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 4857. Д. 11. Л. 48—49.

² Там же. Оп. 2454. Д. 26. Л. 141.

Судя по отданным распоряжениям, основное внимание 23 июня Павлов уделял организации контрудара силами конно-механизированной группы из района Гродно в северном направлении. Одновременно войскам В.И. Кузнецова и Голубева приказывалось удерживать занимавшиеся ими ранее рубежи, несмотря на то что над ними надвигалась угроза окружения.

Прибывшие из Москвы маршалы Шапошников и Кулик, по-видимому, обязанности распределили так: первый останется в штабе фронта, а второй отправится в войска. В четвертом часу 23 июня Кулик, как отмечено в донесении в Генеральный штаб, выехал поездом из Минска в Белосток в 10-ю армию.

К сожалению, нанести мощный контрудар в силу ряда обстоятельств не представилось возможным. В районе предстоящего наступления располагался только неукомплектованный 11-й мк генерал-майора Д.М. Мостовенко. Но с ним Болдин в течение дня так и не сумел установить связь. 6-й мк — один из лучших по укомплектованности и сколоченности корпусов, которым командовал опытный военачальник, сослуживец Г.К. Жукова, генерал-майор М.Г. Хацкилевич, по приказу Голубева с 22 июня занимал оборону по восточному берегу Нарева на фронте 35 км. Его надо было выводить из боя и перебрасывать в новый район. 4-я и 7-я танковые дивизии этого корпуса, больше половины танкового парка которых составляли боевые машины Т-34 и КВ, находились от намеченного рубежа развертывания в 60—70 км.

Обнаружив на рассвете перегруппировку наших подвижных соединений, немцы обрушили на них авиацию. 36-я кавалерийская дивизия подверглась ударам с бреющего полета и почти полностью была уничтожена. Создать конно-механизированную группу Болдину не удалось. В его распоряжении имелась часть сил 6-го, который также понес на марше большие потери и утром организованно перейти в наступление не смог. Танкисты вышли на рубеж развертывания лишь к полудню, но, встреченные сильным противотанковым огнем и ударами авиации, остановились. Окопав несколько танков, они уничтожали врага огнем с места, а затем контратаковали его. Танкисты дрались отважно, но вскоре были вынуждены прекратить бой, так как баки с горючим опустели, а боеприпасы заканчивались.

Механизированные корпуса накануне войны имели достаточно горючего и боеприпасов, но с первого дня войны они начали испытывать в них острый недостаток, потому что передовые склады оказались взорванными или захваченными противником, а подвоз из тыла был затруднительным. Горючее подвозили преимущественно в светлое время суток,

а колонны автомашин с ним от нападения воздушного противника не прикрывались. Положение усугублялось недостатком цистерн и другой тары, а также из-за неорганизованности тыловых органов.

Получив донесение от Голубева, что 6-й мк не в состоянии развить наступление, Павлов и Фоминых в 19 часов 35 минут 23 июня направили ему телеграмму: «Почему мехкорпус не наступал, кто виноват? Немедля активизируйте действия и не паникуйте, а управляйте. Надо бить врага организованно, а не бежать без управления. Каждую дивизию вы звать должны, где она, когда, что делает и какие результаты.

Почему вы не даете задачу на атаку мехкорпусу? Найти где 49-я и 113-я сд и вывести. Исправьте свои ошибки. Подвезите снаряды и горючее... Запомните, если вы не будете действовать активно, Военный совет больше терпеть не будет»¹.

В трудном положении к исходу вторых суток войны оказалась 3-я армия. Свидетельством этому служит донесение Кузнецова Павлову, направленное в 22 часа 23 июня. «Деремся без транспорта, горючего и при недостаточном вооружении, — говорилось в нем. — Только у Николаева (командир стрелкового корпуса) не хватает 3500 винтовок. Необходим срочный подвоз средствами фронта. При оставлении Гродно уцелевшие от авиации мосты и склады подорваны»².

Но исправить положение командующий фронтом был уже не в состоянии, так как имевшееся в тылу вооружение выдавалось отмотобилизованным контингентам войск из запаса, а транспортных средств не хватало даже в частях фронтового подчинения.

Сосредоточив внимание на гродненском направлении, командующий фронтом явно недооценил вначале брестское направление, на котором наступала группа Гудериана, в составе которой было четыре моторизованных корпуса. Из-за отсутствия связи с 4-й армией в течение ночи с 22 на 23 июня Павлов никаких распоряжений Коробкову не отдавал. «По решению командующего 4-й армией, — доносил Климовских в Генеральный штаб в 10 часов 23 июня, — армия имела задачу отходить не далее рубежа Каменец, Жабинка и с утра 23.6 атаковать противника в направлении Брест»³. Однако в течение всего дня она не атаковала, а в беспорядке поспешно отходила под натиском противника.

Об этом тот же Климовских в оперативной сводке к 22.00 сообщал начальнику Генерального штаба следующим образом: «4-я армия с утра

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 26. Л. 203—204.

² Там же. Д. 22. Л. 566.

³ Там же. Оп. 10169. Д. 7. Л. 17.

23.6 контратаковала противника в направлении Видомля, Брест, но вследствие активных действий авиации противника атака успеха не имела. Противник вновь перешел в наступление, и части армии отошли...»¹

За два дня боев 3-я и 2-я танковые группы продвинулись каждая на глубину 120—130 км. Белостокский «мешок» обозначался все явственнее. В этих условиях, по-видимому, следовало бы отказаться от наступательных действий и сосредоточивать внимание на организации обороны в оперативной глубине. С этими предложениями надлежало бы обратиться и в Ставку Главного Командования. Однако этого не делается. Армиям по-прежнему ставятся задачи не только на упорную оборону, но и на наступление.

Так, тому же Коробкову Военный совет Западного фронта к концу дня 23 июня отдал следующую директиву: «1. Приказываю упорной обороной остановить противника на фронте Трухновичи и далее по восточному берегу р. Ясельда до деревни Жабер, Дрогичин, канал Белозерский, прочно окопавшись, создав искусственные препятствия перед фронтом позиций армий, дать решительный отпор всякой попытке противника прорвать фронт армии.

2. В ваше распоряжение передается 55-я сд, прибывающая 24.6 головой Береза (перевозится автотранспортом из Слуцка с 22.6), и 121-я сд, направляемая 24.6 из Слонима на Ружаны.

3. Силами 121-й сд и 14-го мк решительно атаковать противника от Ружаны в общем направлении на Пружаны»².

Одной стрелковой дивизией да полуразбитым и неуккомплектованным механизированным корпусом совместно с одной кавалерийской дивизией соседней армии Павлов решил окружить и уничтожить прорвавшиеся в глубину танковые соединения Гудериана. Командующему 10-й армией в то же время отдается приказ: «В связи с наступлением ударной группы Болдина на Гродно вам удерживать рубеж: Забеле, Осовой, Визна, Капицы, р. Нарев до Сураж, Бельск—Подлески, Гайновка, 6-ю кд 24.6.41 г. сосредоточить в районе Свислочь в готовности 25.6.41 г. вести ею решительное наступление в направлении Пружаны. Павлов. Климовских. Фоминых»³.

Контрудар такими силами по флангам группы Гудериана был подобен комариному укусу.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 7. Л. 32.

² Там же. Д. 4. Л. 29—30.

³ Там же. Л. 28.

Одновременно был отдан приказ на продолжение контрудара в районе Гродно, на который командование фронтом и два маршала-консультанта, присутствовавшие там, по-видимому, делали главную ставку:

«Голубеву, Болдину, Кузнецову.

С утра 24 июня вам надлежит:

1. Ударной группой в составе 6-го и 11-го мк, 36-й кд под командованием тов. Болдина продолжать решительное наступление в общем направлении на Гродно, овладеть этим городом и продолжать наступление по обоим берегам р. Неман на Друскининкай и Меркине. Иметь в виду обеспечение операции по западному берегу р. Неман со стороны августовских лесов и со стороны Сувалки.

2. Командующему 3-й армией 85-й и 56-й сд атаковать в общем направлении на Гродно и закрепиться к северу от него. 27-й наступать на фронт Лабно, Липск, Домброва, где и закрепиться, войдя в связь со 2-й сд в районе Осовец.

3. 21-му ск, обеспечивая себя со стороны Вильнюс на фронте Ошмяны, станция Беньяконе 24-й и 37-й сд, 17-й сд наступать в общем направлении на Радунь, Ораны. Обеспечение с запада района Лида возлагается на 8-ю противотанковую бригаду.

Павлов. Климовских. Фоминых»¹.

Яркую картину того, что делалось в войсках в первые дни войны, рисует следующая директива Военного совета Западного фронта, отданная в 21.55 23.6:

«Военным советам 3, 10, 4-й армий и командирам 21, 47, 44-го ск, 17 и 20-го мк.

Опыт первого дня войны показывает неорганизованность и беспечность многих командиров, в том числе больших начальников. Думать об обеспечении горючим, снарядами, патронами начинают только в то время, когда патроны уже на исходе, тогда как огромная масса машин занята эвакуацией семей начальствующего состава, которых к тому же сопровождают красноармейцы, т.е. люди боевого расчета. Раненых с поля боя не эвакуируют, отдых бойцам и командирам не организуют, при отходе скот, продовольствие оставляют врагу. Приказываю:

1. Каждый начальник обязан заниматься обеспечением предстоящего боя огнеприпасами. Заставить снабженцев ежечасно заниматься организацией боевого обеспечения боя. Ответственность возлагаю на старшего начальника.

2. Прекратить эвакуацию семей на автомашинах.

3. Все должны исполнять обязанности по занимаемой должности.

---

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2454. Д.4. Л. 25—27.

4. Организовать эвакуацию раненых с поля боя. Ни один раненый командир и боец не должен остаться у врага.

Павлов. Климовских. Фоминых»¹.

С утра 24 июня сражение в районе Гродно разгорелось с новой силой. Танковые дивизии Хацкилевича наступали в северном направлении. Немцы уже успели организовать на этом участке сильную противотанковую оборону. Из-за недостатка орудий и механических средств тяги артиллерийская подготовка перед контрударом и сопровождение наступающих танков огнем артиллерии не проводились. Поэтому наши танки встретили мощный огонь противотанковых орудий врага. Несмотря на большие потери, танковым частям все же удалось вклиниться в оборону противника, который не выдержал этого натиска и отошел на северо-запад. Вскоре появились немецкие пикирующие бомбардировщики. Отсутствие советских истребителей над полем боя позволило им безнаказанно бомбить и поливать танки горючей смесью. В этот день, как зафиксировано в журнале боевых действий группы армий «Центр», основные усилия поддерживающего ее 2-го воздушного флота под командованием фельдмаршала Кессельринга были сосредоточены в районе Гродно.

В то же время наших самолетов было мало над полем боя, потому что сухопутные войска не были подготовлены к взаимодействию с ними. Танки не имели опознавательных знаков, а пехота ничем не обозначала своего местонахождения из-за боязни вражеских ударов с воздуха. Поэтому летчикам трудно было отличить свои войска от противника.

Павлов отдал распоряжение командующему ВВС фронта генералу Таюрскому: «С утра 24.6.41 г. оказать содействие ударной группе тов. Болдина не менее как 80 самолетами-бомбардировщиками в выполнении ею задачи по овладению Гродно и наступлению по обоим берегам Немана на Друскининкай и Меркине»².

Боевая задача была поставлена частям 12-й и 13-й бомбардировочных авиационных дивизий, которые нанесли удары по вражеским войскам, но, не будучи прикрыты истребителями, сами понесли большие потери.

Кроме фронтовой авиации, удары по колоннам войск и районам сосредоточения противника в районах Сувалки и Гродно наносили 42-я и 52-я дивизии 3-го авиационного корпуса дальнего действия, которым командовал полковник Н.С. Скрипко. Особенно отличились в тот день летчики Коломийченко, разбомбивший вражеский эшелон, и Лозенко, нанесший удар по скоплению немецких войск. Продолжали борьбу и уце-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 26. Л. 188—189.

² ЦАМО РО. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 26. Л. 234.

левшие самолеты-истребители. Летчик Никифоров сбил в тот день два самолета Ме-109.

Однако мужественные действия отдельных экипажей и частей не могли коренным образом изменить воздушную обстановку. Немецкие бомбардировщики наносили большой урон нашим войскам, особенно подвижным соединением, противовоздушная оборона которых не была организована.

После выхода из-под ударов вражеской авиации танковые части 6-го мехкорпуса были перенацелены на юго-восток от Гродно, так как соединения 3-й танковой группы Гота, рвавшие к Минску, полуокружили уже нашу 3-ю армию и подвижную группу Болдина. Мужественно действовали в этом бою танкисты 7-й танковой дивизии генерал-майора С.В. Борзилова. Противник был сломлен и бежал с поля боя. Однако развить успех и в этот день наши танкисты не смогли. Из-за отсутствия воздушной разведки и самолетов наведения, а также вследствие систематического нарушения управления, танковые дивизии наступали вслепую и разрозненно, находясь под непрерывными ударами немецкой авиации. Но главная причина невыполнения 6-м мк боевой задачи опять-таки объяснялась недостатком боеприпасов и горючего. Будучи без них беспомощными, танковые части таяли, точно горящие свечи.

А горючее, хотя и запрашивалось, но ниоткуда не поступало.

По-прежнему генерал Болдин не имел связи с командующим фронтом и не знал обстановки. 24 июня его посетил представитель Ставки маршал Кулик. «На нем запыленный комбинезон, пилотка. Вид утомленный, — вспоминал Болдин. — Докладываю о положении войск и мерах, принятых для отражения ударов противника. Кулик слушает, потом разводит руками, произносит неопределенное: “Да-а”. По всему видно, вылетая из Москвы, он не предполагал встретить здесь столь серьезную обстановку. В полдень маршал покинул наш КП. Прощаясь, он сказал, чтобы я попытался что-нибудь сделать. Я смотрел вслед удалявшейся машине Кулика, так и не поняв, зачем он приезжал»¹.

Думается, что и сам заместитель командующего Западным округом генерал Болдин никак не предполагал, что в начале войны сложится такая обстановка. Этого, говорил мне Г.К. Жуков, никто из нас не предполагал.

Продолжало ухудшаться положение 3-й армии. В 12 часов 30 минут Кузнецов направил Павлову боевое донесение, в котором указывал, «что противник, обходя правый фланг армии, наносит удар в лидском направлении... Мы никаких резервов не имеем и парировать удар нечем. Наи-

---

¹ Болдин И.В. Страницы жизни. М., 1961. С. 98.

более реальная сила — 11-й мехкорпус в течение 22—23.6 понес большие потери в танках, всего в нем осталось около 40—50 машин». В этом корпусе, начавшем формирование весной 1941 г., было 414 танков, из них Т-34 и КВ 20 машин.

Командарм сообщал, что войска понесли большие потери. «Как сама обстановка, так и отсутствие снабжения армии боеприпасами, — сигнализировал он, — ставят армию в чрезвычайно тяжелое положение... Плохо дело со связью... Ориентировки фронта не имею в течение двух суток»¹.

Из этого донесения следует, что 3-я армия, понесла большие потери, сражалась оставшимися силами, не пополняясь боеприпасами, без транспортных средств, не имея связи с фронтом, будучи предоставленной самой себе.

С ночи на 24 июня в полосу Западного фронта в панике отходили разрозненные группы и одиночные красноармейцы разбитой 11-й армии Северо-Западного фронта. «Вся дорога от Вильнюса до Молодечно, — доносил Климовских в 10 часов 24 июня начальнику Генерального штаба, — забита отходящими подразделениями пехоты, артиллерии и танков»².

Если командование и штабы 3-й и 10-й армии пока еще управляли войсками и как-то контролировали положение, то 4-я армия Коробкова по существу уже была полуразбитой и неуправляемой. В вышеуказанном донесении отмечено, что связь с 4-й армией отсутствует. А в оперативной сводке к 22 часам 24.6 указывается, что «4-я армия потеряла средства управления. Штаб армии разделен на группы по руководству отрядами. Командующий армией, член Военного совета, начальник штаба, начальник 1-го (оперативного) отдела выехали в войска для личного руководства боем. Данных о положении частей армии в течение 24.6 не поступало, высланные делегаты связи из армии еще не вернулись»³.

Хотя в штаб фронта, как следует из этого документа, донесения из 4-й армии не поступали, они тем не менее направлялись. В 19 часов было отправлено донесение, в котором указывалось: «Мотопехота противника к исходу 23.6 совместно с танковыми частями атаковала наши части на рубеже р. Ясельда. Разрозненные части 28-го ск и 14-го мк, не успевшие привести себя в порядок, не выдержали этой атаки, поддержанной большим количеством авиации, и начали отход, который превратился в неорганизованное сплошное отступление перемешанных частей за р. Ясельда. Кутру 24.6 части откатились восточнее рубежа Слоним, р. Шара...

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 15. Л. 12.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 7. Л. 29.

³ Там же. Л. 36.

Командующий армией лично с членом Военного совета и вместе с помощником командующего войсками Западного фронта генерал-майором Хабаровым, а также командиры соединений принимают все усилия для задержания противника на рубеже р. Шара».

К концу дня 24 июня в штаб фронта была направлена за подписью того же Сандалова первая за время войны оперативная сводка. В ней запечатлена печальная картина состояния войск 4-й армии к исходу третьих суток войны. «Остатки частей 6-й и 42-й сд, — говорится в ней, — не имеют боеспособности... С 49-й сд с момента выхода по тревоге — связи нет. 14-й мк понес большие потери и к 25.6.41 г. не имеет боеспособного состояния.

10-я смешанная авиадивизия 22.6.41 г. понесла громадные потери (почти целиком уничтожены оба истребительные и штурмовой авиаполки), в первой половине дня участия в боевых действиях не принимала...

От постоянной и жестокой бомбардировки, — подчеркивает начальник штаба армии, — пехота деморализована и упорства в обороне не проявляет. Отходящие беспорядочно подразделения, а иногда и части приходится останавливать и поворачивать на фронт»¹.

Для полноты картины скажем откровеннее, что остатки 4-й армии в панике бежали с поля боя, а члены Военного совета армии и командиры соединений с пистолетами в руках пытались остановить их и заставить обороняться. Но эта мера не давала желаемого результата.

Танковые соединения Гудериана, так же как и Гота, стремительно продвигались к Минску. Каждое из них в течение трех суток продвинулось на глубину до 180—200 км. Войска 3-й и 10-й армий оказались в «мешке». Успешные действия немецких подвижных соединений обеспечивала авиация. «В воздухе полное господство авиации противника, — подчеркивается в той же сводке, — город Минск в течение дня подвергался многократным бомбардировкам волнами численностью от 8 до 50 самолетов. В городе большие пожары и разрушения. Связь и управление войсками чрезвычайно затруднены ввиду полного отсутствия проводочной связи, недостатка, в результате потерь, в радио и подвижных средствах связи».

Климовских сообщал в Генеральный штаб также и о том, что «радиосвязь не обеспечивает передачу всех документов, так как шифровки проверяются по нескольку раз». Все дело в том, что пользоваться радиосвязью перед войной как следует не научились. Ориентировались в основном на проводные средства связи. В дополнение к неумелости, добавилась еще и радиобоязнь. Полагали, что радиообмен засекается про-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 12. Лл. 6—7, 9—10.

тивником, на что немедленно последует возмездие со стороны его авиации.

В Москве пристально следили за развитием событий на Северо-Западном и Западном фронтах. Видя угрозу возможного окружения Западного фронта, Ватутин, замещавший временно Жукова, предложил Тимошенко войти с ходатайством к Сталину об отдании директивы Павлову об отводе войск из Белостокского выступа на восток. Тимошенко согласился с этим предложением, и поздно ночью они отправились в Кремль к Сталину, работавшему, по привычке мирного времени, по ночам. Сначала он воспротивился этому, но тут подоспела положенная ему Поскребышевым на стол запись «переговоров по прямому проводу». Вот этот документ:

«Доклад члена Военного совета Западного фронта секретаря ЦК ВКП(б) Пономаренко П.К. 25.06.41 0.20.

Ввиду отсутствия других средств связи прошу передать тов. Сталину следующее. В связи с ожесточенными непрерывными бомбардировками Минск горит так, что вследствие большого количества деревянных строений локализовать пожар не удастся. Город лишен света, воды, всех средств связи, поэтому управлять областями невозможно. Военсовет решил сегодня ночью эвакуировать республиканские учреждения в Могилев и ставить вопрос о перемещении штабных служб»¹.

Сообщение Пономаренко возымело действие. Сталин разрешил Тимошенко сразу же из Кремля направить Павлову директиву об отводе войск на рубеж Лида, Слоним, Пинск. Павлов получил это распоряжение на рассвете 25-го. Посоветовавшись с Шапошниковым, он решил в 5 часов 15 минут переговорить по аппарату «Бодо» с Ватутиным. Но его на месте не оказалось. К аппарату подошел дежурный генерал.

«— Я беспокою Вас в отношении директивы, полученной мной лично из Ставки в 3.47 утра. Я хочу уточнить один вопрос. Директива требует провести одну операцию под прикрытием темноты. Я прошу Вас позвонить тов. Ватутину и спросить указание наркома, производить ли эту операцию в ночь с 24 на 25 ибо в 3.47 уже светло или ночью с 25 на 26-е. Понятно? Прошу сейчас это сделать.

— Тов. маршал! (обратился генерал к Шапошникову, который был также у аппарата в Минске. — В.А.). Тов. Ватутин в Кремле, что прикажете доложить? Тов. маршал, директива передавалась из Кремля и к нам еще не поступала. Сейчас же звоню Ватутину и о результатах доложу. (Наступила пауза. — В.А.).

— Приказание наркома: операцию проводить с 25 на 26-е в ночь»².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 8. Оп. 930688. Д. 63. Л. 69.

² Там же. Л. 96—97.

В связи с тем, что отвод войск задерживался еще на одни сутки, они продолжали действовать согласно ранее отданным распоряжениям.

Группа Болдина и с утра 25 июня все еще продолжала упорную борьбу с врагом. Танковые части 6-го мехкорпуса, так же как и части Мостовенко, действовали самостоятельно, без поддержки пехоты, артиллерии и авиации. Танкисты сражались храбро. Когда кончались горючее и боеприпасы, они сжигали свои машины, чтобы те не достались врагу. Так постепенно прекращал свое существование лучший механизированный корпус Красной Армии, укомплектованный на 10% сверх штатной численности и имевший в своем составе 1131 боевую машину, из них 452 танка Т-34 и КВ. На полс боя пал в тот день его командир генерал Хацкилевич. Он находился все время с войсками, в гуще боев, воодушевляя танкистов своим мужеством.

Фельдмаршал Бок подтянул в район Гродно 8-й и 20-й армейские корпуса. Напор противника значительно усилился. Танковые дивизии группы Болдина были расчленены на части и вели разрозненные, не связанные единым замыслом бои. Штабная группа Болдина была обойдена в тот день войсками противника и потеряла связь с частями 6-го мехкорпуса. Командир 4-й танковой дивизии генерал-майор А.Г. Потатурчев донес в середине дня в штаб фронта, что в его частях нет боеприпасов, а потери танков достигают 50%¹.

Не установив связи со своим заместителем, Павлов в 16 часов 45 минут 25.6 направил через штабы 3-й и 10-й армий следующее боевое распоряжение на имя командира 6-го мехкорпуса: «Немедленно прервите бой и форсированным маршем, следуя ночью и днем, сосредоточьтесь в Слоним, Свяжитесь по радио с Голубевым и непосредственно со мною. О начале движения утром 26 июня и об окончании марша донесите. Радируйте о состоянии горючего и боеприпасов»².

Из этого документа следует, что Павлов не получил ни одного донесения из 6-го мк о том, что у них кончаются горючее и боеприпасы. Зная, судя по оперативной сводке штаба фронта, к 10 часам 25.6 о том, что Слоним занят воздушным десантом и передовыми частями 47-го моторизованного корпуса из группы Гудериана, он, не предупреждая об этом, направляет туда 6-й мк. Однако и этот приказ Павлова обстановка не позволила остаткам 6-го мк выполнить.

С 25 июня активные действия войск Западного фронта в районе Гродно прекратились. Осуществить мощный контрудар силами 6-го и 11-го мехкорпусов во фланг сувалкской группировке противника так и не уда-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 27. Л. 57.

² Там же. Л. 55.

лось. Более того, как докладывал позже начальнику автобронетанкового управления фронта командир 7-й танковой дивизии генерал Борзилов, 6-й мк с 22 по 30 июня не был использован в целом как механизированное соединение. Он перебрасывался с одного направления на другое, находясь под ударами авиации противника¹.

Наступательные действия в районе Гродно не привели к достижению решительных целей. За их позитив можно считать лишь то, что шесть немецких пехотных дивизий 5 суток были прикованы к этому участку фронта, неся большие потери и не имея возможности развивать наступление вслед за танками Гота. Это нарушало планы противника и срывало сроки выдвижения к Днепру. Гальдер специально направлял в этот район генерал-инспектора пехоты Отта. После его доклада об итоге боев в районе Гродно в служебном дневнике Гальдера 29 июня появилась весьма характерная запись: «Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволить себе известные вольности и отступления от уставных принципов; теперь это уже недопустимо».

25 июня в 8 часов утра авиационная разведка, организованная штабом фронта, установила движение колонн танков и автомашин из Вильнюса на Минск. По распоряжению Павлова 12-я авиационная дивизия в 12 часов нанесла бомбовые удары по немецким колоннам в районе Замбжек. Однако это не остановило их. К исходу дня передовые части группы Гота подошли к Минскому укрепленному району. Согласно решению Военного совета фронта, принятому лишь за несколько часов до этого, этот УР должны были оборонять 64-я и 108-я стрелковые дивизии 44-го стрелкового корпуса под командованием комдива В.А. Юшкевича. Эти дивизии из Вязьмы и Смоленска перевозились по железной дороге в Минск, а оттуда, по мере прибытия эшелонов, выдвигались в укрепленный район. К моменту подхода к УР немецких частей туда успели, выйти лишь некоторые подразделения названных дивизий и то без артиллерии. Они не смогли подготовить прочную оборону. В результате этого северо-западные подступы к Минску, ограниченные Вилейской низменностью и Налибокской пушей, оказались почти неприкрытыми.

На левом крыле Западного фронта войска 4-й армии вели арьергардные бои с танковыми соединениями Гудериана в районе Слонима. Смертью храбрых погиб в этом бою командир 22-й танковой дивизии генерал-майор В.К. Пуганов. Мужественно дрались с врагом подразделения 30-й танковой дивизии полковника С.И. Богданова.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 38—39. Оп. 80038. Д. 1. Л. 293.

Один из эпизодов этого боя запечатлел в своих воспоминаниях Гудериан, находившийся в то время на командном пункте 17-й танковой дивизии, на западной окраине Слонима. «Обсуждая создавшуюся обстановку, — писал он, — мы услышали в нашем тылу интенсивный артиллерийский и пулеметный огонь; горящая грузовая автомашина мешала наблюдать за шоссе, идущим из Белостока; обстановка была неясной, пока из дыма не показались два русских танка. Ведя интенсивный огонь из пушек и пулеметов, они пытались пробиться на Слоним... Русские танки обнаружили нас; в нескольких шагах от места нашего нахождения разорвалось несколько снарядов; мы лишились возможности видеть и слышать. Будучи опытными солдатами, — продолжал Гудериан, — мы тотчас же бросились на землю, и только не привыкший к войне бедняга подполковник Феллер, присланный к нам командующим резервной армией, сделал это недостаточно быстро и получил весьма неприятное ранение. Командир противотанкового дивизиона подполковник Дальмер-Цербе получил тяжелое ранение и через несколько дней умер»¹.

Несколькими часами раньше в 5 км к юго-западу от Слонима частями только что введенной в бой 155-й стрелковой дивизии была разгромлена штабная колонна 2-й танковой группы. В одной из разбитых машин была найдена карта с нанесенной обстановкой. На ней были указаны полосы и направления наступления всех корпусов (48, 47 и 24-го моторизованных и оперативно подчиненного 12-го армейского) 2-й танковой группы. Эта карта была доставлена в штаб фронта.

Но не требовалось уже никаких карт, чтобы раскрыть замысел противника. Захватив рубеж р. Шара, соединения Гудериана подошли к Барановичам. Выход 3-й танковой группы в район Молодечно, а 2-й в Барановичи ставил в катастрофическое положение войска 3, 10 и выдвигаемой из второго эшелона 13-й армий.

Вступление почти всех соединений левого крыла группы армий «Центр» в полосу Западного фронта значительно увеличило численное превосходство противника. Используя выгоды обстановки, главнокомандование германских сухопутных войск потребовало от Гота и Гудериана ускорить выдвижение к Минску.

В соответствии с разрешением, полученным из Москвы, Военный совет Западного фронта днем 25 июня направил в войска директиву об отходе на восток. «Сегодня в ночь с 25 на 26 июня 1941 г. не позднее 21 часа, — указывалось командующим армиями, — начать отход, приготовить части. Танки в авангарде, конница и сильная противотанковая обо-

---

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1954. С. 148—149.

рона — в арьергарде. «Предстоящий марш совершать стремительно днем и ночью под прикрытием стойких арьергардов. Отрыв произвести широким фронтом. Первый скачок — 60 км в сутки»¹.

Осталось неизвестным, дошло ли до исполнителей содержание этой уже невыполнимой в сложившихся условиях директивы.

В 21 час 25.6.41 г. состоялись переговоры по прямому проводу Павлова с Тимошенко.

«Тимошенко: Здравствуйте, доложите кратко выполнение директивы.

Павлов: Сегодня с наступлением темноты части 10-й и 3-й армий должны быстро оторваться от врага и сделать за сутки не менее 60 км. В 4-й армии был лично сам. Приказал укрепить положение и обороняться на рубеже р. Шара. (Это неправда. Во время этого разговора части 4-й армии находились в 30—40 км к востоку от р. Шара. — В.А.)

64-я и 100-я стрелковые дивизии (13-й армии) организовали противотанковую оборону и развернулись на линии Минского УРа фронтом на северо-запад, имея в виду встретить танковые колонны противника, которые по данным авиаразведки на 18.00 подходили к Молодечно и Грудок. Все мосты на путях отхода 3-й и 10-й армий разбиты авиацией противника. Мы находимся на КП в районе Минска.

Тимошенко: Готов ли у вас КП в Могилеве? Если нет, то надо ускорить готовность.

Павлов: Нет. К подготовке еще не приступили. Уходить же с этого КП до выполнения вашей директивы считал бы нецелесообразным, дабы не потерять управление.

Тимошенко: Готовить прибывающие дивизии в район восточное Минска... Надо принять все меры к обеспечению правого фланга Минского УРа с севера, по вооружению как Минского, так и Слуцкого УРов и промежутка между ними. В течение завтрашнего дня, начиная с утра Главное командование приковывает к группировкам Барановичи, Осиняны, Воложин два авиакорпуса. Тоже рекомендуется и вам направить усилия своей авиации.

Павлов: В отношении авиации мы все внимание сосредоточиваем именно на выполнение этой задачи... В отношении усилий противника и его стремления свести клещи окружения в районе Барановичи или даже Минска — мы ясно учитываем. И поэтому при выполнении вашей директивы уже создается группировка, которая позволила бы нам справиться и расправиться с этим окружением.

Стык между Минским и Слуцким УРаи пытаемся закрыть вооруженными бойцами 2-го мк, которые танков и артиллерии не имеют, но

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 17. Л. 59.

вооружены винтовками и пулеметами. Больше у нас никаких сил и резервов нет»¹.

В Москве более реально, чем в Минске, оценивали обстановку и не верили уже докладам командующего и оперативным сводкам штаба фронта. В 5 часов утра 26 июня Тимошенко вновь позвал к аппарату «Бодо» Павлова.

«Тимошенко: Кратко, что имеете о действиях (войск)?

Павлов: Связи с 10-й армией нет. Сейчас направляем боевые самолеты для точного определения, где находятся наши части и противника. На вильнюсском направлении, по докладу командира 5-й танковой дивизии Прибалтийского округа, приехавшего, бросив остатки своей дивизии, сюда, механизированные части противника в 22.30 заняли Молодечно и ночью подошли к Ракову.

Тимошенко: Связь с 4-й армией имеется действительно? Она в прежнем положении?

Павлов: Вторую половину ночи связи не было. Сейчас послал проверить проволочную связь. Связи ни с кем нет, кроме 2-го и 44-го стрелковых корпусов (13-й армии). Рации же в армиях все разгромлены. Осталось по одной рации. Просил бы выслать РСБ самолетами.

Тимошенко: Пошлите подвижные отряды и конницу в тыл противника. Мы поможем действиями дальнебомбардировочной авиации.

Павлов: Примем все меры для практического проведения вашей директивы в жизнь»².

Примерно в это же время, по воспоминаниям Щербакова, генерала по особым поручениям у Ворошилова, дважды звонил Павлову Сталин. Командующий фронтом заверил и его, что примет все меры к отводу войск на восток и защите столицы Белоруссии. Тем не менее Сталин, сильно нервничавший и не доверявший уже Павлову, решил направить к нему Ворошилова с целью на месте разобраться в обстановке и оказать помощь командующему фронтом. Утром 27 июня Ворошилов прибыл на командный пункт Западного фронта, находившийся уже в лесу, в районе Могилева, на восточном берегу Днепра.

Вместе с ним для оказания помощи в организации партизанской борьбы в Белоруссии прибыли направленные Разведывательным управлением Генерального штаба бригадный комиссар Г.Л. Туманян и полковник Х.У. Мамсуров, имевший опыт организации ее в Испании. С секретарем компартии Белоруссии П. Пономаренко, являвшемся одновременно и членом Военного совета фронта, они в тот же вечер решили вопрос о созда-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 8. Оп. 930688. Д. 63. Л. 137—145.

² Там же. Л. 151—158.

нии диверсионных групп в составе 15—20 человек для действий на коммуникациях противника.

В соответствии с директивой Военного совета фронта, вечером 26 июня войска 3-й и 10-й армий начали отход на восток. Из-за перебоев в работе средств связи многие командиры соединений получили приказ лишь спустя сутки. Для отвода войск двух армий оставалась узкая полоса местности шириной до 60 км с небольшим количеством грунтовых дорог. Движение по ним после прошедших сильных дождей было сопряжено с большими трудностями, которые усугублялись непрерывными налетами немецкой авиации. Из-за недостатка автотранспорта и горючего войскам не удавалось оторваться от наседавшего противника, поэтому они были вынуждены вести напряженные аррьергардные бои, в то время как на флангах фронт все дальше откатывался на восток.

Немцы стремились как можно скорее выйти к Минску и замкнуть кольцо окружения. Первыми к Минскому УРу утром 26 июня вышли передовые отряды группы Гота. Навстречу им поспешно выдвигались резервы фронта, объединенные в 13-ю армию под командованием генерал-майора П.М. Филатова. Натолкнувшись на упорное сопротивление, Гот направил свои танки в обход Минска с северо-востока.

Воздушная разведка вскрыла эти колонны на марше. Генерал Климовских от имени Военного совета срочно сообщил Тимошенко, что до 1000 танков обходят Минск, а противодействовать им фронту нечем. Для срыва наступления немецких танков председатель Ставки решил использовать авиацию резерва Главного командования. В 15 часов 26 июня он приказал командирам 3-го и 1-го авиакорпусов полковнику Н.С. Скрипко и генералу В.И. Изотову непрерывными налетами целых полков днем и ночью бомбить с высоты 400 м танки противника, не допуская их переправы через Днепр.

В соответствии с приказом Тимошенко два этих авиакорпуса, на вооружении которых были в основном большие, тяжелые и очень тихоходные самолеты ТБ-3, а также бомбардировочные авиационные дивизии фронтового подчинения, с 26 июня наносили удары по танковым колоннам противника, действуя без прикрытия истребительной авиацией. Наши летчики показали в июньские дни многочисленные примеры беззаветного служения отечеству. 26 июня бессмертный подвиг совершил командир эскадрильи 42-й авиадивизии капитан Н.Ф. Гастелло, направив свой горящий бомбардировщик на колонну вражеских машин.

К сожалению, не имея прикрытия, наши бомбардировочные соединения несли очень большие потери. Будучи в эти дни на Западном фронте, писатель К.М. Симонов был очевидцем этого. «И здесь я стал свидетелем картины, которой никогда не забуду, — свидетельствует он. — На

протяжении десяти минут я видел, как “мессершмитты” один за другим сбили шесть наших ТБ-3. “Мессершмитт” заходил ТБ-3 в хвост, тот начинал дымиться и шел книзу. “Мессершмитт” заходил в хвост следующему ТБ-3, слышалась трескотня, потом ТБ-3 начинал гореть и падать. Падая, они уходили очень далеко, и черные высокие столбы дыма стояли в лесу по обеим сторонам дороги»¹.

Так плачевно заканчивали свое существование к началу июля наши дальнебомбардировочные авиационные корпуса.

Оценив сложившуюся к исходу 25 июня обстановку, Сталин пришел к выводу, что контрнаступление в этих условиях не удастся осуществить. К нему нужно тщательно подготовиться, исправив предварительно положение на Западном фронте. Чтобы выполнить эту задачу, он решил отозвать в Москву из Юго-Западного фронта Жукова. Утром 26 июня он позвонил в Тернополь, пригласил его к аппарату и сказал:

«— На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Можете вы немедленно вылететь в Москву?»

— Сейчас переговорю с товарищами Кирпоносом и Пуркаевым о дальнейших действиях и выведу на аэродром» — ответил Жуков»².

В середине дня он прилетел в Москву и прямо с аэродрома направился к Сталину. У него в кабинете были Тимошенко с Берией. «Хозяин» был в возбужденном состоянии. Поздоровавшись, сказал: подумайте вместе, что можно сделать в сложившейся обстановке, и бросил на стол карту Западного фронта. Всю ночь Жуков изучал обстановку, заслушивал начальников отделов Генерального штаба, разговаривал по телефону с начальниками родов войск и служб. В 11 часов 23 минуты 27 июня состоялись его переговоры с Павловым.

«Жуков: Доложите, где противник и где ваши войска, какие ваши планы?»

Павлов: Докладываю: мк противника, действующий со стороны Вильно, задержан, по-видимому, передовыми частями Минского УРа. Сведений с фронта Кузнецова В.И. — нет. После атаки на Гродно мы имеем перехваченный документ, адресованный Голубеву и Кузнецову, расшифровываем его. Где стрелковые части Голубева сейчас, не знаем. Части Коробкова, прикрывающие Бобруйск, были в 8 км восточнее Слуцка. Не знаю и не могу добиться, где Кулик и Болдин...

¹ *Симонов К.М.* Разные дни войны. Т. 1. М., 1977. С. 45—46.

² *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 34.

План остается прежним. Продолжаю выводить и буду приводить в порядок, а после выгрузки Московского (1-я Московская мотострелковая дивизия под командованием полковника Я.Г. Крейзера. — В.А.) думаю действиями накоротке бить противника по частям с последующим выводом наших частей на рубеж, указанный в вашей директиве. Хозяйство Жигарева (авиация) очень слабо. Нельзя ли ускорить подачу Московского?

Жуков: Куда приблизить Московский?

Павлов: На перегоны ближе к Борисову.

Жуков: В чьих руках Минск, Бобруйск, Плещеницы, Логойск. Нет ли прорыва танков на Борисов?

Павлов: Все в наших руках.

Жуков: Хорошо. Слушайте приказ от имени Ставки Главного Командования. Ваша задача:

А) Срочно разыскать все части и объяснить им обстановку, положение противника и положение своих частей, особо детально обрисовать места, куда проскочили передовые мехчасти врага. Указать частям, где остались наши базы горючего, боеприпасов и продфуража, чтобы части снабдили себя. Указать частям их задачу — вести ли бои или сосредоточиться в районах, по каким дорогам и в какой группировке.

Б) Выяснить, каким частям нужно подать горючее и боеприпасы самолетами, чтобы не бросать дорогостоящую технику, особенно тяжелые танки и тяжелую артиллерию.

В) Оставшиеся войска выводить в трех направлениях: 1) через Докшицы в Полоцк, собирая части за Лепельским и Полоцким УРами; 2) направление Минск, собирая части за Минским УРом; 3) направление на Глусские леса и на Бобруйск.

Г) Иметь в виду, что первый механизированный эшелон противника очень далеко оторвался от своей пехоты. В этом сейчас слабость как оторвавшегося первого эшелона, так и самой пехоты, двигающейся без танков. Если только подчиненные вам командиры смогут взять в руки части, особенно танковые, то можно было бы нанести уничтожающий удар как тылу для разгрома первого эшелона, так и для разгрома пехоты, двигающейся без танков. Если удастся, организуйте сначала мощный удар по тылу первого мехэшелона противника, движущегося на Минск и Бобруйск, после чего можно с успехом повернуться против пехоты. Такое смелое действие принесло бы славу войскам Западного округа. Особенно большой успех получится, если сумеете организовать ночное нападение на мехчасти.

Д) Конницу отвести в Пинские леса и, опираясь на Пинск, Лунинец, развернуть самые смелые и широкие нападения на тылы частей и сами

части противника. Отдельные мелкие группы конницы под командованием преданных и храбрых средних командиров расставьте на всех дорогах.

Знакомы ли вы с обстановкой слева и справа? Вы Коробкова видели и где?

Павлов: Только что приехал от Коробкова. С обстановкой не знаком...

Жуков: Ориентирую в обстановке. Очень хорошо дерутся войска Киевского и Одесского военных округов, где и управление войсками организовано не плохо. Секрет их заключается в близости штабов к войскам и хорошей организации делегатской службы. Вклинений больших нет, за исключением района Сокаль, где имеется вклинение на 40—50 км. Сосед справа справился очень плохо и сейчас войска отходят на р. Западная Двина, занимая рубеж от Риги через Двинск до Друя. На рубеже Полоцк—Витебск — хозяйство Ермакова (22-я армия). Вот в общих чертах.

Наш план сейчас заключается в том — громить, уничтожать, пленить растянувшиеся части противника, не имеющие между собой по фронту никакого тактического взаимодействия.

Павлов: Все ясно. Поправляю и поправлю все.

Жуков: Желая успеха. Не забывай ни на минуту того доверия, которое оказали тебе правительство, партия и страна. А поправить дело можешь, если организованнее будешь действовать. Все проверить лично и не доверять на слово болтунам. Будь здоров. До свидания»¹.

Содержание этих переговоров убедительно свидетельствует, что в Москве не представляли истинного положения войск Западного фронта, которые, не считая 13-й армии, были совершенно не боеспособны и не могли решать те задачи, которые ставила им Ставка устами Жукова. Повидимому, Павлов и сам не осознавал еще, что делается по ту сторону Минска.

Не сразу осознали это и Шапошников с Ворошиловым, находившиеся в штабе Западного фронта. Последний 27 июня учинил Павлову настоящий допрос. Как он, Павлов, ухитрился, имея 44 дивизии, отдать врагу в течение пяти дней значительную часть Белоруссии? — вопрошал Ворошилов. Павлов в ответ заявил, что нападение противника застигло его войска врасплох. Директиву о приведении в боевую готовность получили поздно, сказал он, и поэтому не смогли довести до войск. Получи мы ее раньше, события развивались бы совершенно по-иному. Главное, что срывает сейчас все наши мероприятия, это действия немецкой авиации.

Ворошилов упрекнул Павлова в том, почему он до получения директивы ничего не предпринимал в целях повышения боевой готовности?

¹ ЦАМО РФ. Ф. 8. Оп. 930688. Д. 63. Л. 203—208.

Павлов сказал, что это категорически запрещал делать Центр. По этому вопросу он дважды 17 и 19 июня направлял телеграммы на имя Сталина. По поручению последнего 21 июня Ватутин ответил ему категорическим запрещением что-либо предпринимать, чтобы не спровоцировать немцев.

А тем временем события складывались все хуже и хуже. Огромное преимущество противнику предоставляло господство в воздухе. Из-за недостатка истребителей, зенитных орудий и боеприпасов к ним наши войска не прикрывались с воздуха. Вот что писал по этому поводу в политдонесении начальник отдела политической пропаганды 2-го стрелкового корпуса 13-й армии: «С 27 по 30 июня на фронте в районе Минска ни одного раза не появлялась наша авиация; в этих условиях авиация противника орудует безнаказанно»¹. И не случайно поэтому войны 100-й и 161-й стрелковых дивизий, сражавшиеся с врагом в Минском укрепленном районе, говорили тогда: «Дайте снарядов, помогите самолетами — мы никогда не отступим».

В оборонительном сражении под Минском войска 13-й армии умело использовали занятые ими долговременные огневые точки. В отчете о боях 3-й танковой группы отмечалось, что минские доты частично пройдены не занятыми войсками противника, в то время как при преодолении других дивизии несли тяжелые потери, прорываясь через укрепленный пояс. Соединения армии, особенно 2-го ск генерала А.Н. Ермакова, удерживали занимаемые рубежи до 28 июня. В этих боях войны 100-й сд, которой командовал генерал-майор И.Н. Руссиянов, используя связки гранат и бутылки с горючей смесью, уничтожили до 100 танков, бронемашин и мотоциклов противника.

Однако, встречая на том или ином участке фронта упорное сопротивление, танковые соединения противника, не ввязываясь в затяжные бои, стремились обойти их с флангов. К исходу 28 июня большая часть войск 13-й армии находилась восточнее Минска. К городу с северо-запада и юго-запада рвались немецкие танки. В 17 часов 28 июня 12-я танковая дивизия группы Гота после упорного боя ворвалась в столицу Белоруссии, а на следующий день танковые группы Гота и Гудериана соединились. Войска 13-й армии в основном успели отойти на восток и развернуться на рубеже Борисов, Смоленичи, р. Птичь. Соединения 3-й и 10-й армий, отступавшие из Гродно и Белостока на Новогрудок, Минск, оказались в окружении.

Оценив сложившуюся обстановку, Шапошников с Ворошиловым приняли правильное решение, которое довели до сведения Павлова и сообщили 28 июня Сталину. «Командованием (Ворошилов, Шапошников. —

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 22149. Д. 2. Л. 107.

В.А.) отдан приказ войскам по договоренности с командованием фронта принять решение построить два тыловых рубежа и один промежуточный. Места расположения оборонительных рубежей: № 1. По реке Березина с опорными пунктами в районах Борисов, Березино и Бобруйск. № 2. По реке Днепр: Орша, Шклов, Могилев, Старый Быхов, Рогачев. Промежуточный рубеж создать на реке Друть с опорными пунктами Толочки, Круглое и Пильняки. В настоящее время к работам приступили.

В первую очередь будут открыты эскарпы, противотанковые рвы и заминированы мосты. Для форсирования работ договорился с тов. Пономаренко о выделении 80—100 тыс. рабочих в распоряжение командования... Ввиду того, что инженерные войска были розданы по частям и там остались, то хорошо бы командировать Западному фронту 50 инженерно-фортификаторов из управлений и 150 слушателей с двух последних курсов. Решено особенно тщательно укрепить днепровский рубеж.

По тылу тов. Соколов организует работу в направлении:

а) создания заградительных отрядов по линии Орша, Могилев, Одовск для задержания беспорядочно отходящих военнослужащих;

б) всех военнослужащих, проникших за линию Смоленск, Рославль сосредоточивать на сборных пунктах и направлять на линию Днепра.

По линии НКГБ СССР создано и уже действуют десять групп по 100 человек в каждой для диверсионной работы и организации партизанских отрядов в тылу противника. Сегодня будет выброшено в тыл противника еще 500 человек... Авиация противника не может состязаться с "МиГами", поэтому крайне необходимо дать Западному фронту в ближайшие дни хотя бы один полк. С не меньшим эффектом проявил себя Ил-2. Наши бойцы и командиры от него в восторге. Убедительная просьба дать этих машин побольше... 3, 10 и 4-я армии отходя полностью потеряли свои рации. Требуется выслать еще 10 РСБ, кроме выделенных¹.

О том, что враг ворвался в Минск и окружил 3, 10 и 21-й ск 13-й армии, ни в штабе фронта, ни в Генеральном штабе не было еще известно. В девятом часу утра 29 июня состоялись переговоры Ватутина с начальником оперативного отдела штаба фронта генерал-майором Семеновым.

«Ватутин: тов. Семенов, понимаете ли вы всю важность и срочность момента? В вашем распоряжении остается всего лишь несколько часов. Ваш доклад неконкретный и путанный... Где 6-й мк? Кто удерживает Слуцкий УР? Где Кулик и Шапошников?»

Семенов: Слуцк в руках противника. Кулик вместе с Болдиным, связи не имеем. Шапошников все время находится с нами...Сегодня в ночь

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 72. Л. 93—106.

была бомбардировка Смоленска, в результате чего было нарушение связи»¹...

Не удовлетворившись разговором с Семеновым, Ватутин попросил начальника оперативного управления Генерального штаба генерал-лейтенанта Г.К. Маландина переговорить с Павловым.

«Маландин: Генерал Семенов только что доложил об отходе 2-го ск. Нарком и начальник Генерального штаба приказали выяснить у вас лично:

1) в чьих руках Минск? 2) оставлен или нет УР?

Павлов: Имею данные об отходе под ударом механизированных частей только 2-го корпуса, который еще сегодня утром был в Топилово, Моховое, Смиловичи. Противник обошел УР.

Маландин: Как остальные части?

Павлов: Не имею данных. Оставлен ли Минск и УР командующий 13-й армией запрошен. Ожидаю ответа. Докладываю, что командующий 13-й армией не имел данных об отходе 2-го ск. Наличие крупных мехсоединений, в боях с которыми наши части израсходовали артиллерийские снаряды. 100-я дивизия отбивается от танковых атак бутылками с бензином. Создававшаяся угроза окружения 44-го ск и 20-го мк вынудили меня принять решение на вывод частей 2-го ск и 44-го ск на рубеж Стахов в 8 км северо-западнее Борисов, Червень, а 20-й мк в район Свислочь — северо-восточнее Бобруйска. 21-й ск — в районе Ивье окружен, пробивается... Прошу поддержать авиацией и ускорить темпы перевозок войск в район Орша для прочного занятия обороны по р. Днепр. Это тем более необходимо, что наши войска, находящиеся в западных областях, с выходом на р. Березина опаздывают, а в Орше разгружаются случайные части. Последнее доложено маршалу Ворошилову и он настоятельно просит указать, какие части, куда выходят и в какие сроки, чтобы наметить план предстоящих действий.

Маландин: Насколько устойчиво положение отведенных войск на новом рубеже?

Павлов: На новый рубеж вышли только части Коробкова, понеся огромные потери от действия танковых войск и авиации противника, и требуют серьезного укомплектования и приведения в порядок. Остальные части пробиваются»².

Почти сутки спустя после вступления немцев в Минск штаб фронта и его командующий, находившиеся на командном пункте в районе Могилева, не располагали еще точными сведениями о том, что там происхо-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 8. Оп. 930688. Д. 63. Л. 207.

² Там же. Л. 229—233.

дит. Но до Москвы из сообщений немецкого радио эти сведения дошли днем 29 июня. Чтобы убедиться в этом, Сталин приехал в Наркомат обороны. Он был раздражен, пытался получить от Тимошенко сколько-нибудь определенный ответ на вопрос: что же происходит на Западном фронте? Но тот и сам не знал, так как из-за повреждений линий связи вражеской бомбежкой последних данных из Могилева не поступало, а поступившим никто уже не верил.

В тот день, 29 июня, когда после захвата врагом Минска у всех политических и государственных руководителей открылись глаза, какая угроза нависла над страной, Совнарком и ЦК ВКП(б) приняли специальную директиву советским и партийным организациям прифронтовых областей. Этой директиве, положенной потом в основу речи Сталина 3 июля, суждено было стать программой мобилизации всех сил народа на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками.

Активное участие в разработке этой директивы принял и сам Сталин. Чтобы снять с себя ответственность за случившееся и утвердить в народе и в войсках собственную непогрешимость, он замыслил найти «стрелочников», на которых можно было бы взвалить вину за сокрушительное поражение войск Западного фронта и серьезные неудачи на других фронтах. Чтобы придать расправе видимость законности, он внес коррективы в 6-й пункт, требующий «немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, — невзирая на лица».

Директивой, а затем речью Сталина партия и правительство призвали советский народ осознать всю глубину опасности, нависшей над Родиной, перестроить всю работу на военный лад, организовать всестороннюю помощь Красной Армии, при вынужденном отходе вывозить все ценное имущество, а что нельзя вывезти — уничтожать, во временно оккупированных противником районах организовать партизанские отряды и диверсионные группы, создавая невыносимые условия для врага. «Теперь, — подчеркивалось в документе, — все зависит от нашего умения быстро организовать и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом»¹.

Около 19 часов Сталину поступила телеграмма от Ворошилова, в которой сообщалось, что «обстановка на фронте внезапно резко ухудшилась. Подробности донесу дополнительно»².

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6, 1941—1954. М., 1971. С. 19.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 72. Л. 123.

Поздно вечером 29 июня связи с Западным фронтом не было. Сталин позвонил Тимошенко, но и тот ничего вразумительного ответить не мог. «Встревоженный таким ходом дела, — вспоминает А.И. Микоян, — Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны СССР и на месте разобраться в обстановке. В кабинете С.К. Тимошенко находились Г.К. Жуков, Н.Ф. Ватутин и еще несколько генералов и офицеров Генштаба. Здесь состоялся весьма суровый разговор. Только в этот момент Сталин по-настоящему понял всю серьезность просчетов в оценке возможности, времени и последствий нападения со стороны гитлеровской Германии»¹.

Вспоминая это посещение Сталиным Наркомата обороны, Жуков заметил, что он крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном направлении. «И как он ни обвинял Д.Г. Павлова, — пишет Георгий Константинович, — все же нам казалось, что где-то наедине с собой он чувствовал во всем этом и свои предвоенные просчеты и ошибки»².

Возможно, это и так, но не таков был Сталин, чтобы взять вину за происходящее на себя. Он умел найти «козлов отпущения».

Получив «накачку», Жуков, по указанию Тимошенко, как только смогли установить связь, в 6 часов 45 минут раздраженно начал переговоры с Павловым, продолжавшиеся до 8 часов 30 июня. Вот их содержание.

«Жуков: Мы не можем принять никакого решения по Западному фронту, так как не знаем, что происходит в районе Минска, Бобруйска, Слуцка. Где ваши части? Прошу сообщить для доклада Ставке по существу этих вопросов.

Павлов: В районе Минска вчера вечером начал отход 44-й стрелковый корпус южнее Могилевского шоссе; рубежом обороны, на котором должны остановиться, назначен Стахов-Червень. В районе Слуцка вчерашний день вела бой 210-я мотострелковая дивизия. В районе Бобруйска сегодня в 4 часа противник навел мост, по которому проскочило 12 танков, идет усиленная подготовка к переправам через Березину. Ответственные командиры выехали навстречу войскам 2, 44 и 22-го ск, разрозненно отходящим с запада.

Жуков: Немцы передают по радио, что ими восточнее Белостока окружены две армии. Видимо, какая-то доля правды в этом есть. Почему ваш штаб не организует высылку делегатов на танках, самолетах, не разошлет местных жителей из числа коммунистов для того, чтобы найти части. Нам непонятно: прошло пять дней, а мы не можем найти части и

---

¹ Новая и новейшая история. 1985. № 6. С. 98.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 38.

получить члснораздельный доклад: где Кулик, Болдин, Кузнецов, кавалерийский корпус? Не может быть, чтобы конницы не видели.

Павлов: Да, большая доля правды. Нам известно, что 25 и 26. VI части были на реке Щаре, вели бои за переправы с противником, занимавшим восточный берег реки Щары. До этого мы доносили вам, что части 10-й армии подошли к реке Зельвянка у Зелова и что тоже вели бои. 3-я армия стремилась отойти по обе стороны реки Щары и была почти одновременно на этих же рубежах. Частью сил стремилась пробиться к 21-му стрелковому корпусу в район Лиды. С этим корпусом имели связь по радио, а со вчерашнего дня связи нет, корпус пробивается из окружения в указанном ему направлении.

В отношении высылки делегатов. Этот вопрос был особым. Делегаты высылались на машинах, броневиках, самолетах, не посылались только на танках из-за отсутствия таковых, не посылались местные жители на запад лишь в связи с часто недоброжелательным их отношением... Авиация не может отыскать конницу и мехчасти, потому что все это тщательно скрывается в лесах от авиации противника. Наконец послана целая группа с радиостанцией с задачей разыскать, где Кулик и где находятся точно наши части¹. Однако от этой группы ответа нет. Болдин и Кузнецов, как и Голубев, еще 26 июня были при частях.

Жуков: Какого корпуса 210-я мсд? Где конница?

Павлов: 210-я мсд — 20-го мк, который занимал оборону южнее Минска.

Жуков: Но в эту дивизию можно послать делегатов или нет? Что вы намерены делать в дальнейшем и эвакуируются ли склады и другое ценное имущество или все это оставляется противнику?

Павлов: Где конница, не знаю. Делегатов связи в 210-ю мсд посылаем. Имущество со складов в районах Белосток, Лида, Волковыск, Барановичи, Слоним использовано полностью. С остальных складов часть имущества эвакуировалась, часть взрывалась или сжигалась. Противнику ничего не оставляется. Дальнейшие наши намерения и действия изложены как в моем разговоре с Маландиным, так и донесены вам.

Жуков: Не получал. Что вы думаете делать с бобруйской группой и кто разрешил отход и оставление Минска?

Павлов: Разрешение на оставление Минска и на отход никто не давал. 26 июня маршал Шапошников через делегатов связи передал приказание 44-му и 2-му стрелковым корпусам, что если нужно, то драться в

---

¹ Маршал Советского Союза Г.И. Кулик попал в окружение вместе с частями 10-й армии, когда в конце июня — начале июля 1941 г. находился на Западном фронте. — *Ред.*

окружении и не отходить. Командир 2-го корпуса Ермаков ответил, что иначе он не понимает задачи, однако под ударом крупных механизированных сил он не только отошел, но еще и не поставил в известность как своего соседа, так и высший штаб. 44-й корпус тоже был атакован крупными мехсоединениями со стороны Дзержинска и донес с делегатом, что он отходит южнее Могилевского шоссе.

Жуков: Основная ваша сейчас задача — быстрее разыскать все части и вывести их за реку Березина. За это дело возьмитесь лично и отберите для этой цели способных командиров. Ставка Главного командования от вас требует в самый кратчайший срок собрать все войска фронта и привести их в надлежащее состояние. Ни в коем случае не допустить прорыва частей противника в районе Бобруйска и в районе Борисова. Вы должны во что бы то ни стало не допустить срыва окончания сосредоточения армий в районе Орша—Могилев—Жлобин—Рогачев. Для руководства боями под Бобруйском вышлите группу командиров с радиостанцией под руководством вашего заместителя. Немедленно эвакуируйте склады, чтобы все это не попало в руки противника.

Павлов: Для удержания Бобруйска и Борисова бросил все части, даже школу. Выделить дополнительно хотя бы одну радиостанцию больше не имею возможности. Штаб имеет одну»¹.

И хотя Павлов заверил Жукова, что для удержания Бобруйска он бросил все части, из переговоров старшего офицера Генерального штаба полковника Абаева с начальником отделения оперативного отдела штаба фронта майором Петровым стало известно, что противнику около 12 часов того же дня удалось форсировать Березину в районе Бобруйска. Об этом, сказал Петров, Коробков «лично докладывал Павлову и просил помочь»².

Но помогать Павлову уже не пришлось, да и вряд ли он был в состоянии что-либо предпринять. В тот день его судьба была предрешена. Сталин позвонил Жукову и приказал вызвать его в Москву. В Могилев 30 июня прибыли генерал-лейтенанты А.И. Еременко и Г.К. Маландин. Первый был назначен командующим фронтом, а второй — начальником штаба.

1 июля в 11 часов 5 минут в Москву была отправлена телеграмма: «Наркому обороны маршалу Тимошенко

Командование войсками Западного фронта сдал генерал-лейтенанту Еременко 1 июля 1941 г.

Д. Павлов.

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 8. Оп. 930688. Д. 63. Л. 237—246.

² Там же. Д. 8. Л. 269.

В командование войсками Западного фронта вступил 1 июля.

А. Еременко»¹.

В тот же день Павлов прибыл в Москву и явился к Жукову. «Я едва узнал, — пишет Жуков, — так изменился он за восемь дней войны»².

В конце июня напряженные бои велись не только в районе Минска, но и под Бобруйском. Противник стремился форсировать Березину и развивать наступление к Днепру. Описывая это сражение, Гудериан отмечал, что «противник, как всегда, оказывал упорное сопротивление. Его войска действовали умело, особенно следует отметить хорошую маскировку, но управление боем не было еще централизовано»³.

Захватив Бобруйск, 24—1 корпус 2-й танковой группы стал развивать наступление на Рогачев и Могилев. Командующий 4-й армией Коробков, докладывая 30 июня о результатах боя под Бобруйском, просил Павлова «силами фронта прикрыть шоссе Могилев—Бобруйск, так как на этом направлении никаких частей нет»⁴.

Действительно, понесшие большие потери соединения 4-й армии не могли задержать противника в междуречье Березины и Днепра. Ведя аррьергардные бои, они медленно отходили к Днепру, где развертывалась 21-я армия из группы Буденного. В целях упорядочения управления войсками, которые вели бой на рогачевско-бобруйском направлении, Ставка приказала командующему 21-й армией подчинить себе остатки 4-й армии.

В конце июня в связи с окружением полуразбитых и расчлененных на части 3-й и 10-й армий вне кольца окружения вели разрозненные бои в полосе шириной свыше 400 км около десятка сильно ослабленных дивизий. Западный фронт, развернутый на базе войск Западного особого военного округа, по существу был разгромлен. На рубеже Днепра в первых числах июля создавался новый Западный фронт под командованием наркома обороны Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко.

Остатки 4-й и 13-й армий были доукомплектованы и включены в состав нового фронта. После отдыха вошли в строй и вышедшие в первой декаде июля из окружения отдельные группы войск 3-й и 10-й армий во главе с командующими. Вышли из окружения маршал Кулик и генерал Болдин. Многие воины погибли, некоторые остались в тылу и перешли к партизанским действиям. Однако большая часть войск Западного фрон-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 72. Л. 193

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления, т. 2. С. 40.

³ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 154.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 2133. Д. 1. Л. 14.

та была пленена. По немецким данным, в плен попало 324 тысячи человек, захвачено противником 3332 танка и 1809 орудий¹.

В шести механизированных корпусах (6, 11, 13, 14, 17 и 20-й) к началу войны насчитывалось 2502 танка, из них 472 КВ и Т-34, по донесению начальника Автобронетанкового отдела фронта полковника Иванова, к концу июня осталось лишь несколько десятков. Согласно докладу генерала Маландина в Генеральный штаб Ватутину от 4 июля 1941 г. потери военно-воздушных сил Западного фронта за период с 22 по 30 июня составили 1483 самолета².

По докладу заместителя начальника штаба фронта полковника Виноградова начальнику управления устройства тыла Генерального штаба от 30 июня, огромными были и потери материальных запасов, хранившихся на передовых армейских и окружных складах:

«1. Боеприпасов — взорвано и уничтожено 1766 вагонов.

2. Горючего — хранилось (тонн): авиационного — 22 717, танкового — 1655, автомобильного — 223, дизельного топлива — 1013, смазочных материалов — 2038.

3. Вещевое имущество: хранилось в среднем 370 тысяч основных комплектов. Потери — 100%»³.

По немецким данным, в начале войны они покрывали одну треть расхода горючего за счет трофейного, а суточный расход германской армии составлял тогда 11,5 тысячи кубометров. Наши же войска из-за отсутствия горючего были вынуждены иногда бросать и уничтожать свои танки и автомашины.

В таком же положении, как и Западный фронт, мог оказаться и Северо-Западный фронт, если бы группа армий «Север» имела в своем составе, так же как и фельдмаршал Бок, две танковые группы. Под натиском одной танковой группы Гепнера войска Кузнецова Ф.И. имели все-таки возможность отходить на северо-восток.

Юго-Западный фронт был в лучшем положении в начале войны только потому, что он имел значительное численное превосходство над противником.

Платить за свою роковую ошибку, приведшую страну на грань катастрофы, Сталин заставил генералов и офицеров разгромленного Западного фронта. Он решил добить тех, кого не удалось убить противнику, чтобы их ценой показать народу свою непогрешимость. Хотя в майские дни

---

¹ Kartenskizzen zum Weltkrieg und zum Grossdeutschen Freiheitskampf. Berlin, 1943. P. 30.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 72. Л. 340.

³ Там же. Л.152.

1945 г. на приеме полководцев и военачальников в Кремле он скажет: «У нашего правительства было не мало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала... потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии».

Хотя и фальшиво, но это признание своих ошибок было сделано уже в дни триумфа, а в дни трагедии он решил обвинить других.

Как рассказывал мне Г.К. Жуков, он вызвал Павлова в Москву по требованию Сталина, который якобы собирался с ним беседовать. Дважды Жуков звонил в Кремль, напоминая о том, что Павлов ждет у него в кабинете вызова Сталина. Следовал ответ: пусть подождет. Лишь после третьего напоминания Сталин сказал: пусть едет обратно туда, откуда приехал. 4 июля в Довске он был задержан и ему объявили, что «арестован по распоряжению Ц"К»¹.

Накануне на Западный фронт в качестве члена Военного совета Сталиным был направлен на несколько дней со специальной миссией начальник Главного управления политической пропаганды Л.З. Мехлис². Всего три дня ему потребовалось для того, чтобы выявить в дополнение к Павлову всех остальных «виновников» поражения Красной Армии в начале войны. 6 июля он направил телеграфом (подлинник написан Мехлисом на трех блокнотных листах) следующий документ:

«Москва, Кремль. Сталину

Военный совет установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжелое поражение.

Военный совет решил:

1) Арестовать бывшего начальника штаба фронта Климовских, бывшего заместителя командующего ВВС фронта Таюрского и начальника артиллерии Клич.

2) Предать суду военного трибунала командующего 4-й армией Коробкова, командира 9-й авиадивизии Черных, командира 42-й сд Лазаренко, командира танкового корпуса Оборина.

---

¹ Протокол допроса генерала армии Д.Г. Павлова см.: 1941 год. Кн. 2. С. 455. — *Ред.*

² О зловещей роли Л.З. Мехлиса в судьбе руководящего состава Западного фронта см.: *Рубцов Ю.В.* Из-за спины вождя. Политическая и военная деятельность Л.З. Мехлиса. М., 2003. — *Ред.*

3) Нами арестованы — начальник связи фронта Григорьев, начальник топографического отдела фронта Дорофеев, начальник отделения отдела укомплектования фронта Кирсанов, инспектор боевой подготовки штаба ВВС Юров и начвоенторга Шейнкин.

4) Предаются суду помначотделения АБТУ Беркович, командир 8-го дисциплинарного батальона Дыкман и его заместитель Крол, начальник минского окружного сансклада Белявский, начальник окружной военвет-лаборатории Овчинников, командир дивизиона артполка Сбираник.

Тимошенко. Мехлис. Пономаренко 6.7.41 г.¹.

Сталин только этого и ждал, поэтому в тот же день ответил телеграммой:

«Тимошенко, Мехлис, Пономаренко.

Государственный Комитет Обороны одобряет Ваши мероприятия по аресту Климовских, Оборина, Таюрского и других и приветствует эти мероприятия как один из верных способов оздоровления фронта.

№ 7387

6 июля 41 г.

И. Сталин»².

После предварительной «подготовки», в традициях 1937 года, в 1 час 30 минут 7 июля начали официальный допрос Павлова, который проводили несколько ночей. В показаниях он рассказал о своих переговорах по телефону в ночь на 22 июня с наркомом обороны. Характерно, что за три часа до начала вторжения немцев, уже после направления в войска директивы № 1 Тимошенко спросил лишь: спокойно ли на границе? На сообщение Павлова об усиленных передвижениях немецких войск, об устройстве проходов в проволочных заграждениях нарком порекомендовал сохранять спокойствие, а если будут какие-то неприятности, ни в коем случае не поддаваться на провокацию и позвонить ему. Такими словами, выражающими жесткие требования Сталина, закончил Тимошенко разговор с Павловым. Порекомендовал на всякий случай собрать личный состав штаба и не паниковать. В 3 часа 30 минут Павлов вновь разговаривал с наркомом, доложив ему, что обстановка без изменения. Через полчаса, когда началась артиллерийская подготовка и бомбежка приграничных аэродромов, о чем командующий округом сообщил Тимошенко, последний указал: «Действуйте по обстановке».

На вопрос: имели ли вы сообщение, что на границе появились самолеты противника, он ответил, что такое сообщение получил одновременно

---

¹ Отдел хранения документов Генерального штаба. Оп. 1554. Д. 90. Л. 301—303.

² Там же. Д. 89. Л. 79.

но с началом бомбежки. Минский центральный пост ВНОС, по его словам, получил сообщение о перелете государственной границы немецкой авиацией 4 минуты спустя после вторжения.

Судя по материалам следствия, Павлов подвергался жестоким пыткам, так как «признался» в том, что был выдвиженцем Уборевича, что выполнял его враждебные задания, направленные на поражение Красной Армии, что «правой рукой его был Мерецков». (Вот в чем кроется причина ареста генерала армии К.А. Мерецкова, которого пытали и избивали все лето, но так ничего не добившись, хотя и искалечив, к счастью, оставили в живых и осенью освободили из лефортовской тюрьмы.) На вопрос: «Вы как заговорщик открыли фронт врагу намеренно?» Павлов, по существу, дал утвердительный ответ.

22 июля под председательством все того же В.В. Ульриха состоялся несправедливый и скорый суд. Все оговоры себя и Мерецкова во враждебной деятельности Павлов отверг, заявив, что сделал это по принуждению. Признал себя виновным в том, что не ввел в действие директиву № 1 заранее, то есть до вторжения противника. Я, заявил он, знал, что противник вот-вот выступит, но из Москвы меня уверяли, что все в порядке, и мне было приказано быть спокойным и не паниковать. Фамилию, кто мне это говорил, назвать не могу. (Не осмеливались назвать на таком суде только одну фамилию — Сталина.)

Задали вопрос генералу Климовских: вы располагали данными о том, что противник концентрирует войска? Он ответил: такими данными мы располагали, но мы были дезинформированы Павловым, который уверял, что противник концентрирует легкие танки. Первый удар по нашим войскам был настолько ошеломляющим, что он вызвал растерянность всего командного состава штаба фронта.

Обращаясь к бывшему начальнику связи фронта генералу А.Т. Григорьеву, член суда спросил: свои собственноручные показания от 15 июля вы начинаете так: «Война, разразившаяся 22 июня 1941 г., застала Западный особый военный округ неподготовленным». Эти показания вы подтверждаете? — Да, подтверждаю, — ответил он. Мирное настроение, царившее все время в штабе округа, безусловно передавалось в войска, — продолжал Григорьев. — Только этим «благодушием» можно объяснить тот факт, что авиация была застигнута немецким налетом на земле, штабы армий и часть войск находились на зимних квартирах и были подвергнуты бомбардировке, — констатировал Григорьев. Кто во всем этом виновен? — был задан вопрос. Виновны в этом командующий — Павлов, начальник штаба — Климовских, член Военного совета — Фоминых, — последовал ответ.

Кстати, последний не подвергался аресту и судимости. Вновь вводя в строй институт военных комиссаров, Сталин с Мехлисом решили не подрывать судимостью члена Военного совета фронта авторитет политорганов.

На вопрос: признаете ли себя виновным, бывший командующий 4-й армией Коробков ответил отрицательно. Я могу признать себя виновным лишь в том, сказал он, что не мог определить точного начала военных действий. Приказ народного комиссара обороны мы получили в 4 часа, когда противник начал нас бомбить.

В последнем слове Павлов заявил: мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому что недостаточно готовились в мирное время к этой войне. Коробков сказал, что первые два дня войны моим частям нельзя было двигаться из-за огромного количества самолетов противника, буквально каждая наша автомашина расстреливалась. Силы были неравные, враг превосходил нас во всех отношениях.

Приговор гласил: предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимые Павлов и Климовских в период начала военных действий германских войск против СССР проявили трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций частями Красной Армии, тем самым дезорганизовали оборону страны и создали возможность противнику прорвать фронт Красной Армии.

Парадоксально, но факт, что формулировку этого приговора взяли из постановления Государственного Комитета Оборона № 00381, подписанного Сталиным еще 16 июля и доводившегося до командиров рот включительно. В нем указывалось, что многие командиры проявляют в боях героизм и мужество, а некоторые паникерство, трусость и дезертирство — они хуже врага. «Исходя из этого Государственный Комитет Оборона по представлению Главнокомандующих и командующих фронтами и армиями арестовал и предал суду военного трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций:

1. бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова Д.Г.

2. бывшего начальника штаба фронта генерал-майора Климовских В.Е.

3. бывшего начальника связи фронта генерал-майора Григорьева А.Т.

4. бывшего командующего 4-й армией генерал-майора Коробкова А.А...»

Государственный Комитет Обороны, говорилось далее в постановлении, будет и впредь «железной рукой пресекать всякое проявление трусости» и требует, чтобы командиры и политработники «расправлялись с ними (трусами) как с нарушителями присяги и изменниками Родины».

Всех судимых 22 июля приговорили к расстрелу. Нет сведений о том, успели ли они ходатайствовать перед председателем Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин о помиловании, так как в тот же день были расстреляны. Отменили этот позорный приговор «за отсутствием в их действиях состава преступления» в 1957 г.

О их невинности свидетельствует бывший начальник оперативно-го отдела штаба Западного фронта генерал-майор И.И. Семенов. «Я лично от начала и до конца был непосредственным участником этих событий, — сообщал он в письме генерал-полковнику Л.М. Сандалову 28 апреля 1962 г. — Со всей ответственностью могу сказать, что ни паники, ни растерянности с их стороны не было. Все, что можно было сделать в тех тяжелых условиях, делалось, но было поздно. Мы расплачивались за упущенное время и за то, что были успокоены и верили, вернее нас заставляли верить, что немцы наши чуть ли не друзья. Вспомните заявления ТАСС и снимки в газетах.

Лично я, — продолжает Семенов, — предлагал Климовских и Павлову за две-три недели (после возвращения из Москвы, из Генштаба) до начала войны поднять войска по плану прикрытия, но они на это не пошли, было прямое указание не делать этого. Если бы мы это сделали хотя бы за неделю до войны, разве бы мы дали немцам так быстро продвигаться, даже несмотря на их превосходство?

Нельзя полностью обвинять Павлова и Климовских в бездействии и потому, — заключает Семенов, — что фактически руководил всем маршал Шапошников, который уже через 5—6 часов после начала войны прибыл в Минск. Вы пишете в книге (Сандалов Л.М. Пережитое. М., 1961), что он был в Могилеве, из Могилева я его отправил в Москву, а до этого все события докладывал лично ему, все распоряжения по фронту были согласованы и одобрены им. Никогда не забуду слов, сказанных им, когда он уже сидел в машине и пожимал мне на прощание руку: «Не волнуйтесь, голубчик, наши неудачи временные как результат внезапности. Скоро все переменится».

Вот как было дело, Леонид Михайлович! Мне кажется, что как-то в своей книге Вам надо было сказать и оправдать память этих безвинно погибших славных людей»¹.

---

¹ Это письмо хранится у дочери Л.М. Сандалова.

Смертью этих, как и многих других людей, Сталин стремился скрыть свои преступления и просчеты, приведшие страну на грань катастрофы в июне 1941 г.

3. ПОСЛЕДСТВИЯ

Внезапность, достигнутая противником, приведшая к сокрушительному разгрому Западного фронта, большим потерям других фронтов, а главное — абсолютному завоеванию немецкой авиацией господства в воздухе, поставила Советские вооруженные силы в крайне тяжелое положение. Острый недостаток, а часто полное отсутствие поддерживающей авиации и зенитных средств оставляло войска и штабы совсем беззащитными с воздуха, что вело к еще большим потерям и дезорганизации управления.

Главная вина за просчет, позволивший противнику достичь внезапности, как уже отмечалось, лежит на Сталине — политическом руководителе. Несут ли за это ответственность военные руководители? Жуков отвечает на этот вопрос утвердительно. «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался, — признается он. — Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов»¹.

Жуков справедливо и самокритично оценивает ошибочное расположение войск в белостокском выступе, допущенное в 1940 г. и не устраненное вплоть до самой войны. На вопрос: почему Главное командование и командование фронтами так неосмотрительно руководили войсками в начале войны? — он отвечает:

«Считаю, что во всем этом сказывалось отсутствие у всех нас тогда достаточного опыта руководства войсками в сложной обстановке больших ожесточенных сражений, разыгравшихся на огромном пространстве»².

Ранее я указывал на тот факт, что Тимошенко, Жуков и другие военачальники, как показало декабрьское (1940 г.) совещание, не изменили взгляды на начальный период по сравнению с Первой мировой войной.

---

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления, т. 2. С. 29—30.

² Там же. С. 30.

В то же время Тухачевский, Уборевич, Якир и их сослуживцы предвидели начальный период таким, каким он стал в 1941 г. Известно, что история не приемлет сослагательных наклонений. И тем не менее смею утверждать, что если бы во главе Красной Армии стояли уничтоженные в 1937 г. талантливые и опытные военачальники, то июньской трагедии, возможно, и не произошло бы. Из этого вовсе не следует, что не засверкала бы звезда Жукова и его имя не вошло бы в анналы истории в одном ряду с Суворовым и Кутузовым.

Жуков указывает еще одну крупную ошибку, допущенную Главным командованием в первые дни войны. Речь идет о попытке перехода в контрнаступление согласно директивы № 3. Ведь даже во время переговоров с Павловым 27 июня Жуков указывал, что наша главная цель — расчленять, громить, пленить противника. Главное командование только к концу июня пришло к выводу, что план войны, разработанный в мирное время, в основу которого была положена идея нанесения мощного ответного удара, является несостоятельным и полностью отвергнут всем ходом событий. Тяжелая обстановка, сложившаяся на всем советско-германском фронте, вынудила перейти к стратегической обороне, но уже в очень сложных условиях, когда отсутствовал сплошной фронт, а на главных направлениях образовались крупные бреши, в которые устремились основные силы противника, и прежде всего танковые группы, при надежном прикрытии их авиацией, которая к тому же прокладывала им путь.

Однако мысль о переходе в контрнаступление летом 1941 г. не оставляла Ставку Главного командования еще три месяца. Попытка захватить стратегическую инициативу предпринималась в ходе Смоленского сражения. Только 27 сентября Ставка пришла к выводу о неготовности войск и невозможности в условиях господства вражеской авиации вести крупные наступательные операции, приказав Западному фронту перейти «к жесткой упорной обороне»¹. Необоснованные попытки ведения наступательных операций при отсутствии необходимых на то условий затрудняли создание устойчивой обороны фронтами и являлись одной из причин наших неудач в последующие месяцы 1941 г.

В этих условиях военные действия следовало бы возможно быстрее перевести на рельсы позиционной войны. Однако сделать это было не просто. Стратегическая оборона заранее не предусматривалась и не готовилась. Войска, оставив оборудованную, хотя и далеко не полностью, в инженерном отношении полосу обороны, а также приграничные укрепленные районы, не имели возможности создать оборонительные рубежи в глубине территории, так как противник, обладая стратегической ини-

---

¹ ЦАМО РФ. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 30. Л. 47.

циативой и господством в воздухе, препятствовал организованному переходу к обороне отходивших соединений. Из-за незавершенности сосредоточения второго стратегического эшелона не удалось подготовить оборону на рубеже Западная Двина, Днепр, на котором в спешке создавался за счет почти всех стратегических резервов новый Западный фронт.

Соотношение сил к началу июля изменилось в пользу врага. Немцы продвинулись на глубину до 500 км и овладели важными экономическими районами и стратегическими объектами. Все это было большой неожиданностью для советского народа, которому вдалбливали в голову, что мы ответим двойным-тройным ударом на удар врага и будем вести войну на его территории. И вдруг такой неожиданный поворот.

Опьяненные результатами вероломного нападения, Гитлер и его генералы определили сроки вступления своей армии в Москву. «Фюрер считает, — записал Гальдер 30 июня в дневнике, — что в случае достижения Смоленска в середине июля пехотные соединения смогут занять Москву только в августе»¹. Сам начальник генерального штаба в этих подсчетах пошел еще дальше: «...не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России выиграна в течение 14 дней... Когда мы форсируем реки Западная Двина и Днепр, то речь будет идти не столько о разгроме вооруженных сил противника, сколько о том, чтобы отнять у него промышленные районы»². А на следующий день, продолжая развивать ту же мысль, он отметил: «В ходе продвижения наших армий все попытки сопротивления противника будут, очевидно, быстро сломлены. Тогда перед нами вплотную встанет вопрос о захвате Ленинграда и Москвы»³.

Чтобы читатель мог представить, что за противник в моральном отношении противостоял нам, приведу один документ. Это выдержки из беседы с немецкими военнопленными, захваченными в той же Белоруссии, но не в 1941-м, а в 1944 г.

8 июля беседовал с ними глава английской военной миссии в СССР генерал-лейтенант М. Бэрроуз. Собеседником был начальник ветеринарной службы 6-го армейского корпуса полковник доктор Вернер Хорнунг. «Вопрос: Почему Германия начала эту преступную войну?

Ответ: Мы начали эту войну с целью улучшения своего положения. Когда же война началась, мы не разбирались в средствах и методах, ибо все, что могло идти на благо нашей родины, мы считали оправданным.

---

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. М., Воениздат, 1969. т. 3, кн. 1. С. 66.

² «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 241—242.

³ Там же. С. 243.

Мы надеялись выйти победителями из войны и действовали в соответствии с поговоркой: “Цель оправдывает средства”...

Вопрос: Поясните, что вы понимаете под “улучшением своего положения” и за чей счет вы собирались его улучшить?

Ответ: Мы стремились навсегда разрешить вопрос о расширении жизненного пространства для германского народа, исполнив тем самым свою миссию о внедрении германской культуры и цивилизации в завоеванные пространства.

Вопрос: И вам действительно удалось улучшить свое положение?

Ответ: Пока что — нет, но ведь война еще не окончена¹.

Это говорилось в 1944 г., когда исход войны, но не в пользу Германии, был уже предрешен. Можно представить, с каким бодрым настроем шагали немцы в июле 1941 г. после сокрушительного поражения советских войск в Белоруссии.

В первых числах июля соединения 3-й и 2-й танковых групп подошли к Западной Двине и Днепру. Попытка форсировать Днепр с ходу не увенчалась успехом.

Фельдмаршал Бок приказал подтянуть дополнительные силы и ускорить наступление. 3-я танковая группа, как писал ее командующий Гот, «стремилась развить операцию по преследованию отступающего противника без остановки до самой Москвы»², должна была преодолеть Западную Двину на участке Десна, Витебск и выйти в район Смоленска с северо-запада, а 2-я танковая группа — форсировать Днепр на участке Орша, Рогачев и, продвигаясь вдоль автостреды Минск—Москва, вступить в Смоленск с юго-запада.

На рубеж Двины и Днепра выдвигались 22, 19, 20 и 21-я армии, которые были включены в состав Западного фронта. Однако закончить сосредоточение и развертывание их к началу последующего удара противника не удалось.

Утром 10 июля группа Гота из района Витебска стала наступать на Смоленск. Перебрасываемая туда 19-я армия генерал-лейтенанта И.С. Конева, не успев занять оборону, не смогла задержать противника. Группа Гудериана, преодолевая упорное сопротивление 13-й армии, форсировала Днепр у Шклова и главными силами также начала продвижение к Смоленску с юго-запада.

Ставка Верховного Главнокомандования, которую с 30 июня возглавил Сталин, вместо создания сплошного фронта и организации жесткой

¹ ЦАМО РФ, Ф. 40. Оп. 178404. Д. 12. Л. 61.

² Гот Г. Танковые сражения. С. 116.

и упорной обороны поставила задачу Тимошенко: немедленно организовать контрудар с целью ликвидации прорыва противника и подготовить наступление на гомельско-бобруйском направлении для воздействия на тылы Mogилевской группировки противника.

16 июля передовые части Гудериана ворвались в южную часть Смоленска, а накануне соединения Гота вышли северо-восточнее Смоленска к автостраде Минск—Москва. Завязались упорные бои за город, захват которого означал, кроме того, и новое крупное окружение войск Западного фронта. Храбро и мужественно дрались с противником войска 16-й армии под командованием генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина, который посмертно за руководство обороной Смоленска был удостоен в 1993 г. звания Героя Российской Федерации.

Беспримерное мужество, отвагу и массовый героизм наших солдат неоднократно отмечали и гитлеровские генералы. «Еще Фридрих Великий сказал о русском солдате, что его нужно два раза застрелить и потом еще толкнуть, чтобы он наконец упал, — писал Гудериан. — Он правильно оценил стойкость этого солдата. В 1941 году мы должны были прийти к тому же выводу. С негибимой стойкостью удерживали эти солдаты свои позиции»¹.

В течение нескольких дней части Гудериана пытались форсировать Днепр, чтобы переправиться в северную часть города и развить наступление с целью соединения с 3-й танковой группой. Вражеская авиация буквально висела над городом. Грохот от разрыва бомб не прекращался. Но ничто не смогло сломить волю к сопротивлению у нашего солдата.

Одновременно с попытками овладеть Смоленском соединения Гота и Гудериана стремились развить наступление к востоку от него, чтобы осуществить более глубокий охват войск Западного фронта. И это им вновь удалось. В район Минска и западнее Смоленска противник, по данным немецкого источника, только в плен взял 310 тысяч солдат и офицеров Красной Армии.

Ставке Верховного Главнокомандования пришлось вводить в действие на западном стратегическом направлении третий, наспех сформированный эшелон войск, который составили 29, 30, 24, 28, 31 и 32-я армии, входившие в Резервный фронт. Его возглавил 30 июля генерал армии Г.К. Жуков, освобожденный накануне с поста начальника Генерального штаба. На его место был назначен Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников.

Освобождение Жукова с поста начальника Генштаба было связано с решением вопроса о положении и действиях войск Юго-Западного фрон-

---

¹ Красная звезда. 1963. 19 ноября.

та, которым была уготована та же участь, что и войскам Западного фронта под Минском и Смоленском. Он задолго до случившегося предвидел это.

29 июля, оценив положение войск этого фронта, Жуков предложил оставить Киевский укрепленный район и сосредоточить все усилия на обороне левого берега Днепра. Рекомендация сдать Киев враз возмутила Сталина. Жесткий разговор завершился сменой места службы Жукова, но он был оставлен членом Ставки.

Накануне отъезда Жукова Сталин принимал личного представителя президента США Ф. Рузвельта Г. Гопкинса, которому выразил уверенность в том, что в зимние месяцы фронт будет проходить под Ленинградом, Москвой и Киевом.

Анализируя складывающуюся стратегическую обстановку и учитывая сведения, полученные от пленных о переходе группы армий «Центр» к обороне на московском направлении, Жуков все больше убеждался в правильности своего вывода, доложенного Сталину 29 июля о возможном ударе противника во фланг и тыл Центрального, а затем и Юго-Западного фронтов. Поэтому 19 августа он как член Ставки послал Сталину телеграмму: «Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на пути к Москве, имея на своих флангах наш Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов.

Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов—Конотоп—Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего—главный удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс. Для срыва этого опасного намерения гитлеровского командования считал бы целесообразным по возможности быстрее создать крупную группировку наших войск в районе Глухов—Чернигов—Конотоп, чтобы ее силами нанести удар во фланг противника, как только он станет приводить в исполнение свой замысел...»¹

Этот документ — свидетельство удивительной прозорливости полководца. Он правильно раскрыл не только ближайшие цели противника, но и последующий замысел действий этой группировки войск в битве за Москву.

В тот же день Жуков получил ответную телеграмму за подписями Сталина и Шапошникова, свидетельствующую о том, что с его мнением

---

¹ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 178510. Д. 29. Л. 1—3.

Сталин, назначенный накануне Верховным Главнокомандующим, считался. Она гласила: «Ваши соображения насчет вероятного продвижения немцев в сторону Чернигова, Конотопа, Прилук считаем правильными. Продвижение немцев... будет означать обход нашей киевской группы с восточного берега Днепра и окружение наших 3-й и 21-й армий. В предвидении такого нежелательного казуса и для его предупреждения создан Брянский фронт во главе с Еременко. Принимаются и другие меры, о которых сообщим особо. Надеемся пресечь продвижение немцев»¹.

Приказ о повороте танковой группы Гудериана и 2-й армии генерал-полковника Вейхса на юг Гитлер отдал 21 августа, а осуществление его началось 24 августа. Именно в тот день Сталин по прямому проводу говорил с Еременко:

«Сталин: ...У меня есть к вам несколько вопросов:

1. Не следует ли расформировать Центральный фронт, 3-ю армию соединить с 21-й и передать в ваше распоряжение...

2. Вы требуете много пополнения людьми и вооружением...

3. Мы можем послать вам на днях, завтра, в крайнем случае послезавтра, две танковые бригады... и два-три танковых батальона...

4. Если вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько батарей РС. Ваш ответ?

Еременко: Здравствуйте! Отвечаю:

1. Мое мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем, что я хочу разбить Гудериана и, безусловно, разобью, то направление с юга надо крепко обеспечивать... Поэтому прошу 21-ю армию, соединенную с 3-й армией, подчинить мне...

Я очень благодарен вам, товарищ Сталин, за то, что вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку... А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся задачу, поставленную вами, выполнить, то есть разбить его»².

Из этих переговоров видно, что войскам Брянского фронта была поставлена задача разбить 2-ю танковую группу и что Еременко обещал Сталину выполнить эту задачу. Однако вместо массированного использования имевшихся и присланных ему танков Еременко с начала сентября расплыл их по всему фронту. Удары группе Гудериана во фланг, как говорят военные, наносились «растопыренными пальцами» и поэтому не давали должного результата.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 30. Л. 18. 3.

² Там же. Ф. 202. Оп. 5. Д. 63. Л. 58.

«Я знал, что собой представляют в боевом отношении войска создаваемого в спешке Брянского фронта, — вспоминает Жуков, — и поэтому счел необходимым еще раз весьма настоятельно доложить по ВЧ Верховному Главнокомандующему о необходимости быстрейшего отвода всех войск правого крыла Юго-Западного фронта на восточный берег Днепра. С моей рекомендацией и на этот раз не посчитались. И.В. Сталин сказал, что он только что вновь советовался с Н.С. Хрущевым и он убедил его, что Киев ни при каких обстоятельствах оставлять не следует. Кроме того, он, Сталин, и сам убежден в том, что противник, если и не будет разбит Брянским фронтом, то во всяком случае будет задержан»¹.

10 сентября передовые части Гудериана ворвались в Ромны. Навстречу им с Кременчугского плацдарма продвигались соединения 1-й танковой группы генерал-полковника Клейста. Нависла реальная угроза окружения главных сил Юго-Западного фронта.

Видя это, Военный совет направил в Ставку телеграмму с просьбой о скорейшем отводе войск из образующегося «мешка» на восток. По этому поводу во втором часу ночи 11 сентября состоялись переговоры Шапошникова с командующим фронтом генералом Кирпоносом. Не приходится сомневаться, что начальник Генерального штаба выражал не столько свое мнение, сколько точку зрения Верховного. Ниже приводятся краткие выдержки из длительных переговоров:

«Шапошников: ...Вашу телеграмму о занятии противником Ромны и поэтому о необходимости скорейшего отхода Ставка получила..., но я уверен, что Военный совет фронта сумеет справиться с эпизодом у Ромны... Ставка Верховного Главнокомандования считает, что необходимо продолжать драться на тех же позициях, которые занимают части Юго-Западного фронта...

Кирпонос: ...Если Ставка считает наши предложения не совсем правильными и приказывает выполнять только что данные вами указания, Военный совет фронта принимает это к исполнению.

Шапошников: О КиУРе можно говорить только в связи с общим решением, а общее решение преждевременно».

С просьбой об отводе войск Юго-Западного фронта на рубеж реки Псел и оставлении Киева обратился в Ставку и главнокомандующий войсками Юго-Западного направления маршал Буденный, для которого это обращение обернулось смещением с занимаемого поста.

Просьбы Кирпоноса и Буденного шли вразрез с намерениями Сталина во что бы то ни стало удержать Киев. Оставление столицы Украины

---

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. С. 131.

означало очередной провал его прогнозов, теперь уже данных месяц назад американцам. Поэтому он в первую очередь счел необходимым укрепить командование войсками юго-западного направления.

В тот же день, 11 сентября в Москву был вызван главнокомандующий войсками западного направления маршал Тимошенко, назначаемый вместо Буденного. В присутствии Тимошенко и Шалозникова Сталин провел переговоры с членами Военного совета Юго-Западного фронта и указал:

«Ваше предложение об отводе войск... мне кажется опасным... Немедленно организовать оборонительный рубеж на реке Псел... После всего этого начать эвакуацию Киева. Перестать наконец заниматься исканием рубежей для отступления, а искать пути сопротивления... Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки».

Пока происходили эти повседневные переговоры, Гудериан и Клейст стремительно двигались навстречу друг другу. Чтобы облегчить продвижение танковых групп, немецкая бомбардировочная и штурмовая авиация непрерывно «висела» в воздухе, нанося массированные удары по нашим войскам, пытавшимся остановить их.

Германские самолеты обстреливали не только колонны, но и «охотились» буквально за каждой машиной, идущей по шоссе. Помню, в один из этих дней, разыскивая штаб фронта, переместившийся из Киева на восток, мы вынуждены были несколько раз съезжать с дороги, выскакивать из машины и ложиться на землю.

Под воздействием танков и вражеской авиации часть войск фронта отходила на восток.

...Трудны, очень трудны все военные дороги жаркого лета сорок первого. Но среди них были все же самые трудные. Это дороги отступления под натиском превосходящих сил противника. Трудности эти усугублялись не только неясностью обстановки, а порой и просто неразберихой из-за отсутствия связи, но и главным образом оставлением врагу родных земель, своих соотечественников, проживающих на них. У многих воинов оставались там не успевшие эвакуироваться дети, жены, матери и отцы. Тот, кто видел слезы отчаяния остававшихся на поругание врагу людей, никогда не забудет их.

Дороги отступления были разные. Это и шоссе, и проселочные грунтовки, и глухие лесные тропы. По шоссе и грунтовым дорогам уходило на восток эвакуируемое население, увозились сельскохозяйственные машины, угонялся скот. Все дороги были забиты. Тракторы с целыми поездами комбайнов, прицепов, будок на колесах и просто повозок, переполненных людьми, чемоданами, мешками и узлами. Огромные стада коров, овец, свиней, поднимающие клубы пыли, изнуренные жарой и непрерыв-

ными переходами, медленно двигались по обочинам. Справа и слева от дорог то и дело раздавались взрывы, вспыхивали пожары. Многие из того, что нельзя было увезти, уничтожались, чтобы не досталось врагу.

Немецкая авиация бомбила и обстреливала с бреющего полета все, что находилось на дорогах отступления и не успевало вовремя укрыться. Были убитые, которых не успевали присыпать землей. Поэтому в жаркие июльско-августовские дни трупный запах нередко сопровождал нас.

И хотя бессонные ночи делали людей злыми и хмурыми, они не теряли самообладания. Даже в условиях прорыва подвижных частей немцев и пересечения путей отхода, когда нельзя было понять, где находится фронт, а где тыл, мы не падали духом. От каждого бойца, командира требовалось особенно большое напряжение силы воли, чтобы сдерживать натиск врага, а от командования — своевременно оценить складывающуюся обстановку и принять правильное решение.

...В связи с надвигающейся катастрофой начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-майор В.И. Тупиков 14 сентября в 3 часа 25 минут направил телеграмму Шапошникову, в которой охарактеризовал тяжелое положение войск фронта и закончил изложение своей точки зрения «пророческой» фразой: «Начало понятной вам катастрофы дело пары дней»¹.

Трудно сказать, как сложилась бы ситуация, прислушайся Сталин к этому предупреждению, сделанному Тупиковым по собственной инициативе. Нельзя не заметить в этой связи, что именно Тупиков, будучи накануне войны военным атташе в Берлине, добыл через агентов замысел плана «Барбаросса», доложенный Сталину 20 марта Голиковым. Этому мужественному человеку суждено было погибнуть в закрывающемся «котле».

Начальник Генерального штаба отреагировал на телеграмму начальника штаба фронта следующим образом:

«Командующему ЮЗФ, копия главному ЮЗН.

Генерал-майор Тупиков представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова (21-я армия) и Потапова (5-я армия) прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад, необходимо выполнять указания тов. Сталина, данные вам 11.9»².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 466. Л. 92.

² Там же. Л. 108.

Только страхом перед Сталиным можно объяснить эту телеграмму Бориса Михайловича. В эти сентябрьские дни 1941 г. Сталин передал начальнику Генштаба пришедшее по каналам ТАСС из Финляндии обращение бывших сослуживцев Шапошникова по старой армии, которые призывали его повернуть оружие против советской власти. Его потряс этот эпизод, рассказывал позднее автору этих строк сын маршала генерал-лейтенант авиации Б.М. Шапошников.

Катастрофа неумолимо приближалась. 16 сентября танковые части Гота и Гудериана соединились. Противник замкнул кольцо окружения. Войска Юго-Западного фронта были вынуждены пробиваться на восток в тяжелейших условиях. Некоторым удалось это, в том числе и начальнику оперативного отдела штаба фронта, будущему Маршалу Советского Союза И.Х. Баграмяну. Но многие погибли, сражаясь с врагом до последнего вздоха. Подавляющее же большинство оставшихся в живых воинов Юго-Западного фронта, по немецким данным, — свыше 600 тысяч — попали в плен.

Исход военных действий на Левобережной Украине в сентябре 1941 г. был чрезвычайно тяжелым для Красной Армии. Юго-Западному фронту, по воле того же Сталина, пришлось держать такой же суровый экзамен, который испытали в начале войны армии Западного фронта. Окружение и разгром киевской группировки горько отозвались в сердцах всех советских людей. Тяжело переживали эти события мы — их участники. Конечно, мы не ведали тогда, почему они произошли и по чьей вине.

Поражение войск Юго-Западного фронта, которые в начале войны по численному составу значительно превосходили Западный фронт, воодушевило противника на достижение скорой победы над Красной Армией в решающей операции 1941 г., как ее определяло германское и советское руководство, — битве за Москву.

Тем не менее к концу сентября положение на большей части советско-германского фронта стабилизировалось. Противник был остановлен под Ленинградом, восточнее Смоленска, на Нижнем Днепре.

Несмотря на крупные результаты, достигнутые немецко-фашистской армией в ходе летнего наступления, ни одной из поставленных в плане «Барбаросса» стратегических целей ей не удалось полностью достигнуть. Советские Вооруженные Силы не были разбиты, их сопротивление с каждым днем возрастало. Вопреки расчетам гитлеровских руководителей война постепенно принимала затяжной характер.

Истребляя и изматывая живую силу врага, перемалывая его технику, задерживая на оборонительных рубежах, Красная Армия летом 1941 г. выиграла необходимое время, чтобы обеспечить мобилизацию войск, эва-

квацию промышленных предприятий на восток, организацию перестройки народного хозяйства на военный лад.

Наряду с проведением крупных мероприятий по перестройке экономики Коммунистическая партия проявляла огромную заботу о подготовке стратегических резервов. С этой целью Государственный Комитет Обороны 18 сентября 1941 г. принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». Согласно этому постановлению все мужчины в возрасте от 16 до 50 лет должны были пройти без отрыва от производства обязательное военное обучение по 110-часовой программе. В стране было развернуто множество учебных пунктов, на которых миллионы советских граждан обучались военному делу. Сотни тысяч из них шли в армию добровольцами. Формирование новых соединений и частей происходило нарастающими темпами. Из вновь сформированных соединений в действующую армию с июня по ноябрь было направлено 194 дивизии и 94 бригады.

Поскольку крупные танковые группировки противника настойчиво стремились прорваться в глубину обороны советских войск, важное значение имело устройство противотанковых заграждений. Коммунистическая партия мобилизовала миллионы людей на строительство оборонительных рубежей в глубоком тылу. По призыву местных партийных и советских органов население городов и сел выходило на оборонительные работы и под руководством военных инженеров сооружало противотанковые рвы, эскарпы, надолбы, устраивало проволочные заграждения, строило дзоты и другие сооружения.

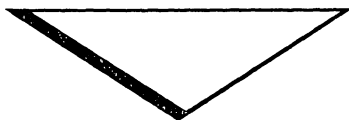
В случае необходимости советские люди вместо лопаты и топора брали в руки винтовку. Трудящиеся крупных городов, которым угрожал враг, вступали в народное ополчение. Уже в июле в Москве имелось 12 ополченских дивизий, а Ленинград в июле и августе дал фронту 9 дивизий. Они дрались с врагом стойко и мужественно. Многие дивизии народного ополчения вошли впоследствии в состав регулярной армии.

Для борьбы с диверсантами и охраны военных тыловых объектов в прифронтовой полосе создавались истребительные батальоны. Для охраны предприятий и жилых домов от воздушных налетов противника образовывались группы местной противовоздушной обороны.

Весь советский народ поднялся на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Под руководством партийных организаций в тылу врага все шире развертывалось партизанское движение. Действия партизан по выведению из строя железных и шоссейных дорог становились все более эффективными и заставляли гитлеровское командование выделять немало войск для обеспечения безопасности тылов и охраны коммуникаций. Положение со снабжением у немцев становилось напряженным.

Вторгшись на советскую землю, гитлеровцы крайне жестоко и бес-
пощадно относились к попавшим в плен воинам, оказавшемуся в окку-
пации населению, стремясь запугать наш народ, деморализовать и сло-
мить его волю к сопротивлению. Но вопреки их расчетам советские люди
не дрогнули. Временные неудачи на фронте не поколебали их единства,
а еще более укрепили союз рабочих и крестьян, дружбу народов СССР.
Все советские люди сплотились под лозунгом партии: «Всё для фронта,
всё для победы!»

С самого начала войны в полной мере проявилось нерушимое един-
ство партии и народа, которое позволило нашим славным воинам высто-
ять под натиском превосходившего по численности, хорошо технически
оснащенного, опытного врага. Изумившая весь мир сила сопротивления
Красной Армии, мужество и стойкость нашего народа уже летом 1941 г.
положили начало срыву «блицкрига».

ПРОВАЛ ПЛАНА «БАРБАРОССА»

1. ВСЕ ВНИМАНИЕ — МОСКВЕ

Несмотря на срыв летнего наступления немецко-фашистской армии на Москву, обстановка на советско-германском фронте осенью 1941 г. оставалась тяжелой. Вражеская авиация по-прежнему господствовала в воздухе. В связи с поражением киевской группировки советских войск у противника вновь появились надежды на осуществление плана «Барбаросса» до наступления зимы.

5 сентября Гитлер вызвал рейхсмаршала Геринга, фельдмаршалов Кейтеля и Браухича, генералов Гальдера и Йодля и заявил им, что теперь наступил час Москвы. Генеральный штаб сухопутных войск начал разработку плана новой операции. Всю ночь трудились над ним генералы Гальдер, Паулюс и полковник Хойзингер. Утром проект был доложен начальнику штаба ОКВ Кейтелю, а в середине дня Гитлер утвердил его. Новый план был изложен в директиве № 35.

«Начальные успехи в действиях против сил противника, находящихся между смежными флангами групп армий “Юг” и “Центр”, в сочетании с дальнейшими успехами по окружению вражеских войск в районе Ленинграда,— говорилось в директиве,— создают предпосылки для проведения решающей операции против группы армий Тимошенко... Она должна быть решительно разгромлена до наступления зимы в течение ограниченного времени, имеющегося еще в распоряжении. С этой целью необходимо сосредоточить все силы сухопутных войск и авиации, предназначенные для операции, в том числе те, которые могут быть высвобождены на флангах и своевременно переброшены»¹.

Новый удар на Москву немецкое командование решило подготовить более тщательно. Оно стягивало в группу армий «Центр» танки и авиацию с других направлений. Руководство перегруппировкой войск, все-

---

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!» С. 326.

сторонней подготовкой и оснащением их Браухич и Гальдер взяли на себя. Они же придумали пароль этой операции — Тайфун, который, по их замыслу, должен был, как огромной силы порыв ветра, сломить последнее сопротивление советских войск и открыть путь на Москву. Особое внимание обращалось на скрытность подготовки операции. Перегруппировки подвижных соединений предлагалось производить только в ночное время.

На основе директивы № 35 командующий группой армий «Центр» 16 сентября поставил задачи войскам на подготовку и проведение операции «Тайфун». «После получения пополнений группа армий переходит в наступление не позже начала октября», — гласил первый пункт директивы фельдмаршала Бока. 4-я и 9-я армии с подчиненными им 3-й и 4-й танковыми группами должны были нанести удар на Москву с запада через Вязьму, а 2-я армия и 2-я танковая группа — с юго-запада через Брянск, Орел, Тулу. Предусматривалось вначале разгромить советские войска в районах Вязьмы и Брянска, а затем преследовать отходящие на Москву соединения Западного фронта в полосе от верхнего течения Волги до Оки и овладеть столицей СССР. Особое внимание в директиве уделялось использованию авиации в наступательной операции. «Усиленный 2-й воздушный флот, — говорилось в ней, — уничтожает русские военно-воздушные силы перед фронтом группы армий и поддерживает наступление армий и танковых групп всеми имеющимися в распоряжении средствами. Налеты на промышленность Московского района на первом этапе отходят на второй план перед этими задачами и будут проводиться лишь тогда, когда это позволит наступление наземных войск»¹.

Управление 4-й танковой группы из группы армий «Север» перебрасывалось в район Рославля. Оттуда же прибыли в ее состав 19-я и 20-я танковые дивизии, 10-я танковая дивизия действовала в этом районе, 11-я танковая дивизия была перегруппирована из группы армий «Юг», а 2-я и 5-я танковые дивизии были включены в 4-ю танковую группу из резерва главного командования сухопутных войск. В 3-ю танковую группу, сосредоточивавшуюся в районе Духовщины, кроме 7-й танковой дивизии включались 1-я и 6-я танковые дивизии, также перебрасываемые из группы армий «Север». Во 2-й танковой группе были 3, 4, 9, 17 и 18-я танковые дивизии. Они с 20 сентября перегруппировывались в район Шостки. Кроме 14 танковых дивизий во 2, 3 и 4-й танковых группах было 8 моторизованных дивизий. Танковые и моторизованные соединения, потребовал 14 сентября фельдмаршал Бок, должны быть подготовлены к преодоле-

---

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 331.

нию широких и глубоких противотанковых рвов и соответственно оснащены. Следует добиться того, приказал он, чтобы части могли продвигаться вперед также в плохую погоду и по плохим дорогам.

Таким образом, немецко-фашистское командование предусматривало и делало все, чтобы всесторонне подготовить свои войска к завершающей, как им казалось, операции. Для захвата Москвы противник сосредоточил 75 дивизий, в которых насчитывалось 1,8 млн человек, 1700 танков, 14 тыс. орудий и минометов. В поддерживавшем группу армий «Центр» 2-м воздушном флоте имелось 1390 самолетов¹.

О завершении подготовки к наступлению на Москву Гитлер говорил в обращении к войскам 2 октября 1941 г.: «Создана, наконец, предпосылка к последнему огромному удару, который еще до наступления зимы должен привести к уничтожению врага. Все приготовления, насколько это возможно для человеческих усилий, уже окончены... Сегодня начинается последнее, решающее сражение этого года»².

Внимание советского политического и военного руководства в те дни было приковано к западному направлению. Для защиты Москвы Ставка Верховного Главнокомандования развернула войска трех фронтов:

Западного, Резервного и Брянского, во главе которых стояли генерал И.С. Конев, маршал С.М. Буденный и генерал А.И. Еременко. Основные силы Резервного фронта располагались за Западным фронтом, составляя второй эшелон войск в стратегической оборонительной операции. Всего в составе трех фронтов насчитывалось около 1250 тыс. человек, 7600 орудий и минометов, 990 танков и 667 самолетов в основном старых типов³. Общее превосходство противника в силах и средствах было примерно двукратным, а на направлениях главных ударов — еще более значительным.

Вскрыв подготовку наступления немецких войск на Москву, 27 сентября Ставка ГКО приказала войскам перейти к жесткой, упорной обороне и мобилизовать все инженерные части на устройство заграждений и отрывку окопов с ходами сообщения⁴. Особое внимание Конева обращалось на прикрытие вяземского направления, Буденного — рославльского и Еременко — брянско-орловского.

Вновь переходя к оборонительным действиям на главном — западном стратегическом направлении, советское командование рассчитыва-

¹ История второй мировой войны, 1939—1945. Т. 4. С. 92.

² Еремеев Л.М. Глазами друзей и врагов. М., 1966. С. 64—65.

³ История второй мировой войны, 1939—1945. Т. 4. С. 93.

⁴ ЦАМО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 30. Л. 47.

ло максимально ослабить и измотать ударные группировки противника, выиграть время для подготовки, сосредоточения и развертывания стратегических резервов и создать условия для перехода в решительное контрнаступление с целью достижения поворота в ходе войны. В этих условиях большое значение придавалось созданию глубокоэшелонированной обороны и оборудованию тыловых оборонительных рубежей стратегического значения. Дальние и ближние подступы к Москве опоясывались укреплениями и заграждениями. Протяженность строящихся оборонительных рубежей, их глубина, темпы оборонительных работ, привлеченные силы и средства не имели себе равных в истории войн.

Строительство тыловых оборонительных рубежей на московском направлении согласно решению Ставки началось еще в июле 1941 г. Система обороны включала Вяземскую (Ржевско-Вяземскую) и Можайскую линии обороны и Московскую зону обороны. Кроме того, на важнейших операционных направлениях оборудовалось 9 промежуточных рубежей. Вяземская линия оборудовалась в 50—80 км от переднего края обороны войск Западного фронта. Она состояла из двух полос. Можайская линия строилась с целью прикрытия дальних подступов к Москве. На волоколамском, можайском, малоярославецком и калужском направлениях оборудовались укрепленные районы полевого типа. Можайская линия состояла из трех позиций (рубежей), основу которых составляли батальонные районы обороны. Особое внимание уделялось устройству противотанковых заграждений, которые создавались одновременно с огневыми сооружениями.

О масштабах работ, развернувшихся осенью 1941 г. на подмосковных рубежах, можно судить по следующим данным. Всего строилось более 5,5 тыс. огневых сооружений и устраивалось 1350 км противотанковых рвов и эскарпов¹. Чтобы выполнить эти работы, необходимо было выбросить до 80 млн м³ грунта, уложить 25 тыс. т бетона, 52 тыс. т щебня и гравия, израсходовать до 60 тыс. м³ леса, большое количество арматурной стали и колючей проволоки². Из-за нехватки металла сталь и проволоку, как и каждое орудие, танк, самолет, распределял сам Председатель ГКО. Для строительства рубежей было сформировано 30 рабочих батальонов, составивших 90-тысячную трудовую армию. Кроме того, оборонительные работы вели 300 тыс. добровольцев — жителей Москвы и Подмосковья.

---

¹ Инженерные войска Советской Армии в важнейших операциях Великой Отечественной войны. М., 1958. С. 61.

² ЦАМО СССР. Ф. 69. Оп. 14065. Д. 6. Л. 117.

На рассвете 30 сентября под Брянском воздух сотрясла сильная артиллерийская канонада. Одновременно на войска Брянского фронта обрушили удары немецкие бомбардировщики. Поддерживаемые артиллерией и авиацией, двинулись вперед танковые соединения Гудериана. Этим ударом противник рассчитывал отвлечь внимание советского командования от западного — кратчайшего направления, ведущего к Москве, на котором враг собирался перейти в наступление на два дня позже. Так началась Московская битва.

Сосредоточив на узких участках фронта крупные силы, враг обрушил по советским войскам мощный удар. И хотя они оказали упорное сопротивление, остановить подвижные соединения противника, поддерживаемые бомбардировочной авиацией, не смогли. Фашисты устремились к Вязьме, Брянску, Орлу. 7 октября враг в районе Вязьмы окружил значительную часть войск Западного и Резервного фронтов. Гитлер хвастливо возвестил всему миру, что Красная Армия повержена наземь и никогда больше не поднимется. Гальдер утверждал в те дни, что взятие Москвы обеспечено.

Обстановка для нас действительно была весьма неблагоприятной. Сплошного фронта не было. Крупных резервов в районе Москвы Ставка не имела. Перебрасывавшиеся из глубины страны соединения находились еще в железнодорожных эшелонах. Почти со всеми армиями, оказавшимися в окружении, была утеряна связь.

Но окруженные войска мужественно сражались с атаковывавшим их со всех сторон врагом и до середины октября сковывали крупные силы группы армий «Центр». Вначале они сдерживали 28 вражеских дивизий, а в последующие дни — примерно половину этого состава. В боях с окруженной группировкой противник понес существенный урон. «Главные бои в районе Вязьмы, — констатировал в 1946 г. фельдмаршал Ф. Паулюс, — были для немецких войск успешными, но тяжелыми и принесли большие потери»¹.

Героическая борьба советских войск в районе Вязьмы позволила советскому командованию провести срочные мероприятия по организации обороны на Можайской линии, которую Государственный Комитет Обороны в сложившейся обстановке избрал главным рубежом сопротивления Западного фронта.

6 октября Ставка дала директиву о приведении ее в боевую готовность, выделив из своего резерва 6 стрелковых дивизий, 6 танковых бригад, более 10 противотанковых артиллерийских полков и пулеметных батальонов для занятия огневых сооружений. На Можайскую линию пере-

---

¹ ЦАМО СССР. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 1073. Л. 8.

брасывалась часть сил с правого крыла Западного фронта, а также несколько соединений с Северо-Западного и Юго-Западного фронтов. 7 октября Верховный Главнокомандующий направил на Западный фронт для борьбы с вражескими танками 4 авиационных полка: бомбардировочный (Пе-2), штурмовой (Ил-2) и два истребительных (МиГ-2), вооруженных реактивными снарядами¹.

В связи с задержкой главных сил группы армий «Центр» в районе Вязьмы фельдмаршал Бок приказал Гудериану быстрее продвигать соединения 2-й танковой армии² через Мценск к Туле, чтобы прорваться к Москве с юго-запада; 3-я танковая группа по его распоряжению должна была перерезать железную дорогу Москва—Ленинград, выйти к Волге, а оттуда прорваться к нашей столице с северо-запада. После прорыва обороны советских войск и окружения многих соединений в районах Вязьмы и Брянска конечная цель наступления — Москва — казалась гитлеровскому руководству совсем близкой.

По расчетам немецкого командования, все должно было произойти одновременно. Группе армий «Север» предписывалось не только захватить Ленинград, но соединиться с финнами и перерезать Мурманскую железную дорогу. Войскам фельдмаршала Бока надлежало взять Москву, а группе Рундштедта — Крым, Донбасс и Северный Кавказ. Немцы вновь уверовали в скорое окончание войны с Советским Союзом. Гитлер заявил Браухичу, что когда Москва перейдет в его руки, то народы всех стран заволнуются, как никогда. «И мир будет наш!» — заранее ликовал Гитлер. Германские газеты и радио провозглашали в те дни на весь мир, что «исход похода на Восток решен».

Чтобы замедлить продвижение рвущегося к столице врага, Сталин в октября приказал командующему Московским военным округом генералу П.А. Артемьеву собрать в столице и Подмосковье все возможные силы и направить их на Можайский рубеж.

Выдвижение собранных частей и военно-учебных заведений на угрожаемые направления началось в тот же день и проходило быстро и организовано. 7 октября северо-западное Волоколамска занял оборону курсантский полк Военного училища им. Верховного Совета РСФСР. В Можайский укрепленный район прибыли курсанты Московского военно-политического училища, в Малоярославецкий — два подольских военных училища. На усиление Волоколамского и Можайского УРов были направлены курсантские дивизионы 1-го Московского артиллерийского

---

¹ ЦАМО СССР. Ф. 48-А. Оп. 1554. Д. 91. Л. 335.

² 5 октября 1941 г. 1-я и 2-я немецкие танковые группы были переименованы в армии.

училища и курсанты Московского военно-инженерного училища с минноподрывными средствами для устройства заграждений.

Так было положено начало созданию фронта Можайской линии обороны и прикрытию западных и юго-западных подступов к столице. Но еще раньше, в связи с прорывом немцев к Орлу и возникновением угрозы выхода танковой группы Гудериана к Туле, Ставка предприняла меры для укрепления южных подступов к Москве.

1 октября было создано особое соединение — 1-й гвардейский корпус (2 стрелковые и кавалерийская дивизии, 2 танковые бригады, 2 артиллерийских и мотоциклетный полки). Командиром этого соединения, подчиненного непосредственно Ставке, был назначен генерал Д.Д. Лелюшенко.

4 октября в Мценск прибыли железнодорожные эшелоны с частями 4-й танковой бригады полковника М.Е. Катукова. Укомплектованная в основном танками Т-34, она находилась в резерве Ставки и располагалась в Кубинке (60 км западнее Москвы), прикрывая Минское шоссе. Обстановка вынудила перебросить ее на юг и с ходу бросить в бой.

По приказу Лелюшенко командир бригады сразу же по прибытии в новый район выделил две разведывательные группы и поставил им задачу: выявить силы в намерения противника, занявшего накануне Орел. Первую группу возглавил командир батальона капитан В.Г. Гусев, а вторую — командир роты старший лейтенант А.Ф. Бурда. В полдень группа Гусева внезапно ворвалась в Орел. Огнем и тараном наши танкисты уничтожили несколько вражеских танков, бронетранспортеров и автомашин. Когда горючее и боеприпасы были на исходе, они, захватив пленных, возвратились в Мценск.

Оценив и проанализировав итоги действий разведывательных групп за истекший день, полковник Катуков пришел к выводу, что в условиях численного неравенства и «господства» вражеской авиации наиболее целесообразным способом боевых действий будет подвижная оборона на выгодных в тактическом отношении естественных рубежах в сочетании с короткими ударами из засад.

Тем временем в корпус продолжали поступать другие соединения и части.

5 октября по танкам Гудериана начала наносить удары 6-я резервная авиационная группа под командованием генерала А.А. Демидова.

«В этот день я получил довольно внушительное представление об активности русской авиации, — вспоминал Гудериан. — Сразу же после моего приземления на аэродроме в Севске произошел налет русской авиации на этот аэродром, где находилось до 20 немецких истребителей. Затем авиация противника бомбила штаб корпуса, в результате чего в ком-

нате, где мы находились, вылетели оконные стекла. Затем я направился к дороге, по которой продвигалась 3-я танковая дивизия. Здесь мы также подверглись неоднократной бомбежке со стороны русских бомбардировщиков...»¹

5 октября у Мценска строился оборонительный рубеж вдоль р. Зуши, на котором развертывались части 6-й гвардейской стрелковой дивизии генерала К.И. Петрова и 11-й танковой бригады подполковника В.А. Бондарева. В это время борьбу с немецкими танками на промежуточных рубежах от Орла к Мценску вели танкисты Катукова, подразделения 201-й воздушно-десантной бригады подполковника С.М. Ковалева, 132-го пограничного полка НКВД и Тульского военного училища.

В середине дня разгорелся ожесточенный бой. Немецкие танки стремились во что бы то ни стало прорваться к Мценску. Казалось, что наши части не выдержат натиска противника. Вдруг в тылу врага открылась стрельба, и немцы дрогнули, а вскоре под ударами с фронта и тыла начали отходить. Оказалось, что группа старшего лейтенанта Бурды, которая на танках Т-34 вела разведку в тылу врага, нанесла удар по вражеским боевым машинам. Противник оставил на поле боя до 50 танков, свыше 30 орудий и около 400 убитых солдат и офицеров.

Весьма нерадостную запись о том дне сделал Гудериан: «5 октября наш командный пункт был перемещен в Севск. Южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжелый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить... Особенно неутешительными были полученные нами донесения о действиях русских танков, а главное, об их новой тактике... Русская пехота наступала с фронта, а танки наносили массированные удары по нашим флангам. Они кое-чему уже научились. Тяжесть боев постепенно оказывала влияние на наших офицеров и солдат»².

Гудериан верно определил причину хотя и краткосрочной, но для советского командования очень важной остановки немецкого наступления на Тулу, — приобретение нашими войсками боевого опыта и начавшееся ухудшение морального состояния немецких войск.

Бои за Мценск велись несколько дней. 10 октября после массированного удара авиации немецкие танки ворвались в Мценск. Однако на следующий день соединения Лелюшенко выбили их из города и восстановили положение по р. Зуше.

---

¹ Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. С. 251.

² Там же. С. 252.

Вспоминая события того дня, Гудериан не без сожаления записал: «В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех. Об этой новой для нас обстановке я написал командованию группы армий»¹.

В тот день опять отличилась 4-я танковая бригада. За успешные действия в течение целой недели бригада была удостоена звания гвардейской, а Катуков стал генералом и получил орден Ленина. В приказе наркома обороны, подписанном 11 ноября, говорилось: «4-я танковая бригада отважными и умелыми боевыми действиями с 4 по 11 октября, несмотря на значительное численное превосходство противника, наносила ему тяжелые потери и выполнила поставленные перед бригадой задачи прикрытия сосредоточения наших войск...

В результате ожесточенных боев бригады с 3-й и 4-й танковыми дивизиями и мотодивизией противника фашисты потеряли 133 танка, 49 орудий, 8 самолетов, 15 тягачей с боеприпасами, до полка пехоты, 6 минометов и другое вооружение. Потери 4-й танковой бригады исчисляются единицами...

Приказываю:

2. За отважные и умелые боевые действия 4-ю танковую бригаду впредь именовать 1-я гвардейская танковая бригада»².

Безусловно, этой бригаде, как и всему 1-му гвардейскому корпусу, было бы гораздо труднее, если бы попавшие в окружение войска Брянского фронта сложили оружие. Но они вели самоотверженную борьбу с крупными силами 2-й танковой и 2-й полевой немецких армий. При прорыве через вражеское кольцо многие воины фронта были убиты и ранены, потеряна почти вся боевая техника. На поле боя пали командующий 50-й армией генерал М.П. Петров и член военного совета бригадный комиссар Н.А. Шляпин. Ранен был в генерал А.И. Еременко. В командование фронтом вступил генерал Г.Ф. Захаров, а начальником штаба стал полковник Л.М. Сандалов. Во второй половине октября значительной части войск Брянского фронта удалось вырваться из окружения, и после короткой передышки они снова вступили в бои на рубеже Белёв—Мценск, Поныри, Льгов.

---

¹ Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. С. 253.

² Правда. 1941. 12 нояб.

Но как бы ни было тяжело к югу от Москвы, более грозная опасность столице в те дни угрожала с запада. Поэтому сюда и было направлено главное внимание ГКО и Ставки. Прежде всего требовалось создать сплошной фронт обороны, упорядочить оперативное построение войск и организовать твердое и непрерывное управление ими. Это мог сделать человек сильной воли, решительный, требовательный, настойчивый и целеустремленный, имеющий опыт руководства войсками в сложной обстановке. Выбор пал на Г.К. Жукова.

Вечером 6 октября, когда танки Гота и Гёппера завершали окружение вяземской группировки, Сталин позвонил Жукову в Ленинград и, осведомившись о делах на Ленинградском фронте, попросил на мешкая вылететь в Москву. Через сутки Жуков уже отправился на машине в штаб Западного фронта, чтобы разобраться в сложившейся обстановке.

В течение двух дней он побывал на всех основных направлениях, ведущих к столице. Посетил штабы Западного и Резервного фронтов, беседовал с командующими Коневым и Буденным. Свои выводы об увиденном и услышанном и предложения он периодически докладывал Сталину и Шапошникову. 10 октября Жуков был назначен командующим Западным фронтом, а Конев стал его заместителем. Резервный фронт расформировали, его войска передали Западному фронту.

Основные задачи, стоявшие в те дни перед Западным фронтом, Жуков сформулировал так: «Нужно было срочно создать прочную оборону на рубеже Волоколамск, Можайск, Малоярославец, Калуга. Развить оборону в глубину, создать вторые эшелоны и резервы фронта, чтобы можно было ими маневрировать для укрепления уязвимых участков обороны. Необходимо было организовать наземную и воздушную разведки и твердое управление войсками фронта; наладить материально-техническое обеспечение войск. А главное — развернуть партийно-политическую работу, поднять моральное состояние воинов и укрепить их веру в свои силы, в неизбежность разгрома противника на подступах к Москве»¹.

В эти дни усилия ГКО, Ставки, Московской партийной организации, командования Западного фронта и Московского военного округа были направлены на укрепление Можайской линии, на создание здесь, по существу, нового фронта. Из резерва Ставки и соседних фронтов тут сосредоточивались 14 стрелковых дивизий, 26 танковых бригад, более 40 артиллерийских полков, специальные части и подразделения.

Для приема выдвигавшихся на Можайский рубеж войск и организации ими обороны туда были направлены специальные представители

---

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1979. Т. 2. С. 16.

Наркомата обороны и Генерального штаба. На Можайском направлении этим руководил генерал Л.А. Говоров, назначенный заместителем командующего фронтом Можайской линии обороны по артиллерии. Этот фронт создавался по решению Ставки от 9 октября. Во главе его был поставлен генерал П.А. Артемьев.

На Можайском направлении формировалась 5-я армия. Командовать ею назначили генерала Лелюшенко, который отзывался из-под Мценска. На волоколамском направлении генерал Рокоссовский и его штаб спешно создавали 16-ю армию.

К переднему краю Можайской линии немецкие танковые части вышли 10 октября. На волоколамском направлении в бой с ними вступили курсанты Военного училища им. Верховного Совета РСФСР под командованием полковника С.И. Младенцева. В районе Можайска врага встретили артиллерийские подразделения УРа, командиром которого был полковник С.И. Богданов, в начале войны, так же как М.Е. Катуков, командовавший танковой дивизией.

В районе Малоярославца атаки противника успешно отражали артиллерийские подразделения под командованием полковника И.И. Стрельбицкого и курсанты подольских училищ, которые проявили массовый героизм. Не добившись успеха, танки врага повернули на Боровск. Но там им преградил путь усиленный батальон Московской дивизии НКВД им. Ф.Э. Дзержинского под командованием капитана И.П. Ключко и истребительный батальон ополченцев Подмосковья. Целые сутки они сдерживали натиск противника.

На калужском направлении первыми в бой вступили артиллерийско-пулеметные подразделения УРа, под прикрытием которых начала разворачиваться 5-я гвардейская стрелковая дивизия, прибывшая из резерва Ставки. Немцы сосредоточили здесь крупные силы и 12 октября овладели Калугой.

С авангардными частями противника на Можайской линии вели борьбу в основном московские ополченцы, истребительные батальоны, курсанты военных училищ и другие части Московского гарнизона, войск НКВД и милиции. Они с честью выдержали боевое испытание и обеспечили сосредоточение и развертывание соединений и частей резерва Ставки. Под прикрытием фронта Можайской линии смогли привести себя в порядок и переформироваться вырвавшиеся из окружения войска Западного фронта. По выполнению возложенных на него функций фронт Можайской линии 12 октября был упразднен, а его силы переданы в подчинение генерала Жукова.

Войска Западного фронта по-прежнему находились в тяжелом положении. Освободившиеся от борьбы с вяземской группировкой много-

численные дивизии противника также подтягивались к Можайской линии. Угроза прорыва немецких танков к Москве нарастала.

В связи с этим Сталин по предложению Жукова отдал в тот кризисный день, каким было 12 октября, приказ: «Всем зенитным батареям корпуса Московской ПВО, расположенным к западу, юго-западу и югу от Москвы, кроме основной задачи отражения воздушного противника, быть готовым к отражению и истреблению прорывающихся танковых частей и живой силы противника»¹.

Использование зенитной артиллерии ПВО для борьбы с вражескими танками впервые началось по приказу Жукова в сентябре на подступах к Ленинграду и дало положительный результат. Этот опыт было решено применить при обороне Москвы, так как противотанковой артиллерии не хватало.

Для укрепления ближних подступов ГКО принял в тот день постановление о строительстве Московской зоны обороны, руководство которым возлагалось на военный совет МВО. По призыву Московского городского и областного комитетов партии сотни тысяч жителей города и Подмоскovie вышли на строительство оборонительных рубежей.

Весьма неблагоприятно разворачивались в те дни события на стыке Северо-Западного и Западного фронтов. Соединениям 3-й танковой группы, в командование которой вступил генерал Рейнгардт, удалось обойти вяземскую группировку с севера и из района Сычевки устремиться к Калинин, который не был прикрыт войсками. Несколько дней спустя, используя успех группы Рейнгардта, к Калинин стали продвигаться и пехотные соединения 9-й армии Штрауса, 14 октября немцы ворвались в город.

Глубокий прорыв противника на калининском направлении мог привести к охвату Москвы с севера и создавал угрозу тылам Северо-Западного фронта. Требовалось принимать срочные меры, чтобы не допустить этого. На Западном фронте не было сил для противодействия этому прорыву. Ставка решила выдвинуть в район Калинина оперативную группу Северо-Западного фронта во главе с начальником штаба генералом Ватутиным. В состав группы включили 2 стрелковые и 2 кавалерийские дивизии, танковую бригаду и мотоциклетный полк.

Первой выдвигалась 8-я танковая бригада полковника П.А. Ротмистрова. На шоссе Торжок—Калинин она с ходу вступила в бой. Враг не выдержал удара советских танкистов и откатился назад, оставив 15 подбитых танков, 10 орудий и сотни трупов. Вскоре Гейнгардт бросил более

---

¹ ЦАМО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 45. Л. 26.

крупные силы, которые при поддержке авиации пытались опрокинуть наши танковые подразделения. Тяжелый, кровопролитный бой продолжался двое суток.

С подходом стрелковых и кавалерийских соединений в район Калинина противник был остановлен. Из переброшенных сюда войск Северо-Западного фронта и отступивших частей Западного фронта 17 октября был создан Калининский фронт. Его командующим назначили генерала И.С. Конева. Войскам этого фронта Ставка приказала надежно прикрыть северные и северо-западные подступы к Москве.

Немецкое командование предпринимало новые меры к скорейшему захвату нашей столицы. 14 октября фельдмаршал Бок отдал приказ на продолжение операции:

«1. Противник перед фронтом группы армий разбит. Остатки отступают, переходя местами в контратаки. Группа армий преследует противника.

2. 4-я танковая группа и 4-я армия без промедления наносят удар в направлении Москвы, имеющий целью разбить находящиеся перед Москвой силы противника, прочно овладеть окружающей Москву местностью, а также плотно окружить город.

2-я танковая армия с этой целью должна выйти в район юго-восточнее Москвы с таким расчетом, чтобы, прикрываясь с востока, охватить Москву с юго-востока, а в дальнейшем также с востока. Имеющие важное значение для снабжения Москвы промышленные районы Сталиногорска, Тулы и Каширы должны быть как можно быстрее захвачены и надежно прикрыты... Кольцо окружения города в конечном счете должно быть сужено до окружной железной дороги»¹.

Выполняя этот приказ, войска группы армий «Центр» усилили натиск. Нашим соединениям, развергивавшимся на Можайской линии, пришлось с ходу вступать в бой.

На волоколамском направлении, от Волжского водохранилища до Рузы, занимала оборону 16-я армия. Севернее Волоколамска сосредоточился 1-й кавалерийский корпус генерала Л.М. Доватора, временно подчиненный Рокоссовскому. Левее его оборонялся курсантский полк Военного училища им. Верховного Совета РСФСР. В районе Волоколамска заняла оборонительную полосу 316-я стрелковая дивизия, только что прибывшая из Казахстана. Она была полностью укомплектована, хорошо вооружена и оснащена. Командиры и политработники подобрались воле-

---

¹ Дашичев В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 256.

вые, мужественные и стойкие. Командовал этим соединением опытный генерал И.В. Панфилов.

Подступы к Можайску прикрывали войска 5-й армии. В ее составе в это время были прибывшая с Дальнего Востока 32-я стрелковая дивизия полковника В.И. Полосухина, 18, 19, 20 и 22-я танковые бригады, 36-й мотоциклетный полк, курсантский батальон Московского военно-политического училища им. В.И. Ленина, 230-й учебный запасной полк и артиллерийско-пулеметные подразделения.

Воинам этой армии суждено было драться с врагом на легендарном Бородинском поле, где в 1812 г. русские солдаты мужественно сражались с французской армией Наполеона. Об этом напоминали многочисленные гранитные памятники, оборонительные и огневые позиции того времени: Шевардинский редут, Багратионовы флеши, батарея Раевского.

Здесь настойчиво стремились прорваться к Москве соединения 4-й танковой группы, поддерживаемые авиацией.

«14 октября, — записано в журнале боевых действий группы Гёпнера, — дивизии начали прорыв в районе Бородинского поля. Они преодолевают полосу врытых в землю огнеметов с электрическим зажиганием, противотанковых препятствий всех видов, минных полей, проволочных заграждений, эскарпов и дотов»¹.

Умело вели активную оборону части полковника Полосухина. Действуя из засад, громили противника танковые бригады. Один за другим, вспыхивали немецкие танки от огня артиллерии,

Продолжая наращивать силы, Бок потребовал 15 октября от Клюге и Гепнера ускорить прорыв в районе Можайска и развить наступление вдоль Минского шоссе.

Враг обрушивал на войска 5-й армии один массированный удар за другим как на земле, так и с воздуха. Но они держались стойко и мужественно, а если и отходили с занимаемых позиций, то только тогда, когда не оставалось ни одного снаряда.

Особенно неистовствовал противник 16 октября, стремясь во что бы то ни стало прорваться через боевые порядки 5-й армии. Наши пехотинцы, танкисты и артиллеристы сдерживали бешеный натиск врага, уничтожая и изматывая его силы. Умело управляли боем командиры соединений и частей. Для храброго танкиста полковника Т.С. Орленко тот день стал последним в жизни. Начав войну в должности командира 22-й танковой дивизии, он проявил свои военные дарования еще в обороне Прибалтики. Успешно действовала его 20-я танковая бригада и под Можайском. Ведя ее в очередную контратаку, он погиб на поле боя.

---

¹ *Анфилов В.А.* Начало Великой Отечественной войны. С. 265.

Искусно управлял войсками 5-й армии в ходе сражения на Бородинском поле генерал Д.Д. Лелюшенко.

16 октября он с группой офицеров штаба находился на наблюдательном пункте армии. К вечеру немецкая танковая часть прорвалась в этот район. Завязался неравный бой, в ходе которого командарм был тяжело ранен. Его сменил генерал Л.А. Говоров.

Видя угрозу прорыва немцев вдоль Минского шоссе, Верховный Главнокомандующий решил перебросить на это направление блестяще зарекомендовавшее себя в боях под Мценском танковое соединение Катукова. Вернувшись в район Кубинки, 4-я танковая бригада к исходу 19 октября оседлала Минское шоссе и железную дорогу.

В результате упорных кровопролитных боев врагу в конце концов удалось 18 октября овладеть Можайском, но стоило ему это дорого. «Потери наступающих, — записано в журнале боевых действий группы Гёпнера, — очень велики... Одна за другой появляются могилы, скрывающие товарищей то в черной форме танкиста, то в серой блузе пехотинца, то в маскировочном халате солдата СС... Дальнейшее наступление тормозится. Отсюда до Кремля 84 километра. Цель наступления так близка и в то же время недостижимо далека»².

Не сумев развить наступление в районе Можайска, противник решил усилить натиск на волоколамском направлении и попытаться там добиться успеха. Еще 16 октября один из корпусов Гёпнера при поддержке пехотных соединений 4-й армии нанес удар по 316-й стрелковой дивизии. До сотни немецких танков, поддержанные артиллерией и бомбардировочной авиацией, двое суток пытались прорваться через боевые порядки дивизии Панфилова. Но это им не удалось.

18 октября Гёпнер ввел в бой в полосе обороны 316-й дивизии около 150 танков и моторизованную пехоту. Панфилов выдвинул навстречу им противотанковую артиллерию и «катюши». Полагая, что силы дивизии исчерпаны, противник бросил на фланг ее еще до сотни танков. Сил и средств у комдива действительно больше не было, и он обратился за помощью к командарму. Рокоссовский немедленно направил ему все артиллерийские резервы армии. Угроза прорыва была ликвидирована. Немцы, лишь потеснив части 316-й дивизии, были вынуждены прекратить атаки.

Главное внимание командиры всех степеней уделяли организации противотанковой обороны. Учитывая опыт первых сражений Великой

---

² *Анфилов В.А.* Начало Великой Отечественной войны. С. 266.

Отечественной войны, когда танковые соединения врага осуществляли прорыв в основном вдоль дорог, советские войска в обороне под Москвой огневые позиции оборудовали главным образом на танковых направлениях, эшелонируя противотанковую артиллерию в глубину. Вдоль основных маршрутов устраивались противотанковые районы, которые занимались сводными отрядами из наиболее стойких артиллерийских и стрелковых подразделений, усиленных саперами. На вооружение стрелковых войск для борьбы с танками противника к тому времени поступили уже, хотя еще и в недостаточном количестве, противотанковые ружья. Широко применялись гранаты и бутылки с горючей смесью.

На случай прорыва вражеских войск столице 12 октября ГКО принял решение о строительстве оборонительной линии под Москвой. Она состояла из предполья и двух оборонительных полос. Главная полоса строилась в форме полукольца в 15—20 км от города. Вся система обороны на ближних подступах получила название Московской зоны обороны. Основу ее гарнизона составляли наспех сформированные дивизии народного ополчения и некоторые соединения и части, прибывшие из глубины страны.

Прикрытие столицы с северо-запада осуществлял с 17 октября Калининский фронт в составе 22, 29, 30 и 31-й армий. Упорным сопротивлением в районе Калинина войска Конева сковали крупные силы противника, частично ослабив его ударную группировку, наступавшую на Москву с севера. Для прикрытия южных подступов к столице и Тулы Ставка развертывала на рубеже р. Зуши вновь сформированную 26-ю армию.

Более напряженная обстановка в середине октября сложилась на правом крыле и в центре Западного фронта. Командование фронта видело, что, несмотря на героизм и мужество оборонявшихся воинов, вряд ли удастся остановить превосходящие силы врага на Можайской линии. Чтобы сохранить свои войска, надо было организованно отвести их на укрепленные тыловые рубежи и вместе с выдвинутыми туда из резерва Ставки свежими силами окончательно измотать и остановить противника.

18 октября военный совет Западного фронта составил план отвода войск. «В случае невозможности сдержать наступление противника на Можайском оборонительном рубеже, — указывалось в этом документе, — армия фронта, оказывая арьергардами сопротивление наступающему противнику, отходят главными силами, в первую очередь основной массой артиллерии, на подготавливаемый рубеж обороны по линии Ново-Завидовский, Клин, Истринское водохранилище, Истра, Жаворонки, Красная

Пахра, Серпухов, Алексин. Отход прикрывается всей авиацией... Для обеспечения планомерного отхода частей армий в узлах путей Ново-Петровское, Кубинка, Наро-Фоминск, Воробьи иметь заранее организованную противотанковую оборону артполками ПТО, дабы исключить возможность прорыва в тыл танков противника. Заранее частью сил армий запясть основной рубеж обороны заблаговременно на важнейших направлениях как пехотными частями, так и особенно артиллерией и дивизионами РС (реактивной артиллерии)»¹.

19 октября этот план был утвержден Верховным Главнокомандующим. Одновременно Ставка предупредила командующего фронтом, что отвод может быть начат только по особому указанию.

В тот же день постановлением ГКО Москва и прилегающие к ней районы объявлялись на осадном положении. В постановлении указывалось, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100—120 км к западу от Москвы, возложена на войска Западного фронта под командованием генерала армии Г.К. Жукова, а непосредственные подступы к городу обороняются войсками Московского гарнизона.

Все, кто мог держать оружие, шли добровольно в армию. Из вновь созданных 25 добровольческих батальонов и рот были сформированы 3 дивизии, которые сразу выступили на фронт.

На защиту столицы поднялся весь советский народ. Со всех районов Советского Союза в Москву направлялись новые формирования, вооружение, боеприпасы, продовольствие. Каждый советский человек стремился сделать все, чтобы не допустить гитлеровские войска в столицу.

Воины клялись партии и народу отстоять столицу и разгромить немецкие войска на подступах к ней. В обращении командования и политотдела 1-й гвардейской Московской мотострелковой дивизий от 23 октября указывалось: «Партия, советское правительство, товарищ Сталин поручили нам нелегкую, но вместе с тем исключительно почетную задачу — нам поручена боевая охрана подступов к Москве... Поклянемся перед нашими матерями, давшими нам жизнь, поклянемся перед партией, советским правительством, давшими нам счастье, что всю нашу ненависть к врагу, силу, мощь оружия обрушим на поганые головы фашистских бандитов. Москва — это сердце Нашей Родины, и если будет нужно, то каждый из нас отдаст свое сердце, жизнь свою за наш родной любимый город. За Родину! За социализм! Ни шагу назад! Вперед и только вперед, и победа будет за нами»¹.

¹ ЦАМО СССР. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1048. Л. 58—59.

¹ Гвардейцы в боях за Родину // Изд. газеты «На штурм», 1941. С. 83—84.

В эту дивизию, удостоенную гвардейского звания за мужество, проявленное в боях под Борисовом и Смоленском, Москва направляла сотни добровольцев: металлургов «Серпа и молота», рабочих Московского автомобильного и Мытищинского машиностроительного заводов, железнодорожников и служащих. Тысячи добровольцев шли в другие соединения Западного фронта. Вступление в ряды вооруженных защитников Москвы рабочих и служащих с крепкой партийной закалкой — а многие из них были участниками Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны — укрепляло моральный дух войск и повышало их стойкость.

«Все трудоспособные мужчины и женщины, — писала английская газета «Ньюс оф уорлд», — принимают участие в окончательной подготовке обороны. Этот дух и эти приготовления составляют разницу между Москвой октября 1941 г. и Парижем июня прошлого года. Не слышно ни одного голоса об объявлении столицы открытым городом...»¹ Некоторые зарубежные корреспонденты утверждали, что немцы не смогут преодолеть оборону советских войск. «Я не верю в то, что Гитлер сломит организованное сопротивление в России», — писал обозреватель другой английской газеты А. Каммингс².

С вводом в бой новых пополнений сопротивление советских войск все более и более возрастало, а продвижение противника уменьшалось с каждым днем. Советские воины с беспримерным мужеством отстаивали каждую пядь подмосковной земли.

Наряду с противотанковой артиллерией большую роль в борьбе с вражескими танками играли минно-взрывные заграждения. В стрелковых дивизиях, в армиях и во фронте были созданы подвижные отряды заграждений. Во фронтовом подвижном инженерном резерве находились 122-й и 133-й моторизованные инженерные батальоны; каждый имел 5000 противотанковых мин для устройства минных заграждений на танкоопасных направлениях³. Для устройства заграждений и производства других инженерных работ Западный фронт был усилен только что сформированной 1-й саперной армией, в составе которой было 9 саперных бригад.

Противотанковая артиллерия и различного рода заграждения, в широких масштабах устраиваемые инженерными войсками Западного фрон-

---

¹ News of World. 1941. 19 Oct.

² News Chronicle. 1941. 21 Oct.

³ Инженерные войска Советской Армии в важнейших операциях Великой Отечественной войны. С. 66.

та, задерживали продвижение вражеских танков и наносили им большой урон. Об этом свидетельствуют и записи в журнале боевых действий 4-й танковой группы в конце октября 1941 г.: мосты через каждую речку, которую должны форсировать немецкие соединения, взлетают на воздух, как только появляется первый немецкий танк. В обломках бревен и болотистой тине, среди мин и под непрерывным огнем противника приходится искать брод, и снова немецкие войска несут значительные потери, в том числе и в танках. Прямая дорога через район боев под Вязьмой пока еще закрыта, так как взорваны мосты, указано в журнале, а на участке между Вязьмой и Смоленском солдаты лихорадочно работают на восстановлении мостов, железнодорожных путей и шоссе.

К концу октября Калининский фронт, измотав армию Штрауса и танковую группу Рейнгардта, вынудил их перейти к обороне в районах Торжка и Калинина. Вследствие этого они не смогли, как им было приказано, развить наступление ни севернее Москвы, ни вдоль Ленинградского шоссе в тыл Северо-Западному фронту.

К этому времени враг был остановлен и в полосе Западного фронта. Хотя части Рокоссовского и оставили 27 октября Волоколамск, дальше на восток они немцев не пропустили. В этих боях неуязвимой славой покрыли себя 316-я стрелковая дивизия генерала И.В. Панфилова, 50-я кавалерийская дивизия полковника И.А. Плиева, курсантский полк училища им. Верховного Совета РСФСР и поддерживавшие их артиллерийские части.

Истощены были танковые соединения Гёпнера и пехотные части Клюге, наступавшие на Можайском направлении. Упорной обороной, искусным сочетанием огня и заграждений войска генерала Говорова истребили значительное количество танков и пехоты противника.

В связи с тем что наступление на Москву с севера и в центре застопорилось, немецкое командование попыталось развить его с юга через Тулу, делая ставку на танковую армию Гудериана, которая до 22 октября вела бои в районах Брянска, Мценска и Поньрей.

К этому времени войска Брянского фронта, в том числе и 50-й армии, вышли из окружения. В командование этой армией после гибели генерала М.П. Петрова вступил генерал А.Н. Ермаков. Ему-то и была поставлена задача: прикрыть подступы к Туле, развернувшись в тылу 1-го гвардейского корпуса и подготовив оборону на р. Плавне.

В связи с уходом бригады Катукова и других частей, 1-й гвардейский корпус, в командование которым вступил генерал А.В. Куркин, не имел уже прежней мощи. Но тем не менее он двое суток сдерживал натиск соединений Гудериана.

Фельдмаршал Бок бросил на это направление основные силы 2-го воздушного флота. Немецкие самолеты несколько часов висели над полем боя, нанося бомбовые удары по нашим войскам. 25 октября танки Гудериана прорвали ослабленные подразделения корпуса Куркина и устремились на северо-восток. Не успевшие еще изготовиться к обороне на р. Плаве войска 50-й армии задержать их не смогли. Немцам показалось, что путь на Тулу открыт.

Однако город не был застигнут врасплох. В области и в самом городе было создано несколько десятков истребительных батальонов. Они были хорошо вооружены и оснащены. Тульский ликеро-водочный завод подготовил тысячи бутылок с горючей смесью для борьбы с танками.

16 октября на собрании партийного актива Тулы была принята такая резолюция. «Тула, красная кузница, город славных оружейников, город металлистов, не будет в грязных лапах немецких бандитов! Мы, большевики Тулы, заверяем Центральный Комитет ВКП(б), что все, как один, с оружием в руках будем драться до последней капли крови за нашу Родину, за наш любимый город и никогда не отдадим Тулу врагу»¹.

23 октября городской комитет обороны, который возглавил секретарь Тульского обкома партии В.Г. Жаворонков, постановил объединить истребительные батальоны и создать Тульский рабочий полк. Формирование полка закончилось через 4 дня. В его ряды вступили: сотни коммунистов, комсомольцев и беспартийных патриотов. Командиром полка был назначен А.П. Горшков, комиссаром — Г.А. Агеев. В связи с угрозой прорыва немецких танков рабочий полк изготовился к обороне на подступах к городу.

29 октября соединения Гудериана, поддерживаемые пикирующими бомбардировщиками Рихтгофена, прорвали оборону 50-й армии в районе Ясной Поляны и на следующий день вышли к Косой Горе — пригороду Тулы. Враг с ходу попытался было овладеть городом, как это было с Орлом, но, встретив решительный отпор со стороны рабочего полка, отрядов НКВД и милиции, остановился.

Туляки не дрогнули. Они смело вступили в борьбу с врагом и уничтожили до 50 танков. Однако и потери полка были велики. Смертью храбрых пал и комиссар Григорий Антонович Агеев.

В уничтожении танков большую роль сыграл зенитно-артиллерийский полк полковника М.П. Бондаренко. Прикрывая южные подступы к городу, зенитчики подбивали и поджигали боевые машины врага. Вече-

---

¹ Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. С. 277.

ром к Туле отошли части 50-й армии. Командование тульским боевым участком с этого времени было возложено на заместителя командующего армией генерала В.С. Попова.

Он незамедлительно принял меры к усилению тульского участка. В течение первой ночи перебросил в город стрелковый полк, на позиции поставил дивизион «катюш» и потребовал от штаба организовать устойчивую связь с войсками. Быстро приступили к устройству заграждений и усилению обороны саперы, которых возглавил полковник А.И. Прошляков, бывший тогда заместителем начальника инженерных войск фронта. Он, так же как В.С. Попов и Л.М. Сандалов, служил перед войной в 4-й армии и принимал активное участие в борьбе с танками Гудериана в начале войны. Здесь, под Тулой, на минновзрывных заграждениях, установленных саперами, подорвалось немало боевых машин противника.

Но враг был еще силен. Рано утром 31 октября до сотни танков с автоматчиками на броне пытались захватить город. Их атаке предшествовал мощный налет авиации и ураганный артиллерийский огонь. Однако вновь зенитчики, пехотинцы, рабочие-ополченцы, используя противотанковые ружья, гранаты и бутылки с горючей смесью, уничтожали один вражеский танк за другим.

Гудериан решил усилить танки мотопехотой. В ответ на это генерал Попов приказал реактивной артиллерии открыть огонь. Ее удар был сокрушительным. Уцелевшая пехота врага в панике бежала с поля боя, вслед за ней ретировались и танки.

На следующий день атаки противника возобновились. Гитлеровцы лезли напролом, не считаясь с потерями. А они росли, так как наша оборона также усиливалась с каждым днем. Прибывшая накануне 32-я танковая бригада полковника И.И. Юшука, маневрируя вдоль фронта, успешно контратаковала врага. Немцам и на этот раз не удалось овладеть городом.

В ночь на 2 ноября Гудериан задумал ошеломить защитников Тулы психической атакой. Мотопехота, ведя беспорядочную стрельбу, в сопровождении танков, шедших с зажженными фарами, двинулась по Орловскому шоссе. Но и эта хитрость не удалась. Наши войска подпустили их к окопам, затем зенитчики осветили прожекторами и расстреляли из орудий.

Все попытки фашистов овладеть Тулой провалились. Они не смогли, как намеревались, через Тулу, Серпухов и Каширу выйти к Москве. Поэтому в срыве вражеского наступления на столицу роль Тулы и ее героических защитников огромна.

Октябрьское наступление на Москву разбилось о величайшую стойкость и выдержку, массовый героизм войск и жителей столицы и других

городов и сел. Сражаясь с железным упорством, огромным напряжением сил они остановили группу армий «Центр» на рубеже Тургиново, Волоколамск, Дорохово, Наро-Фоминск, Алексин, Тула.

Но немецко-фашистское командование все еще надеялось изменить ход боевых действий под Москвой и во что бы то ни стало до зимы овладеть вашей столицей. Гитлеровцы хвастливо заявляли, что не повторят ошибки, совершенной немцами на Марне в 1914 г., когда победа была упущена, несмотря на то, что сражение было далеко не проиграно. «До Москвы оставалось только 40 миль, — напоминали впоследствии гитлеровские генералы. — Таким образом, хотя в нашем распоряжении имелось лишь несколько недель сравнительно хорошей погоды, цель была настолько близка, что, казалось, находилась уже в пределах досягаемости»¹.

Но в эти же самые дни раздавались и другие, хотя и единичные голоса. Так, командующий армией резерва генерал Фромм сказал фельдмаршалу Браухичу, чтобы он посоветовал Гитлеру предложить Советскому Союзу заключить мир, так как план разгрома СССР в молниеносной войне не удался. Но Браухич и Гальдер не хотели его слушать. Они лихорадочно перегруппировывали силы и спешно подбрасывали пополнения из тыла. Только во 2-ю танковую армию поступило в начале ноября свыше 100 танков. В целях усиления ее ударной силы и обеспечения флангов в ходе наступления Гудериану подчинили два армейских корпуса. Значительно сокращались полосы наступления ударных группировок. 3-я танковая группа из-под Калинина была переброшена на волоколамско-клинское направление.

Огромной важности мероприятия, направленные на оборону Москвы и подготовку Советских Вооруженных Сил к переходу в решительное контрнаступление с целью достижения поворота в ходе войны, проводили в эти дни ЦК ВКП(б), ГКО, Ставка ВГК и военные советы фронтов. Это требовало титанического напряжения сил партии и всего народа.

6 ноября «Правда» под заголовком «Не пустить врага к Москве!» опубликовала статью командующего 16-й армией генерала К.К. Рокоссовского и члена военного совета А.А. Лобачева. «С начала военных действий, — отмечалось в статье, — Гитлер назначал уже до десятка сроков взятия Москвы... В одной из последних листовок немцы хвастливо заявляли, что 7 ноября проведут на Красной площади парад войск. Не удастся провести фашистам этот парад ни 7 ноября, ни позже!»

По установившейся традиции, которая не была нарушена даже в этом грозном году, 6 ноября состоялось торжественное заседание Московско-

---

¹ Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. С. 282.

го Совета депутатов трудящихся совместно с партийными и общественными организациями столицы, посвященное 24-й годовщине Великого Октября. На нем с докладом выступил И.В. Сталин. Огромное политическое и военное значение имел парад войск на Красной площади 7 ноября 1941 г. Перед помощником командующего войсками Московского военного округа по противовоздушной обороне генералом М.С. Громадиным была поставлена задача — обеспечить надежное прикрытие города с воздуха. Отдавая указания генералу П.А. Артемьеву на проведение парада, Сталин сказал, что даже если одиночные немецкие самолеты и проникнут в московское небо, марш войск на Красной площади не отменять. На парад были выведены курсанты Военного училища им. Верховного Совета РСФСР, стрелковые части, военные моряки, отряды вооруженных московских рабочих, эскадроны кавалерии, артиллерийские и танковые части. Парад был назначен на 8 часов утра.

И вот наступило утро. Дул холодный пронизывающий ветер. Красную площадь припорошил снег. От Москворецкого моста до Исторического музея стояли войска. На параде с речью выступил И.В. Сталин. Обращаясь к красноармейцам и краснофлотцам, командирам и политработникам, партизанам и партизанкам, он сказал: «На нас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На нас смотрят поработанные народы Европы, попавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю! Будьте же достойны этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михайла Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!.. Под знаменем Ленина — вперед к победе»¹.

Эти слова воодушевили воинов, влили в них новые силы, окрылили светлыми надеждами. В них был заключен огромный смысл. Они призывали воинов приумножить славные боевые традиции. Огромную вдохновляющую силу являло собой Ленинское знамя, с которым отряды Красной гвардии и революционные части вели самоотверженную борьбу за победу Великого Октября, а молодая Красная Армия громила интервентов и белогвардейцев.

7 ноября в 11 часов дня главнокомандующий войсками Юго-Западного направления маршал Тимошенко принимал парад войск и произнес речь перед участниками парада в Воронеже.

---

¹ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1951. С. 39—40.

Как только были получены газеты с докладом Сталина на торжественном заседании и речью на параде, в окопах, на артиллерийских позициях, у врытых в землю танков и в штабах развернулись беседы, читки и политинформации. В подразделениях и частях, находившихся во вторых эшелонах и в тылу, состоялись митинги и собрания. Твердая уверенность Коммунистической партии и советского правительства в разгроме врага, нахождение ГКО и Сталина в Москве, несмотря на близость линии фронта, оказали огромное влияние на подъем морально-политического состояния всего народа, влили в них новые силы и энергию.

Советские воины были полны решимости окончательно сорвать наступательные планы противника в 1941 г. и нанести ему под Москвой сокрушительное поражение. Это отмечали в своих заметках корреспонденты английских и американских газет, находившиеся на советско-германском фронте. «Не исключено, — писала английская «Дейли телеграф», — что русская армия может еще заставить противника перейти к отступлению, и это было бы подлинным поворотом в войне...»¹

Ставка Верховного Главнокомандования, правильно вскрыв замысел дальнейшего наступления противника, продолжала усиливать обороняющиеся войска и создавать крупные стратегические резервы. В глубоком тылу, на рубеже Вытегра, Рыбинск и далее вдоль Волги до Сталинграда, развертывались 9 резервных армий (58 стрелковых и 15 кавалерийских дивизий). 28 октября Сталин приказал Главкому юго-западным направлением маршалу Тимошенко передать в распоряжение Ставки 2-й кавалерийский корпус, который предназначался для нанесения контрудара по врагу.

В первой половине ноября Западному фронту было передано несколько стрелковых бригад, танковых и кавалерийских дивизий, противотанковых полков и гвардейских минометных частей. Всего Западный фронт получил в эти дни около 100 тыс. солдат и офицеров, до 300 танков и 2 тыс. орудий². Увеличивались и военно-воздушные силы, действовавшие на московском направлении. К середине ноября в них насчитывалось 1400 самолетов. В связи с расформированием 11 ноября Брянского фронта Западному фронту была подчинена 50-я армия, оборонявшаяся в районе Тулы.

Используя временное затишье, советские воины занимались боевой и политической подготовкой и совершенствовали оборону. В эти дни Став-

---

¹ Daily Telegraph. 1941. 8 Nov.

² Беспримерный подвиг. М., 1968. С. 23.

ка, обобщив опыт предшествовавших боев, отдала войскам ряд директив по организации операции и боя, на основе которых они оборудовали оборонительные рубежи и противотанковые районы. Главные усилия войск сосредоточивались на прикрытии дорог, ведущих к Москве. 30-я армия прикрывала клинское направление, 16-я — истринское, 5-я — можайское, 43-я — малоярославецкое, 49-я — серпуховское и 50-я — тульское. Войска зарывались в землю, строили дзоты, убежища, командные пункты. Вдоль дорог создавали противотанковые районы, в которых устанавливали противотанковые орудия и устраивали минновзрывные заграждения. Только 316-я стрелковая дивизия, оборонявшаяся в полосе шириной 10 км, установила более 15 тыс. противотанковых и противопехотных мин, устроила 200 м завалов и эскарпировала берега рек¹. На путях вероятного наступления вражеских танков между Волжским и Истринским водохранилищами, а также между Тулой и Сталиногорском были созданы мощные зоны заграждений, которые должны были сковать манёвр подвижных соединений противника при его попытках прорваться к Москве с северо-запада и юго-запада.

Мероприятия ГКО, Ставки укрепляли положение войск на подступах к Москве, но не устраняли еще серьезной опасности, нависшей над столицей. Чтобы облегчить оборону Западному фронту и не позволить вражескому командованию перебрасывать силы под Москву с других направлений, Ставка приказала Калининскому и Юго-Западному фронтам активизировать свои действия, а войскам Ленинградского фронта и Волховской группы — подготовить наступательную операцию в районе Тихвина. Маршалу Тимошенко Верховный Главнокомандующий приказал нанести удар во тылам группы Клейста (1-й танковой армии), прорвавшейся к Ростову².

Основу северной ударной группировки противника к началу ноябрьского наступления на Москву составили 3-я и 4-я танковые группы, южной — 2-я танковая армия. Противник по-прежнему превосходил наши наземные войска в силах и средствах примерно в два раза. На направлениях главных ударов враг создал значительно большее превосходство.

В то же время обстановка в воздухе стала изменяться в нашу пользу. Ставка непрерывно усиливала военно-воздушные силы Западного фронта и увеличивала истребительную авиацию ПВО Москвы. Противник быстро почувствовал это. На совещании начальников штабов групп армий,

---

¹ Инженерные войска Советской Армии в важнейших операциях Великой Отечественной войны. С. 67.

² ЦАМО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2042. Д. 30. Л. 100.

которое проводилось 13 ноября в Орше под председательством Гальдера, констатировалось, что впервые с начала вторжения советская авиация активизировала свои действия. Семь концентрических колец противоздушной обороны, расположенных в 2—3 милях одно от другого, окружали Москву и делали город почти неуязвимым с воздуха.

В связи с приближавшей зимой Гитлер требовал в ближайшее время любой ценой покончить с Москвой. В обращении Бока к войскам перед наступлением говорилось: «Солдаты! Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва — это конец войны. Москва — это отдых. Вперед!»¹

Большую помощь фронту продолжали оказывать москвичи. Столица была ближайшим арсеналом Западного и Калининского фронтов. Нескончаемым потоком шли отсюда подкрепления людьми, вооружением, разными видами снабжения. Работа предприятий и учреждений, вся жизнь города была подчинена делу обороны. Рабочие заводов и фабрик давали защитникам столицы оружие и боеприпасы. Мелкие предприятия, изготовлявшие раньше вещи широкого потребления, изменили свой ассортимент: жестианщики теперь делали гранаты, мастера по изготовлению сумок выпускали оружие.

С начала ноября Москва стала фронтом: днем и ночью враг проводил систематические воздушные налеты. Домохозяйки и подростки дежурили на крышах, сбрасывая «зажигалки». В цехах с выбитыми от взрывов стеклами, окоченевшие от холода, у станков трудились рабочие, забывая об отдыхе. В холод, слякоть и снег москвичи рыли окопы, противотанковые рвы, опоясывая город линиями укреплений. Москва посылала добровольцев в тыл врага для помощи партизанским отрядам. Все — от мала до велика — либо сражались с врагом, либо трудились на нужды войны.

С наступлением холодов наши воины оделись в полушубки, валенки, теплое белье, телогрейки, ушанки. Страна не только одевала своих защитников, но и согревала теплом их сердца — тысячи писем и посылок шли на фронт из всех уголков нашей Родины.

Новое наступление гитлеровских войск на Москву началось 15 ноября ударом 3-й танковой группы в полосе 30-й армии в общем направлении на Клин—Дмитров. Частично он пришелся по правому флангу 16-й армии.

---

¹ Разгром немцев под Москвой. М., 1943. С. 12.

Наступлению предшествовала мощная артиллерийская и авиационная подготовка. Взрывы бомб сотрясали землю, оглушали людей. Рассчитывая ошеломить наши войска и быстро прорваться в глубину, Рейнгардт по указанию Бока ввел в сражение в этот день свыше 300 танков.

Имевшая в своем составе лишь 3 дивизии, 30-я армия была вынуждена вести очень тяжелые бои. Мужественно дралась с врагом 107-я моторизованная дивизия во главе с полковником П.Г. Чанчибадзе. Несмотря на бешеный натиск противника, она в первый день не отошла ни на шаг и оказалась в окружении. Храбрый комдив не дрогнул. Прикрывшись арьергардами и образовав сильную группу прорыва, дивизия вышла из окружения и снова стала на пути немецких танков.

4-я танковая группа перешла в наступление на волоколамско-истринском направлении на сутки позже. Главный удар, как и в октябре, пришелся по 316-й стрелковой дивизии и полку курсантов Военного училища им. Верховного Совета РСФСР. Атаке танков предшествовал сильный артиллерийско-минометный огонь и мощный удар авиации. Сбрасываемые пикирующими бомбардировщиками бомбы взрывались на позициях пехоты и артиллерии, в районах расположения кавалерийских дивизий корпуса Доватора и танковых бригад.

Гёпнер вводил танковые соединения в бой группами по 15—30 машин в сопровождении густых цепей автоматчиков. Немецкие танки получили большую свободу действий, так как мороз сковал лужи и болота. Они двигались вне дорог, обходя населенные пункты. Ожесточенное сражение в тот день развернулось уже на фронте от Волжского водохранилища до Богородицка. Гитлеровские войска рвались в столицу, рассчитывая, что на этот раз сопротивление советских воинов будет быстро сломлено и они смогут скоро маршировать по улицам Москвы.

Особенно упорный характер бои носили в полосе 16-й армии. Большую роль в отражении натиска вражеских танков здесь сыграла 316-я стрелковая дивизия генерала И.В. Панфилова. Всеми миру известен бесстрашный подвиг группы истребителей танков 1075-го стрелкового полка, уничтожившей 16 ноября у разъезда Дубосеково 18 немецких танков. Находившийся в этой группе политрук В.Г. Клочков произнес в разгар боя выражавшие мысли всех защитников столицы слова: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва». Имя Василия Георгиевича Клочкова стало символом мужества, доблести, беспредельной преданности Родине. Все 28 участников этого легендарного боя были удостоены звания Героя Советского Союза.

На следующий день у д. Строково такой же подвиг совершил саперный взвод младшего лейтенанта П.И. Фирстова из 1077-го стрелкового

полка той же дивизии. И опять, как у Дубосекова, душой обороны был политрук саперной роты А.М. Павлов. Он был кадровым политработником, участником боев с японскими самураями у оз. Хасан в 1938 г. Саперы любили его за храбрость и отеческую заботу о них. И в этом своем последнем бою он личным примером воодушевлял бойцов на борьбу с врагом. Уже после гибели Павлова и рядовых саперов Фирстов с последней гранатов выскочил из окопа и метнул ее в танк. Тяжело раненного командира взвода немцы задушили ремнем и бросили на дорогу.

Гранатами, минами и бутылками с горючей смесью саперы уничтожили до 20 танков. Ценою своей жизни они сорвали атаку противника и дали возможность другим подразделениям полка отойти на новый рубеж и закрепиться. Одиннадцать саперов посмертно были награждены орденом Ленина.

Воины 316-й стрелковой дивизии сражались храбро и мужественно. В этом была большая заслуга самого командира дивизии. Опытный, волевой, не боявшийся смотреть смерти в глаза, Иван Васильевич Панфилов умело управлял боем, появляясь на самых опасных участках. Но 18 ноября он пал смертью храбрых. И именно в тот день, как бы в увековечивание памяти отважного комдива, газета «Красная звезда» сообщила, что 316-я стрелковая дивизия за боевые подвиги решением Ставки переименована в 8-ю гвардейскую.

Правее панфиловской дивизии, к востоку от Волоколамска, вел оборонительные бои 1-й кавалерийский корпус генерала Л.М. Доватора. Кавалеристы нанесли немалый урон врагу. Используя противотанковые средства, они громили одну вражескую часть за другой. За стойкость и мужество 1-й кавалерийский корпус 26 ноября был преобразован во 2-й гвардейский, а 1-м гвардейским стал бывший 2-й кавалерийский корпус, наносивший контрудары по врагу на тульском направлении.

Во взаимодействии с кавалеристами Доватора и 8-й гвардейской стрелковой дивизией успешно контратаковали врага танкисты М.Е. Капукова. За 5 дней боев 1-я гвардейская танковая бригада уничтожила более 30 вражеских танков.

Не достигнув успеха на правом фланге 16-й армии, генерал-фельдмаршал Бок решил сосредоточить главные силы 4-й танковой группы против ее левого фланга. Здесь наступали 4 танковые, моторизованная и пехотная дивизии. Тесня наши части, противник стремился перерезать шоссе Волоколамск—Москва, создавая угрозу прорыва в тыл 16-й армии.

В тот критический момент решающую роль сыграла прибывшая с Дальнего Востока 78-я стрелковая дивизия, возглавляемая храбрым, опытным и волевым командиром полковником А.П. Белобородовым. Эта ди-

дивизия получила боевое крещение еще в начале месяца под с. Михайловским. В первом же бою войны соединения сражались мужественно, не щадя ни сил, ни жизни. С каждым последующим днем они закалялись в боях, а командиры приобретали навыки управления частями и подразделениями.

Сложная и напряженная обстановка для дивизии Белобородова сложилась 19 ноября. Оба фланга ее обошли немцы. Ведя ожесточенные арьергардные бои, части дивизии по приказу Рокоссовского медленно отходили на Истру. Закрепившись на промежуточном рубеже, утром 22 ноября они вновь отбивали яростные атаки врага.

На этом рубеже дивизия Белобородова вела бои четверо суток. Они носили упорный, ожесточенный характер. Многие населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. Атаки немцев заканчивались нередко рукопашной схваткой, из которой наши воины выходили победителями. Уничтожив на подступах к Москве десятки танков и сотни гитлеровцев, бойцы, командиры и политработники этой дивизии, ставшей 26 ноября 9-й гвардейской, покрыли себя неувядаемой славой. «Вспоминаю день за днем и не могу без восхищения говорить о людях дивизии, — писал генерал А.П. Белобородов. — С какой отвагой и стойкостью сражались они на полях Подмосковья! Никто не покидал рубежей без приказа. Дрались до последней возможности, смело смотрели в лицо смерти, побеждая ее своим героизмом»¹.

А вот как характеризует обстановку в те дни немецкая сторона: «За каждым водным рубежом притаился противник в своих глубоких, сильно разветвленных окопах и ждет наступающих, — записано в отчете о боях 4-й танковой группы в период с 14 октября по 5 декабря 1941 г. — Везде, где только могут пройти танки, заложены мины... Маленькие деревушки вдоль шоссе превращены в настоящие крепости... Особенно упорные бои развернулись в полосе наступления дивизии СС «Райх», против которой обороняется 78-я сибирская дивизия... Ряды могил с крестами из белых берез говорят о героизме и жертвах солдат СС»².

Да, действительно, последние километры последнего наступления немецко-фашистских войск на Москву весьма густо были усеяны вражескими трупами. Потери дивизии СС «Райх» были особенно велики. Ее 3-й полк пришлось расформировать. Командир дивизии генерал Хауссер был тяжело ранен.

Чем ближе линия фронта подходила к столице, тем упорнее становилась оборона советских войск. Если в первые дни ноябрьского наступ-

---

¹ Провал гитлеровского наступления на Москву. С. 152.

² Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. С. 301.

ления танковые соединения врага продвигались на основных направлениях по 5—7 км в сутки, то к концу ноября темп наступления не превышал 2—3 км. Войска 16-й армии, отойдя на заранее подготовленный рубеж по восточному берегу р. Истры, упорной обороной временно задержали продвижение немецких танков.

В ходе оборонительных боев войска 16-й армии широко использовали противотанковые и противопехотные заграждения. Только инженерные части армейского подчинения с 16 по 27 ноября в полосе обороны армии установили 9612 противотанковых мин и большое количество фугасов. 42-й отдельный моторизованный инженерный батальон на участке Волоколамского шоссе от д. Ядрово до г. Истры установил 25 минных полей и подорвал при вынужденном отходе по приказу командования все мосты. 51-й отдельный понтонно-мостовой батальон устроил в эти дни 1740 м лесных завалов глубиной от 20 до 70 м¹.

На устройстве заграждений, кроме армейских частей, находились в эти дни и инженерные части оперативной группы генерала И.П. Галицкого. Она была сформирована в составе пяти батальонов согласно приказу Ставки от 19 ноября для создания усиленных и длительных минных заграждений на направлениях активных действий противника.

Генерал Жуков, которому ее подчинили, приказал Галицкому заблаговременно прикрыть заграждениями клинское и истринское направления, а в ходе боев осуществлять маневр минновзрывными средствами и при вынужденном отходе войск производить необходимые разрушения. На минах, установленных оперативной группой, подорвалось в ходе боев до 90 танков, бронемашин и автомобилей².

При подходе немецких танковых частей к р. Истре саперы взорвали все мосты и водопропускные сооружения плотины, создав зону водных заграждений, которую врагу пришлось преодолевать несколько дней. Не добившись успеха во фронтальном наступлении, противник попытался окружить 16-ю армию сходящимися ударами со стороны Солнечногорска и из районов юго-восточнее Истры.

К этому времени создалась весьма тяжелая обстановка на клинско-солнечногорском направлении. Введя на узком участке крупные силы танковой группы Рейнгардта и армии Штрауса в обход Истринского водохранилища с севера, фельдмаршал Бок, понукаемый Гитлером и Браухичем, рассчитывал быстро достичь Москвы. Не считаясь с потерями, немцы лезли напролом. Они пытались любой ценой прорваться к Москве.

---

¹ ЦАМО СССР. Ф. 69. Оп. 14065. Д. 29. Л. 95.

² Там же. Д. 35. Л. 45.

«В один из таких дней, — вспоминал Г.К. Жуков, — мне позвонил Сталин и спросил:

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

— Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

— Это неплохо, что у вас такая уверенность. Позвоните в Генштаб и договоритесь, куда сосредоточить две резервные армии, которые вы просите. Они будут готовы в конце ноября. Танков пока дать не можем»¹.

Спрашивая Жукова, Верховный хотел убедиться в наличии уверенности у командующего фронтом, которому доверено возглавить оборону Москвы. О своей уверенности в победе над врагом Сталин написал Черчиллю 23 ноября: «Борьба советских войск с войсками Гитлера продолжает оставаться весьма напряженной. Но, несмотря на все трудности, сопротивление наших войск растет и будет расти. Наша воля к победе над врагом непоколебима»².

Об этой уверенности свидетельствует и тот факт, что ГКО в ноябре принял решение вернуть в столицу некоторые государственные учреждения, эвакуированные в октябре. Вернулся в Москву и Генеральный штаб во главе с Б.М. Шапошниковым. Он сразу же включился в работу по подготовке предстоящего вскоре контрнаступления.

Командующий Западным фронтом в эти кульминационные дни большую часть времени находился не на командном пункте в Перхушково, а в войсках, чтобы на месте своевременно оценить обстановку, быстро принять нужное решение и, непрерывно поддерживая связь со штабом, твердо управлять сражением. Его можно было видеть не только на командных и наблюдательных пунктах армий, но и в соединениях Белобородова, Доватора, Катукова и многих других.

В тот день, когда Сталин писал Черчиллю о своей уверенности в победе над врагом, немецкие танки прорвались к Клину. Город находился на стыке 30-й и 16-й армий. Рокоссовский срочно направил туда своего заместителя генерала Ф.Д. Захарова с группой офицеров штаба армии. Он должен был собрать все оказавшиеся в том районе силы, организовать оборону и задержать продвижение врага до подхода выдвигаемых из тыла частей. И хотя немцы на следующее утро захватили Клин, развить наступление на Дмитров они не смогли.

---

¹ Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 31.

² Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. В 2-х т. Т. 1. М., 1957. С. 34.

Днем танковые подразделения противника ворвались в Солнечногорск. Там находились лишь наспех сформированные в Москве части, объединенные в группу генерала В.А. Ревякина. На него-то командующий фронтом и возложил руководство обороной города. Но имевшимся в его распоряжении силами нельзя было сдержать натиск танковых соединений. Овладев Солнечногорском, они начали развивать наступление на юг в сторону Москвы.

Назревала серьезная опасность выхода противника в тыл 16-й армии. Необходимо было принимать срочные меры. Прежде всего Рокоссовский развернул на этом участке 289-й и 296-й противотанковые и 138-й пушечный артиллерийские полки, снятые накануне с истринских позиций и перенацеленные было на клинское направление к генералу Захарову. Кучастку прорыва командарм направил только что выведенный из боя по приказу Жукова корпус Доватора и несколько танковых и стрелковых батальонов. Этими силами командующий фронтом приказал выбить противника из Солнечногорска.

Кавалеристы в спешенных боевых порядках с ходу вступили в бой. Атака следовала за атакой. Близлежащие к городу населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. Враг успел подтянуть в этот район крупные силы. Его танковые и моторизованные части активно поддерживала авиация, наносявшая массированные удары по нашим войскам. Понеся большие потери, кавалерийские части были вынуждены перейти к обороне. Хотя им и не удалось отбросить немцев от Солнечногорска, все же они задержали их на некоторое время и не позволили развить наступление на Москву.

Для прикрытия этого опасного участка Ставка выделила 7-ю гвардейскую стрелковую дивизию, 2 танковые бригады и 2 противотанковых артиллерийских полка. На выдвижение дивизии, находившейся в Серпухове, требовалось время, а силы кавалеристов ослабевали. Чтобы не допустить прорыва немецких танков, военный совет фронта спешно перебрасывал сюда все возможное с других направлений. В этот район направлялись танковые подразделения, группы солдат с только что поступившими с заводов противотанковыми ружьями, зенитные дивизионы ПВО Москвы, снятые по указанию Сталина.

Тем временем кавалеристы Доватора вели напряженные бои с танковыми частями Рейнгардта. Активно поддерживала их артиллерия 16-й армии. Особенно успешно действовал 289-й Краснознаменный противотанковый артиллерийский полк под командованием майора Н.К. Ефременко. Артиллеристы уничтожили 23 танка, до роты пехоты и разрушили 4 огневые точки. За исключительное мужество и невиданную стойкость полку было присвоено звание гвардейского.

Наступательные возможности противника иссякали, но он отчаянно еще пытался прорваться к Москве. Ни на час не прекращался артиллерийский огонь. День и ночь не утихал гул сражения. Фельдмаршал Бок концентрировал силы на узких участках, чтобы ворваться в столицу.

В конце ноября соединения 3-й и 4-й танковых групп нанесли удар на Яхрому и Красную Поляну и оказались в 27 км от Москвы. К каналу Москва—Волга прорвался 56-й моторкорпус генерала Шаала. Это был тот самый корпус, который испытал уже удары советских войск под Даугавпилсом и Сольцами. Тогда им командовал Манштейн.

Передовой отряд корпуса под командованием полковника Ф. фон Мантейфеля 27 ноября переправился через канал и занял плацдарм у д. Пермилово. В это время вдоль канала разворачивались части 1-й ударной армии генерала В.И. Кузнецова, выдвигавшиеся из резерва Ставки. В результате энергичных действий этой армии, подчиненной 29 ноября Жукову, 3-я танковая группа была остановлена у Яхромы и местами отброшена на запад. Отряд Мантейфеля был разбит, а его остатки сброшены с плацдарма.

Кроме соединений 1-й ударной армии Ставка передала Западному фронту дополнительные силы.

«1. На усиление истринского направления 354-ю стрелковую дивизию, 36, 37, 40, 49 и 58-ю стрелковые бригады.

2. На усиление звенигородского направления 336-ю стрелковую дивизию.

3. В состав 30-й армии, кроме двух стрелковых и одной кавалерийской дивизий, уже направленных в армию, дополнительно включить 379-ю и 271-ю стрелковые дивизии»¹.

Потерпев неудачу под Яхромой, немецкое командование попыталось развить успех и в районе Красной Поляны, которую противник занял 30 ноября. Местным жителям удалось сообщить в Моссовет, что немцы устремляются там дальнобойные орудия для обстрела Москвы.

Как только об этом доложили Верховному Главнокомандующему, он вызвал к аппарату ВЧ командующего 16-й армией К.К. Рокоссовского.

— Известно ли вам, что в районе Красной Поляны появились части противника? — спросил его Верховный и продолжил: — Из этого района фашисты могут начать обстрел столицы из крупнокалиберной артиллерии.

— Я знаю о выдвижении передовых частей противника севернее Красной Поляны. Мы подтянули туда силы с других участков, — ответил командарм.

---

¹ ЦАМО СССР. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 109. Л. 1.

— Мы дали распоряжение об усилении этого участка войсками Московской зоны обороны, — проинформировал его Сталин.

— По указанию командующего фронтом мы готовим контрудар, чтобы ликвидировать вражескую группу, — доложил Рокоссовский.

Для нанесения контрудара фронт выделил танковую бригаду генерала Ф. Т. Ремизова, артиллерийский полк и 4 дивизиона «катюш». В ударную группу было включено также несколько стрелковых и артиллерийских частей 16-й армии.

Бригада Ремизова начала выдвигаться к Красной Поляне еще до рассвета, а в 7 часов утра на врага обрушила мощный огонь артиллерия. Под его прикрытием танковые и стрелковые части перешли в наступление. Немцы упорно сопротивлялись. Ожесточенный бой на подступах к Красной Поляне продолжался весь день. Лишь с наступлением темноты наши танкисты ворвались в этот населенный пункт, где захватили много пленных, машин и орудий. Так была ликвидирована угроза обстрела Москвы немецкой дальнобойной артиллерией, а вместе с тем и опасность прорыва врага к столице.

Не удалось танковым частям Гёпнера выйти к Москве и через Крюково. На этом участке стойко оборонялась 8-я гвардейская дивизия. Несмотря на явный провал наступления, Гитлер все еще настойчиво требовал от Бок овладеть советской столицей. В «Волчьем логове» считали, что Красная Армия находится на грани поражения. «Сопротивление противника достигло своей кульминационной точки. В его распоряжении нет больше никаких новых сил» — записал 2 декабря в дневнике Гальдер¹.

Немецкая пропаганда не сомневалась, что дни Москвы сочтены. «Германские круги заявляют, — сообщило 1 декабря немецкое информбюро, — что наступление на столицу большевиков продвинулось так далеко, что уже можно рассмотреть внутреннюю часть города Москвы через хороший бинокль»². В тот же день Гёббельс распорядился (в который раз!), чтобы в очередных выпусках газет были оставлены пустые места для сообщения о вступлении «непобедимой» армии в Кремль.

Бок целиком и полностью соглашался с оценкой состояния советских войск под Москвой, данной германским главнокомандованием. Судьбу сражения, заметил он в своем дневнике 3 декабря, решит «последний батальон». Поэтому фельдмаршал без усталости твердил командующим армиями и танковыми группами одно и то же слово: наступать, наступать и наступать, не считаясь ни с чем.

---

¹ Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 3, кн. 2. С. 90.

² Анфилов В. А. Начало Великой Отечественной войны. С. 316.

Севернее Красной Поляны развергивались свежие резервные части, объединенные в оперативную группу Московской зоны обороны, которая 29 ноября была преобразована в 20-ю армию и включена в состав Западного фронта. В результате ожесточенных боев противник был остановлен, а на некоторых участках — отброшен на запад.

Соединения правого крыла Западного фронта не только оборонялись, но и вели с конца ноября активные наступательные действия. Они переходили в контратаки и наносили контрудары по вражеским группировкам. Вследствие этого немецко-фашистские войска были вынуждены, как это отмечено в журнале боевых действий 4-й танковой группы, с 3 декабря минировать местность перед передним краем обороны против атак советских войск.

На левом крыле Западного фронта успешно отражали наступление 2-й танковой армии войска 50-й армии генерала И.В. Болдина. 25 ноября одной из танковых дивизий Гудериана удалось прорваться к южной окраине Каширы, но здесь ее передовые подразделения были встречены сильным огнем зенитно-артиллерийского дивизиона майора А.П. Смирнова. В тот же день здесь начал сосредоточиваться 2-й кавалерийский корпус, ставший 26 ноября 1-м гвардейским, и 112-я танковая дивизия полковника А.П. Гетмана, переброшенная с Дальнего Востока. 27 ноября эти соединения нанесли мощный контрудар по прорвавшимся частям Гудериана и отбросили их в район Мордвеса. Гудериан попытался было обойти Тулу с северо-востока, но и там потерпел неудачу. «Наступление на Москву провалилось, — с горечью писал он. —...Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными. Мы потерпели серьезное поражение, которое... повело в ближайшие недели к роковым последствиям»¹.

До конца ноября главные события в сражении за Москву развергались на флангах Западного фронта. Это как бы оставляло в тени центральные армии фронта. Роль центра, который стабилизировался в октябре и стоял прочно на рубеже р. Нары, на первый взгляд менее заметна. Однако она весьма значительна. Без устойчивого центра нельзя было бы успешно выдержать столь напряженную, тяжелую борьбу на флангах. Армии центра не только закрыли кратчайшие пути на Москву, но и явились надежной опорой для маневра силами на флангах, обеспечивая единство всей фронтовой оборонительной операции. И хотя Западный фронт подался на флангах назад и весь изогнулся, но остался целым, взаимодействующим всеми своими частями в противоположность тому, что было

---

¹ Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. С. 310—311.

в начале октября. Упорной обороной армии центра Западного фронта не позволили северной и южной ударным группировкам противника объединить свои усилия.

Чтобы устранить эту помеху, Бок решил нанести удар силами 4-й армии, усиленной танковыми соединениями, по войскам центра Западного фронта. Он полагал, что оборона на этом участке слабая, так как значительные силы, по-видимому, переброшены на фланги, а потому-де его войскам быстро удастся ворваться в Москву с запада. В случае же, если Жуков в целях ликвидации прорыва начнет перебрасывать силы с северо-западного участка, тогда, прикидывал фельдмаршал, соединениям Гота и Рейнгардта удастся вступить в столицу.

Во исполнение приказа Бока в 5 часов утра 1 декабря войска фельдмаршала Клюге, которого в немецкой армии называли «человеком железной воли», после полуторачасовой артиллерийской подготовки при поддержке авиации перешли в районе Наро-Фоминска в наступление. Этот сильный удар пришелся по стыку 5-й и 33-й армий. Враг прорвал оборону на узком участке фронта и двинулся к Минскому шоссе, на Кубинку. Вскоре его пехотные и танковые части вышли к дер. Акулово, находившейся в 6 км от автострады.

Тут им преградила путь 32-я дивизия Полосухина. Артиллерийским огнем она уничтожила большую часть прорвавшихся боевых машин 19-й танковой дивизии. Немало немецких танков подорвалось и на минных полях, установленных заблаговременно.

Не добившись успеха на этом участке, немцы повернули к Голицыну. Здесь они были остановлены 20-й танковой бригадой, стрелковыми и артиллерийскими частями 5-й армии. Эта армия, хорошо оборудовав оборону в инженерном отношении и отлично организовав систему артиллерийско-пулеметного огня, прочно прикрывала кратчайшее — Можайское направление к Москве. Искусно управлял войсками в этом сражении командующий 5-й армией генерал Л.А. Говоров.

Трудное испытание пришлось выдержать в эти дни и 33-й армии генерала М.Г. Ефремова. 33-я армия по своему составу могла называться московской. В нее входили две дивизии народного ополчения и 1-я гвардейская Московская мотострелковая дивизия. 110-й стрелковой дивизией (бывшей 4-й дивизион народного ополчения Куйбышевского района) командовал полковник И.И. Матусевнч. 113-й стрелковой дивизией (бывшей 5-й дивизией народного ополчения Фрунзенского района) командовал полковник К.И. Миронов.

Неоценимую помощь в борьбе с немецкими захватчиками войскам 33-й армии, как и другим объединениям, оказывали партизаны. Они минировали дороги, подрывали мосты, железнодорожные рельсы, склады с

юрючим и боеприпасами. Партизаны не только уничтожали живую силу и боевую технику врага, но и собирали данные о противнике, своевременно передавая их войскам.

В одном партизанском отряде находились две девушки-комсомолки: москвичка Зоя Космодемьянская и Вера Волошина. Не один гитлеровский захватчик нашел бесславный конец в результате их боевых дел. Враг напал на след их отряда, который, отходя, разделился на две группы. Вскоре юные партизанки, попавшие в разные группы, были схвачены фашистами. Допросы и пытки не сломили их. Они приняли мученическую смерть, но не выдали врагу партизанской тайны. Зоя и Вера умерли в один день 29 ноября как истинные патриоты. Места их казни находились недалеко. Это две подмосковные деревни — Петрищево и Крюково, вблизи которых им установлены памятники. В честь их созданы музеи, их именами названы во многих городах улицы и школы; суда, бороздящие моря и океаны; малые планеты — астероиды, летящие в звездной выси. В чудесном героическом образе комсомолок-партизанок как бы воплотилась душа советской женщины — защитницы Родины.

Каждый шаг по подмосковным полям дорого стоил немцам в последние дни их наступления на Москву. 2 декабря они попытались прорваться к Апрелевке. Но здесь их остановили бывшие ополченцы, а теперь уже закаленные в боях воины 110-й и 113-й стрелковых дивизий.

На направлении главного удара войска Клюге за два дня боев вклинились на глубину до 20 км. Создалась реальная угроза командному пункту Западного фронта. Поэтому вечером 2 декабря Жуков приказал Говорову и Ефремову уничтожить прорвавшегося в их расположение противника.

Весь следующий день шла упорная борьба. Враг не прекращал попыток развивать наступление, а нашим войскам не сразу удалось остановить его. Лишь через сутки немецкие танковые и пехотные части были вынуждены повернуть обратно.

К исходу 4 декабря прорыв в центре Западного фронта был полностью ликвидирован. На поле боя враг оставил более 10 тыс. трупов, свыше 50 танков, десятки орудий, тягачей и автомашин. Так завершилась последняя попытка фашистов захватить Москву.

Главное командование германских сухопутных войск, получив донесения с мест, пришло к выводу, что отдавать приказ на продолжение наступления не имеет смысла. Поэтому 4 декабря Браухич предоставил Боку право действовать по собственному усмотрению. Командующий группой армий «Центр» мог не предпринимать больше попыток к наступлению, а остановить войска на достигнутых рубежах. Но к этому времени фашис-

тские войска и без того повсюду были вынуждены остановиться. Никакой приказ уже не мог продвинуть их вперед.

Наступление немецко-фашистских войск к началу декабря 1941 г. было сорвано не только на московском направлении. Оно потерпело крах на всем советско-германском фронте. К этому времени гитлеровская армия утратила наступательные возможности, а ее резервы были полностью исчерпаны. Все попытки немецкого командования добиться до наступления зимы решающих результатов закончились провалом.

В штабе германского верховного командования, где уже более двух лет победы считались обычным явлением, до декабря не понимали истинного положения дел на советско-германском фронте. Первая трезвая оценка обстановки была дана в разведывательной сводке от 1 декабря 1941 г., составленной в отделе разведки Востока генерального штаба сухопутных войск. В донесении говорилось: «К числу неожиданных качеств, продемонстрированных командирами Красной Армии в первые месяцы войны, можно отнести их организаторские способности в области снабжения, формирования и восстановления частей и быстрого создания оборонительных линий в тыловых районах с массовым привлечением к этой работе гражданского населения. Русские проявили также большое искусство в использовании железнодорожного сообщения для переброски войск, мастерски производя ремонт путей и эвакуируя основную часть подвижного состава, но не уменьшая при этом значительно пропускную способность остальной сети. Пехота показала свое отличное искусство ведения оборонительного боя. Русский солдат проявил исключительные способности и умение правильно использовать рельеф местности, искусно окапываться, строить укрепления и маскироваться. Его стремление стоять до конца, казалось, было естественной чертой его характера».¹

Эта оценка значительно отличалась от тех пренебрежительных высказываний о Красной Армии, которые имели место до нападения на СССР. В ожесточенных сражениях лета и осени 1941 г. Вооруженные Силы СССР, поддержанные всем советским народом, проявили беспримерную стойкость, мужество и массовый героизм. Только благодаря этому удалось обескровить, измотать и остановить немецкую армию. «Таких сухопутных войск, какими мы располагали к июню 1941 г., — констатировал 23 ноября Гальдер, — мы уже никогда иметь не будем».²

Если под Москвой в конце ноября немцы еще пытались продвигаться вперед, то на севере и юге они уже бежали в это время назад. На се-

---

¹ Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. С. 320—321.

² Там же. С. 321.

верном участке советско-германского фронта наши войска перешли в контрнаступление под Тихвином. Несмотря на трудное положение на Западном фронте, Ставка нашла возможность усилить действовавшие там войска танками и артиллерией, инженерными средствами для устройства проходов в заграждениях противника. Только в 4-ю армию генерала К.А. Мерецкова начальник инженерных войск Красной Армии генерал Л.З. Котляр отправил 80 миноискателей, 1,5 тыс. ножниц для резки колючей проволоки и другое имущество¹.

Разгромив соединения группы армий «Север», пытавшиеся прорваться к Ладожскому озеру и соединиться с финнами, советские войска 9 декабря освободили Тихвин. На улицах города остались тысячи вражеских трупов, разбитые танки, орудия, автомашины. Остатки противника были отброшены назад, к Волхову. Немцы и финны рассчитывали было снова наступать, чтобы наладить непосредственную связь, установить полную блокаду Ленинграда и уничтожить действовавшие там советские войска. Однако все их попытки оказались безуспешными. Гитлер неистовствовал. Его требование удерживать Тихвин командующий группой армий «Север» выполнить не смог и потому попал в немилость. Нервы его не выдержали. Лееб явился в «Волчье логово» и, заявив, что слишком стар, попросился в отставку.

Войска группы армий «Юг» также вели с конца ноября оборонительные бои. Этим боям предшествовал захват танковой армией Клейста Ростова 20 ноября, о чем германская пропаганда возвестила с помпой. Немецкое командование полагало, что их войска удержат этот город. Вначале казалось, что так и будет.

Перешедшим 23 ноября в контрнаступление войскам Южного фронта враг оказал упорное сопротивление. На подступах к Ростову шли напряженнейшие бои. Вечером 28 ноября Сталин позвонил Тимошенко и сказал, что этой ночью Ростов надо взять. Его приказ был доведен до войск. Командование Южного фронта и 56-й армии, подчинявшейся непосредственно Ставке, организовало взаимодействие и подготовило ночной штурм города. В результате встречных ударов 9-й армии с севера и 56-й армии с юга вражеская группировка была разгромлена. К середине дня над Ростовом-на-Дону развевались красные знамена.

Разгром армии Клейста вызвал у Гитлера вспышку бешенства. Он был потрясен решением командующего группой армий «Юг» отвести войска за р. Миус. Как только ему доложили об этом, он немедленно отменил приказ фельдмаршала Рундштедта и уволил его в отставку. Но так

¹ ЦАМО СССР. Ф. 69. Оп. 14218. Д. 274. Л. 10.

как ничто уже не могло изменить ход событий и остановить немецкие соединения, по которым наносили удары войска Южного фронта, Гитлер сам вынужден был отдать приказ фельдмаршалу Рейхенау, сменившему Руддштедта, об отводе группы армий «Юг» за Миус. Это был первый в ходе Второй мировой войны приказ германского верховного командования на отступление.

В то же время Верховный Главнокомандующий Советскими Вооруженными Силами направил войскам первое за время войны поздравление по случаю освобождения крупного, важного в экономическом и стратегическом отношении города. Этот документ был опубликован в «Правде» 30 ноября. Вот его содержание:

«Главнокомандующему Юго-Западного направления маршалу тов. Тимошенко. Командующему Южного фронта генерал-полковнику тов. Черевиченко. Поздравляю вас с победой над врагом и освобождением Ростова от немецко-фашистских захватчиков.

Приветствую доблестные войска 9-й и 56-й армий во главе с генералами Харитоновым и Ремезовым, водрузившие над Ростовом наше славное советское знамя.

Москва, 29 ноября 1941 г. И. Сталин».

В связи с этим знаменательным событием Сталин получил 5 декабря поздравление от Черчилля. «Позвольте мне воспользоваться случаем и сказать вам, — писал английский премьер, — с каким восхищением весь британский народ следит за стойкой обороной Ленинграда и Москвы храбрыми русскими армиями и как все мы рады по поводу вашей блестящей победы в Ростове-на-Дону»¹.

Победы советских войск под Тихвином и Ростовом свидетельствовали о том, что группы армий «Север» и «Юг» вынуждены уже были отступать. Будучи обессиленной, остановилась в начале декабря и группа армий «Центр». «Молниеносная война» фашистской Германии против Советского Союза сорвалась.

Крушение стратегии «блицкрига» привело в замешательство генералов. В их сознание не укладывалось, чтобы орудие ее осуществления — «непобедимая» германская армия могла утратить наступательные возможности и без приказа остановиться. О том, что она будет отступать, сла-

---

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР в президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. В 2-х т. Т. М., 1957. 1. С. 35.

саться бегством, они и мысли не допускали. К тому же немцы считали, что у советского командования нет никаких сил для наступления.

В связи с большими потерями в людях, боевой технике и полной утратой наступательных возможностей германское верховное командование было вынуждено 8 декабря 1941 г. отдать войскам директиву № 39 о переходе к обороне на всем советско-германском фронте. «Преждевременное наступление холодной зимы на восточном фронте и возникшие в связи с этим затруднения в подвозе снабжения, — указывалось в директиве, подписанной Гитлером, — вынуждают немедленно прекратить все крупные наступательные операции и перейти к обороне. Порядок ведения этой обороны зависит от цели, которую она преследует, а именно: а) удержать за собой районы, имеющие для противника важное оперативное и военно-хозяйственное значение; б) дать войскам отдых и возможность произвести пополнение; в) создать таким образом необходимые предпосылки для возобновления крупных наступательных операций в 1942 г.»¹.

Признав вынужденность перехода к обороне, Гитлер рассчитывал, что его войска удержат захваченные территории и будут зимой в основном отдыхать, готовясь к грядущим весенним боям.

В тот же день на основе указаний фюрера отдал свою последнюю в военной карьере директиву сухопутным войскам фельдмаршал Браухич. «С наступлением периода усиливающихся снегопадов и холодов боевые действия 1941 г. в основном считаются законченными, — констатировал он. —...Однако главная цель — окончательно вывести Россию из строя в военном отношении — все еще стоит перед нами»².

Признав сквозь зубы срыв «молниеносной войны» против Советского Союза, германские руководители объяснили его главным образом рано наступившей холодной и многоснежной зимой. В действительности же ноябрь облегчал действия немецких подвижных войск. Легкие морозы закрепили грунт, машины получили возможность продвигаться вне дорог. Значительный снежный покров появился лишь в начале декабря, когда из немцев был уже выбит наступательный дух. В подтверждение этих слов сошлемся хотя бы на свидетельство бывшего корреспондента американской газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» Уолтера Керра, находившегося в то время в Москве. «Снег лежал на земле, — пишет он в книге «Русская армия», изданной в 1944 г. в Лондоне, — но его было недостаточно, чтобы помешать военным операциям. Две последние недели (ноября. —

¹ Дашичев В.А. Указ. соч. Т. 2. С. 257.

² Там же. С. 260—261.

В.А.) измотали его солдат и ослабили его (фельдмаршала Бока. — В.А.) дивизии... Зима уже наступила. Было холодно. Однако нельзя объяснить погодой то, что произошло с германской армией в течение следующих двух месяцев»¹.

Героическая Красная Армия, а не плохая погода остановила и обескровила немецкие полчища под Тихвином, Москвой и Ростовом. Она же повернула их вспять.

2. «ТАЙФУН» УКРОЩЕН

Вводом в сражение стратегических резервов в конце ноября Совское Верховное Главнокомандование постепенно изменяло соотношение сил, в том числе и в воздухе, и захватывало инициативу в свои руки. Этот факт знаменовал собой начало поворота в ходе всей войны. Он нашел отражение даже на страницах наших газет. 27 ноября передовая статья «Правды» была озаглавлена: «Под Москвой должен начаться разгром врага». «Здесь под Москвой, — указывал Центральный Комитет партии, — надо положить начало разгрома немецких оккупантов».

Разрабатывая замысел контрнаступления, Ставка решила нанести главный удар по основной группировке немецко-фашистских войск, действовавшей на московском направлении. Для этой цели привлекались войска Калининского, Западного и часть сил Юго-Западного фронтов, командующие которых еще в ходе оборонительных сражений получили указания на подготовку предстоящих наступательных операций. С целью создания ударных группировок фронтов Верховное Главнокомандование заблаговременно подтянуло стратегические резервы.

К этому времени главные трудности для нашей армии были позади. На северо-западном и юго-западном направлениях враг хотя и сильно сопротивлялся, но вынужден был отступать. Под Москвой 1-я ударная армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус наносили контрудары по флангам группы армий «Центр».

29 ноября Жуков позвонил Верховному Главнокомандующему и попросил разрешения начать контрнаступление, идея которого возникла в Ставке и у военного совета Западного фронта раньше. Посоветовавшись с Б.М. Шапошниковым, Сталин потребовал от командующего Западным фронтом представить план контрнаступления.

На следующий день план-карта вместе с короткой пояснительной запиской были доставлены в Генштаб. Жуков попросил генерала Васи-

¹ Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. С. 325

левского срочно доложить план Верховному Главнокомандующему. Сталин, внимательно рассмотрев этот документ 1 декабря, написал в правом верхнем углу карты «Согласен» и поставил подпись.

В качестве ближайшей задачи планом предусматривалось: «Ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловая и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле Западного фронта»¹. Чтобы сковать силы на остальных участках, предусматривался переход в наступление армий центра с ограниченными задачами.

Государственному Комитету Оборона, Ставке Верховного Главнокомандования, военным советам фронтов и армий, командирам и политработникам пришлось провести очень большую работу, чтобы подготовить войска в боевом и политическом отношении к контрнаступлению и обеспечить их всем необходимым. Хотя в ходе предшествовавших сражений наши войска нередко переходили в контратаки и наносили контрудары, они тем не менее психологически были настроены в основном на оборонительные действия. Требовалось добиться перелома в настроении воинов, вселить уверенность в их способность не только стойко обороняться, но и стремительно наступать.

В начале декабря в Подмоскowie выпало много снега. Глубина снежного покрова местами достигала метра. Передвижения войск были чрезвычайно затруднены. К концу первой декады установились сильные морозы. В этих условиях именно советским войскам пришлось вести наступательные действия.

Первыми 5 декабря нанесли удар по врагу соединения Калининского фронта. Спустя сутки, после артиллерийской и авиационной подготовки, атаковали противника войска Западного фронта. Ударная группа Юго-Западного фронта начала наступление на день позже.

Переход Красной Армии в контрнаступление под Москвой, в силу того, что оно явилось логическим продолжением контрударов советских войск, не был вскрыт германским главным командованием, да и командованием группы армий «Центр». Его вначале почувствовали лишь те войска, на которые обрушились удары. «Верховное командование вооруженных сил Германии, — свидетельствовал Паулюс, — не имело сведений о подготовке советского контрнаступления под Москвой»². Только этим можно объяснить тот факт, что Гитлер на совещании главнокомандующих, состоявшемся во второй половине дня 6 декабря, ни словом не

¹ ЦАМО СССР. Ф. 16-А. Оп. 947. Д. 36. Л. 70.

² Там же. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 1073. Л. 10.

обмолвился об этом. Он говорил о превосходстве над Красной Армией в танках и артиллерии и потребовал от группы армий «Центр» выполнения ранее поставленных ей наступательных задач.

Не будем оспаривать заявление Гитлера относительно общего численного превосходства группы Бока над противостоявшими ей советскими войсками. Оно действительно имело место. К началу декабря 1941 г. в составе войск трех фронтов, которые готовились к контрнаступлению, имелось около 1 100 тыс. человек, 7652 орудия и миномета, 774 танка (в том числе 222 средних и тяжелых) и 1 тыс. самолетов. Противостоящий противник имел 1 708 тыс. человек, 13 500 орудий и минометов, 1170 танков и 615 самолетов¹. Лишь в авиации, с учетом всех действующих в районе Москвы военно-воздушных сил, превосходство было на нашей стороне.

И тем не менее Советское Верховное Главнокомандование приняло решение на контрнаступление. Необходимость быстрее перехода от обороны к наступлению диктовалась сложившейся обстановкой. Именно на это обстоятельство обращала внимание командующих фронтами Ставка, отдавая указания о подготовке контрнаступления. «Сорвать наступление немцев на Москву и тем самым не только спасти Москву, но и положить начало серьезному разгрому противника можно лишь активными действиями с решительной целью, — сказал заместитель начальника Генерального штаба генерал А.М. Василевский 1 декабря по «Бодо» командующему Калининским фронтом генералу Коневу. — Если мы этого не сделаем в ближайшие дни, то будет поздно»².

Ставка установила, что враг выдыхается, наступательные возможности его исчерпаны. Требовалось не дать ему времени для отдыха, перегруппировок войск и подтягивания сил с запада. Искусно выбрав момент, советское командование отдало войскам приказ о переходе в контрнаступление, которое явилось для противника внезапным.

Разгромив передовые части, советские войска устремились в глубинную вражескую оборону.

Наступление войск Калининского фронта вначале развивалось медленно, потому что им надо было форсировать Волгу и преодолевать упорное сопротивление соединений 9-й немецкой армии. Тем не менее они настойчиво продвигались вперед, охватывая с флангов оборонявшегося в районе Калинина противника.

Положение армии Штрауса серьезно ухудшилось в связи с выходом на ее тылы войск 30-й армии генерала Д.Д. Лелюшенко, развивавших

---

¹ История Второй мировой войны, 1939—1945. Т. 4. С. 283—284.

² ЦАМО СССР. Ф. 96 А. Оп. 2011. Д. 5. Л. 185.

наступление на Клин. 9 декабря они перерезали шоссе Москва—Калинин и овладели крупным населенным пунктом Ямуга. Успешно действовали в ходе преследования врага 365-я стрелковая дивизия полковника М.А. Щукина и 8-я танковая бригада генерала П.А. Ротмистрова. Эта дивизия только что прибыла из Сибири и прямо с колес сразу вступила в бой. Необстрелянные сибиряки сражались отважно. Стрелковые части умело взаимодействовали с танковыми подразделениями бригады Ротмистрова, игравшей главную роль в преследовании врага. Перед контрнаступлением они были пополнены танками Т-34, с которыми при атаке в лоб противник в то время ничего сделать не мог. Действуя на острие ударной группировки 30-й армии, танкисты сокрушали вражеские укрепления и вели за собой пехоту.

Освобождение Ямуги привело противника в замешательство. Создалась угроза выхода советских войск в тыл 3-й танковой группе. Во избежание этого Бок разрешил Рейнгардту отвести оборонявшиеся части восточное Клина и Солнечногорска. На всем пути от Яхромы до Клина дороги были забиты танками, автомашинами, повозками, орудиями. Разбитая вражеская техника воодушевляла наших воинов, поднимала боевой дух. Брошенное фашистами награбленное у местных жителей имущество напоминало о тех, кто с нетерпением ждал своих освободителей.

Чтобы обеспечить отвод войск, Рейнгардт стремился удержать дороги и не допустить соединения Кузнецова в Клин и Солнечногорск. На помощь нашим наземным войскам пришла авиация Московской зоны обороны. Она наносила массированные удары по узлам сопротивления, облегчая преодоление их стрелковыми войсками.

11 декабря на рассвете левофланговые части 21-й ударной армии завязали бои за Солнечногорск. К этому времени с юга к городу подошли соединения 20-й армии. Эта армия начала боевой путь с освобождения Красной Поляны. Это тот самый близкий из захваченных немцами населенный пункт от Москвы, из которого, по хвастливым заявлениям германских генералов, якобы хорошо была видна в бинокль наша столица. Именно сюда они намеревались доставить на железнодорожных платформах тяжелые артиллерийские установки «Карл» для обстрела Москвы.

За 8 дней оккупации немцы сильно укрепили Красную Поляну. Освобождали этот населенный пункт 331-я стрелковая дивизия под командованием генерала С.В. Кароля, только что прибывшая с Дальнего Востока, и 38-я стрелковая бригада полковника А.И. Гриценко.

Успешно действовали в тот день 31-я танковая бригада полковника А.Г. Кравченко и 64-я стрелковая бригада, укомплектованная моряками

Тихоокеанского флота. В бригаде было более 500 коммунистов и около 1000 комсомольцев. В связи с тем что моряки не имели достаточного опыта действий на суше, во главе бригады поставили командира-пехотинца полковника И.М. Чистякова. В предрассветной мгле комбриг посадил моряков на танки. Сопровождаемая артиллерийским огнем танковая бригада с десантом неожиданно для противника ворвалась в его расположение. За танками ринулась в атаку морская пехота. Не обращая внимания на сильный мороз и глубокий снежный покров, моряки сбросили с себя шинели и в одних бушлатах с криком «ура!» рванулись на штурм Белого Раста. Дерзкая по замыслу и исполнению атака увенчалась полным успехом. Враг был разгромлен, а жалкие остатки спаслись бегством.

Чтобы ускорить продвижение войск, в 20-й армии, как и в других объединениях фронта, по указанию Жукова были созданы лыжные отряды. Одетые в полушубки маскировочные белые халаты, лыжники проникали в тыл противника и дерзкими налетами вносили панику в его войска. В бригаде Чистякова на лыжи было поставлено 800 человек.

В середине дня 10 декабря комбриг сообщил в штаб» армии, что передовой отряд танковой бригады с десантом моряков и отряд лыжников перерезали Ленинградское шоссе северо-западнее Солнечногорска. Примерно час спустя главные силы танковой бригады Кравченко, а за ними стрелковая бригада П.К. Будыхина вышли к юго-западной и южной окраинам города. Однако с ходу овладеть им они не смогли. Напряженные бои велись еще сутки. Лишь к утру 12-го были ликвидированы последние очаги сопротивления.

В то время когда 20-я армия вела бои за Солнечногорск, ее сосед слева — 16-я армия сражалась на подступах к истринскому рубежу. Она начала наступление со штурма Крюкова. Здесь вели боевые действия части 8-й гвардейской стрелковой дивизии, 17-й стрелковой бригады и 44-й кавалерийской дивизии. Враг не хотел уходить из этого населенного пункта и оказывал яростное сопротивление. Лишь после трехдневного ожесточенного боя, доходившего до рукопашных схваток, нашим войскам удалось овладеть этим укрепленным пунктом. Об упорстве боев говорит тот факт, что в районе Крюкова противник оставил 60 танков, более 100 автомашин, много оружия и боеприпасов. В с. Каменка среди трофеев было два 300-мм орудия, предназначавшихся для обстрела Москвы.

Освободив Крюково и Каменку, соединения Рокоссовского развили наступление на Истру. Обойти противника, чтобы отрезать ему пути отхода, из-за глубокого снежного покрова было невозможно. «Так что немецким генералам, пожалуй, следует благодарить суровую зиму, — справедливо замечает Рокоссовский, — которая способствовала их отходу от

Москвы с меньшими потерями, а не ссылаться на то, что русская зима стала причиной их поражения»¹.

Отступая, немцы делали все, чтобы затормозить продвижение наших частей. Они устраивали заграждения на дорогах, устанавливали различного рода «сюрпризы» вплоть до минирования трупов, сжигали населенные пункты, а в уцелевших домах ставили мины. Но ничто не могло остановить советских воинов.

10 декабря 9-я гвардейская дивизия завязала бои за Истру, которую недавно она обороняла. Враг успел укрепить этот старинный русский город. Его пришлось брать штурмом в течение суток. Немцы не помышляли об уходе из города, а поэтому не успели увезти не только награбленное имущество, но даже и свои документы. В освобождении Истры принимали участие 17-я танковая бригада и 18-я стрелковая дивизия полковника П.Н. Чернышева, прибывшая, как и 9-я гвардейская, с Дальнего Востока.

Успеху наступления 16-й армии способствовали активные действия правофланговых соединений генерала Говорова. Прорвав оборонительные позиции войск фельдмаршала Клюге, они устремились вперед.

На левом крыле Западного фронта 6 декабря перешли в контрнаступление стрелковые соединения 10-й армии генерала Ф.И. Голикова. Их ввели в сражение в районе Михайлова. Городом после внезапного ночного удара овладела 330-я стрелковая дивизия полковника Г.Д. Соколова. 322-я дивизия полковника П.И. Филимонова освободила в тот день Серебряные Пруды. Враг так поспешно удирал из этого города, что оставил боевое знамя и кассу одного из полков 29-й моторизованной дивизии. Части дивизии взяли в плен до 50 солдат и офицеров, большое количество трофеев. В последующие дни 10-я армия нанесла поражение соединениям Гудериана на рубеже р. Прони и, преследуя их остатки, освободила Елифань.

Не прекращали наступательных действий, начатых в конце ноября, кавалеристы Белова и танкисты Гетмана. Совершая марши ночью, в пургу и туманы, они окружали, уничтожали и выбивали немцев из населенных пунктов. 7 декабря они заняли Мордвес. Враг отступил на Венёв, дотла сжигая деревни.

В связи со стремительным продвижением корпуса Белова с севера и армии Голикова с востока Гудериан во избежание окружения решил вывести свои части из Венёва. Преследуя противника, наши войска с ходу захватили Сталиногорск. Все дороги были завалены подбитыми и бро-

---

¹ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1985. С. 97.

шенными без горючего танками, автомашинами, тягачами, мотоциклами, орудиями.

Используя благоприятно сложившуюся обстановку, 8 декабря перешла в наступление 50-я армия. Теснимая войсками Белова, Болдина и Голикова, танковая группа Гудериана, бросая боевую технику, отходила к Богородицку и Плавску.

Успешно развивали в эти дни наступление войска правого крыла Юго-Западного фронта. 9 декабря маршал Тимошенко доложил Сталину о том, что в 6 часов утра ими освобожден Елец. В ходе боев были окружены и разгромлены 45-я и 134-я пехотные дивизии.

45-я — это та самая дивизия, которая в начале войны около месяца штурмовала крепость Брест, обороняемую немногочисленным гарнизоном. И вот через 5 месяцев ее настигло возмездие. Решающую роль в сокрушительном разгроме этого соединения сыграла 1-я гвардейская стрелковая дивизия генерала И.Н. Руссиянова.

К середине декабря центральный участок германского фронта от Калинина до Ельца разваливался. Людские и материальные потери были велики. Остатки разгромленных частей, бросая оружие, уходили на запад. Каждый немецкий солдат думал о том, как бы спастись.

«Спасайся, кто может! — записал в дневнике, оставленном при бегстве, унтер-офицер 42-го отдельного противотанкового дивизиона Платцер. — Разбитая, смешавшаяся армия отступает. Люди растеряны. Потери огромны. Так, видимо, отступал со своей армией Наполеон»¹.

Чтобы остановить войска и залатать бреши, Бок просил помощи у Браухича. Но германское главнокомандование, застигнутое врасплох таким поворотом событий, ничего не могло дать ему. «“Кризис доверия” в войсках серьезного характера»² — так оценил положение 9 декабря Гальдер.

Получив первые весьма неутешительные сообщения с фронта, фашисты приуныли. Их лидеры сочли необходимым «воодушевить» подчиненных указанием нового срока окончания войны против Советского Союза. С этой целью 11 декабря было проведено заседание рейхстага, на котором выступил рейхсканцлер Германии. Прежде всего он заявил, что СССР будет разгромлен будущим летом. Пытаясь объяснить причины, почему Германия не одержала победу в 1941 г., Гитлер сказал, что немецким солдатам мешали большие расстояния и плохой климат. Они, дескать, рассчитывали на умеренную температуру, а их преследовали то

¹ Разгром немцев под Москвой. М., 1943. С. 29.

² «Совершенно секретно! Только для командования!» С. 347.

жара, то холод. «Маршируя в бесконечных даях, мучаясь от жары и жажды, задерживаемые непроходимыми от распутицы дорогами, остановленные от Белого до Черного моря ненастным климатом, зноем июля и августа, ноябрьскими и декабрьскими вьюгами... замерзая во льдах и снегах, — разглагольствовал Гитлер, — они (немецкие солдаты.— В.А.) сражались... Приход зимы, естественно, задержит это движение. С приходом лета наступление продолжится»¹. Об истинных же причинах катастрофического положения, в котором оказалась немецкая армия, он не сказал ни слова.

12 декабря, когда «Фёлькишер беобахтер» опубликовала речь германского фюрера, диктор Московского радио передал сообщение Советского Информбюро о провале немецкого плана окружения и взятия Москвы. «6 декабря 1941 года, — говорилось в нем, — войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и спешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери»². Указывалось, что с 6 по 10 декабря наши войска захватили 386 танков, 4317 автомашин, свыше 400 орудий и минометов и большое количество другого вооружения и имущества. В эти дни было уничтожено свыше 30 тыс. солдат и офицеров.

Поворот в ходе военных событий, которого страстно ждал наш народ, напрягая все силы в ратном деле и труде, наконец наступил. «Теперь уже несомненно, — подчеркивало Совинформбюро, — что хвастливый план захвата Москвы провалился с треском. Немцы жалуются на зиму, — как бы в ответ на речь Гитлера в рейхстаге указывалось в сообщении, — и утверждают, что зима помешала им осуществить план занятия Москвы. Жалобы на зиму означают, что немцы не позаботились снабдить свою армию теплым обмундированием, хотя они на весь мир прокричали, что они уже давно готовы к зимней кампании. А не снабдили они свою армию зимним обмундированием потому, что надеялись кончить войну до наступления зимы. Надежды немцев, как видно, не оправдались. Здесь был допущен немцами серьезный и опасный просчет. Но просчет в немецких планах никак уж нельзя объяснить зимними условиями кампании»³.

Тот факт, что план «Барбаросса» сорвала Красная Армия, а не плохая погода, подтверждали немецкие солдаты и офицеры в своих письмах на родину, дневниковых записях и показаниях в плену.

¹ *Анфилов И.А.* Начало Великой Отечественной войны. С. 340.

² Правда. 1941. 13 дек.

³ Там же.

«Какие потрясающие картины встают перед нами, — записал 16 декабря в дневнике лейтенант 87-й пехотной дивизии. — Я думаю, что видел подобное только в походе на Запад при отступлении французских войск. Разбитые машины, рассыпанные патроны. Совершенно опустившиеся фигуры бродят повсюду в непристойном виде, как бродяги, как последняя сволочь».

«Я, офицер и член национал-социалистской партии, раньше верил Гитлеру и был убежден в нашей победе, — показал пленный лейтенант Планге. — Но теперь я считаю поражение Германии неизбежным. Нападая на Россию, Гитлер не учел многих обстоятельств, прежде всего он не рассчитывал на такое сопротивление русских, не предвидел затяжной войны и борьбы партизан в тылу немецкой армии»¹.

О катастрофическом положении немецких войск свидетельствует также запись в служебном дневнике начальника генерального штаба: «С 18.00 до 19.30 очень серьезное совещание с главнокомандующим сухопутными войсками по обстановке, — констатирует Гальдер 15 декабря о беседе с Браухичем, только что возвратившимся из поездки на фронт в группу армий «Центр». — Главнокомандующий выглядит очень удрученным. Он не видит больше никаких путей, которые могли бы вывести войска из тяжелого положения»².

Прорвав оборону и нанеся сокрушительное поражение немецким группировкам северо-западнее и юго-западнее Москвы, войска Западного фронта продолжили развивать контрнаступление. Армия Лелюшенко, преодолевая ожесточенное сопротивление частей 9-й армии и 3-й танковой группы, наступала севернее Клина. Об упорном характере сражений говорит тот факт, что некоторые населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки. В ход этих боев было совершено немало героических подвигов.

Чтобы выполнить боевую задачу, уменьшить потери своих боевых товарищей, советские воины шли на самопожертвование. При овладении селом Рябинки враг сильным огнем из огневой точки, прикрывавшей подступы к нему, вынудил залечь одно из подразделений 185-й стрелковой дивизии. Тогда сержант В.В. Васильковский по-пластунски подобрался к огневой точке и пытался забросать ее дымовыми гранатами, чтобы ослепить вражеский гарнизон на время, пока поднимутся в атаку наши бойцы. Но его тяжело ранило, и выполнить боевую задачу он уже не мог. Тогда, собравшись с силами и преодолевая боль, он подполз к амбразуре

¹ Разгром немцев под Москвой. М. 1943. С. 21.

² «Совершенно секретно! Только для командования!» С. 352.

и закрыл ее своим телом. Ценою жизни он обеспечил продвижение подразделения. Орденом Ленина был посмертно награжден герой.

Несколько позже такой же подвиг совершил командир взвода 1174-го полка 348-й стрелковой дивизии младший лейтенант Н.С. Шевляков в бою у д. Ново-Кобелево. Взводу Шевлякова была поставлена задача овладеть дзотом и обеспечить продвижение других подразделений дивизии. Под покровом темноты взвод занял исходную позицию и по сигналу командира устремился в атаку. Враг заметил воинов и открыл ураганный огонь. Взвод залег. Шевляков направил двух бойцов блокировать огневую точку. Но вскоре выяснилось, что один из них убит, а другой тяжело ранен. Тогда командир сам пополз к дзоту и бросил в амбразуру две связки гранат. Пулемет умолк. Шевляков снова поднял бойцов в атаку. Но вдруг один из вражеских пулеметов ожил. Кроме пистолета у младшего лейтенанта не осталось уже никакого оружия. И тогда он стремительно бросился к огневой точке и закрыл амбразуру своей грудью. Боевая задача была выполнена, населенный пункт, носящий ныне имя героя — Шевляково, освобожден от фашистских оккупантов. За этот мужественный подвиг Н.С. Шевляков посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

Левифланговые соединения 30-й армии еще к исходу 13 декабря подошли к Клину с севера. А танковые бригады Н.А. Ротмистрова и А.Л. Лесового вышли к этому времени в тыл клинской группировке. На следующий день с ними соединились передовые части армии Кузнецова, наступавшие с юго-востока. Клинская группировка была окружена.

Во избежание неоправданных потерь Ставка дала указание командующему фронтом о направлении парламентариев с предложением сдать город без боя. Это был первый в годы Великой Отечественной войны случай предъявления советским командованием ультиматума врагу о капитуляции.

Но ультиматум был отклонен. Начался штурм города. 15 декабря части 30-й и 1-й ударной армий, наступавшие с севера и юга, ворвались в Клин. После напряженных уличных боев город был очищен от противника. Лишь жалким остаткам удалось избежать уничтожения.

В связи с выходом соединений Лелюшенко в тыл 9-й немецкой армий она во избежание окружения начала удирать из Калинина, бросая оружие, боевую технику и машины. 16 декабря ее остатки были выброшены из города. Над Калинином взвилось красное знамя.

Без устали громили и гнали врага на запад в суровые декабрьские дни и другие армии Западного фронта. На волоколамском направлении наступала 20-я армия. В целях усиления ее ударной мощи Жуков подчинил ей подвижную группу генерала Ремизова, созданную в 16-й армии и

действовавшую на ее правом фланге. Чтобы затруднить продвижение советских войск, противник, используя наш опыт, широко применял различные заграждения. Нужда заставила немцев в короткие сроки изготовить минновзрывные средства и освоить способы их применения. К минным заграждениям на дорогах добавились тысячи разных взрывных «сюрпризов» в населенных пунктах. Чтобы нанести урон нашим войскам и мирному населению, враг не останавливался ни перед чем. Он прибегал даже к отравлению продуктов, водопроводчиков, возможных мест скопления людей. Но ничто не могло остановить советских воинов. 15 декабря соединения 20-й армии обошли с севера Истринское водохранилище, создав угрозу тылам Рейнгардта и Гёпнера и облегчив тем самым 16-й армии продвижение к истринскому оборонительному рубежу. На следующий день Бок начал поспешно отводить соединения 3-й и 4-й танковых групп за реки Ламу и Рузу. Чтобы задержать наши войска на истринском рубеже, немцы подорвали дамбу водохранилища. Уровень воды в реке поднялся до 4 м. Хлынувшая вода образовала мощное препятствие, преодолеть которое было очень трудно. И тем не менее воины дивизии Белобородова в жгучий мороз на надувных лодках и подручных средствах форсировали бурлящий поток и продолжали развивать наступление.

Стремительно продвигались на запад в середине декабря и армии левого крыла Западного фронта. 14 декабря войска 50-й армии генерала И.В. Болдина освободили Ясную Поляну — усадьбу-музей Л.Н. Толстого, 17 декабря заняли Щекино и Алексин. С этого времени героическая Тула стала фронтовым тылом. 10-я армия, прорвав оборону на рубеже верхнего течения Дона, устремилась к Плавску. На стыке армий Болдина и Голикова быстро продвигались на юго-запад кавалеристы Белова и танкисты Гетмана. 15 декабря они овладели г. Узловая.

О блистательных победах Красной Армии в эти дни много и справедливо говорилось на Западе. Главы Союзных держав направляли Сталину одно поздравление за другим. «Невозможно описать то чувство облегчения, с которым я каждый день узнаю о ваших замечательных победах на русском фронте, — писал 16 декабря Черчилль. — Я никогда еще не чувствовал себя уверенным в исходе войны»¹.

Небезынтересно заметить, что глава английского правительства выразил уверенность в исходе Второй мировой войны в тот момент, когда

---

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. В 2-х т. Т. М., 1957. Т. 1. С. 35.

немецкие войска были разгромлены под Москвой, а второй агрессор — Япония — только что напал на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор. Послание Сталину Черчилль как раз и написал в пути, следуя в Вашингтон, чтобы обсудить с Рузвельтом планы совместных действий в связи с началом боев на Тихом океане. Характерно, что и в информации, подготовленной для Рузвельта, он подчеркнул, что «в настоящий момент фактом первостепенной важности в ходе войны является провал планов Гитлера и его потери в России».

В тот день Сталин получил послание и от Рузвельта. «Я хочу еще раз, — телеграфировал он, — сообщить вам о всеобщем подлинном энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успехов ваших армий в защите вашей великой нации»¹. И как бы развивая мысль своего президента, вашингтонская газета «Стар» писала 16 декабря: «Успехи СССР, достигнутые в борьбе с гитлеровской Германией, имеют большое значение не только для Москвы и всего русского народа, но и для Вашингтона, для будущего Соединенных Штатов. История воздаст русским должное за то, что они не только приостановили “молниеносную войну”, но и сумели обратить противника в бегство».

Вечером 15 декабря, обсуждая с Кейтелем сложившееся на фронте положение, Браухич заикнулся об отводе войск на тыловые рубежи. Об этом было немедленно сообщено Гитлеру. Тот вызвал Кейтеля, Геринга, Браухича, Йодля, Гальдера и резко заявил им, что ни о каком отходе на Восточном фронте не может быть и речи. Он сказал, что в сражение надо вводить свежие дивизии. Для доставки их с Запада Герингу было приказано срочно выделить транспортные самолеты. Одновременно он потребовал усилить переброску войск железнодорожным транспортом.

Подкрепления для фронта должны были поступить за счет маршевых батальонов, спешно готовившихся в Германии, и дивизий, несших оккупационную службу в странах Западной Европы. «В самой Германии, — указал Гитлер, — должны быть мобилизованы все силы, способные строить, нести охранную службу или участвовать в боях и не занятые в жизненно важных отраслях производства. Их следует обеспечить на месте зимним обмундированием и подготовить к отправке»².

Итак, в связи с провалом «молниеносной войны» против СССР фашистское руководство было вынуждено проводить тотальную мобилизацию всех сил и средств.

---

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. В 2-х т. Т. М., 1957. Т. 2. С. 16.

² «Совершенно секретно! Только для командования!» С. 355.

На основе отданных Гитлером распоряжений Кейтель и Йодль подготовили директиву, которая в тот же день была подписана верховным. Группе армий «Север» приказывалось не отступать больше ни на шаг и тем самым продолжать блокаду Ленинграда. Группам армий «Центр» и «Юг» также не разрешалось отходить на тыловые рубежи.

На основе директивы верховного главнокомандования генеральный штаб сухопутных войск 18 декабря направил группе армий «Центр» специальные указания. В документе говорилось: «Фюрер отдал приказ: недопустимо никакое значительное отступление, так как оно приведет к полной потере оружия и материальной части. Командующие армиями, командиры соединений и все офицеры своим личным примером должны заставить войска с фанатическим упорством оборонять занимаемые позиции, не обращая внимания на противника, прорывающегося на флангах и в тыл наших войск. Только такой метод ведения боевых действий позволит выиграть время, которое необходимо, чтобы перебросить с родины и с Запада подкрепления, о чем уже отдан приказ»¹.

Но никакие приказы и указания Гитлера и его генералов не могли уже изменить ход военных действий. Советские войска продолжали громить вражеские части и гнать их остатки на Запад. Не видя выхода из создавшегося положения, фельдмаршал Бок «заболел». На этом его служба в группе армий «Центр» закончилась. Его сменил фельдмаршал Клюге.

Окружение Гитлера искало как козлов отпущения, так и сильные личности, способные справиться с создавшимся положением и изменить неблагоприятное развитие событий. Геринг, пользовавшийся особым доверием у Гитлера, обрушил гнев на Браухича и Гальдера. 19 ноября в штабы групп армий был направлен приказ об отставке фельдмаршала Браухича с поста главнокомандующего сухопутными войсками. Объявлялось, что обязанности главнокомандующего фюрер взял на себя. Отстранение Браухича недвусмысленно указывало на одного из основных «виновников» провала «блицкрига».

В роли главнокомандующего Гитлер сразу же продиктовал сохранившему пока свой пост Гальдеру программу действий на Восточном фронте. 20 декабря его указания были переданы войскам: «Держаться и бороться до последнего. Ни одного шага назад не делать добровольно. Все имеющиеся на родине и на Западе соединения перебросить на Восток»². Гитлер потребовал беспощадно отбирать зимнюю одежду у местных жи-

---

¹ Дашичев В.И. Указ соч. Т. 2. С. 268.

² Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. С. 353—354.

телей и военнопленных, а все оставляемые при отходе населенные пункты сжигать.

Но никакие жестокости и варварские методы ведения войны не могли остановить советских воинов. Наоборот, они вызвали к отмщению и скорейшему изгнанию врага.

Фронт контрнаступления ширился. С 18 декабря в него активно включились войска центрального участка Западного фронта: 5-я армия генерала Л.А. Говорова, ранее наступавшая лишь правым флангом, 33-я армия генерала М.Г. Ефремова, 43-я армия генерала К.Д. Голубева, 49-я армия генерала И.Г. Захаркина.

Чтобы избежать полного развала фронта группы армий «Центр», германское командование вводило в бой тыловые части. Доставлявшиеся из Германии маршевые батальоны и дивизии, войска, несшие оккупационную службу, с ходу вступали в бой. В тылу принимались полицейские меры против дезертиров и подразделений, оставивших фронт без разрешения командования. Ежедневно заседали полевые суды, выносившие суровые приговоры. Такого в немецкой армии еще не бывало.

Продвигаясь на Запад, наши воины видели сожженные и разрушенные города и села, уничтоженные культурные ценности и памятники старины. С содроганием смотрели они на виселицы, свидетельствовавшие о зверских расправах гитлеровцев с мирным населением. Охватившие их гнев и ненависть умножали наступательный порыв.

В целях скорейшего разгрома врага на пути его отхода направлялись кавалерийские соединения, лыжные батальоны, в тыл высаживались воздушные десанты.

Весьма успешно действовал во вражеском тылу 2-й гвардейский кавалерийский корпус, усиленный танковой бригадой и дивизионом «катыш». 19 декабря он вышел на шоссе Волоколамск—Можайск, тянущееся вдоль р. Рузы. Штаб корпуса продвигался в голове 20-й кавалерийской дивизии подполковника М.П. Тавлиева. Возглавляя очередную атаку конницы в районе с. Дьяково, командир корпуса Л.М. Доватор был сражен пулеметным огнем противника. По ходатайству командующего фронтом за доблесть и мужество ему было присвоено 21 декабря звание Героя Советского Союза.

В командование корпусом вступил боевой соратник Доватора — генерал И.А. Плиев. Разгромив противостоявшие части и выполнив поставленную задачу, кавалеристы вышли в полосу наступления 16-й армии. Командующий фронтом после короткого отдыха рассчитывал ввести 2-й гвардейский кавалерийский корпус в сражение после освобождения Волоколамска.

Этот город противник превратил в мощный узел сопротивления. На подступах к нему были взорваны все мосты, дороги заминированы, а на окраинах устроены заграждения.

Клюге приказал упорно оборонять Волоколамск, чтобы выиграть время для отвода войск за р. Ламу, на которой создавался тыловой оборонительный рубеж.

Войска 20-й и 16-й армий вышли к городу 18 декабря. На следующий день вечером подвижные группы Катукова и Ремизова, а также 331-я стрелковая дивизия генерала Ф.П. Кароля пробившись к окраинам города, Ночью начался штурм. Улицу за улицей, дом за домом очищали советские воины от гитлеровцев, засевших в подвалах и на чердаках. К полудню 19 декабря Волоколамск был освобожден. В ходе боев уничтожено и пленено свыше 1200 солдат и офицеров. В городе и на окраинах замерло до 20 подорванных танков, до 200 автомашин и тягачей и свыше 20 орудий и минометов.

Нарастивая силу удара, к двадцатым числам декабря войска правого крыла Западного фронта изгнали остатки танковых групп Рейнгардта и Гёпнера за Ламу и Рузу, за две недели продвинувшись на запад до 150 км.

Армии левого крыла разгромили танковую армию Гудериана и 2-ю армию Вейхса. Остатки их отходили за Оку. Этот рубеж Гитлер определил как «последний» для отхода немецких войск из Подмосковья. Во время поспешного бегства между корпусами 2-й танковой армии образовался большой разрыв, в который командующий фронтом ввел кавалерийский корпус Белова. Кавалеристы форсировали Оку на участке Лихвин—Белев и, повернув на северо-запад, развили наступление на Юхнов. 50-й армии Жуков поставил задачу овладеть Калугой.

Для решения этой задачи генерал Болдин создал подвижную группу в составе стрелковой, танковой и кавалерийской дивизий, а также активно действовавшего еще Тульского рабочего полка. Командование группой было возложено на генерала В.С. Попова. Продвигаясь только ночью и не вступая в бои, группа Попова к исходу 20 декабря скрытно подошла к Калуге. На рассвете она захватила мост через Оку и ворвалась в город.

Это сильно встревожило германское командование. По указанию Гитлера Гальдер выяснял происшедшее у командующего группой армий «Центр». Его объяснение не удовлетворило начальника генерального штаба. «Клюге, — записал он 21 декабря в дневнике, — поддается требованию подчиненных ему войск. Необходимо, чтобы он стал твердым. Гудериан, по-видимому, совершенно потерял нервы. Я подготавливаю приказ

за подписью фюрера, согласно которому Гудериан отвечает за удержание рубежа Оки до устья реки Жиздры»¹.

Для укрепления в войсках веры в свои силы и восстановления порядка Гитлер распорядился направить в группу армий «Центр» генералов и офицеров генерального штаба.

В район Калуги немцы подтянули 4 дивизии и окружили группу Попова. Но в это время весьма активно действовал корпус Белова. Используя его успех, стремительно продвигались вперед стрелковые соединения 50-й армии. 25 декабря они подошли к Калуге и установили связь с группой Попова, сражавшейся в городе.

Враг был потрясен этим прорывом. Вот как характеризует этот факт Гальдер: «У группы армий “Центр” этот день был чрезвычайно критическим. Прорыв противника вынудил части 2-й армии отойти. Гудериан, не считая нужным посоветоваться с командованием группы армий, отходит на рубеж Ока, Зуша. Командование группы армий в связи с этим требует сменить Гудериана. Это требование удовлетворяется фюрером. Шмидт принимает командование 2-й армией и 2-й танковой армией... Фронт 9-й армии начал разваливаться. Новый угрожаемый участок выявляется на северном фланге в районе Торжка и западнее, и в настоящий момент нет никаких средств исправить положение».

В этот «критический» для немцев день генерал-инспектор артиллерии Бранд, по свидетельству того же Гальдера, получил задание «на составление расчета использования химических средств по блокированному с суши Ленинграду»².

Тем временем советские войска продолжали сражение. Используя успех армии Болдина, в наступление перешла 49-я армия. К концу декабря эти армии выбили немцев из Калуги. В боях за город враг потерял свыше 5 тыс. солдат и офицеров, большое количество боевой техники. Вступившие в Калугу воины увидели следы надругательства фашистски варваров над памятью великого русского ученого К.Э. Циолковского. Немцы разграбили и осквернили его дом-музей, сожгли городской театр и много других зданий.

Освобождение Калуги имело большое значение в установлении более тесного взаимодействия между войсками левого крыла и центра Западного фронта. Последние получили возможность развить наступление на Вязьму.

Корпус Белова овладел Козельском и подошел к Мещовску. Наступавшая левее кавалеристов армия Голикова 27 декабря вышла к Белёву.

---

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!» С. 359.

² Там же. С. 360.

Каменный город с его старинными зданиями, монастырями и церквями немцы основательно подготовили к обороне. Здесь были построены и оборудованы дзоты, блиндажи и другие фортификационные сооружения. Большинство зданий были приспособлены к обороне. Подступы к городу были заминированы, а берега Оки — эскарпированы.

Бои за город носили весьма упорный характер. Велись они круглосуточно. Лишь в последний день года Белёв был полностью очищен от немецких войск. На складах оказалось свыше тысячи бочек с бензином. Это свидетельствовало о том, что враг не собирался уходить из города.

В последние дни года, несмотря на отдельные контратаки, немецкие войска были вынуждены отходить на всем советско-германском фронте. 29 декабря в связи с высадкой нашего десанта в Феодосии и глубокими прорывами Калининского фронта в районе Торжка и вновь созданного Брянского фронта севернее Мценска для германской армии создано чрезвычайно трудное положение. Гальдер так и отметил: «Очень тяжелый день».

На следующий день он начинает запись в дневнике с тех же слов: «Опять тяжелый день»¹. Фюрер, отмечает начальник генерального штаба, вел по телефону драматические переговоры с Клюге и отклонил его ходатайство о дальнейшем отводе войск. Гальдер замечает дальше, что командующий 9-й армией генерал Штраус, на фронте которого осуществили глубокий прорыв войска генерала Конева, потерял выдержку.

В конце декабря советские войска разгромили ударные группировки армий «Центр» и вышли на рубеж Орешки, р. Лама, р. Руза, Малоярославец, Калуга, Сухиничи, Белёв, Мценск. Враг был отброшен на запад на 150—250 км. Угроза Москве была ликвидирована. Многие правительственные учреждения в канун Нового года начали возвращаться в столицу.

Контрнаступление Красной Армии потрясло врага до основания. Об атмосфере, царившей в те дни в немецкой армии, красноречиво свидетельствует инструкция генерального штаба, направленная Гальдером в войска по распоряжению Гитлера. Он призывал командиров соединений и частей не поддаваться психозу и безнадежности, изжить панические настроения. Этот документ наглядно показывает, какая метаморфоза произошла с немецкими солдатами и офицерами в течение шести месяцев борьбы на советско-германском фронте.

Бешенству Гитлера не было предела. Он обвинял в поражении своей армии генералов в фельдмаршалов. Они уже стали в его глазах бездар-

---

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!» С. 362.

ными личностями. Вслед за Рундштедтом, Боком, Браухичем, Леебом и Гудерианом были уволены генералы Вейхс, Штраус и Гёпнер. Всего было снято со своих постов 35 генералов. Такого «разгрома» генералов в германской армии не видывали со времен битвы на Марне в 1914 г.

В начале января 1942 г. контрнаступление переросло в общее наступление Красной Армии на большей части советско-германского фронта. Немецкие войска вновь были вынуждены отступать. Местами этот отход превращался в повальное бегство. Чтобы предотвратить его, Гитлер 15 января вынужден был отдать свой первый приказ о крупном отступлении. «В первый раз в эту войну, — признался он, — мною отдается приказ о том, чтобы отвести большой участок фронта. Я ожидаю, что этот маневр будет проведен так, как это достойно немецкой армии»¹. Войскам предписывалось уничтожать мосты и железнодорожные пути, сжигать населенные пункты.

Но ничто уже не могло спасти фашистскую армию от сокрушительного поражения. Преодолевая необычайные трудности, советские войска гнали врага на запад. Нанеся большой урон противнику, они продвинулись на западном направлении еще на 100—180 км.

Сокрушительный разгром немецко-фашистской армии под Москвой окончательно завершил срыв плана «Барбаросса». За полгода напряженнейших сражений, с 22 июня по 31 декабря, немцы, по их явно «преуменьшенным данным, потеряли 830 903 солдат и офицеров², тысячи танков, самолетов, орудий и минометов. От так называемой «непобедимости» германской армии не осталось и следа. Перед взором ее встал призрак гибели наполеоновской армии в 1812 г.

Главными козырями, на которые рассчитывало гитлеровское руководство в войне с Советским Союзом, были заблаговременная мобилизация и развертывание вооруженных сил, хорошая организация и оснащение их боевой техникой, наличие боевого опыта.

Немецкое командование понимало, что в случае затяжной войны все эти преимущества утратят свое значение. Это убедительно показал крах плана Шлиффена в Первой мировой войне, в котором по тем же мотивам ставка делалась на сокрушительный удар и кратковременность войны. Однако и в 1941 г., так же как в 1914 г., карта германских милитаристов была бита.

---

¹ Рейнгардт К. Поворот под Москвой: Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года. М., 1980. С. 299.

² Дашичев В.И. Указ. соч. Т. 2. С. 247.

Победоносный исход Московской битвы окрылил все народы мира. На подмосковных полях занялась заря полной победы над фашизмом, произошел поворот в ходе войны. Предстояла еще долгая, трудная борьба против немецко-фашистских захватчиков, но победа, одержанная советскими войсками в битве за Москву, ознаменовала начало конца «Третьего рейха».

Своей титанической борьбой советский народ, руководимый Коммунистической партией, сорвал захватнические планы Гитлера. На театрах войны сражались с врагом воины разных национальностей. Проявив монолитную сплоченность, величие духа, волю и мужество, они доказали, что победить их невозможно.

Самоотверженный героический труд советских людей в тылу позволил обеспечить войска всем необходимым для разгрома агрессора. Большой вклад в победу над немецко-фашистскими войсками под Москвой внесли партизаны, наносившие удары по противнику с тыла, дезорганизовывавшие подвоз войск и снабжение.

В результате срыва похода гитлеровской армии на Москву неизмеримо возрос моральный дух нашего народа. Все советские люди убедились в том, что фашистов ожидает та же участь, которая в течение веков была уделом всех, кто осмеливался вторгнуться в пределы нашей Родины.

Своей самоотверженной борьбой против гитлеровской Германии наш народ остановил распространение коричневой чумы. Уместно напомнить, что не в первый раз он спас мир от порабощения. Так было в XIII в., когда русский народ своей грудью прикрыл Западную Европу от нашествия татаро-монголов, так было в XIX в., когда он свалил в бездну «тяготеющий над царствами кумир» Наполеона, так было в Первую мировую войну, когда русский фронт спас от поражения французскую и английскую армии, так было в годы Второй мировой войны, когда советский народ поверг в прах «тысячелетний рейх».

Сокрушительное поражение немецкой военной машины под Москвой оказало решающее влияние на исход Второй мировой войны. Это признают даже некоторые бывшие гитлеровские генералы и ряд зарубежных историков. Так, генерал Г. Блюментрит писал: «Кампания в России, а особенно ее поворотный пункт — Московская битва, нанесла сильнейший удар по Германии как в политическом, так и в военном отношении»¹. Западногерманский историк К. Рейнгардт пришел к выводу, что «планы Гитлера — и вместе с ними шансы на успешное ведение войны Германи-

---

¹ Роковые решения. М., 1958. С. 108.

ей — потерпели провал уже в октябре и, самое позднее, в декабре 1941 года, с началом контрнаступления русских войск под Москвой. Стратегия «блицкрига», целью которой являлось достижение быстрой победы над Советским Союзом в ходе одной кампании, до наступления зимы, после поражения группы армий «Центр» под Москвой была развеяна в прах... Несгибаемое упорство советского командования и его вооруженных сил... окончательно перечеркнули стратегические планы Гитлера»¹, причем высокий моральный дух советских воинов, защищавших столицу, отнесен автором к решающему фактору срыва немецкого наступления. В книге Рейнгардта разоблачается фашистская версия о том, что главной причиной окончательного краха операции «Тайфун» были необычайно сильные морозы.

Величие победы советских войск под Москвой как раз и состоит в том, что успех ими был достигнут в исключительно трудных условиях, при численном превосходстве врага. Это является свидетельством высокого искусства советского командования, боевого мастерства советских воинов, их стойкости в обороне и неудержимого порыва в наступлении.

Победы, одержанные Красной Армией зимой 1941/42 г., писал французский исследователь А. Константины, имели огромное международное значение. «Успехи зимнего наступления советских войск показали несостоятельность гипотез, распространяемых в некоторых кругах США и Великобритании, о слабости социалистического государства... Народы стран Европы и Азии, оккупированные Германией, Италией и Японией, увидели в Советском Союзе реальную силу, способную освободить их от чужеземного гнета»². Западногерманский историк Р. Гофман, автор главы «Московская битва, 1941 г.» в книге «Решающие сражения Второй мировой войны», указывает, что под Москвой наступил «первый поворотный пункт в военных событиях Второй мировой войны». «Огромное военно-политическое значение Московской битвы для Второй мировой войны, — пишет он, — следует видеть в том, что потерпел крах грандиозный план разгрома Советского Союза в три-пять месяцев и был положен конец германской “молниеносной войне”»³.

---

¹ Роковые решения. М., 1958. С. 24, 347.

² *Constanty A. L'Union Sovietique en guerre, 1941— 1945. P., 1968. T. 2. P. 34.*

³ Цит. по: Современная буржуазная историография Второй мировой войны. М., 1984. С. 83.

Поход Гитлера на Москву показал, что нападение на нашу Родину чревато серьезными последствиями. В этом убедились многие участники Второй мировой войны. «Первое правило, начертанное на первой странице книги войны, гласит: “Не ходи на Москву”, — заявил в палате лордов 9 мая 1962 г. видный английский полководец фельдмаршал Монтгомери. — Различные лица, Наполеон и Гитлер, пробовали это, и попытка не принесла им добра»¹.

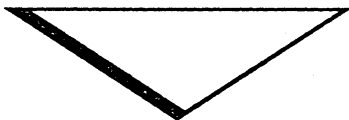
Уроки банкротства агрессивных планов Гитлера и поражения фашистской Германии во Второй мировой войне, решающую роль в которой сыграл Советский Союз, следует помнить всем любителям военных авантюр.

---

¹ Правда. 1962. 1 июня.

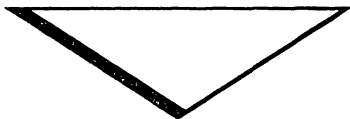

Ф.И. ГОЛИКОВ

**С ВОЕННОЙ МИССИЕЙ В АНГЛИИ
И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
АМЕРИКИ. 1941 г.
(Правда о ленд-лизе
и втором фронте)**

В ТЯЖЕЛУЮ ГОДИНУ

В начале Великой Отечественной войны Центральный Комитет КПСС и Советское правительство поручили автору этих строк, занимавшему тогда пост заместителя начальника Генерального штаба, с группой товарищей выехать с военной миссией в Англию и Соединенные Штаты Америки по вопросу организации закупок и поставок в Советский Союз ряда необходимых военных материалов и вооружения, а также для обсуждения некоторых вопросов, связанных с войной и представлявших общий интерес. Наша миссия начала свою работу в июне и закончила ее в сентябре 1941 года.

С тех времен у меня сохранились небольшие заметки в блокноте, которые почти день за днем отражали работу нашей миссии.

Конечно, они не претендуют да и не могут претендовать на достаточное и тем более всестороннее освещение вопроса о военных поставках США и Англии Советскому Союзу в начальный период войны. Тем не менее думается, что эти заметки все же проливают свет на ту сложную и не всегда благоприятную обстановку, в которой протекала работа советской военной миссии в Англии и особенно в США в первые месяцы после нападения фашистской Германии на СССР, этот наиболее трудный для Советской страны период — как в военном, так и в экономическом отношении.

В послевоенные годы западными историками, дипломатами и генералами написано большое количество книг, в которых извращается ход событий военной поры, принижается роль Советского Союза в разгроме германского фашизма и японского милитаризма.

К числу вопросов, которые преднамеренно извращаются и искажаются на Западе, относится и вопрос о материальных поставках Советскому Союзу со стороны Соединенных Штатов Америки и Англии во время минувшей войны. Дело изображается таким образом, что эти поставки сыграли чуть ли не решающую роль в разгроме гитлеровской Германии и в исходе Второй мировой войны, поскольку, мол, в современной, механизированной войне только снабжение является «первенствующим фактором в подготовке и проведении военных операций».

Далеко в этом отношении пошел американский генерал Джон Дин, в свое время возглавлявший военную миссию США в Советском Союзе. В интервью журналу «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт», опубликованном 4 марта 1955 г., он заявил, что «американская помощь по ленд-лизу... явилась одним из главных факторов в спасении России». По словам Дина, Советский Союз в войне с гитлеровской Германией якобы спасло только участие в ней США и Англии и помощь, оказанная Советскому Союзу по ленд-лизу. «Если бы Германия воевала только против России, — заявил далее этот генерал, — она бы, по всей вероятности, одержала победу. Будучи теснимы, русские смогли бы только отступать и ждать, когда союзники одержат победу и помогут им восстановить свои границы». Особую важность для Советского Союза, по мнению Дина, представляли американские поставки транспортных средств, в первую очередь грузовых автомашин.

В СССР никогда не отрицали значение помощи со стороны союзников по антигитлеровской коалиции. Руководители Советского правительства не раз выражали правительствам США и Англии признательность советского народа за материальную помощь, оказанную ему во время войны. Но при всем этом нельзя согласиться с утверждением, что поставки Соединенными Штатами и Англией вооружения и снаряжения Советской Армии в решающей степени определили результаты войны, что не будь этих поставок, Советский Союз потерпел бы поражение в борьбе с гитлеровской Германией.

Исторические факты говорят как раз об обратном. В годы войны Советская страна получила из Соединенных Штатов Америки товаров по ленд-лизу на сумму в 9,8 млрд долларов. В то же время общая стоимость поставок США другим странам равнялась 46 млрд долларов¹. Как спра-

---

¹ Основной объем поставок в СССР союзники осуществляли в соответствии с законом о ленд-лизе, принятом американским Конгрессом 11 марта 1940 г. Закон предоставлял президенту право продавать, передавать, обменивать или поставлять другим способом военные материалы правительству любой страны, если ее оборона против фашистской агрессии признавалась жизненно важной для США. Были установлены следующие основные принципы расчетов по этим поставкам: материалы, уничтоженные во время войны, оплате не подлежат; материалы, оставшиеся после окончания войны и пригодные для гражданских потребностей, оплачиваются полностью или частично в порядке долгосрочных кредитов; материалы остаются в странах-получателях, но правительство США сохраняет за собой право истребовать их (правда, оно заявило, что не воспользуется им).

7 ноября 1941 г. правительство США распространило действие закона о ленд-лизе на СССР. Всего за годы войны в Советский Союз было доставлено

ведливо замечает руководитель американских коммунистов Уильям З. Фостер, «...из представленных союзникам поставок по ленд-лизу СССР получил втрое меньше, чем Англия, хотя его участие в сражениях было по меньшей мере вдесятеро больше, чем Англии»¹.

Даже Э. Стеттиниус, возглавлявший в США мероприятия по ленд-лизу, признавал, что распоряжение Рузвельта от 21 июня 1941 г. о «немедленной и существенной помощи Союзу Советских Социалистических Республик» осталось в значительной степени на бумаге. Фактически оно явилось, главным образом, «жестом в психологической войне» для того, чтобы поддержать сопротивление русских².

Больше того, в начальном периоде войны, когда Советский Союз в единоборстве вел ожесточенную, кровопролитную войну с гитлеровской Германией и ее союзниками, когда положение на советско-германском фронте было особенно тяжелым и опасным, именно в это время материальные поставки Советскому Союзу со стороны США и Англии были ничтожными.

Хотя уже в первые дни войны германская армия понесла огромные потери в живой силе и технике, урон Советской Армии в сложившейся неблагоприятной обстановке, вызванной внезапностью нападения агрессора, был весьма ощутимым. В ходе ожесточенных сражений первых военных недель она потеряла большое количество боевой техники и оружия: на территории западных областей, захваченных немецкими оккупантами, остались немалые запасы вооружения, боеприпасов, горючего и снаряжения, а на, приграничных аэродромах уничтожено много советских самолетов.

В то же время в связи с эвакуацией заводов в восточные районы страны значительно сократилось военное производство. Напомню некоторые данные, приведенные в первом томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.».

(в первую очередь по ленд-лизу) около 17 млн т грузов, в том числе: 22 195 самолетов различных типов, 11 900 танков, 13 тыс. орудий и минометов, 410 тыс. автомобилей, 8,7 тыс. артиллерийских тракторов-тягачей, 11 тыс. вагонов, 1900 паровозов, 36 тыс. радиостанций, 345 тыс. т горюче-смазочных материалов и взрывчатых веществ, 4,7 млн. т продовольствия и др. — Великая Отечественная война. Кн. 4. С. 213. — *Ред.*

¹ Фостер У.З. Очерк политической истории Америки. Изд-во иностранной литературы. М., 1953. С. 615.

² Стеттиниус Э.Р. Ленд-лиз — оружие для победы. Нью-Йорк. 1944. С. 122.

К концу 1941 г. не работал ни один из металлургических заводов юга. К этому времени в числе действующих оставалось только около 40% доменных печей; половина мартеновских печей; одна треть электросталеплавильных печей; половина прокатных станов. Выплавка металла составляла: чугуна — 32,9%, стали — 42,3%, а прокат достигал лишь 42,5% по сравнению с июнем 1941 г. Вышли из строя все шахты Донецкого и Подмосковского бассейнов, производство цветных металлов снизилось в 430 раз, шарикоподшипников — в 21 раз. С августа по ноябрь 1941 г. было из строя 303 предприятия, изготовлявших боеприпасы.

Валовая продукция промышленности СССР с июня по ноябрь 1941 г. в целом сократилась в 2,1 раза. Декабрьский план по выпуску самолетов был выполнен только на 38,8%, а по авиамоторам на 23,6%. План выпуска танков во втором полугодии удалось выполнить только на 61,7%.

На территории, захваченной врагом к ноябрю 1941 г., до войны производилось 38% всей продукции зерна, 84% сахара, а также находилось 38% поголовья крупного рогатого скота и 60% поголовья свиней.

В это суровое время Советская Армия испытывала особенно острую нужду в боевой технике и оружии, в том числе в противотанковых и зенитных средствах, самолетах, танках, автомашинах, артиллерийских тягачах и т.д. А как же обстояло дело с поставками военных материалов со стороны Англии и Соединенных Штатов Америки?

Несмотря на советско-английское соглашение «О совместных действиях против Германии», подписанное 12 июля 1941 г., и заявление о поддержке Советского Союза, сделанное президентом США Ф. Рузвельтом 24 июня 1941 г., правительства Англии и США в первые месяцы войны не принимали действенных мер по оказанию реальной помощи Советскому Союзу. Это, в частности, проявилось и в вопросе поставок необходимых военных материалов: на долю Советского Союза приходилось всего лишь 6% от общего объема американских поставок союзным странам.

Центральный Комитет партии и Советское правительство приняли все необходимые меры, чтобы быстро перестроить народное хозяйство на военный лад и организовать массовое производство военной продукции, в том числе боевых машин и оружия новых образцов, созданных советскими конструкторами накануне войны.

Советский народ имеет все основания гордиться тем, что немецкий фашизм был разгромлен советским оружием, что враг на себе испытал непревзойденные боевые качества советских танков, самолетов, артиллерии и других видов вооружения. Ведь в течение последних трех лет войны промышленность Советского Союза ежегодно производила в

среднем более 30 тыс. танков, самоходок и бронемашин, до 40 тыс. самолетов, до 120 тыс. орудий разных калибров, до 100 тыс. минометов, винтовок, около 2 млн автоматов и огромное количество боеприпасов. Это в 2—3 раза превышало среднегодовое производство вооружения и боевой техники фашистской Германии, а по некоторым видам и США. В то же время как, свидетельствует журнал «Америка», США отправили по ленд-лизу в СССР 14 тыс. самолетов, 6,2 тыс. танков, 1,8 тыс. самоходных орудий, что составило всего 4% к их советскому военному производству.

Что касается продовольственных поставок союзников (США, Англии, Канады) в СССР, то они также были невелики: среднегодовой экспорт зерна, муки и крупы, к примеру, из США и Канады (в пересчете на зерно) составил лишь 2,8% среднегодовых заготовок зерна в СССР.

Нельзя умолчать и о другой, моральной стороне вопроса, ибо колоссальные потери, понесенные СССР, вынесшим на своих плечах основное бремя борьбы против фашизма, ни в какой мере не компенсировались той помощью, какую он получал от западных союзников. Нам представляется резонной точка зрения Э. Стеттиниуса, который в 1944 году писал: «...русские заплатили ценой, которую нельзя измерить в долларах или тоннах. Это миллионы нацистских солдат, мертвых или находящихся в русских лагерях для военнопленных, нацистские танки, превращенные в груды бесформенного металла на полях сражений, нацистские орудия и грузовики, брошенные отступающими немецкими армиями. Русские заплатили дорогой ценой за победы, которые они одержали над Германией, защищая свою родную землю. Но они нанесли непоправимый урон нацистской военной машине. Благодаря этому война будет несравнимо короче¹.

Авторы иллюстрированной истории Второй мировой войны, подготовленной в США, также отмечают: «В самый тяжелый для Советского Союза период войны первые поставки по ленд-лизу зимой 1941—1942 годов достигли СССР слишком поздно, чтобы поддержать Красную Армию... В эти критические минуты русские, и одни только русские оказывали сопротивление германскому агрессору на своей собственной земле и своими собственными средствами, не получая какой-либо заметной помощи со стороны западных демократий».

Советский народ с честью вышел из суровых испытаний войны. Животворным источником его великой победы явились индустриальная

---

¹ Стеттиниус Э.Р. Указ. соч. С. 192.

мощь советского государства и передовой колхозный строй, беззаветная поддержка фронта тружениками советского тыла, одерживавшими великую экономическую победу над врагом, и массовый героизм воинов Советских Вооруженных Сил, проявленный ими в сражениях, морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, мудрое руководство Коммунистической партии Советского Союза.

Тем самым минувшая война с новой силой подтвердила прозорливое указание В.И. Ленина: «Побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще»¹.

В РОЛИ ДИПЛОМАТА

Прошло две недели со дня вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. На фронте шли ожесточенные, кровопролитные бои. Советские воины, проявляя чудеса стойкости, отваги и мужества, грудью отстаивали каждую пядь родной земли.

В эти тревожные дни Советское правительство поручило своей военной миссии выехать в Англию для ведения переговоров по вопросу поставок в СССР военных материалов и оказания другой необходимой помощи. Вместе с автором этих строк в далекий путь направились контр-адмирал Н.М. Харламов, полковник Н.Н. Пугачев, полковник В.М. Драгун, майор А.Ф. Сизов и военный инженер 3-го ранга П.И. Баранов. Позднее в Лондоне к нам присоединились советский военный атташе полковник И.А. Складаров и его помощник майор Б.Ф. Швецов². В ту трудную пору, когда Советская Армия вынуждена была отступать под ударами агрессора, очень не хотелось покидать Родину! К тому же полученное задание было несвойственно всему моему жизненному опыту. Следует также учесть, что никто из нас за границей еще не был.

В период кратковременной подготовки миссии у меня были встречи с наркомом иностранных дел В.М. Молотовым, начальником Генераль-

---

¹ Ленин В.И. Пол. собр. соч., Т. 39. Стр. 237.

² К сожалению, П.И. Баранов, Н.Н. Пугачев, Б.Ф. Швецов погибли в апреле 1942 г. во время авиакатастрофы английского самолета по пути в Лондон из Инвергордона. Погиб также капитан С.А. Асямов, командир экипажа одного из двух самолетов ТБ-7 (Пе-8), которые готовились для полета советской делегации во главе с В.М. Молотовым в Великобританию и США. — *Ред.*

ного штаба Б.М. Шапошниковым¹, наркомом обороны С.К. Тимошенко и наркомом внешней торговли А.И. Микояном.

Все эти беседы оказались полезными, ведь миссия не могла действовать без активного участия в ее работе советских заграничных органов: посольств, консульств, торговых представительств, военных атташе.

Незадолго до отъезда меня принял Председатель Государственного Комитета Обороны И.В. Сталин. Беседа продолжалась около двух часов. В ходе ее мне были даны указания ЦК КПСС и Советского правительства о задачах и характере работы миссии в Англии. Речь шла о том, какие именно виды вооружения и материалов следовало включить в нашу заявку во время бесед с представителями высших английских правительственных и военных кругов, что нам особенно необходимо и с какой срочностью.

Исходя из первоочередных потребностей фронта было решено конкретно поставить вопрос о приобретении зенитных орудий калибра 20, 25 или 27 мм, противотанковых орудий, 12,7 мм пулеметов и 7,62 мм винтовок. Вместе с тем, мы испытывали потребность в самолетах, особенно бомбардировщиках, в авиационных бомбах, а также в броне, горючем и некоторых других стратегических материалах.

Важное место в беседе занял вопрос о размерах и характере английской помощи Советскому Союзу в целом в войне против общего врага — гитлеровской Германии. Суть позиции Советского правительства, как она была изложена руководству советской военной миссии, заключалась в том, чтобы обратиться к правительству Великобритании, как союзнику по антигитлеровской коалиции, с предложением открыть военные действия против Германии в Европе, а также оказать помощь СССР военными материалами.

Конкретно нам было поручено поставить вопрос перед английским правительством о последовательном осуществлении следующих операций:

Операция № 1 — создание общего с англичанами фронта на Севере (в Арктике). На этот фронт англичане могли бы направить военно-морские и военно-воздушные силы, а Советский Союз — военно-морской флот, авиацию и несколько дивизий сухопутных войск. Советское правительство считало целесообразным занятие союзниками в ближайшее время

---

¹ В указанный период Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников занимал должность заместителя наркома обороны СССР. Начальником Генерального штаба он стал 29 июля 1941 г. — *Ред.*

островов Шпицберген и Медвежий, что было необходимо для обеспечения морских коммуникаций между СССР и Англией, а также Соединенными Штатами Америки.

Операция № 2 — высадка значительного контингента английских войск на севере Франции. При обсуждении этого пункта И.В. Сталин от имени Советского Правительства поручил нам передать правительству Англии благодарность за действия английской авиации, наносящей бомбовые удары по гитлеровской Германии. Но этого, сказал он, мало. Советские люди хотели бы со стороны Великобритании осуществления «французской операции», т.е. высадки английских войск на французской территории, если не сейчас, то хотя бы через месяц. Операция на Севере, о которой речь шла выше, это лишь крайний минимум, который к тому же нужно осуществить как можно быстрее. Советский народ, повторил И. Сталин, хотел бы большей помощи, чем та, которую получает он сейчас; а если они, т.е. союзники, не могут сделать большего, то какая же это помощь?

Операция № 3 — боевые действия английских войск на Балканах. Но по срокам проведения и привлекаемым силам этой операции должно быть отведено второстепенное место по сравнению с боевыми действиями на Западе.

Эта точка зрения Советского правительства по вопросу о втором фронте в Европе нашла свое отражение в обращении Председателя Совета Народных Комиссаров СССР к премьер-министру Великобритании 18 июля 1941 г. В этом обращении говорилось: «Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию. Создание такого фронта было бы популярным как в армии Великобритании, так и среди всего населения Южной Англии. Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии¹.

Заканчивая беседу, И.В. Сталин просил от имени Советского правительства и всего советского народа передать западным союзникам, что мы будем драться до конца, что немецко-фашистским захватчикам все равно нас не сломить. Однако, подчеркнул он, Советской Армии нужна реальная помощь со стороны союзников — помощь прежде всего открыти-

---

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. 2-х т. Т. 1. М., 1957. С. 11.

ем военных действий против Германии на Западе, а также военными матерналами¹.

В соответствии с общим характером и конкретным содержанием поставленных задач военная миссия должна была сама определить методы своей деятельности, учитывая обстановку на месте. Все говорило за то, что миссия, будучи военной, в то же время неизбежно выйдет за свои узко ведомственные рамки.

6 июля 1941 г. на самолете «Дуглас» советская военная миссия вылетела из Москвы. Это произошло во второй половине дня. В поездке нас сопровождал английский вице-маршал А. Кольер. В 9 часов вечера мы прибыли на аэродром Ягодники, расположенный в 25 километрах от Архангельска, где нас встретил начальник штаба Архангельского военного округа комбриг И.Е. Григорьев.

Мы были приняты на корабле «Красная Звезда». Поужинав и немного отдохнув, ночью отправились в дальнейший путь на английских летающих лодках «Каталина». Полет продолжался около двадцати часов и 7 июля вечером мы произвели посадку в английском гидропорту Инвергордон (Шотландия)². Поздно вечером того же дня поездом выехали в

---

¹ В записной книжке Ф.И. Голиков привел дополнительные подробности относительно указаний И.В. Сталина: «1) В Лондоне по системе ПВО выявить: а) как организована система воздушного заграждения истребителями, б) ее взаимодействие и связь с поясом зенитной артиллерии и аэростатного заграждения, в) прожектора; 2) Показы и информация англичанам: а) обещано посетить фронт. Но срок? б) обещано дать данные и полетать на наших новых самолетах, в) по нашей армии давать все... 3) Заявка на надводный флот мала; 4) Операция № 1: создать общий фронт <...> 5) Операция № 2 <...>: «Мы бы хотели! Но если не можете, какая это помощь»; 6) Операция № 3 <...> (сокращения в угловых скобках сделаны, чтобы не повторять то, что выше в мемуарах пишет Ф.И. Голиков о трех операциях, предложенных советским командованием союзникам. — *Ред.*); 7) Частные предложения торгпредству от фирм не одобряются Советским правительством (т. Микоян); 8) Отношение к требованиям редакций, корреспондентам и фото: отрицательное. «Мы по роду своей задачи не должны афишироваться»; 9) Официально англичанам разрешено поставить 2 рации; 10) Товарищем Берия разрешено прочно связаться с Громовым (не установлен. — *Ред.*) и договориться о дополнительном привлечении людей; 11) Куда отправлять 200 мин, 500 глубинных авиационных бомб и 300 магнитов? Архангельск; 12) В Архангельске сказать, что еду временно в США; 13) Реализовать обещание Англии о присылке 1 ночного истребителя...; 15) «Горячее дадим!» (т. Сталин об операции № 1). — Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 89—90. — *Ред.*

² Для перелета использовались две летающие лодки «Каталина» британских ВВС. В пути, в районе мыса Нордкап, благодаря мастерству пилотов удалось избежать атаки немецких истребителей. — *Ред.*

Глазго, куда приехали на следующий день утром. До отъезда в Лондон у нас оставалось всего лишь два часа, чтобы бегло осмотреть центр Глазго — одного из крупнейших городов Шотландии, известного высокоразвитой промышленностью, прежде всего машиностроением. В 10 часов утра по местному времени наша группа направилась дальше и вечером 8 июля прибыла в столицу Великобритании.

На лондонском вокзале Юстон советскую военную миссию встречали посол Советского Союза в Великобритании И.М. Майский, сотрудники посольства, а также официальные представители английского генерального штаба, главного морского штаба и главного штаба военно-воздушных сил. Среди встречающих, в частности, были заместитель начальника имперского генерального штаба генерал-лейтенант Г. Паунелл, заместитель начальника главного морского штаба вице-адмирал Т.С. Филиппс и заместитель начальника главного штаба ВВС вице-маршал авиации Н.Х. Боттемли.

Надо сказать, что встреча советской военной миссии в Лондоне была теплой и сердечной. В этом проявилось огромное уважение простых англичан к советским людям, которые вели мужественную, кровопролитную борьбу против гитлеровских полчищ, не щадя сил и самой жизни отстаивали социалистическую Родину от иноземных захватчиков.

Я очень хорошо помню эту встречу, как будто все происходило только вчера. Это не было каким-то организованным митингом. На привокзальной площади собралась громадная толпа людей, пришедших сюда по собственной воле. Усилия полицейских, пытавшихся заглушить силу народного энтузиазма, не увенчались успехом. Сотни людей с пением «Интернационала» и красными транспарантами в руках устремились на перрон. Из толпы слышались возгласы: «Welcome» («Добро пожаловать»).

Корреспондент американской газеты «Дейли уоркер» так описывал эту встречу: «Собравшиеся на вокзале кричали: “Да здравствует единство британского и советского народов!” Женщины прорвали цепь полицейских и окружили членов советской военной миссии... Демонстранты начали петь “Мы — красная кавалерия...” и салютовали сжатыми кулаками... Когда члены миссии стали отъезжать, встречающие провозглашали лозунги: “Да здравствует единство британского и советского народов!”, “Долой Гитлера!”, “Да здравствуют Советы!”»

8 июля 1941 г., в день нашего прибытия в Лондон, премьер-министр Великобритании У. Черчилль в личном послании И.В. Сталину писал: «Мы приветствуем прибытие русской военной миссии с целью согласо-

---

¹ «Дейли уоркер», 1941. 9 июля.

вания будущих планов». «Мы сделаем все, чтобы помочь Вам». Правда, тут же следовала оговорка: «Поскольку это позволят время, географические условия и наши растущие ресурсы»¹.

Приезд советской военной миссии в Лондон довольно широко отмечался английской печатью. В своем большинстве газеты делали это в благожелательном для Советского Союза тоне. «Советская миссия прибыла в то время, когда сила и упорство сопротивления, которые оказывают русские немцам, признается во всех частях мира, включая и Германию», — писалось в одной из них. «Русский солдат воюет с такой же стойкостью, как и двадцать пять лет назад, но сейчас он воюет с большим искусством и инициативой, он значительно лучше вооружен и более глубоко понимает за что сражается», — отмечали другие. Да, в эти часы мы воочию убедились, что Советский Союз не одинок в своей борьбе с гитлеризмом.

Но было и другое. Как только мы прибыли в Англию, нам бросилось в глаза, что английская общественность, в том числе и близкие к правительству круги, была крайне скудно осведомлена о событиях на советско-германском фронте. Английская печать, кроме официальных сообщений Совинформбюро, почти не публиковала никаких других материалов о Советском Союзе, о единстве, готовности и решимости советского народа драться с фашистскими захватчиками до полной победы. Хуже того, в некоторых газетах можно было встретить сообщения, в которых грубо искажалось действительное положение на советско-германском фронте, преувеличивались успехи вермахта и неудачи Советской Армии.

В газетах много было ненужной трескотни, шумихи, сенсационных сообщений, в том числе и в связи с прибытием и деятельностью в Англии советской военной миссии. В печати высказывались самые различные предположения и домыслы о задачах и характере ее работы и переговорах с английскими представителями. Так, одна из лондонских газет 10 июля 1941 г. писала, что важнейшей помощью Англии Советскому Союзу будет отправка истребителей (как один из основных пунктов, который входит в программу работы советской миссии), но при этом, писала газета, ожидаются трудности с доставкой. В тот же день другая — вечерняя газета поторопилась сообщить читателям, что военные материалы будто бы уже находятся на пути из Англии в СССР. Министерство экономической войны, писала газета, якобы уже заявило о заключении соглашения с Советским Союзом о посылке большого количества военных материалов. Все это было, конечно, очень далеко от действительно-

---

¹ «Переписка...». Т. I. С. 9.

сти. Некоторые английские газеты не удержались и от соблазна дать персональные характеристики лицам из состава советской военной миссии, не останавливаясь при этом перед домыслами и прямой фальсификацией.

Утром 9 июля советская военная миссия направилась в министерство иностранных дел Англии, где советский посол И.М. Майский представил нас министру иностранных дел Великобритании А. Идену. Перед нами был высокий, статный мужчина, один из лидеров консервативной партии, ставший известным английским государственным деятелем и дипломатом. Вместе с ним были А. Кадоган — постоянный заместитель министра иностранных дел и Р. Батлер — ответственный сотрудник министерства. Прием проходил в торжественной обстановке.

После того как миссия была официально представлена, состоялось совещание. Оно продолжалось около часа. В совещании участвовали с нашей стороны — посол И.М. Майский, контр-адмирал Н.М. Харламов и я. Английская сторона была представлена А. Иденом и А. Кадоганом.

В самом начале совещания я от имени правительства СССР заявил о твердой решимости советского народа вести освободительную войну против фашистской Германии, подчеркнул, что гитлеровским захватчикам не сломить волю советских людей к достижению победы над врагом. Было заметно, что это заявление произвело большое впечатление на А. Идена, — он сказал, что немедленно поставит о нем в известность премьер-министра Великобритании. Между прочим, Иден сказал Майскому, что не исключена возможность приема советской военной миссии У. Черчиллем. Но эта встреча, к сожалению, не состоялась по независящим от нас причинам.

Далее я подчеркнул необходимость максимального наращивания участия Англии в борьбе против фашистской Германии и оказания ею помощи Советской Армии; что эта помощь на данном этапе войны, на наш взгляд, должна была бы выразиться прежде всего в незамедлительном проведении совместных боевых действий Англии и СССР на севере Европы, в районе Арктики. Мы также хотим, чтобы английская авиация существенно усилила мощь своих бомбовых ударов по военным объектам гитлеровской Германии, в том числе и в Берлине. Кроме того, хотелось бы получить от англичан необходимую помощь материальными и техническими средствами ведения войны. Но самое главное и основное, чего ждут советские люди от союзников, — это открытие второго фронта в Европе путем высадки значительного контингента английских войск на севере Франции. Последнее создало бы значительные трудности для фашистской Германии и заметно облегчило бы положение Советского Союза и его армии.

В этом состояла суть точки зрения Советского Союза по вопросу английской помощи, изложенная нами официально представителям правительства Великобритании. Иден в целом довольно сочувственно отнесся к высказанным ему предложениям и пожеланиям. Так, по крайней мере, можно было судить по его словам. Вместе с тем, сославшись на свою некомпетентность в военных вопросах, он высказался за то, чтобы мы обсудили эти вопросы с начальниками главных штабов Английских вооруженных сил. Если же появятся какие-то трудности и препятствия, то следует вновь обратиться к нему. Со своей стороны Иден обещал сделать все, что в его силах и возможностях, чтобы ничто не помешало успешному решению этих важных вопросов. Что же касается открытия второго фронта в Европе, то высадка английских войск во Франции потребует известного времени на подготовку. Ситуация для осуществления подобной операции, по мнению Идена, еще не созрела. Он лишь обещал передать содержание беседы премьер-министру. А нам посоветовал встретиться с руководителями военных ведомств.

Встреча с А. Иденом в основном оставила благоприятное впечатление у сотрудников миссии. Он проявил значительный интерес к событиям на советско-германском фронте, а также к предстоящей работе советской военной миссии и предложил, чтобы мы, когда потребуется, не стесняясь, обращались к нему. Складывалось впечатление, что в реализации интересовавших нас вопросов можно было рассчитывать на поддержку с его стороны.

В 11 часов 30 минут советская миссия в полном составе была принята военным министром Генри Моргенсоном. Прием прошел сугубо формально и практически ничего не дал. К тому же бросались в глаза политические антипатии и нежелание военного министра Англии видеть Красную Армию своим боевым союзником.

Сразу после обеда мы встретились одновременно со всеми тремя начальниками главных штабов английских вооруженных сил: генерального штаба — генералом Дж. Диллом, военно-воздушных сил — вице-маршалом авиации Ч. Порталом и начальником штаба военно-морских сил — адмиралом Д. Паундом. Мы явились к ним с намерением прямо и искренне обсудить наши вопросы. Эта важная беседа с самого начала была достаточно острой, напряженной и, с моей точки зрения, весьма характерной. Сказать, что поведение наших партнеров на протяжении всей беседы было подчеркнуто формальным — значит сказать очень мало. Дело обстояло значительно хуже: чувствовалось полнейшее отсутствие у них всякого желания пойти навстречу нашим предложениям. Вел заседание генерал Дж. Дилл, по возрасту намного старше меня. Он мало говорил, старался быть ровным. Порою, чтобы смягчить остроту создавшегося

положения, слегка улыбался, произносил примеряющие слова, делал успокоительные жесты. С одной стороны, он стремился, как старый военный служака проявить какую-то близость к нам, а с другой — обнаружил заведомую неблагожелательность к нашим предложениям. Временами он это выказывал краткой репликой, как бы давая мне понять: «Молодо—зелено!» Адмирал Д. Паунд то и дело срывался, вскипал, выражал нетерпение, правда, удерживался в рамках приличия. Внутренняя неприязнь к советским людям — вот что сквозило в поведении Паунда. Было похоже, ему отводилась роль первой скрипки в ходе совещания. Вице-маршал авиации Ч. Портал особой активности не проявлял.

Когда вспоминаешь об этом совещании и вдумызаешься в позицию и поведение английских военных руководителей, то приходишь к выводу, что их отношение к советским предложениям было заведомо отрицательным. Они не верили в успех борьбы Советской Армии. Английское военное руководство, как теперь широко известно, в то время уже имело согласованные с США планы и не намеревалось вносить в них коррективы, несмотря на то, что с вступлением Советского Союза в войну положение коренным образом изменилось. Главное в этих планах состояло в том, чтобы сдержать наступление вермахта за пределами Европы, поскольку после переноса основных военных действий на советско-германский фронт угроза вторжения на Британские острова отпала на длительное время. Поэтому к вопросу о сотрудничестве английских вооруженных сил с Советской Армией английские военные руководители подходили прежде всего с позиции того, насколько это соответствовало выполнению их замыслов.

К исходу столь напряженного дня состоялось еще одно полуторачасовое совещание с заместителями начальников штабов. В его работе с английской стороны приняли участие генерал-лейтенант Паунелл, вице-адмирал Филиппс и вице-маршал авиации Боттемли. Присутствовали также оперативные работники английских штабов. Здесь атмосфера была достаточно деловой.

В большей своей части это совещание было посвящено практическому обсуждению вопросов, связанных с проведением совместных боевых действий английских и советских войск на севере: на морских коммуникациях, а также в районах островов Шпицберген, Медвежий и Мурманска. Мы поставили вопрос о том, чтобы в этой операции английская сторона участвовала своей авиацией и военно-морскими силами. Конкретно речь шла о выделении англичанами 200—300 самолетов и 10 военно-морских кораблей, преимущественно подводных лодок. Советский Союз в этой операции, как уже отмечалось, должен был участвовать совместными силами авиации, военно-морского флота и сухопутных войск.

Примечательно, что в ходе совещания англичане со всем соглашались, высказывали полное удовлетворение разъяснениями, которые мы давали, мотивами и ответами на поставленные вопросы, выражали свою готовность помочь... Но дальше разговоров дело не шло. Больше того: тут же выяснилось, что камнем преткновения в практическом осуществлении операции на севере является вопрос о горючем. Уже тогда мы почувствовали, что данный вопрос может послужить причиной срыва или, по крайней мере, затяжки проведения операции. Советское правительство предвидело такой поворот событий и уполномочило нас заявить, что, несмотря на всю остроту положения с горючим в стране, в интересах быстрого проведения операции на севере мы готовы помочь англичанам и горючим.

Во время беседы с англичанами мы придерживались доброжелательной линии, шли навстречу их просьбам. По поручению Советского правительства военная миссия заявила английской стороне о нашей готовности сообщать данные об авиации противника, показать советские новые самолеты и дать возможность полетать на них, передать две радиостанции, а также предоставить возможность в подходящее время поехать наш фронт. К этому времени в Москве уже находилось 27 английских военных работников. Кстати говоря, их было в несколько раз больше, чем нас в советской военной миссии. Далее мы выразили готовность удовлетворить пожелания англичан и в вопросе о разрешении перелетов на советскую территорию английских дальних бомбардировщиков.

На совещании в первую очередь мы, естественно, поставили вопрос о высадке английских десантных войск в Северной Франции. Наши партнеры данное предложение обошли молчанием. Мы также высказались за значительное усиление налетов английской авиации на Германию. С этим английские представители в принципе согласились. В заключение совещания советская миссия вручила заместителям начальников штабов списки заказов на необходимые для СССР военные материалы.

Словом, последняя встреча этого дня вызвала у нас чувство некоторого удовлетворения — первый день в английской столице прошел все-таки не даром.

10 июля в 10 часов 30 минут посол И.М. Майский представил советскую военную миссию морскому министру Англии Г. Александру¹. Это

---

¹ Как писал адмирал Н.М. Харламов, «из всех деятелей тогдашнего английского правительства Александер, быть может, наиболее честно относился к союзническим обязательствам». — *Харламов Н.М. Указ. соч. С. 42. — Ред.*

был видный представитель лейбористской партии и бизнесмен-владелец акций судостроительных компаний. Беседа с ним проходила в дружественной атмосфере, однако была далека от практических вопросов, связанных с работой советской военной миссии. Поэтому мы договорились встретиться дополнительно.

Вслед за этим мы были приняты министром авиации А. Синклером. В разговоре с ним затрагивался вопрос о воздушных бомбардировках Германии. Что касается других проблем, то Синклер ограничился приглашением обращаться к нему, когда это будет необходимо по ходу работы нашей миссии.

Вечером начальник имперского генерального штаба генерал Дж. Дилл устроил в гостинице «Ритц» коктейль в честь советской военной миссии. С советской стороны на вечере присутствовали посол И.М. Майский, сотрудники нашего посольства в Лондоне, а также военная миссия в полном составе. С английской стороны было много военных, в том числе генералов, занимавших видные посты в английской армии.

Позднее нам стало известно, что на вечере произошел важный и весьма примечательный разговор между И.М. Майским и начальником имперского генерального штаба Диплом по вопросу открытия второго фронта в Европе. Советский посол указал на назревшую необходимость высадки английского десанта на территории Франции. Стараясь уйти от этой темы, Дилл, как это тогда было принято в правящих кругах Англии, ссылаясь на трудности осуществления такой операции: большое количество немецких дивизий, расположенных во Франции, перебазирование туда с советско-германского фронта фашистской авиации и т.д. Понимая, однако, что невозможно отрицать целесообразность высадки английских войск на континенте, он пытался свести разговор к тому, что для этой операции, пожалуй, могло бы хватить трех-четырех английских дивизий. Так представлял себе один из ведущих английских военных руководителей масштабы предстоящего открытия второго фронта в Европе. И это в то время, когда Советская Армия, приняв основной удар гитлеровской военной машины, отвлекала на себя сотни немецко-фашистских дивизий.

На следующий день посол И.М. Майский, контр-адмирал Н.М. Харламов и я снова нанесли визит морскому министру Александру. С английской стороны присутствовал заместитель начальника главного морского штаба вице-адмирал Филиппе (с ним накануне поздно вечером встречался Н.М. Харламов). На этот раз основным предметом беседы было обсуждение практических вопросов, относящихся к проведению совместных боевых действий на севере, в районе Мурманска.

Руководители военно-морского флота Англии, всячески подчеркивая свое дружественное отношение к Советскому Союзу, говорили о своей

готовности участвовать в операции. Они, в частности, утверждали, что необходимые для нее боевые корабли уже находятся в определенном месте и задержки с их стороны не будет. Начальником морской экспедиции назначили молодого адмирала Вайна, с которым мы вскоре познакомились. Это был опытный моряк, не избалованный легкой жизнью, настоящий военный труженик. Командиром эсминца он отличился в морском бою и был произведен в контр-адмиралы. Без обиняков Вайн заявил нам, что от него требуется определить состав сил, доложить об этом английскому адмиралтейству и, в случае согласия последнего, возглавить операцию. Однако эти намерения англичане так и не провели в жизнь.

Поздно вечером состоялось собрание советской колонии в Лондоне. Я выступал с докладом о положении дел на советско-германском фронте. Надо было видеть, с каким неослабным вниманием слушали товарищи рассказ о героической борьбе Советской Армии, как горячо и единодушно разделяли уверенность всего советского народа в победе над сильным и коварным врагом, посягнувшим на честь и независимость социалистической Родины.

На следующий день, 12 июля, я вместе с полковником В.М. Драгуном отправился в Москву для доклада Советскому правительству о первых результатах работы военной миссии.

В середине дня мы выехали на аэродром, откуда самолетом вылетали в Глазго. 13 июля поднялись в воздух в гидропорту Клайд, неподалеку от Глазго, а поздно вечером взяли курс на Архангельск. Перелет был сложным, в районе Мурманска наш самолет попал в полосу сплошного тумана. Но 14 июля в 15 часов по местному времени мы вполне благополучно приземлились на знакомом уже аэродроме Ягодники. С рассветом следующего дня полетели дальше и в 8 часов утра 15 июля были уже в Москве.

Тем временем работа советской военной миссии в Англии продолжалась под руководством контр-адмирала Н.М. Харламова. В тот день, когда мы прилетели в Москву, в Лондоне состоялась встреча нашего посла и членов военной миссии с представителями английской печати. На этой встрече присутствовали И.М. Майский, контр-адмирал Н.М. Харламов и полковник Н.И. Пугачев. Они ответили на вопросы о положении на советско-германском фронте. Их рассказы о мужестве, непоколебимости и отваге советских людей, их твердой уверенности в победоносном исходе борьбы были тепло встречены подавляющим большинством журналистов. Эта встреча в какой-то мере способствовала более объективному освещению в английской печати обстановки на советско-германском фронте.

С этой точки зрения несомненный интерес представляла также встреча советской военной миссии с английской общественностью на завтраке в советском посольстве 16 июля 1941 г., который был дан в честь Г. Александра — морского министра Англии. Когда советский посол, открывая прием, сказал, что в числе гостей находится военная миссия СССР, в зале раздались дружные аплодисменты. С ответным словом выступил Александр. Он, в частности, сказал о том решительном отпоре, какой дают гитлеровским полчищам советский народ и его армия. Эти слова английского министра были встречены присутствующими с большим одобрением. Не было никакого сомнения в том, что своей героической борьбой советские люди завоевывали все большие и большие симпатии английской общественности.

Вместе с тем результаты нашего первого визита в Англию были более чем скромными. Лишь 20 июля английское адмиралтейство направило в Советский Союз минный заградитель «Адвенчур», погрузив на него глубинные бомбы, магнитные мины, парашюты, зажигательные пластины и некоторые другие военные материалы.

В эти тревожные, очень тяжелые для советской страны дни от военной миссии в Лондоне продолжали поступать в Москву сообщения о том, что с поставками вооружения и других военных материалов Советскому Союзу дело идет очень туго, практическое решение вопросов наталкивается на всякого рода рогатки и препятствия, чинимые англичанами.

Советский посол в Англии И.М. Майский и оставшиеся в Лондоне члены военной миссии постоянно подчеркивали на встречах с представителями английского правительства, что обстановка в ходе Второй мировой войны после 22 июня 1941 г. в корне изменилась. Вступление в войну Советского Союза усилило ее освободительный, антифашистский характер. В борьбе с фашистской агрессией складывалась могучая антигитлеровская коалиция. Теперь у Англии имеется верный и могучий союзник на Востоке, который принял на себя основной удар гитлеровской военной машины, а это во многом облегчает положение самой Англии. В сложившихся условиях Англия имеет все для того, чтобы переходить от оборонительной к наступательной стратегии, непрерывно наращивать силу своих ударов по гитлеровской Германии.

По мнению советских людей, это должно было бы выразиться прежде всего, в открытии второго фронта в Европе. Высадка английских дивизий во Франции значительно ослабила бы наступательную мощь немецких армий на Востоке. Кроме того, сложившаяся обстановка, интересы борьбы с общим врагом настоятельно требовали более действенной и ощутимой помощи Англии своему сражающемуся союзнику боевыми самолетами, зенитными орудиями и другими военными материалами.

И тем не менее в июле 1941 г. ни одна просьба о выделении зенитных орудий и крупнокалиберных пулеметов не была удовлетворена, причем англичане свой отказ мотивировали тем, что у них самих якобы не хватает этих видов оружия. Не предоставили они и самолетов. По всем другим пунктам советской заявки они либо тянули, либо шли навстречу с большим скрипом и ограничениями.

В правящих английских кругах все явственнее проявлялось стремление уклониться от военных поставок Советскому Союзу. Так, когда советская миссия решительно потребовала конкретных дел, министр авиации Синклер и начальник штаба военно-воздушных сил Портал открыто заявили, чтобы «Советы» не рассчитывали на предоставление им Англией значительного количества своих самолетов.

Какие только мотивы не выдвигались, чтобы увести вопрос из области практических решений в сторону бесконечных обсуждений и дискуссий! Один из главных аргументов английской стороны состоял в том, что производственные возможности Англии крайне ограничены и что военное производство едва-едва удовлетворяет потребности самой английской армии, разбросанной по многим районам земного шара. Поэтому, советовали нам англичане, надо обратиться к Соединенным Штатам Америки, которые могут дать больше боевой техники, в том числе и самолетов.

Спору нет, в этом аргументе содержался резон. Несмотря на то что Англия уже почти два года вела войну, ее военное производство к середине 1941 г. не достигло уровня, какого требовала военная обстановка. Это вызывало беспокойство английской общественности. Так, газета «Манчестер гардиан» в отчете о заседании палаты общин писала: «Соглашаясь с тем, что военное производство развернуто в больших масштабах, ораторы, выступавшие вчера в палате общин, были далеки от положительной оценки нынешнего положения. Выпуск танков задерживается непрерывными изменениями конструкций; рабочие обескуражены тем, что им нечего делать, что им «платят за то, что они бьют баклуши», неразбериха и недостаток четких решений — вот некоторые из представленных обвинений. Выдвинуто требование — ввести пост министра производства и включить его в состав кабинета»¹.

Все это так. Пробелы в военном производстве, конечно, имелись. Но английское правительство должно было исходить из реальной обстановки и учитывать, что от исхода битвы на советско-германском фронте зависит и судьба самой Англии. Поэтому именно туда должны быть направ-

¹ «Манчестер гардиан». 1941. 10 июля.

дсны усилия, в том числе посылкой оружия и других военных материалов. И правильно писала та же «Манчестер гардиан» о том, что русские «...ведут смертельную борьбу с врагом... им нужна немедленная помощь, а не красивые обещания. Всякая задержка может оказаться для них критической и они считают, что в Англии имеет место опасная тенденция неправильной оценки создавшегося положения»¹.

Руководителями британской авиации настойчиво высказывалась мысль, что прежде чем решать вопрос о выделении Советскому Союзу самолетов, представителям Англии и СССР необходимо изучить производственные возможности той и другой стороны. Лишь проделав эту предварительную работу, перейти затем к практическому решению вопросов по координации экономических возможностей союзных государств. Позднее, в частности на Московском совещании представителей трех держав в октябре 1941 г., это было сделано. Но в июле 1941 г., когда оголтелые немецко-фашистские полчища рвались к жизненным центрам Советской страны, требовались не теоретические подсчеты и дипломатические обсуждения, а неотложная, безотлагательная практическая помощь Советской Армии.

Чтобы затормозить предоставление Советскому Союзу самолетов, англичане на полном серьезе выдвигали и такой довод. Допустим, говорили они, Англия предоставит СССР какое-то количество самолетов. В этом случае пришлось бы создавать специальное хозяйство для их обслуживания, а это из-за малого количества самолетов невыгодно для самих русских.

Правда, в результате настойчивости, проявленной советской стороной, британское правительство в конце июля 1941 г. приняло решение передать СССР 200 самолетов-истребителей «Томагавк» из числа тех, что были получены англичанами от Соединенных Штатов. 140 из этих самолетов находились в Англии, 60 — в США. Мы настаивали, чтобы английское правительство передало в распоряжение Советского Союза 700 истребителей «Томагавк», находящихся в то время в Каире. Англичане на это не соглашались, ссылаясь на малочисленность своей авиации на Ближнем Востоке. Правда, министерство авиации Англии запланировало послать на Север во второй половине августа две эскадрильи «Харрикейнов», каждая по 18 самолетов, с задачей осуществления взаимодействия с советскими летчиками в районе Мурманска.

Июль и весь август 1941 г. советская военная миссия в Лондоне, возглавляемая контр-адмиралом Н.М. Харламовым, продолжала настойчи-

---

¹ «Манчестер гардиан». 1941. 5 сентября 1941 г.

во добиваться усиления ударов английской авиации по военным объектам Германии. Это было тем более необходимо, что масштабы английских бомбардировок фашистской Германии были незначительны. Так, в первой половине июля 1941 г. за ночь вылетало в среднем не более 146 самолетов. Лишь 7 июля в налете на Германию участвовало до 300 английских бомбардировщиков. При этом нередко налеты английской авиации не достигали цели либо направлялись не на те объекты, которые требовалось уничтожить в первую очередь. В результате германские военные заводы, выпускавшие самолеты и танки, после этих налетов продолжали работать на полную мощь. Железнодорожные узлы, мосты и другие важные объекты сохранялись целыми и невредимыми — «зеленая улица» немецким войскам и вооружению, потоком направляющимся на Восточный фронт, оставалась открытой.

Представители английских военно-воздушных сил, на словах соглашаясь с советской точкой зрения, обещали усилить бомбардировку военных объектов Германии. И тут же, стремясь уйти от вопроса об открытии второго фронта и усилении материальной помощи Советскому Союзу, представляли дело так, что, мол, в интересах самого же Советского Союза, чтобы англичане всю свою энергию сосредоточили на проведении налетов английской авиации на Германию. Это слишком откровенно походило на стремление любым путем уйти от оказания реальной помощи СССР в его жестокой и суровой борьбе против немецко-фашистских оккупантов.

15 июля я доложил Советскому правительству о первых результатах работы миссии в Англии. Нам были поставлены дополнительные задачи в связи с предстоящим выездом военной миссии в Соединенные Штаты Америки. Помимо основных вопросов о материальных поставках и о помощи США Советскому Союзу в целом необходимо было выяснить отношение американского правительства к идее создания так называемого «Комитета трех, возможности и условия предоставления СССР займа-кредита, а также вопросы о транспортах и маршрутах доставки приобретаемых грузов и ряд других моментов.¹

17 июля меня принял И. Сталин. Во время беседы речь шла в первую очередь о вопросах военно-политического характера, а также о приобретении в США вооружения и стратегических материалов. Важное значение придавалось займу у США, надобность в котором могла возник-

---

¹ Так назывался Комитет из представителей трех союзных государств — Англии, СССР и США, который должен был координировать совместное использование ресурсов союзников в войне против фашистской Германии. — *Ред.*

нуть. Рассматривались проблемы доставки из США в Советский Союз заказанных материалов и вооружения. Было решено настаивать на выделении танкеров для перевозки авиационного бензина и морских транспортов — для всего остального. Надо было подумать и о способах переброски американских истребителей. Не исключался маршрут через Аляску и Алеутские острова.

ВНОВЬ В ЛОНДОНЕ ПО ПУТИ В США

Политическая обстановка в Соединенных Штатах в то время была довольно сложной. Сказывались влияние изоляционистов, консерватизм высших военных кругов, активность реакционных и «собственных» фашиствующих кругов, а также националистические настроения среди натурализованных немцев и итальянцев, жаждавших победы Гитлера и Муссолини.

В Москве стало известно, что в связи с предстоящей поездкой советской военной миссии в Вашингтон заместитель государственного секретаря США С. Уэллес сделал официальное заявление советскому послу в Вашингтоне К.А. Уманскому, что правительство Соединенных Штатов Америки будет радо приветствовать генерала Ф. Голикова и всю военную миссию, что считает ее весьма своевременной и окажет ей необходимое содействие.

При обсуждении вопроса о предстоящей поездке было признано целесообразным, чтобы я направился в Соединенные Штаты Америки через Лондон, где принял бы участие в переговорах личного представителя Президента США Гарри Гопкинса с британским правительством. По заявлению С. Уэллеса, одной из основных целей визита Гопкинса, прибывшего на несколько дней в Лондон, был вопрос о заказах Советского Союза Соединенным Штатам Америки. Затем наша миссия должна была направиться в Соединенные Штаты Америки через Монреаль (Канада).

Итак, во второй половине дня 16 июля мы снова вылетели в Англию. В состав миссии, направлявшейся в США, входили: генерал-майор инженерно-технической службы А.К. Репин, работавший в то время в Наркомате авиационной промышленности, Л.Л. Райков, специалист по зенитным пулеметам и противотанковым орудиям, и П.И. Барabanщиков — инженер-конструктор по снарядам.

Маршрут был знаком — через аэродром Ягодники под Архангельском. Ранним утром следующего дня с этого аэродрома мы поднялись в воздух на английской летающей лодке. До выхода из Белого моря нас дол-

жны были сопровождать три бомбардировщика СБ и три истребителя И-153.

Помню, с нами произошел неприятный и опасный инцидент. В момент, когда истребители сопровождения повернули обратно, внезапно произошло столкновение нашего самолета с одним из этих истребителей.

Из-за возникших повреждений нам пришлось возвращаться на аэродром Ягодники. Как оказалось, в результате столкновения с истребителем у нашего самолета был поврежден левый мотор, сломана мачта антенны, пробиты руль управления и обшивка элерона. Правое крыло также получило вмятины. Ясно, что дело могло закончиться гораздо хуже. Летающая лодка нуждалась в срочном ремонте, тогда как дорог был каждый час. Положение усугублялось довольно странным отношением к происшествию со стороны англичан — экипажа летающей лодки и сопровождавших нас полковника Берда и переводчика Крейтона. Дело было не только в том, что сами англичане не очень-то спешили с устранением повреждений, но и в том, что они довольно-таки бестактно отвергли помощь советских авиационных специалистов в ремонте лодки. Здесь, как видно, проявилось их недоверие к советским летчикам и авиационным механикам, недооценка способностей и технических знаний «русских». С этим, кстати говоря, нам пришлось позднее столкнуться в Англии и США, а пока волей-неволей надо было ждать «технической помощи» из Англии, вернее — рассчитывать на прибытие оттуда другой летающей лодки.

Наконец, к исходу 21 июля этот самолет прибыл. Несмотря на мое категорическое требование вылететь не позднее чем через 9—10 часов (время вполне достаточное на подготовку самолета), командир лодки Уилл вкуче с Бердом и Крейтоном заявили о возможности вылета не ранее, чем через сутки, т.е. к исходу 22 июля.

Вывсвободившееся таким образом время заполнил текущими делами. По аппарату ВЧ¹ поговорил с сотрудником Генерального штаба А.П. Панфиловым об общем положении на фронте, рассказал ему о том, как проходит наш полет. Сообщения, переданные Панфиловым, особенно с Ленинградского фронта, в целом были ободряющими. Но обстановка в районе Смоленска продолжала оставаться тяжелой: шли напряженные бои с превосходящими силами противника². Особо тягостное чувство вызвало

---

¹ ВЧ — засекречивающая аппаратура. — *Ред.*

² В середине июля 1941 г. войска группы армий «Север», наступавшие на Ленинград, были остановлены на Лужском (кратчайшем к городу на Неве) на-

известие о том, что вечером 21 июля немецко-фашистские самолеты предприняли попытку бомбить Москву¹.

В этот день в Архангельске у меня состоялись интересные и весьма полезные встречи. Я побеседовал с известным полярным летчиком И.П. Мазуруком², начальником штаба Архангельского военного округа комбригом И.А. Григорьевым и авиационным командиром полковником Г.Н. Плешивцевым об обеспеченности аэродромами северного побережья страны. В ходе этих бесед на месте дал советы и указания, в первую очередь по вопросам рассредоточения, маскировки и инженерного оборудования стоянок военной авиации, складов горючего и боеприпасов, подготовки полевого командного пункта штаба округа, тренировки гарнизона города Архангельска к действиям по отражению налетов вражеской авиации и ударов с моря, а также по подготовке системы запасных аэродромов на побережье.

Наконец, после вынужденной задержки, 22 июля, снова в сопровождении трех истребителей и трех бомбардировщиков мы поднялись в воздух на летающей лодке. В полдень следующего дня, теперь уже без происшествий, прилетели в гидропорт Инвергордон. Здесь нас встретил контр-адмирал Стюарт, возглавлявший морские силы этого района, и другие официальные лица. Стюарту, как старшему воинскому начальнику, в этом районе были подчинены наземные войска и военно-воздушные силы.

После переезда на стационарный аэродром и завтрака в самолете «Фламинго» (как нам сказали, это был самолет, на котором летал король), мы вылетели в Лондон.

В этот наш приезд англичане особенно активно интересовались результатом налета немецкой авиации на Москву. И снова нам пришлось

правлении. 16 июля противник захватил южную часть Смоленска. В течение двух недель шли ожесточенные уличные бои, после чего 29 июля город пришлось оставить. — Великая Отечественная война. Кн. 1. С. 174—175, 197. — *Ред.*

¹ В ночь с 21 на 22 июля 1941 г. Москва впервые подверглась вражеской бомбардировке. В городе возникли отдельные разрушения и пожары. Из участвовавших в налете более 200 самолетов было сбито 22. Налеты продолжались и в последующем. О высокой эффективности московской ПВО по личному впечатлению мог судить Г. Гопкинс, 30 июля прибывший в СССР. — *Анфилов В.А. Незабываемый сорок первый.* 2-е изд. Доп. М., 1989. С. 205. — *Ред.*

² И.П. Мазурук — советский полярный летчик, генерал-майор авиации, Герой Советского Союза. В годы войны командовал авиагруппой ВВС Северного флота и 1-й перегонной авиадивизией. Руководил перегоном самолетов, полученных по ленд-лизу, из США в СССР. — *Ред.*

столкнуться с дезинформацией и исключительно превратным, а порой недоброжелательным информированием общественности английской прессой о действительном положении дел на советско-германском фронте. Так, контр-адмирал Стюарт сообщил нам, что по передачам берлинского радио немцы уже овладели Смоленском.

Бросалось в глаза, что в Инвергордоне, как, впрочем, и во многих других местах, которые мы проезжали, англичане живут совершенно мирной жизнью, как видно, не особенно думая об опасности воздушных налетов. Аэродром в Инвергордоне, например, был забит самолетами, размещенными без всякой маскировки и других мер предосторожности¹.

Во второй половине дня 23 июля мы приземлились на аэродроме в Лондоне. Здесь нас встретили советник посольства СССР в Англии П.А. Новиков, контр-адмирал Н.М. Харламов, военный атташе полковник И.А. Складов, полковник Н.М. Пугачев, секретарь военной миссии П.И. Баранов и другие товарищи.

Спустя два часа после приземления вместе с послом И.М. Майским и Н.М. Харламовым мы направились к министру иностранных дел А. Идену с тем, чтобы: 1) вновь и еще жестче, чем в первый раз, поставить вопрос о необходимости эффективных боевых действий англичан против гитлеровцев, а также о реальной технической и боевой помощи Советскому Союзу; 2) внести ясность в отношении фактического начала англичанами боевых действий против немцев; 3) в целом добиться улучшения контакта советской миссии с правительственными органами и учреждениями Англии. Требовалось также обговорить ряд вопросов, касающихся работы советской военной миссии в США с целью обеспечить положительное к ней отношение.

Эта встреча с А. Иденом продолжалась два часа». В ходе ее был приглашен начальник английского главного морского штаба адмирал Паунд. Англичане активно интересовались положением на советско-германском фронте, им были даны подробные разъяснения. При этом я, как и несколько дней назад во время нашей первой беседы с Иденом, особо подчеркнул, что Советская Армия ведет упорную, мужественную борьбу, что мощь

---

¹ Подобная беспечность не может не вызывать удивления. В годы мировой войны Британские острова подвергались интенсивным бомбардировкам германской авиации. Только с августа 1940 г. по июнь 1941 г. — в период наиболее тяжелых бомбежек — была разрушена пятая часть школ и госпиталей, повреждена или уничтожена значительная часть промышленных районов городов и портов, бездомными стали 2,25 млн. человек. — Союзники в войне. 1941—1945. С. 260. — *Ред.*

ее ударов по агрессору непрерывно нарастает и что победа будет за нами. Но советский народ хотел бы получить от своих западных союзников реальную помощь, как совместными боевыми действиями против общего врага, так и путем снабжения СССР необходимыми военными материалами. Паунд промолчал, а А. Иден, как и во время предыдущей встречи, заговорил о своем полном сочувствии Советскому Союзу, о готовности англичан оказать ему всю возможную помощь. Но характерно, что как только мы начинали касаться конкретных вопросов, у него сразу появлялись разного рода отговорки и ссылки на неблагоприятные условия и т.п.

Так, в ответ на вопрос о быстрейшем развертывании боевых операций на Севере представители Британского правительства говорили о согласии англичан занять Шпицберген и остров Медвежий, для чего со дня на день туда должны были выйти английские суда, но тут же оговаривали необходимость уточнения «некоторых деталей» боевых действий на Севере. Далее англичане высказывали готовность «изучить», если мы предложим, конкретный план совместных боевых действий на севере Норвегии, но тут же торопливо добавляли, что высадка морского десанта в этом районе может окончиться провалом, если он не будет надежно обеспечен авиацией. Англичане уверяли нас в готовности их авиации в самые ближайшие дни начать бомбардировки Берлина, но сразу же оговаривались, что первые воздушные налеты, «видимо», не будут носить крупного масштаба и не смогут поэтому нанести серьезного ущерба немцам.

Несмотря на весьма благоприятное заявление, сделанное премьер-министром Великобритании У. Черчилем в мой первый приезд в Англию, на пути нашей миссии встретились серьезные препятствия и осложнения. Они сразу насторожили нас и вызвали сомнение в реальности стремления правящих кругов Великобритании помочь Советскому Союзу. Хуже того, эти препятствия порождали сомнение в эффективности и быстроте достижения успеха советской военной миссией. Нам, конечно, очень хотелось, чтобы работа в США была более удачной и результативной, чем в Англии, чтобы мы встретили там гораздо большее понимание неотложных нужд советского фронта, чтобы было как можно меньше проволочек и волокиты. Фронт ждал реальной помощи, а не слов и заверений.

Поэтому во время беседы с Иденом я сообщил ему о предстоящей поездке советской военной миссии в Соединенные Штаты Америки и просил оказать нам содействие в получении возможности как можно быстрее направиться в путь. Идеи обещал это срочно организовать. Однако на деле все оказалось гораздо сложнее. Так, в министерстве иностранных дел Англии заявили, что не смогут обеспечить нам перелет через

океан раньше 28 июля. Но в конце концов помог случай, и мы с А.К. Репиным смогли вылететь в США вечером 24 июля, а остальные двое наших спутников, Л.Л. Райков и П.И. Барабанщиков, вылетели на четыре дня позже. А дело было так.

День 24 июля ушел у нас на ознакомление с практическими результатами работы миссии за период с 12 по 23 июля. В общем, достигнуто было далеко не то, что нужно, во всяком случае реальные результаты расходились с официальными заверениями и обещаниями англичан.

В этот же день предполагались встречи нашей миссии с А. Иденом, Г. Гопкинсом и министром авиации Синклером по вопросам военно-технической помощи Советскому Союзу, а также коктейль у начальника штаба военно-воздушных сил. Но эти встречи так и не состоялись: ближе к вечеру без всякого предупреждения нам сообщили, что через пятнадцать—двадцать минут мне и Репину нужно быть на городском аэродроме для перелета в пункт отправки в США. На самолете, летящем в Америку, в наше распоряжение выделялось два места.

Наспех собравшись, мы с А.К. Репиным вылетели из Лондона на аэродром Прествик в Северной Шотландии. Здесь нас встречал командир подразделения истребителей, несущих боевое дежурство, или, как его называли, начальник местной «воздушной стражи».

Весь вечер ушел на подготовку к дальнейшему перелету. После ужина мы слушали радиосообщения. Советские войска продолжали вести бои на прежних участках и направлениях. За последние дни существенных изменений на фронтах не произошло.

Англичане, с которыми нам доводилось встречаться, продолжали выражать свое удивление и восхищение самоотверженной борьбой Советской Армии против немецких захватчиков, не скупились на высказывание ей добрых пожеланий, но о своем конкретном участии в этой борьбе ничего не говорили, кроме самых общих слов. Между прочим, переводчиком к нам был приставлен некто Коттам, колеблющийся, по его словам, «между лейбористами и коммунистами». По служебному положению Коттам — офицер военно-воздушных сил; фактически же он был разведчиком.

Как только мы покинули Лондон, я полностью сосредоточился на предстоявшей работе в Соединенных Штатах. В моем блокноте появилась такая запись: «1. Рузвельт, Гопкинс, Моргентгау, Икес, Джонс, Нокс, ген. Макдауэлл, ген. Бирнс, Гендерсон, Ачесон, Кэртис. 2. Хэлл, Уэллес, Бэрли¹, Морское министерство, Военный департамент. Штаб армии.»

---

¹ Г. Моргентгау — министр финансов США; Г. Икес — министр внутренних дел США; Дж. Джонс — министр торговли США; Ф. Нокс — военно-морской министр США; Р. Максвелл — генерал-майор армии США; Дж. Бирнс —

В первом списке были перечислены американские государственные деятели, на взаимопонимание которых мы могли надеяться в ходе переговоров.

В процессе деятельности миссии в США мне пришлось в эти наметки внести поправки: вычеркнуть из первого списка Джонса, Нокса и Бирнса. Что касается переноса кого-либо из списка № 2 в список № 1, то, по-видимому это можно было сделать лишь в отношении Хэлла. В итоге состав лиц, на положительное отношение которых к советской военной миссии можно было рассчитывать (список № 1), при столкновении с реальной действительностью сильно сократился. Зато расширился круг лиц и учреждений, в чьей объективности и понимании общих интересов борьбы с гитлеровской Германией и милитаристской Японией у нас уверенности не было.

Утром 25 июля с аэродрома Прествик на американском четырехмоторном бомбардировщике мы отправились в полет через Атлантический океан. Вооружение с самолета было снято. На его борту находилось двенадцать пассажиров, считая и нас. В основном это были американские летчики и авиаспециалисты, занимавшиеся перегоном американских бомбардировщиков в Англию. Они совершали в среднем по 3—4 рейса в месяц за очень высокую плату.

Перелет без пересадки до Монреаля был очень утомительным: длился около 17 часов и проходил на высотах от трех до пяти тыс. метров. Во время перелета я находился в заднем отсеке, расположенном в хвосте самолета. Там можно было лежа смотреть в иллюминатор и пользоваться свежим воздухом.

Последнее было очень важно, так как во время полета ощущался недостаток кислорода, особенно при совершении резких движений. В то время как несколько человек из числа англичан и американцев «сосали» кислород, мы с Репиным и не подумали прибегнуть к этому вспомогательному средству.

Ближе к вечеру показался остров Ньюфаундленд. По своим размерам он настолько велик, что по воздуху мы пересекали его почти полтора часа. Когда смотришь на землю с высоты нескольких тысяч метров, от-

---

генерал-майор армии США, представитель американской администрации по ленд-лизу, впоследствии — госсекретарь США; Л. Гендерсон — помощник начальника европейского отдела госдепартамента США; Д. Ачесон — помощник государственного секретаря США; К. Хэлл — государственный секретарь США; С. Уэллес — заместитель государственного секретаря; А. Бэрли — помощник государственного секретаря США. — *Ред.*

крывается поразительная картина. Вероятно, не менее чем на три четверти Ньюфаундленд покрыт мелкими озерами, болотами и ручьями, и лишь одна четвертая часть его территории представляет собой сушу. Было видно, что она почти необитаема, большей частью покрыта лесами, кустарниками и галькой. В общем, остров Ньюфаундленд выглядит еще более сурово, чем наш Кольский полуостров.

От Атлантического побережья до Монреаля в течение четырех часов мы летели над Канадой. В значительной своей части эта страна, особенно ее северо-восток, представляет собой местность, очень похожую на наш архангельский север или сибирскую тайгу. Однако, как видно, населения в этих районах мало, природные богатства использовались слабо. Даже с самолета можно было видеть огромные незаселенные пространства, неосвоенную таежную местность. Сохнут и гибнут на корню, гниют в воде по рекам и озерам массивы строевого леса. Поселений мало, лишь изредка попадались отдельные хижины.

В те минуты мне припомнились слова английского вице-маршала Кольера, с которым мы летели из Москвы в Архангельск еще в первый рейс. Глядя на лесные богатства советского севера, он жаловался на бедность Англии и говорил: «Отдать бы все это Англии!» Что тут сказалось: жадность к чужому добру или незнание своих собственных ресурсов? Наверное, и то, и другое¹.

В общем, тогдашнее впечатление было таково, что север Канады — это территория неосвоенная и слабо заселенная, трудовое население которой большей частью влачит убогое существование.

Южная часть страны представляет собой некоторый сколок с северной Англии. Пахотная земля здесь изобилует камнями, которые даже в сложенном виде занимают значительную часть полезной площади. Участки обработанной земли поражают своей малой площадью. Когда смотришь с самолета, все кажется чистым, культурным и хочется заглянуть внутрь аккуратных фермерских домиков. Хотя по одним лишь ничтожным земельным площадям в этой большой неосвоенной стране уже можно судить, как тяжелы здесь жизнь и быт простых людей.

На аэродроме в Монреале нас никто не встречал; даже не было переводчика. Много времени ушло на ожидание в гостинице. Пришлось переменить три номера: предложенное нам с самого начала помещение на третьем этаже оказалось кем-то занято, а номер на четвертом этаже был слишком мал для двоих.

---

¹ В описываемое автором время Канада являлась доминионом Великобритании. — *Ред.*

Наконец, нам прислали переводчика из русско-еврейского ресторана с претенциозным названием «Самовар». Сначала появился некий Король, затем русский белогвардеец Лифанов. Бывший есаул с Дона, он нашел применение своим способностям в роли официанта в одном из канадских ресторанов. Вслед за переводчиком прибыли два офицера, представляющие начальника гарнизона. В общем, к 23 часам все уладилось и стало на свои места. Но пришлось отражать натиск корреспондентов, которые бесцеремонно врываются к нам в номер. Вспомнилось предостережение тов. Сталина относительно атак журналистов и фотокорреспондентов и его указание «не афишироваться». В дополнение ко всему, из-за оплошности финансовых работников у нас не оказалось канадских денег. Пришлось взять займы, чтобы расплатиться за ужин и ночлег в гостинице.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ — ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ

Рано утром 26 июля на самолете Дуглас мы вылетели в Нью-Йорк. На монреальском аэродроме нас провожал командующий войсками 4-го района бригадный генерал Д. Панет. В 9 часов 40 минут по местному времени прибыли в Нью-Йорк. Здесь нас встретили посол Советского Союза в США К.А. Уманский, военный атташе посольства полковник И.М. Сараев, генконсул П.И. Федяшин.

Хотя о приезде советской военной миссии в США открыто не сообщалось, это нисколько не помешало журналистам и фотографам узнать о нем. И они, конечно, были тут как тут, расспрашивали и снимали. Мы сочли целесообразным официального заявления представителям прессы не делать и сослались на то, что о задачах советской военной миссии представителям прессы будет объявлено заместителем государственного секретаря США Уэллесом. В заявлении госдепартамента, опубликованном в тот же день, отмечалось, что советская миссия прибыла в США для исследования и координации возможностей военных закупок в США.

Справедливости ради следует сказать, что дружелюбность и внимание к нам со стороны официальных представителей принимавшей нас страны внешне были проявлены. Достаточно сказать, что мы с А.К. Репиным прилетели в Вашингтон в 13 часов 30 минут и уже через полчаса вместе с послом К.А. Уманским нас принял Уэллес. Сразу после этого приема мы уже были у начальника штаба армии генерала Д. Маршалла.

Вполне естественно, что перед встречей с Уэллесом мы чувствовали себя напряженно. Такому состоянию, видимо, способствовало и то, что, по сравнению с Иденом, Уэллес производил впечатление человека, пожалуй, более сухого и скрытного¹.

В начале беседы мы приветствовали Уэллеса. Он ответил в дружественной форме, пообещав содействие в решении стоящих перед нами задач. После этого мною, по поручению Советского правительства, было сделано заявление о желательности скорейшей американской помощи.

Уэллес, на которого это заявление, как нам показалось, произвело впечатление, обещал срочно доложить о нем президенту Ф. Рузвельту. Но, когда мы повели речь о конкретных пунктах поставки нам вооружения, Уэллес ограничился фразой, что письменный ответ правительства США по этим пунктам будет сообщен послу Уманскому и доставлен на совещание с генералом Бирнсом и Ачесоном, которое должно состояться утром следующего дня.

При этом Уэллес сообщил, что будут удовлетворены лишь такие статьи нашей заявки, как отпуск 115 тыс. тонн авиабензина и других нефтепродуктов, считая и то количество, которое было раньше утверждено правительством США, а также 2 тыс. тонн толуола. Нам было также сказано, что американское правительство согласно «частично» удовлетворить нашу заявку на зенитные орудия (но при этом Уэллес уклонился от конкретных цифр), а также готово выделить 2 танкера для перевозки военных грузов.

Кроме того, в самых общих словах он повторил то, что было сообщено нашему послу раньше: о готовности предоставить Советскому Союзу некоторое количество истребителей «П-40» и бомбардировщиков «Локхид-Гудзон». Характерно, что при этом он снова не только не назвал цифр, но даже не обещал, что они будут названы нам в ближайшие дни. Мы все же просили сообщить нам конкретные данные, но ответ был лишь самым общим. Уэллес на словах соглашался с тем, что дело не терпит, что

---

¹ По докладу К.А. Уманского в Москву. С. Уэллес «тяготеет к более враждебному нам лагерю... Он занимает как бы центристское положение между сторонниками сближения типа Икеса, Моргентау, Гопкинса и обозленной антисоветской кликой буллитовской масти». — Цит. по: *Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941—1942)*. М., 1997. С. 160.

У. Буллит — американский дипломат. В 1919 г. возглавлял миссию, направленную в Москву с предложением об условиях прекращения военных действий в России. В 1936—1940 гг. — посол США во Франции, придерживался линии, враждебной СССР. — *Ред.*

вопросы эти неотложные, что время — это решающий фактор, заверял, что правительство США сделает все, что от него зависит, но дальше этих заверений не пошел.

В ходе беседы Уэллес заявил, что Рузвельта в Вашингтоне нет и что по возвращении президент намерен принять руководителя советской военной миссии вместе с послом Уманским. Он сообщил также, что вскоре в Москву вылетит личный представитель президента Г. Гопкинс, который, видимо, будет вести общеполитические переговоры с руководителями Советского правительства и поднимет вопрос о согласовании английских и советских военных заказов в Соединенных Штатах Америки.

Известный американский публицист Р. Шервуд, близкий к Ф. Рузвельту и Г. Гопкинсу человек, в своей книге «Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца» рассказывает о том, что Гопкинс будто бы имел поручение передать И.В. Сталину послание от имени президента США. В этом послании, в частности, будто бы говорилось: «...Правительство Соединенных Штатов окажет всю возможную помощь в получении вооружения, снаряжения и других видов снабжения, необходимых для удовлетворения самых неотложных нужд и которые могут быть доставлены для реального использования в вашей стране в ближайшие два месяца. Мы быстро урегулируем детали этих вопросов с находящейся сейчас в Вашингтоне миссией, возглавляемой генералом Голиковым»¹. Между тем относительно этого послания в советских архивах не обнаружено никаких сведений, которые подтверждали бы, что оно в какой бы то ни было форме было передано И.В. Сталину или вообще поступило в Советский Союз.

Мы выразили Уэллесу удовлетворение по поводу его сообщений о намерении Ф. Рузвельта принять нас и о предстоящей поездке личного представителя президента в Москву. Затем я сказал Уэллесу, что наша миссия привезла новые пожелания Советского правительства относительно поставок материалов. Уэллес порекомендовал не передавать ему этот документ до тех пор, пока мы не узнаем ответа американского правительства по нашей заявке, которая была представлена ранее. Тут же Уэллес сказал нам о возможности расширения номенклатуры этой заявки. По словам Уэллеса, это объяснялось тем, что если по некоторым предметам правительство США может удовлетворить нашу заявку только в небольших дозах (по причине ограниченности своих производственных возможностей), то по некоторым другим объектам помощь может быть осуществлена более широко.

¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. В 2-х т. М., 1958. Т. 1. С. 518.

В заключение беседы я снова подчеркнул необходимость скорейшего, внеочередного рассмотрения советских заявок. Уэллес, как и в начале беседы, ответил заверениями, что все меры для этого будут приняты, а неполадки устранены.

Между прочим, он сообщил нам как бы с сожалением, что по сведениям, полученным правительством США, во Владивостоке образовалась транспортная пробка, которая мешает быстрому прохождению американских грузов в СССР. Я ответил Уэллесу, что эти сведения не соответствуют действительности и что можно быть уверенными, что срочные грузы из США, важные для нужд фронта, без задержки будут доставлены к месту назначения.

Общее впечатление от беседы с ответственным представителем правительства США было противоречивым. С одной стороны, обнадеживающие заверения и тут же предупреждения о том, что реализация наших запросов произойдет не скоро и лишь частично, что рассматриваться будут старые пожелания, а не новые. При этом разговор ограничивался только обсуждением вопроса о материальных поставках. Никакие другие проблемы не затрагивались. А между тем Уэллес в это время представлял государственный департамент США, так как Хэлла тогда в Вашингтоне не было.

Пресса живо откликнулась на приезд советской военной миссии. Крупнейшие столичные и многие провинциальные газеты напечатали на видных местах информационные сообщения и фотографии, освещающие встречу миссии с Уэллесом.

Как уже говорилось, сразу же после встречи с Уэллесом нас принял начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл. Беседа с ним состоялась в его рабочем кабинете и продолжалась около часа. В ней с американской стороны участвовали полковник Ф. Феймонвилл как представитель военного ведомства США при нашей миссии и ряд офицеров разведки. С советской стороны, кроме посла и меня, был военный атташе полковник И.М. Сараев. Обратило на себя внимание, что американские офицеры и генералы, включая и Д. Маршалла, были в гражданской одежде. В отличие от Англии мы в США также все ходили в гражданских костюмах.

В начале беседы я повторил генералу Маршаллу порученное мне Советским правительством заявление, которое я только перед этим изложил Уэллесу, о необходимости американской помощи Советскому Союзу. Маршалл, державшийся очень сухо и сдержанно, ответил, что, по его мнению, правительство США сделает все от него зависящее, чтобы способствовать разгрому гитлеровской Германии, оно понимает решающее значение в этом русско-германского фронта и будет нам содействовать;

«даст то, что уже есть, но не может дать того, чего еще нет», хотя перспектива производства американской военной промышленности в дальнейшем будет улучшаться. Начальник штаба армии США довольно откровенно намекнул на отсталость американской армии и отставание военного производства в США. При этом он резко подчеркивал трудности удовлетворения военных запросов СССР и указывал, что делать это придется за счет насущнейших нужд американской армии.

Мы пытались убедить Д. Маршалла, что замысел фашистской Германии в том и состоит, чтобы бить наши страны поодиночке: в первую очередь разгромить Советский Союз, а затем настанет черед Англии и других стран. Вот почему необходимо объединить усилия всех свободолюбивых народов для отпора агрессору и оказать быструю и серьезную помощь Советской Армии, ведущей сейчас один на один жестокую борьбу с врагом. Маршалл согласился со мной, но тут же стал жаловаться, что американцы в большинстве своем не понимают этой столь очевидной истины, которую он, Маршалл, безуспешно стремится развить в конгрессе, пытаясь доказать целесообразность предоставления правительству США права оставлять военнослужащих на службе в армии сверх установленного срока.

Маршалл действительно имел все основания сказать так о позиции американского конгресса. Влиятельные конгрессмены из числа изоляционистов вели ожесточенную борьбу против антинацистских мероприятий правительства Рузвельта. Так было при решении ряда важных вопросов: об отмене эмбарго на вывоз вооружения за пределы США, о ленд-лизе, о внесении изменений в закон о нейтралитете. Насколько трудным было тогда положение Рузвельта как президента, показывают результаты голосования в палате представителей законопроекта о продлении срока воинской повинности (сверх одного года). Он был принят, пишет Р. Шервуд, «опасно малым большинством всего в один голос»¹.

Но вернемся к встрече с Маршаллом.

Включившись в беседу, К.А. Уманский напомнил ему, что президент США Рузвельт не раз заявлял о том, что советская оборона в ходе общей борьбы против фашизма имеет особо важное значение. И в связи с этим заслуживает соответствующей помощи, тем более что некоторые заявки Англии, в частности по поставкам истребителей, удовлетворены на длительное время вперед. Тогда же Рузвельт высказал и предложение о создании «Комитета трех». Развивая свою мысль, Уманский подчеркнул, что не полумеры, а лишь смелый, кардинальный пересмотр программы

¹ Шервуд Р. Указ. соч., Т. I. С. 578.

поставок вооружений в пользу Советской Армии, ведущей борьбу на решающем фронте, может создать условия для успешного решения практических вопросов в духе заявлений Рузвельта. И в конечном счете это будет способствовать достижению победы над нашим общим врагом. Заявки Советского Союза, подчеркнул он, не должны втискиваться в старую программу, составленную еще до 22 июня 1941 г., необходимо принципиально иное, с учетом сложившейся обстановки, распределение союзных ресурсов. Маршалл опять-таки формально выразил согласие и стремление помочь, но от конкретного рассмотрения вопроса уклонился.

В то же время американский генерал живо интересовался первыми уроками советско-германской войны, особенно в области борьбы с танковыми соединениями противника в глубине обороны. Как нам тогда показалось, он с большим интересом отнесся к нашим ответам и нашей информации по этим вопросам. Эта часть беседы несколько улучшила общий тон и атмосферу нашей встречи с одним из наиболее авторитетных руководителей американского военного ведомства и была воспринята как начало сотрудничества армий обеих стран и более полного обмена информацией по военным вопросам. Одним словом, разговор получился оживленным и интересным, хотя и не принес ожидаемых результатов. Закончилась беседа вполне корректно, и мы расстались с американцами с чувством установленного контакта. Что касается впечатления о Д. Маршалле, то по сравнению с Диплом, начальником генерального штаба английской армии, оно было явно в пользу Маршалла.

В этот же день у нас состоялась беседа с прибывшим в советское посольство полковником Феймонвиллом. С нашей стороны, кроме меня и К.А. Уманского, в беседе принимали участие К.И. Лукашев и П.С. Сельдяков, работавшие в Амторге¹. Феймонвилл сообщил, что с поставками Советскому Союзу самолетов дело обстоит скверно. Имеются затруднения и препятствия не только производственного, но и политического характера. По его словам, английские правительственные органы выразили категорическое несогласие в ответ на просьбу правительства США уступить Советскому Союзу часть английских заказов на самолеты, поставляемые США. Весьма показательно, что при этом Феймонвилл не скрывал от нас того, что определенное препятствие на пути реализации советской заявки исходит и от Уэллеса. Таким образом, линия поведения англичан выяснилась. Она была для нас неприемлемой. Нереали-

---

¹ Амторг — смешанное советско-американское акционерное общество, учрежденное в 1924 г. в Нью-Йорке преимущественно для торговых операций между двумя странами. Являлся основной организацией, выполнявшей экспортные и импортные поручения советских властей в США. — *Ред.*

стичную позицию занимали и деятели США, ставившие свои решения в зависимость от ответов английских руководителей.

В ходе дальнейшей беседы с Феймонвиллом мы попытались выяснить возможности удовлетворения некоторых пунктов нашей расширенной заявки, как то: артиллерийские орудия различных калибров, боеприпасы и т.д. Как можно было судить по первым беседам, у нас устанавливался неплохой деловой контакт с Феймонвиллом, хотя в последующем пришлось несколько изменить мнение об этом человеке.

Вечером в посольстве состоялся товарищеский обед, на котором с краткими речами выступили К.А. Уманский и я. Посол говорил о дальнейшей работе советской военной миссии, обратив внимание на трудности, с которыми нам придется столкнуться. Смысл моего небольшого выступления заключался в том, что хотя Советский Союз по всем данным мог бы получить необходимую помощь в США, до сих пор еще ничего не решено, не получено и не отправлено туда, где сейчас идут тяжелейшие кровопролитные бои. Затем состоялось краткое внутреннее совещание сотрудников миссии, на котором обсуждались вопросы о транспортах, необходимых для перевозок, а также наиболее безопасных и удобных маршрутах доставки в Советский Союз средств авиации, об организации связи и т.д.

Следующий день — воскресенье — мы решили провести на даче советского посольства. Путь туда пролегал через Балтимор. Это большой промышленный город, довольно мрачный, перенаселенный. На улицах грязь, мало зелени, нет элементарных условий для отдыха жителей. Далее мы миновали город Аннаполис, в котором расположено известное в США военно-морское училище, или как его здесь называют — «Академия».

Погода благоприятствовала нашему кратковременному отдыху. Мы неплохо провели время с товарищами из состава посольских работников, искупались в морском заливе, немного поиграли в волейбол. Впереди предстояли новые ответственные встречи, нелегкие разговоры и, как видно, немалые трудности в решении поставленных перед миссией задач.

ТАКТИКА ПРОВОЛОЧЕК В ДЕЙСТВИИ

В понедельник с утра мы отправились на совещание к помощнику государственного секретаря Ачесону. В этом совещании приняли участие генерал Бирнс, полковник Феймонвилл и группа ответственных со-

трудников государственного департамента. С нашей стороны — К.А. Уманский, А.К. Репин, два сотрудника из Амторга, а также автор этих строк.

Совещание было посвящено главным образом рассмотрению ответа правительства США на запросы Советского Союза. В самом начале мы получили от Ачесона письменный ответ США на наш первый запрос. Уже при беглом ознакомлении с этим документом было очевидно, что этот ответ и в малой мере не может удовлетворить нас. И самое главное — американцы фактически не прореагировали на наши новые пожелания. Нам почти ничего не давали из вооружения. Что касается просьб по линии Амторга, то и они выполнялись далеко не в том размере, в каком это было необходимо, хотя некоторый шаг вперед и был сделан.

Говоря о вооружении, Ачесон подчеркнул, что вопрос о поставках самолетов «находится в руках Уэллеса», от которого мы позднее и должны получить ответ. Не дали и зенитных орудий нужных малых калибров. Вместо этого предложили начать переговоры о возможности приобретения зенитных орудий более крупных калибров.

Собственно говоря, в те дни американцы пообещали лишь 2 тыс. тонн толуола, из которых половину (по договоренности с Англией) надо было получить у канадцев в Галифаксе. Нам также решили продать 115 тыс. тонн высокооктанового авиагорючего и других нефтепродуктов. Кроме того, обещали помочь в отправке в нашу страну двух танкеров. По существу это было не больше того, о чем миссии сообщил при первой встрече Уэллес.

По линии Амторга разрешалось закупить молибден, парафинный воск, электролитный свинец, стальные бензобаки, трубы и некоторые другие материалы. Кроме того, освобождался ранее реквизируемый груз кожи и шерсти на сумму около миллиона долларов.

В ответе, который был вручен нам Ачесоном, содержалось также разрешение на приобретение оборудования одного из автошинных заводов, трех крэкинговых и стабилизационных заводов, одного завода для производства высокооктанового бензина, двух бензиновых абсорбционных заводов, одной инсталляции для производства высоких сортов смазочных масел. Но все это обуславливалось жесткими ограничениями. Так, до 1 октября соглашались отгрузить материалов всего лишь на 4 млн долларов. Госдепартамент хотя и обещал проследить за предоставлением нам необходимого приоритета в изготовлении оборудования, но с многозначительной оговоркой, а именно — с учетом возможных непредвиденных чрезвычайных нужд американского правительства и других стран, которым американское правительство помогает против агрессии. В американском ответе указывалось, что отгрузка будет осуществляться только при

учете имеющегося в наличии тоннажа. Что касается спецификации оборудования, которое Советский Союз намеревается заказывать в США, то она должна строго соответствовать стандартам, действующим в американской промышленности.

Соглашаясь на предоставление некоторого оборудования и материалов, правительство США в то же время никак не прореагировало на наш запрос об отпуске нам алюминиевого прокатного стана, установки для производства толуола, двух каталитических заводов, водородного завода. Не коснулось оно и других пунктов заявки.

Мы получили положительный ответ на просьбу о размещении заказов на станки, молоты, прессы на сумму 32 млн долларов. Но весьма характерно, что предпочтение отдавалось отправке оборудования по ранее размещенным советским заказам до 1 октября 1941 г. лишь на сумму около 5 млн долларов и на такую же сумму — на изготовление оборудования в течение года. Что касается другого оборудования на сумму более чем в 20 млн долларов, то его поставки растягивались более чем на годичный срок.

В этом не трудно было видеть стремление Ачесона и в целом правительственных кругов США путем ссылок на «объективные» причины, в том числе на состояние американской станкостроительной промышленности, растянуть на несколько лет сроки поставок материалов, необходимых Советскому Союзу.

Как выяснилось несколько позднее, госдепартамент даже не располагал конкретными списками станков и машин, намеченных к отгрузке в СССР осенью 1941 г. Нам было предложено самим составить список станков и машин, которые необходимо поставить в срочном порядке. Делая это, мы абсолютно не имели уверенности в том, что сможем в ближайшие 2—3 месяца получить хотя бы минимум машин и станков, в которых так остро нуждалась в то время наша авиационная промышленность.

Американцы согласились на размещение по линии Амторга заказов на сумму около 13 млн долларов, из них менее трети должно быть отправлено в течение ближайших двух месяцев. В общей сложности до октября 1941 г. предусматривалось отгрузить товаров, не являющихся вооружением, на 25 млн долларов, а всего размещалось заказов на сумму около 70 млн долларов.

Таков был ответ американского правительства на заявки Советского Союза по вооружению и оборудованию. Его требовалось внимательно изучить и доложить о нем Советскому правительству. Об этом мы сразу же сказали Ачесону хотя нам уже было совершенно ясно, что то, что обещают американцы, ни в коей мере не отвечает потребностям, вытекающим из насущнейших нужд советско-германского фронта. Однако, и это

самое главное, мы по существу не получили никакого ответа на заявку по вооружению, хотя прошло уже более месяца, как она была вручена правительственным органам США.

Дело, видимо, заключалось в том, что некоторые деятели из руководящих кругов США, оказывавшие заметное влияние на политику американского правительства, не хотели уяснить ту непреложную истину, что отныне судьба всего прогрессивного человечества решалась на советско-германском фронте, где советский народ, принявший на себя удар основных сил фашизма, вел титаническую борьбу, выдерживая сверхчеловеческое напряжение. И что в силу этого необходим самый решительный пересмотр планов поставок американского вооружения странам, подвергшимся нападению фашизма и оказывавшим ему сопротивление, планов, которые были разработаны администрацией Рузвельта еще до вероломного нападения Германии на Советский Союз. Руководствоваться в новой обстановке старыми планами — значило, по сути дела, способствовать Гитлеру наносить ущерб интересам народов, ставших жертвой фашистской агрессии, всем антифашистским силам.

В этот же день в советском посольстве состоялась встреча с председателем так называемого «Британского совета снабжения в США» А. Первисом, который являлся фактическим руководителем всех английских закупок в США. Встреча проводилась по инициативе англичан. С английской стороны в ней участвовал финансовый советник Пинсент, с советской — те же товарищи, что и в беседе с Ачесоном. Помнится, Первис говорил о том, как трудно и медленно шло вначале дело английских закупок в США, как далека еще промышленность США от нужд военного времени и как легко и в больших количествах могла бы она удовлетворить наши общие нужды в борьбе с агрессией, если бы была своевременно отмобилизована и переведена на военные рельсы. Нужно заметить, что и Рузвельт во время нашей встречи, состоявшейся позднее, вынужден был сказать нам об отставании военного производства США и о том, что на его развертывание потребуется еще год. Первис советовал «русским коллегам не давать американцам возможности оправдываться и ссылаться на англичан при затяжках в решении вопросов о поставках».

Вот уже более полутора лет, говорил Первис, работа английского аппарата закупок в США постоянно наталкивается на громадные трудности, встречает возрастающее сопротивление руководящих лиц штаба американской армии. С мнением советских специалистов совпадала его мысль о том, что, несмотря на военное время, гражданские нужды самих США удовлетворяются в прежнем полном масштабе и до сих пор не видно кардинальной перестройки американской экономики на военный лад. А если бы эта перестройка была проведена, если бы по-настоящему были

использованы имеющиеся производственные возможности, можно было бы сразу и без особых затруднений решить проблему поставки оборудования для военных предприятий Англии и Советского Союза. Первис собирался поставить данный вопрос перед президентом США и рассчитывал на наше понимание и поддержку.

Руководитель британских закупок дал понять, что правительство Англии проявляет особый интерес к тому, не закупает ли Советский Союз одно и то же сырье и в Соединенных Штатах Америки, и в Англии. Англичане, видимо, предполагали, что мы собираемся одновременно приобрести некоторые виды и там, и там, и опасались, что в их числе будут и такие материалы, которые они сами покупают в США.

Довольно энергично Первис высказался за идею создания «Комитета трех». Подчеркнул при этом необходимость добиваться как можно более тесного контакта между представителями закупочных органов Советского Союза и Англии в США, что будет способствовать успеху в достижении общих целей. Вместе с тем он много внимания уделил обоснованию распространенной среди англичан мысли о том, что американские самолеты, особенно бомбардировщики, поставляемые Англии из США, сразу вступают в боевые действия и этим якобы быстро приносят большую пользу общему делу разгрома Германии. Если же американские самолеты будут поставляться Советскому Союзу, то уйма времени уйдет на их доставку и освоение лётно-техническим составом советских ВВС. Так что, внушал нам Первис, польза от поставки американских самолетов в СССР будет ничтожной. Судя по всему, эта версия настойчиво подсовывалась англичанами и американцам.

Мы вынуждены были решительно возразить против этой «мотивировки», придуманной противниками военных поставок Советскому Союзу. Знания и опыт советских летчиков были известны. С высокой эффективностью они использовали американскую технику в борьбе против люфтваффе. А трудности доставки самолетов явно преувеличивались. На этом наша встреча закончилась. Она оставила у всех нас неприятный осадок из-за стремления Первиса хитрить с нами, да еще в расчете на успех. Он пытался создать впечатление, будто пришел к нам с добрыми намерениями — предупредить о трудностях, договориться об общих акциях и т.д. На деле же он хотел ограничить свободу действий нашей миссии. Стало ясно, что английские органы в США нам не помогут. Более того, Черчилль, Бивербрук и высшие английские военные руководители противодействовали усилиям Рузвельта, Гопкинса и Гарримана найти более или менее согласованное с англичанами решение об объеме поставок военных материалов для Советского Союза, их номенклатуре, способах и сроках доставки. Англичане же хотели взять в свои руки поставки в СССР

не только из Англии, но и из США. При этом следует учитывать, что первоочередное внимание английское правительство и военные руководители Великобритании обращали на снабжение своих войск на Среднем Востоке, куда и шла львиная доля поставок из США по ленд-лизу. Что же тогда могло перепадать Советскому Союзу?

Кроме того, надо помнить о том, что по всем крупным вопросам о поставках Советскому Союзу руководящие органы США предварительно договаривались с английским правительством, конечно, не в ущерб Великобритании. Так было в дни пребывания Бивербрука в Вашингтоне и Гопкинса в Лондоне (июль 1941 г.), так обстояло дело во время встречи Рузвельта с Черчиллем в августе 1941 г., так произошло и перед совещанием в Москве по ленд-лизу в конце сентября 1941 г. Да разве только в этих случаях?

После беседы с Первисом Уманский и я посетили английского посла в США лорда Э. Галифакса, по его просьбе, и имели с ним беседу. В ней участвовали сотрудники английской военной миссии, а также военно-воздушный атташе маршал авиации Харрис. По просьбе англичан я сделал обзор военных действий на советско-германском фронте. Затем перешли к обсуждению проблемы англо-американской помощи Советской Армии. Разговор был длительный и в целом протекал в атмосфере взаимопонимания, но и здесь англичане, более других Харрис, развивали ту же мысль, что и Первис. Мол, на доставку бомбардировщиков из Соединенных Штатов Америки в Советский Союз уйдет слишком много времени и в силу этого, говорил Харрис, поставки эти неоправданы. Так, на переправку самолетов по маршруту Гренландия—Исландия—Архангельск, а затем на их освоение потребуется, по крайней мере, месяца два, а если доставлять машины через Владивосток, то и все четыре. Короче говоря, Харрис вообще не поддерживал идею доставки в Советский Союз по воздуху американских самолетов, особенно истребителей.

Мы ответили английскому маршалу авиации столь же решительно, как и Первису. При этом оперировали английскими же данными, взятыми из опыта воздушных налетов фашистской авиации на Англию, а также Балканской кампании.

Из бесед с Первисом и Галифаксом у нас сложилось мнение, что представители английских военно-политических кругов, находившиеся в США, сильно беспокоились, как бы советские заявки на поставки вооружения из США, особенно самолетов, не нанесли ущерба английским закупкам. Имелись все основания предполагать, что англичане войдут в тесный контакт с теми официальными лицами США, которые стремятся любыми путями мешать материально-технической помощи Советскому Союзу. Вскоре мы убедились в правоте своих предположений.

Все это говорило за то, что необходимо добиваться личного приема советской военной миссии президентом Рузвельтом. Назрела настоятельная необходимость ускорения решения вопроса о создании «Комитета трех» и согласования всех шагов союзников по антигитлеровской коалиции — Советского Союза, Англии и США, в том числе и в области закупок вооружения и стратегических материалов.

Еще раньше, когда шла речь о предоставлении СССР возможности получить в США самолеты некоторых типов, мы высказали желание поближе ознакомиться с ними. Ответ получили положительный — А.К. Репин, в сопровождении майора Овчинникова и полковника Феймонвилла, вылетел на военно-воздушную базу Митчел-Фильд, расположенную в окрестностях Нью-Йорка, для осмотра истребителя П-40¹.

29 июля совершенно неожиданно к нам явился Феймонвилл. Оказалось, что Рузвельт, только что прибывший в Вашингтон, поручил ему проверить, насколько обоснованы дошедшие до него слухи, будто бы во Владивостоке образовалась большая транспортная пробка, нарушившая доставку военных грузов в СССР. Во избежание впредь таких непредвиденных затруднений Советскому Союзу, по мнению президента, в срочном порядке потребуются американские эксперты по вопросам транспорта и складского хозяйства. Феймонвилл должен был также выяснить у нас, правда ли, что мы против привлечения к этому делу иностранных специалистов, находящихся на военной службе.

Мы разъяснили Феймонвиллу, что все это выдумка, пущенная в ход явно в провокационных целях. Никакой «пробки» ни во Владивостоке, ни в других советских портах нет. В зарубежных специалистах мы не нуждались и не нуждаемся не потому, что они военнослужащие, а потому, что советский транспорт, несмотря на трудности военного времени, работает четко и слаженно.

Нам было ясно, что подобная «утка» могла вылететь лишь из источника, далекого от симпатии к Советскому Союзу. В свою очередь, американская военная разведка подхватила этот нелепый вымысел и сочинила версию для доклада президенту. В ней как в зеркале нашли свое отражение высокомерие по отношению к советским людям и их организаторскому таланту вообще и неправильное, предвзятое мнение, будто советский народ не способен что-либо сделать самостоятельно без приглашения «варягов» извне и т.д.

Понятно, шумиха о нежелании Советского правительства допустить в СССР американских военных специалистов была затеяна с целью де-

---

¹ Имеются в виду истребители «Томагавк». — *Ред.*

информации общественного мнения в США и предоставления полной свободы действий тем руководящим деятелям, кто явно стремился сам решать, что поставлять в СССР, в каких размерах, каком ассортименте и в какие сроки.

Вместе с тем слишком уж бросалось в глаза стремление некоторых правительственных кругов и военного департамента США использовать момент и направить в Советский Союз как можно больше своих военных наблюдателей и контролеров. Об этом, в частности, свидетельствовала и история, связанная с поездкой на советско-германский фронт военного атташе американского посольства в Москве майора Итона в качестве наблюдателя. Шумиха вокруг этого раздувалась не без участия таких высокопоставленных лиц, как исполнявший обязанности государственного секретаря Уэллес и военный министр Стимсон.

Представители американских военных кругов использовали буквально каждый повод, чтобы вновь и вновь высказать нам свое мнение о необходимости этой поездки. Они всякий раз назойливо заговаривали о посылке американских военных наблюдателей в Советский Союз. Из неофициальных источников нам было известно, что тогдашний посол США в Москве Штейнгардт имел прямое поручение от своего правительства настаивать перед Советским правительством на допуске американских военных наблюдателей в советское Приморье и Забайкалье. На совещании в Пентагоне в августе 1941 г. генерал Гюнтер, занимавший в то время ответственный пост заместителя начальника штаба армии, специально выдвинул вопрос об Итоне.

Даже в общем-то благоприятно настроенный к СССР министр внутренних дел США Г. Икес, беседуя с нами (о чем речь пойдет ниже), и тот довольно прозрачно намекал, что деятели из военного департамента, которые ставят нашей миссии рогатки, использовали отказ принять американских военных наблюдателей как доказательство советского нежелания сотрудничать с США в военной области. И каждый раз в качестве контрпримера приводилась Англия, которая, дескать, допустила десятки американских военных специалистов и наблюдателей. И это, мол, не приносит ей никакого ущерба. При этом Икес подчеркнул, что кое-кто из руководящих деятелей США отсутствие непосредственной (т.е. из американского источника) информации с советско-германского фронта использует для широкой пропаганды той информации, которую подбрасывает гитлеровская агентура в США. Не надо было обладать большим соображением, чтобы представить себе, что это были за сведения!

Но вернемся к Феймонвиллу. Он сказал нам, что между английским и американским правительствами достигнута следующая договоренность: из общего числа истребителей «П-40», которые Англия получает в США,

англичане переуступают СССР 200 самолетов. Однако тут же выяснилось, что эти истребители разбросаны по разным, далеко отстоящим друг от друга районам: в США, Англии и Египте. Кроме того, американцы поставляют эти самолеты без пушек и пулеметов, вооружение на них должны устанавливать англичане.

Это решение западных союзников не могло нас устроить. Во-первых, столь незначительное количество самолетов ни в коей мере не шло в сравнение с потребностями советско-германского фронта. Во-вторых, самолеты, предназначавшиеся для участия в боевых действиях в самое ближайшее время, поставлялись без вооружения и необходимого оснащения. И в-третьих, зачем надо было отправлять их из США морем в Англию или Египет? Почему с нами по этому вопросу даже не посоветовались?

Подчеркнув свою готовность приступить к деловому обсуждению вопроса о маршрутах доставки истребителей по воздуху, мы высказали Феймонвиллу неудовлетворенность как их количеством, так и отсутствием на них вооружения, из-за чего эти самолеты не могут быть сразу использованы по прямому назначению.

Американцы обещали нам не только истребители, но и бомбардировщики типа «Локхид-Гудзон». Мы напомнили Феймонвиллу об этом. Его ответ сразу как-то даже не укладывался в сознании. Оказывается, английский маршал авиации Харрис сказал американцам, что, по его мнению, бомбардировщик «Локхид-Гудзон» не подходит для Советского Союза, поэтому вопрос о нем был снят.

Снова и снова союзники проявили стремление решать вопросы поставок без нас и за нас, и мы выразили самый решительный протест. Этот возмутительный факт с новой силой говорил о необходимости создания координационного органа трех держав — «Комитета трех».

В тот же день после обеда состоялась новая встреча с заместителем государственного секретаря США Уэллесом. Мы передали ему наши уточненные заявки на вооружение и горючее. В ответ последовали обычные фразы: «Очень рад вас видеть», «Не позднее чем через час начнется рассмотрение заявок», «Сделаем все возможное» и т.п. При этом он сказал: «Моя задача заполнить ваше время так, чтобы вы целиком могли быть заняты своими задачами». Трудно сказать, что именно хотел выразить этой двусмыслицей высокопоставленный американский дипломат. Потом Уэллес сообщил, что 30 июля нас, вероятно, примет президент. У него, видимо, в числе других вопросов, речь пойдет и о создании «Комитета трех», призванного координировать усилия трех государств в области обеспечения нужд фронтов вооружением и другими военными материалами.

В беседе с Уэллесом мы не преминули коснуться вопроса о самолетах. Этот вопрос нас не мог не волновать. К сожалению, Уэллес лишь

сослался на предстоящую встречу с президентом. И снова он стал говорить о необходимости изучения и согласования наших заявок с учетом потребности как Советского Союза, так и Англии. А для этого необходимы скоординированные действия по линии «Комитета трех». С этим нельзя было не согласиться. Но настораживала высказанная Уэллесом мысль, что правительство США не в состоянии просто так, механически передать Англии все те материалы, которые англичане захотят по своему желанию направить Советской Армии. Это говорило об определенных настроениях в американских правящих кругах, а также о существующих формально-правовых ограничениях.

Мы обратили внимание Уэллеса на то, что в полученном через Ачесона ответе на нашу промышленную заявку нет положительного решения по целому ряду важных пунктов. Например, по оборудованию для двух крекинговых заводов и некоторых других предприятий, имеющих важное значение для укрепления оборонной мощи СССР, Уэллес пообещал вернуться к этим вопросам, заметив при этом, что речь идет о таком оборудовании, изготовление которого в США и пуск в эксплуатацию в Советском Союзе потребуют много времени. Мы же, по его мнению, должны сосредоточить свое внимание на тех материалах, которые нужны фронту сейчас, в ближайшее время. И в этом вновь проявилась недооценка американцами советских темпов монтажа оборудования, ввозимого из-за рубежа, особенно темпов, приумноженных в военное время. Мы прямо об этом сказали Уэллесу и попросили направлять нам не только те материалы, которые необходимы фронту сейчас, но и те, что понадобятся в перспективе — с учетом всевозрастающих масштабов вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Дело за нами не станет, подчеркивали мы, только бы быстро поставлялось оборудование.

Днем 30 июля состоялась очередная, малорезультативная встреча с Феймонвиллом. В ней участвовали К.А. Уманский, А.К. Репин и я.

После этого мы отправились в Управление промышленного производства, где намечалось считывание и сопоставление заявок Советского Союза и Англии. Нас в первую очередь интересовали вопросы, по которым мы пытались договориться. Кстати сказать, английские представители (главным был советник по финансовым вопросам, фамилию его не помню) проявили неуважение к совещанию: они опоздали на 35 минут. В управлении нас никто не встретил. Сначала мы искали место проведения совещания по этажам и коридорам, потом стояли в ожидании в общем канцелярском зале. Наконец, нас приняли в комнате, где работали несколько машинисток. Естественно, мы с А.К. Репиным были возмущены столь элементарной нераспорядительностью и плохой, явно не американской организацией дела и ушли, не дождавшись окончания этого, с позволения сказать, заседания.

Вскоре мы узнали, что прием советской военной миссии президентом США назначен на 31 июля. Накануне поздно вечером состоялся не совсем приятный разговор между мною и К.А. Уманским. Посол упрекал А.К. Репина за его слишком резкое реагирование на волокиту американских чиновников и ответственных лиц в решении вопросов, связанных с поставками, на проволоочки, прикрываемые дипломатической болтовней. В этом отношении я был солидарен с А.К. Репиным и считал возможным посоветовать К.А. Уманскому шире привлекать сотрудников советского посольства к более активной и плодотворной работе по вопросам, связанным с выполнением задач военной миссии.

Но при этом я хочу особо сказать, что у нас — сотрудников советской военной миссии установился с товарищами из посольства самый тесный и деловой контакт. Буквально на каждом шагу мы ощущали поддержку со стороны посла К.А. Уманского. Не забудется, сколь резителен и принципиален он был в проведении вопросов, связанных с материальными поставками Советскому Союзу. Деятельную и весьма эффективную помощь советская военная миссия получала от А.А. Громыко, в то время советника нашего посольства в Вашингтоне. Тесная деловая связь у нас была и с отделом печати. Все это имело для миссии неоценимое значение, и я всегда с чувством самой сердечной признательности вспоминаю замечательный, отзывчивый коллектив советского посольства в США.

Это было тем более ценно для нас и потому, что в те дни на нашем пути действительно возникало много трудностей. Посол и я вынуждены были докладывать Советскому правительству о тех невероятных сложностях и препятствиях, с которыми столкнулась военная миссия в ходе переговоров с официальными представителями правительственных органов США.

Без преодоления этих трудностей, докладывали мы, нельзя рассчитывать на успешное решение вопросов материальных поставок и военной помощи Советскому Союзу. А эти вопросы решались поистине черепашьими темпами. Американцы совершенно не считались с фактором времени, постоянно ссылаясь на англичан. Они, мол, тоже испытывают затруднения военного времени.

В самом деле. Прошло уже более месяца как американцы получили нашу заявку на необходимое вооружение. А что мы имели в ответ? В зенитных орудиях нужных нам калибров нам вообще отказали. Велись длительные общие разговоры об авиации, но ничего конкретного не говорилось о том, сколько истребителей и бомбардировщиков мы получим, какими путями они будут доставляться в СССР, как будет обстоять дело с их вооружением и боеприпасами.

Что касается нашей заявки на промышленное оборудование, то ответ, полученный нами, был неконкретен и вообще неудовлетворителен. Мы знали, что некоторые американские фирмы, в частности, такие как Райт и РСА, готовы были на основе взаимодоговоренности оказать нам техническое содействие по вопросам моторостроения и связи. Однако положительное решение этого вопроса затягивалось из-за противодействия американской администрации. Или другой пример. Вопрос о выделении нам некоторого количества нефтеналивных судов как будто был уже решен, но о том, какие именно суда будут предоставлены, мы не имели сведений. Такая же картина сложилась и в отношении толуола: мы знали, что можем его закупить, но не имели понятия, кто именно должен был поставить это взрывчатое вещество.

Практическое решение всех этих вопросов непрестанно наталкивалось на скрытое сопротивление или прямое противодействие, исходившее в первую очередь от военного и государственного департаментов. Аппарат генерала Бирнса, призванный проводить в жизнь закон о передаче в аренду или займы вооружения (по ленд-лизу), проявлял полную инертность. Буквально на каждом шагу нам ставили палки в колеса, практическое решение вопросов подменялось бесконечными словопрениями, проволочками, разного рода бюрократическими препонами. Во всем этом нельзя было не видеть плохо скрытую неприязнь некоторых влиятельных лиц США к Советскому Союзу.

Было и другое не менее важное обстоятельство. В то время произносилось немало речей о необходимости согласования усилий союзников в деле материальных поставок; немалые надежды возлагались на предстоящую работу «Комитета трех». Но практически мало что делалось в направлении координации совместных усилий и ресурсов. Ни американцы, ни англичане не высказывали ни малейшего намерения информировать нас о том, что именно США поставляют Англии, каковы заказы англичан у американцев, каковы планы США в этом отношении. А это как раз те вопросы, без которых нельзя было вести речь о согласованности действий.

Между тем производство вооружения и его распределение в США и Англии шло в прежнем ритме. Все планировалось так же, как и до нападения Германии на СССР. Никаких намеков на то, что планы производства вооружения, особенно авиации, будут как-то изменены с учетом возникновения основного фронта борьбы с Гитлером на Востоке. Ни о каком усилении помощи Советской Армии не шло и речи. Было ясно одно — никакого пересмотра производственных планов США в пользу Советского Союза не предвидится, а все наши заявки американцы намереваются втиснуть в старые рамки. А это означало, что нам дадут крохи!

Что дело обстояло именно так, подтверждали и события последних дней. Не случайно нам «спихивались» устаревшие бомбардировщики, а новые машины шли в Англию. Истребители «П-40» направлялись Советскому Союзу без вооружения. До сих пор не было конкретно установлено, какое количество самолетов будет поставлено Советскому Союзу в ближайшие 2—3 месяца. Вот это нежелание правительственных органов США и Англии пойти навстречу советской стороне в деле координации общих усилий, критически проанализировать и радикально перестроить свои старые производственные планы — все это не только затрудняло работу советской военной миссии в США, но и вообще ставило под вопрос материальные поставки Советскому Союзу в самые трудные для него первые месяцы Великой Отечественной войны.

Больше того, очень ярко проявилось стремление некоторых влиятельных лиц из правительственных органов США и Англии обсуждать и решать вопросы, касающиеся военных поставок в Советский Союз, без советских представителей. За нашей спиной решалось не только, что именно нам нужно, но и каковы наилучшие маршруты и способы доставки этих предметов и материалов в Советский Союз и т.д.

Англичане и американцы непрерывно обменивались взаимными ображениями о поставках США англичанам. Эти сведения держались втайне от советских представителей. Они сообщали друг другу о советских заказах в Англии и США, тогда как мы были лишены возможности лично осматривать те предметы вооружения, на которые сделали им заявки. За все это время А.К. Репина допустили лишь к истребителю «П-40».

В официальных американских органах, имевших влияние на ход поставок, засели люди, которыми руководило главное — политическая неприязнь к Советскому Союзу. По этой причине затягивалось решение вопросов фрахтовки тоннажа для доставки в СССР военных материалов. Центральный военный аппарат ОНА через буржуазную прессу вел активную пропаганду успехов гитлеровской Германии, пытался опорочить профессиональные умения советских офицеров и генералов, умалить героизм советских воинов, всеми способами старался саботировать выполнение советских заказов. Нам были известны факты, когда военный департамент накладывал «вето» на материалы, к поставке которых в Советский Союз имелись все возможности.

Все это было очень серьезно. Успешное решение задач нашей миссии было немыслимо без преодоления этих трудностей. Мы считали, что в интересах общего дела президент Рузвельт должен призвать к порядку те элементы своей администрации, которые саботировали дело помощи Советскому Союзу, приструнить военный аппарат, дать указания о ради-

кальных изменениях производственных планов и предоставить всю широту полномочий Гопкинсу в Москве. Докладывая обстановку и свои соображения Советскому правительству, мы полагали, что все это может пригодиться во время бесед с личным представителем президента США Г. Гопкинсом, который в сопровождении бригадного генерала Мак Нарнея и лейтенанта Д. Алисона 28 июля прибыл в Москву. В тот же день он был принят И.В. Сталиным. Личного представителя Рузвельта сопровождал посол США Штейнгардт. На следующий день И.В. Сталин имел вторую беседу с Гопкинсом. Беседа продолжалась два часа. Из Москвы Гопкинс вылетел в Лондон.

Но вернемся к работе нашей миссии в США. Утром 31 июля в военном департаменте состоялась полуторачасовая беседа с военным министром Г. Стимсоном. С нашей стороны были посол К.А. Уманский, А.К. Репин, военный атташе И.М. Сараев и автор этих строк. Американцы кроме министра были представлены его заместителем Мак-Клоем, генералом Мэйлсом, возглавлявшим американскую разведку, а также полковником Феймонвиллом, капитаном Кристелом и еще кем-то.

Перед нами предстал 72-летний старик, как видно, сильно чувствовавший груз своего возраста. Это и был Стимсон. Беседу с нами министр начал с замечания, что надо считать «недоразумением» слух, будто он не хочет видеть у себя генерала Голикова, и что, наоборот, он стремился к этому с первого же дня пребывания советской военной миссии в Вашингтоне. Мне оставалось ответить, что до меня этот слух в такой форме не доходил.

Нам бросилось в глаза, что на стене в кабинете военного министра США висела карта Европы с явно ошибочным обозначением линии советско-германского фронта — на всем его протяжении от полуострова Рыбачий до Черного моря. Судя по этой карте, многие советские города, в том числе Мурманск, Петрозаводск, были уже заняты немецко-фашистскими оккупантами и враг вплотную подошел к Ленинграду. На центральном направлении гитлеровцы находились на ближних подступах к Вязьме. Все это не соответствовало истинному положению войск воюющих сторон¹. В таком обозначении линии фронта, как видно, проявлялось

---

¹ К концу июля 1941 г. линия советско-германского фронта проходила в нескольких десятках километрах от Мурманска на севере, далее по линии государственной границы в Карелии, опускалась к Ладожскому озеру и Карельскому перешейку. На Ленинградском направлении бои шли западнее Луги и Сольцов. Затем фронт проходил под Витебском, Великими Луками, восточнее Смоленска у Ярцево и западнее Ельни. Города Мурманск и Кандалакша никогда не были заняты врагом. — Великая Отечественная война. Кн. I. С. 176—178, 186—188, 197—201. — *Ред.*

лицо американской разведки с ее ярко выраженной ориентировкой на геббельсовскую пропаганду и все той же неприязнью по отношению к советскому народу и его вооруженным силам.

Вообще надо сказать, что в американских официальных кругах в то время господствовало мнение, что русским не устоять под ударами гитлеровской военной машины. Один из авторитетнейших государственных деятелей США того времени Э.Р. Стеттиниус свидетельствует: «В день 22 июля 1941 г. как в военных кругах, так и вне их многие не верили, что сопротивление Советского Союза может быть продолжительным. Я вспоминаю много дискуссий, участники которых говорили, что война в России закончится к 1 августа. Те, кто придерживался этой точки зрения, считали, что все оружие, которое мы пошлем, вероятно, попадет в руки Гитлера. Единство советского народа и сила Советской Армии недооценивались в те дни не только в Берлине, но также и в Вашингтоне и Лондоне¹.

Поэтому мы считали своим долгом в беседах с министром и другими американскими деятелями разбивать домыслы тех, кто ждал поражения СССР и победы Гитлера. Так мы поступали и в Лондоне, и в Вашингтоне. Это чувствовали наши собеседники. Тот же Стеттиниус, описывая встречу членов советской военной миссии с начальником штаба американской армии генералом Маршаллом, в которой он принимал участие, писал: «Оба генерала (А.К. Репин и я. — *Ф.Г.*) подчеркивали необходимость быстрых действий, но они были абсолютно уверены в том, что Советская Армия не будет разгромлена летом и более того, что у нее хватит сил для захвата инициативы с началом зимы. Это были смелые слова в дни, когда Красная Армия откатывалась назад по Украине и Белоруссии»².

В том же духе мы собирались вести разговор и с военным министром США Г. Стимсоном. Как только мы вошли в его кабинет, сразу же завязалась беседа о ходе военных операций на советско-германском фронте и тактических уроках нынешней войны. В задаваемых министром вопросах чувствовался особенно большой интерес американских военных руководителей к проблеме борьбы с танками и партизанскому движению. В частности, нас спрашивали, верно ли, что мы специально готовили воинские части для партизанской борьбы, интересовались вопросами руководства партизанским движением со стороны центра, о кадрах партизан и т.д.

---

¹ Стеттиниус Э.Р. Указ. соч. С. 110.

² Там же. С. 112.

Ответив в пределах допустимого на эти вопросы, мы постарались перевести беседу на оказание практической помощи Советской Армии. В ответ слышали лишь знакомые общие фразы и длинные тирады об историческом различии между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, об отсутствии у последних необходимой армии и должного военного производства. Стимсон не преминул с плохо прикрытым намском бросить упрек в адрес тех, кто считает возможным «найти в Америке все, что только душа пожелает, будто в этом обетованном краю все дается легко, делается из воздуха» и т.д. и т.п.

Подтверждая готовность оказать Советскому Союзу определенную материальную помощь, военный министр тем не менее очень много ссылался на «объективные» причины, которые, дескать, мешают оказать эту помощь в ближайшее время и в значительных размерах. Он долго распространялся об отставании в строительстве американской армии. Это в известной степени объяснялось тем, говорил он, что в силу исторических условий США сложились как морская держава и поэтому главное внимание уделялось строительству морского флота. Американцы, продолжал Стимсон, с большим интересом следят за событиями на советско-германском фронте, однако информацию получают из вторых рук. Тем самым он довольно прозрачно намекнул на необходимость поездки Итона в действующие советские войска.

Со своей стороны мы старались доказать Стимсону, что решение вопроса о поставках военных материалов из США в СССР зачастую упирается не в производственные трудности американцев и объективные причины, а зависит от субъективного отношения к делу отдельных американских деятелей. При этом мы сослались на пример с фирмами Райт и РСА. Эти фирмы готовы идти нам навстречу в некоторых вопросах технического содействия, а государственный и военный департаменты не только не поддерживают эту готовность, но всячески препятствуют решению вопроса.

Вспоминая о приеме миссии военным министром США Стимсоном, хочу подчеркнуть, что с внешней стороны прием прошел в дружеской атмосфере. Стимсон даже просил не сетовать на то, что не смог раньше принять А.К. Репина и меня. Конечно, каких-то ощутимых результатов эта встреча не принесла. Но мы надеялись, что беседа с военным министром поможет несколько улучшить наши деловые отношения с аппаратом военного департамента США. Мы использовали ее для того, чтобы еще раз подчеркнуть нашу решимость настаивать на удовлетворении советских заявок на военные материалы.

ПОМОЖЕТ ЛИ ПРЕЗИДЕНТ?

Приему советской военной миссии президентом США Франклином Д. Рузвельтом мы придавали большое значение. Авторитет президента мог и должен был сыграть очень важную роль в организации общей борьбы с фашизмом. Мы понимали, что Рузвельт — представитель американской буржуазии. Но он выражал взгляды наиболее дальновидных и реалистически мыслящих представителей своего класса. Американский президент возглавлял всю администрацию США, был гавнокомандующим всеми вооруженными силами, руководил политической партией, стоящей у власти. Все это следовало учитывать.

Встреча с президентом состоялась 31 июля 1941 г. На приеме присутствовали посол К.А. Уманский, А.К. Репин и я. С американской стороны был «офицер связи» (а на самом деле — разведки) капитан Кристел, занимавшийся делами Советского Союза, а к концу беседы пришел генерал Уотсон, адъютант президента. Ожидалось также участие в беседе Уэллеса, но он, к нашему удовольствию, почему-то не появился.

Накануне этого дня Уэллес разговаривал по телефону с Уманским. Руководитель госдепартамента беспокоился, не пожалуемся ли мы президенту на неудовлетворительный ход работы с советской военной миссией. Уманский сказал ему, что мы это непременно сделаем. Уэллес просил иметь в виду, что в разговоре с нами Рузвельт может затронуть вопрос о «транспортной пробке» во Владивостокском порту и о целесообразности посылки американских специалистов-транспортников в Советский Союз. Мы приняли к сведению эту информацию.

За давностью лет отдельные подробности нашей встречи с президентом стерлись в памяти. Но все же попытаюсь восстановить ее ход. В приемной президента мы ждали не более 20 минут, прежде чем нас пригласили в кабинет. Мы сразу же почувствовали благожелательное отношение президента Соединенных Штатов Америки к представителям Советского государства. Ф. Рузвельт держался просто, непринужденно, был внимателен к каждому из участников беседы. Перед встречей генерал Уотсон нас предупредил, что на прием отведено 15 минут. Но когда они истекали, президент не проявил никакой торопливости и в нашем присутствии ни разу не взглянул на часы. И беседа вышла за пределы отведенного ей по протоколу времени. Началась она, как помню, в 12 часов 35 минут, а закончилась только через 45 мин. В целом атмосфера встречи с президентом выгодно отличалась от обстановки тех бесед, которые до того нам пришлось вести с американскими представителями, — слишком много в них было нервозности и натянутости.

Взаимно обменявшись приветствиями, мы приступили к деловому обсуждению вопросов. Тон президента как-то сразу расположил нас к откровенному разговору. Прежде всего я сделал официальное заявление по поручению Советского правительства. Потом подробно охарактеризовал положение дел в связи с пребыванием советской военной миссии в США.

Ф. Рузвельт внимательно меня выслушал. Отметив важное значение вооруженной борьбы, развернувшейся в Европе, и ту роль, которую в ней играет Советский Союз, он как бы мимоходом спросил, каково настроение сотрудников советской военной миссии, все ли идет так, как надо.

Включившись в разговор, посол К.А. Уманский ответил, что члены советской военной миссии Ф.И. Голиков и А.К. Репин находятся «в скверном настроении». Это нетрудно понять, так как вопросы решаются крайне медленно, либо не решаются вовсе, а практическое дело подменяется бесконечными совещаниями. Многие инстанции вместо того, чтобы принимать решение, сваливают дело друг на друга. Все это отрицательно сказывается на работе советской военной миссии, тогда как на миссию возложены ответственные и неотложные задачи.

Подтвердив все сказанное Уманским, я со своей стороны подчеркнул, что на советско-германском фронте сейчас идут кровопролитнейшие бои; что этот фронт приобрел ныне решающее значение. Поэтому всякое промедление с решением вопросов, связанных с материальной помощью Советскому Союзу, повлечет за собой нежелательные последствия. Советская военная миссия надеется, что президент учтет эти обстоятельства и как главнокомандующий американскими вооруженными силами примет соответствующие меры.

В ответ на это Ф. Рузвельт шуточно сказал, что ему самому надоели бесконечные и бесполезные совещания, которые нередко подменяют дело. Переходя к конкретным пунктам нашей заявки, он сообщил, что уже принято решение о выделении Советскому Союзу 200 истребителей «П-40», причем только четвертая часть из них находится в США, а остальные в Англии. Собственно говоря, это были те же данные, которые нам ранее передал Феймонвилл. От Феймонвилла мы также знали, что эти истребители не оснащены вооружением. Поэтому мы спросили президента о возможности установки на них вооружения. Ответ Рузвельта был весьма уклончив. На некоторых самолетах как будто бы есть вооружение, сказал он, но нет боеприпасов; во всяком случае, это надо дополнительно выяснить. Когда зашел разговор о боеприпасах, Ф. Рузвельт подчеркнул, что американцы испытывают острый недостаток в них. Однако пообещал помочь нам боеприпасами и вообще ускорить решение вопроса о предоставлении Советскому Союзу определенного количества вооруженных и снаряженных самолетов.

Затем Ф. Рузвельт по собственной инициативе перешел к вопросу о маршрутах доставки самолетов в Советский Союз. Он заявил, что если переправлять самолеты в СССР через Дальний Восток, то целесообразно перебрасывать их сразу непосредственно из США, а не через Англию, как намечалось ранее. По его мнению, об этом можно было бы договориться с англичанами и это, несомненно, ускорило бы дело. Нельзя было не согласиться с такой постановкой вопроса.

Рузвельт поинтересовался, имеются ли у нас на Дальнем Востоке и в Сибири хорошие аэродромы. Дело в том, сказал он, что у истребителя «П-40» ограниченный запас горючего и ему приходится делать частые посадки для дозаправки. К тому же на недостаточно хорошо оборудованных аэродромах при посадке он нередко капотирует.

Мы пояснили, что аэродромная сеть в восточных районах нашей страны достаточно развита и находится в таком состоянии, что способна принимать американские самолеты. Кроме того, довольно быстро могут быть усовершенствованы существующие и построены новые взлетно-посадочные полосы. За этим дело не станет — были бы самолеты. Рузвельт, разумеется, знал, что многие американские авиационные специалисты не поддерживали идею перегона самолетов на советско-германский фронт через Дальний Восток и Сибирь. Они считали, что использование этого маршрута повлечет за собой слишком много потерь, а главное — советские специалисты не смогут быстро освоить американскую технику; неизбежно пройдет много времени, прежде чем эти самолеты смогут принести пользу на фронте. Видимо, поэтому Рузвельт предложил переправлять американские самолеты морем во Владивосток и Николаевск на Амуре и оставлять их на Дальнем Востоке, не перегоняя далее на Запад. Вместо них на фронт посылать самолеты из состава советских ВВС на Дальнем Востоке.

Резон в этом предложении был. Однако это уже было дело советского командования, как наиболее целесообразно использовать наличную авиацию. Тем более что это, несомненно, предусматривалось планами советского военного руководства. Но мы вынуждены были обратить внимание Рузвельта на то, что в США явно недооцениваются возможности и способности советских летно-технических кадров. Можно не сомневаться в том, подчеркнули мы, что советские летчики, инженеры и техники быстро освоят американские самолеты и доставят их благополучно на фронт. С их стороны задержки не будет, присылайте только самолеты!

Помнится, А.К. Репин, активно участвовавший в разговоре, очень уместно заметил, что помощь Советской Армии американскими военными материалами имеет не только материальное, но и морально-политическое значение. На немцев, вне всякого сомнения, произведет психоло-

гическое воздействие этот факт, когда они узнают, что советские авиаторы ведут боевые действия против них на американских самолетах.

Итак, вопрос с поставкой первой партии американских истребителей более или менее прояснился, хотя мы еще не знали, как будет обстоять дело с их вооружением и боеприпасами. Но четкого представления о возможности приобретения бомбардировщиков у нас еще не было, и я сказал об этом президенту; пока, продолжал я, американские представители высказались лишь о возможности поставки нам бомбардировщиков типа «Локхид-Гудзон». А у США есть более современные машины, чем эта, на которой мы с Репиным перелетели океан. Рузвельт согласился, что «Гудзон» не наилучший тип бомбардировщика, но ничего определенного не пообещал.

Я сказал президенту, что я не дипломат, поэтому хотел бы высказаться о положении дел с поставками в СССР с военной прямотой. Рузвельт снова в шуточной манере ответил, что он тоже не дипломат, да и время сейчас не подходящее для дипломатии. Тем более это обязывает меня говорить без обиняков, заметил я. Выход из положения мы видим в том, чтобы президент лично вмешался в ход материальных поставок Советскому Союзу. Бесконечные совещания, словопрения и оттяжки ни на один шаг не продвинули дело.

Мы откровенно рассказали президенту о неудовлетворительном ходе переговоров с советской военной миссией, о неопределенности создавшегося положения, беспрестанном сваливании сотрудниками госдепартамента и военного ведомства друг на друга ответственности за решение вопросов, выискивании ими всяких сомнений, «объективных» причин и отрицательных мотивов. Мы были глубоко убеждены, что конец волоките может положить лишь сам президент.

Президент США Ф. Рузвельт выразил восхищение Советской Армией, ее героической борьбой с бронированными полчищами агрессора. Он согласился, что ускорение темпов помощи Советской Армии не только желательно, но и необходимо. При этом Ф. Рузвельт подчеркнул, что особенно важно отправить материалы в ближайшие два-три месяца, т.е. до 1 октября. По его мнению, это будет решающий период в ходе советско-германской войны. (К сожалению, это обещание оказалось в полном противоречии с действительностью, так как даже организацию первого совместного совещания с советскими руководителями для обсуждения плана поставок на ближайшие месяцы правящие круги США и Англии затянули до самого конца сентября.)

Подобно другим государственным деятелям США, с которыми нам приходилось до этого встречаться, Ф. Рузвельт стал объяснять причины, которые мешают Америке активно участвовать в общей борьбе с фашиз-

мом и оказывать СССР такую помощь, какую хотелось бы. Он ссылаясь на то, что США в военном отношении отстали, военное производство только налаживается и лишь спустя несколько месяцев круто пойдет вверх и это создаст более благоприятные, чем сейчас, возможности для оказания Советскому Союзу материальной помощи. Кроме того, говорил президент, США помогают также Англии, Китаю, Голландской Индии. Все это надо иметь в виду.

Да, это, конечно, так, заметил К.А. Уманский. Но нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что после нападения немецко-фашистских захватчиков на Советский Союз решающее значение не только в Европе, но и для судеб всего человечества приобрел советско-германский фронт. И нельзя рассматривать планы производства и снабжения без учета данного конкретного исторического обстоятельства. Надо коренным образом все пересмотреть с учетом новой обстановки, а не втискивать советские заявки в старые наметки, не ограничиваться теми крохами, которые достаются Советскому Союзу. У союзников должна быть согласованность во всем. Между тем многие вопросы, связанные со снабжением СССР, англичане и американцы решают без участия советских представителей, а порой просто за их спиной. «Комитет трех» никак не может раскачаться и начать работу, англичане тянут с назначением своего представителя в комитет. Все это не может не беспокоить советскую сторону.

Ф. Рузвельт согласился с тем, что надо ускорить начало работы «Комитета трех», и сказал, что американцев в этом комитете будет представлять Г. Гопкинс, который сейчас находится в Москве. В отсутствие Гопкинса его будет замещать генерал Бирнс.

Далее Ф. Рузвельт действительно, как и предупреждал нас Уэллес, заговорил о том, что, как ему стало известно, американские военные грузы оседают во Владивостоке, а транспорты задерживаются, создавая «пробку». Дело, как видно, упирается в отсутствие в Советском Союзе специалистов-транспортников. Поэтому идя навстречу Советскому Союзу, США могли бы направить туда своих специалистов. Он назвал одного из них, фамилии его сейчас уже не помню.

Нам снова, на этот раз самому президенту, пришлось разъяснять, что «транспортная пробка» на Дальнем Востоке вымышленна. Советский железнодорожный транспорт с успехом выполняет возложенные на него задачи. Нет оснований сомневаться в том, что любые грузы, особенно военные, будут доставлены в действующую армию по транссибирской магистрали в самые минимальные сроки. Поэтому посольство и военная миссия просят правительство США помочь нам вооружением и военными материалами, в том числе и через дальневосточные порты; максимально сосредоточить на этом свое внимание. Наш ответ удовлетворил Ф. Рузвельта и он больше не возвращался к этому.

Закончив с пресловутой «транспортной пробкой», мы перешли к обсуждению последней советской заявки на вооружение. Поскольку Уэллес не успел ознакомить с ней президента (хотя заявка была передана в госдепартамент два дня назад) пришлось здесь же в кабинете рассматривать ее по пунктам. В ходе обсуждения Рузвельт составлял список, в котором помечалось, что могло быть нам предоставлено. По окончании обсуждения он этот список передал своему адъютанту. На этом, собственно, и закончился прием президентом США Ф. Рузвельтом советской военной миссии. Расстались мы с ним по-дружески. Едва ли будет ошибкой сказать, что для Рузвельта разговор с нами был трудным. Ведь все, что мы ему рассказали о поведении ответственных сотрудников госдепартамента, военного ведомства и других американских органов, далеко не соответствовало линии самого Рузвельта как президента и главнокомандующего. К тому же в ряде важных вопросов президента просто дезориентировали. Поэтому мы порою замечали неловкость его положения и явно извинительный тон. К чести Рузвельта следует отнести его стремление обсуждать сложные вопросы лояльно и искать пути к наиболее целесообразному их решению.

Вспоминаю, когда мы вышли из кабинета президента, капитан Кристел бросил по-английски Уманскому: «Русские так настойчивы в своих просьбах и предложениях, что это скорее похоже на нажим на президента, вежливый, тактичный, вполне дипломатичный, но все же нажим». Что же, может быть, это и так. Но интересы сражающейся героической Советской Армии, переживающей тяжелые дни и недели, интересы вызволения народов Европы от фашистского рабства обязывали нас и за рубжом говорить со всей ясностью и жесткостью.

Советские люди верили, что американский народ и лично президент Ф. Рузвельт искренне желают помочь им. Однако обстановка в то время была такова, что требовалась более эффективная помощь. Это относилось и к поставкам оружия, и необходимых военных материалов, и к предоставлению транспортов (в том числе морского тоннажа), и к разработке и освоению наиболее безопасных и действенных маршрутов и способов доставки материалов в Советский Союз.

Каков же был общий итог встречи? Безусловно, появилась надежда на то, что личное вмешательство президента продвинет переговоры вперед, меньше станет неясностей и неопределенностей. В этом духе я и высказался, прощаясь с президентом.

Конкретные же итоги ее состояли в том, что мы получили подтверждение о предоставлении Советскому Союзу 200 самолетов «П-40». По списку, который при нас составлял Рузвельт, до 1 октября нам могли быть предоставлены 7,62 и 12,8 мм пулеметы, а также полуавтоматические

винтовки Гаранта. Выяснилась возможность выделения противотанковых орудий и авиационных бомб. Однако мы получили категорический отказ в поставке в ближайшие два месяца зенитных орудий и боеприпасов, в которых так остро нуждался фронт. Это было отложено на более поздние сроки.

И все же не было полной гарантии в том, что мы получим обещанное. Слишком много было ориентировочного, предположительного, настораживали обещания выяснить тот или иной вопрос. Да к тому же буквально через два часа после встречи с президентом Феймонвилл передал сотруднику советского посольства Сельдякову, что полученные нами цифры выделяемых самолетов весьма сомнительны и нереальны. Вообще, подчеркнул американский полковник, советское посольство питает излишний оптимизм в вопросах поставок, в «Белом доме придерживаются другой линии».

И все же встреча с Рузвельтом оставила у нас благоприятное впечатление и вселила надежды. Упомянувшийся ранее Стеттиниус писал по этому вопросу: «Прибытие советской военной миссии положило действительное начало программе военной помощи Советскому Союзу. Генералы Голиков и Репин встретились и разговаривали с президентом, а также с другими представителями правительства. Рузвельт вскоре после этого рассмотрел вопрос на заседании кабинета, обратив внимание на тот факт, что прошло почти шесть недель с начала войны на русском фронте, но практически ничего из нужных России материалов не отправлено»¹.

Дружественный и деловой прием у Ф. Рузвельта, безусловно, способствовал некоторому улучшению нашего настроения в связи с появившейся надеждой на какую-то реальную помощь. Впечатление о Президенте Соединенных Штатов у всех нас сложилось в общем положительное, но все же не такое, как мы ожидали по его общеизвестным характеристикам. В общении Ф. Рузвельт был, конечно, проще и доступнее своих министров, с которыми нам довелось встречаться. Но вместе с тем в его поведении чувствовались нотки показного — как в подчеркнутом внимании к нам, так и в проявлении повышенного участия в нашем деле, а также в самом подходе к решению волновавших нас вопросов. Рузвельт без сомнения был крупный политик и дипломат, хотя в начале беседы и ответил мне, что он «тоже не дипломат».

Ф. Рузвельт — выдающийся государственный деятель, немало сделавший для укрепления отношений между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом. Уже сам факт, что он первым из руководящих

---

¹ Стеттиниус Э.Р. Указ. соч. С. 113.

американских деятелей выступил за установление дипломатических отношений между США и советской страной, говорит о том, как далеко вперед смотрел он, насколько реалистически подходил к оценке роли на мировой арене молодого Советского государства. Многие люди как в Советском Союзе, так и в Соединенных Штатах хорошо помнят то время, когда между нашими странами складывались добрые отношения, особенно в суровые годы Второй мировой войны, когда мы вместе, бок о бок сражались против общего врага — гитлеровской Германии.

Прием советской военной миссии президентом США летом сурового 1941 г. нашел широкий отклик в американской прессе. Газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Сегодня президент Рузвельт обсуждал с советским послом Уманским и русской военной миссией, находящейся в США, сложившуюся военную обстановку и американскую помощь Советскому Союзу.

Глава миссии генерал-лейтенант Филипп Голиков, который является заместителем начальника Генерального штаба Советской Армии, и его помощник инженер-генерал Александр Репин были одеты в форму алого, голубого и защитного цветов с советским серпом и молотом, обрамленным золотыми листьями на фуражках...

Генерал Голиков после официальных переговоров сказал, что было «очень легко обсуждать военные вопросы с Вами, президент». «Чувствуется, — добавил он, — что президент Рузвельт очень хорошо знаком со всем комплексом проблем; что он — главнокомандующий не только по праву конституции, но и по своим знаниям, своему глубокому пониманию международной политической обстановки»¹.

Советская военная миссия, сообщила газета, каждый день обсуждает в государственном департаменте вопросы размещения заказов в США. В этом смысле миссия выполняет те же функции, что и миссия Гарри Гопкинса в Москве.

Конечно, в этих газетных сообщениях имеется много фактических неточностей, но общий смысл сказанного более или менее правилен.

В КОРИДОРАХ ВЛАСТИ ВАШИНГТОНА

Последний день июля месяца оказался весьма напряженным. Под вечер беседовал с Сельдяковым, потом с Пархоменко, а затем до трех часов ночи засиделся над телеграммами в Москву. Надо было запросить

---

¹ «Нью-Йорк таймс». 1941. 1 августа.

мнение компетентных инстанций о маршрутах доставки самолетов и о других военных материалах, которые мы могли бы приобрести, а также получить совет по винтовкам Гаранта и бомбардировщикам «Локхид-Гудзон».

А впереди предстояли новые и новые встречи и визиты к видным государственным деятелям США с целью использовать малейшую возможность, чтобы продвинуть вопросы поставок, приобрести необходимые материалы.

1 августа в 11 часов состоялся один из очередных визитов, на этот раз к министру финансов США Генри Моргентау. С нашей стороны кроме меня были К.А. Уманский и А.К. Репин. Это была очень интересная и содержательная беседа. Трудно было предположить, что один из крупнейших финансистов Соединенных Штатов Америки с таким пониманием отнесется к нашим вопросам. Конечно, нам было ясно, что отнюдь не симпатия к Советскому Союзу, его общественному и государственному строю руководила этим крупнейшим представителем американского капитала. В основе лежало, видимо, более глубокое, чем у некоторых других американских деятелей, понимание того, что в этот переломный исторический момент помощь, оказываемая советскому народу, ведущему напряженнейшую борьбу против фашизма, нужна не только СССР, но она жизненно важна и в интересах самих Соединенных Штатов Америки. Именно этот трезвый, реалистический подход и характеризовал Г. Моргентау как дальновидного политика.

Когда мы прибыли к Моргентау, он вышел из кабинета, чтобы встретить нас. Перед нами стоял высокий, уже немолодой человек, с большим лбом и заметной лысиной. Он пригласил нас в кабинет, и между нами завязалась оживленная беседа, длившаяся 30 минут. Разговор начался с шутки, Моргентау сказал о министрах финансов: «Эти люди, которых никто не любит, но было бы бедой для государства, если бы министр финансов оказался слишком популярен».

Как видно, Г. Моргентау вообще был не прочь пошутить: обращаясь ко мне, он заметил, что вот он, буржуазный министр, курит папиросы из одной коробки со мной, а советский посол отказывается взять у него и употребляет свои папиросы.

Перейдя к существу интересующих нас вопросов, Моргентау сразу же заявил, что мы можем рассчитывать на его полное содействие; он использует для этого все имеющиеся у него возможности. Раньше эти вопросы, говорил он, были в его руках, а теперь их у него отняли. Но в Вашингтоне есть люди, на которых можно положиться. В их числе он называл, в частности, О. Кокса, юридического советника в аппарате Бирнса. «Кокс — мой человек, — сказал Моргентау. — У него сердце на правиль-

ном месте». Это означало, что Кокс, так же как и Моргентау, с сочувствием, а главное — с должным пониманием относится к советскому народу. Тут же при нас он в мягких тонах «пробрал» Кокса по телефону за то, что тот все еще не связался с советской военной миссией. Затем Моргентау назначил ему встречу на 14.30, а на 15.00 — совещание с Бирнсом и его, Кокса, участием, которому он порекомендовал прийти «без приглашения».

Видимо, Кокс был как раз тем человеком, который мог помочь нам в проталкивании вопросов о поставках.

Мы сказали Моргентау, что работа миссии продвигается крайне медленно, вопросы с поставками никак не решаются. Больше того, приходится сталкиваться с фактами открытого или скрытого саботажа, исходящего преимущественно от работников военного ведомства. Вот, например, вчера нас хорошо принял президент США, который обещал полное содействие и назвал некоторые конкретные данные, касающиеся помощи Советскому Союзу вооружением и военными материалами. И тут же, как только мы вышли от президента, последовал звонок из военного министерства, поставивший под сомнение вопрос, одобренный Ф. Рузвельтом, о поставке Советскому Союзу самолетов «П-40». В таком деле, как военные поставки, да еще в момент решающих сражений, не должно быть неопределенностей. Мы считаем, что указание президента следует выполнять с подлинно военной четкостью и организованностью.

Министр финансов согласился с нами. Трудности в деле поставок Советскому Союзу действительно имеются, и в ряде случаев со стороны работников военного департамента допускается прямой саботаж. И это не случайно. Мне запомнилось, что в ходе беседы Моргентау обратил наше внимание на деятельность тех кругов США и прежде всего управления стратегической службы, ведавшего разведкой, которые занимаются усиленной обработкой американской общественности, стремясь создать у нее отрицательное мнение о Советском Союзе. Моргентау сказал, что ведется «психическая атака» на президента, ему изо дня в день докладывают необъективные, искаженные сводки о положении на советско-германском фронте, основанные на гитлеровских источниках. В них умалывается героическая борьба Советской Армии и на первый план выдвигаются сведения о потерях и неудачах русских, т.е. подбирается материал пораженческого характера.

В то время подобные настроения были широко распространены среди руководящих деятелей США. Один из них (позже нам стало известно, что это был морской министр Нокс) даже заключил пари, что гитлеровцы будут в Ленинграде, Москве, Киеве и Одессе до 1 октября 1941 г. Односторонняя, тенденциозная и враждебная информация, разумеется, сказывалась и на настроении Ф. Рузвельта. Вчера, 31 июля, он сказал Моргентау: «Вести с русского фронта чертовски плохи».

С нашей стороны было бы неразумно не прислушаться к такого рода информации, исходящей от человека, несомненно, весьма осведомленного в том, что делается в правительственных сферах. В свете сказанного американским министром финансов прояснились многие факты, с которыми миссия сталкивалась во время своих переговоров в Вашингтоне. Стоило ли, в частности, удивляться тому, сколь неправильно была обозначена линия советско-германского фронта на карте, которую на днях мы видели в кабинете военного министра США Стимсона?

Да, активная деятельность аппарата американской военной разведки по дезинформации американского общественного мнения не могла не сказываться отрицательно, когда ставился и обсуждался вопрос об оказании помощи Советскому Союзу. И прямой долг советской военной миссии — противопоставить этой недружественной по отношению к СССР деятельности правдивую, объективную информацию о положении на советско-германском фронте. Надо было показать, что советский народ и его героические Вооруженные Силы, несмотря на невероятные трудности, не теряют уверенности в том, что гитлеровская военная машина будет разбита, что победа будет за ними. Необходимо было добиться, чтобы информация о положении на фронте поступала к Ф. Рузвельту из советских источников, а не из фашистских.

В заключение встречи Моргентау вновь обещал нам постоянное содействие по всем практическим вопросам, и у нас сложилось впечатление, что он действительно поможет. Кстати, он сообщил, что сегодня в час обедает у Рузвельта и, хотя президент может ему «дать по физиономии» за вмешательство не в свои дела, берется помочь нам «провернуть» некоторые вопросы. Расстались мы с ним самым дружественным образом. Моргентау сдержал свое обещание. На второй день после беседы с нами он был у Ф. Рузвельта и подтвердил то, что мы сами говорили президенту, а именно: дело с поставками военных материалов Советскому Союзу продвигается крайне медленно, определенные официальные лица чинят всякого рода препятствия и наносят ущерб общему делу. Моргентау просил Рузвельта принять решительные меры с целью оказания более эффективной помощи Советскому Союзу, подчеркнув ее значение не только для СССР, но и для самих США.

В тот же день состоялось очередное заседание американского правительства. Обычно оно проводилось один раз в неделю. На этом заседании в течение 45 минут обсуждался вопрос о поставках Советскому Союзу. Президент Ф. Рузвельт занял самую решительную позицию по данному вопросу. Характерно, что еще раньше, во время своего отъезда из Вашингтона, он требовал ежедневного доклада о ходе продажи материалов Советскому Союзу. Выступая на упомянутом заседании правитель-

ства, Ф. Рузвельт поставил ряд практических вопросов перед военным министром Стимсоном и исполняющим обязанности государственного секретаря Уэллесом. Он выразил крайнее недовольство теми правительственными органами, которые тормозили поставки материалов в СССР, резко осудил неправильную позицию отдельных официальных лиц. Рузвельт был настолько взволнован и возмущен, что даже несколько раз ударил по столу кулаком, заявив, что здесь не может быть места саботажу. Позже от одного из членов правительственного кабинета мы слышали, что за долгие годы работы с Рузвельтом он никогда не видел его таким рассерженным. Настолько, видно, был недоволен президент затяжками и проволочками в решении вопросов материальных поставок Советскому Союзу в дни решающих сражений с фашизмом.

Первого же августа под вечер состоялась встреча с «опорой» Уэллеса генералом Джеймсом Бирнсом, ставшим впоследствии государственным секретарем США. В отличие от беседы с Моргентау эта встреча оставила у нас самое неприятное впечатление. В ответ на наши справедливые замечания по поводу неудовлетворительного хода дел с поставками мы услышали бестактные и недоброжелательные заявления вроде того, что, мол: «Не ждите, что вам здесь откроют кран и все польется широкой струей». На это А.К. Репин резонно бросил реплику: «Пусть хотя бы капало!». Мы продолжали настаивать на желательности и необходимости выполнения конкретных статей нашей заявки. Ответы звучали примерно так: о самолетах — ответа еще нет, все зависит от военного департамента, о пулеметах калибра 12,7 мм — таких пулеметов нет; о противотанковых орудиях и авиабомбах — выясняется в военном министерстве; о винтовках Гаранта и возможности их осмотра — ответ сообщим и так далее в таком же духе. По ходу встречи проявлялась не совсем благовидная роль второй «опоры» Уэллеса — полковника Феймонвилла, с которым нам приходилось много встречаться. Расстались с Бирнсом плохо — настроение у нас было изрядно испорчен¹.

---

¹ Историки подтверждают: внутреннее сопротивление со стороны союзников, которое столь явственно ощутил Ф.И. Голиков, коренилось, в первую очередь, в том, что они с самого начала приняли решение не рассматривать Советский Союз в качестве партнера, с которым следует вести дела на равной основе, а относиться к нему, как к особому объекту англо-американского внимания, что на деле не давало ни малейших преимуществ нашей стране. Это, в частности, проявилось в ходе визита делегаций Великобритании (глава — лорд У. Бивербрук, министр снабжения в кабинете У. Черчилля) и США (У. Гарриман, специальный представитель президента США) в Москву в октябре 1941 г. — Союзники в войне. 1941—1945. С. 116. — *Ред.*

Как только возвратились в советское посольство, туда явились два американских полковника — Макдональд и Гюнтер. Один из них был из военно-воздушных сил, второй — из разведуправления. По поручению генерала Маршалла они передали нам согласие правительственных органов США направить в СССР первую партию американских самолетов. Эта партия состояла из 28 истребителей и 10 средних бомбардировщиков с боеприпасами. Надо было позаботиться об их доставке к месту назначения.

Это уже конкретное дело, но — мы не сомневались — оно рассчитано на то, чтобы проверить, а не сорвутся ли русские на нем? Не окажемся ли мы неповоротливыми, технически не готовыми? Не дискредитируем ли себя? Любая неудача сейчас была бы в интересах недоброжелательно настроенных к Советскому Союзу кругов, которые могли бы во много раз усилить пропаганду против оказания помощи Советскому Союзу. Вновь могут быть пущены в ход все излюбленные мотивы: и что самолеты целесообразнее поставлять в СССР через Англию, а не непосредственно из США, и что советские лётно-технические кадры будто бы не в состоянии освоить сложную американскую технику и т.п. Ко всему прочему надвигалась осень и затягивать сроки переброски самолетов было нельзя. Короче говоря, надо было торопиться сделать все, чтобы доставка первой партии самолетов прошла успешно, как говорится, без сучка без задоринки. Этот акт представлял собою не только чисто техническую проблему, но и приобретал большое политическое значение.

Наконец из Англии прибыли остальные члены нашей миссии — П.И. Барабанщиков и Л.Л. Райков, которые не смогли вылететь в США вместе с нами. И в тот же день у нас произошло «чрезвычайное происшествие». Около 10 часов вечера из-за неисправности двери лифта упал в шахту А.К. Репин. Ему повезло: упал он все-таки с четвертого этажа на первый, а отделался лишь сильными ушибами и ссадинами. Спустя три-четыре дня после этого досадного происшествия Репин был уже в строю.

В тот же день вечером, впервые после прибытия в столицу Соединенных Штатов Америки, мне удалось побродить пешком по улицам города, посмотреть на Белый дом.

Как уже говорилось, немалую роль в дезинформации американского общественного мнения о положении на советско-германском фронте играло Управление стратегической службы (УСС) США. В связи с этим назрела острая необходимость встретиться с руководством этого управления и высказать им нашу точку зрения по ряду вопросов. Мы и воспользовались приглашением, которое получили от одного из руководителей

УСС генерала Майлса. 2 августа вместе с военным атташе полковником И.М. Сараевым и его помощником я поехал в это управление. Прежде всего нам бросалась в глаза неорганизованность хозяев: хотя мы прибыли официально по приглашению руководителей ведомства и в точно назначенное время, моменту нашего приезда на месте не оказалось ни самого генерала Майлса (находившегося в то время у генерала Маршалла), ни его заместителя полковника Гюнтера, с которым мы были уже знакомы. Потом они усиленно извинялись, но я не исключаю, что их опоздание было преднамеренным.

Руководителей американской разведки интересовал широкий круг проблем. Они пытались «подъехать» к нам и с такими вопросами: где — на каких именно направлениях — мы оказались застигнутыми врасплох, а где ожидали удара и сумели как следует встретить агрессора. Естественно, не было никакой необходимости в полной мере удовлетворять столь повышенное любопытство.

Нас же интересовало главное: когда, наконец, руководители американской разведки начнут давать президенту и другим официальным лицам правдивую информацию о положении дел на советско-германском фронте, когда же будет положен конец дезинформации и фальсификации фактов? Мы подчеркивали, что не требуется особых усилий понять, что подобная практика наносит ущерб сотрудничеству США и СССР. Возражать было нечего. Полковник Понтер заверил, что отныне они обеспечат строго объективную информацию о военной обстановке в Восточной Европе с акцентом на проявление симпатии к Советскому Союзу. При этом он сделал весьма примечательное заявление, что отныне «они не будут заигрывать ни с одной из сторон».

«КОМИТЕТ ТРЕХ» И ПРОБЛЕМА ВОЕННЫХ ПОСТАВОК В СССР

2 августа приступил к работе «Комитет трех». На первом заседании Соединенные Штаты были представлены генералом Бирнсом и полковником Феймонвиллом (последний — в качестве секретаря комитета), Англия — заместителем председателя правительственной миссии в США Моннэ и Советский Союз — послом К.А. Уманским. Начало работы Комитета не предвещало ничего утешительного. Представители Англии, ссылаясь на отсутствие директив премьер-министра У. Черчилля, отказались вести конкретные переговоры о том, чтобы уступить в пользу Советского Союза некоторую часть того вооружения, которое они полу-

чали из США. Они даже не захотели говорить о своих дальнейших намерениях в этом отношении. В ходе дальнейшего совещания проявилась также явная тенденция англичан увести «Комитет трех» от практического решения вопросов согласования и распределения возможностей и ресурсов трех стран в область бесплодных разговоров, иначе говоря, превратить его в чисто «совещательный» и, по возможности, бесполезный орган. Пришлось отложить очередное заседание до тех пор, пока представители Англии не получат указаний от своего правительства.

В тот же день у нас с К.А. Уманским состоялась двухчасовая беседа с Монне по вопросам английских закупок в США.

Открытие работы «Комитета трех» по времени совпало с обменом нотами между послом Советского Союза в США К.А. Уманским и исполняющим обязанности государственного секретаря США С. Уэллесом о продлении сроком на один год действовавшего между СССР и США торгового соглашения. Одновременно Уэллес вручил Уманскому ноту об экономическом содействии Советскому Союзу со стороны Соединенных Штатов Америки.

В этой ноте указывалось, что правительство США решило оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии. Это решение, говорилось в ноте, продиктовано убеждением правительства Соединенных Штатов, что укрепление вооруженного сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов, соответствует интересам государственной обороны Соединенных Штатов.

Далее в ноте указывалось, что правительство США рассмотрит самым дружественным образом предложения, исходящие от правительства, учреждений и агентов Советского Союза, о размещении в Соединенных Штатах Америки заказов на товары и материалы, срочно необходимые для нужд государственной обороны Советского Союза, а также с целью содействия быстрому изготовлению и отгрузке этих товаров и материалов, предоставит этим заказам приоритет на основании принципов, которые применяет к заказам стран, борющихся против агрессии.

В ноте выражалась также готовность правительства США выдать неограниченные лицензии, разрешающие экспорт в Советский Союз широкой номенклатуры товаров и материалов, необходимых для укрепления обороны Советского Союза, а также готовность соответствующих американских властей благожелательно рассмотреть советские предложения об использовании наличных возможностей американского морского транспорта для ускорения доставки в СССР товаров и материалов, необходимых для государственной обороны Советского Союза.

Это был, безусловно, важный и обнадеживающий шаг. Откликаясь на него, газета «Правда» в те дни писала: «Советский народ и советская общественность с бесспорным удовлетворением встретят сообщение о создании предпосылок для продолжения сотрудничества между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, сотрудничества, основанного на общности интересов, соответствующих интересам государственной обороны обеих стран и направленных на уничтожение и разгром врага, угрожающего безопасности и свободе всех народов»¹.

Дело было за практической реализацией обязательств Соединенных Штатов Америки, открыто высказанных ими перед мировым общественным мнением. Но как раз тут-то и приходилось встречаться с многочисленными препятствиями и затруднениями, исходившими от крайне правых реакционных кругов администрации США. Все это отрицательно сказывалось на решении практических вопросов, стоявших перед советской военной миссией в США.

Мы по-прежнему считали, что правительство США, форсируя военное производство, должно внести серьезные коррективы в существовавшие планы и наброски в сторону значительного усиления помощи Советскому Союзу. В создавшихся условиях вопрос наращивания темпов американской военной промышленности приобретал первостепенное значение. Это тем более было необходимо, что военное производство США в то время резко отставало от потребностей вооруженной борьбы с фашизмом и ощущался явный недостаток по ряду важных видов вооружения и боеприпасов.

В беседе с нами Ф. Рузвельт подчеркнул, что военная промышленность США только-только начинает развертываться и на это потребуются еще год. Но надо иметь в виду и то, что многие крупные американские промышленники, руководившиеся не интересами своей страны, а желанием нажиться за счет войны, встали в те напряженные месяцы на путь скрытого противодействия развертыванию военного производства. Руководитель американских коммунистов У. Фостер, убедительно раскрывший в своей книге «Очерк политической истории Америки» суть политики крупного капитала, монополистов США во Второй мировой войне, писал, что империалисты «использовали войну для собственного обогащения за счет своей страны и ее союзников. Так, например, в начале войны они цинично отказывались переоборудовать свои предприятия для производства военных материалов, пока не добились, чтобы им были обеспечены баснословные прибыли. Капиталисты даже устроили своеобраз-

---

¹ Правда. 1941 г. 6 августа.

ную "итальянскую забастовку" и продолжали ее до тех пор, пока правительство не пошло на их ростовщические условия. На протяжении всей войны они применяли по отношению к американскому народу капиталистический принцип: для наживы все средства хороши...»¹.

Но несмотря на все рогатки и препятствия, чинимые американскими монополистами, имелись реальные возможности для того, чтобы военная промышленность США в ближайшие же месяцы значительно увеличила темпы выпуска вооружения и боеприпасов. И мы вправе были рассчитывать на то, чтобы должная доля этой продукции шла туда, где решались судьбы человечества, — на советско-германский фронт.

Следует подчеркнуть, что в те месяцы существовала и другая, не менее острая, а может быть и более важная, проблема — проблема английской доли в американских поставках вооружения. Дело в том, что значительная часть американской военной продукции шла в Англию, и, как я уже отмечал, англичане не высказывали желания поступиться какой-то частью своей доли поставок в пользу Советского Союза. Больше того, когда мы пытались достигнуть с ними договоренности, они упорствовали, считая, что согласованное решение по этим вопросам должно быть достигнуто вначале в Лондоне, а затем уже предъявлено правительству США.

В то время нельзя было не учитывать и другие обстоятельства, имевшие принципиальное значение для практического решения вопросов, связанных с военными поставками в Советский Союз. Прежде всего речь идет о том, что удовлетворение нашей заявки по вооружению, как уже отмечалось, наталкивалось на недоброжелательное отношение, политическую неприязнь к советскому народу и его армии со стороны реакционных элементов, открыто и скрытно действовавших в некоторых официальных американских и английских учреждениях. Были такие элементы и среди руководящих военных США и Англии.

Отвлекаясь от нити нашего повествования, вспомним, что когда в марте 1941 г. в американском сенате обсуждался законопроект о ленд-лизе, то этот законопроект встретил самое ожесточенное сопротивление со стороны изоляционистов, больше всего боявшихся, что этот закон распространится и на оказание помощи Советскому Союзу.

Все это побудило посла К.А. Уманского и меня доложить советскому руководству о сложившейся ситуации. Помню, мы просили И.В. Сталина поставить вопрос перед У. Черчиллем о недопустимом отношении англичан к нашим заявкам и о необходимости внесения таких коррективов в

---

¹ *Фостер У.З.* Очерк политической истории Америки. М., 1953. С. 613.

планы американских поставок в Англию, которые позволили бы увеличить долю Советского Союза. В первую очередь это касалось станков, самолетов, зенитных орудий и боеприпасов. Мы считали также необходимым, чтобы по этому вопросу были возложены соответствующие задачи на наших представителей в Лондоне гг. И.М. Майского и Н.М. Харламова.

Поскольку американцы и англичане все время ссылались на то, что они согласятся увеличить поставки в Советский Союз только при полной уверенности, что поставляемое ими непосредственно в СССР вооружение действительно быстро попадет на фронт и гораздо эффективнее используется в боевых действиях, чем если бы оно шло через Англию, мы просили свое правительство прислать нам конкретные данные о возможных маршрутах, сроках и способах доставки американского вооружения в Советский Союз. Мы уже убедились, что с американцами можно разговаривать, лишь имея в руках конкретные фактические материалы.

Трудный и напряженный день 2 августа закончился деловой беседой с представителями нашего Наркомата авиационной промышленности инженерами Анисимовым и Перфильевым об их работе и состоянии производства самолетов в США. Пообедали в этот день только после завершения всех дел, встреч и отправки донесения в Москву. Это было уже около 23 часов.

Ночь на 3 августа и воскресный день провели на даче советского посольства. Воспользовавшись хорошей погодой, отдохнули на пляже, купались. Съездили в город Балтимор, смотрели антифашистский кинофильм «Под землей». Быстро пролетели несколько часов нашего пребывания в замечательном, дружном коллективе советских посольских работников. Мы встречали с их стороны самое теплое, душевное отношение.

На следующий день, 4 августа, из Москвы нам сообщили об изменении маршрута доставки в Советский Союз первой партии американских самолетов. Вначале предполагалось, что самолеты пойдут через Фэрбенкс (Аляска)¹, а сейчас было принято решение направить их непосредственно на Архангельск. Недоброжелатели из военного министерства США факт изменения маршрута пытались использовать, чтобы лишний раз вставить нам палки в колеса. Они утверждали, что их план доставки самолетов по воздуху через Фэрбенкс лучше, к тому же они готовы его

---

¹ Авиабазы ВВС США на Аляске. Современное название — Фэрбанкс. — Ред.

осуществить, а Советский Союз в последний момент утвердил новый маршрут и поставил американскую сторону в затруднительное положение.

Положение усугублялось тем, что некоторые американские газеты в погоне за сенсацией опубликовали «просочившиеся» к ним сведения об отправке первой партии самолетов из США в Архангельск. Ребенку было ясно, что такое сообщение могло быть находкой для гитлеровцев.

В связи с этим в своем очередном докладе в Москву мы снова подчеркнули, какое важное, принципиальное значение имеет успешная переброска первой партии самолетов из Соединенных Штатов Америки в Советский Союз. В этот же день мы получили от американцев новые, измененные данные о поставке в Советский Союз первой партии вооружения и боеприпасов. В частности, количество истребителей было увеличено до 40, а бомбардировщиков — сокращено в два раза.

Утром того же дня вместе с Сараевым, Барабаншиковым и Райковым в сопровождении полковника Феймонвилла выехали на Абердинский полигон для осмотра образцов вооружения, предназначенного для Советского Союза. На полигоне пробыли почти весь день, до самого вечера. Принимал нас начальник полигона бригадный генерал Рооз, пожилой человек лет под 60, маленького роста с длинным красным носом.

Поездка на полигон в целом оказалась полезной, хотя после осмотра мы забраковали почти все увиденное, как устаревшее и не заслуживающее внимания. Помню, особенно плохое впечатление произвел на нас тяжелый двухбашенный танк — очень высокий, неуклюжий и громоздкий. На полигоне были проведены стрельбы из разных видов стрелкового и артиллерийского вооружения. Я стрелял из автомата-пистолета (типа нашего ППШ) и, кажется, из винтовки Гаранта.

Отношение к нам офицеров и сержантов, производивших показ техники, отличалось исключительной теплотой и дружелюбием. В честь советской военной миссии командование полигона устроило товарищеский обед; он прошел в хорошей атмосфере. Вообще следует подчеркнуть, что мы часто ощущали на себе дружеское отношение и внимание как со стороны старших офицеров, так и особенно со стороны младших офицеров и рядового состава армии США и Англии. Это проявлялось в большом количестве задаваемых нам вопросов, в дружеских рукопожатиях, а часто — просто в располагающей улыбке или едва заметном кивке. Так было на Абердинском полигоне в США, на базе Прествик в Шотландии, и во время наших перелетов на английских и американских самолетах — словом, всюду, где только появлялась советская военная миссия. Во всем этом были видны глубокое уважение и интерес к Советскому Союзу, нашему народу, который вел героическую борьбу против гитлеровской Германии.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЕЛОВЫХ ВСТРЕЧ И КОНТАКТОВ

Поздно вечером, почти в 12 часов ночи, зашел к послу К.А. Уманскому и встретил у него бывшего члена палаты представителей некоего Маверика. Судя по всему, перед нами был прожженный демагог, державшийся под «простачка». Он обиженно сетовал на травлю в печати со стороны местной редакции. По его словам, сочувствовал Советскому Союзу и искренне хотел нам помогать.

Этот деятель давал различные советы типа того, как обращаться с руководящими лицами Соединенных Штатов Америки, чтобы склонить их к поддержке Советского Союза, а сам по ходу разговора пытался выспрашивать, сколько у Советской Армии боевых самолетов и танков.

Закончив беседу с Мавериком, около трех часов ночи ушел к себе спать. Перед сном прослушал последние известия из Москвы о положении на фронте. Там шла напряженная борьба. Советские войска продолжали вести бои на смоленском, коростеньском, бело-церковском направлениях и на эстонском участке фронта. Советская авиация во взаимодействии с наземными войсками продолжала наносить удары по мотомехчастям, пехоте и артиллерии противника.

Еще вечером получил от А.П. Панфилова очередное сообщение о положении на фронте, а также ответы на ряд практических вопросов, которые нас интересовали. Он же известил меня и о том, что моя семья эвакуировалась из Москвы в Чебаркуль (Челябинская область).

Утром 5 августа участвовал в работе совещания по вопросу о маршрутах доставки самолетов в Советский Союз. Совещание проводили заместитель военного министра Локет и заместитель начальника штаба ВВС генерал Мур. В целом у меня сложилось впечатление о них, как о весьма недоброжелательных к Советскому Союзу людях. Совещание проходило трудно: по целому ряду вопросов разговор шел в резких тонах. Мы по всем основным пунктам нашей заявки только и слышали либо прямой отказ, либо отговорку: «Не знаем».

В конце концов пришли к выводу, что из партии в 200 самолетов-истребителей, предназначавшихся для отправки в Советский Союз, 60 машин с вооружением будут направлены непосредственно из США, а остальные — 140 — из Англии морем, причем большинство из них — без вооружения. Предполагалось направить еще 5 бомбардировщиков. Запасных частей к самолетам предоставлялось явно недостаточно¹.

---

¹ Вначале было освоено два маршрута переброски американских самолетов в Советский Союз: морским путем через Британские острова, далее на се-

Вечером посла К.А. Уманского посетил представитель американских деловых кругов — некто Людвиг. Во время этой встречи присутствовал и я. В течение 12 лет Людвиг был промышленником, но, как заявил он, ему это не понравилось. В последние два года он был владельцем двух летних школ, готовивших кадры для американских военно-воздушных сил. Являясь активным сторонником увеличения американских военных поставок Советскому Союзу, Людвиг советовал нам как можно ярче и обстоятельнее раскрывать перед руководящими деятелями США весь накал борьбы на советско-германском фронте, подчеркивать всю ту опасность для других стран, в том числе и США, какая могла бы возникнуть в случае успеха или победы германского фашизма. В этих советах скрывалась его тревога за судьбу своей страны, симпатия к советским людям.

Действительно, к началу августа в деле расширения поставок достигнуто было крайне мало. Пока что ясны были лишь несколько конкретных позиций — 200 истребителей, 5 бомбардировщиков, некоторое количество тех или иных военных материалов. Все это можно было расценивать лишь как первые пробные поставки, не способные оказать какое-либо заметное влияние на ход боевых действий на советско-германском фронте.

Положение усугублялось тем, что почти не продвигалось дело с заключением кредитного соглашения. А вопрос о скорейшем оформлении такого соглашения для нас приобретал все большее значение. Уже в то время, получая первую партию американских самолетов, мы были вынуждены платить за них наличными деньгами.

Здесь уместно вспомнить, что Г. Гопкинс после беседы с И.В. Сталиным 30 июля 1941 г. в Москве, отвечая на вопрос корреспондентов об оплате американских материалов, сказал, что в этом отношении, он уверен, не возникнет трудностей и не будет никаких задержек. На практике же дело обстояло не так просто, как представлял его Г. Гопкинс в Москве...

Больше того, имелось достаточно оснований ожидать, что американская сторона непременно условием кредитного соглашения выдвинет поставку в США ряда товаров из Советской страны как в военное время, так и после окончания войны. Еще тогда, когда наша Родина переживала

вер к Мурманску и Архангельску; воздушным — через Аляску и Дальний Восток. Позднее был отработан и южный маршрут: через Южную Атлантику и Индийский океан, далее в Иран (для этого в Абадане была построена советская военная авиационная база) и Ирак. За время войны по трассе Фэрбанк — Красноярск было переправлено около 8 тыс. самолетов. — Великая Отечественная война. Кн. 1. С. 440. — *Ред.*

тяжелые дни, некоторые американские официальные лица склонны были потребовать от нас сведений о том, какое количество хромовой руды, марганца и других стратегических материалов может быть поставлено из Советского Союза в США в послевоенное время.

День, как и обычно, завершился работой над телеграммами. Послал, в частности, запрос в Лондон контр-адмиралу Харламову в отношении 140 истребителей П-40, которые должны быть направлены в Советский Союз из Англии. А перед этим смотрели в посольстве хроникальные кадры событий на советско-германском фронте, где положение продолжает оставаться тяжелым. После таких просмотров тяга на фронт становится просто неудержимой. Скорее бы туда, где советские войска, показывая чудеса героизма и стойкости, ценой огромных потерь и лишений отстаивают родную землю. А тут еще крайняя неудовлетворенность мизерными результатами своей деятельности здесь в Соединенных Штатах. Около 12 часов ночи с полковником Сараевым зашли в местную кинохронику (которая тут функционирует круглые сутки), смотрели, в частности, кадры, показывающие прибытие советской военной миссии в США.

6 августа были на совещании у личного помощника Ф. Рузвельта У. Коя. Президент возложил на него обязанность по контролю за выполнением всеми ведомствами правительственного решения об оказании материальной помощи Советскому Союзу. В совещании участвовали Кокс из аппарата генерала Бирнса (в продвижении наших вопросов он оказался очень полезным человеком), Юнг — сын крупного финансиста Юнга, в качестве представителя отца, два члена морской комиссии (фамилий их уже не помню) и все тот же Феймонвилл. С нашей стороны в работе совещания принимали участие посол Уманский, я и Сельдяков. Совещание длилось около полутора часов.

С большим трудом нам удалось договориться о выделении одного-двух морских транспортов с отправкой их из нью-йоркского порта¹. Выказывая упреки в адрес некоторых правительственных органов США по поводу неблагоприятного положения с удовлетворением нашей заявки, мы были уверены, что содержание нашей беседы сегодня же будет доложено Коем президенту Ф. Рузвельту. Попутно мы высказали свое удовлетворение той реальной помощью в движении наших вопросов, которую мы получали от Кокса.

---

¹ Имеются в виду транспортные суда для доставки в СССР заказанного в США вооружения и материалов. Всего в 1941 г. из США было поставлено 0,3 млн. т грузов, в том числе до 15 сентября 1941 г. — 8 млн. патронов, 10 тыс. бомб, 10 тыс. радиостанций, на пароходы были погружены 49 самолетов и 9 авиамоторов. — Великая Отечественная война. Кн. 1. С. 436. — *Ред.*

Вслед за этим состоялась новая встреча с Людвигом по вопросам, представляющим взаимный интерес. Беседа носила деловой характер и была полезной.

В тот же день был нанесен очень важный визит одному из наиболее влиятельных деятелей США — министру внутренних дел Г. Икесу. Этот человек принадлежал к числу тех дальновидных политиков, которые исходя из интересов своей страны трезво подходили к оценке событий, происходящих на международной арене. Принял он К.А. Уманского и меня весьма радушно.

Нефтяной диктатор (правительство США поручило ему координировать все вопросы, связанные со снабжением нефтепродуктами), он производил впечатление человека, который симпатизирует Советскому Союзу и искренне желает разгрома фашизма. Между прочим, Г. Икес сказал нам, что еще в 1936 г. он был единственным в американском правительстве человеком, который требовал решительной помощи Испанской республике. «Если бы тогда прислушались к моему мнению, — заявил он, — войны сейчас, возможно, не было бы. Я предсказывал ее еще пять лет тому назад».

Разговор с Икесом было вести легко еще и потому, что он был в курсе многих вопросов, относящихся к сырьевым ресурсам. По его словам, производство нефтепродуктов в США в те дни сильно отставало от потребностей войны. К тому же нередко приходится встречаться с фактами обмана и очковтирательства со стороны управления промышленного производства при определении запасов нефти в США. В то же время просьбы Советского Союза по нефти очень велики. «Останусь голым, — заверил нас Г. Икес, — но помогу Советскому Союзу. Однако в полном объеме это сразу сделать не удастся».

По существу, Г. Икес дал положительные ответы на все наши нефтяные заказы и пообещал оказать содействие в отправке авиационного горючего на двух морских транспортах, которые предполагалось направить в Советский Союз в ближайшее время.

В беседе с нами Икес отметил, что нефтяные ресурсы в США разработаны недостаточно и, естественно, руководство армии и флота не заинтересовано делиться ими с Советским Союзом. Поэтому-то оно и ссылается на поставки горючего Англии. Все это создает определенные трудности в удовлетворении наших просьб, но трудности преодолимые. Расстались мы с Икесом вполне дружелюбно. Примечательно, что он тоже посоветовал подробнее информировать американцев о наших трудностях на фронте.

В конце дня мы передали Феймонвиллу просьбу организовать показательные стрельбы из тех видов оружия, которые предназначаются для Со-

ветского Союза, а также тех образцов, которые представляют интерес для нужд советско-германского фронта.

На следующий день не планировалось никаких приемов и посещений, так что представлялась возможность более внимательно ознакомиться с работой Амторга. Необходимость этого тем более была очевидной, что в работе Амторга, как нам пришлось убедиться, было много упущений, явно не хватало инициативы, оперативности и организованности. Даже Икес обратил наше внимание на то, что Амторг, потеряв целую неделю, так и не довел до конца дело с приобретением нефти; пришлось за амторговцев это делать заместителю Икеса — Девису.

В тот же день состоялись деловые беседы с рядом товарищей, в том числе со вторым секретарем посольства Новиковым. Вечером набросал проект очередного доклада в Москву о ходе работы военной миссии. Из Москвы получил технические инструкции по отправке в СССР истребителей П-40 и бомбардировщиков Б-25.

Одновременно передали администрации США просьбу о поставке СССР бронеплит, необходимых для производства танков. Принимая эту просьбу, помощник президента У. Кой подчеркнул, что США сами испытывают острый недостаток в бронеплитах, однако вопрос будет доложен президенту и все возможное будет сделано.

8 августа в 11 часов 40 минут утра К.А. Уманский и я нанесли деловой визит государственному секретарю США Корделлу Хэллу, который только что возвратился после двухмесячного лечения. Видел я его впервые. Перед нами был уже пожилой человек, выше среднего роста, совершенно седой, но подтянутый и подвижный.

Несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье, он не гнулся и не горбился, не высказывал никаких признаков болезни или переутомления. Правда, когда К.А. Уманский спросил его о состоянии здоровья, К. Хэлл ответил, что работает по шестнадцать часов в сутки, все делая сам, не передоверяя другим. И вот в конце концов надорвался, однако теперь отдохнул.

Прием был хорошим, К. Хэлл держался весьма тактично, любезно и внимательно. С его стороны не чувствовалось какого-либо стремления ускорить беседу и побыстрее освободиться от посетителей. Ничто не отвлекало нас от делового разговора, ни телефонные звонки, ни появление сотрудников госдепартамента. Хэлл — сплошное внимание. В его глазах была заметна зоркость и наблюдательность. Хэлл нам заявил, что с момента нападения фашистской Германии на Советский Союз он стоит за то, чтобы всемерно активизировать помощь СССР и радикально пересмотреть политику США в этом вопросе.

Мы сказали Хэллу, что итоги работы военной миссии в США за прошедшие две недели не могут вызывать особого удовлетворения. При

этом сослались на мизерные, ни с чем не сопоставимые цифры отпускаемого СССР вооружения, указали на бесконечные безрезультатные совещания, на бюрократизм и волокиту, на отсутствие конкретности в практических делах, на неоперативность и хождение по замкнутому кругу, особенно недопустимые в военное время.

Выслушав нас, Хэлл заметил, что Рузвельт «уже дал взбучку» кому следует. От себя он также обещал нам содействие.

Обращаясь ко мне, Хэлл подчеркнуто заявил, что лично будет уделять двойное внимание нашему делу и сделает на своем посту столько же, сколько сделал бы я сам, занимая его пост, т.е. приложит максимум возможных усилий.

Конечно, эти, быть может слишком громкие, слова для нас были вполне понятны. К. Хэлл просил, чтобы мы ему поставляли факты, а он будет с ними «ходить через дорогу к самому президенту» (в то время Госдепартамент находился напротив Белого дома). В настоящий момент, говорил он, его затрудняет отсутствие в Вашингтоне президента, но как только Ф. Рузвельт возвратится, дело пойдет гораздо быстрее.

Вообще следует сказать, что беседа с Хэллом протекала в дружественной атмосфере. Обнадеживающим в ней было то, что он не отрицал существующих препятствий в выполнении задач нашей миссии и в то же время не ссылался на отставание американской военной промышленности, на поставки англичанам, не выискивал других причин и доводов с целью оправдать эти препятствия. Извиняясь за поздний прием военной миссии, он стремился показать, что понимает нас и готов всемерно помогать. Произносилось это не скороговоркой, а убежденно и подчеркнуто. Его суждения и обещания казались нам вполне искренними. В конце беседы Хэлл сказал: «Мы молимся о победе Советского Союза над Гитлером». И прибавил, что «всегда был против гитлеризма».

Ушли мы от Хэлла в общем морально удовлетворенными. Как видно, Хэлл хорошо понимал, какую опасность для США представлял германский фашизм.

Вспоминая сейчас о встрече с Корделлом Хэллом, хочу привести одно место из его речи на совместном заседании Сената и палаты представителей США того времени. Он говорил: «На меня произвел глубокое впечатление русский народ и его эпический патриотизм. Люди, которые борются против безжалостной агрессии, проявляя полное презрение к смерти, как это делают мужчины и женщины Советского Союза, заслуживают восхищения и доброжелательного отношения со стороны народов всех стран».

Было бы неплохо, чтобы современные политические деятели США, разжигающие неприязнь к Советскому Союзу и выступающие против

политики мирного сосуществования наших стран, повнимательнее вдумывались в уроки истории, получше изучали высказывания своих дальновидных соотечественников, особенно периода Второй мировой войны.

ИЗОЛЯЦИОНИЗМ ИЛИ СОЛИДАРНОСТЬ В БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ?

В этот же день, будучи у К.А. Уманского, я познакомился с представителем ТАСС в Соединенных Штатах Америки Дюранти. На мой вопрос, что думает американский народ в связи с войной гитлеровской Германии против Советского Союза, Дюранти дал ответ, не дающий оснований для иллюзий в этом отношении. Как видно, влияние изоляционистских, лжепацифистских и лжепатриотических элементов на некоторые слои американского народа, в том числе и на определенную часть рабочего класса США, прежде всего его верхушку, было весьма значительным.

Как я уже отмечал, когда в марте 1941 г. в американском сенате обсуждался проект закона о ленд-лизе, этот законопроект встретил самое ожесточенное сопротивление со стороны изоляционистов. Они больше всего не желали оказания помощи Советскому Союзу. Весьма ценное в данном отношении признание имеется у Р. Шервуда. «Именно этого (т.е. помощи Советскому Союзу. — Ф.Г.), — пишет Р. Шервуд, — изоляционисты боялись больше всего. Даже те из них, кто неохотно признавал, что Великобритания, может быть, заслуживает известной помощи, приходили в ужас при мысли, что американских налогоплательщиков могут заставить оплачивать поставки для Красной Армии. По этому вопросу и шло решительное сражение (в сенате. — Ф.Г.), и некоторые из более робких друзей Рузвельта призывали его согласиться на компромиссное решение, которое исключало бы Советский Союз¹.

Наряду с сильным влиянием изоляционистов, на настроении известной части американцев, как видно, сказывались также уроки вильсоновской политики периода Первой мировой войны 1914—1918 гг., сомнения в том, что им лично дает участие во Второй мировой войне Соединенных Штатов Америки.

Но каким бы сильным ни было влияние изоляционистских элементов, нападение фашистской Германии на Советский Союз, последовавшее за разгромом Франции и других европейских стран, настолько

---

¹ Шервуд Р. Указ. соч. Т. 1. С. 440.

всколыхнуло американское общественное мнение, а опасность фашизма настолько реально обозначилась, что оставаться безучастными к тому, что происходило за пределами американского континента, было уже нельзя. В Англии и в США все больше и больше раздавалось голосов за оказание помощи Советскому Союзу, высказывалась необходимость обуздания фашистских агрессоров. «Следует признать, — писала в те дни в редакционной статье «Таймс», — огромную тяжесть бремени, которую несут наши русские союзники, защищая как себя, так и нас. Очень многое зависит от стойкости их обороны, и они должны получить в Англии и США всю возможную моральную и материальную помощь, в которой они нуждаются...»¹

Стоит попутно отметить, что примерно в то же время в статье «Русские остро нуждаются в помощи» английская газета «Манчестер гардиан» писала: «Русские ведут смертельную борьбу с врагом, они должны принимать быстрые решения, им нужна немедленная помощь, а не красивые обещания. Всякая задержка может оказаться для них критической...»

Народные массы, все прогрессивные силы США решительно выступили за оказание эффективной помощи Советскому Союзу. В авангарде этих сил находилась Коммунистическая партия США. В первый же день нападения Германии на СССР компартия США выступила с обращением к народу, в котором разъясняла задачи антифашистской освободительной борьбы народов против Гитлера, призывала к возможно большей поддержке и тесному сотрудничеству с Советским Союзом в борьбе против фашизма. 28 июня 1941 г. национальный Комитет Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки призвал «к защите Америки путем представления неограниченной помощи Советскому Союзу, Великобритании и всем нациям, ведущим борьбу против фашизма, к самому тесному и неограниченному сотрудничеству США, Великобритании и Советского Союза с целью военного разгрома Гитлера».

Рабочий класс США в годы Второй мировой войны пошел на серьезные жертвы во имя общего дела — разгрома фашизма. Основные отряды американского пролетариата согласились на удлинение рабочего дня и рабочей недели, на отказ от забастовок, на создание специальных производственных комитетов, состоящих из представителей профсоюзов и предпринимателей и имеющих целью обеспечить всемерное расширение производства.

Характерно, что в то время как в первые месяцы войны многие американские капиталисты в целях получения максимальных прибылей ус-

---

¹ «Таймс». 1941. 6 сентября.

траивали своего рода «итальянскую забастовку», широкие народные массы Америки во главе с Компартией и прогрессивными профсоюзами решительно выступили за преодоление саботажа промышленников, начали так называемую «битву за производство». Это немало способствовало быстрому и значительному росту промышленности США в годы войны, успехам в деле организации военных отраслей.

Рабочие газеты США того времени пестрели сообщениями о готовности американских трудящихся выполнить свой интернациональный долг перед первой в мире Республикой Советов. Вот, только несколько выдержек из газеты «Дейли Уоркер» за 19—23 июля 1941 г.

«Совет профсоюзов Большого Нью-Йорка» в четверг на своем очередном заседании в присутствии многих своих членов одобрил заявление, в котором он призывает правительство оказать неограниченную моральную, финансовую и материальную поддержку советскому, британскому и китайскому народу».

«Советское посольство заявило сегодня, что из многих частей Канады и США в посольство поступают письма и телеграммы от групп и отдельных граждан, в которых они выражают поддержку СССР в борьбе против Германии».

«В Торонто (Канада) состоялся пятитысячный митинг, участники которого потребовали оказания помощи СССР».

Немало передовых американцев находилось в рядах вооруженных сил США, принимая непосредственное участие в борьбе с гитлеризмом и японским милитаризмом. Среди них — американские коммунисты и комсомольцы. Многие из них проявили высокое мужество в боях со злейшим врагом человечества.

После беседы с Дюранти состоялась деловая встреча с Пеппером, сенатором от штата Флорида. Наш посол характеризовал его как человека, дружественно относившегося к Советскому Союзу. Недавно он выступил в конгрессе с резкой критикой в адрес определенных кругов военного департамента и штаба американской армии за их пораженческую пропаганду в отношении Советского Союза.

Сенатор Пеппер прибыл к нам с предложением, чтобы Советский Союз вложил деньги в его собственное детище — военный завод. В этом случае завод спустя шесть месяцев может начать выпускать для Советской Армии по 20 самолетов в неделю, правда, без моторов и сборки. Слишком мизерная цифра, особенно на фоне тех колоссальных масштабов войны, которую вела наша Родина.

По вопросу нашего займа в США необходимо было переговорить с министром торговли Д. Джонсоном. Он же председатель займового комитета, миллионер. Вокруг личности Джонсона была создана типичная

для американской действительности легенда. Говорили, что свое дело он начал с продажи единственной свиньи, а потом, благодаря «прилежанию и трудолюбию», разбогател. К этому министру-миллионеру и направились мы с Уманским.

Мы увидели здорового детину, глубоко безразличного к нашим заботам и тревогам. Однако и он придерживался принятой тогда в США общей фразеологии о помощи Советской Армии. Судя же по всему, Джонсон, ни больше ни меньше был хладнокровным истребителем людской «мелочи», «рыбешки» и всего, что не выдерживает финансового пресса подобных ему «акул» капиталистического мира. К тому же оригинал: все стены его служебного кабинета были заполнены карикатурами из газет на него же самого.

Мы заговорили о советском займе в США. Непременным условием решения этого вопроса Джонсон сразу выдвинул немедленную реализацию отпускаемых средств и обеспечение со стороны Советского Союза поставок стратегического сырья в Соединенные Штаты.

В этот день слушали «Последние известия» из Москвы от 7 часов утра. Радио сообщало, что советские войска продолжали вести бои с противником на кексгольмском, смоленском, коростеньском, белоцерковском направлениях и на эстонском участке фронта. Советская авиация во взаимодействии с наземными войсками наносила удары по мотомехчастям и пехоте противника и атаковала вражескую авиацию на аэродромах. В течение 7 августа был уничтожен 21 немецкий самолет; вблизи Москвы советским истребителем был сбит немецкий самолет-разведчик, экипаж взят в плен.

После таких прослушиваний сообщений Советского информбюро, как и после недавнего просмотра кинохроники с советско-германского фронта, у меня неизменно обострялось чувство отрыва от Родины, усиливалось недовольство своим, как казалось, недостаточно продуктивным пребыванием здесь, в Вашингтоне, нахождением в стороне от главного, самого важного и решающего.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Как раз сегодня, 9 августа, исполнилось ровно две недели пребывания советской военной миссии в США. Практические результаты двухнедельной работы миссии ничтожно малы. Ее деятельность начала приобретать затяжной характер. Сама она из боевого и чрезвычайного органа военного времени превращалась в один из постоянных органов

советского представительства в США. Безусловно, эти две недели не прошли даром. Посылка советской военной миссии оказалась необходимой и полезной. Но вместе с тем мы прошли все инстанции, включая президента США Рузвельта, везде нажимали, доказывали, настаивали, аргументировали, но положение с военными поставками почти не изменилось.

Учитывая двухнедельный опыт, мы так оценивали обстановку: США могут продать все, что нам нужно, но на быструю помощь их рассчитывать не приходится. В ближайшее же время мы получим много меньше, чем просим. Чтобы добиться полной ясности в этом вопросе, необходимо дождаться возвращения в Вашингтон Гопкинса, а также окончательно договориться с англичанами. Если же положение не изменится, то надо думать о новых шагах и мерах, включая вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания меня — нынешнего руководителя советской военной миссии в Соединенных Штатах Америки — здесь, в Вашингтоне.

Вчера составил, а сегодня окончательно отредактировал и согласовал с послом К.А. Уманским телеграмму товарищам Сталину, Молотову и маршалу Шапошникову. Основной ее смысл заключался в том, что я, как руководитель советской военной миссии, нуждаюсь в указаниях Центра о своей дальнейшей деятельности.

Отправив донесение в Москву, вылетели с послом в Нью-Йорк на совещание по вопросам работы Амторга. Разговор затянулся. Он продолжался около четырех часов.

После совещания состоялся обед, а затем — мое небольшое выступление перед сотрудниками Амторга и членами их семей о положении на советско-германском фронте. Надо было видеть, с каким неослабным вниманием слушали советские люди сообщения с фронта! Они горько переживали временные неудачи Советской Армии на фронте, горячо радовались каждому ее успеху.

Поздно вечером поднялись на «Эмпайр стейт билдинг». Это — высочайшее в мире здание, насчитывающее 102 этажа. Спустившись на землю с головокружительной высоты небоскреба, мы посетили кинотеатр Радио-сити в Рокфелеровском центре, считавшийся лучшим в Соединенных Штатах Америки. После чего ужинали в гостинице «Уолдорф-Астория». Неистово играл джаз, исполнялись легкомысленные песенки, многие посетители танцевали.

В ресторане нас узнали посетители. Один из них, чтобы удостовериться, спросил, правда ли, что мы из Советской России. При этом он добавил, что видел нас в кинохронике. Получив утвердительный ответ, они дружески заулыбались.

С ночлегом было довольно просто. Номера в гостинице предоставлялись без предъявления документов. Однако суть состояла в том, что задавалось лишь два традиционных «легких» вопроса:

«К какому учреждению или организации Вы имеете отношение?», «Есть ли у Вас дипломатический документ?». Последний, контрольный, вопрос связан был с тем, что при наличии и предъявлении такого документа, вам предоставлялась скидка за гостиницу в размере 15 процентов Вел «переговоры» находившийся вместе с нами Андрей Андреевич Громыко. На первый вопрос он ответил: «К русскому посольству», на второй — «да, имеем» и предъявил свое удостоверение советника советского посольства в США.

Мне сейчас хотелось бы отметить, что занимаемый им тогда пост советника по экономическим вопросам был весьма значительным по тому авторитету, который Громыко имел в госдепартаменте. С первого же дня пребывания военной миссии в США мы пользовались большой поддержкой и вниманием со стороны Андрея Андреевича Громыко. Он специально прилетел в Монреаль, чтобы встретить там советскую военную миссию. И только наша задержка на неопределенный срок с вылетом из Лондона, произошедшая не по нашей вине, не позволила нам встретиться с ним еще в Канаде. Когда же миссия находилась в США, Андрей Андреевич часто встречался с нами и оказывал незаменимую помощь своими советами и рекомендациями. Он принимал активное участие в совещаниях у посла К.А. Уманского по работе Амторга, по отгрузке в СССР военных материалов и другим вопросам, связанным с деятельностью военной миссии.

На другой день встали рано. После завтрака отправились осматривать город. На автомашинах проехали 5-ю авеню, часть Бродвея, Уолл-стрит, были в районе китайского квартала, на набережной, проехали неподалеку от французского океанского парохода «Нормандия». Видели гигантскую статую Свободы и большущее здание «новой» тюрьмы, построенной под небоскреб. В середине дня выехали обратно в Вашингтон.

Нью-Йорк город интересный, но вместе с тем от него осталось очень тяжелое, гнетущее впечатление. Если его сравнивать, скажем, с Вашингтоном, Балтимором, Филадельфией и некоторыми другими городами США, то Нью-Йорк, несомненно, представляет собой наиболее типичный образец городского строительства, присущего современному капитализму. В архитектуре строений и планировке улиц ярко воплощен так называемый «американизм» с входящими в это понятие, с одной стороны, известными элементами технического совершенства в строительстве, а с другой — в социальном отношении, — наличием всего наиболее извращенного, давящего и гнетущего человека.

А.М. Горький, посетивший в 1906 г. Нью-Йорк, дал ему очень верную и сильную характеристику, назвав его городом «Желтого Дьявола». Делясь впечатлениями о Нью-Йорке, он писал:

«Издали город кажется огромной челюстью, с неровными, черными зубами. Он дышит в небо тучами дыма и сопит, как обжора, страдающий ожирением.

Войдя в него, чувствуешь, что ты попал в желудок из камня и железа, — в желудок, который проглотил несколько миллионов людей и растирает, переваривает их.

Улица, — скользкое, алчное горло, по нему куда-то вглубь плывут темные куски пищи города — живые люди. Везде — над головой, под ногами и рядом с тобой — живет, грохочет, торжествуя победу, железо. Вызванное к жизни силою золота, одушевленное им, оно окружает человека своей паутиной, глушит его, сосет кровь и мозг, пожирает мускулы и нервы и растет, растет, опираясь на безмолвный камень, все шире раскидывая звенья своей цепи»¹.

Тридцать лет спустя советский писатель И. Ильф подтвердил горьковскую характеристику Нью-Йорка. «Город сам гремит и сверкает почище любой бури, — писал он в 1935 году. — Это мучительный город, он заставляет все время смотреть на себя, от этого города глаза болят»².

Но помимо общего гнетущего впечатления нам резко бросилось в глаза, что подавляющее большинство выходивших в то тревожное время в этом городе газет и журналов было тенденциозно, а порой и враждебно настроено по отношению к Советскому Союзу.

Поездка на автомашине от Нью-Йорка до Вашингтона была длинной и утомительной. Она заняла у нас около девяти часов. Почти час мы блуждали по городу Балтимору. Из-за позднего времени отказались от заезда в Аннаполис. К тому же в дороге пришлось понервничать, так как наша автомашина, которую вел майор Овчинников, несколько раз попадала в довольно-таки рискованную и даже опасную ситуацию. Поздно вечером приехали в Вашингтон, и я отправился к И.М. Сараеву ужинать.

11 августа с утра были на приеме у морского министра Нокса. От нас были я, К.А. Уманский, помощник советского военно-морского атташе Скрягин. Американскую сторону представляли Нокс, его заместители Форрестол и Бард, адмирал Ингерселл и капитан Кэрк, а также полковник Феймонвилл.

---

¹ Горький об Америке. М., 1952. С. 16—17.

² Ильф И. и Петров Е. Собр. соч. Т. 4. С. 535.

Нокс был настроен к Советскому Союзу явно недружелюбно, хотя и начал беседу с сообщениями, что он, мол, «был в Советском Союзе» и вообще «друг Уманского». К нашему послу обращался без принятого в таких случаях «мистер», а подчеркнуто запросто, по фамилии. Однако это нисколько не меняло положения. Разговор с Ноксом, продолжавшийся около часа, был очень напряженным и неприятным.

Мы привели Ноксу многочисленные примеры того, как плохо обстояло дело с поставками военных материалов Советскому Союзу. И тут же услышали такое заявление морского министра США, которое не оставляло никаких сомнений, на чьей стороне его симпатии. Вмиг исчезло показное расположение морского министра. Следует удивляться не тому, начал он, что Советский Союз так мало получает военных материалов из США, а тому, что он вообще что-то получает! Соединенным Штатам давать нечего, самим не хватает, они, мол, уже «разделись донага» ради англичан. Просто удивительно, продолжал Нокс, что Советскому Союзу дали пять бомбардировщиков Б-25.

Далее Нокс дал понять, что из военного производства в течение августа и сентября в Советский Союз из США ничего существенного поступать не будет. Что касается американского флота, то у него, Нокса, дескать, вообще ничего просить не следует, да и дать нечего. Если хотите получить что-либо, «советовал» он нам, настаивайте на том, чтобы отобрать у армии, а не у флота. Особенно тяжелой, по его словам, была транспортная проблема. Она-де и составляет главный вопрос.

Для нас не имело принципиального значения, за чей счет могут быть получены необходимые материалы для Советской Армии, — американской армии или флота. Мы вели деловой разговор с морским министром США и хорошо представляли себе, что американский военно-морской флот является одним из главных потребителей военного производства США. И очень многое, конечно, зависело от позиции, которую займет министр. Без всякого ущерба для себя, в интересах борьбы с нацизмом он мог переуступить Советскому Союзу часть вооружения, в частности, самолетов и зенитной артиллерии, так жизненно необходимых Советской Армии и флоту в то время для борьбы против общего врага.

В ходе беседы я был вынужден поставить вопрос перед Ноксом так: не потому ли не выполняются указания президента, что в США достаточно сильны те элементы, которые принципиально против сотрудничества с Советским Союзом? Нокс покраснел, заерзал на стуле и ответил, что в определенной мере он не отрицает роли реакционных кругов США. Дальше этого он, конечно, не пошел и заключил: «Воля президента и есть воля правительства и народа США».

Итак, позиция Нокса явно отрицательная. Он ничем не хотел поступить в пользу общего дела разгрома фашизма. Единственное, что он

обещал — это вооружить зенитными пушками морские транспорты, отправляющиеся в Советский Союз. На этом и закончилась беседа с Ноксом. Никаких практических результатов она не дала — только резко обострила наши и его позиции и взаимоотношения.

Как нам стало известно позднее, министр, который заключил пари, что немцы к 1 сентября 1941 г. овладеют Ленинградом, Москвой, Киевом и Одессой, был именно Нокс. Стоило ли удивляться, что беседа с этим человеком о помощи Советской Армии не дала никаких практических результатов? Но можно сказать одно — морской министр явно проигрался.

После возвращения от Нокса у советского посла собрались сотрудники Амторга во главе с Лукашевым, работники военной миссии и другие товарищи. Состоялось деловое совещание по целому ряду текущих практических вопросов: исчисления потребных денег на заказы по лицензиям и о порядке приема представителей фирмы и ответов на их предложения. Обсуждался также вопрос об аппарате Амторга в Вашингтоне. После этого вечером смотрели кинофильм «Суэ-эров», а затем до глубокой ночи работали с директором отдела Амторга Коровиным над техническими вопросами, связанными с поставкой первой партии американских истребителей в СССР.

Наступила пора подвести некоторые итоги всех наших визитов к наиболее влиятельным и высокопоставленным правительственным деятелям Соединенных Штатов Америки. Каковы же были результаты встреч и деловых бесед с точки зрения продвижения вопросов о поставках Советскому Союзу вооружения и материалов?

В целом положительно можно было оценить итоги визитов к президенту Ф. Рузвельту, государственному секретарю Хэллу, министру финансов Моргантау, министру внутренних дел Икесу. Отрицательно оценивались позиции военного министра Стимсона и морского министра Нокса. Не дали ожидаемых результатов и беседы с заместителем государственного секретаря США Уэллесом. Мы встречались также с рядом других лиц, относившихся явно недоброжелательно к нуждам Советского Союза.

12 августа по радио были получены тревожные сообщения с Украины. Положение на фронте оставалось тяжелым и напряженным. Советские войска вели тяжелые бои с противником на сольцевском, смоленском, белоцерковском и уманском направлениях¹.

---

¹ 2 августа противником была окружена и к 8 августа разгромлена группировка наших войск под Уманью. По немецким источникам, в плен было взято 103 тыс. советских солдат и офицеров, а число убитых достигло 200 тыс. чел. — Великая Отечественная война. Кн. 1. С. 188—189. — *Ред.*

А здесь на каждом шагу трудности и неполадки с работой военной миссии. Слишком часто мы чувствовали настороженное, нередко плохо скрытое, а порою открыто неприязненное отношение к нам, представителям советского народа. Заместитель руководителя армейской разведки США Гюнтер при встречах всячески стремился подчеркнуть, что мы ему «не нравимся». А что касается руководителя советской военной миссии, то Гюнтер считал, что Голиков, дескать, недостаточно компетентен в обсуждаемых вопросах и к тому же слишком молод, ему всего 41 год. Так что у меня сложилось глубокое убеждение, что русскую секцию (или отдел) военной разведки Соединенных Штатов Америки возглавляли явные и скрытые профашисты, прогитлеровцы.

Основное, чему было уделено внимание на следующий день, — двухчасовая деловая беседа с Коем, Коксом и Феймонвиллом. И эта беседа снова ничего определенного не дала. Никто ничего не решил, все ждали возвращения Рузвельта, который обо всем-де, договорился с Черчиллем. Все же нам казалось, что отношение и Коя, и Кокса в целом можно было считать хорошим и обнадеживающим. Феймонвилл же вел себя так, что на его помощь трудно было рассчитывать.

14 августа получил ответ на телеграмму Центру от 9 августа. В ответе выражалось согласие с моими соображениями по ряду практических шагов дальнейшей деятельности военной миссии. Одновременно сообщалось, что Совет Народных Комиссаров выделил в мое распоряжение деньги для финансового обеспечения закупок.

В этот же день закончил и послал донесение в Москву о положении дел в Амторге. Накануне у меня состоялся разговор с ответственными работниками этой организации, в том числе заместителем Лукашева М. Гусевым.

Суть сделанных мною предложений по работе Амторга сводилась к тому, чтобы укрепить его деловую связь с посольством, побыстрее решить вопрос о лицензиях, приоритете и финансировании. На мой взгляд, Лукашеву целесообразно было войти в непосредственный контакт с руководителями американского правительства, укрепить представительство Амторга в Вашингтоне. Необходимо было также потребовать от руководителя Амторга большей оперативности и организованности, особенно в налаживании контроля за исполнением, четкостью и согласованностью в работе аппарата.

После этого я направил в Лондон телеграмму контр-адмиралу Харламову, с которым держал постоянную связь по практическим вопросам деятельности миссии. Тогда же запросил Москву в отношении предложенных нам американцами армейских разведывательных машин повышенной проходимости, автомобилей и тракторов средней мощности, а также пистолетов-пулеметов с боеприпасами.

«АТЛАНТИЧЕСКАЯ ХАРТИЯ» — ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Белый дом опубликовал текст англо-американской декларации от 14 августа 1941 г. о целях войны и принципах послевоенного устройства мира. В ней излагались общие принципы национальной политики обеих стран. Эта декларация была принята во время встречи глав правительств Англии и США Черчилля и Рузвельта на борту британского линкора «Принц Уэльский» в бухте Ардженшия Атлантического побережья Канады. Она получила наименование «Атлантической хартии».

Декларация провозгласила отказ США и Великобритании от территориальных и прочих приобретений; недопущение каких-либо территориальных изменений без согласия на то заинтересованных народов. США и Англия объявили о своем уважении права всех народов самим выбирать формы правления, равных возможностей для торговли и экономического сотрудничества между всеми странами. В заключительной части выражалась надежда, что после уничтожения нацистской тирании будет установлен мир, который поможет всем странам жить в безопасности на своей территории, и будут приняты меры против возобновления агрессии. Для этого все государства мира должны по соображениям реалистического и духовного порядка отказаться от применения силы, поскольку никакой будущий мир не может быть сохранен, если государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими и воздушными вооружениями.

Черчилль и Рузвельт считали, что «впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности такие страны должны быть разоружены. Англия и США будут также помогать и поощрять все другие осуществимые мероприятия, которые облегчают миролюбивым народам избавление от бремени вооружения»¹.

Участники конференции в Ардженшии рассмотрели также вопросы о снабжении Советского Союза. Гопкинс выступил с отчетом о поездке в Москву. Несмотря на всевозраставшее напряжение на советско-германском фронте, в «Атлантической хартии» был обойден вопрос о необходимости полного разгрома гитлеровской Германии и о мобилизации для этого всех сил. Не затрагивался в ней вопрос и об оказании Советскому Союзу эффективной помощи, правительства США и Англии ограничились тем, что внесли предложение — подготовить совещание в Москве пред-

---

¹ «Правда». 1941 г. 15 августа.

ставителей Англии, США и Советского Союза для обсуждения плана распределения общих ресурсов.

Под влиянием освободительного движения народов, а также справедливых целей Советского Союза в войне против немецкого фашизма, английское и американское правительства вынуждены были некоторые положения «Атлантической хартии» сформулировать в демократическом духе. Но обращало на себя внимание, что в декларации не упоминалось о роли и месте Советского Союза в борьбе с фашизмом, ничего не говорилось о конкретных путях ликвидации фашистских порядков и об освобождении народов из-под фашистского ига.

Важный пункт декларации, касавшийся восстановления суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем, излагался в таком виде, что позволял расценивать как захваты лишь акты агрессии со стороны фашистских держав. Именно так и толковал этот пункт Черчилль. Выступая в палате общин 9 сентября 1941 г. (кстати говоря, мне довелось лично слушать это выступление премьер-министра Англии), он сказал: «Во время встречи в Атлантике мы имели главным образом восстановление суверенитета, самоуправления и национальной жизни государств и наций Европы, находящихся сейчас под нацистским ярмом». Далее Черчилль «пояснил», что декларация не относится к «тем народам, которые связаны вассальной зависимостью с британской короной».

В целом же «Атлантическая хартия» имела положительное значение, так как способствовала объединению сил, боровшихся против фашизма. Советский народ, вся советская общественность приветствовали решения, принятые на встрече в Ардженшии. Они усматривали в них залог дальнейшей и еще более активной борьбы против гитлеровского гнета и считали, что это должно безотлагательно воплотиться в широкие практические меры против фашистских захватчиков, за полное уничтожение фашистской тирании. Вместе с тем было ясно, что принятие и опубликование их правительствами Англии и США без участия Советского Союза, несомненно, на руку тем реакционным силам, которые противились образованию антифашистской коалиции.

На общем приемлемом словесном фоне давались такие формулировки, которые в дальнейшем могли быть обращены (и действительно были обращены!) против Советского Союза в решении многих жизненно важных для нашего государства политических, территориальных и других вопросов.

Утром 15 августа снова посетили военный департамент, где вели переговоры с американскими военными по некоторым практическим вопросам взаимной информации, руководил совещанием заместитель военного министра Макклой, по отзыву Коя — «восходящая фигура».

Прежде всего была достигнута договоренность о программе осмотра советской миссией некоторых объектов. Американцы дали согласие показать нам в действии некоторые виды вооружения, несколько авиационных заводов, а также отдельные самолеты в эксплуатации. В свою очередь мы бы передали американцам некоторую информацию о танковых и механизированных войсках немецко-фашистской армии.

На этом совещании мне больше всего запомнилось, что американцы выдвинули непомерные требования в отношении той информации, которую они хотели бы получать от Советского Союза. Их интересовали многие виды советского вооружения, поступающие на фронт, не говоря уже о новом вооружении гитлеровских войск. Под благовидным предлогом подготовки к совместным боевым действиям они настойчиво добивались, чтобы им дали сведения о советских аэродромах в районе Дальнего Востока. Особенно их внимание привлекли аэродромы в районе Иркутска, Якутска и Чукотки. Естественно, что мы не могли пойти на удовлетворение этого чрезмерного любопытства.

Днем, после того как окончилось совещание в военном министерстве, у меня состоялась деловая встреча с помощниками военного атташе Бараевым и Овчинниковым, а также с Афанасьевым. Вновь выступил перед нашими сотрудниками с политической информацией и кратким обзором событий на советско-германском фронте. Помню, как все вслушивались в каждое слово, особенно когда давались оценка положения и прогнозы. Эти советские люди, находившиеся далеко за пределами Родины, живо реагировали на уверенный и бодрый тон моего выступления, выражая глубокую убежденность в успехах и победе нашего дела в борьбе с гитлеровскими оккупантами.

Сегодня ознакомился с новым важным политическим документом — посланием Рузвельта и Черчилля Сталину. «Мы воспользовались случаем, — писали лидеры двух западных государств, — который представился при обсуждении отчета г-на Гарри Гопкинса по его возвращении из Москвы, для того чтобы вместе обсудить вопрос о том, как наши две страны могут наилучшим образом помочь Вашей стране в том великодушном отпоре, который Вы оказываете нацистскому нападению. Мы в настоящее время работаем совместно над тем, чтобы снабдить Вас максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь»¹.

---

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В 2-х т. Т. 1. М., 1957. С. 16.

Далее они предлагали подготовить совещание в Москве представителей Англии, США и Советского Союза для обсуждения плана распределения общих ресурсов.

Это совещание состоялось несколько позднее, а именно 29 сентября — 1 октября 1941 г., и называлось Московская конференция 1941. Мне пришлось принять в нем участие. Конечно, оно сыграло свою роль с точки зрения объединения усилий всех государств антигитлеровской коалиции в борьбе против фашизма, что отвечало интересам советского народа, интересам свободолюбивых народов земного шара. Вместе с тем небезосновательным было опасение, что руководители США и Англии, высказываясь за проведение совещания в Москве, используют подготовительный период как повод для оттяжки решений по оказанию быстрой помощи Советскому Союзу. Дело, по всему, клонилось к тому, чтобы обоснованному требованию с нашей стороны — оказать как можно скорее помощь Советскому Союзу, сражающемуся на решающем фронте, — противопоставить интересы других фронтов (например — в Северной Африке). Насущным нуждам советско-германского фронта — противопоставить так называемую политику «более длительного периода». Как видно, имелось также в виду предъявить к нам требования и на наши ресурсы.

В то время мы были крайне озабочены медленным продвижением дела с поставками в СССР необходимых материалов и вооружения. Ведь мы несколько не сомневались, что в те месяцы и недели союзники могли сделать гораздо больше. Не дожидаясь сентябрьского совещания в Москве, уже в августе 1941 г. можно было принять ряд согласованных решений. Тем более что в это время в Вашингтоне находились Ф. Рузвельт, только что возвратившийся из Москвы Гопкинс, английский министр Бивербрук, советская военная миссия и английская закупочная комиссия.

Это и побудило нас с послом К.А. Уманским обратиться к Советскому правительству с просьбой о том, чтобы в ответе Ф. Рузвельту и У. Черчиллю на их послание обратить особое внимание руководителей союзных держав на необходимость строгого выполнения данных обещаний и уже в настоящее время направлять нам максимальное количество тех материалов (вооружения, оборудования, горючего и т.п.), в которых Советский Союз больше всего нуждался. Правительствам США и Англии были хорошо известны наши потребности. Дело было за тем, чтобы как можно быстрее удовлетворить их и направить все это туда, где решались судьбы человечества, — на советско-германский фронт.

Утром 16 августа мы сообщили в Москву об отправке морскими транспортами некоторого количества самолетов «П-40», запасных стволов к пулеметам, установленным на этих самолетах, а также горючего, авиационных бомб, алюминия, масла для самолетов, патронов и других

военных материалов. Воздушным путем направлялись в Советский Союз семнадцать авиационных механиков высокой квалификации.

С отправкой самолетов дело как будто налаживалось, чего нельзя было сказать о противотанковых и зенитных орудиях, пулеметах, броневых плитах. В американских кругах этот вопрос все «изучался», «согласовывался», но никаких практических результатов от этих согласований не ощущалось. Несмотря на это мы намерены были и дальше добиваться его решения во всех инстанциях, включая аппарат президента США. При этом не исключалась возможность новой встречи с ним.

У нас вызывало беспокойство то обстоятельство, что некоторые американские газеты продолжали открыто писать о готовившейся отправке в Советский Союз морских транспортов с истребителями и другими военными материалами. Кто-то, видимо, из близких к правительству США кругов, обеспечивал прессу необходимой информацией, а это было только на руку гитлеровской разведке.

В эти дни мы сделали заявки на разведмашины и пулеметы «Томми-Гонс». Имелась также реальная возможность заказать грузовые автомобили и тракторы. Мы согласились купить оборудование одного завода, производящего автопокрышки, оборудование которого находилось на вполне современном техническом уровне. Что касается других заводов, которые нам предлагались, то от них нам пришлось отказаться, так как их оборудование было устаревшим. По-прежнему не решался важный вопрос о станках, молотах и прессах.

Утром к послу К.А. Уманскому приходил полковник Феймонвилл, который принес перечень типов самолетов, оставшихся после Первой мировой войны. Речь шла о том, не пригодится ли нам что-нибудь из этого старья, хранение которого для США потеряло всякий смысл. Видно, даже он сам испытывал при этом неловкость, так как передавал списки с различными оговорками. Вместе с перечнем Феймонвилл вручил и справку о ценах на эти предметы вооружения, которые, помнится, были весьма высокими.

Кроме Феймонвилла, в посольстве был и У. Кой, принявший участие в завтраке и пробывший у нас в общей сложности два часа. Этот человек заслуживал внимания с нашей стороны, поскольку он хотел и мог активно участвовать в мобилизации усилий американского народа на разгром злейшего врага человечества — фашизма. Посещая советское посольство и беседуя с нами, Кой примерно так излагал суть своей позиции в этом вопросе: как любой патриот он исходит из интересов Соединенных Штатов Америки, и эти интересы в нынешнее время диктуют ему целесообразность сближения с СССР, необходимость выступать за оказание русским активной помощи, и он это делает. Кой не давил на военный депар-

тамент, его официальное положение было невысоким, но всемерно старался заинтересовать военных в деле помощи Советскому Союзу и, когда надо, подталкивал их в этом направлении. Выше говорилось, что Рузвельт возложил на Коя контроль за выполнением всеми ведомствами правительственного решения об оказании помощи СССР. И Кой, согласно поручению президента, добивался настоящего сближения между советской военной миссией и военным департаментом США, дабы не было взаимного недоверия, отчужденности и выжидания по принципу: «Посмотрим, кто даст первым, а потом уж и я». При этом У. Кой, как и многие до него, рекомендовал нам допустить военного атташе США Итона на советско-германский фронт, других американских наблюдателей на советский Дальний Восток, предоставить американцам сведения о наших аэродромах на Дальнем Востоке и в Сибири, а также некоторые данные о Красной Армии.

Для нас была важна деятельность Коя в интересах советско-американского сближения. Однако после возвращения в Вашингтон Гопкинса и Бирнса Кой перестал заниматься вопросами материальных поставок в СССР.

ЛОРД БИВЕРБРУК И «ЛЕНД-ЛИЗ»

Днем 16 августа К.А. Уманский встретился с Бивербруком. Лорд Бивербрук был могущественным газетным королем Англии. В его руках находились такие широкоизвестные органы английской печати как газеты «Дейли экспресс», «Сандэй экспресс», вечерняя газета «Ивнинг стандарт» и многие другие. Он был членом военного кабинета в правительстве Черчилля, сначала как министр авиастроения, потом — министр снабжения. Во время войны часто летал в США и, когда бывал там, фактически руководил работой английской закупочной комиссии.

Наш посол рассказал мне о позиции Бивербрука в деле решения вопросов о советских заказах в США. Все, чего мы добивались в отношении увязки наших и английских заказов — согласованного распределения английских и американских долей производства в интересах СССР, Бивербрук свел к следующему: «Из английской продукции Советскому Союзу не дадим ничего! Добивайтесь того, чтобы Англия получила в США всё и как можно больше, а уж из английской доли мы выделим вам сами». И тут же отказался закрепить это соглашением, испугавшись, что «узнают американцы». С этой позицией он и собирался в Москву на совещание представителей трех государств.

Как я понял, Бивербрук опасался, как бы советские заявки не нанесли ущерба английским заказам в США. Он считал, что американские самолеты должны поступать в Англию, а Англия будет бомбардировать Германию, оказывая этим будто бы эффективную помощь Советскому Союзу. Вообще же, по его мнению, целесообразно было, чтобы американское вооружение поступало в СССР преимущественно через Англию.

Бивербрук особенно нажимал на то, что Англия ведет боевые действия в Северной Африке. Эти действия, как он сказал, могут принять более широкий характер, и поэтому английские военные заказы в США не должны ущемляться, а Советский Союз, мол, будет получать только после расширения американского производства.

Советский посол К.А. Уманский показал беспочвенность опасений Бивербрука. Уже в то время у Соединенных Штатов имелась реальная возможность выполнить ряд советских заказов, не нарушая интересов Англии: у американской армии и флота имелись запасы, некоторую часть можно было взять из текущего производства и т.п. Вместе с тем англичане могли сами, по собственной инициативе кое-что переуступить Советскому Союзу из полученного ими от американцев вооружения. Главное — не затягивать решение текущих вопросов до намеченного Московского совещания.

Беседа Уманского и Бивербрука больших практических результатов не дала. Правда, Бивербрук обещал не препятствовать нам в получении американских истребителей, зенитных и противотанковых орудий и некоторых других видов вооружения». Что касается дальнейших бомбардировщиков, в которых мы так остро нуждались, то английская сторона ни на какие уступки не шла. Характерно, что англичане хорошо были осведомлены о советских заявках в США, в то время как нам никакой информации от англичан о том, что и сколько они заказывали в Америке, не поступало.

В беседах с нами упор делался на то, что канал помощи Советскому Союзу через Англию не вызовет противодействия со стороны американских налогоплательщиков по политическим и идеологическим мотивам, тогда как непосредственная посылка оружия Советскому Союзу может вызвать нежелательные толки и суждения. Надо сказать, что некоторые видные американские газеты подогревали общественное мнение в этом направлении. Нетрудно было видеть плохо скрытое стремление реакционных кругов США и Англии затянуть войну, дожидаться взаимного ослабления Советского Союза и Германии, а затем со своими нерастраченными силами выйти на международную арену.

На западе существует мнение, что Бивербрук во время минувшей войны хорошо относился к Советскому Союзу, много помогал нам по линии

снабжения, с самого начала являлся активным сторонником открытия второго фронта в Европе. Не берусь судить в целом о политическом лице этого видного английского деятеля. Но в ту пору, в первые месяцы войны, у меня и у моих товарищей по миссии сложилось о нем совсем иное мнение.

Автору этих строк не раз доводилось встречаться с лордом Бивербруком. В то время это был уже пожилой человек с пышной шевелюрой, выразительным и в то же время простым лицом. Во всяком случае, его внешность не соответствовала облику того стилизованного английского лорда, какого мы знаем по литературным штампам. Скорее он смахивал на купца или крупного подрядчика. Такое сравнение приходило в голову, наверное, потому, что Бивербрук был в меру полноват, достаточно подвижен, энергичен, стремителен в своих суждениях, репликах и не всегда сдержан. Одевался просто. Во время бесед проскальзывала его нетерпеливость, а порой и нетерпимость к инакомыслящим. Наши беседы проходили в довольно резких тонах, как, например, 21 августа. Визит к Бивербруку прошел не без пользы, но и без существенного практического результата. Только обещание уступить нам некоторое количество бомбардировщиков и истребителей, получаемых Англией из США, да несколько «потесниться» с американскими истребителями «Аэрокобра».

Но главное не в этом. Важно, что в вопросе о поставках Советскому Союзу Бивербрук в то время занимал крайне одностороннюю позицию. Все дело поставок вооружения из США в СССР он стремился прибрать к своим рукам, подчас напористо и грубо. Бивербрук явно хотел, чтобы не советская и американская стороны, а английская закупочная комиссия, английское правительство владели монопольным правом решать вопрос о том, давать или не давать что-либо из американского вооружения Советскому Союзу; если же давать, то как можно меньше.

По мнению английского лорда, Советской Армии надо было помочь, но не сейчас, а гораздо позднее. В данный же момент, когда в помощи нам была особая необходимость, вообще ничего не давать. Чувствовалось, что за этим скрывалось ожидание неизбежного военного крушения Советского Союза, неверие в нашу победу, убежденность в том, что мы не устоим. И Бивербрук стремился навязать свое мнение американским властям с тем, чтобы в вопросах планирования военного производства учитывались прежде всего интересы Англии и не принимались во внимание потребности Советского Союза.

Естественно, позиция советской военной миссии была диаметрально противоположна бивербрукской линии. Мы требовали, чтобы США учитывали самостоятельные интересы обоих союзных государств — СССР и Англии, чтобы поставки в СССР не обуславливались интереса-

ми Англии, чтобы в намечаемом Соединенными Штатами развертывании производства и планировании выпуска продукции учитывалось решающее значение советско-германского фронта. Мы вправе были ожидать, что потребности СССР будут удовлетворяться в большей степени не только потому, что характер и масштаб боевых действий Советской Армии ни в какое сравнение не шли с действиями английских войск на второстепенных фронтах, а главным образом потому, что от наших успехов на советско-германском фронте зависели не только существование и независимость Советского Союза, но и судьбы Англии, США, всего человечества.

В связи со сказанным о Бивербруке уместно вспомнить, что у Р. Шервуда имеется свидетельство о действительной позиции лорда Бивербрука по вопросу поставок Советскому Союзу в первые месяцы войны. Когда Бивербрук прибыл в Ардженшию, где этот вопрос неоднократно обсуждался Черчиллем и Рузвельтом, и узнал, что после обнадеживающих сообщений Гопкинса между ними теперь фактически не было споров по вопросу помощи России, в нем заговорило глубокое чувство заботы об интересах Британской империи и с ним стало трудно иметь дело¹.

День 16 августа для всех нас снова прошел крайне напряженно. До позднего вечера работали над телеграммами в Москву и лишь в полночь прибыли на дачу посольства. Все страшно устали. Настроение было неважным. Плохие сведения поступили с юга Украины. После ожесточенных боев советские войска оставили города Кировоград и Первомайск.

Проблематичной продолжала оставаться наша встреча с Г. Гопкинсом. За весь следующий день мы не получили от него ответа на просьбу встретиться с ним. Больше того, мы узнали, что он завтракал с Бивербруком. И 18 августа Гопкинс опять-таки ничего не сообщил нам. В разговоре с его представителем мы подтвердили свое желание увидеться с Гопкинсом отдельно, без участия других лиц. Последнее было необходимо оговорить, ибо на предложение нашего посла Бивербруку организовать беседу с моим участием английский лорд ответил, что рассчитывает встретиться с нами у Гопкинса. Когда же К.А. Уманский предложил организовать обед в честь Бивербрука, тот ответил, что все его время на 10 суток вперед уже расписано. У нас складывалось впечатление, что все это — и с Гопкинсом и с Бивербруком — не случайно. Много, слишком много говорило не в пользу улучшения обстановки для деятельности советской военной миссии с целью ускорения получения реальной помощи от западных союзников.

---

¹ Шервуд Р. Указ. соч. Т 1. С. 568.

Правда, небольшой шаг вперед все же сделан. Мы сумели договориться в военном министерстве о том, что нам покажут некоторые авиационные заводы, кое-что из артиллерии, а также отдельные самолеты на земле и в воздухе. Репин, Овчинников и Березин уже приступили к ознакомлению с одним из таких заводов. Мне предстояло в ближайшие дни выехать на полигоны и в некоторые воинские подразделения.

Все более нерадостные вести продолжали поступать с Родины. На всем советско-германском фронте ведутся ожесточенные бои. Совинформбюро сообщило, что после упорных боев оставлены города Николаев и Кривой Рог. Николаевские верфи взорваны. На Ленинградском фронте оставлен город Кингисепп.

ПОСТАВКИ ПО ПРИНЦИПУ — «ВОЗЬМИ ЧТО НЕГОЖЕ»

На следующий день советская военная миссия посетила генерально-го директора Управления промышленного производства Кнудсена. Это был один из крупнейших американских промышленников, миллионер и делец, придерживавшийся реакционных взглядов. В совещании со стороны американцев участвовал ряд официальных лиц. С советской стороны были К.А. Уманский, А.К. Репин, я, а также ряд товарищей из Амторга.

Много воды утекло с тех пор. Сейчас трудно воспроизвести все подробности беседы с Кнудсеном. Но хорошо помню, что эта встреча была полезной прежде всего потому, что мы добились некоторых результатов по оборудованию (обещана поставка станков на сумму свыше 5 млн долларов), сумели продвинуть вопрос об электропечах, оборудовании для двух крекинговых заводов, толуолового завода, о бронеплитах, а также обговорили ряд практических вопросов, связанных с усилением делового контакта руководителей Амторга с управлением промышленного производства США.

Правда, надо оговориться, что в предложенном Кнудсеном списке не было целого ряда очень необходимых для нас станков. Вообще же мы не были слишком уверены, что эта заявка будет реализована полностью на всю обещаемую сумму.

В ходе беседы нами был затронут важный вопрос о методе изготовления литой брони для танковой промышленности. По сравнению с прототипом этот метод являлся более прогрессивным и находил все более широкое распространение в США. В СССР знали об этом методе, но не-

смотря на неоднократные просьбы, американцы не изъявляли желания познакомить советских представителей с технологией отливки броневых плит. В последующем этот метод был хорошо освоен в Советском Союзе самостоятельно.

Весь сегодняшний вечер ушел на составление телеграфных донесений в Москву о станках, бронеплитах и других материалах, а также о целесообразности нашей поездки на совещание представителей трех государств в Москву.

В тех условиях, когда наши заявки на поставку современного вооружения удовлетворялись чрезвычайно туго, мы были вынуждены интересоваться и сравнительно устаревшими типами вооружения. Помнится, что в этой связи возник вопрос о том, чтобы закупить в Канаде несколько десятков легких бомбардировщиков. Конечно, предлагавшийся самолет был далеко не современным, но и он мог сослужить нам подсобную службу в борьбе с вермахтом.

Тогда же военный департамент США предложил нам закупить из своих старых запасов вьючные седла, рубанки, буравы, сверла, клещи, кузнечные и механические пилы, наборы шорного инструмента, наковальни кузнечные, ручные лопаты, артиллерийские двуколки и некоторое другое интендантское имущество. Об этом предложении американцев мы поставили в известность главного интенданта Советской Армии генерала А.В. Хрулева. Сейчас уже и не помню, купили мы это имущество или отказались от него.

После беседы с Кнудсенем в тот же день состоялось еще несколько важных встреч, в том числе с руководящим составом управления промышленного производства, с сенаторами и конгрессменами южных штатов, а также с рядом крупных промышленников и финансистов, занимавших видное место в американском бизнесе.

Между прочим, до нас дошли факты, свидетельствовавшие о крайней медлительности, проявленной некоторыми официальными лицами из числа американской администрации в отношении волновавших нас вопросов. Нам стало известно, например, что исполнявший обязанности государственного секретаря США С. Уэллес задержал на несколько дней передачу нашей заявки на материальные поставки и вооружение президенту Ф. Рузвельту. В свою очередь генерал Бирнс со своим аппаратом не сообщил Кнудсену наших просьб в отношении электропечей, крекинг-овых и толuoloвого заводов. Феймонвилл и Хазард из того же аппарата Бирнса не довели до одного из руководителей управления промышленного производства Бриттена списка на необходимые нам станки. Наконец, Феймонвилл и Хазард прямо-таки ввели в заблуждение руководителей Амторга, заявив, что правительство США в электропечах нам отказало.

ГАРРИ ГОПКИНС — ЗА ИЛИ ПРОТИВ?

Наша встреча с Гарри Гопкинсом состоялась только 20 августа. Этот видный американский политический деятель сыграл, как известно, определенную роль в налаживании деловых контактов между США и Советским Союзом. Еще раньше мы слышали немало положительного об его отношении к СССР и, не скрою, возлагали немало надежд на беседу с ним. Тем более что знавшие Гопкинса люди, в том числе и некоторые советские дипломаты, характеризовали его как общительного и дружелюбно настроенного к нам собеседника. Говорили, что сильно он болен и что работать ему трудно. Подчеркивали подвижность и другие его благородные качества. И вот долгожданная встреча с этим человеком. Она заняла особое место в серии наших бесед с американскими деятелями. До сих пор я не могу избавиться от весьма противоречивых впечатлений от нее.

Накануне вечером Гопкинс позвонил и сказал, что утром придет в советское посольство. Беседа состоялась в квартире советского посла за обеденным столом. Сначала нас было трое — Уманский, Гопкинс и я; позднее к нам все-таки присоединился лорд Бивербрук.

Гопкинс сразу произвел впечатление человека, убежденного, что представители советского государства должны перед ним чувствовать себя просителями, терпеливо ожидать и довольствоваться тем, что получают.

Он был откровенно недоволен тем, что в его отсутствие в США появились русские, которые не просто просят и смиренно ждут, когда выполнят их просьбу, а проявляют настойчивость, добиваются ясности в вопросах, напоминают, контролируют выполнение аппаратом обещаний президента, торопят с решением вопроса и «даже осмеливаются» в глаза высказывать свою неудовлетворенность ходом дела. Ему было явно не по душе, что мы не обивали пороги разного рода канцелярий, а нашли пути к высшим властям, в том числе и к самому президенту.

Как помню, беседа началась с рассказа Гопкинса о его полете в Москву. Почти два часа длился пространный монолог о дорожных приключениях, встречах с советскими людьми, руководителями Советского правительства.

Из его рассказа мне особенно запало, что, по мнению Гопкинса, советские представители, с которыми ему довелось встречаться, не располагают необходимой информацией и достаточными полномочиями, чтобы вести деловые разговоры с представителями иностранных государств. Поэтому, утверждал он, такие встречи не давали практических результатов. Все решалось только на самом высоком уровне. В качестве примера

он сослался на одного из специалистов в области артиллерии (это был генерал Н.Д. Яковлев, впоследствии маршал артиллерии).

Гопкинс особо подчеркивал ценность тех сведений о положении дел и наших ресурсах, которые он получил лично от И. Сталина.

Действительно, если верить официальному отчету Гопкинса о поездке в Москву (по свидетельству Р. Шервуда), Сталин дал ему довольно обширную информацию о Советской Армии и ее вооружении. Он, в частности, сообщил Гопкинсу о количестве советских дивизий на фронте и в резерве, о потенциальных возможностях увеличения числа этих дивизий. Председатель Народных Комиссаров СССР, Верховный Главнокомандующий И. Сталин дал Гопкинсу сведения о количестве имеющихся в Советском Союзе танков и самолетов, их тактико-технических данных, состоянии авиационной и танкостроительной промышленности в СССР, а также изъявил готовность передать США и Англии чертежи советских самолетов, танков и орудий. Гопкинсу были сообщены также ценные данные по гитлеровской армии.

Я не уверен, была ли у И. Сталина тогда необходимость давать все эти сведения представителю другого, хотя и дружественного нам государства. Пожалуй, если верить Гопкинсу, было сказано кое-что лишнее. Данное обстоятельство дало Гопкинеу возможность повсюду подчеркивать свою осведомленность в этой области и, в свою очередь, напирать на кажущуюся неосведомленность и некомпетентность советских представителей в вопросах, относящихся к общим стратегическим задачам и планам снабжения. Гопкинс сказал, что Сталин изложил ему потребность Советского Союза в танках, зенитных орудиях, алюминии, пулеметах, винтовках и другом вооружении, и перешел к вопросам, представлявшим для нас наибольший интерес — поставкам в Советский Союз военных материалов. Если коротко резюмировать позицию, которую он занимал по этому вопросу, то ее можно свести к следующему.

Гарри Гопкинс — правая рука президента Ф. Рузвельта, как о нем говорили, по сути был против того, чтобы осуществлять активную поставку американских военных материалов в СССР уже к осени 1941 г., т.е. тогда, когда они были нам особенно нужны. Он считал, что главные усилия надо отнести на более отдаленный период. И все вопросы, связанные с поставками в СССР, следует рассматривать не в Вашингтоне, на уровне военной миссии, а в Москве на совещании представителей правительств трех государств. Кстати, он стоял за то, чтобы это совещание провести в более поздние сроки — после выяснения положения на советско-германском фронте. При этом Гопкинс заявил, что И. Сталин будто бы придерживался той же точки зрения. Верить этим словам мы не могли, ибо Сталин, как уже отмечалось выше, инструктируя меня, требо-

вал, чтобы мы добивались как можно быстрее удовлетворения наших заявок. Когда мы попросили Гопкинса высказаться по этому поводу точнее, ему пришлось подтвердить, что глава Советского правительства действительно настаивает на ускорении поставок.

Позицию Гопкинса активно поддерживал Бивербрук. Он бездоказательно напирал на эффективность английских бомбардировок Германии, превозносил материальную помощь англичан Советскому Союзу (по сути ничтожную) и говорил, что активные поставки в СССР надо отнести на весну 1942 г.

В ходе самой беседы Гопкинс, очевидно из-за своего болезненного состояния (он страдал хроническим гепатитом), вел себя несколько нервно. Вспоминаю, когда К.А. Уманский сказал, что мы настаиваем на полной ясности в вопросе американских поставок, Гопкинс вскочил с места и раздраженно заявил, что отказывается вести с нами деловую беседу. Он, видите ли, «не терпит» слова «настаивать». Не особенно заботясь о приличии, он бросил реплику, что советская военная миссия, если хочет, вообще может уезжать домой. И хотя наш посол и даже лорд Бивербрук отнесли эту бестактность и невыдержанность в значительной степени за счет болезненного состояния Гопкинса, на меня его поведение произвело удручающее впечатление¹.

---

¹ В записной книжке Ф.И. Голиков был куда более резок в оценках: «Сегодня обрел «счастье» наконец-то улицезреть и познакомиться с «самим» мистером Гопкинсом. Сколько о нем мне говорили до того хорошего! Сколько на него возлагалось надежд! Каким исключительно теплым, дружественным, сердечным (подчеркнуто автором. — *Ред.*) и т.п. характеризовался Уманским голос этого человека при вчерашнем его телефонном разговоре с сообщением, что он приедет в посольство 20.8. Как подчеркивалось не раз, насколько болен и измучен этот человек, как ему тяжело достается жизнь, сколько в нем мученичества, подвижничества и прочего.

И вот сегодня он действительно явился и показал всем своим нутром распясавшегося фарисея, предельно зазнавшегося и зарвавшегося прихвостня большого человека, возмнившего себя не глупее и не меньше своего патрона; решившего, что мы, люди Советского государства, должны перед ним держаться и чувствовать себя просителями: молча, терпеливо ждать и быть довольными крохами с барского стола...

В общем, нужно добиваться визита к Президенту и выяснить, что это: общая линия, и Гопкинс лишь выполняет грязное дело, или гнусная позиция этого типа еще не есть государственная линия США?» — Новая и новейшая история. 2004, № 2. С. 110. — *Ред.*

Встреча с Гопкинсом не принесла тех результатов, которых мы ожидали. Личный представитель президента отклонил все наши усилия добиться американской помощи Советскому Союзу оружием в августе—октябре 1941 г., т. е. в самые тяжелые для Советской Армии месяцы борьбы, и отнес ее на сроки — не ранее весны будущего года. Правда, мы получили от Гопкинса список на размещение некоторых заказов. Однако в этом списке отсутствовали весьма важные пункты нашей заявки, в том числе по противотанковой и зенитной артиллерии, пулеметам, а также по боеприпасам. Нам надо было добиваться нового визита к президенту США, чтобы выяснить, является ли ответ и поведение Гопкинса линией правительства США, а Гопкинс — лишь исполнителем этой линии, или позиция Гопкинса — это еще не государственная линия США? Тем более, как я уже отмечал ранее, решение вопросов о поставках в СССР специально задерживалось многими ведомствами США до возвращения Г. Гопкинса из Москвы.

До встречи с Гопкинсом и Бивербруком мы еще не вполне разобрались в линии поведения некоторых официальных лиц союзных государств. Но и тогда возникло подозрение, а не проявляется ли в ней стремление реакционных кругов США и Англии затормозить помощь Советскому Союзу и выждать дальнейшее развитие событий на советско-германском фронте, рассчитывая на ослабление Советского Союза в труднейшем единоборстве с гитлеровской военной машиной. Последующие события подтвердили эти опасения, а поведение Гопкинса и Бивербрука полностью убедило нас, что мы не ошиблись.

На следующий день после этой довольно, таки резкой встречи Гопкинс позвонил по телефону из Нью-Йорка послу К.А. Уманскому и заявил: «Я вчера был дураком. Вы не сердитесь?»

Все это было, несомненно, ни больше ни меньше, как желание затушевать тенденцию на затягивание дела, так ярко прозвучавшую в его беседе с нами, смягчить остроту возникших разногласий.

Наши встречи с Гопкинсом и Бивербруком совпали с опубликованием в центральных московских газетах итогов двух месяцев войны на советско-германском фронте. Как сообщало Совинформбюро, вермахт понес большие потери в живой силе, танках, артиллерии, в самолетах и в запасах. Мировая общественность узнала, что в войне против Советского Союза немецко-фашистские войска чинили неслыханные в истории войн преступления. Гитлеровцы пытали и зверски избивали пленных раненых бойцов и командиров, истребляли тысячи мирных советских жителей, не останавливаясь перед массовыми убийствами женщин и детей. Фашистские изверги дотла разоряли советские села и города, занимались грабежом и мародерством, насиловали женщин. Гитлеровские орды предстали перед всем миром в отвратительном виде убийц и грабителей.

Два месяца военных действий между фашистской Германией и Советским Союзом показали, что гитлеровский план покончить с Советской Армией в пять-шесть недель провалился. Все более становилось очевидным, что война, начатая фашистской Германией, будет длительной, а огромные потери германской армии приближают гибель гитлеризма.

Советский народ и его вооруженные силы, героически сражаясь против коварного и жестокого врага развеяли легенду о непобедимости немецко-фашистских войск и опрокинули все расчеты гитлеровского командования. Советские люди были преисполнены неукротимой воли бороться с заклятым врагом до полной победы над ним.

В эти же дни мы получили из Генерального штаба от А.П. Панфилова свежие данные о количестве соединений в немецко-фашистской армии и их дислокации. Судя по этим данным, подавляющее большинство гитлеровских дивизий находилось на советско-германском фронте. На Западном фронте, где активных боевых действий не велось, находилась значительно меньшая их часть¹.

Так что два месяца боевых действий Советских Вооруженных Сил против гитлеровских орд, вероломно вторгшихся в пределы социалистической Родины, свидетельствовали о крахе авантюристических планов германского командования, рассчитанных на «молниеносное уничтожение» Советской Армии².

---

¹ Из общего числа 219 дивизий вермахта, 155 находилось на Восточном фронте (71%), 60 — на Западном фронте и Балканах, и 3 — на Северо-Африканском фронте. — *Ред.*

² В записной книжке Ф.И. Голиков в описании положения на советско-германском фронте был более откровенен: «Плохо на Юге (Николаев, Одесса). По немецким сообщениям, взяты в плен Понеделин, Кириллов, Музыченко». — Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 109. Названные генералы, действительно, попали в плен под Уманью. Их судьба сложилась по-разному. Генерал-лейтенант И.Н. Музыченко — командующий 6-й армией был пленен тяжело раненным. После освобождения в 1945 г. служил на командных должностях, в 1947 г. был уволен в отставку по болезни. Умер в 1970 г. Командующий 12-й армией генерал-майор П.Г. Понеделин и командир 13-го стрелкового корпуса этой же армии генерал-майор Н.К. Кириллов, попав в плен, держались там мужественно, пройдя муки тюрем и концлагерей. Тем не менее в приказе Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г. они были объявлены трусами и паникерами, добровольно сдавшимися врагу. После окончания войны оба генерала были арестованы, осуждены по сфальсифицированным обвинениям и в 1950 г. расстреляны. — *Ред.*

На следующий день после встречи с Гопкинсом, рано утром вылетел на уже знакомый Абердинский полигон для осмотра техники. На что у нас имелась договоренность с американскими военными властями. Дорога заняла около двух часов и столько же времени — ознакомление с образцами вооружения. К полудню работу закончили и после обеда вылетели обратно. К четырнадцати часам спустились на аэродроме в Вашингтоне.

День 22 августа, как и все предыдущие дни, был заполнен встречами, деловыми беседами, работой над документами. Мы получили указание из Москвы, что наше с Уманским участие в Московском совещании признано целесообразным.

В этот же день состоялась полезная беседа с английскими специалистами в области авиации Селфом и Джоном об авиационной промышленности и авиационных заказах в Соединенных Штатах Америки.

Мы получили также сообщение, что помощник президента У. Кой, в связи с возвращением в Вашингтон Г. Гопкинса и генерала Бирнса, перестал заниматься вопросами материальных поставок Советскому Союзу, что некоторое время тому назад ему было поручено президентом Ф. Рузвельтом.

На следующий день мы с К.А. Уманским были у Бирнса. В ответ на наши вопросы о поставках танков и артиллерии вновь последовало молчание. Правда, Бирнс сказал, что на днях у президента США будет рассматриваться общий список и план распределения военных материалов между Англией, Советским Союзом и Китаем.

В тот же день через государственный департамент мы получили ответ об удовлетворении нашей заявки по авиационному бензину, этилу, крекингovým заводам, толуоловому заводу, алюминиевому прокатному стану. В гораздо меньшей степени были удовлетворены заявки по поставке толуола, плохо — по бронеплитам и совсем не удовлетворены — по орудию.

В свободные минуты я с большим интересом читал книгу Д. Стейнбека «Гроздь гнева». С моей точки зрения, это прекрасная книга, которую посоветовал бы прочитать каждому, особенно молодым людям.

САБОТАЖ — КАК ФОРМА СРЫВА ПОСТАВОК

Последние дни августа были заполнены хлопотами, связанными с отправкой в Советский Союз первых полученных нами партий материа-

дов¹. В частности, в советские порты Владивосток и Нагаево направлялись танкеры с горючим. Надо сказать, что получить американские танкеры было очень трудно, сказывалась их нехватка в США в связи с передачей части тоннажа Англии. Положение было таким, что нам приходилось мириться с отправкой авиабензина в бочках, располагавшихся на сухогрузных судах, что, конечно, вызывало большие трудности и было связано с определенным риском.

Помимо горючего, надо было отправить самолеты, запасные части к моторам, авиационные бомбы и некоторые другие военные материалы. Длительные переговоры завершились предоставлением для этих целей двух судов — «Капир» и «Анверс». Мы уже радовались, что эти корабли вот-вот встанут под погрузку. Но радость наша оказалась преждевременной.

Советским сотрудникам, имевшим непосредственное отношение к организации погрузки, пришлось преодолевать много сложностей и неполадок. Выделяемые нам материалы в ряде случаев не имели полной комплектности; масса времени уходила на получение и оформление необходимой документации. Все это затягивало погрузку, отодвигало сроки доставки материалов на советско-германский фронт. Когда танкеры готовились к отправке в Нагаево и Владивосток, американские представители выражали большое опасение: а не простоят ли они там слишком долго под разгрузкой. На деле же получалось так, что американские суда простаивали не во Владивостоке, а в Нью-Йорке. И здесь, видимо, сказывалась не только и не столько нераспорядительность портовых властей.

Отношение к нам со стороны американских военных органов, в особенности военно-морского флота, было, прямо скажем, недружелюбным. Даже при наличии официальных решений высших государственных органов США нашим представителям приходилось почти повсюду, образно говоря, зубами вырывать то, что было обещано американским правительством. Особенно в первые полтора года Великой Отечественной войны — до разгрома фашистской армии под Сталинградом. Среди американских военных преобладало неверие в возможности Советского Союза противостоять гитлеровской Германии.

---

¹ Конвой доставил: самолеты (истребители «Томагавк» — 48 ед., «Хоукер Сидли» — 1), патроны (обыкновенные — 1 млн шт., крупнокалиберные — 100 тыс. шт.), магнитные мины — 800 шт., торпеды — 8 шт., бомбы — 3 тыс. шт., звукоулавливатель — 1 шт., пеленгаторную установку — 1 шт.; секретную опытную радиостанцию — 1 шт. — См.: Великая Отечественная война. Кн. 1. С. 435. — *Ред.*

И в государственном аппарате США многие военные и гражданские чиновники были настроены пронемецки.

Американские власти выделяли для перевозки грузов в Советский Союз главным образом суда различных латиноамериканских стран. Грузоподъемность этих судов и мореходные качества были низкими, команды — весьма разношерстные, что создавало благоприятную почву для работы фашистских агентов. Во второй половине 1941 г. и первой половине 1942 г. в американских морских портах и на железнодорожном транспорте было немало случаев проявления саботажа и диверсий. На подходах к портам умышленно создавались пробки с различными грузами, предназначенными для СССР. На судах возникали пожары, происходили поломки механизмов, аварии во время погрузок, сама погрузка проводилась беспорядочно, ящики с грузами часто разбивались, создавалась путаница транспортной документации. Эти и другие «неполадки» тормозили отправку из американских портов грузов для Советского Союза.

Борьба с этими трудностями осложнялась тем, что среди грузчиков, работавших на причалах Нью-Джерси, преобладали выходцы из Германии, а на Бруклинской стороне порта — из Италии. Профсоюзы грузчиков находились под руководством реакционных элементов. Грузчики немецкого и итальянского происхождения большей частью были настроены к нам враждебно.

Со стороны фирм и организаций, направлявших в наше распоряжение различные виды вооружения, оборудование и материалы, было также немало случаев недоброжелательного отношения. Например, при контрольном вскрытии подготовленных для отправки в Советский Союз ящиков в них вместе с тех или иных механизмов и материалов обнаруживали металлические чушки, стружку и т.п. На протесты со стороны советских представителей американцы отвечали: «А не все ли равно, ведь все это утонет по дороге или попадет в руки к немцам».

Советский уполномоченный по отгрузке М. Гусев рассказывал, как ему ежедневно приходилось ездить по железнодорожным станциям и портам для наблюдения за ходом погрузки и отправки судов в Советский Союз, на месте разрешать многие вопросы, возникавшие в этом важном деле.

В начале 1942 г. в порту Филадельфия на железнодорожных путях саботажники создали такую пробку из различных грузов как советских, так и других стран, что американский порт и железнодорожный транспорт оказались в беспомощном состоянии. Гусеву и его помощникам пришлось непосредственно включиться в административные функции портовых и железнодорожных властей, чтобы помочь быстрее обеспечить элементарный порядок и организованность.

Вот в какой обстановке происходила загрузка пароходов «Капир», «Анверс» и «Норд Кинг». Но как бы то ни было, в конце концов она завершилась и первый из этих пароходов 30 августа 1941 г. вышел из нью-йоркского порта в направлении Советского Союза. Вслед за ним в далекое и нелегкое плавание отправились «Норд Кинг» и «Анверс». Уже одно то радовало, что первые партии военных материалов пошли туда, где они были нужнее всего. Дело, ради которого советская военная миссия приехала в США, неуклонно двигалось вперед.

Тем временем советская военная миссия продолжала выполнять возложенные на нее задачи. В очередной встрече с генералом Бирнсом мы вновь поставили вопрос о поставке Советскому Союзу средних и легких танков, минометов, полевых орудий и другого вооружения. При этом выразили даже готовность приобрести некоторое количество гаубиц из запасов 1917 г., которые американцы предлагали нам ранее. Но как и до сих пор, очередное обсуждение вопросов у Бирнса никаких практических результатов не дало.

К этому времени мы получили сообщение за подписью Молотова о том, что срок совещания представителей трех держав в Москве неизвестен.

Как видно, подтверждалось сообщение корреспондента одной чикагской газеты о тенденции к затяжке этого совещания до конца сентября месяца.

ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ ДАЛЕЕ ОСТАВАТЬСЯ В США?

Под влиянием отяжек и проволочек у меня усилилась потребность высказать Москве наболевшие за последние пять дней вопросы: 25 августа послал телеграммы в Совет Народных Комиссаров — Сталину, в Наркомат иностранных дел — Молотову и в Генеральный штаб — Шапошникову. В этих телеграммах настоятельно просил отозвать меня на Родину и оставить на моем месте А.К. Репина. Свою просьбу я мотивировал тем, что в данной обстановке я не могу считать необходимым и оправданным находиться здесь ни в роли главы советской военной миссии, ни тем более в качестве заместителя начальника Генерального штаба Советской Армии. Действительно, работа военной миссии все больше смыкалась с повседневной деятельностью советско-американской торговой организации и закупочной комиссии. Аналогичным было и положение с «Комитетом трех», где наши интересы отстаивал посол Уманский. Я не

говорю уже о том, как хотелось мне скорее попасть в действующую армию.

Когда об этом наш посол сообщил Г. Гопкинсу, тот только развел руками, пожал плечами и не произнес ни слова. Гопкинс принимал Уманского в постели, так как снова плохо себя чувствовал. Держался дружелюбно и доброжелательно, но от обсуждения вопросов помощи нам вооружением уклонился.

26 августа американцы сообщили, что отпускают нам тысячу штук пулеметов «Томми-Гонс» с патронами. Приняли они решение и об удовлетворении нашей заявки по авиационным бомбам, но при этом в первые сроки поставлялась лишь небольшая их часть, основные же поставки растягивались на более длительное время. И здесь проявилась политика затягивания поставок.

Правда, надо сказать, что примерно в эти же дни мы получили обещание американцев поставить нам до конца 1941 г., кроме обещанных ранее самолетов, еще 84 истребителя, 1000 разведмашин Джип, 1000 ручных пулеметов «Томми-Гонс». Что касается других заявок, особенно по бронеплитам, быстрорежущей стали и твердым сплавам, то все это вновь откладывалось до совещания в Москве.

Между тем приближалось к концу мое пребывание в Соединенных Штатах Америки, так как 27 августа я получил разрешение возвратиться в Москву¹. Оставшиеся дни до моего отлета из Вашингтона прошли под знаком подготовки к возвращению домой. Состоялись последние деловые встречи. Одна из них — с адмиралом Старком, возглавлявшим военно-морской штаб США. Непродолжительная беседа касалась возможности приобретения нами некоторого количества пикирующих бомбардировщиков, летающих лодок, а также зенитных орудий, авиационных и глубинных бомб. И эта беседа по сути дела ничего не дала. Мотивировка все та же — нехватка этих видов вооружения у самих США. Оставалась лишь надежда на получение некоторого количества бомб. Характерно, что во время этой встречи руководители американского морского штаба

---

¹ В записной книжке есть текст телеграммы, накануне направленной Ф.И. Голиковым И.В. Сталину, В.М. Молотову, Б.М. Шапошникову: «Прошу вас отозвать меня отсюда на Родину. Не могу находиться в теперешнем положении и состоянии. Это не работа. В том, что сейчас здесь приходится выполнять, вполне обойдутся без меня, и я для этого не нужен.

В данных обстоятельствах не нахожу необходимости и оправданий находиться здесь ни для себя, ни тем более как для заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии, кем я сюда послан и здесь известен». — Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 112.

высказались о желательности посылки своих представителей на советско-германский фронт.

Один из последних дней своего пребывания в США я посвятил деловому свиданию с А. Гарриманом. Аверелл Гарриман входил в когорту ближайших сотрудников Рузвельта. Сначала он был представителем США в Лондоне по вопросам снабжения Англии оружием и военными материалами, координировал программу ленд-лиза, затем в 1943—1946 гг. — американским послом в Москве. В сентябре 1941 г. возглавлял делегацию США на Московском совещании трех держав. Гарриман долгое время находится на политическом горизонте Соединенных Штатов Америки, играя далеко не последнюю роль во внешнеполитической деятельности страны. Он внес полезный вклад в подписание Московского договора 1963 г. о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой.

Наша встреча с Гарриманом состоялась 30 августа 1941 г. В беседе участвовали посол К.А. Уманский и я.

Гарриман был трезвым политиком и деловым человеком, неплохо знавшим вопросы производства и снабжения. Видно было, что он хорошо понимал сложившуюся международную ситуацию, при которой в борьбе против фашизма объединились государства с различным общественно-политическим устройством. Конечно, его позиция объяснялась не симпатиями к коммунизму, а реальной оценкой обстановки, пониманием той опасности, какую представлял гитлеризм для судеб других государств, в том числе для Соединенных Штатов Америки.

Что касается состоявшегося тогда у нас разговора, то он, помнится, принял довольно напряженный, острый характер и возлагавшихся на него надежд не оправдал. Чувствовалось стремление американцев отложить решение практических вопросов по поставкам в СССР до московского совещания, а сами поставки оттянуть до весны 1942 г. Мне особенно почему-то запомнилось, что Гарриману хотелось еще до совещания в Москве договориться с англичанами, чтобы затем проводить с ними единую согласованную линию. Поэтому Гарриман и намерен был по пути в Москву побывать в Лондоне.

Остававшееся от официальных встреч время было заполнено решением целого ряда текущих дел. Состоялась обстоятельная беседа с И.М. Сараевым по некоторым вопросам его практической деятельности. Даны советы и рекомендации по работе остававшимся в Вашингтоне А.К. Репину, П.И. Барабаршикову и Л.Л. Райкову. По просьбе А.И. Микояна расследованы дела с поставкой недоброкачественных ботинок через Амторг и решен ряд других текущих вопросов. Вечером 30 августа, в связи с моим отъездом, у Сараева состоялся обед.

Конечно, самое главное и животрепещущее в те дни — это сообщения с Родины о положении на советско-германском фронте: об активных боевых действиях советских войск на Ленинградском и Центральном фронтах, а также о сражениях в нижнем течении Днепра, в ходе которых гитлеровские войска несли большие потери. Жизнь показала, что господин Нокс, военно-морской министр США, а заодно и его единомышленники, свое пари с треском проиграли!

НА ПУТИ К РОДИНЕ

1 сентября я вылетал обратно на Родину через Монреаль. До Англии меня сопровождал помощник советского военного атташе майор Бараев.

Не забыть того хорошего, теплого, дружеского отношения и внимания, какое проявили ко мне наши советские люди, находившиеся в США. Столько было высказано искренних слов, пожелания успешного, благополучного перелета буквально всеми: военными и невоенными людьми, мужчинами и женщинами.

Меня глубоко тронули и взволновали хлопоты и заботы, проявленные женами сотрудников нашего посольства — Анной Алексеевной Сарасовой, Анной Гавриловной Бараевой, Раисой Михайловной Уманской, Ниной Ивановной Матвеевой, Антониной Наумовной Сельдяковой и многими другими.

А сколько неподдельного чувства и волнения в напутственных поручениях всех товарищей — поклониться Родине, передать привет Москве, горячо заверить Центральный Комитет партии и Советское правительство в преданности и непоколебимой вере в победу нашего правого дела.

Первого же сентября мы благополучно приземлились в Монреале. На этот раз неудобств с устройством, как во время прилета из Англии, не повторилось. Однако в Монреале нам пришлось пробыть целых шесть дней. Вынужденное ожидание продолжения полета было вызвано как нелетной погодой, так и нехваткой самолетов. К тому же с отправкой самолетов проявляли осторожность из-за происшедших недавно авиационных катастроф, в которых погибло 54 человека. В числе погибших находился руководитель английской закупочной миссии в США А. Первис, с которым мы незадолго до этого встречались.

Вынужденное пребывание в Канаде использовал для встречи с военными властями, а также для осмотра некоторых предприятий и местных достопримечательностей.

2 сентября после завтрака с канадским генералом Панетом мы отправились на танковый завод. Это было старое паровозоремонтное предприятие, перешедшее на выпуск военной продукции. В день изготавливалось два танка.

На следующий день осмотрели авиационный завод, развернутый на месте маленькой мастерской авиационных фотоаппаратов. Часть материалов (мелкое литье, например) завод обеспечивал сам, но многое поставлялось из США и Англии (моторы, алюминиевые листы, винты). Вооружение на самолеты ставилось в Англии. Главное, что лимитировало рост производства на заводе, это — недостаток станочного оборудования. Завод находился в частном владении Технический штаб завода составляли 10 человек.

Авиационный завод, который мы осмотрели, считался самым крупным и лучшим в Канаде. Отношение к нам на заводе было хорошим. По цехам нас водил инженер, ведавший готовой продукцией. На заводском аэродроме находилось около 25 самолетов, которые нам охотно показали.

Затем мы побывали на заводе, выпускавшем торпедные катера. Его директорами были бывший морской офицер и бывший пилот. Завод был полностью перевезен из Англии в 1940 г.

Стоит сказать несколько слов о рабочих на заводах, которые нам довелось увидеть в Канаде, об условиях их труда.

На паровозоремонтном заводе, выпускавшем танки, мы увидели наиболее старый по возрасту и стажу состав рабочих, причем в цехах совершенно не было женщин. На авиационном и морском заводах — значительное количество женщин в возрасте от 18 до 40 лет. На авиационном заводе, например, работало 400 женщин.

Рабочий день длился 10—11 часов. Заработок женщин на заводе торпедных катеров не превышал 20 долларов в неделю, тогда как мужчины получали до 40 долларов.

Большинство из рабочих, с которыми мы встречались, проявляли к нам, советским людям, дружеское, сердечное отношение, некоторые — простое любопытство. Не бросая производства, не отвлекаясь от работы, многие приветствовали нас крепким рукопожатием, кивком головы, а то и просто улыбкой, выражали нам знаки сочувствия, доброжелательности и поддержки. Так было всюду: и в Англии, и в США, и в Канаде.

Следующий день почти целиком был заполнен поездкой по сельской местности, расположенной в 30 милях от Монреаля вверх по реке Св. Лаврентия. Сопровождал нас представитель сельскохозяйственного департамента.

Наконец 6 сентября наше длительное ожидание закончилось и утром этого дня мы вылетели с аэродрома Монреала в Англию. По пути сделали посадки в Нью-Фаундленде и Прествике. В середине дня 7 сентября прибыли в Лондон.

Последующие два дня провел в английской столице. Кстати, мне довелось присутствовать на заседании английского парламента и слушать выступление У. Черчилля, о чем я упоминал несколько выше.

Коль скоро я уже коснулся этого вопроса, то хотелось бы поделиться некоторыми впечатлениями о посещении парламента Англии. Прежде всего, я не ожидал, что зал заседаний покажется таким маленьким. Чуть выше партера возвышаются ложи. В одной из них, ближе к спикеру, расположились мы, члены советской военной миссии. Парламентарии сидели на деревянных скамьях, которые были поставлены в несколько рядов во всю ширину зала.

Небольшие размеры зала, слабая освещенность, деревянные скамьи — все это осталось от прошлых веков. И, как видно, в силу английской традиции с тех пор ничего не менялось.

По левому ряду впереди в креслах или на скамьях сидели члены английского правительства. Несколько правее их по линии общего переднего ряда скамей сидел премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. Это был уже весьма пожилой человек, довольно тучный, сгорбившийся, озабоченный.

Мне запомнилось, что среди парламентариев было несколько молодых офицеров в невысоких воинских званиях, не помню точно каких, но во всяком случае ниже подполковника. Из числа военных членов парламента при нас выступал один офицер в чине капитана. Говорил он свободно и его выступление, продолжавшееся не более 7—8 минут, было довольно критическим.

Выступал и премьер У. Черчилль. Его недолгая речь касалась «Атлантической хартии». Как писали на другой день некоторые английские газеты, Черчилль старался подчеркнуть, что Англия с момента нападения гитлеровской Германии на СССР изыскивает средства для оказания русским быстрой и эффективной помощи.

Между прочим, в день выступления Черчилля в палате общин газета «Манчестер гардиан» поместила меткую карикатуру известного художника Лоу. От имени англо-американских союзников маленький мальчик вручает букет цветов Советскому Союзу, изображенному в виде группы мужчин и женщин, ведущих ожесточенный бой с фашистами. На букете приветственные надписи: «Замечательно, браво. США», «Восхищены до глубины сердца. Англия», «Счастливой удачи!» Приветственное письмо принимает женщина с винтовкой, которая говорит: «Спасибо, товарищи!

Но лучше, если бы это было то, чем мы могли бы сражаться». Под карикатурой подпись: «Оборона Ленинграда — Лондона — Вашингтона». Символический рисунок!

Следует коротко коснуться вопроса о возможности приема советской военной миссии Черчиллем. Было бы неправильно изобразить дело так, что он не хотел принять нашу миссию. Советский посол в Англии И.М. Майский старался подготовить для этого все необходимые условия. Вопрос был предрешен, но встреча не состоялась. И главная причина — в краткости моего пребывания в Англии.

Уже в середине дня 10 сентября мы с полковником Пугачевым взлетали с Хендонского аэродрома в Лондоне для перелета в Северную Шотландию, чтобы оттуда продолжить полет на гидросамолете в Архангельск. После трехчасового полета сделали благополучную посадку на аэродроме в семи километрах от Инвергордона. Перелет был непродолжительным, но утомительным из-за сильной болтанки, особенно над шотландскими горами.

На аэродроме нас встречали начальник военно-морской базы капитан 1-го ранга Волкот, на вид ему было более 60 лет, морской офицер Криппс, в возрасте 58 лет (брат английского посла в Советском Союзе С. Криппса), причем Криппс прилично говорил по-русски. Среди встречавших были также начальник станции BBC групп-кэптен Генфельд и офицер его штаба Вулсон в возрасте 53 лет. Таким образом, все они были старше меня лет на 12—20.

Сразу же продолжить дальнейший путь на Родину нам не удалось: летающей лодки на месте не оказалось, она не прибыла из Ирландии. К тому же была плохая погода, особенно к северу. Снова пришлось ждать.

Оставшееся светлое время суток использовали для поездки по дороге вдоль залива Дорнох. По пути сделали три интересных и в то же время различных по своему характеру заезда.

Вначале мы завернули в дорожную гостиницу «Балгау Армс, Ард-Гай» в местности (уезде) Росс. Основой существования этой небольшой гостиницы в обычное время, похоже, являлись туристы и охотники. Такое впечатление сложилось потому, что коридоры и лестницы двухэтажного домика, в котором она расположена, были украшены многочисленными охотничьими трофеями и доспехами. Особенно интересны головы черных оленей — красавцев. Понравилась нам и коллекция старинной медной посуды.

Сопровождавший нас майор Криппс оказался здесь старым знакомым. Он принес с кухни, чтобы показать нам, двух граусов, на которых здесь охотятся: что-то среднее между нашим тетеревом и рябчиком.

Хозяин гостиницы, узнав, что имеет дело, да еще впервые в жизни, с русским генералом, сердечно приветствовал нас и пожелал Советской России победы в войне с фашистскими захватчиками. Он настоял, чтобы мы взяли с собой птиц, и наотрез отказался от денег.

Второй заезд — в маленький крестьянский домик на берегу залива Дорнох. Криппс вначале пошел спросить разрешения хозяев зайти к ним. Хозяева никак не хотели ему верить: откуда здесь мог взяться советский генерал?

Нас встретила хозяйка, женщина лет 50, полная и лицом и фигурой, радушная, обращением похожая на нашу русскую женщину-труженицу. Ее супруг тоже был очень радушен, и мы с ним быстро перешли на простое, дружеское обращение. Хозяин рассказал нам, что воевал солдатом против немцев в 1914—1918 гг. и был боевым союзником России.

Применяя нашу терминологию, хозяина домика можно было считать маломощным середняком. Перед нами был человек с огрубевшими мозолистыми руками, обветренным и задубевшим лицом. В момент, когда мы вошли, он занимался во дворе уборкой овса, а также готовил торф на зиму для топки. Во дворе не увидели ни одной крытой постройки.

С ними живет дочь лет 15. У гостеприимных хозяев мы пробыли минут 15—20; расстались исключительно тепло. В Англии это у меня была лучшая из встреч.

На следующий день мы вновь проезжали по дороге мимо этого крестьянского домика. К нашему удовольствию, в тот момент, когда машина поравнялась с домиком, в окнах показались хозяин, хозяйка и их дочка. Они узнали нас и приветственно помахали нам.

По предложению Криппса, мы заехали в замок контессы Кромарти. Муж хозяйки замка — полковник в отставке Мэкензи Бланд был знаком Криппсу. Криппс попросил показать нам замок и получил на это согласие.

Полковник Мэкензи-Бланд имел за плечами 82 года. Прошло уже 40 лет, как он вышел в отставку. Его супруге — контессе было 52 года. Он женился на ней 30 лет тому назад, получив в приданое огромные земельные угодья.

Именем «Кромарти» в Шотландии назывался целый район, вероятно, соответствующий нашему понятию района. Как мы узнали, Кромарти — старинная аристократическая фамилия с многочисленными предками, оставившими след в британской истории. Когда мы вошли в замок, нам бросилось в глаза, что стены увешены портретами Кромарти разных поколений.

Сам Мэкензи, несмотря на преклонный возраст, выглядел бодрым, держался прямо, довольно свободно поднимался вверх по лестницам.

Отлично слышал, все толково пояснял и сожалел, что не знает русского языка, так как «хотел бы поговорить лично» со мной.

Полковник представил нам свою дочь лет 26—28. Он хотел представить и супругу — графиню, даже послал за ней, на ее этаж. Мы ждали контессу минут пять, однако она так и не явилась под предлогом того, что была «не одета». Это весьма огорчило старого полковника и позабавило нас.

Замок расположен в огромном парке, в котором росло много больших и красивых деревьев. Из парка открывался обширный вид на залив, горы и поля. Однако на самом замке-дворце и на всем его окружающем лежала печать ветхости, запустения, захламленности. На каждом шагу было заметно, что прежней жизни в замке уже нет, а нынешней — все это не соответствует. К тому же не чувствовалось в замке семьи. Кстати, сын полковника, офицер английской армии, в это время находился в плену у немцев.

Хозяин замка оставлял нас, чтобы угостить вином, но я отказался. Уезжали мы с неприятным осадком. Уж очень разительным был контраст между этим визитом и оставшейся навсегда в памяти вчерашней теплой встречей.

Вечер 10 сентября ушел на обед и беседы с местным военным начальством. Мы говорили о ходе военных действий, причем с нашей стороны была отмечена пассивность вооруженных сил Англии в борьбе с гитлеровской Германией. Затрагивались вопросы об английских военных академиях и о службе женщин в английской армии. Обсуждали наш предстоящий полет в Архангельск.

Решили было лететь на следующий день в 16 часов по местному времени, однако Вулсон сказал: «Я тоже привык к скорейшему выполнению своих задач, но нужно помнить, что нельзя воевать против грозы». За обедом были провозглашены тосты за победу над гитлеровской Германией, за И.В. Сталина и английского короля.

На следующий день нам показали военно-морскую школу летчиков и радистов. Мы видели неплохие тренажеры, позволявшие проводить обучение в обстановке, близкой к действительности, а также просмотрели два учебных кинофильма.

После этого посетили нефтебазу, которая представляла собой комплекс примерно из 60 резервуаров емкостью по 9—12 тыс. тонн. Резервуары были обшиты кирпичом и разделены между собой земляными валами, каждый обеспечен четырьмя пеногонами. На нефтебазе имелись запасные открытые вместилища и трубопроводы на случай разрушений и аварий. Базу охранял военный караул во главе с капитаном.

Потом нас привезли в очень хороший тир авиационной станции, где удалось пострелять из малокалиберной винтовки. Стреляли при искусственном освещении на дистанцию 25 ярдов. Оба мы — полковник Пугачев и я — не ударили в грязь лицом. Сначала я из 100 возможных выбил 86, а затем 88 очков, Пугачев — 84 очка. Англичане удивились такой меткой стрельбе, наговорили нам кучу похвал, а один из них заметил: «Если бы английские солдаты стреляли так же хорошо, как стреляете Вы, генерал, то война была бы уже окончена».

Оставшееся время посветили поездке в район залива Дорнох, а затем посмотрели концерт, организованный для частей местного гарнизона. Программа дня была исчерпана, и мы собрались лететь.

Но в этот день полет не состоялся из-за крайне неблагоприятной погоды. На всем основном маршруте был сильный встречный ветер, мелкий дождь и обледенение. Министерство авиации Англии не разрешило вылет самолета — его перенесли на 14 часов 12 сентября.

Наконец, в середине дня 12 сентября вылетели из Инвергордона и взяли курс на Архангельск. Погода стояла отличная. В иллюминаторе открывался красивый вид на океан. Видели морские транспорты и сопровождавший их конвой из военных кораблей. Кучевые облака своими очертаниями напоминали силуэты кораблей. Утром следующего дня были уже в горле Белого моря. В 11 часов 15 минут по московскому времени отлично сели в Ягодниках. Нас встречали комбриг И. Григорьев и полковник М. Хлопов.

После завтрака и кратковременного отдыха на самолете «Дуглас» вылетели в Москву. По пути пересекли Рыбинское море. Оно было таким большим, что даже на самолете его пришлось преодолевать в течение 30 минут.

Здесь погода для перелета снова была неблагоприятной: очень низкая облачность, почти по всему маршруту летели на высоте ниже ста метров. Под вечер совершили посадку в Москве — на Центральном аэродроме. Из-за какой-то несогласованности на аэродроме никого не оказалось. В это время все встречавшие нас находились на другом аэродроме — за Москвой.

На этом и закончилась моя работа в качестве главы советской военной миссии в Англию и Соединенные Штаты Америки в памятные дни лета 1941 г.

***

Долго затягивали правительства Англии и США с началом предложенной ими же конференции по ленд-лизу. И затягивали не случайно. Они наблюдали со стороны за ходом гигантской битвы между гитле-

ровскими и советскими вооруженными силами. Наблюдали и выжидали результатов.

Однако результаты боевых операций и за август, и за сентябрь оказались не в пользу наших врагов. В большом Смоленском сражении немецких захватчиков постигла очень серьезная неудача. Москва оставалась недосягаемой. Советское правительство и не собиралось из нее выезжать.

Только 15 сентября делегация США двинулась в Англию, и в тот же день все прибыли в Лондон. Ее возглавлял У. Гарриман — специальный представитель Рузвельта в Лондоне по осуществлению помощи Англии на основе закона о передаче займы или в аренду вооружения.

Английскую делегацию возглавил лорд Бивербрук.

Советская делегация на совещании СССР, США и Великобритании в Москве была назначена 18 сентября. Ее возглавил заместитель Председателя Государственного Комитета Обороны и зам. Председателя СНК СССР, Народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов, а членами делегации были: Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян, В.А. Малышев, адмирал Н.Г. Кузнецов, А.И. Шахурин, генерал-полковник артиллерии Н.Д. Яковлев, М.М. Литвинов и генерал-лейтенант Ф.И. Голиков.

Английская и американская делегации прибыли в Москву 28 сентября.

28 сентября у И.В. Сталина состоялся прием лорда Бивербрука и г-на Гарримана. 29 сентября И.В. Сталин имел с ними вторую беседу.

1 октября в честь английской и американской делегаций был дан обед.

2 октября в «Правде» было опубликовано Коммюнике об окончании работ конференции. Оно было немногословным. В нем говорилось нижеследующее.

Конференция состоялась на основании совместного послания президента США Рузвельта и премьер-министра Великобритании Черчилля на имя Председателя Совета Народных комиссаров СССР Сталина и в соответствии с выраженным ими согласием, и имела своей целью, как говорится в означенном послании, решить вопрос, «как наилучшим образом помочь Советскому Союзу в том великолепном отпоре, который он оказывает фашистскому нападению», а также вопросы «о распределении общих ресурсов» и «о наилучшем использовании этих ресурсов в целях оказания наибольшей услуги их общим усилиям».

Делегации трех держав во главе с лордом Бивербруком, с г-ном Гарриманом и В.М. Молотовым проводили свою работу в атмосфере полного взаимного понимания, доверия и благожелательства. Они были воодушевлены важностью стоявшей перед ними задачи оказания поддержки героической борьбе народов Советского Союза против разбойничьей гит-

леровской Германии, от успеха борьбы с которой зависит дело возвращения свободы и независимости народам, покоренным фашистскими ордами. Они были воодушевлены возвышенностью дела избавления других народов от нацистской угрозы порабощения.

Конференция, в работах которой принял активное участие И.В. Сталин, успешно провела свою работу, вынесла важные решения в соответствии с поставленными перед нею целями и продемонстрировала полное единодушие и наличие тесного сотрудничества трех великих держав в их общих усилиях по достижению победы над заклятым врагом всех свобододлюбивых народов¹.

Таким образом, конференция работала трое суток. Как участник должен заметить, что первое время в ходе ее работы чувствовалась определенная напряженность и взаимопонимание достигалось нелегко. Английские и американские делегаты словно чего-то выжидали, очень медленно шли на предложения советской стороны, всячески старались их урезать, видоизменить, оттянуть сроки поставок. Холодность отношений, если не сказать слова — отчужденность, может быть, больше всего чувствовалась между военными. Но шаг за шагом дело улучшалось, контакт налаживался и дело завершалось успехом.

Итак, московская конференция обсудила вопрос о расширении американских и английских поставок вооружения, промышленного оборудования и продовольствия Советскому Союзу и о встречных советских поставках сырья и товаров для США и Англии. Было достигнуто соглашение об американских и английских поставках Советскому Союзу на период 1 октября 1941 г. — 30 июня 1942 г. Подписанный в Москве протокол предусматривал, что США и Англия будут ежемесячно поставлять СССР по 400 самолетов, 500 танков, зенитные и противотанковые орудия, алюминий и др. материалы, что составляло лишь незначительную часть потребностей Советского Союза. В свою очередь СССР, несмотря на напряженное военное и экономическое положение, обязался поставлять Англии и США крупные партии сырья, необходимого для военного

---

¹ Конференция представителей трех держав (Советского Союза, США, Великобритании) по вопросам поставок в СССР проходила в Москве с 29 сентября по 1 октября 1941 г. По ее итогам главы делегаций — В.М. Молотов, У. Гарриман и У. Бивербрук подписали секретный протокол о поставках с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. Характерна реакция бывшего министра иностранных дел М.М. Литвинова, занятого на переговорах в качестве переводчика. Когда протокол был подписан, он, не стесняясь присутствия И.В. Сталина и других, вскочил с места с громким восклицанием: «Теперь мы выиграем войну!». — Цит. по: Союзники в войне. 1941—1945. С. 231. — *Ред.*

производства. Тем самым предусматривалось, что помощь будет не односторонней, а двусторонней. В речи на заключительном заседании Гарриман говорил: «Лорд Бивербрук и я от имени наших Правительств подтверждаем получение от Советского Правительства крупных поставок русских сырьевых материалов, которые значительно помогут производству вооружения в наших странах»¹.

Однако достигнутое на Московской конференции соглашение содержало ряд недостатков. Во-первых, как писал И. Сталин У. Черчиллю 3 октября 1941 г., потребности военного снабжения СССР не исчерпывались «согласованными на конференции решениями, не говоря уже о том, что ряд вопросов отложен до окончательного рассмотрения и решения в Лондоне и Вашингтоне...»², во-вторых, оно охватывало небольшой период времени, что затрудняло перспективное планирование военных операций советским командованием. Тем не менее эта конференция, приняв ряд согласованных решений, сыграла положительную роль в объединении усилий союзных держав. Она показала несостоятельность расчетов гитлеровцев на международную изоляцию СССР. В противовес разбойничьему фашистскому союзу складывался могущественный фронт свободлюбивых народов, объединявшихся в борьбе против фашизма. Во главе этих сил стоял великий Советский Союз, принесший освобождение народам Европы и Азии от фашистского рабства.

ВТОРОЙ ФРОНТ — ГДЕ ЖЕ ОН? (вместо заключения)

После окончания Московской конференции представителей Англии, США и СССР по вопросу согласованных поставок вооружения и стратегических материалов для Советского Союза я мог заняться своими делами и стал добиваться назначения в действующую армию.

Тем временем фронт приблизился к Москве.

Примерно в половине октября я решил съездить на командный пункт командующего Западным фронтом. Всего лишь через три часа езды прибыл на место. Командующий Западным фронтом Г.К. Жуков, к которому я приехал, работал в состоянии крайнего напряжения. Он был чрезвычайно занят неотложными делами. Его решений и указаний прямо в ка-

---

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 155.

² Переписка... Т. 1. С. 27.

бинете ожидали многие: и работники штаба, и войсковые командиры. Телефонные звонки из войск, из Москвы, особенно из Генерального штаба, Наркомата обороны и Ставки раздавались непрерывно — здесь находился центр самого ответственного участка борьбы.

Было очевидным, насколько сложен и велик темп работы командующего фронтом, а вместе с тем, как велик ее размах, степень ответственности, накал событий и серьезность обстановки. Однако командующий работал неумолимо. Он не скрывал всей трудности положения на фронте, своей большой озабоченности в развитии событий.

В личных и телефонных разговорах он был предельно строг, крут и повелителен, не стеснялся остроты выражений и высоких нот, и это, думается, было понятно в той кризисной обстановке под Москвой.

Наш разговор с Г.К. Жуковым был недолгим — вероятно, с полчаса. Касался он в основном двух вопросов. Первый был связан с моим возвращением из США и Англии. Жукова, естественно, интересовало: «Ну, как там дела? Что они?» Я не мог ответить на эти вопросы что-либо утешительное и ободряющее. Сжато осветил положение и сделал вывод, что ждать от союзников значительной помощи в ближайшее время не придется ни в поставках, ни в проведении военных операций на Западе. Все надежды надо возлагать только на себя, однако не забывая, что сам ход гигантской борьбы, кровные интересы англичан и американцев всей логикой событий должны будут привести их к необходимости оказать в той или иной форме серьезную помощь нашему, как они выражались, «великолепному сопротивлению».

Второй вопрос касался сил противника на западном стратегическом направлении советско-германского фронта и, в частности, нацеленных на Москву.

В группе армий «Центр» гитлеровцев было сосредоточено три полевые армии (9, 4 и 2-я) и три танковые группы (3, 4 и 2-я) — всего около 75 дивизий, в том числе 14 танковых и 8 моторизованных (что составило 64% всех немецких подвижных соединений, действовавших на советско-германском фронте). На 1 октября в этих войсках насчитывалось до 1800 тыс. человек, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 1700 танков. Для поддержки наступления на Москву выделялось около 1390 самолетов.

Группе армий «Центр» противостояли армии Западного (в состав которого 10 октября вошел Резервный фронт) и Брянского фронтов, в составе которых находилось 95 соединений, многие из которых были укомплектованы не полностью, а некоторые не обладали необходимым боевым опытом и выучкой. Всего в составе двух советских фронтов насчитывалось около 1250 тыс. человек, 7600 орудий и минометов, 990 танков, до 680 самолетов. Таким образом, численный перевес был на

стороне противника, превосходившего советские войска в людях в 1,4 раза, артиллерии — в 1,8, танках — в 1,7 и самолетах — в 2 раза. На направлениях действий ударных группировок врага это превосходство оказывалось еще более значительным. Серьезное преимущество противнику давали крупные соединения бронетанковых войск, в то время как советские армии имели лишь отдельные слабо укомплектованные (в основном легкими танками) танковые бригады и батальоны. Лишь 20% советских самолетов были новых типов. Господство противника в воздухе существенно затрудняло действия наших войск.

Затем я побывал у начальника Штаба фронта В.Д. Соколовского и начальника разведотдела полковника Т.Г. Корнеева.

После этой поездки моя тяга на фронт стала просто непреодолимой. Вскоре желания и надежды осуществились. 21 октября меня вызвали в Ставку. Причину вызова, как обычно, не указали. Сразу по прибытии, кажется, в 12 часов, меня принял Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин. С ним находился начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников. Поздоровались. С минуту Сталин молчал, расхаживая по кабинету. Потом подошел вплотную и медленно, очень серьезно и негромко сказал:

— Мы знаем, что Вы стремитесь на фронт. Это верно?

— Да, это так, товарищ Сталин.

— У нас есть намерение назначить Вас командующим армией. Как Вы на это смотрите?

— Только хорошо. Полностью согласен. Спасибо за доверие.

— Тогда вопрос ясен. Считайте его решенным. С дальнейшими вопросами обратитесь к товарищу Шапошникову.

— Слушаюсь!

— Всего хорошего.

— До свидания.

Так я был назначен командующим 10-й резервной армией¹. Пока не было ни штаба, ни полевого управления армии — их надо было создавать. Девять дивизий (все резервные), включенные в состав армии, двигались в район Пензы из разных городов Московского, Орловского, Сибирского и Туркестанского военных округов. Состояние их было самое различное.

И вот начался сложный период формирования армии.

По моей просьбе Ставка срочно назначила из состава работников Генштаба заместителем командующего армией генерал-майора

---

¹ Подробно о своей деятельности в качестве командующего 10-й армией Ф.И. Голиков рассказал в книге «В Московской битве» (М., 1967). — *Ред.*

К.С. Калганова, начальником штаба генерал-майора Н.С. Дронова, начальником разведотдела майора А.Г. Колесова. 23 октября прибыли член Военного совета корпусной комиссар Т.Л. Николаев и начальник политотдела полковой комиссар И.М. Пономарев.

Мы выехали из Москвы специальным поездом. Наш состав шел быстро. Вблизи Москвы железнодорожные станции и узлы были плотно забиты составами с эвакуируемым населением, заводским оборудованием, зерном и сельскохозяйственными машинами. Все чаще глаз замечал вооруженные рабочие патрули у городов, элеваторов и железнодорожных депо, на мостах и виадуках. Всюду стояли наблюдатели за воздухом — женщины и школьники.

Кузнецк Пензенской области, где должна была формироваться наша армия, в ту пору был небольшим, малоизвестным городком. Горком партии, горисполком, жители Кузнецка встретили нас радушно. Сразу же в армию на командную и политическую работу была послана большая группа коммунистов из городского партийного актива: 118 патриотов из Кузнецкого района добровольно вступили в ее ряды.

Все местные организации и трудящиеся городов Кузнецка, Пензы, Саранска, Сызрани, Рузаевки, Инзы, Петровска, Сердобска старались помочь 10-й армии всем, чем могли: и в размещении, и в налаживании выпуска листовок и армейской газеты, и в культурном обслуживании воинов. И впоследствии, в ходе боевых действий, трудящиеся районов формирования наших соединений поддерживали с ними постоянную связь.

Первоначально предполагалось, что на формирование армии и боевую подготовку войск, возможно, будет отведено два-три месяца. Однако развитие событий на фронте показало, что рассчитывать надо на более короткий срок. Немецко-фашистские войска продолжали продвигаться в глубь советской территории. В самом центре фронта развертывалось ожесточенное сражение на дальних подступах к Москве. Постановлением Государственного Комитета Обороны с 20 октября в столице было объявлено осадное положение. Время не ждало.

Чтобы лучше приучить людей к походно-боевым условиям, все бывшие части расквартировывались в лесу. Бойцы отрывали землянки. В местах размещения соединений были подобраны учебные поля, созданы штурмовые городки и стрельбища. Войска приступили к боевой и политической подготовке.

В ноябре войска армии инспектировал К.Е. Ворошилов. Он присутствовал на учении 322-й стрелковой дивизии, проведенном мною в районе Кузнецка.

— Как можно больше внимания уделяйте преодолению танкобоязни, — советовал он, — приучайте солдат пользоваться против фашистских танков всем, чем только будет можно.

Боевая подготовка и закалка, которые мы стремились дать нашим воинам, имела положительное значение. Основным содержанием политико-воспитательной работы с личным составом являлось — крепить и множить ряды смелых, стойких, отлично владеющих оружием воинов, готовых отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села. Очень оживленно проходили политзанятия. Бойцов интересовало все — и какими людскими ресурсами располагает Германия, и скоро ли откроют второй фронт в Европе? При этом никто из них ничуть не сомневался в разгроме гитлеризма. Для большинства это являлось само собой разумеющимся, хотя страна переживала тогда наиболее трудное время.

Форсирование создания армии проходило в трудных условиях, отражавших обстановку, в которой находилась наша Родина. Осенью 1941 г., несмотря на принятые партией и правительством меры по увеличению выпуска военной продукции, Советские Вооруженные Силы продолжали испытывать недостаток в танках, самолетах, артиллерии, автоматическом оружии, боеприпасах. Экономика страны еще не перестроилась на военный лад, проводилась небывалая по размерам эвакуация промышленных предприятий из прифронтовых районов в глубокий тыл. С потерей ряда важнейших в промышленном отношении районов страны ощущалась острая нехватка самого необходимого для быстрого развертывания военного производства. Вот здесь и нужна была бы та помощь вооружением и техникой, о которой говорилось на Московском совещании. Но то были одни обещания. А пока — Советская Армия испытывала наибольшие за всю войну трудности в оснащении всеми видами вооружения, боеприпасами, средствами транспорта и связи. Из назначенных в армию девяти рот связи за весь ноябрь мы не получили ни одной. Три стрелковые и две кавалерийские дивизии не имели вовсе радиостанций...

Для чего обо всем этом я рассказываю? Для того чтобы показать, в каких трудных для страны условиях шло формирование 10-й армии.

Днем 24 ноября мне позвонил Б.М. Шапошников:

— Время пребывания Вашей армии в Кузнецке считайте законченным. Будьте готовы к началу железнодорожных перевозок.

— Когда начинать движение?

— Вам со штабом уже сегодня. Будьте готовы к действиям на Зарайск и Венев.

Откровенно говоря, я не ожидал, что на формирование и подготовку армии будет дано так мало времени — всего пятнадцать суток. Ведь три стрелковые дивизии еще совершенно не имели боевого вооружения. И так же по существу обстояло дело с вооружением обеих кавалерийских дивизий. Недоставало его и в остальных дивизиях.

Сердечно провожали на фронт войска местные организации и население. На станции и в гарнизоны приходили десятки тысяч людей с плакатами, знаменами, с музыкой. Горячие речи на митингах. Теплые напутствия у эшелонов.

В первые трое суток план железнодорожных перевозок армии полностью не выполнялся. Вместо 76 эшелонов было погружено только 24 — нет подвижного состава. В последующие дни дело стало налаживаться.

26 ноября мы с оперативной группой полевого управления прибыли под Рязань. Город был охвачен подготовкой к борьбе с врагом. На улицах находилось множество людей. Они возводили баррикады, рыли окопы, оборудовали пулеметные гнезда. Обстановка была крайне тревожной, опасной. Войска Гудериана (2-я танковая армия немцев) нанесли удар в обход Тулы, перерезав дороги на Москву, одновременно развивая наступление в направлении Каширы, Зарайска, Рязани и Рязска. 24 ноября немцы захватили Венев, Епифань и подошли к Кашире. Из одиннадцати железных дорог, ведущих из Москвы, противник перехватил уже семь. Удержание железных дорог от Москвы на Рязань и далее на юг и юго-восток было исключительно важным.

Чтобы Гудеризн не смог выйти на Москву с юга и юго-востока, не прорвался в глубь страны к Волге, нужно было скорее сосредоточить крупные силы в районах Рязани и Рязска. Это и были войска 10-й и 61-й резервных армий Ставки. Между тем на стыке Западного и Юго-Западного фронтов зияло пространство более чем в 130 км, не занятое нашими войсками.

Организовав разведку и связавшись с кем только можно, мы установили начертание линии фронта противника и примерное количество немецко-фашистских войск, действующих на рязанском направлении. Однако у нас совершенно отсутствовали данные о силах 2-й танковой армии противника в ее тактической и оперативной глубине, а также не было вполне ясного представления о положении своих соседей.

Особенно острым был вопрос о средствах усиления армии. Так, у нас не имелось танков. Не было и поддерживающей авиации.

Такова была сложная и своеобразная обстановка, в которой армия готовилась принять первый бой. Перед нами враг — умный и смелый военачальник Гудериан, создатель германских бронетанковых войск. Недалеко — столица. Одна мысль в голове и одно жожание в сердце: победить, сделать подступы к Москве могилой для гитлеровцев. Наступали решающие дни.

В конце ноября — начале декабря 1941 г. общий ход битвы за Москву достиг предельного напряжения. На полях Подмосковья шли грандиозные сражения. Советские воины стояли насмерть и наносили против-

нику тяжелый урон. Их упорное сопротивление шаг за шагом тормозило натиск врага. Силы группы армий «Центр» истощались. Потери в людях и технике все более сокращали наступательные возможности.

Тем временем Западный фронт получил из резерва Ставки три новые армии (в том числе 10-ю). Кроме того, в район столицы начали подходить еще две резервные армии. Сложилась обстановка, при которой можно и нужно было начинать контрнаступление под Москвой.

Замысел контрнаступления состоял в том, чтобы ударами войск правого и левого крыла Западного фронта во взаимодействии с Калининским и Юго-Западным фронтами разгромить ударные группировки противника, стремившиеся охватить Москву, и отбросить их от столицы. Видную роль в этом контрнаступлении предстояло сыграть 10-й армии.

Получив указание лично доложить командующему фронтом о готовности армии к наступлению, я прибыл в Перхушково на КП генерала армии Г.К. Жукова. Командующий принял меня немедленно.

Около двух часов продолжалась деловая беседа. Генерал Жуков держался просто, без натянутости, уверенно. Он казался спокойным, хотя иногда был порывист и непоседлив. Говорил твердо и был немногословен. Несмотря на сложность положения на фронте, Жукова мало кто отрывал телефоном или визитом. Человеку незнающему, наблюдающему со стороны даже могло показаться, как спокойно, размеренно, легко и просто протекает жизнь на этом КП.

Жуков подробно интересовался состоянием 10-й армии. Я просил его по возможности лучше обеспечить армию связью, транспортом, медицинским обслуживанием и особенно усилить танками, боевой авиацией и артиллерией.

Положение на фронте было трудным, и командующий твердо обещал удовлетворить лишь незначительную долю нужд армии. Г.К. Жуков отметил, что в предстоящем контрнаступлении 10-я армия будет действовать на левом крыле Западного фронта, и предупредил, что ей предстоит столкнуться с войсками из состава 2-й танковой армии Гудериана. Армия должна наносить главный удар на Михайлов, Сталиногорск (ныне Новомосковск). При этом командующий добавил, что активные действия необходимы в направлении Зарайск, Венев. Переход в контрнаступление назначен на 6 декабря, но, возможно, начнется на сутки раньше.

Времени для подготовки явно не хватало. Собственно, его не было вообще, ведь через трое суток армия уже должна была перейти в наступление, а большинство дивизий еще не прибыло — задерживала железная дорога.

К началу контрнаступления на западном направлении при общем равенстве сторон в людях противник все еще превосходил нас в артилле-

рии (1,6: 1) и в танках (1,4: 1). Все же советское командование вводом резервов сумело создать на направлениях главных ударов полуторное превосходство в личном составе, по артиллерии и танкам некоторое превосходство продолжало оставаться на стороне противника.

В 10-й армии имелась возможность создать лишь незначительные плотности: 9—10 орудий и минометов на 1 км фронта. Армии до штата не хватало 25% орудий и 75% полковых минометов. По стрелково-пулеметному вооружению нам недоставало 8 тыс. винтовок, 3500 автоматов и 1300 пулеметов.

И все же армия наступала, и довольно успешно. В ночь на 7 декабря был взят город Михайлов. 10-я моторизованная дивизия немцев понесла при этом тяжелый урон — до 500 человек убитыми. Под непосредственным впечатлением событий Гудериан отправил 8 декабря письмо в Германию, в котором, в частности, говорилось: «Русские продолжают сильно нажимать, и можно ожидать еще множества всяких неприятных инцидентов»¹.

12 декабря войска армии форсировали реку Дон и выбили противника из Новомосковска. При этом гитлеровцы потеряли до 800 человек убитыми и ранеными и много техники. А на следующий день была освобождена Епифань. И так продолжалось до выхода войск армии к концу декабря на рубеж железной дороги Вязьма—Брянск на глубину около 400 км. В ходе боев у врага было захвачено 57 танков, 31 самолет, до 500 орудий и минометов, 2500 автомашин и тракторов, большое количество стрелково-пулеметного вооружения и боеприпасов.

Обо всем этом мною подробно было написано в книге «В Московской битве», вышедшей в 1967 г. Здесь же я хотел только подчеркнуть, что, несмотря на первоначальные неудачи, вызванные внезапным нападением агрессора, Советская Армия в ожесточенных сражениях один на один с вермахтом одержала в Московской битве победу огромного исторического значения. Окончательно был похоронен гитлеровский план «блицкрига»; перед всем миром была развенчана фальшивая легенда о «непобедимости» гитлеровской Германии.

Таким образом, Советский Союз в первые, самые тяжелые месяцы Великой Отечественной войны, а затем и в период перехода Советской Армии в наступление, сражался, не получая существенной помощи со стороны своих союзников по антигитлеровской коалиции.

Англия в 1941 г. так и не открыла второго фронта в Западной Европе. У Черчилль продолжал придерживаться оборонительной стратегии,

---

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 1954. С. 249.

которой он следовал в течение минувшего года и которая сводилась к накоплению сил и оружия в настоящем и к откладыванию «большого наступления» до 1942 г., когда с помощью США Англия приобретет господство в воздухе над Германией и значительно повысит обеспеченность вооружением своей армии. Черчилль, видимо, до сих пор не был уверен, устоит ли в конечном счете Советская Армия перед вермахтом.

Точку зрения премьер-министра относительно второго фронта в Европе разделяли и английские начальники штабов, придерживавшиеся мнения, что английская стратегия предусматривает ослабление Германии с помощью воздушных, морских и экономических действий и укрепления положения Великобритании на Ближнем Востоке. Такая стратегия, по их утверждению, косвенно оказывает очень большую помощь России; прямая поддержка — это другой вопрос. С военной точки зрения, по мнению англичан, ничто, кроме того, что уже делается, не может оказать влияния на операции основных русских армий¹.

Английское руководство считало, что «всякая попытка вторжения во Францию неизбежно должна окончиться быстрой неудачей» и, не принеся никакой пользы Советскому Союзу, в то же время может «нанести тяжелый удар военному престижу и моральному состоянию Англии». В беседе с советским послом 4 сентября 1941 г. Черчилль заявил: «До зимы мы не сможем оказать вам никакой серьезной помощи — ни путем устройства второго фронта, ни путем обеспечения широкого снабжения нужными вам видами оружия. Все, что мы можем сейчас дать, это лишь капля в море»².

Английское правительство не только считало невозможным открытие второго фронта в 1941 г., но и ставило под сомнение возможность его создания в следующем, 1942 г. «Будут ли британские армии достаточно сильными для того, чтобы осуществить вторжение на Европейский континент в 1942 г., зависит от событий, которые трудно предвидеть» — писал в сентябре 1941 г. Черчилль И.В. Сталину³.

Получив отказ английского правительства относительно открытия второго фронта в Европе, Советское правительство больше не настаивало на решении этого вопроса в последующие, тяжелые для Советской страны осенние месяцы 1941 г. Оно не поднимало его ни во время конферен-

---

¹ См.: Woodward Z. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1971. Vol. 2 P. 15.

² АВП СССР.

³ Переписка..., Т. 1. С. 30—31.

ции трех держав — СССР, Англии и США — в конце сентября — начале октября 1941 г., ни во время визита английского министра иностранных дел А. Идена в СССР в середине декабря 1941 г.

Советские предложения об открытии второго фронта в Европе в 1941 г. правительства западных держав, а позднее и многие буржуазные исследователи пытались расценивать как необоснованные и нереальные. Однако это не так, что признается и рядом видных западных специалистов. Например, американский публицист Р. Шервуд, тесно сотрудничавший во время войны с Ф. Рузвельтом и Г. Гопкинсом, пишет в своей книге о мнении лорда Бивербрука в пользу открытия второго фронта в 1941 г., которое он изложил английскому военному кабинету после возвращения с Московской конференции. Бивербрук утверждал, что Англия может помочь Советскому Союзу, если она пожертвует своими долгосрочными проектами и общей военной концепцией¹. Мнение Бивербрука представляет бесспорный интерес, так как, будучи членом военного кабинета, занимая пост министра снабжения, он в достаточной степени мог оценить военную обстановку и возможности Великобритании. Следует иметь в виду, что в 1941 г. речь шла о проведении на европейском континенте операций ограниченных масштабов против Германии. Эти операции были возможны и явились бы реальной помощью СССР.

Таким образом, в вопросе второго фронта в Европе в 1941 г. нашли отражение две противоположные политические концепции ведения войны, которые в полной мере проявились позднее.

С одной стороны, Советский Союз с самого начала выступал за эффективное использование всех сил, способных нанести как можно скорее сокрушительные удары по общему врагу — гитлеровской Германии, и видел во втором фронте средство улучшить военное положение всех участников антигитлеровской коалиции.

С другой стороны, правительства Англии и США, намереваясь сбросить свои силы и переложить основное бремя войны на СССР, всячески оттягивали введение в действие главных людских и материальных ресурсов на Западе Европы. Помощь, которую они начали оказывать Советскому Союзу с осени 1941 г., была незначительна и далеко не соответствовала огромному вкладу советского народа в войну против общего врага. Руководствуясь планами достижения господствующего положения в мире после войны, английские и американские правящие круги стремились ослабить в конечном счете как своих империалистических соперников и конкурентов — Германию, Италию и Японию, так и свое-

---

¹ Шервуд Р. Указ. соч. Т. 1. С. 612.

го союзника в борьбе с фашизмом — Советское социалистическое государство.

После разгрома немцев под Москвой и срыва гитлеровских планов «блицкрига» Советский Союз по-прежнему был заинтересован в открытии западными союзниками второго фронта. Высадка союзных войск на европейском континенте и проведение совместных действий против фашистской Германии закрепили бы победу, одержанную Советской Армией зимой 1941 г., помогли бы добиться уже в 1942 г. перелома в войне и не позволили бы немецкому командованию подготовиться к новому наступлению на советско-германском фронте.

Однако в отличие от Советского правительства, как об этом свидетельствует решение Вашингтонской конференции (декабрь 1941 г. — январь 1942 г.), правительства Англии и США считали, что решающим годом в войне против Германии должен стать не 1942 г., а 1943 г., и вести серьезные боевые действия против гитлеровской Германии они не собирались. Таким образом, в ожесточенной борьбе против основных сил фашистской Германии Советский Союз, как и прежде, вынужден был полагаться только на собственные силы.

Между тем союзники имели реальные возможности в отношении вторжения в Западную Европу весной 1942 г. В это время в США находилась почти полутораmillionная армия. Кроме этого, в Великобритании также имелась двухmillionная армия. Таким образом, союзники могли бы высадить хотя бы полmillionа в Голландии, Бельгии, Франции или в Норвегии. Транспортные средства за два с половиной месяца при желании можно было бы подготовить. Если имелись средства для переброски войск на Ближний Восток, на север Ирландии и в Мурманск, как Рузвельт предлагал, то почему бы не использовать эти средства для более серьезной цели?

После разгрома гитлеровских войск под Москвой борьба общественности Англии за оказание максимальной помощи Советскому Союзу и открытие второго фронта усилилась, она начала принимать массовый характер, объединять широкие слои населения. За решительные военные действия против Германии выступали и некоторые государственные и политические деятели Великобритании.

Настроения в пользу открытия второго фронта были настолько сильны и популярны в Англии, что Черчилль вынужден был в речи по радио 10 мая 1942 г. «приветствовать воинствующий, наступательный дух английской нации...». Но, «приветствуя» этот дух, Черчилль по-прежнему вел линию на затяжку открытия второго фронта.

Не менее активными были выступления за скорейшее создание второго фронта и в США. Во главе этого движения стояла Коммунистичес-

кая партия Соединенных Штатов Америки. В поддержку вторжения в Европу выступила и значительная часть американской печати.

В таких условиях правительствам Англии и США становилось все труднее лавировать и уходить от прямого ответа на вопрос об открытии второго фронта. Но дальше деклараций дело тогда существенно так и не продвинулось.

Вопрос об открытии второго фронта стал пробным камнем искренности и действительной готовности западных союзников оказать эффективную помощь Советскому Союзу в его борьбе с фашистским блоком. Испытывая одновременно давление как со стороны СССР, так и широкой демократической общественности в собственных странах, правительства западных держав неоднократно давали обещания Советскому правительству организовать высадку союзных войск в Западной Европе и в 1942 г. и в 1943 г., однако на деле затягивали открытие второго фронта, который мог бы явиться существенной помощью Советскому Союзу в наиболее критические периоды войны и несомненно намного ускорил бы ее окончание.

Буржуазные историки пытаются оправдать политику западных держав и всячески затушевать действительные политические причины затягивания открытия второго фронта. Основная версия состоит в том, что западные союзники в 1941—1943 гг. не располагали-де необходимым количеством вооруженных сил и транспортных средств для успешного вторжения в Западную Европу через Ла-Манш. Американские историки, особенно в последние годы, выступают также с утверждениями, что США якобы прилагали все усилия к своевременному открытию второго фронта, но этому препятствовали английский премьер-министр У. Черчилль и его военное окружение.

Советские историки в многочисленных фундаментальных трудах раскрыли действительные трудности и препятствия, которые создавались правящими кругами Англии и США в решении этой проблемы, и показали, что общая военно-политическая обстановка, и в первую очередь сосредоточение основных сил фашистской Германии на советско-германском фронте, состояние военно-экономической базы и вооруженных сил США и Англии создавали реальные возможности для открытия второго фронта значительно раньше, чем это произошло в действительности.

Вторая мировая война продолжалась шесть лет. Вооруженная борьба за это время велась на различных театрах военных действий. С июня 1941 г. главным фронтом войны в Европе становится советско-германский фронт. Таковым оставался он на всем ее протяжении вплоть до 9 мая 1945 г. — Дня Победы. Почти четыре года на советско-германском фрон-

те велись ожесточенные сражения, в ходе которых Советская Армия разгромила основные силы фашистского агрессора, отстояла честь и свободу Советского государства, спасла народы мира от угрозы фашистского порабощения.

Был и второй фронт, открытый в июне 1944 г. высадкой войск союзников на северо-западе Франции. По своей роли он стал действительно вторым, ибо был открыт через три года после нападения гитлеровской Германии на СССР, после того как Вооруженные Силы Советского Союза остановили нашествие агрессора, осуществили коренной перелом во Второй мировой войне и создали условия для окончательного разгрома врага.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Слово об идее книги и ее авторах <i>Ю. В. Рубцов</i>	3

В.А. Анфилов
КРЕСТНЫЙ ПУТЬ
К «БЕЛОСНЕЖНЫМ ПОЛЯМ ПОД МОСКВОЙ»

Глава I	
ВЗЛЕТ КРАСНОЙ АРМИИ	20
1. СТРОИТЕЛЬСТВО АРМИИ И ЕЕ ЦЕЛИ	20
2. ПОДГОТОВКА КАДРОВ	40
Глава II	
КРУШЕНИЕ	55
1. ОБЕЗГЛАВЛИВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ	55
2. РАЗВАЛ И ЗАБВЕНИЕ	76
Глава III	
КРОВАВОЕ ПРОЗРЕНИЕ	91
1. УРОКИ ВОЙНЫ С ФИНЛЯНДИЕЙ	91
2. ВОЗВРАТ К ПРОШЛОМУ	110
3. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	131
Глава IV	
РОКОВОЙ ПРОСЧЕТ	171
1. ПЛАНИРОВАНИЕ ВОЙНЫ	171
2. ИНФОРМАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ	196
3. НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ	213
Глава V	
НА ГРАНИ КАТАСТРОФЫ	238
1. 22 ИЮНЯ. ВТОРЖЕНИЕ	238
2. РАЗГРОМ ЗАПАДНОГО ФРОНТА	263
3. ПОСЛЕДСТВИЯ	302
Глава VI	
ПРОВАЛ ПЛАНА «БАРБАРОССА»	315
1. ВСЕ ВНИМАНИЕ — МОСКВЕ	315
2. «ТАЙФУН» УКРОЩЕН	356

Ф.И. Голиков
С ВОЕННОЙ МИССИЕЙ В АНГЛИИ
И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ. 1941 г.
(Правда о ленд-лизе и втором фронте)

В ТЯЖЕЛУЮ ГОДИНУ	378
В РОЛИ ДИПЛОМАТА	383
ВНОВЬ В ЛОНДОНЕ ПО ПУТИ В США	399
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ — ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ	407
ТАКТИКА ПРОВОЛОЧЕК В ДЕЙСТВИИ	413
ПОМОЖЕТ ЛИ ПРЕЗИДЕНТ?	429
В КОРИДОРАХ ВЛАСТИ ВАШИНГТОНА	436
«КОМИТЕТ ТРЕХ» И ПРОБЛЕМА ВОЕННЫХ ПОСТАВОК В СССР	442
ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЕЛОВЫХ ВСТРЕЧ И КОНТАКТОВ	448
ИЗОЛЯЦИОНИЗМ ИЛИ СОЛИДАРНОСТЬ В БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ?	454
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЕ ИТОГИ	457
«АТЛАНТИЧЕСКАЯ ХАРТИЯ» — ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?	464
ЛОРД БИВЕРБРУК И «ЛЕНД-ЛИЗ»	469
ПОСТАВКИ ПО ПРИНЦИПУ — «ЧТО БОЖЕ НЕГОЖЕ»	473
ГАРРИ ГОПКИНС — ЗА ИЛИ ПРОТИВ?	475
САБОТАЖ — КАК ФОРМА СРЫВА ПОСТАВОК	480
ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ ДАЛЕЕ ОСТАВАТЬСЯ В США?	483
НА ПУТИ К РОДИНЕ	486
ВТОРОЙ ФРОНТ — ГДЕ ЖЕ ОН? (вместо заключения)	495

Анфилов В.А., Голиков Ф.И.

А73 Загадка 1941 года. О войне под разными ракурсами / В.А. Анфилов, Ф.И. Голиков — М.: Вече, 2005. — 512 с. : ил. — (Военные тайны XX века)

ISBN 5-9533-0287-8

У этой книги, посвященной драматическим событиям лета-осени 1941 года, два автора — Маршал Советского Союза Ф.И. Голиков и доктор исторических наук, профессор В.А. Анфилов. До ноября 1941 г. Ф.И. Голиков находился в должности начальника Разведупра Генштаба РККА; в дни Московской битвы он командующий 10-й армией Западного фронта и 4-й Ударной армией Калининского фронта. Полковник В.А. Анфилов — активный участник Великой Отечественной войны, автор ряда военно-исторических трудов. Объединение работ двух авторов, написанных в разных жанрах — строго научном, исследовательском (Анфилов) и мемуарном (Голиков) — дало новое качество. Читатель, особенно молодой, получил редкую возможность комплексно взглянуть на историю нашей страны в один из тяжелейших периодов ее истории, завершившийся победой Красной Армии под Москвой.

ББК 63.3(2)622.11

Научно-популярное издание

Военные тайны XX века

Анфилов Виктор Александрович, Голиков Филипп Иванович

**ЗАГАДКА 1941 года
О войне под разными ракурсами**

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Корректор *Б.С. Тумян*

Верстка *И.В. Резникова*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, д. 24.

Гигиенический сертификат

№77.99.02.953.П.001857.12.03 от 08.12.2003 г.

Подписано в печать 28.03.2005. Формат 84x108 1/32
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 16,0. Тираж 5 000 экз. Заказ № 620.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109 .